Ладлэм Роберт, Ластбадер Эрик Ван

Предательство Борна

Памяти Адама Холла (Эллестона Тревора), литературного наставника

Пролог

Ревя двигателями, «Чинук» карабкался вверх в кроваво-красное небо. Большой вертолет сильно трясло в турбулентных завихрениях, особенно опасных на большой высоте, в разреженном воздухе. Паутина облаков, подсвеченных сзади угасающим солнцем, быстро проплывала мимо, словно шлейф дыма, оставленный горящим самолетом.

Мартин Линдрос прильнул к иллюминатору боевого вертолета, который поднимал его к самой высокой точке горного хребта Сымен. Хотя ему вот уже четыре года не приходилось заниматься оперативной работой – с тех пор как Старик назначил его своим ближайшим помощником, первым заместителем директора ЦРУ, – Линдрос тщательно следил за тем, чтобы не растерять былые навыки. Не меньше трех раз в неделю он по утрам занимался на полосе препятствий в учебном центре управления в Квантико, а по четвергам в десять вечера смывал усталость однообразного изучения отчетов и утверждения планов операций, проводя полтора часа на стрельбище, где практиковался со всеми образцами стрелкового оружия всех стран мира, как со стоящими на вооружении, так и с новейшими разработками. Все это позволяло ему хоть как-то приглушить ощущение того, что он остался не у дел. Однако все это изменилось, когда Старик одобрил предложенный Линдросом план создания «Тифона».

В отсек военного «Чинука», переоснащенного в соответствии с требованиями ЦРУ, проник пронзительный скорбный вой. Линдроса тронул за плечо Андерс, командир «Скорпиона-1», группы из пяти оперативников. Линдрос обернулся. Выглянув в иллюминатор, он увидел сквозь разрывы в облаках северный склон Рас-Дашана, терзаемый свирепыми ветрами. Определенно, в этой горе высотой четыре с половиной тысячи метров, высочайшей вершине хребта Сымен, было что-то зловещее. Возможно, все дело в местных преданиях, с которыми ознакомился Линдрос, – преданиях о духах, древних и злобных, якобы живущих на вершине.

Завывание ветра усилилось до рева, словно гора пыталась оторваться от корней.

Пора.

Кивнув, Линдрос направился вперед, к пилотской кабине, где сидел в кресле надежно пристегнутый ремнями летчик. Заместителю директора было лет под сорок. Рослый светловолосый выпускник университета Брауна, он был приглашен на работу в ЦРУ, еще когда оканчивал аспирантуру Джорджтаунского университета по специальности «Международные отношения». Умный, проницательный и бесконечно преданный делу, Линдрос идеально подходил на должность заместителя директора Центрального разведывательного управления. Согнувшись пополам, чтобы его было слышно сквозь рев двигателей, Линдрос сообщил летчику точные координаты места посадки, которые, из соображений безопасности, до самого последнего момента держал при себе.

Операция продолжалась всего чуть больше трех недель. За это время Линдрос уже потерял двух человек. Жуткая цена. «Допустимые потери», – сказал бы Старик, и Линдросу, для того чтобы добиться успеха, требовалось заставить себя мыслить такими же категориями. Однако как оценить человеческую жизнь? Этот вопрос Линдрос часто обсуждал с Джейсоном Борном, но им так и не удалось найти приемлемый ответ. Сам Линдрос втайне считал, что это один из тех вопросов, на которые приемлемого ответа не существует.

И все же, когда агентам приходилось действовать в боевой обстановке, все это принимало совершенно другой оборот. С «допустимыми потерями» приходилось мириться. И с этим ничего нельзя поделать. Так что – да, гибель этих двоих агентов нужно принимать, потому что в ходе операции получили подтверждение слухи о том, что некая террористическая организация, действующая где-то в районе Африканского рога, заполучила в свои руки целый ящик возбуждаемых искровых разрядов (ВИРов). ВИРы – это небольшие, очень мощные переключатели, которые используются для коммутации огромных напряжений; по сути дела, это высокотехнологичные предохранительные клапаны, защищающие такие электронные компоненты, как микроволновые трубки и медицинские измерительные приборы. Кроме того, ВИРы используются для приведение в действие ядерной бомбы.

Начав в Кейптауне, Линдрос шел по запутанному следу, ведущему из Ботсваны в Замбию и далее через Уганду в Амбикаву, крохотную эфиопскую деревушку – горстка домов, церковь и питейное заведение, – затерявшуюся среди альпийских лугов на склоне горы Рас-Дашан. Там ему удалось получить один из ВИРов, который он немедленно специальным курьером отправил Старику.

И тут произошло нечто – нечто совершенно неожиданное, пугающее, жуткое. В убогом питейном заведении с земляным полом, покрытым слоем навоза и спекшейся крови, Линдрос услышал рассказ о том, что

террористическая организация переправляет из Эфиопии не только ВИРы. И если этот рассказ соответствовал истине, из него вытекали ужасающие последствия не только для Америки, но и для всего мира, так как он означал, что в распоряжении террористов есть инструмент, с помощью которого они могут низвергнуть в кошмар весь земной шар.

Через семь минут «Чинук» совершил посадку в эпицентре пылевой бури, поднятой собственными несущими винтами. Маленькое плато оказалось совершенно пустынным. Прямо впереди возвышалась древняя каменная стена – согласно местным преданиям, врата в жуткую обитель демонов, поселившихся за ней. Линдрос знал, что за проломом в полуразвалившейся стене начинается крутая, чуть ли не отвесная тропа, ведущая к огромному каменному поясу, надежно охраняющему вершину Рас-Дашана.

Линдрос и бойцы «Скорпиона-1» быстро спрыгнули на землю. В вертолете остался один только летчик. Двигатели продолжали работать на холостых оборотах, громадные лопасти несущих винтов медленно вращались. У всех глаза закрыты очками-консервами, защищающими от вихрящейся пыли и града мелких камешков, поднятых в воздух приземлившимся вертолетом, около губ крохотные беспроводные микрофоны и засунутые в ухо наушники, упрощающие общение среди рева двигателей. Каждый вооружен облегченной автоматической винтовкой «Экс-эм-8», способной выпустить в минуту семьсот пятьдесят пуль.

Линдрос первым двинулся по неровной поверхности плато. Напротив каменной стены возвышалась неприступная скала, в которой зияло черное отверстие входа в пещеру. Все остальное вокруг было бурым, рыжим, ржаво-красным – дьявольский ландшафт чужой негостеприимной планеты, дорога в ад.

Андерс расставил своих людей в боевом порядке: сначала они проверили наиболее вероятные места устройства засады, затем рассредоточились по периметру, готовые к обороне. Двое подошли к каменной стене и осмотрели, что скрывается с противоположной стороны. Другие двое направились к пещере: один остался у входа, другой убедился, что внутри никого нет.

Ветер, который начинал зарождаться над устремившейся ввысь вершиной, нещадно терзал открытое место, забираясь под одежду. Скалы или обрывались отвесно вниз, или возвышались вокруг, зловещие, могучие, обнаженные, в разреженном воздухе высокогорья кажущиеся еще более грозными. Линдрос задержался у кострища, которое тотчас же заинтересовало его.

Андерс, не отходящий от него, внимательно следил за сообщениями своих людей, как и подобает хорошему командиру. За каменной стеной никого. Андерс встрепенулся, услышав доклад второй группы.

– В пещере труп, – доложил Линдросу командир. – Получил пулю в голову. Убит наповал. Кроме него, вокруг все чисто.

Линдрос услышал в ухе голос Андерса.

– Мы начнем вот здесь, – сказал он, указывая на кострище. – Единственный след человека, оставленный в этом проклятом богом месте.

Они присели на корточки. Андерс поворошил угли и золу затянутой в перчатку рукой.

– Тут небольшое углубление. – Командир разгреб угли. – Видите? Дно затвердело от огня. Это означает, что здесь горел не один костер. Вероятно, на протяжении последних месяцев, а то и целого года здесь их разжигали постоянно.

Кивнув, Линдрос поднял вверх большие пальцы.

– Похоже, мы попали туда, куда нужно.

Его охватила тревога. Становилось все более очевидно, что услышанный им рассказ соответствует истине. Вопреки всему, Линдрос до последнего надеялся, что это лишь выдумки, слухи, что он поднимется сюда и ничего не найдет. Потому что любой другой исход был просто немыслим.

Достав из подсумка на поясе два прибора, Линдрос включил их и поднес к кострищу. Одним из этих приборов был детектор альфа-частиц, другим – счетчик Гейгера. Он искал сочетание альфа- и гамма-излучений, надеясь их не обнаружить.

Оба прибора над кострищем ничего не зарегистрировали.

Линдрос продолжал искать. Используя кострище в качестве центра, он двигался концентрическими кругами, не отрывая взгляда от приборов. На третьем круге, метрах в ста от кострища детектор альфа-частиц ожил.

– Проклятие! – выругался себе под нос Линдрос.

– Нашли что-нибудь? – спросил Андерс.

Линдрос сдвинулся с радиуса, и детектор альфа-частиц тотчас же умолк. Счетчик Гейгера тоже продолжал хранить молчание. Ладно, это уже хоть что-то. На такой высоте альфа-излучение может исходить от чего угодно, в том числе и от самой горы.

Линдрос вернулся в ту точку, где детектор зафиксировал альфа-излучение. Подняв взгляд, он увидел, что находится прямо напротив входа в пещеру. Линдрос медленно направился к нему. Показания детектора альфа-частиц оставались постоянными. Затем, метрах в двадцати от входа в пещеру, они стремительно рванули вверх. Остановившись, Линдрос вытер с верхней губы капельки пота. О господи, он только что был вынужден признать, что в крышку гроба земного шара вколочен еще один гвоздь. И все же – пока что *гамма-излучения нет*. «Гамма-излучения пока что нет», – пытался успокоить себя Линдрос. Это хоть что-то. За эту надежду он держался еще двенадцать метров. Затем ожил и счетчик Гейгера.

О господи, гамма-излучение в сочетании с альфа-частицами. Именно та сигнатура, которую так надеялся не обнаружить Линдрос. Он почувствовал, как по спине побежала струйка пота. Холодного пота. Ничего подобного Линдрос не ощущал с тех самых пор, как впервые на оперативной работе убил человека. В рукопашной схватке, лицом к лицу, полный отчаянной решимости, как и его противник, прилагавший все силы, чтобы убить его. Подчиняясь инстинкту самосохранения.

– Свет. – Линдрос с огромным трудом выдавил это слово. Его голосовые связки застыли в смертельном ужасе. – Мне нужно осмотреть труп.

Кивнув, Андерс отдал распоряжение Брику, бойцу, который первым осмотрел пещеру. Тот зажег ксеноновый фонарь. Втроем они вошли в полумрак.

Неровный каменный пол пещеры не был покрыт ни опавшей листвой, ни слоем органического грунта. Массивные своды, казалось, физически давили сверху. Линдрос вспомнил то ощущение удушья, которое испытал, когда впервые вошел в гробницу фараона в недрах пирамиды под Каиром.

Яркий луч ксенонового фонаря играл на голых каменных стенах. В этом унылом окружении труп выглядел чем-то само собой разумеющимся. Брик перевел луч света, разгоняя тени. В неестественном пятне ксенонового света труп казался начисто лишенным живых красок: не человеческие останки, а зомби из фильма ужасов. Он лежал в позе полного умиротворения, словно отдыхал, но это ощущение опровергало аккуратное входное пулевое отверстие посреди лба. Лицо было отвернуто в сторону, словно убитый хотел оставаться в темноте.

– Это не самоубийство, тут никаких вопросов быть не может, – Андерс высказал вслух то, что явилось отправной точкой размышлений Линдроса. – Самоубийцы выбирают что-нибудь попроще: самый распространенный случай – пуля в рот. Этого человека убил профессионал.

– Но почему? – отрешенным тоном спросил Линдрос.

Командир пожал плечами:

– Имея дело с этими людьми, это может быть любая из тысячи…

– Назад, черт побери!

Линдрос заорал в микрофон так громко, что Брик, который медленно приближался к трупу, испуганно отскочил назад.

– Прошу прощения, сэр, – виновато произнес он. – Я просто хотел показать вам кое-что странное.

– Посвети фонариком, – распорядился Линдрос.

Но он уже догадался, что его ждет. Как только они вошли в пещеру, стрелки обоих детекторов принялись выделывать пугающую пляску.

«О господи, – подумал заместитель директора. – О господи…»

Труп принадлежал необычайно тощему и очень молодому парню, которому не исполнилось еще и двадцати. Можно ли сказать, что у него семитские черты лица? Вряд ли, но определить это наверняка было практически невозможно из-за…

– Матерь божья!

Теперь это увидел и Андерс. У трупа отсутствовал нос. Вся середина его лица была словно съедена. Отвратительная рана чернела свернувшейся кровью, которая медленно вытекала, пенясь, словно тело еще продолжало жить. Словно что-то пожирало его изнутри.

«На самом деле, – подумал Линдрос, чувствуя подкатывающую к горлу тошноту, – именно это и происходит».

– Черт побери, что это может быть? – хрипло произнес Андерс. – Токсин, разлагающий ткани? Вирус?

Линдрос повернулся к Брику:

– Ты прикасался к трупу? Отвечай, ты к нему прикасался?

– Нет, я только… – опешил тот. – Я что, заразился?

– Господин заместитель директора, прошу прощения, сэр, но в какую чертовщину вы нас втянули? Я привык во время совершенно секретных операций оставаться в полном неведении, но в данном случае, по-моему, это уже переходит всякие границы.

Опустившись на колено, Линдрос открутил крышку небольшого металлического контейнера и пальцем затянутой в перчатку руки

соскоблил с камня рядом с трупом немного грязи. Крепко завинтив крышку, он поднялся на ноги.

– Нам нужно уходить отсюда, – сказал он, глядя прямо в глаза Андерсу.

– Господин заместитель директора…

– Не беспокойся, Брик. С тобой все будет в порядке, – решительным тоном, не допускающим возражений, остановил его Линдрос. – Все, больше ни слова. Уходим.

Когда они достигли выхода из пещеры и оказались среди голых кроваво-красных скал, залитых клонящимся к закату солнцем, Линдрос произнес в микрофон:

– Андерс, с этой минуты в пещеру ни шагу. Передай этот приказ всем своим людям. Чтобы даже не вздумали ходить туда мочиться. Это понятно?

Командир заколебался. У него на лице явственно отразились ярость и забота о своих людях. Наконец он словно мысленно пожал плечами.

– Так точно, сэр.

Следующие десять минут Линдрос потратил на то, чтобы обойти маленькое плато с детектором и счетчиком Гейгера. Ему очень хотелось понять, каким образом сюда попало радиоактивное заражение – какой дорогой пришли сюда люди, принесшие его. Не было смысла искать, каким путем они отсюда ушли. Убийство парня без носа красноречиво свидетельствовало о том, что остальные члены группы узнали об утечке радиации – причем самым жутким образом. Несомненно, они герметично укупорили свою ношу перед тем, как тронуться дальше. Но теперь удача отвернулась от Линдроса. Вдали от пещеры следы альфа- и гамма-излучения полностью отсутствовали. Не осталось даже слабого намека на след, по которому можно было бы идти.

Наконец он вернулся к Андерсу.

– Командир, уходим отсюда.

– Ребята, вы все слышали! – крикнул Андерс, трусцой направляясь к ожидающему вертолету. – Мальчики, по коням!

– Ва'и, – сказал Фади. «Он знает».

– Не может такого быть, – возразил стоявший рядом Аббуд ибн Азиз.

Пригибаясь, они прятались за камнями на вершине высокой скалы, которая возвышалась метров на триста над плато, – передовой отряд группы из двадцати человек, притаившихся у них за спиной.

– Вот в эту штуку мне все видно. Произошла утечка.

– Почему нас не известили?

Ответа не последовало. В этом не было необходимости. Им ни о чем не сообщили из чувства животного страха. Фади, узнай он правду, перебил бы всех – всех до одного носильщиков-амхарцев. Такова расплата за абсолютный страх.

Фади, поднеся к глазам мощный полевой бинокль 12x50 российского производства, перевел взгляд вправо, чтобы не выпускать из вида Мартина Линдроса. Бинокль предоставлял невыносимо крохотное поле зрения, зато с лихвой искупал это большим разрешением, позволяющим различить мельчайшие подробности. Фади увидел, что предводитель маленького отряда – заместитель директора ЦРУ – использует детектор альфа-частиц и счетчик Гейгера. Этот американец знает, что к чему.

Фади, высокий, широкоплечий мужчина, определенно излучал харизматичное обаяние. Когда он начинал говорить, все присутствующие умолкали. У него было красивое, сильное лицо; смуглая от рождения кожа еще больше потемнела под палящим солнцем пустыни и пронизывающими горными ветрами. Длинные волосы и борода иссиня-черного цвета безлунной полночи слегка вились. Губы были широкими и полными. Когда Фади улыбался, его подчиненным казалось, что само солнце спускается с небес, чтобы озарить их своим сиянием. Ибо Фади возложил на себя обязанности мессии: нести надежду тем, кто расстался с надеждой, истреблять тысячами членов саудовской королевской семьи, стирая эту скверну с лица земли, освободить свой народ, распределить поровну нечестивое состояние деспотов, восстановить истинный порядок в своей любимой Аравии. Он понимал, что для начала необходимо разрушить симбиоз саудовской королевской семьи и правительства Соединенных Штатов Америки. А для этого нужно нанести по Америке удар, сделать ясное заявление, долгосрочное и несмываемое.

Но только ни в коем случае нельзя недооценивать способность американцев терпеть боль. Это заблуждение по какой-то причине широко распространено среди собратьев-террористов; именно из-за него у них возникают неприятности, именно оно больше чего бы то ни было становится причиной жизни, прожитой без надежды.

Но Фади не был глупцом. Он старательно изучал мировую историю. Больше того, он учился на ее уроках. Когда Никита Хрущев угрожал Америке: «Мы вас похороним!» – он верил в это всем своим сердцем, всей своей душой. Однако кого похоронили в конечном счете? Советский Союз.

Когда товарищи-экстремисты говорили Фади: «У нас много жизней, чтобы похоронить Америку», они имели в виду нескончаемый поток молодых парней, достигающих совершеннолетия, из которых можно выбирать мучеников, готовых положить свою жизнь в священной борьбе. Однако при этом они совсем не думали про смерть этих ребят. Да и с какой стати? Мученики попадают прямиком в рай, где их встречают с распростертыми объятиями. И все же что на самом деле достигнуто? Разве Америка живет без надежды? Нет. Эти террористические акты подтолкнули Америку к жизни без надежды? Опять же нет. Так где же ответ?

Фади верил всем своим сердцем и всей своей душой – но в первую очередь всем своим незаурядным умом, что ему наконец удалось этот ответ найти.

Наблюдая за заместителем директора ЦРУ в мощный бинокль, Фади пришел к выводу, что тому не хочется покидать это место. Озирающийся вокруг американец был похож на хищную птицу. Самоуверенные американские солдаты поднялись на борт вертолета, однако их командир – разведка Фади не была настолько совершенной, чтобы выяснить его фамилию, – не собирался оставлять предводителя на плато одного, без охраны. Это был хитрый и проницательный человек. Быть может, он учуял носом то, что не видели его глаза; а может быть, он просто действовал, повинуясь впитавшейся в кровь дисциплине. В любом случае, глядя на двух американцев, которые стояли рядом, разговаривая, Фади решил, что лучшей возможности ему не представится.

– Начинай, – тихо шепнул он Аббуду ибн Азизу, не отрывая глаз от окуляров.

Аббуд ибн Азиз поднял с земли ручной реактивный гранатомет «РПГ-7» советского производства. Коренастый и круглолицый, Аббуд с рождения имел бельмо на левом глазу. Быстро и уверенно он вставил гранату с оперением на длинном хвосте в пусковую трубу. Хвостовое оперение придавало гранате вращательное движение, обеспечивая высокую точность выстрела. При нажатии на спусковой крючок первичный заряд выбросит гранату из трубы со скоростью сто семнадцать метров в секунду. Эта свирепая вспышка энергии, в свою очередь, воспламенит реактивный двигатель в хвостовой части гранаты, который разгонит боеголовку до двухсот девяносто четырех метров в секунду.

Аббуд ибн Азиз прильнул правым глазом к оптическому прицелу, установленному прямо над рукояткой со спусковым крючком. Отыскав «Чинук», он мимолетно подумал о том, какая жалость терять такую великолепную боевую машину. Однако лучше даже не мечтать об этом. В любом случае брат Фади скрупулезно рассчитал все, вплоть до цепочки преднамеренно оставленных улик, которые заставили заместителя директора ЦРУ покинуть свой кабинет и привели его долгим, мучительным путем в северо-западную часть Эфиопии, почти к самой вершине Рас-Дашана.

Аббуд ибн Азиз направил «РПГ-7» на передний несущий винт. Теперь он слился в единое целое со своим оружием, с боевой задачей всего отряда. Он ощутил непреклонную решимость своих товарищей, нахлынувшую на него неудержимой приливной волной, готовой выплеснуться на берег и смыть всех врагов.

– Не забудь, – прошептал Фади.

Но Аббуду ибн Азизу, мастерски умеющему обращаться с любым видом оружия, получившему от брата Фади познания в современной военной технике, напоминание не требовалось. Единственный недостаток советского ручного гранатомета заключается в том, что при выстреле граната оставляет за собой характерный дымовой след. Они тотчас же выдадут свое местонахождение врагу. Однако и это также было учтено.

Аббуд почувствовал плечом легкое прикосновение пальца Фади, означающее, что цель на месте. Его палец обвил спусковой крючок. Аббуд сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух.

Последовала отдача – ураган раскаленного воздуха. Затем сверкнула яркая вспышка, через мгновение донесся грохот взрыва, взметнулось облако дыма, и в разные стороны разлетелись искореженные лопасти несущего винта. Не успели еще затихнуть громоподобные отголоски и тупая боль в плече Аббуда ибн Азиза, как люди Фади в едином порыве вскочили и бросились к возвышению. В ста метрах к востоку от них Фади и Аббуд ибн Азиз на корточках отползали в сторону от того места, откуда уходил предательский дымовой след гранаты. Как их и учили, бойцы открыли ураганный огонь, обрушивая на врага святую ярость правоверных.

Аль-хамду лил-алла! Хвала Аллаху! Атака началась.

Мгновение назад Линдрос объяснял Андерсу, почему ему необходимо задержаться здесь еще на пару минут, и вдруг он словно получил по голове удар пневматическим отбойником. Заместителю директора потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он лежит, распластавшись на земле, а рот его набит песком. Линдрос приподнял голову. В густых клубах дыма во все стороны разлетались по безумным

траекториям пылающие обломки, но звука не было – ничего, кроме странного давления на барабанные перепонки, какого-то внутреннего шелеста, словно в голове гулял ленивый ветерок. По щекам струилась кровь, горячая, будто слезы. Ноздри заполнил резкий, удушливый запах горелой резины и пластмассы, к которому примешивалось еще что-то: тяжелый привкус паленого мяса.

Попытавшись откатиться в сторону, Линдрос обнаружил, что его придавил лежащий сверху Андерс. Пытаясь его защитить, командир отряда принял на себя большую часть энергии взрыва. Лицо Андерса и обнаженное плечо под прогоревшей насквозь формой обуглились и дымились. Волосы на голове сгорели, оставив голый череп. Линдроса вырвало. Судорожным движением плеч он сбросил с себя труп и поднялся на четвереньки. Его снова вырвало.

После чего его слух начал различать какое-то ворчание, неестественно приглушенное, словно доносящееся издалека. Обернувшись, Линдрос увидел, что бойцы «Скорпиона-1» выпрыгивают из обломков «Чинука», стреляя на ходу.

Один из них упал, сраженный убийственным градом очереди из крупнокалиберного пулемета. Следующее движение Линдроса было чисто инстинктивным. Он по-пластунски подполз к убитому, забрал у него автоматическую винтовку и начал стрелять.

Закаленным в боях коммандос было не занимать ни мужества, ни опыта. Они знали, как стрелять самим и как укрываться от вражеского огня. И все же, полностью сосредоточив внимание на неприятеле перед собой, они оказались совершенно не готовы к тому, что попали под перекрестный огонь. Один за другим бойцы пали, сраженные пулями, причем каждому их досталось не меньше десятка.

Линдрос продолжал сражаться даже после того, как остался один. Удивительно, в него никто не стрелял: ни одна пуля не пролетела даже рядом с ним. Но только он начал об этом задумываться, как патроны у него кончились. Заместитель директора поднялся в полный рост, сжимая в руках винтовку. Враги, спустившись с господствующей вершины, направились к нему.

Молчаливые, они были все до одного худые, словно тот изуродованный труп в пещере, с глубоко запавшими глазами, повидавшими слишком много пролитой крови. Отделившись от общей толпы, двое забрались в дымящийся остов вертолета.

Линдрос вздрогнул, услышав выстрелы. Один из боевиков вывалился из открытого люка «Чинука», но через мгновение второй вытащил из вертолета окровавленного летчика.

Линдросу очень хотелось узнать, летчик мертв или же просто потерял сознание, однако его обступили со всех сторон плотным кольцом. Он увидел в глазах боевиков болезненно-желтый огонь фанатизма, пламя, погасить которое сможет только их собственная смерть.

Линдрос отбросил бесполезную винтовку, и ему тотчас же с силой заломили руки за спину. Несколько боевиков принялись собирать валяющиеся на земле тела убитых и стаскивать их в «Чинук». Затем к искореженному вертолету приблизились двое с огнеметами. С равнодушным старанием они подожгли вертолет и сложенных в нем убитых и раненых.

Линдрос, оглушенный, покрытый кровью, текущей из многочисленных поверхностных ранок и ссадин, молча следил за безукоризненно согласованными действиями. Его захлестнуло смешанное чувство изумления и восхищения. И страха. Тот, кто устроил эту западню, кто обучил этих людей, был не простым террористом. Воспользовавшись тем, что все от него на мгновение отвернулись, Линдрос незаметно снял с пальца перстень и уронил его на каменистую осыпь, после чего наступил на него. Те, кто придет сюда вслед за ним, должны будут узнать, что он был здесь, что его не убили вместе с остальными.

Вдруг кольцо людей расступилось, и Линдрос увидел, как к нему приближается высокий араб атлетического телосложения, с жестким, волевым лицом, изваянным суровой жизнью в пустыне, и большими проницательными глазами. В отличие от других террористов, которых приходилось допрашивать Линдросу, этот нес на себе печать цивилизации. Современный мир прикоснулся к нему; он испил из его чаши технического прогресса.

Араб остановился перед Линдросом, и они скрестили взгляды.

– Добрый день, господин Линдрос, – сказал по-арабски предводитель террористов.

Не моргнув глазом, Линдрос продолжал смотреть ему в глаза.

– Молчаливый американец, куда же подевалась ваша хваленая общительность? – Улыбнувшись, предводитель добавил: – Притворяться бессмысленно. Мне известно, что вы владеете арабским. – Он отобрал у Линдроса детектор альфа-частиц и счетчик Гейгера. – Я должен исходить из предположения, что вы нашли то, что искали. – Ощупав карманы заместителя директора, он достал металлическую колбу. – Ну да. – Отвинтив крышку, предводитель высыпал содержимое Линдросу под ноги. – Сожалею, но след настоящих улик давно простыл. Разве вам не хотелось бы узнать, куда они исчезли. – Последнее предложение было произнесено не как вопрос, а как насмешливое утверждение.

– Разведка у вас поставлена на высшем уровне, – на безукоризненном арабском ответил Линдрос.

На боевиков это произвело впечатление – на всех за исключением самого предводителя и одного верзилы с бельмом на глазу, как предположил Линдрос, его ближайшего помощника.

У предводителя на лице снова появилась улыбка.

– Отвечаю вам тем же самым комплиментом.

Молчание.

Внезапно предводитель со всей силой ударил Линдроса по лицу, так что у того щелкнули зубы.

– Меня зовут Фади, «спаситель» – запомни это, Мартин. Надеюсь, ты ничего не будешь иметь против того, что я стану звать тебя Мартином. Видишь ли, в течение следующих нескольких недель нам с тобой предстоит очень сблизиться друг с другом.

– Я не намерен ничего тебе говорить, – сказал Линдрос, переходя на английский.

– То, что ты намереваешься делать, и то, что ты *будешь* делать, – две совершенно разные вещи, – на таком же безупречном английском возразил Фади.

Он едва заметно кивнул, и Линдрос поморщился от боли, ощутив, как ему грубо заломили руки за спину, едва не вывернув их из плечевых суставов.

– Ты предпочел пропустить этот раунд. – Разочарование Фади казалось искренним. – Какое заносчивое самомнение, право, какая бесконечная глупость. Но, в конце концов, ты ведь американец. А всем американцам свойственно заносчивое самомнение, да, Мартин? Так же, как бесконечная глупость.

И снова у Линдроса мелькнула мысль, что перед ним не обычный террорист: этому Фади известно, как его зовут. Несмотря на невыносимую боль, разливающуюся по рукам, заместитель директора изо всех сил старался сохранить лицо непроницаемым. Ну почему у него во рту нет капсулы с цианистым калием, замаскированной под зуб, как это бывает у шпионов в детективных романах? Линдрос подозревал, что рано или поздно ему придется очень пожалеть об этом. И все же он был готов сохранять лицо, пока хватит сил.

– Да, прячься за стереотипами, – сказал Линдрос. – Вы обвиняете нас в том, что мы вас не понимаем, однако сами вы понимаете нас еще меньше. Ты меня совсем не знаешь.

– Ха, вот тут ты, Мартин, ошибаешься, как и во многом другом. На самом деле я знаю тебя довольно хорошо. На какое-то время я сделал тебя – как это называется у американских студентов? – ах да, я сделал тебя своим наставником. В антропологических исследованиях или в реалистической политике? – Он пожал плечами, словно они были коллегами, ведущими дружеский спор. – Впрочем, это лишь вопрос семантики.

Улыбка Фади стала еще шире. Он поцеловал Линдроса в обе щеки.

– Итак, теперь мы переходим ко второму раунду. – Когда он отстранился от него, у него на губах была кровь. – На протяжении нескольких недель ты искал меня; а вместо этого я нашел тебя.

Фади не стал вытирать со своих губ кровь Линдроса. Вместо этого он ее слизнул.

Книга первая

Глава 1

– Мистер Борн, когда именно вас начало мучить это воспоминание? – спросил доктор Сандерленд.

Не в силах усидеть на месте, Джейсон Борн расхаживал по удобному, уютному помещению, похожему скорее на личный кабинет в жилом доме, чем на приемную врача. Кремовые стены, обшитые красным деревом, антикварный письменный стол из мореного дуба на гнутых ножках, два кресла, небольшой диванчик. Стена за спиной доктора Сандерленда была увешана многочисленными дипломами и впечатляющей коллекцией международных наград за выдающиеся достижения в психологии и психофармакологии, связанные с его основной специализацией: человеческой памятью. Внимательно изучив их, Борн остановил свой взгляд на фотографии в серебряной рамке на письменном столе.

– Как ее зовут? – неожиданно спросил он. – Вашу жену?

– Катя, – после некоторого колебания ответил доктор Сандерленд.

Психиатры всегда с неохотой раскрывают информацию личного характера о себе и своих близких. «Но в данном случае...» – подумал Борн.

На снимке Катя была в горнолыжном костюме. На голове вязаная полосатая шапочка с помпончиком. Светловолосая, очень красивая. Глядя на ее позу, Борн почему-то подумал, что она чувствовала себя перед объективом фотоаппарата очень уверенно. Катя улыбалась, и в ее

глазах отражалось солнце. Морщинки в уголках глаз делали ее совсем беззащитной.

Борн почувствовал, что у него наворачиваются слезы. Раньше он сказал бы, что это слезы Дэвида Вебба. Но эти две враждующие личности – Дэвид Вебб и Джейсон Борн, день и ночь его души, наконец слились воедино. И хотя Дэвид Вебб, в прошлом профессор лингвистики Джорджтаунского университета, действительно все глубже погружался в тень, ему удалось смягчить самые безумные, антиобщественные черты Борна. Борн не мог существовать в мире Вебба, в нормальном мире, точно так же, как Вебб не смог выжить в жестоком теневом мире Борна.

Его размышления прервал голос доктора Сандерленда:

– Пожалуйста, мистер Борн, сядьте.

Борн послушно сел. Расставшись с фотографией в серебряной рамке, он испытал какое-то странное облегчение.

На лице доктора Сандерленда застыло выражение искреннего сочувствия.

– Эти воспоминания, мистер Борн, – насколько я понимаю, они начались после смерти вашей жены. Такое сильное душевное потрясение не могло не…

– Нет, не тогда, – поспешно остановил его Борн.

Однако это была ложь. Осколки воспоминаний поднялись на поверхность в ту самую ночь, когда он увидел Мари. Они разбудили его – кошмары, не покинувшие его даже после того, как он зажег яркий свет.

Кровь. Кровь у него на руках, на груди. Кровь на лице женщины, которую он держит на руках. Мари! Нет, не Мари! Какая-то другая женщина, бледная кожа шеи, проступающая сквозь потоки крови. Он бежит по пустынной улице, а живительная влага, вытекая из страшной раны, обливает его, капает на булыжную мостовую. Несмотря на ночную прохладу, он обливается потом, дышит учащенно. Где он? Почему он бежит? Боже милосердный, кто эта женщина?

Вскочив с кровати, он оделся и, выскользнув из дома, побежал по просторам канадских полей, хотя на дворе стояла ночь. Он бежал до тех пор, пока у него не защемило в груди. Призрачно-белый лунный свет преследовал его вместе с кровавыми осколками воспоминаний. Ему не удалось оторваться ни от одного, ни от другого.

И вот сейчас он лжет врачу. Черт побери, а почему бы и нет? Борн не верил доктору Сандерленду, хотя его посоветовал ему Мартин Линдрос, заместитель директора ЦРУ и его близкий друг. Линдрос показал Борну впечатляющие рекомендации психолога. Его фамилию он узнал из списка, составленного аппаратом директора ЦРУ. Борн понял это и не спрашивая друга: его предположение подкрепило имя Анны Хельд внизу каждой страницы. Анна Хельд была помощником директора ЦРУ, его неизменной правой рукой.

– Мистер Борн? – подтолкнул его доктор Сандерленд.

Впрочем, какое это имело значение? Борн видел лицо Мари, бледное и безжизненное, ощущал рядом присутствие Линдроса, слышал голос коронера, говорившего по-английски с заметным французским акцентом:

«Вирусное воспаление легких распространилось слишком далеко, мы не смогли спасти вашу жену. Вы должны утешать себя тем, что она совсем не страдала. Просто заснула и больше не проснулась. – Коронер перевел взгляд с умершей на ее убитого горем мужа и его друга. – Если бы она только вернулась из этой лыжной прогулки чуточку пораньше...»

Борн прикусил губу.

«Мари заботилась о детях. Джеми на последнем спуске подвернул ногу. Элисон ужасно испугалась».

«Она не обратилась к врачу? А если бы речь шла о растяжении связок – или даже переломе?»

«Вы ничего не понимаете. Моя жена... вся ее семья живет за городом, они фермеры, люди крепкие. Мари с самых ранних лет научилась сама заботиться о себе в лесной глуши. Она ничего не боялась».

«Иногда, – заметил коронер, – немного страха совсем не помешает».

«Вы не имеете права судить Мари!» – воскликнул Борн, давая выход гневу и горю.

«Вы слишком много времени проводите с мертвыми, – осуждающе промолвил Линдрос. – Вам следует поучиться общаться с живыми людьми».

«Приношу свои извинения».

У Борна перехватило дыхание. Повернувшись к Линдросу, он сказал:

«Мари позвонила мне, она решила, это обыкновенная простуда...»

«Совершенно естественное предположение, – ответил друг. – В любом случае все ее мысли были поглощены детьми».

– Итак, мистер Борн, когда начались эти воспоминания? – В произношении доктора Сандерленда определенно проскальзывали нотки румынского акцента.

Это был мужчина с высоким, широким лбом, волевым подбородком и приметным носом, внушающий доверие, вызывающий на откровенность. У него были очки в стальной оправе, а его волосы по-старомодному зализаны назад. Никаких персональных компьютеров, никакой бегущей строки с вопросами. И в первую очередь полная сосредоточенность. На докторе Сандерленде были строгий костюм-тройка из плотного твида, белая сорочка и красный галстук в белый горошек.

– Ну же, ну же. – Доктор Сандерленд склонил набок свою массивную голову, что придало ему сходство с совой. – Надеюсь, вы меня простите, но я не сомневаюсь в том, что вы – как бы это получше выразить? – скрываете правду.

Борн тотчас же насторожился.

– Скрываю?..

Достав дорогой бумажник из крокодиловой кожи, доктор Сандерленд вытащил из него стодолларовую купюру. Положив ее на стол, он сказал:

– Готов поспорить, что воспоминания начались после того, как вы похоронили свою жену. Однако наше пари не будет иметь силу, если вы не пожелаете сказать мне правду.

– Кто вы такой – детектор лжи в человеческом обличье?

Доктор Сандерленд мудро промолчал.

– Уберите деньги, – наконец сказал Борн. Он вздохнул. – Разумеется, вы правы. Воспоминания начались в тот самый день, когда я последний раз видел Мари.

– В какой форме это произошло?

Борн поколебался.

– Я смотрел на нее – в погребальной конторе. Сестра и отец уже опознали Мари, и ее тело забрали от коронера. Я смотрел на нее – и совершенно ее не видел…

– А что вы видели, мистер Борн? – Голос доктора Сандерленда был мягкий, беспристрастный.

– Кровь. Я видел кровь.

– И?

– Ну, на самом деле крови не было. Никакой крови. Это было внезапно всплывшее воспоминание – без предупреждения, без…

– Но именно так всегда и происходит, правда?

Борн кивнул.

– Кровь… она была свежая, блестящая… в свете уличных фонарей она казалась голубоватой. Она покрывала это лицо…

– Чье лицо?

– Не знаю… лицо какой-то женщины… но это была не Мари. Это была… какая-то другая женщина.

– Вы можете ее описать? – спросил доктор Сандерленд.

– В том-то все и дело. Не могу. Я ее не знаю… И в то же время я ее знаю. Я знаю, что я ее знаю.

Последовала непродолжительная пауза, которую доктор Сандерленд нарушил еще одним вопросом, казалось не имеющим никакого отношения к разговору:

– Скажите мне, мистер Борн, какое сегодня число?

– Таких проблем с памятью у меня пока что нет.

Доктор Сандерленд склонил голову набок.

– И все же, будьте добры, уважьте мою просьбу.

– Сегодня вторник, третье февраля.

– Прошло четыре месяца со дня похорон, с тех пор, как вас начали мучить воспоминания. Почему вы ждали так долго, прежде чем обратились за помощью?

И снова наступило молчание.

– На прошлой неделе произошло одно событие, – наконец сказал Борн. – Я увидел… я увидел своего старого друга.

Алекса Конклина, идущего по улице Старого города в Джорджтауне, куда Борн вывез Джеми и Элисон. Теперь он не скоро отправится куда бы то ни было вместе со своими детьми. Они вышли из кафе-мороженого, дети держали в руках пломбиры в вафельных стаканчиках, и вдруг откуда ни возьмись появляется Конклин

собственной персоной. Алекс Конклин, наставник, человек, сотворивший личность Джейсона Борна. Невозможно представить, чем бы он был сегодня, если бы не Конклин.

Доктор Сандерленд поправил очки.

– Простите, не понимаю…

– Этот самый друг умер три года назад.

– Однако вы его увидели.

Борн кивнул.

– Я окликнул его по имени, а когда он обернулся, я разглядел, что у него на руках что-то… точнее, кто-то. Женщина. Окровавленная женщина.

– *Та самая* окровавленная женщина.

– Да. В тот момент мне показалось, что я схожу с ума.

Именно тогда он решил отправить ребят домой. Сейчас Элисон и Джеми живут в Канаде вместе с сестрой и отцом Мари на огромном семейном ранчо. Для них так лучше, хотя Борн страшно по ним скучает. Однако не стоит, чтобы они видели отца в таком состоянии.

Сколько раз с тех пор он переживал заново те самые мгновения, которых боялся больше всего: видел бледное безжизненное лицо Мари, забирал ее вещи из больницы, стоял в полумраке погребального зала вместе с директором похоронной конторы, глядя на тело Мари, на ее застывшее, восково-белое лицо, покрытое густым слоем грима, хотя сама она почти не пользовалась косметикой. Склонившись над ней, Борн протянул руку, и директор дал ему носовой платок, которым он вытер помаду и румяна. После этого он поцеловал Мари, и холод ее губ пронзил его электрическим разрядом: «Она умерла, она умерла. А это значит, нашей совместной жизни пришел конец». Борн с глухим стуком опустил на гроб крышку и, повернувшись к директору, сказал: «Я передумал. Гроб будет закрытый. Я не хочу, чтобы ее видели такой – особенно дети».

– И все же вы последовали за ним, – настаивал доктор Сандерленд. – В высшей степени любопытно. Учитывая ваше прошлое, амнезию, психологическая травма, вызванная внезапной кончиной супруги, подтолкнула появление этих необычных воспоминаний. Вы не можете предположить, каким образом ваш покойный друг может быть связан с этой окровавленной женщиной?

– Нет.

Но, разумеется, это была ложь. Борн подозревал, что переживает заново одно старое задание – на которое Алекс Конклин послал его много лет назад.

Доктор Сандерленд сплел пальцы.

– Ваши воспоминания могут вызываться самыми разными чувствами – главное, чтобы они были достаточно сильными: зрительным образом, запахом, тактильным ощущением. Обычно такое происходит во сне. В вашем случае все отличие заключается в том, что ваши «сны» реальны. Это ваши воспоминания; все это происходило на самом деле. – Он взял чернильную ручку с золотым пером. – Несомненно, первой в этом списке идет пережитая вами травма. Поверить в то, что вы видели человека, про которого вам достоверно известно, что он умер, – стоит ли удивляться, что эти воспоминания являются вам все чаще и чаще.

Справедливо сказано, однако стремительное увеличение кошмаров привело к тому, что психическое состояние Борна стало просто невыносимым. В тот день в Джорджтауне он ведь бросил своих детей. Хоть и на минуту, но все же… Тогда, осознав то, что с ним случилось, Борн пришел в ужас; он до сих пор не мог прийти в себя.

Мари больше нет – жуткая, бессмысленная реальность. А теперь его терзали не только воспоминания о Мари, но и те древние молчаливые улицы, злорадно глядящие на него, улицы, обладающие какими-то знаниями, которых у него не было, знающие о нем что-то такое, о чем он сам не мог даже догадаться. Кошмар принимал такую форму: накатывались воспоминания, и он просыпался в холодном поту. После чего долго лежал в темноте, абсолютно уверенный в том, что больше не сможет заснуть. Но рано или поздно сон все-таки приходил – тяжелый, наркотический. И, поднимаясь из этой бездонной пучины, Борн поворачивался в кровати, еще не проснувшийся окончательно, и, как всегда, искал рядом с собой теплое, восхитительное тело Мари. А затем снова ощущал удар – товарный поезд, на полном ходу врезающийся ему прямо в грудь.

Мари умерла. Она умерла, ее больше нет…

Из черного забытья Борна вывел сухой, ритмичный скрип золотого пера по бумаге.

– Эти воспоминания буквально сводят меня с ума.

– Тут нет ничего удивительного. Ваша страсть раскопать собственное прошлое поглощает все ваши силы. Ее можно даже назвать одержимостью – определенно, лично я употребил бы именно этот термин. А одержимость нередко лишает тех, кто ею страдает, возможности вести то, что можно назвать нормальной жизнью, – хотя

сам я терпеть не могу это выражение и употребляю его крайне редко. В любом случае, думаю, я смогу вам помочь. – Доктор Сандерленд развел руки. У него были большие мозолистые ладони. – Позвольте для начала объяснить природу вашего недуга. Воспоминания вызываются, когда под действием электрических импульсов синапсы головного мозга испускают нейротрансмиттеры – говоря нашим жаргоном, синапсы «выстреливают». Этот процесс производит временное воспоминание. Для того чтобы сделать воспоминание постоянным, должен произойти процесс под названием консолидация. Не буду утомлять вас подробным рассказом о нем. Достаточно сказать, что для консолидации требуется синтез новых белков, вследствие чего этот процесс происходит в течение нескольких часов. И в любой момент он может быть прерван или изменен – самыми различными вещами, например серьезной травмой или потерей сознания. Именно это и произошло с вами. Пока вы находились в бессознательном состоянии, ваш головной мозг, функционируя ненормально, превратил ваши постоянные воспоминания во временные. Белки, рождающие временные воспоминания, распадаются очень быстро. Через считаные часы, а то и минуты эти временные воспоминания исчезают.

– Однако мои воспоминания время от времени всплывают на поверхность.

– Это происходит потому, что травма – физическая, эмоциональная или сочетание того и другого – может очень быстро затопить отдельные синапсы нейротрансмиттерами, тем самым, скажем так, возродив уже утерянные воспоминания. – Доктор Сандерленд улыбнулся. – Все это я рассказал для того, чтобы вас подготовить. Идея полного стирания памяти, хотя теперь она и стала близка, как никогда, по-прежнему остается уделом научной фантастики. Однако в моем распоряжении имеются самые совершенные процедуры, и я могу с уверенностью заявить, что в моих силах заставить ваши воспоминания всплыть навсегда. Но вы должны дать мне две недели.

– Я даю вам только сегодняшний день, доктор Сандерленд.

– Я настоятельно рекомендую…

– Сегодняшний день, – еще более решительно повторил Борн.

Доктор Сандерленд долго смотрел на него, задумчиво постукивая ручкой по нижней губе.

– В данных обстоятельствах… надеюсь, мне удастся *подавить* воспоминания. Это далеко не то же самое, что их *стереть*.

– Понимаю.

– Ну хорошо. – Доктор Сандерленд хлопнул себя по бедрам. – Пройдемте в смотровой кабинет, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы вам помочь. – Он поднял длинный указательный палец, призывая к осторожности. – Полагаю, мне не нужно вам объяснять, что человеческая память является ужасно скользкой тварью.

– Не нужно, – подтвердил Борн, ощущая новую волну тревоги, нахлынувшую на него.

– Следовательно, вы понимаете, что я не даю никаких гарантий. С огромной долей вероятности можно утверждать, что мои методы дадут желаемый результат, но вот только на какой срок… – Он пожал плечами.

Кивнув, Борн встал и прошел следом за доктором Сандерлендом в соседнее помещение. Оно оказалось просторнее рабочего кабинета. Пол устилал безликий линолеум, какой можно встретить в любой больнице; вдоль стен тянулись шкафчики из нержавеющей стали, заполненные различными медицинскими приборами. Один угол занимала небольшая раковина, под которой стояло мусорное ведро из красной пластмассы с предостерегающей надписью «БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ». Центральную часть помещения занимало нечто похожее с виду на очень удобное футуристическое кресло из зубоврачебного кабинета. С потолка к нему спускались плотным кругом несколько механических рук. На тележках с резиновыми колесиками стояли два медицинских аппарата неизвестного Борну назначения. В целом помещение имело деловой, стерильно чистый вид операционной.

Усевшись в кресло, Борн подождал, пока доктор Сандерленд отрегулирует высоту и угол наклона спинки. Затем врач подкатил одну тележку и подсоединил восемь проводов, отходящих от аппарата, к различным точкам у Борна на голове.

– Сейчас я проведу две серии анализа волн вашего головного мозга, сначала – когда вы будете в сознании, затем – когда вы будете в бессознательном состоянии. Мне очень важно правильно определить активность процессов и в первом, и во втором случае.

– А что потом?

– Все будет зависеть от того, что я найду, – ответил доктор Сандерленд. – Но лечение будет заключаться в воздействии на определенные синапсы головного мозга специальными сложными белковыми соединениями. – Он склонился над Борном. – Видите ли, ключом является миниатюризация. Это как раз то, в чем я специализируюсь. Нельзя работать с белками на таком элементарном уровне, не будучи экспертом в миниатюризации. Вам приходилось слышать о нанотехнологиях?

Борн кивнул:

– Создание электронных устройств микроскопических размеров. В первую очередь, крохотных компьютеров.

– Совершенно верно. – У доктора Сандерленда блеснули глаза. Казалось, он был очень рад широте познаний своего пациента. – Эти сложные белки, эти нейротрансмиттеры ведут себя как наноузлы, связывая и укрепляя синапсы в тех участках вашего головного мозга, куда я их направлю, тем самым блокируя или восстанавливая воспоминания.

Внезапно Борн сорвал с себя электроды, вскочил с кресла и, не сказав ни слова, выскочил из кабинета. Быстрым шагом, переходящим в бег, он пересек отделанный мрамором коридор, постукивая по каменным плитам пола так, словно за ним гналось какое-то многоногое животное. Что он делает, позволяя кому-то копаться у себя в голове?

Две двери туалетных комнат рядом. Распахнув настежь дверь с буквой «М», Борн ворвался внутрь и застыл перед белой фарфоровой раковиной, упираясь в нее напряженными руками. В зеркале он увидел свое лицо, призрачно-бледное. А за ним – кафельную плитку, как в погребальной конторе. Борн увидел Мари – неподвижную, руки сложены на плоском, атлетическом животе. Казалось, она качается на лодке, плывет по быстрой реке, которая стремительно уносит ее прочь от него.

Борн прижался лбом к зеркалу. Шлюзовые ворота открылись, навернувшиеся на глаза слезы свободно потекли по щекам. Он вспомнил Мари такой, какой она была, ее развевающиеся по ветру волосы, кожу на шее, нежную, словно атлас. Вспомнил то, как спускались они на плоту по вспененной паводком Снейк-ривер, как сильные, почерневшие на солнце руки Мари погружали весло в бурлящую воду, как в ее глазах отражалось бескрайнее западное небо. Вспомнил, как предложил ей выйти за него замуж на строгой гранитной лестнице Джорджтаунского университета; Мари была в черном платье в полоску, поверх которого была накинута шубка из стриженой овчины, они шли, держась за руки и смеясь, на факультетскую рождественскую вечеринку. Вспомнил, как принесли они друг другу клятву верности; солнце опускалось за остроконечные заснеженные вершины Канадских скалистых гор, они стояли, сплетя руки с новенькими обручальными кольцами, прижимаясь губами к губам, а их сердца бились в едином ритме. Борн вспомнил рождение Элисон. За два дня до праздника Всех Святых Мари сидела за швейной машинкой, дошивая маскарадный костюм пирата-призрака для Джеми, и вдруг у нее отошли воды. Роды получились долгими и очень тяжелыми. В конце у Мари началось кровотечение. Тогда Борн чуть ее не потерял. Он крепко сжимал ее руку,

усилием воли призывая ее не уходить. И вот теперь он потерял ее навсегда…

Борн поймал себя на том, что всхлипывает, не в силах остановиться.

А затем, подобно неумолимому вурдалаку, из глубин памяти снова поднялось окровавленное женское лицо, заслоняя образ любимой Мари. Капала кровь. Безжизненные глаза смотрели на него невидящим взором. Что ей нужно? Почему она его преследует? В отчаянии стиснув виски, Борн застонал. Ему безумно хотелось покинуть этот этаж, это здание, но он понимал, что не может это сделать. Только не сейчас, когда его мучает собственный мозг.

Доктор Сандерленд ждал у себя в кабинете, поджав губы, терпеливый, словно каменное изваяние.

– Итак?..

Борн, все еще не в силах избавиться от окровавленного лица перед глазами, сделал глубокий вдох и кивнул:

– Начинайте.

Он уселся в кресло, и доктор Сандерленд снова закрепил у него на голове электроды. Затем он щелкнул тумблером на аппарате и начал крутить ручки настройки, одни быстро, другие медленно, осторожно, чуть ли не робко.

– Не волнуйтесь, – мягко успокоил Борна доктор Сандерленд. – Вы ровным счетом ничего не почувствуете.

И Борн действительно ничего не почувствовал.

Наконец доктор Сандерленд щелкнул другим тумблером, и из щели поползла длинная полоска бумаги, подобная той, какие используются для записи электрокардиограмм. Врач всмотрелся в распечатку волн головного мозга бодрствующего Борна.

Не высказывая вслух никаких замечаний, он лишь кивал, соглашаясь с собственными мыслями, а на лбу у него тем временем сгущались грозовые тучи. Борн не мог определить, хороший это знак или нет.

– Ну ладно, – наконец произнес доктор Сандерленд.

Отключив устройство, он откатил тележку в сторону и подкатил вместо нее другую.

Из кюветы, стоящей сверху сверкающего хромированными поверхностями устройства, доктор Сандерленд взял шприц. Борн успел заметить, что шприц уже наполнен прозрачной жидкостью.

Доктор Сандерленд посмотрел ему в глаза.

– Этот укол не отключит ваше сознание полностью, а только погрузит в глубокий сон. Меня интересуют дельта-волны, самые медленные из волн головного мозга. – Откликнувшись на отточенное до совершенства движение большого пальца врача, из иголки брызнула капелька жидкости. – Мне нужно посмотреть, нет ли в рисунке ваших дельта-волн каких-либо необычных всплесков.

Борн кивнул и, как ему показалось, тотчас же проснулся.

– Ну, как себя чувствуете? – спросил доктор Сандерленд.

– Кажется, лучше, – ответил Борн.

– Хорошо. – Доктор Сандерленд показал ему распечатку. – Как я и подозревал, в характере ваших дельта-волн была аномалия. – Он указал на дернувшуюся вверх кривую. – Вот видите? И вот здесь тоже. – Он протянул Борну вторую распечатку. – А теперь взгляните на рисунок ваших дельта-волн после лечения. Аномалия существенно уменьшилась. Судя по этим диаграммам, можно с высокой степенью вероятности предположить, что в течение следующих дней десяти ваши воспоминания полностью прекратятся. Хотя я должен вас предупредить: не исключено, что в ближайшие сорок восемь часов они значительно ухудшатся – это время потребуется синапсам для того, чтобы адаптироваться к курсу лечения.

Когда Борн вышел из клиники, массивного здания из известняка на К-стрит, построенного в духе греческого Возрождения, короткие зимние сумерки уже переходили в ночь. Ледяной ветер с Потомака, пахнущий фосфором и гнилью, вцепился в полы его пальто, закручивая их вокруг голеней.

Отвернувшись от пронизывающего вихря пыли и мелких камешков, Борн увидел свое отражение в витрине цветочного магазина – на фоне пестрого обилия ярких цветов, так похожих на цветы на похоронах Мари.

Затем, чуть правее, открылась отделанная бронзой дверь магазина, и вышла женщина с красиво упакованным букетом в руках. Борн ощутил аромат… чем же таким пахнуло от букета? Ах да, гардениями. Это действительно были гардении, тщательно укутанные от зимней стужи.

Теперь Борн мысленно нес на руках ту самую женщину из его неведомого прошлого, ощущал ладонями ее теплую, пульсирующую кровь. Женщина оказалась моложе, чем он предполагал раньше, лет двадцати, не больше. Вдруг у нее зашевелились губы, и у него по спине пробежала холодная дрожь. Женщина еще жива! Она искала взглядом его лицо. Из полуоткрытого рта потекла струйка крови. И вырвались

слова, сдавленные, невнятные. Борн напряг слух, стараясь их разобрать. Что она говорит? Пытается что-то ему сказать? *Кто она?*

Новый порыв пронизывающего ветра вернул Борна в промозглые вашингтонские сумерки. Жуткое видение исчезло. Неужели оно было вызвано из глубин его памяти ароматом гардений? Есть ли здесь какая-то связь?

Борн развернулся, готовый направиться обратно к доктору Сандерленду, хотя тот и предупреждал его, что первое время ему может стать еще хуже. В этот момент у него зазвонил сотовый телефон. Мгновение Борн размышлял, не оставить ли звонок без внимания. Затем раскрыл аппарат и поднес его к уху.

Он очень удивился, поняв, что это Анна Хельд, помощник директора ЦРУ. Он мысленно представил себе эту высокую, изящную брюнетку лет тридцати пяти, с классическими чертами лица, пухлыми губками, похожими на бутон розы, и ледяными серыми глазами.

– Здравствуйте, мистер Борн. Директор хочет с вами встретиться.

У нее было среднеатлантическое произношение – то есть нечто промежуточное между британским английским ее родины и акцентом Америки, ставшей ей вторым домом.

– А у меня нет никакого желания его видеть, – холодно ответил Борн.

Анна Хельд вздохнула, судя по всему стараясь взять себя в руки.

– Мистер Борн, после Мартина Линдроса никто лучше меня не знает о том антагонизме, который вы питаете к Старику – и к Центральному разведывательному управлению в целом. Видит бог, вы имеете на то достаточно причин: вас несчетное число раз бесцеремонно использовали, после чего без сожаления бросали, чем вызвали ваш справедливый гнев. Однако сейчас вам действительно нужно прийти к нам.

– Сказано весьма красноречиво. Однако мое решение не поколеблет все красноречие мира. Если директор ЦРУ желает мне что-то сказать, он может передать это через Мартина.

– Старик хочет поговорить с вами как раз о Мартине Линдросе.

Борн поймал себя на том, что стиснул телефон мертвой хваткой. Ледяным голосом он произнес:

– Что случилось с Мартином?

– В том-то все и дело. Я ничего не знаю. Никто ничего не знает, кроме Старика. Еще до обеда он заперся в центре связи и с тех пор не выходил

оттуда. Даже я его не видела. Три минуты назад он меня вызвал и приказал доставить вас к нему.

– Именно так он и выразился?

– Дословно он сказал вот что: «Мне известно, как близки между собой Борн и Линдрос. Вот почему он мне нужен». Мистер Борн, прошу вас, приезжайте. У нас код «Скала».

На жаргоне ЦРУ код «Скала» означал чрезвычайную ситуацию.

Дожидаясь вызванного такси, Борн размышлял о Мартине Линдросе.

Сколько раз за последние три года он обсуждал с Мартином интимную, нередко болезненную тему потери памяти. С Мартином Линдросом, заместителем директора ЦРУ – человеком, который, казалось, меньше всего подходил для роли исповедника. Кто бы мог предположить, что он станет близким другом Джейсона Борна? Уж определенно не сам Борн, обнаруживший, что его подозрительность и мания преследования достигли апогея, когда почти три года назад Линдрос впервые появился в офисе Вебба. Разумеется, рассудил Борн, он заявился сюда для того, чтобы еще раз попытаться завербовать его в разведку. И это предположение было вполне естественным. В конце концов, Линдрос использовал свою новообретенную власть, чтобы преобразовать ЦРУ в более мускулистую, более чистую организацию, способную иметь дело с растущей угрозой, которую представлял радикальный, фундаменталистский ислам.

Такие перемены были просто немыслимы всего пять лет назад, когда Старик правил Центральным разведывательным управлением железной рукой. Но сейчас директор ЦРУ действительно состарился – стал полностью соответствовать своему прозвищу. Поползли слухи, что он теряет хватку, что настала пора ему самому с почетом уйти на покой, пока его не выгнали. Борну очень бы этого хотелось, однако велика вероятность, что подобные слухи распускал сам Старик, чтобы вывести на чистую воду врагов, которые, как ему было прекрасно известно, прятались в чащобах внутри Кольцевой магистрали.[1] На самом деле у старого ублюдка еще оставался порох в пороховницах; его связи с влиятельными стариками, составлявшими незыблемый фундамент Вашингтона, по-прежнему были крепки.

…К тротуару подъехало красное с белым такси; Борн сел в машину и назвал водителю адрес. Устроившись на заднем сиденье, он мыслями снова ушел в себя.

К его полному изумлению, во время того разговора тема привлечения на службу так и не была поднята. За ужином Борн начал узнавать в Линдросе совершенно другого человека, не имеющего ничего общего с

тем, с кем он вместе трудился на оперативной работе. Сам факт преобразований ЦРУ изнутри превратил его в изгоя в собственном ведомстве. Линдрос пользовался абсолютным, непоколебимым доверием Старика, видевшего в нем себя в молодости, однако главы семи отделов его боялись, потому что он держал в кулаке их будущее.

У Линдроса была близкая подруга по имени Мойра, но, кроме нее, друзей у него больше не было. И он проникся особым сочувствием к судьбе Борна. «Ты не можешь вспомнить свою жизнь, – сказал Линдрос за первым из многих ужинов, которые они провели вместе. – А у меня нет жизни, которую я мог бы вспомнить…»

Вероятно, их бессознательно влек друг к другу тот глубокий, неизгладимый удар, который пришлось пережить обоим. Из обоюдной неполноты родились дружба и доверие.

Наконец неделю назад Борн по состоянию здоровья на время покинул Джорджтаун. Он позвонил Линдросу, но его друг бесследно исчез. Никто не смог ему ответить, куда тот пропал. Борну недоставало того тщательного, рационального анализа, которому его друг подвергал нарастающую иррациональность рассудка Борна. И вот сейчас Мартин Линдрос оказался в центре таинственной загадки, которая перевела все ЦРУ в чрезвычайный режим.

Как только Костин Вейнтроп – человек, называвший себя доктором Сандерлендом, – получил подтверждение того, что Джейсон Борн действительно покинул пределы здания, он быстро и аккуратно сложил свое оборудование в наружный карман черного кожаного портфеля. Из главного отделения, разделенного пополам, Вейнтроп достал портативный компьютер и тотчас же его включил. Это не был обычный компьютер; Вейнтроп, специалист по миниатюризации, дополнению к его основному ремеслу – изучению человеческой памяти, лично переделал его под собственные нужды. Подключив к последовательному порту цифровой фотоаппарат с высоким разрешением, он вывел на экран четыре подробных снимка лаборатории, сделанные с различных ракурсов. Сравнивая их с тем, что было у него перед глазами, Вейнтроп позаботился о том, чтобы все снова стало в точности таким же, как было, когда он вошел в кабинет за пятнадцать минут до появления Борна. Покончив с этим, Вейнтроп погасил свет и прошел в кабинет.

Взяв со стола фотографию, он бросил долгий взгляд на женщину, которую назвал своей женой. Ее действительно звали Катя, и она была его женой. Именно полная откровенность помогла ему завоевать доверие Борна. Вейнтроп относился к тем, кто верит в силу достоверности. Вот почему он поставил на стол фотографию своей жены, а не незнакомой женщины. Создавая себе «легенду», превращавшую его

в другого человека, Вейнтроп считал крайне важным добавлять в нее крупицы того, во что верил он сам. Особенно если приходилось иметь дело с таким опытным человеком, как Джейсон Борн. Так или иначе, фотография Кати произвела на Борна желаемый эффект. К несчастью, снимок также напомнил Вейнтропу, где она сейчас находится и почему он не может с ней встретиться. На мгновение его пальцы согнулись, сжавшись в такие крепкие кулаки, что побелели суставы.

Встряхнувшись, Вейнтроп быстро взял себя в руки. Хватит этой болезненной жалости к самому себе; его ждет работа. Поставив компьютер на край письменного стола настоящего доктора Сандерленда, Вейнтроп вывел на экран увеличенные фрагменты цифровых фотографий кабинета. Как и прежде, он тщательно проверил каждую мелочь, убеждаясь в том, что все в кабинете осталось в точности таким же, как он застал. Ни в коем случае нельзя было оставлять следы своего пребывания здесь.

Запищал сотовый телефон с расширенным диапазоном, и Вейнтроп поднес его к уху.

– Все сделано, – сказал он по-румынски. Вейнтроп мог бы воспользоваться и арабским, родным языком своего заказчика, но по обоюдному согласию было решено, что румынский будет меньше привлекать к себе внимание.

– Ты удовлетворен? – Голос был другой, ниже и грубее властного голоса человека, который нанял Вейнтропа, человека, привыкшего добиваться беспрекословного повиновения своих неистовых последователей.

– В высшей степени. Я отточил процедуру до совершенства на тестовых примерах, которыми вы меня обеспечили. Все обговоренное на месте.

– Доказательства этого проявятся в самое ближайшее время. – Доминирующие интонации нетерпения были приправлены едва различимым оттенком беспокойства.

– Наберитесь терпения, друг мой, – сказал Вейнтроп, оканчивая разговор.

Вернувшись к работе, он убрал компьютер, цифровой фотоаппарат и соединительный кабель, затем надел твидовое пальто и фетровую шляпу. Взяв портфель, лжедоктор Сандерленд напоследок еще раз внимательно оглядел кабинет. В его узкоспециализированном ремесле не было места для ошибок.

Удовлетворившись, Вейнтроп щелкнул выключателем и в полной темноте вышел из кабинета. В коридоре он взглянул на часы: 16.46. Он задержался на три минуты дольше намеченного, но все равно с большим запасом уложился во временной интервал, установленный заказчиком.

Сегодня действительно был вторник, третье февраля, как и сказал Борн. По вторникам у доктора Сандерленда приема не было.

Глава 2

Здание штаб-квартиры Центрального разведывательного управления, расположенное на Двадцать третьей улице в северо-западной части Вашингтона, на планах города указывается относящимся к Министерству сельского хозяйства. Для того чтобы усилить эту иллюзию, оно окружено безукоризненно ухоженными лужайками с декоративными деревьями, между которыми петляют вымощенные гравием дорожки. Но само здание обладает максимально безликой внешностью – насколько только это возможно в городе, кичащемся монументальной архитектурой своих административных зданий. С северной стороны к нему примыкают массивные сооружения, в которых размещаются Государственный департамент и Управление медицины и хирургии Военно-морского флота, а с восточной – Национальная академия наук. Из кабинета директора ЦРУ открывался отрезвляющий вид на Мемориал ветеранам войны во Вьетнаме, а также на самый краешек сверкающего белого памятника Линкольну.

Анна Хельд нисколько не преувеличивала. Прежде чем получить доступ во внутренний коридор, Борну пришлось пройти через целых три отдельных контрольно-пропускных пункта. Все они были развернуты в открытом для широкой публики наружном вестибюле, защищенном от пожаров и взрывов бомб и, по сути дела, превращенном в бункер. За декоративными мраморными плитками облицовки и колоннами скрывались стены толщиной в полметра из особо прочного железобетона, усиленные сеткой из стальных прутьев и кевларовым покрытием. Стекло, которое могло бы разбиться, полностью отсутствовало, а все освещение и электропроводка были надежно защищены. На первом посту Борна попросили назвать пароль, меняющийся три раза в день; на втором его проверили с помощью сканера, анализирующего отпечатки пальцев. На третьем посту Борн прижался правым глазом к окуляру матово-черного устройства зловещего вида, которое сделало цифровой снимок сетчатки и сравнило его с уже имеющимся в базе данных. Этот третий, дополнительный уровень высокотехнологичной защиты приобрел в последнее время особое значение, потому что появились способы подделывать отпечатки пальцев с помощью специальных силиконовых полосок, закрепленных на подушечках пальцев. И уж кто-кто, а Борн это знал: ему самому несколько раз приходилось прибегать к подобной уловке.

Еще один пост был развернут в холле с лифтами, а последний – наспех устроенный в соответствии с кодом «Скала» – на пятом этаже, прямо перед в входом в кабинет директора.

Пройдя за массивную стальную дверь, отделанную деревом, Борн увидел Анну Хельд. Что совершенно несвойственно ей, она была не одна: вместе с ней находился мужчина с бледным лицом и топорщащимися под пиджаком мышцами.

Анна встретила Борна натянутой улыбкой.

– Я только что виделась с директором. Он выглядит так, словно разом постарел на десять лет.

– Я пришел не ради него, – ответил Борн. – Во всем управлении Мартин Линдрос – единственный человек, до которого мне есть дело, которому я доверяю. Где он?

– Последние три недели Линдрос был на оперативной работе, занимался одному богу известно чем. – Как всегда, Анна была одета с иголочки: темно-серый костюм от Армани, огненно-красная шелковая блузка, туфли от Маноло на трехдюймовых шпильках. – Но я готова поспорить на что угодно, что причиной всей этой необычной суеты стала информация, полученная директором сегодня утром.

Мужчина с бледным лицом молча повел Анну и Борна из одного коридора в другой – по этому умышленно запутанному лабиринту посетителей каждый раз водили другим путем, – и наконец они подошли к двери в святая святых директора ЦРУ. Сопровождающий отступил в сторону и явно не собирался уходить. «Еще одно свидетельство кода „Скала“», – подумал Борн, фальшиво улыбаясь крохотному глазку видеокамеры наблюдения.

Через мгновение, повинуясь команде с пульта дистанционного управления, щелкнул электронный замок.

Директор Центрального разведывательного управления стоял в дальнем конце просторного кабинета размером с футбольное поле. В одной руке он держал папку, в другой зажженную сигарету, тем самым нарушая закон, запрещающий курение в государственных учреждениях. «Когда это Старик успел снова начать курить?» – удивился Борн. Рядом с директором стоял еще один мужчина – высокий, широкоплечий, с вытянутым угрюмым лицом и короткими светлыми волосами. От него веяло какой-то опасной отчужденностью.

– А, наконец-то ты пришел.

Старик быстрым шагом направился к Борну, громко стуча каблуками сделанных на заказ ботинок по полированному деревянному полу. Его высоко поднятые плечи были на уровне ушей – казалось, он защищался от пронизывающего ветра. Когда директор подошел ближе, оказавшись в пятне яркого света с улицы, обнажились движущиеся образы былых событий, словно записанные у него на лице мягкими белыми взрывами.

Старик выглядел старым и усталым; его щеки были рассечены морщинами, словно склоны Скалистых гор, глаза ввалились, под ними набухли тяжелые желтоватые мешки. Директор сунул сигарету в губы цвета ливерной колбасы, тем самым показывая, что не собирается пожимать Борну руку.

Второй мужчина последовал за директором, всем своим видом подчеркивая собственную независимость.

– Борн, познакомься, это Мэттью Лернер, мой новый заместитель. Лернер, а это Джейсон Борн.

Они как бы нехотя пожали друг другу руки.

– А мне казалось, заместителем директора является Мартин, – озадаченно промолвил Борн, обращаясь к Лернеру.

– Тут все очень сложно. Мы...

– После нашего разговора Лернер введет тебя в курс дела, – вмешался Старик.

– Если это потребуется, – нахмурился Борн, внезапно охваченный беспокойством. – Что с Мартином?

Директор замялся. Былая неприязнь никуда не делась – она никогда не исчезнет. Борн это понимал и принимал, как Священное Писание. Однако не вызывало сомнений, что сложившаяся ситуация вынуждает Старика сделать то, что он поклялся не делать ни за что: попросить Джейсона Борна о помощи. С другой стороны, директор ЦРУ является законченным прагматиком. Только благодаря этому он и смог продержаться так долго на своем месте. Старик сделался невосприимчивым к камням и стрелам сложных и, как правило, двусмысленных с точки зрения морали компромиссов. Проще говоря, таким был мир, в котором он существовал. И вот сейчас ему был нужен Борн, и он был взбешен этой необходимостью.

– Мартин Линдрос пропал вот уже почти семь суток назад. – Внезапно директор ЦРУ сделался как-то меньше; казалось, костюм вот-вот с него свалится.

Борн застыл, оглушенный этим известием. Неудивительно, что от Мартина нет никаких вестей.

– Черт побери, что произошло?

Прикурив новую сигарету от тлеющего кончика предыдущей, Старик смял окурок в хрустальной пепельнице. Его рука заметно тряслась.

– Мартин выполнял одно задание в Эфиопии.

– Почему он снова занялся оперативной работой? – изумился Борн.

– Я задал тот же самый вопрос, – вставил Лернер. – Но это было его детище.

– Люди Мартина отметили внезапный всплеск активности переговоров на определенных частотах, используемых террористами. – Директор наполнил легкие дымом, затем выпустил его с легким свистом. – Его аналитики мастерски наловчились различать стоящее дело от дезинформации, из-за которой контртеррористические отделы других ведомств гоняются за собственным хвостом и воют волком. – Он посмотрел Борну в глаза. – Мартин представил нам веские доказательства того, что эти переговоры – не пустая болтовня, что готовится удар по одному из трех главных городов Соединенных Штатов – Вашингтону, Нью-Йорку или Лос-Анджелесу. Что еще хуже, удар с использованием ядерного оружия.

Взяв со стола пакет, директор протянул его Борну.

Борн открыл пакет. Внутри лежал небольшой продолговатый металлический предмет.

– Знаете, что это такое? – спросил Лернер, словно бросая вызов.

– Это возбуждаемый искровой разряд. Такие применяются в промышленности для включения особо мощных двигателей. – Борн поднял взгляд. – Также они используются для взрыва ядерных устройств.

– Совершенно верно. Особенно именно эта штуковина. – Старик с мрачным лицом протянул Борну папку с пометкой «Директору ЦРУ лично». В ней лежал один-единственный листок, на котором были приведены все технические характеристики этого конкретного устройства. – Обычно в возбуждаемых искровых разрядах для передачи электрического тока используются газы – воздух, аргон, кислород, фторид серы или их комбинация. В этом же проводник – твердое тело.

– То есть он предназначен для однократного – и только однократного использования.

– Точно. Что полностью исключает промышленное применение.

Борн покрутил ВИР в пальцах.

– Следовательно, единственная возможность его использования – ядерное оружие.

– Ядерное оружие в руках террористов, – угрюмо подтвердил Лернер.

Забрав ВИР у Борна, директор постучал по нему указательным пальцем с обгрызенным ногтем.

– Мартин шел по следу контрабандных поставок этих ВИРов, который привел его в горы на северо-западе Эфиопии, откуда, как он полагал, их дальше переправляет некая террористическая группировка.

– Конечное место назначения?

– Неизвестно, – ответил директор.

Борн был сражен наповал этим сообщением, но он предпочел оставить это чувство при себе.

– Ну хорошо. Теперь давайте послушаем подробности.

– Шесть дней назад, в 17.32 по местному времени, Мартин и группа «Скорпион-1» из пяти человек высадились с вертолета в верхней части северного склона горы Рас-Дашан. – Лернер протянул листок кальки: – Вот точные координаты.

– Рас-Дашан – это высочайшая вершина горного массива Сымен, – добавил директор. – Тебе уже приходилось там бывать. Больше того, ты владеешь языком местных племен.

– В 18.04 по местному времени мы потеряли радиоконтакт со «Скорпионом-1», – продолжал Лернер. – В 11.06 по восточному поясному времени я приказал группе «Скорпион-2» вылететь в точку с этими координатами. – Он забрал кальку у Борна. – Сегодня в 10.46 мы получили сообщение от Кена Джеффриса, командира «Скорпиона-2». Его группа обнаружила обгоревший остов «Чинука» на небольшом плато в точке с этими самыми координатами.

– Это стало последним, что мы услышали от «Скорпиона-2», – сказал директор. – И с тех пор больше ничего ни от Линдроса, ни от кого бы то ни было.

– Группа «Скорпион-3» находится в Джибути и готова к вылету, – добавил Лернер.

Он буквально отшатнулся назад, избегая взгляда Старика, полного отвращения.

Но Борн, не обращая внимания на Лернера, мысленно прокручивал различные варианты, что помогало ему хотя бы на время забыть беспокойство за судьбу друга.

– Произошло одно из двух, – наконец решительно промолвил он, – или Мартин погиб, или он захвачен в плен, где его подвергают изощренным допросам. Несомненно, отправка еще одной группы – это не выход.

– «Скорпионы» набираются из наших лучших и самых опытных агентов – закаленных работой в Сомали, Афганистане и Ираке, – заметил Лернер. – Поверьте, их огневая мощь придется вам очень кстати.

– Огневая мощь двух «Скорпионов» никак не смогла решить ситуацию на Рас-Дашане. Я пойду один – или вообще не пойду.

Борн четко обозначил свою позицию, но заместитель директора не собирался сдаваться без боя.

– Борн, там, где вы видите так называемую «гибкость», организация видит безответственность и неприемлемую опасность для всех, кто вас окружает.

– Послушайте, это вы пригласили меня сюда. Вы просите меня об одолжении.

– Отлично, забудем о «Скорпионе-3», – сказал Старик. – Я знаю, что ты работаешь в одиночку.

Лернер закрыл папку.

– Взамен вы получите всю информацию, все средства транспорта, всю помощь, которая вам потребуется.

Директор шагнул к Борну:

– Я уверен, что ты не откажешься от возможности отправиться на поиски своего друга.

– В этом ты прав. – Борн спокойно направился к двери. – Черт побери, делайте что хотите с теми, кто у вас под началом. Что же касается меня, я буду искать Мартина без вашей помощи.

– Подожди! – Голос Старика раскатился по всем углам просторного кабинета. В нем проскочили призвуки свистка локомотива, идущего ночью по пустынной местности. Ядовитая смесь цинизма и грусти. – Подожди, ублюдок.

Борн не спеша обернулся.

В глазах директора сверкнула враждебная злоба.

– Уму непостижимо, как только Мартин ладит с тобой. – Сплетя руки за спиной, он по-военному прошел к окну и остановился, глядя на безукоризненный газон внизу и Мемориал ветеранам войны во Вьетнаме. Развернувшись, он прошил Борна насквозь неумолимым взглядом. – Твоя заносчивость вызывает у меня отвращение.

Борн молча выдержал его взгляд.

– Ну хорошо, никакого поводка не будет, – отчеканил директор ЦРУ. Его затрясло от едва сдерживаемой ярости. – Лернер позаботится о том, чтобы ты получил все необходимое. Но я скажу тебе вот что: ты уж, черт возьми, верни Мартина Линдроса назад!

Глава 3

Выйдя вместе с Борном из кабинета директора ЦРУ, Лернер провел его до конца коридора в свой собственный кабинет. Он сел за стол и, увидев, что Борн предпочел остаться стоять, откинулся назад.

– То, что я вам сейчас расскажу, ни при каких обстоятельствах не должно покидать пределы этой комнаты. Старик назначил Мартина главой секретного оперативного отдела под кодовым названием «Тифон», в задачи которого входит исключительно противодействие мусульманским экстремистским террористическим группировкам.

Борн восстановил в памяти, что имя Тифон пришло из греческой мифологии: так звали вселявшего ужас стоголового отца безжалостной Гидры.

– Но у нас уже есть контртеррористический центр.

– КТЦ понятия не имеет о существовании «Тифона», – сказал Лернер. – Больше того, даже у нас в управлении об этом отделе известно только тем, кому это необходимо.

– То есть этот ваш «Тифон» – *вдвойне* засекреченное ведомство.

Лернер кивнул.

– Мне понятен ход ваших мыслей: ничего подобного не было у нас со времен «Тредстуона», школы убийц. Но на то имеются веские причины. «Тифон», скажем так, явление в высшей степени противоречивое, насколько это беспокоит могущественные реакционные элементы в президентской администрации и в Конгрессе. – Он поджал губы. – Выражусь более откровенно. Линдрос создал «Тифон» с нуля. Это не подразделение нашего ведомства; по сути дела, это совершенно независимое ведомство. Линдрос настоял на том, чтобы быть полностью свободным от бюрократического контроля. Кроме того, по самой своей природе «Тифон» осуществляет свою деятельность по всему земному шару – Линдрос уже открыл отделения в Лондоне, Париже, Стамбуле, Дубае, Саудовской Аравии и еще в трех местах на Африканском роге. Главная его цель – проникнуть в террористические ячейки, чтобы уничтожить всю сеть изнутри.

– Проникнуть в ячейки, – повторил Борн. Значит, вот что имел в виду Мартин, когда говорил ему, что, если не считать самого директора, он во всем управлении совершенно одинок. – Святая чаша Грааля

контртеррористической борьбы, но пока что никому не удавалось даже приблизиться к цели.

– Потому что во всех подобных ведомствах мусульман можно по пальцам пересчитать, а арабистов еще меньше. В ФБР из двадцати тысяч сотрудников только тридцать три человека обладают хотя бы ограниченными познаниями в арабском языке, причем ни один из них не работает в тех подразделениях Бюро, которые занимаются проблемами терроризма на территории нашей страны. И на то есть свои причины. Ведущие лица администрации по-прежнему крайне неохотно привлекают к сотрудничеству мусульман и арабистов – им просто не доверяют.

– Глупая близорукость, – заметил Борн.

– Однако такие люди существуют, и Линдрос потихоньку их вербовал. – Лернер поднялся из-за стола. – Итак, общее направление я вам указал. Следующей остановкой, насколько я понимаю, будет знакомство с самими сотрудниками «Тифона».

Как и подобало вдвойне засекреченному контртеррористическому ведомству, «Тифон» скрывался глубоко под землей. Подвальные помещения здания ЦРУ были переоборудованы и заново отделаны строительной фирмой, всех до одного сотрудников которой досконально проверили на благонадежность, после чего заставили подписать конфиденциальное соглашение, которое обеспечивало им двадцатилетнее пребывание в закрытом федеральном учреждении в том случае, если жадность или глупость толкнет их нарушить молчание. А все оборудование, которое заполняло подвалы раньше, было отправлено в ссылку в пристройку.

По пути из кабинета заместителя директора Борн на минуту заглянул в царство Анны Хельд. Вооружившись именами двух агентов, перехвативших тот самый разговор, из-за которого Мартин Линдрос отправился на противоположный конец земного шара по следу контрабандных ВИРов, он сел в кабину специального лифта, осуществлявшего прямое сообщение пятого, директорского, этажа с подвалом.

Когда кабина, вздохнув, остановилась, на левой створке дверей ожила жидкокристаллическая панель – электронный глаз, придирчиво изучивший крошечный черный восьмиугольник, который Анна закрепила Борну на лацкане пиджака. На восьмиугольнике была нанесена цифровая кодовая комбинация, видимая только сканеру. И лишь после этого стальные двери раскрылись.

Мартин Линдрос преобразил подвал в одно огромное пространство, заполненное мобильными рабочими станциями, от каждой из которых к

потолку поднимались жгуты кабелей. Эти кабели были подвешены к специальным рельсам и могли перемещаться вместе со станциями и обслуживающим персоналом в соответствии с новыми заданиями. В дальнем конце Борн заметил несколько комнат для совещаний, отделенных от основного зала матовым стеклом, перемежающимся со стальными панелями.

Как и подобает ведомству, названному в честь чудовища с двумя сотнями глаз, все пространство «Тифона» было заполнено мониторами. На самом деле сами стены представляли собой мозаику плоских плазменных экранов, на которые выводилось ошеломляющее разнообразие цифровых изображений: снимки поверхности Земли, полученные с разведывательных спутников, картины камер видеонаблюдения, установленных в оживленных местах, в первую очередь транспортных узлах, таких как аэропорты, автовокзалы, железнодорожные вокзалы, многоуровневые развязки автомагистралей, пригородные железнодорожные линии, станции метро самых разных городов мира – Борн узнал Нью-Йорк, Лондон, Париж, Москву. Люди всех цветов кожи, вероисповеданий и национальностей куда-то спешили, стояли в нерешительности, кого-то ждали, курили, садились и сходили с поездов и автобусов, говорили друг с другом, не обращали внимания друг на друга, не отрывали глаз от экранов портативных компьютеров, делали покупки, целовались, обнимались, бормотали себе под нос, что-то оживленно говорили в прижатые к уху сотовые телефоны, скачивали сообщения из почтового ящика и картинки с порнографических сайтов, понурые, веселые, трезвые, пьяные, накачавшиеся наркотиками; вспыхивали драки и вспыхивали щеки сладостным румянцем первого свидания. Хаос неотредактированных видеоизображений, из которого аналитикам требовалось выделить определенный рисунок, цифровые знамения, электронные предостережения.

Судя по всему, Лернер предупредил тех двух сотрудников о приходе Борна, потому что при его появлении привлекательная молодая женщина лет тридцати с небольшим оторвалась от экрана и направилась к нему. Ее шаги не были ни слишком длинными, ни слишком короткими, ни слишком быстрыми, ни слишком медленными. Выражаясь одним словом, ее походка была анонимной. Поскольку у каждого человека своя индивидуальная походка, неповторимая, как отпечатки пальцев, это один из лучших способов выделить противника в толпе пешеходов, даже если в остальном его перевоплощение выполнено на высшем уровне.

У женщины было сильное и гордое лицо, острый форштевень стремительного корабля, способного рассекать волны, сулящие погибель другим, не таким совершенным судам. Большие темно-голубые глаза

казались драгоценными камнями в обрамлении матовой светло-коричневой кожи ее арабского лица.

– Насколько я понимаю, вы – Сорайя Мор, – сказал Борн, – старший сотрудник, ведущий дело.

Появившаяся на мгновение у женщины на лице улыбка тотчас же скрылась за облаком смущения и холодной резкости.

– Вы совершенно правы, мистер Борн. Сюда, пожалуйста.

Сорайя провела Борна через просторное, многолюдное помещение ко второй слева комнате для совещаний. Открыв дверь с матовым стеклом, она пропустила его вперед, продолжая разглядывать с тем же самым странным любопытством. Впрочем, если учесть его непростые отношения с ЦРУ, наверное, в этом не было ничего странного.

В комнате их уже ждал мужчина, моложе Сорайи по крайней мере на несколько лет. Он был среднего роста, атлетического телосложения, с соломенными волосами и светлой кожей. Мужчина сидел за овальным стеклянным столом, работая на переносном компьютере. На экране было что-то наподобие необычайно сложного кроссворда.

Мужчина оторвал взгляд от компьютера, только когда Сорайя кашлянула, привлекая его внимание.

– Тим Хитнер, – не поднимаясь с места, представился он.

Усевшись за стол вместе с двумя сотрудниками «Тифона», Борн обнаружил, что кроссворд, который пытался решить Хитнер, на самом деле представляет собой шифр – и довольно мудреный.

– У меня чуть больше пяти часов до отлета в Лондон, – сказал Борн. – Возбуждаемые искровые разряды – расскажите мне все, что нужно о них знать.

– Наряду с самим расщепляющимся веществом ВИРы являются наиболее строго охраняемыми объектами в мире, – начал Хитнер. – Если быть точным, в списке нашего правительства их насчитывается ровно две тысячи шестьсот сорок один.

– Значит, эта наводка, которая вызвала такое возбуждение Линдроса, что он не смог удержаться и снова лично занялся оперативной работой, имела отношение к контрабанде ВИРов?

Хитнер склонился к экрану компьютера, опять занявшись вскрытием шифра, поэтому рассказ продолжала Сорайя:

– Все началось в Южной Африке. Если точнее, в Кейптауне.

– Почему именно в Кейптауне?

– В эпоху апартеида страна превратилась в настоящий рай для контрабандистов, в основном по необходимости. – Сорайя говорила быстро, четко, с безошибочной беспристрастностью. – Теперь, когда Южная Африка перешла в «белый список», американские производители получили возможность поставлять туда ВИРы на законном основании.

– Затем они там «теряются», – вставил Хитнер, не отрывая взгляда от букв на экране.

– Теряются – это то самое слово, – кивнула Сорайя. – Контрабандистов вывести труднее, чем тараканов. Как можно догадаться, по-прежнему продолжает работать разветвленная сеть с центром в Кейптауне, но сейчас эти ребята прибегают к очень изощренным методам.

– А откуда поступила наводка? – спросил Борн.

Не глядя на него, Сорайя протянула несколько страниц, распечатанных на компьютере.

– Контрабандисты общаются между собой с помощью сотовых телефонов. Они пользуются «огарками», дешевыми аппаратами, которые можно приобрести в любом магазине с тарифным планом повременной оплаты. Такой телефон используется всего один день, максимум неделю, если удается заполучить другую СИМ-карту. После чего его выбрасывают и покупают новый.

– Вы не поверите, проследить такие телефоны практически невозможно. – Тело Хитнера было напряжено. Он вкладывал все силы в раскрытие шифра. – И все же способ есть.

– Способ есть всегда, – сказал Борн.

– Особенно если ваш дядя работает в телефонной компании. – Украдкой бросив взгляд на Сорайю, Хитнер улыбнулся.

Молодая женщина сохраняла ледяное выражение лица.

– Дядя Кингсли эмигрировал в Кейптаун тридцать лет назад. По его словам, Лондон оказался для него чересчур мрачным. Ему было нужно место, полное обещаний. – Она пожала плечами. – Так или иначе, нам повезло. Мы перехватили разговор, в котором шла речь о переправке вот этой партии товара – его расшифровка приведена на второй странице. Главарь сообщает одному из своих людей, что груз не может быть отправлен по обычным каналам.

Борн поймал на себе взгляд Хитнера, полный любопытства.

– И самое примечательное в этой «потерявшейся» партии то, – сказал Борн, – что она совпала по времени с конкретной угрозой в адрес Соединенных Штатов.

– Это, а также то, что контрабандист у нас в руках, – добавил Хитнер.

Борн провел пальцем по второй странице расшифровки разговора.

– Разумно ли было его задерживать? Не исключено, что тем самым вы спугнете его клиента.

Сорайя покачала головой:

– Маловероятно. Эти люди используют источник один-единственный раз, затем переходят к следующему.

– Значит, вам известно, кто приобрел ВИРы.

– Скажем так: у нас есть очень сильные подозрения. Вот почему Линдрос лично отправился на место.

– Вам когда-нибудь приходилось слышать о «Дудже»? – спросил Хитнер.

Борн обратился к своей памяти.

– Группировке «Дуджа» приписывают по крайней мере десяток террористических актов в Иордании и Саудовской Аравии, из которых последним по времени является взрыв в соборной мечети в городе Ханакине, в девяноста милях к северо-востоку от Багдада, в результате которого погибло девяносто пять человек. Если я правильно помню, именно «Дуджу» подозревают в убийстве двух членов саудовского королевского семейства, министра иностранных дел Иордании и главы национальной безопасности Ирака, хотя никаких доказательств этого нет.

Сорайя забрала у него расшифровку телефонного разговора.

– Кажется невероятным, не правда ли, что столько нападений на счету всего одной группировки. Однако это действительно так. И у всех терактов есть одно общее: все они были направлены против саудовцев. В соборной мечети Ханакина происходила тайная деловая встреча с участием высокопоставленных саудовских эмиссаров. Министр иностранных дел Иордании был личным другом королевской семьи; глава иракской службы безопасности открыто выступал в поддержку Соединенных Штатов.

– Я ознакомился с секретными материалами, – сказал Борн. – Все эти нападения были тщательно продуманы и осуществлены на высочайшем техническом уровне. В большинстве случаев это был не простой взрыв

бомбы террористом-смертником; ни один из исполнителей не был схвачен. Кто стоит во главе «Дуджи»?

Сорайя убрала листок с расшифровкой обратно в папку.

– Его зовут Фади.

– Фади. По-арабски «спаситель», – сказал Борн. – Несомненно, это имя он взял себе сам.

– Все дело в том, что мы больше ничего не знаем об этом человеке, – понуро вставил Хитнер. – В том числе даже его настоящее имя.

– И все же кое-что нам известно, – возразил Борн. – Во-первых, все акции «Дуджи» настолько тонко и тщательно спланированы, что напрашивается вывод: или этот Фади получил образование на Западе, или у него с Западом очень тесные контакты. Во-вторых, его группировка необычайно хорошо вооружена самым современным оружием, чего, как правило, нельзя сказать про другие террористические группировки исламских фундаменталистов.

Сорайя кивнула.

– Мы как раз прорабатываем этот аспект. «Дуджа» является представителем нового поколения террористических группировок, объединивших силы с организованной преступностью, наркоторговцами Южной Азии и Латинской Америки.

– Если хотите знать мое мнение, – подхватил Хитнер, – заместителю директора Линдросу удалось так быстро уломать Старика одобрить создание «Тифона», поскольку он убедил его в том, что нашей первостепенной задачей будет установить, кто такой Фади, выйти на него и ликвидировать. – Он оторвал взгляд от экрана компьютера. – С каждым годом «Дуджа» становится все более сильной и более влиятельной группировкой среди мусульманских экстремистов. Наши данные показывают, что они в небывалых количествах стекаются к Фади.

– И все же до настоящего времени ни одному контртеррористическому ведомству не удалось выйти хотя бы на первую линию, – заметила Сорайя. – И нам в том числе.

– Впрочем, наш отдел организован совсем недавно, – добавил Хитнер.

– Вы уже установили контакты с саудовскими спецслужбами? – спросил Борн.

Сорайя издала горький смешок.

– Один из наших осведомителей утверждает, что саудовцы разрабатывают ниточку, ведущую к «Дудже». Сами саудовцы это отрицают.

Хитнер поднял взгляд.

– Они также отрицают то, что их запасы нефти начинают истощаться.

Закрыв папки, Сорайя аккуратно их сложила.

– Я знаю, что в оперативной работе есть те, кто прозвал вас Хамелеоном за легендарное умение перевоплощаться. Но настоящим хамелеоном является Фади – кем бы он ни был. Хотя у нас есть заслуживающие доверия данные о том, что Фади не только осуществляет планирование операций, но и лично принимает в них самое непосредственное участие, мы до сих пор не смогли получить ни одной его фотографии.

– Ни даже составить фоторобот, – с нескрываемым отвращением добавил Хитнер.

Борн нахмурился.

– Почему вы решили, что именно «Дуджа» приобрела эту партию ВИРов?

– Нам известно, что поставщик недоговаривает о самом главном, – указал на экран компьютера Хитнер. – Вот это зашифрованное сообщение мы обнаружили в одной из пуговиц его рубашки. А «Дуджа» из всех известных нам террористических группировок единственная пользуется такими сложными шифрами.

– Я хочу допросить этого человека.

– Здесь у нас главная Сорайя, – сказал Хитнер. – Спросите у нее.

Борн повернулся к молодой женщине.

Сорайя колебалась лишь мгновение. Встав, она указала на дверь:

– Идемте.

Борн тоже встал:

– Тим, распечатайте шифрованное сообщение, дайте нам пятнадцать минут и приходите.

Оторвавшись от экрана, Хитнер, прищурившись, посмотрел на Борна, словно от того исходило яркое свечение.

– Да я через пятнадцать минут и близко не подойду к разгадке.

– Подойдете. – Борн открыл дверь. – По крайней мере вы всем своим видом продемонстрируете, что подошли.

Для того чтобы попасть к камерам временного содержания, требовалось спуститься по короткой лестнице со ступеньками из перфорированных стальных листов. Разительный контраст с просторным, залитым светом рабочим помещением «Тифона», здесь было темно и тесно, словно сама земля, на которой построен Вашингтон, с крайней неохотой расставалась со своими владениями.

Когда они спустились вниз, Борн остановил Сорайю.

– Я вас чем-либо обидел?

Она долго смотрела на него, словно не в силах поверить в то, что у нее перед глазами.

– Его зовут Хирам Севик, – наконец сказала Сорайя, подчеркнуто оставляя без ответа его вопрос. – Сорок один год, женат, трое детей. Родился и вырос в Турции, в возрасте восемнадцати лет перебрался на Украину. Последние двадцать три года жил в Кейптауне. Владелец небольшой экспортно-импортной компании. По большей части бизнес законный, но, судя по всему, мистер Севик занимается совсем другими вещами. – Сорайя пожала плечами. – Быть может, у его любовницы страсть к бриллиантам, быть может, он крупно проигрывает в Интернете.

– В нынешние времена трудно сводить концы с концами, – заметил Борн.

Казалось, Сорайе захотелось рассмеяться, но она сдержалась.

– Я редко работаю по правилам, – продолжал Борн. – И если я что-то говорю, все происходит именно так, как я сказал. Это понятно?

Какое-то мгновение Сорайя смотрела ему прямо в глаза. Борну захотелось узнать, что она там хочет найти? И вообще, что с ней?

– Мне знакомы ваши методы, – наконец ледяным тоном промолвила Сорайя.

Севик сидел на полу в своей клетке, прислонившись к стене, и курил сигарету. Увидев, что Сорайя пришла не одна, он выпустил облако дыма и спросил:

– Вы вызвали на помощь кавалерию или это инквизитор?

Пока Сорайя отпирала решетчатую дверь, Борн молча смотрел на него.

– Значит, инквизитор. – Бросив окурок на пол, Севик растоптал его каблуком. – Надо было сразу вас предупредить, что моей жене прекрасно известно про мою страсть к азартным играм – и про всех моих любовниц.

– Я здесь не для того, чтобы вас шантажировать.

Борн шагнул в клетку. Он ощущал у себя за спиной Сорайю, ставшую словно частью его самого. У него по затылку пробежали мурашки. Агент «Тифона» имела при себе пистолет и была готова им воспользоваться, если ситуация выйдет из-под контроля. Борн чувствовал, что его провожатая привыкла не оставлять без внимания ни одной мелочи.

Оторвавшись от стены, Севик встал, держа руки по швам, с чуть согнутыми пальцами. Высокого роста, он обладал широкими плечами игрока в регби и золотистыми кошачьими глазами.

– Судя по вашей отменной атлетической форме, речь идет о физическом воздействии.

Борн обвел клетку взглядом, пытаясь прочувствовать, каково в ней находиться. Краткая вспышка чего-то не до конца вспомнившегося, приступ легкой тошноты.

– Так я ничего не добьюсь. – Борн произнес эти слова, стараясь освободиться от неприятного ощущения.

– Совершенно верно.

И это не было пустой бравадой. Простая констатация факта рассказала Борну о Севике больше, чем час упорных допросов. Он остановил свой взгляд на торговце из Южной Африки.

– И как нам решить эту дилемму? – Борн развел руками. – Вы хотите отсюда выбраться. Мне нужна информация. Все очень просто.

С тонких губ Севика сорвался смешок.

– Если бы все было так просто, друг мой, меня бы уже давно здесь не было.

– Меня зовут Джейсон Борн. Сейчас ты разговариваешь со мной. Я тебе не тюремщик, не враг. – Борн помолчал. – Конечно, если только ты сам этого не хочешь.

– У меня вряд ли возникнет такое желание, – сказал Севик. – Я о вас наслышан.

Борн махнул рукой.

– Тогда иди со мной.

– Мне эта мысль совсем не нравится. – Сорайя решительно встала в дверях, отгораживая собой остальной мир.

Борн сделал нетерпеливый жест рукой.

Она подчеркнуто проигнорировала его.

– Не может быть и речи о том, чтобы так грубо нарушить требования безопасности.

– Я уже начинаю терять терпение, – сказал Борн. – Я вас предупредил. Уйдите с дороги.

Борн и Севик направились к двери. Сорайя поднесла к уху сотовый телефон. Но она звонила не Старику, а Тиму Хитнеру.

Несмотря на то что уже стемнело, яркий свет прожекторов превращал лужайку и петляющие по ней дорожки в оазис чистого серебра, среди которого многорукими силуэтами торчали лишенные листьев деревья. Борн шел рядом с Севиком. Сорайя Мор держалась в пяти шагах позади них, словно прилежная дуэнья. У нее на лице было написано неприкрытое недовольство, рука лежала на кобуре пистолета.

В глубинах подземелья Борна внезапно охватило непреодолимое влечение, вспыхнувшее от мимолетного воспоминания – техника ведения допросов, которая используется в отношении тех, кто обладает особой устойчивостью перед обычными методами пыток и воздействий на чувства. Борн неожиданно для себя понял, что если Севик глотнет свежего воздуха, ощутит вокруг себя свободное пространство после пребывания в тесной клетке на протяжении многих дней, это позволит ему прочувствовать, что он выиграет, искренне ответив на вопросы Борна. И что потеряет.

– Кому ты продал эти ВИРы? – спросил Борн.

– Я уже говорил это той, которая идет следом за нами. Не знаю. Это был лишь голос, который я слышал по телефону.

– И ты всегда торгуешь ВИРами по телефону? – скептически поинтересовался Борн.

– Если речь идет о пяти миллионах – да.

Правдоподобно, но правда ли?

– Мужской голос или женский? – спросил Борн.

– Мужской.

– Произношение?

– Британское, как я уже говорил.

– Постарайся получше.

– Вы что, не верите мне?

– Я прошу тебя подумать еще раз, подумать хорошенько. Не торопись, расскажи мне все, что помнишь.

– Я больше ничего не… – Севик остановился в тени голой декоративной яблони. – Подождите. Может быть – повторяю, может быть, в голосе был намек еще на что-то, на что-то более экзотическое, наверное, на Восточную Европу.

– Ты много лет прожил на Украине, не так ли?

– В самую точку. – Севик почесал щеку. – Я хочу сказать, возможно, акцент был славянским. В нем было что-то… может быть, южноукраинское. Знаете, в Одессе, это на берегу Черного моря, где я провел довольно много времени, говор несколько отличается.

Разумеется, Борну это было известно, но он промолчал. Мысленно он отсчитывал время до того момента, как подоспеет с «расколотым» шифром Тим Хитнер.

– Ты по-прежнему продолжаешь лгать, – сказал Борн. – Ты должен был видеть покупателя, когда он забирал товар.

– Однако я его не видел. Я оставил ВИРы в тайнике.

– Имея дело с голосом по телефону? Ну же, Севик, не принимай меня за дурака.

– Но это святая правда. Этот человек назначил мне определенное время и место. Я оставил там половину партии, а час спустя вернулся за половиной от пяти миллионов. На следующий день таким же в точности способом мы завершили сделку. Я никого не видел – и, поверьте, никого и не хотел видеть.

«И опять, – подумал Борн, – такое весьма вероятно, очень разумное решение. Если это правда».

– Человеческие существа рождаются с чувством любопытства.

– Возможно, и так, – кивнув, согласился Севик. – Но у меня нет ни малейшего желания умереть. Этот человек… его люди следили за тайником. Они пристрелили бы меня на месте. И вы, Борн, это прекрасно понимаете. Такая ситуация вам знакома.

Вытряхнув из пачки сигарету, Севик угостил и Борна, но тот отказался. Южноафриканский торговец прикурил от спички из почти пустой книжечки. Заметив удивленный взгляд Борна, он сказал:

– Поскольку поджигать в этой дыре все равно нечего, спички мне оставили.

Борн словно услышал в голове эхо, голос, звучащий вдалеке.

– То было тогда, теперь все будет по-другому, – сказал он, отнимая у Севика спички.

Тот, расставшись без сопротивления с книжечкой, набрал в легкие дым и выпустил его с тихим шелестом, какой производят автомобильные покрышки, проезжающие по мокрому асфальту.

«Поджигать в этой дыре все равно нечего». Эти слова метались у Борна в голове, словно шарики в лототроне.

– Скажите, мистер Борн, вам когда-либо приходилось сидеть в тюрьме?

«Поджигать в этой дыре все равно нечего». Фраза, один раз всплыв в памяти, возвращалась снова и снова, блокируя мысли и рассудок.

Чуть ли не застонав от боли, Борн подтолкнул Севика, и они продолжили путь: Борну захотелось поскорее выйти на свет. Краем глаза он увидел спешащего к ним Тима Хитнера.

– Вы знаете, что это такое, когда тебя лишают свободы? – Севик смахнул с нижней губы крошку табака. – Прожить всю жизнь в бедности. Быть бедным – это все равно что смотреть порнографию: попробовав один раз, уже никогда не остановиться. Понимаете, жизнь без надежды подобна наркотической зависимости. Вы не согласны?

У Борна нестерпимо разболелась голова; каждое повторение каждого слова обрушивалось ударом молотка на внутреннюю стенку черепной коробки. С огромным трудом он понял, что Севик пытается получить хотя бы частичный контроль над ситуацией. Основополагающее правило ведения допроса заключается в том, что следователь никогда не должен отвечать ни на один, даже самый безобидный вопрос. Сделав это, он потеряет свою абсолютную власть.

Борн нахмурился. Он собирался что-то сказать, но что именно?

– Не заблуждайся. Мы держим тебя там, где хотим.

– Меня? – удивленно поднял брови Севик. – Да я ничто, посредник, и только. Вам нужно найти моего покупателя. Какой вам толк от меня?

– Нам известно, что ты можешь вывести нас на покупателя.

– Нет, не могу. Я же говорил вам…

Через чернильные тени и подернутый пеленой свет к ним приближался Хитнер. Что здесь делает Хитнер? Борн с трудом восстановил это в памяти под непрестанный грохот в голове. Казалось, ответ уже был у него в руке, затем выскальзывал, словно скользкая рыба, чтобы тотчас же вынырнуть снова.

– Шифр, Севик. Мы его раскололи.

Великолепно разыграв свою роль, подошедший Хитнер протянул Борну листок бумаги. Тот едва его не выронил, настолько его одолевал несканчаемый гул в ушах.

– Да, заковыристая попалась штучка, – произнес запыхавшийся Хитнер. – Но мне в конце концов удалось ее причесать. Пятнадцатый алгоритм, который я применил, оказался…

Конец его фразы превратился в пронзительный крик шока и боли: Севик воткнул ему прямо в левый глаз тлеющий кончик сигареты. В тот же самый момент он развернул Хитнера, прижимая его спиной к своей груди, и просунул ему локоть левой руки под подбородок.

– Если кто-нибудь приблизится ко мне хотя бы на один шаг, – зловещим тоном произнес Севик, – я сверну ему шею.

– Ты труп, я прикончу тебя прямо сейчас. – Мельком взглянув на Борна, Сорайя надвигалась на Севика, сжимая пистолет в вытянутой руке, второй поддерживая его под рукоятку. Дуло рыскало из стороны в сторону, выискивая возможность. – Севик, ты же не хочешь умереть. Подумай о своей жене и троих детях.

Борн стоял на месте как вкопанный. Севик, увидев это, оскалился.

– Подумай о пяти миллионах, – ответил он.

Взгляд его золотистых глаз на мгновение метнулся к Сорайе. Но Севик уже пятился назад, прочь от нее и от Борна, крепко прижимая к груди истекающий кровью человеческий щит.

– Бежать тебе некуда, – уже более рассудительным тоном промолвила Сорайя. – Нас со всех сторон окружают наши люди. А с ним ты быстро бежать не сможешь.

– Я думаю о пяти миллионах. – Севик пятился прочь от них, прочь от яркого света натриевых прожекторов.

Он направлялся в сторону Двадцать третьей улицы, на которой возвышалось здание Национальной академии наук. Там многолюдно –

даже вечером полно туристов, и агентам будет очень нелегко его преследовать.

– В тюрьму я больше не вернусь. Ни на один день.

«Поджигать в этой дыре все равно нечего». Борну захотелось кричать. И вдруг внезапный взрыв памяти стер даже эти слова: он бежал по старинной стертой брусчатке, ему в ноздри бил ветер, пропитанный резким запахом морской соли. Ноша у него на руках стала невыносимо тяжелой. Опустив взгляд, он увидел Мари – нет, окровавленное лицо той незнакомой женщины! Кровь повсюду, она льется ручьями, а он тщетно пытается ее остановить…

– Не будь идиотом, – говорила Севику Сорайя. – Кейптаун? Тебе ни за что не удастся спрятаться от нас. Ни там, ни где бы то ни было еще.

Севик склонил голову набок.

– Но посмотри, что я сделал с ним.

– Он искалечен, но не мертв, – сквозь стиснутые зубы процедила Сорайя. – Отпусти его.

– Только после того, как ты отдашь мне свой пистолет, – насмешливо усмехнулся Севик. – Нет? Видишь? В твоих глазах я уже труп, разве не так, а, Борн?

Борн мучительно медленно выкарабкивался из кошмара. Он увидел, как Севик вышел на Двадцать третью улицу, волоча за собой Хитнера, словно капризного ребенка.

В тот самый момент, когда Борн бросился на него, Севик оттолкнул на них Хитнера.

Все остальное произошло одновременно. Хитнер отлетел вперед, едва удержавшись на ногах. Завизжал тормозами проезжавший мимо черный «Хаммер». Ехавший следом за ним трейлер, загруженный новенькими мотоциклами «Харлей-Дэвидсон», круто вильнул в сторону, избегая столкновения. Оглушительно гудя клаксоном, он чуть не врезался в красный «Лексус», водитель которого, в ужасе выкрутив руль, наскочил на две другие машины. Какую-то долю секунды казалось, что Хитнер споткнулся о бордюр тротуара, но затем у него из груди вырвался фонтан крови, и он повалился вперед, увлекаемый энергией пули.

– О, господи, – простонала Сорайя.

Черный «Хаммер», покачавшись на рессорах, подъехал ближе. Его переднее стекло было чуть опущено, за ним на мгновение зловеще мелькнул навинченный на дуло пистолета глушитель. Сорайя успела

выпустить две пули, но тут ответный огонь вынудил их с Борном искать укрытие. Задняя дверь «Хаммера» распахнулась, и Севик нырнул внутрь. Огромная машина рванула с места еще до того, как он успел захлопнуть за собой дверь.

Убрав пистолет, Сорайя подбежала к своему напарнику и, опустившись перед ним на корточки, положила его голову себе на колено.

Борн, услышав в памяти отголоски выстрелов, ощутил, как он освобождается из бархатной темницы, где все вокруг было приглушенным, нечетким. Перескочив через Сорайю и распростертое тело Хитнера, он выбежал на Двадцать третью улицу, следя одним глазом за удаляющимся «Хаммером», а другим – за трейлером с мотоциклами. Водитель трейлера, придя в себя, переключил передачу, трогаясь с места. Борн рванул к прицепу, ухватился за цепь, перегородившую съездной пандус, и забрался наверх.

Не обращая внимания на беспорядочно носящиеся мысли, он вскарабкался на платформу, на которой ровными рядами, словно солдаты на параде, стояли скованные цепями мотоциклы. Дрожащий язычок пламени, разорвавший темноту, огонь спички: прикуривая, Севик преследовал две цели. Во-первых, разумеется, он обеспечивал себя оружием. Во-вторых, подавал сигнал. Черный «Хаммер» ждал наготове. Бегство Севика было тщательно спланировано.

Но кем? И как можно было наперед знать, где он окажется и в какой именно момент?

Сейчас времени искать ответы не было. Борн видел «Хаммер» прямо впереди. Машина не набирала скорость, не петляла в транспортном потоке; водитель пребывал в блаженной уверенности в том, что ему удалось оторваться от погони.

Освободив от цепи ближайший к заднему пандусу мотоцикл, Борн вскочил в седло. Где ключ зажигания? Низко нагнувшись и прикрывая огонек своим телом, Борн чиркнул спичкой из книжки, которую швырнул ему Севик. Несмотря на все меры, пламя продержалось лишь одно мгновение, и все же он успел разглядеть ключ, приклеенный скотчем к сверкающему черному бензобаку.

Вставив ключ в замок зажигания, Борн завел мощный двигатель «Твин-кэм-88Б». Дав полный газ, он сместил вес своего тела назад. Задрав переднее колесо, мотоцикл рванул вниз по пандусу.

Пока Борн еще находился в свободном падении, машины, ехавшие следом за трейлером, резко затормозили, опасно пойдя юзом. В момент удара об асфальт Борн наклонился вперед. Подскочив один раз, мотоцикл поймал обеими покрышками сцепление с дорогой. Под визг

тормозов, среди вони паленой резины, Борн выписал крутой разворот и помчался вдогонку черному «Хаммеру».

После мгновения тревоги, показавшегося ему бесконечно долгим, он увидел машину на запруженной транспортом площади, расположенной на пересечении Двадцать третьей улицы и Конститьюшен-авеню. Она направлялась на юг, к мемориалу Линкольна. Безошибочно узнав массивный профиль «Хаммера», Борн включил повышенную передачу и проскочил перекресток на желтый свет, петляя среди машин под новый аккомпанемент визжащих тормозов и надрывных клаксонов.

Он неотступной тенью проследовал за «Хаммером», который свернул направо, медленно описал четверть дуги вокруг освещенного прожекторами мемориала. Это дало Борну возможность сократить разделявшее их расстояние. Когда «Хаммер» начал подниматься на Арлингтонский мемориальный мост, он дал газ и слегка подтолкнул передним колесом справа по заднему бамперу. Тяжелая машина отмахнулась от маневра мотоцикла, будто слон от мухи. Прежде чем Борн успел чуть отстать, водитель резко нажал на тормоза. Мотоцикл наткнулся на массивную заднюю часть машины, и Борн отлетел к парапету, за которым внизу чернели воды Потомака. Мчащийся прямо на него «Фольксваген», гудящий клаксоном, едва не завершил дело, начатое «Хаммером», но в самый последний момент Борну удалось удержать равновесие. Увернувшись от «Фольксвагена», он помчался следом за набирающим скорость «Хаммером», петляя между машинами.

Над головой послышался характерный рев, и Борн, подняв взгляд, увидел черное насекомое с ярко горящими глазами: вертолет ЦРУ. Сорайя снова успела переговорить по сотовому телефону.

Словно в ответ на его мысли, у него зазвонил сотовый телефон. Взяв аппарат, Борн услышал знакомый низкий голос Сорайи:

– Я прямо над тобой. Посреди острова Колумбия, прямо впереди кольцевая развязка. Позаботься о том, чтобы «Хаммер» туда попал.

Заложив вираж, Борн обогнал минивэн.

– Что с Хитнером?

– Тим умер из-за тебя, сукин ты сын.

Вертолет приземлился на кольцевой развязке в центре острова. Пилот перевел двигатель на холостые обороты, и адский грохот резко утих. Черный «Хаммер» как ни в чем не бывало катил вперед. Борн, обогнув последние машины, отделявшие его от «Хаммера», снова приблизился к нему вплотную.

Он увидел, как из вертолета выскочили Сорайя и еще двое сотрудников ЦРУ, в шлемах с забралами, вооруженные ружьями. Резко вильнув, Борн поравнялся с «Хаммером» и локтем выбил переднее левое стекло.

– Остановись! – крикнул он. – Остановись перед развязкой, или будет открыт огонь на поражение!

Со стороны Потомака показался второй вертолет. Накренившись вперед, он быстро приближался. Подкрепление.

Но «Хаммер» и не думал снижать скорость. Не отрывая взгляда от дороги, Борн раскрыл кожаную сумку на багажнике. Его пальцы нащупали гаечный ключ. Он понимал, что у него будет только один шанс. Рассчитав вектор и скорость, Борн швырнул гаечный ключ. Тяжелый кусок железа попал в переднюю часть арки заднего левого колеса. Быстро вращающееся колесо, наскочив на гаечный ключ, со страшной силой швырнуло его в заднюю подвеску.

Тотчас же «Хаммер» начал вилять из стороны в сторону, отчего гаечный ключ застрял в подвеске еще прочнее. Затем что-то хрустнуло – вероятно, лопнувшая полуось, и «Хаммер» закружился на месте. По инерции его протащило еще немного вперед и выбросило через бордюр на тротуар, где он наконец остановился. Мощный двигатель продолжал работать как часы.

Сорайя и двое агентов, рассыпавшись в цепочку, медленно двинулись к «Хаммеру», держа ружья направленными на место водителя. Подойдя достаточно близко, Сорайя двумя прицельными выстрелами спустила передние колеса. Один из агентов сделал то же самое с задними колесами. Теперь «Хаммер» никуда не двинется отсюда до тех пор, пока грузовик ЦРУ не оттащит его на экспертизу в криминалистическую лабораторию.

– Ну хорошо! – громко крикнула Сорайя. – А теперь выходите из машины, все до одного! Быстро из машины!

Наблюдая за агентами, смыкавшими кольцо вокруг «Хаммера», Борн отметил, что все они в бронежилетах. После гибели Хитнера Сорайя больше не рисковала.

Они были уже в десяти метрах от остановившейся машины, когда у Борна вдруг защипало затылок. Тут что-то было не так, но он никак не мог понять, что именно. Борн снова осмотрелся по сторонам: вроде бы все как надо; цель окружена, агенты осторожно приближаются к ней, второй вертолет застыл над головой, уровень шума нарастает по экспоненте…

И тут до него дошло.

«О господи!» – подумал Борн, яростно выкручивая ручку газа. Он закричал во весь голос, обращаясь к агентам, но не было никакой надежды на то, что те услышат его за ревом двух вертолетов и его собственного мотоцикла. Сорайя была впереди, подходила к водительской двери, а остальные, разойдясь в стороны, держались сзади, готовые в случае необходимости поддержать своего командира огнем.

Все выглядело замечательно, больше того, безукоризненно, однако на самом деле это было не так.

Склонившись к рулю, Борн направил мотоцикл к круговой развязке. Ему предстояло проехать около ста метров по прямой, проходящей чуть левее сверкающего бока «Хаммера». Оторвав правую руку от руля, он лихорадочно махал агентам, но все их внимание, как и полагается, было приковано к цели.

Борн выкрутил газ до отказа, и низкий утробный рев мотоцикла наконец перекрыл тяжелый ритмичный гул лопастей несущего винта зависшего в воздухе вертолета. Один из агентов в конце концов обратил внимание на приближающегося Борна, увидел его отчаянные жесты. Он окликнул своего товарища, и тот, обернувшись, успел заметить мотоцикл, с ревом пронесшийся к «Хаммеру».

Казалось, происходящая сцена взята из учебников ЦРУ, однако это было не так, потому что двигатель «Хаммера» работал на холостых оборотах, остывал, – *еще пока машина ехала*. Невозможно.

Сорайя находилась меньше чем в пяти метрах от водительской двери. Она стояла пригнувшись, все ее тело было в напряжении. Увидев Борна, Сорайя широко раскрыла глаза. Он был уже совсем рядом.

Захватив молодую женщину вытянутой правой рукой, Борн усадил ее за собой и рванул вперед. Один из агентов, распластавшихся на земле, предупредил второй вертолет, потому что тот резко взмыл вверх, уходя в усыпанную звездами ночь.

Тиканье, которое услышал Борн, производилось вовсе не работой двигателя. Это вел свой отсчет часовой механизм.

Взрыв разорвал «Хаммер» на части, превратив его узлы и детали в дымящуюся шрапнель, с визгом разлетевшуюся в стороны. Борн, разогнав мотоцикл до максимальной скорости, почувствовал, как руки Сорайи впились ему в ребра. Низко склонившись к рулю, он ощущал ее мягкую грудь, вжавшуюся ему в спину: молодая женщина буквально припаялась к нему. Воющий ветер обдал их жаром доменной печи; небо, на мгновение озарившееся оранжевым сиянием, тотчас же затянулось маслянистым черным дымом. Вокруг грохотал и свистел град

раскаленного искореженного металла, вспахивающего землю, впивающегося в асфальт, с шипением падающего в воду.

Джейсон Борн, чувствуя за спиной тепло прижавшейся к нему Сорайи, набирал скорость, мчась в сторону Вашингтона.

Глава 4

Яков Сильвер и его брат вынырнули из ночной темноты в то время, когда даже такие города, как Вашингтон, пустеют или по крайней мере приобретают какой-то уныло-одинокий вид, словно голубая меланхолия прогоняет с улиц все живое. Когда они вошли в приглушенную роскошь гостиницы «Конститьюшен» на северо-восточном углу Двадцатой улицы и Ф-стрит, Томас, дежурный администратор, поспешил к ним навстречу по дорогой ковровой дорожке мимо расширяющихся кверху мраморных колонн.

И у него была веская причина для подобной суеты. Он, как и остальные дежурные администраторы, получил от Льва Сильвера, брата Якова Сильвера, хрустящую стодолларовую бумажку, когда братья заселялись в гостиницу. Эти два еврея, торговцы бриллиантами из Амстердама, были очень богаты: тут не могло быть никаких сомнений. К братьям Сильверам следовало относиться с бесконечными вниманием и уважением, подобающими их высокому статусу.

Томас, маленький человечек с вечно влажными ладонями, похожий на мышку, отметил, что у Якова Сильвера раскраснелось лицо, словно он только что одержал крупную победу. А работа Томаса как раз и заключалась в том, чтобы угадывать желания самых важных постояльцев гостиницы.

– Мистер Сильвер, меня зовут Томас. Рад видеть вас, сэр, – сказал он. – Могу я что-нибудь для вас сделать?

– Можете, Томас, – ответил Яков Сильвер. – Приготовьте бутылку лучшего шампанского, какое только у вас есть.

– И пусть ее принесет тот пакистанец, – добавил Лев Сильвер, – как там его зовут?..

– Омар, мистер Сильвер.

– Ах да, Омар. Он мне нравится. Попросите его принести шампанское в номер.

– Хорошо. – Томас согнулся в поясе, почтительно кланяясь. – Будет исполнено, мистер Сильвер.

Он поспешил к своему столику, а братья Сильверы вошли в лифт. Обитая плюшем кабина бесшумно подняла их на пятый этаж, отведенный самым почетным гостям.

– Ну, как все прошло? – спросил Лев Сильвер.

И Яков Сильвер ответил:

– Все прошло в точности так, как было запланировано.

Закрыв за собой дверь номера люкс, он скинул с себя плащ и пиджак и направился прямиком в ванную, зажигая по дороге весь свет. За спиной в гостиной заработал телевизор. Яков Сильвер стащил промокшую от пота рубашку.

В ванной комнате, отделанной розовым мрамором, все уже было готово.

Раздевшись по пояс, Яков Сильвер склонился над мраморной раковиной и вынул свои золотистые глаза. Высокий, обладающий телосложением бывшего игрока в регби, он был совершенен, как олимпиец: похожий на стиральную доску упругий живот, мускулистые плечи, мощные конечности. Захлопнув пластмассовую коробочку, в которую он аккуратно уложил золотистые контактные линзы, Яков Сильвер посмотрел на себя в зеркало. За собственным отражением он увидел значительную часть номера, отделанного в кремовых и серебряных тонах. В гостиной слышалось тихое бормотание диктора Си-эн-эн. Затем телевизор переключился на канал новостей «Фокс ньюс», потом на информационный выпуск Эн-би-си.

– Ничего, – донесся из комнаты звонкий тенор Муты ибн Азиза. Мута ибн Азиз сам выбрал себе это вымышленное имя – Лев. – Ни в одном выпуске новостей ничего нет.

– И не будет, – сказал Яков Сильвер. – ЦРУ мастерски владеет искусством манипулирования средствами массовой информации.

Теперь в зеркале появился сам Мута ибн Азиз, ухватившись одной рукой за дверной косяк ванной, другую держа за спиной. Черноволосый и темноглазый, с классическим семитским лицом, на котором застыла неистовая и неутолимая решимость, он был младшим братом Аббуда ибн Азиза.

Пододвинув стул, Мута уселся напротив туалета. Взглянув на свое отражение в зеркале, он заметил:

– Без бород мы выглядим какими-то голыми.

– Это же Америка. – Яков Сильвер отрывисто кивнул. – Возвращайся в комнату.

Оставшись один, он позволил себе думать, как Фади. Личину Хирама Севика Яков Сильвер отбросил в тот момент, когда они с Мутой выскочили из черного «Хаммера». Мута, как и было заранее обговорено, оставил полуавтоматический пистолет «беретта» с неуклюжим глушителем М-9СД на переднем сиденье. Выстрел его попал точно в цель, но никто и не сомневался в меткости Муты ибн Азиза.

«Хаммер» снова рванул вперед, а они быстро скрылись из виду, забежав за угол, а затем прошли по Двадцатой улице до Ф-стрит и, подобно двум призракам, исчезли за ярко освещенным фасадом гостиницы.

А тем временем, меньше чем в миле от них, Ахмад, оставшийся один в кабине «Хаммера», заполненной взрывчаткой «Си-4», уже принял мученическую смерть и отправился прямиком в рай. Герой, прославивший свою семью и свой народ.

«Твоя задача заключается в том, чтобы забрать с собой как можно больше врагов», – напутствовал Ахмада Фади, когда тот добровольно вызвался принести себя в жертву. На самом деле желающих было много, и между ними не было почти никакой разницы. Положиться он мог на каждого. Фади остановил свой выбор на Ахмаде, потому что тот приходился ему двоюродным братом. Разумеется, одним из многих, но у Фади был небольшой долг перед его дядей, за который он своим решением расплатился сполна.

Сунув руку в рот, Фади достал фарфоровые зубные коронки, с помощью которых он расширил челюсть Хирама Севика. Вымыв коронки водой с мылом, он положил их на место в твердую коробочку, в каких торговцы перевозят драгоценные камни и ювелирные украшения. Мута предусмотрительно пристроил ее на широкий край ванны, чтобы все было под рукой: ящичек с многочисленными полочками и отделениями, заполненными разнообразным театральным гримом, растворителями, резиновыми деснами, париками, цветными контактными линзами и всевозможными накладками для изменения формы носа, подбородка и ушей.

Выдавив на широкое хлопчатобумажное полотенце растворитель, Фади тщательно смыл грим с лица, шеи и рук. Его естественная, потемневшая на солнце кожа, добрых десять дней скрытая от людских глаз, проступала полосами. Наконец он увидел в зеркале Фади таким, каким его знал. На краткий миг он стал самим собой, бесценным сокровищем, попавшим в самое логово врага. Затем они с Мутой ибн Азизом уйдут, скроются в облаках, чтобы попасть в следующее место.

Вытерев лицо и руки полотенцем, Фади вернулся в гостиную. Мута, стоя перед телевизором, смотрел сериал «Клан Сопрано».

– Я прихожу к выводу, что эта тварь Кармела, жена главаря, вызывает у меня омерзение, – сказал он.

– И неудивительно. Только взгляни на ее обнаженные руки.

Кармела стояла в открытых дверях своего неприлично огромного особняка, наблюдая за тем, как ее неприлично огромный муж забирается в неприлично огромный «Кадиллак».

– А их дочь жила половой жизнью до замужества. Ну почему Тони не убил ее, как того требует закон? Расправившись с нею собственной рукой, он бы спас свою честь и честь своей семьи, которая теперь оказалась втоптанной в грязь. – В порыве отвращения Мута ибн Азиз шагнул к телевизору и выключил его.

– Мы стремимся привить нашим женщинам мудрость пророка Мохаммеда и Корана, истинную веру, которая должна стать им путеводной нитью в жизни, – заметил Фади. – А эта американка – она неверная. У нее ничего нет, и сама она – ничто.

Раздался робкий стук в дверь.

– Это Омар, – сказал Мута. – Я займусь им сам.

Молча кивнув, Фади скрылся в ванной.

Пройдя по глубокому ковру, Мута открыл дверь, впуская Омара. Это был высокий, широкоплечий мужчина лет сорока, не больше, с обритой головой, быстрой улыбкой и страстью отпускать непонятные шутки. На плече он держал серебряный поднос с бутылкой шампанского в громадном ведерке, двумя фужерами и тарелкой с нарезанными фруктами. Мута отметил, что Омар заполнил собой весь дверной проем, как это было бы и с Фади, поскольку оба были приблизительно одного роста и телосложения.

– Ваше шампанское, – торжественным тоном произнес Омар.

Пройдя в номер, он поставил свою ношу на стеклянную крышку столика для коктейлей. Когда Омар вынимал бутылку из ведерка, кубики льда зашуршали, вызывая мурашки.

– Я откупорю сам, – сказал Мута, забирая тяжелую бутылку шампанского у коридорного.

Когда Омар достал кожаную книжечку с квитанциями, Мута окликнул:

– Яков, принесли шампанское. Ты должен расписаться.

– Скажи Омару, пусть пройдет в ванную.

Даже после этих слов Омар посмотрел на Муту с сомнением.

– Идите же, – на лице Муты ибн Азиза появилась обезоруживающая улыбка. – Уверяю вас, он не кусается.

Держа кожаную книжицу перед собой, словно подношение, Омар направился на звук голоса Фади.

Мута уронил бутылку обратно на ложе из кубиков льда. Он понятия не имел, каково шампанское на вкус, и у него не было ни малейшего желания это узнать. Услышав донесшийся из ванной резкий громкий звук, Мута с помощью пульта дистанционного управления включил телевизор и прибавил громкость. Поскольку «Клан Сопрано» уже закончился, он стал переключать каналы и остановился только тогда, когда узнал лицо Джека Николсона. Номер наполнился голосом актера.

– Это же Джонни! – нараспев произнес Николсон в дыру в двери ванной комнаты, которую только что проделал топором.

Омар сидел, привязанный к стулу, поставленному в ванну. Его руки были связаны за спиной. Большие, подвижные карие глаза не отрывались от Фади. На подбородке наливался отвратительный синяк.

– Ты не еврей, – сказал на урду Омар. – Ты мусульманин.

Не обращая на него внимания, Фади продолжал заниматься своим делом, каковым в настоящее время являлась смерть.

– Ты мусульманин, такой же, как я, – повторил Омар. К своему собственному удивлению, ему было нисколько не страшно. Казалось, он пребывает во сне, как будто с самого своего рождения ему судьбой была предписана эта встреча. – Ну как ты можешь пойти на такое?

– Скоро ты примешь мученическую кончину за правое дело, – также на урду ответил Фади. Отец обучил его этому языку еще в детстве. – На что же ты жалуешься?

– Это «правое» дело, – спокойно возразил Омар, – оно твое. Оно не мое. Ислам – религия мира, а вы развязали страшную, кровавую войну, которая опустошает семьи, выкашивает целые поколения.

– Американские террористы не оставили нам выбора. Они присосались к нашему нефтяному вымени, но и этого им недостаточно. Они хотят владеть нефтяным выменем. Поэтому они изобретают ложь и вторгаются на нашу землю. Американский президент утверждает, разумеется, лживо, что с ним разговаривал сам господь бог. Американцы возродили эпоху крестовых походов. Они стали предводителями неверных всего мира – и следом за ними идет Европа, иногда охотно, иногда помимо своей воли. Америка уподобилась огромной машине, которая катится по всему земному шару, а ее жители перемалывают в дерьмо все, что им попадается на пути. Если мы их не остановим,

американцы станут нашей погибелью. Именно к этому они стремятся. Нас приперли к стене. Мы оказались втянуты против своей воли в войну, и речь теперь идет о самом нашем выживании. У нас систематически отбирают власть, силу, собственное достоинство. Сейчас американцы задумали оккупировать весь Ближний Восток.

– Твоя речь наполнена бесконечной ненавистью.

– Это подарок, доставшийся от американцев. Необходимо полностью очиститься от разлагающего влияния Запада.

– Как я уже сказал, до тех пор, пока вами будет двигать одна только ненависть, вы обречены. Ослепленный ненавистью, ты видишь только тот мир, который выдумал сам.

По всему телу Фади пробежала дрожь едва сдерживаемой ярости.

– Я ничего не выдумывал! Я защищаю то, что *нужно* защищать. Ну почему ты никак не можешь увидеть, что пошатнулись устои нашего образа жизни?

– Это ты ничего не видишь. Существуют и другие пути.

Фади откинул голову назад. Его голос наполнился желчью:

– Ах да, Омар, теперь ты открыл мне глаза. Я отвернусь от своего народа, от нашего прошлого. Стану таким, как ты, слугой, который ублажает упаднические прихоти изнеженных американцев и довольствуется крошками с их стола.

– Ты видишь только то, что хочешь видеть. – Лицо Омара наполнилось печалью. – Достаточно только посмотреть на пример Израиля, и ты поймешь, чего можно добиться напряженным трудом и…

– За спиной Израиля стоят деньги и военная мощь Америки, – прошипел ему в лицо Фади. – И еще у него есть атомная бомба.

– Ну разумеется, ты видишь только это. Но среди израильтян много лауреатов Нобелевской премии по физике, экономике, химии, литературе. Их труды определяют развитие современной квантовой вычислительной техники, термодинамики черных дыр, теории цепей. Именно израильтяне основали такие компании, как «Паккард Белл», «Оракл», «Сэн-диск», «Аками», «Меркурий интерактив», «Чекпойнт», Ай-си-кью.

– Ты несешь полный вздор, – устало произнес Фади.

– Да, для тебя это вздор. Потому что ты умеешь только разрушать. А эти люди создали жизнь для себя, для своих детей, для детей своих детей.

Вот образец, которому нужно следовать. Оглянись назад, помоги своему народу, дай ему образование, позволь добиться чего-нибудь в жизни.

– Да ты просто спятил! – в бешенстве воскликнул Фади. – Этому не бывать! Никогда! Кончено!

Он рубанул воздух рукой. В ней было зажато сверкающее лезвие, которое рассекло Омару горло от уха до уха.

Бросив напоследок еще один взгляд на маниакально ухмыляющееся лицо Николсона, Мута ибн Азиз прошел следом за Омаром в необъятную ванную, отделанную розовым мрамором, напоминавшим, на его взгляд, освежеванную плоть. Омар был там, сидел на стуле, который поставил в ванну Мута. Склонившись над Омаром, Фади изучал его лицо, словно стараясь запечатлеть его в памяти. В предсмертных судорогах Омар зацепил ногой ящичек с гримом, опрокинув его. Повсюду валялись баночки, разбитые флаконы, накладки. Хотя это теперь не имело значения.

– У него такой печальный вид, он как-то весь съежился, сжался, – заметил Мута.

– Он уже вне печали, – возразил Фади. – Он вне боли и радости.

Мута заглянул в остекленевшие глаза Омара. Расширившиеся в смерти зрачки были неподвижны.

– Ты сделал его. Так чисто, так аккуратно.

Фади присел на край ванны. Поколебавшись мгновение, Мута поднял с кафельного пола электрическую машинку для стрижки волос. Фади закрепил на стене с помощью присосок зеркало. Глядя в него, внимательно следя за каждым движением Муты, он стал смотреть на то, как его стригут.

Когда работа была закончена, Фади встал. Он изучил свое отражение в зеркале над раковиной, затем снова перевел взгляд на Омара. Фади повернулся к зеркалу боком, и Мута развернул голову Омара так, чтобы была видна та же сторона. Затем другая.

– Вот здесь еще немного… – Фади указал себе на макушку, – …там, где Омар уже начал лысеть.

Удовлетворившись стрижкой, он стал мастерить себе нос Омара, его неровный прикус с чуть выступающими передними зубами, удлиненные мочки ушей.

Вдвоем они сняли с Омара форменную одежду, носки, ботинки. Фади не забыл и нижнее белье, надев его на себя в первую очередь. Необходимо было добиться полной достоверности.

– Ла ила ил-алла.[2] – Мута ухмыльнулся. – Теперь ты вылитая копия этого пакистанца-слуги.

Фади кивнул.

– В таком случае пора.

Пройдя через номер, он взял поднос, принесенный Омаром. Выйдя в коридор, Фади спустился на первый этаж на служебном лифте. Достав портативный экран, он вывел на него план гостиницы. На то, чтобы отыскать помещение, где находились выключатели систем вентиляции и кондиционирования, электроснабжения и пожаротушения, ему потребовалось меньше трех минут. Проникнув внутрь, Фади вскрыл панель выключателей системы пожаротушения и заменил провода, относящиеся к пятому этажу. На первый взгляд цветная маркировка проводов покажется правильной, однако на самом деле автоматические огнетушители пятого этажа теперь были отключены.

Фади вернулся на пятый этаж тем же путем, каким уходил. На втором этаже в служебный лифт вошла горничная, и он обратился к ней, старательно подражая голосу Омара. Горничная вышла на четвертом этаже, ничего не заподозрив.

Возвратившись в номер Сильверов, Фади прошел в ванную. Из нижнего ящика шкафчика он достал маленький баллончик с пульверизатором и две металлические канистры с дисульфидом углерода. Содержимое одной канистры Фади вылил на гостеприимно раздвинутые колени Омара, и тотчас же воздух наполнился запахом тухлых яиц. Пройдя в спальню, он полил из второй канистры пол под окном, где оканчивалась кромка тяжелых штор. После чего Фади побрызгал на шторы из баллончика веществом, которое превратило ткань из негорючей в легковоспламеняющуюся.

Вернувшись в гостиную, Фади спросил:

– У тебя есть все, что нужно?

– Я ничего не забыл, Фади.

Нырнув в ванную, Фади поджег катализатор. В адском пекле горящего катализатора от трупа не останется буквально ничего – ни костей, ни плоти, которые можно было бы опознать. Затем под пристальным взглядом Муты Фади запалил снизу шторы, и они быстро вышли из номера. В коридоре они сразу же расстались: Мута ибн Азиз направился к лестнице, а Фади снова воспользовался служебным лифтом. Две минуты спустя он вышел из боковой двери: у Омара перекур. Через сорок три секунды к нему присоединился Мута.

Они едва успели свернуть с Двадцатой улицы на Эйч-стрит, под защиту массивных зданий университета имени Джорджа Вашингтона, как с громоподобным ревом из окна пятого этажа гостиницы вырвалось пламя, спешащее охватить все три комнаты номера люкс Сильверов.

Они шли по улице под аккомпанемент криков, голосов, нарастающего воя сирен. В ночной темноте расцветало мерцающее багровое зарево, пышущее жаром, – зловещие отсветы катастрофы и смерти.

Фади и Муте ибн Азизу это зрелище было очень хорошо знакомо.

Казалось, на противоположном конце земного шара, в совершенно другом мире, вдали от роскоши и международного терроризма, Северо-восточный сектор жил своей собственной жизнью. Здесь зрели свои, домашние катастрофы, порожденные нищетой, беспросветной бедностью, полным отсутствием гражданских прав – токсическими составляющими бытия, так хорошо знакомого Фади и Муте ибн Азизу.

Вся территория принадлежала бандам; сильные и лишенные морали промышляли наркотиками и азартными играми. Ни одной ночи не проходило без стычек противоборствующих группировок, выясняющих между собой отношения, без перестрелок и бушующих пожаров. Ни один полицейский не осмеливался появиться здесь без мощного вооруженного прикрытия. То же самое относилось и к патрульным машинам, экипаж которых без исключения состоял из двух человек; иногда, в особенно кровавые ночи или в полнолуние, экипаж увеличивался до трех и даже до четырех копов.

Борн и Сорайя неслись по этим зловещим улицам, погруженным в темноту. Оглянувшись, Борн уже второй раз заметил сзади черный «Камаро».

– Мы подцепили «хвост», – бросил он через плечо.

Сорайя даже не потрудилась обернуться.

– Это «Тифон».

– А ты откуда знаешь?

Сквозь вой ветра Борн услышал характерный металлический щелчок выкинутого лезвия. Острие прижалось к его горлу.

– Остановись у обочины, – произнесла ему в ухо Сорайя.

– Да ты с ума сошла! Убери нож.

Она лишь сильнее вдавила лезвие в кожу.

– Делай, как говорю.

– Не надо, Сорайя.

– Это тебе нужно подумать о том, что ты наделал.

– Я понятия не имею, о чем ты…

Сорайя с силой ткнула его в спину.

– Черт побери, остановись же!

Борн послушно сбросил скорость. Черный «Камаро» с ревом приблизился к нему слева, прижимая к тротуару. Сорайя с удовлетворением отметила это, но тут Борн с силой вонзил большой палец в нервный узел у нее на внутренней стороне запястья. Ее рука непроизвольно раскрылась, Борн подхватил выпавший нож за рукоятку, закрыл его и убрал в карман.

«Камаро», действуя строго по инструкции, обогнал мотоцикл и встал под углом к тротуару, перегораживая дорогу. Пока машина еще качалась на рессорах, открылась передняя правая дверь, и оттуда выскочил вооруженный агент. В этот момент Борн выкрутил руль. Двигатель взревел, и мотоцикл рванул вправо, через выжженную лужайку, скользнув в узкий переулок между двумя домами.

Сзади послышались крики, звук захлопнувшейся двери, сердитый рев «Камаро», но все это было бесполезно. Переулок оказался слишком узким для машины. Она не могла преследовать мотоцикл. Конечно, можно было попытаться перехватить его с противоположной стороны, но у Борна имелся ответ и на это. Эта часть Вашингтона была ему прекрасно знакома, и он мог поспорить, что его преследователи очутились здесь в первый раз.

С другой стороны, ему приходилось иметь дело с Сорайей. Хоть он и отобрал у нее нож, молодая женщина по-прежнему могла использовать в качестве оружия все части своего тела. Что она и сделала, с максимальной экономией движений и эффективностью. Сорайя воткнула кулаки Борну в почки, заколотила его локтем по спине и даже попыталась выцарапать ему глаз большим пальцем, несомненно желая расквитаться за то, что произошло с беднягой Тимом Хитнером.

Все эти нападки Борн переносил с угрюмым стоицизмом, по возможности отбиваясь от Сорайи, при этом не забывая управлять мотоциклом, который ракетой несся вперед, зажатый с двух сторон грязными стенами. Наиболее частыми препятствиями, которые ему приходилось объезжать на полной скорости, были мусорные баки и валяющиеся на земле пьяные.

Вдруг впереди, в конце переулка появились трое подростков. Двое зловеще размахивали бейсбольными битами. Третий, стоявший чуть сзади, направил на приближающийся мотоцикл пистолет.

– Держись! – крикнул Сорайе Борн.

Почувствовав, как молодая женщина крепко обвила его руками за талию, он откинулся назад, резко смещая центр тяжести, и одновременно до отказа выкрутил ручку газа. Переднее колесо мотоцикла оторвалось от земли. Они понеслись на бандитов, словно вставший на задние лапы лев, готовый броситься на добычу. Борн услышал звук выстрела, однако корпус мотоцикла был надежной защитой. И тотчас же они оказались в самой гуще врагов. Выхватив биту из рук юнца слева, Борн ударил ею по руке третьего бандита, и пистолет отлетел в сторону.

Мотоцикл выскочил из переулка. Борн наклонился вперед, опуская его на два колеса как раз вовремя, чтобы сделать крутой поворот направо, на улицу, заполненную мусором и бродячими собаками, которые лаем проводили с ревом промчавшийся мимо «Харлей-Дэвидсон».

– Ну а теперь можно выяснить… – начал было Борн.

Он так и не закончил. Сорайя обвила ему рукой гортань, стискивая ее удушающей хваткой.

Глава 5

– Будь ты проклят, будь ты проклят, будь ты проклят! – твердила Сорайя, словно заклинание.

Борн с трудом ее слышал, слишком поглощенный тем, чтобы остаться в живых. Мотоцикл несся по пустынной улице на скорости сто километров в час, причем, как выяснилось, по встречной полосе. Ему удалось увернуться от мчащегося под оглушительный сигнал клаксона «Форда», водитель которого обложил его последними ругательствами. Но при этом мотоцикл зацепил «Линкольн», стоявший у противоположной обочины. Он отскочил, оставив на переднем бампере длинную царапину. Гортань Борна, практически полностью пережатая удушающим захватом Сорайи, пропускала в легкие самое минимальное количество воздуха. Перед глазами у него начинали мелькать звезды, и он то и дело отключался на несколько микросекунд.

И тем не менее Борн осознал, что «Линкольн» ожил и, резко развернувшись на месте, помчался вдогонку за мотоциклом. А впереди надвигался огромный грузовик, перегородивший собой почти всю улицу.

Резко рванув вперед, «Линкольн» поравнялся с мотоциклом. Непроницаемо-черное стекло опустилось, и показалось круглое лицо негра, извергающего отборные проклятия. Затем появилось ненасытное дуло обреза ружья.

– Я тебе покажу, твою мать!

Но прежде, чем круглолицый успел нажать на спусковой крючок, Сорайя выбросила вверх левую ногу. Мысок ботинка попал по дулу ружья. Оно резко дернулось вверх, и заряд дроби ушел в кроны деревьев, которыми была обсажена улица. Воспользовавшись этим, Борн дал полный газ и понесся прямо навстречу огромному грузовику. Увидев этот самоубийственный маневр, водитель запаниковал и выкрутил руль в сторону, одновременно переключаясь на пониженную передачу и нажимая что есть силы на тормоз. Протестующе взвыв, грузовик пошел юзом, встав поперек дороги.

Сорайя, увидев стремительно приближающуюся смерть, закричала по-арабски. Отпустив шею Борна, она снова крепко обвила его руками за талию.

Борн закашлял, наполняя горящие легкие сладостным воздухом, свесился вправо и заглушил двигатель за мгновение до столкновения с грузовиком.

Крик Сорайи оборвался на середине. Упав набок, мотоцикл, в облаке искр и капель крови из разодранной правой ноги Борна, проскользнул между бешено вращающимися осями грузовика.

Оказавшись с противоположной стороны, Борн оживил двигатель и, использовав момент инерции и совокупный вес их тел, вернул мотоцикл в вертикальное положение.

Сорайя, слишком оглушенная, чтобы тотчас же возобновить атаку, пробормотала:

– Остановись! Пожалуйста, остановись…

Борн пропустил ее слова мимо ушей. Он знал, куда ехать.

Директор ЦРУ принимал у себя в кабинете Мэттью Лернера, пришедшего с докладом об обстоятельствах бегства Хирама Севика и его бурных последствиях.

– Если не считать Хитнера, – говорил Лернер, – потери минимальные. У двух агентов ссадины и порезы – один также получил легкую контузию при взрыве. Еще один агент пропал без вести. «Птичка» на земле

получила минимальные повреждения, – он имел в виду вертолет, – а та, что висела в воздухе, вообще не пострадала.

– Это же было людное место, – сказал Старик. – Там же в этот час полно народу, твою мать.

– О чем только думал Борн, черт бы его побрал, когда выводил Севика на улицу?

Директор поднял взгляд на портрет президента, висящий на стене. Напротив висел портрет его предшественника. «Твой портрет напишут только тогда, когда тебя самого повесят сушиться», – мрачно подумал он. Годы давили на него, и бывали дни – как, например, сегодня, – когда он ощущал вес каждой песчинки из песочных часов, медленно, но необратимо хоронивших его. Великан Атлас с поникшими плечами.

Порывшись в бумагах, директор достал один листок.

– Звонил директор Федерального бюро, мать-перемать, расследований. – Его взгляд сверлил Лернера насквозь. – И знаешь, Мэттью, что они хотели? Они хотели знать, могут ли они чем-либо нам помочь. Как тебе это нравится? Лично я просто без ума от восторга. Затем позвонил президент и тоже спрашивал, что за чертовщина происходит, не напали ли на нас террористы и не пора ли ему направляться в «страну Оз». – Еще одно название Защищенного центра управления, глубоко запрятанного укрытия, откуда президент и его аппарат могут руководить страной во время полномасштабного кризиса. – Я заверил его, что все находится под контролем. Но теперь этот же самый вопрос я задаю тебе, и, видит бог, мне нужен исчерпывающий ответ.

– В конечном счете, все возвращается к Борну, – сказал Лернер, читая составленные наспех замечания, которые помощник сунул ему в руку прямо перед тем, как он отправился к директору. – Однако новейшая история ЦРУ пестрит случаями сумятиц и катастроф, в центре которых почему-то неизменно оказывается Джейсон Борн. Мне очень больно говорить это, но я вас предупреждал, что всего этого удалось бы избежать, если бы Мартин Линдрос оставался здесь. Мне известно, что в свое время он был хорошим оперативным агентом, но то было давно. Административные заботы быстро ослабляют звериное чутье. У Линдроса была своя епархия. Кто будет заведовать ею, если он погибнет? Провал с Севиком явился прямым следствием того, что «Тифон» остался без руководителя.

– Да знаю я все это, черт возьми! Я рву на себе волосы при мысли, что поддался на уговоры Мартина. И началось: сначала одна за другой катастрофы на Рас-Дашане, затем вот это. По крайней мере, на этот раз Борну не удастся исчезнуть.

Лернер покачал головой.

– Но меня не покидает тревога, достаточно ли будет одного этого.

– Что ты хочешь сказать?

– Существует очень большая вероятность, что Борн приложил руку к бегству Севика.

Брови Старика сошлись вместе.

– У тебя есть доказательства?

– Сейчас как раз работаю над этим, – ответил Лернер. – Но все сходится. Побег был подготовлен заранее. Подручным Севика требовалось только, чтобы его выпустили из клетки, и Борн тут им очень помог. Что-что, а если он берется за какое-то дело, его можно считать сделанным, это мы уже давно уяснили.

Старик с силой хлопнул ладонью по столу.

– Если это Борн стоит за побегом Севика, даю слово, что я сдеру с него кожу с живого!

– О Борне я позабочусь.

– Терпение, Мэттью. Пока что он нам нужен. Мы должны вернуть Мартина Линдроса, и тут Борн – наша единственная надежда. Оперативный отдел долго размышлял и в конце концов отправил следом за «Скорпионом-1» «Скорпион-2», и в результате мы потеряли обе группы.

– Я уже говорил, что, задействовав свои связи, смогу собрать небольшую команду…

– Вольных стрелков из числа бывших сотрудников Управления национальной безопасности, которые сейчас работают в частных компаниях. – Директор ЦРУ покачал головой. – Эта идея была мертворожденной. Я никогда не дам свое согласие на то, чтобы такая чувствительная операция была поручена банде наемников, людей, которых я не знаю, которые мне не подчиняются.

– Но Борн – проклятие, вы же знакомы с его прошлым, и вот сейчас история повторяется снова. Он делает то, черт побери, что считает нужным, тогда, когда это его устраивает, а на все остальное ему плевать.

– Каждое твое слово – истинная правда. Лично я терпеть не могу этого человека. Он олицетворяет собой все то, что меня научили считать смертельной угрозой такой организации, как ЦРУ. Но я твердо знаю

одно: Борн предан тем, к кому привязан. А Мартин один из них. Если кто-то и может найти и вернуть его, то только Борн.

В этот момент распахнулась дверь, и в кабинет просунула голову Анна Хельд.

– Сэр, у нас возникли внутренние проблемы. Меня лишили допуска. Я звонила в службу электронной безопасности, и мне ответили, что это не ошибка.

– Совершенно верно, Анна. Это часть реорганизационного плана, предложенного Мэттью. Он решил, что для той работы, которую я тебе поручаю, высшая степень допуска не нужна.

– Но, сэр…

– Техническому персоналу требуется допуск к одним документам, – остановил ее Лернер. – Оперативным работникам – к другим. Все чисто и аккуратно, и никаких двусмысленностей. У вас еще есть какие-нибудь вопросы, мисс Хельд?

Анна была в бешенстве. Она посмотрела было на Старика, но сразу же поняла, что с этой стороны помощи ждать нечего. В его молчании, в его согласии Анна увидела предательство тех взаимоотношений, которые она выковывала так долго и с таким трудом. Она была полна решимости защищать себя, но понимала, что сейчас не время и не место для этого.

Анна уже собиралась закрыть дверь, но тут у нее за спиной появился курьер из оперативного отдела. Обернувшись, она взяла у него листок бумаги и снова повернулась к директору.

– Сэр, только что пришли данные на пропавшего агента, – сказала она.

Настроение директора ЦРУ существенно ухудшилось за последние несколько минут.

– Кто это? – резко спросил он.

– Сорайя Мор, – ответила Анна.

– Вот видите, – неумолимо промолвил Лернер, – еще одна из тех, кто был выведен из-под моей юрисдикции. Ну как я могу заниматься своим делом, когда те, кто мне совершенно не подчиняется, постоянно откалывают какие-то штучки? Все это напрямую связано с Линдросом, сэр. Если вы поручите мне командование «Тифоном» до тех пор, пока его не найдут или не будет подтверждена его гибель…

– Сорайя вместе с Борном, – сказала своему боссу Анна Хельд, прежде чем Лернер успел произнести еще хоть слово.

– Проклятие! – взорвался директор ЦРУ. – Как, черт побери, такое произошло?

– Похоже, никто не знает, – ответила Анна.

Директор ЦРУ поднялся из-за стола, его лицо побагровело от ярости.

– Мэттью, я тоже считаю, что «Тифону» нужен временный руководитель. И сейчас этим человеком будешь ты. Иди без промедления займись этим делом.

– Останови мотоцикл! – крикнула Борну в ухо Сорайя.

Тот покачал головой:

– Мы еще не успели далеко…

– Быстро. – Она приставила ему к горлу лезвие ножа. – Я не шучу.

Свернув в переулок, Борн подъехал к тротуару и опустил подножку. Они слезли с мотоцикла, и он повернулся к молодой женщине.

– Итак, черт побери, что происходит?

Ее глаза горели едва сдерживаемой яростью.

– Ты убил Тима, сукин сын!

– Что? Ну как ты могла подумать…

– Это ты предупредил дружков Севика, куда его приведешь.

– Ты с ума сошла?

– Да? Это ведь ты предложил вывести Севика из камеры. Я пыталась тебя остановить, но…

– Я не убивал Хитнера.

– Тогда почему ты стоял на месте, когда его расстреляли?

Борн промолчал, потому что у него не было ответа на этот вопрос. Он вспомнил, что в тот момент его мучили какой-то звук и – он потер лоб – сводящая с ума головная боль. Сорайя права. Бегство Севика, смерть Хитнера. Как он мог допустить все это?

– Побег Севика был тщательно спланирован, и момент времени был выбран самый подходящий. Но как такое могло быть? – говорила Сорайя. – Откуда подручные Севика узнали, где он будет находиться? *Как* могли они это узнать, если только ты их не предупредил? – Она покачала головой. – Мне следовало бы внимательнее прислушиваться к

рассказам о твоих художествах. Во всем управлении были всего двое, кого ты мог водить за нос: один мертв, а другой пропал без вести. Определенно, тебе нельзя доверять.

Сделав над собой усилие, Борн вернулся к реальности.

– Существует еще одна возможность.

– Это было бы очень неплохо.

– Я никому не звонил ни пока мы находились в тюрьме, ни когда вышли на улицу…

– Ты мог подать знаки рукой – мало ли что.

– Ты права насчет способа, но ошибаешься относительно посланника. Помнишь, как Севик зажег спичку?

– Ну как можно такое забыть? – с горечью произнесла Сорайя.

– Это был последний сигнал ждущему «Хаммеру».

– Как раз об этом я и говорю: «Хаммер» *уже* ждал. Ты *знал* об этом, потому что сам все подстроил.

– Если это моих рук дело, зачем мне рассказывать тебе об этом? Задумайся, Сорайя! Ты позвонила Хитнеру и предупредила его о том, что мы выходим на улицу. Это *Хитнер* связался с подручными Севика.

Ее смех был резким и презрительным.

– И что, затем один из подручных Севика пристрелил Тима? Зачем, черт возьми, это понадобилось?

– Для того, чтобы полностью замести следы. Хитнер мертв, и теперь можно не опасаться, что его возьмут в оборот и заставят говорить.

Сорайя упрямо тряхнула головой:

– Я уже давно знала Тима. Он не предатель.

– Как правило, Сорайя, именно такие и оказываются виновными.

– Замолчи!

– Быть может, он стал предателем не по своей воле. Быть может, его каким-то образом вынудили к этому.

– Не говори больше ни одного слова про Тима. – Она угрожающе взмахнула ножом. – Ты просто пытаешься спасти свою шкуру!

– Послушай, ты абсолютно права в том, что бегство Севика было спланировано заранее. Но я понятия не имел, где он содержится, – черт

возьми, я даже не знал, что у вас в руках вообще *кто-то* есть, пока ты сама не сказала мне об этом за десять минут до того, как проводить меня к Севику.

Эти слова стали для Сорайи холодным душем. Она как-то странно посмотрела на Борна – это был тот самый взгляд, которым она встретила его, когда впервые увидела его в центре «Тифона».

– Если бы я был твоим врагом, зачем стал бы спасать тебя во время взрыва?

Молодую женщину охватила дрожь.

– Я и не притворяюсь, что у меня есть ответы на все вопросы…

Борн пожал плечами.

– Раз ты сама еще не определилась, наверное, мне не стоит еще больше сбивать тебя с толку правдой.

Сорайя сделала глубокий вдох, широко раздувая ноздри.

– Я не знаю, чему верить. С того самого момента, как ты пришел в «Тифон»…

Молниеносным движением Борн вскинул руку, разоружая ее. Сорайя широко раскрыла глаза, увидев, как он возвращает ей нож, протягивая его рукояткой вперед.

– Если бы я был твоим врагом…

Она долго смотрела на нож, затем, переведя взгляд на Борна, взяла его и сунула в неопреновые ножны сзади на поясе.

– Ну хорошо, итак, ты не враг. Но и Тим не был врагом. *Обязательно* должно быть какое-то другое объяснение.

– В таком случае мы найдем его вместе, – сказал Борн. – Мне нужно обелить свое имя, тебе – имя Хитнера.

– Дай мне свою правую руку, – попросила его Сорайя.

Схватив Борна за запястье, она перевернула его руку ладонью вверх. Затем другой рукой прижала лезвие плоской стороной к кончику указательного пальца Борна.

– Не двигайся.

Одним умелым движением она двинула лезвие вперед, вдоль кожи. Но вместо капельки крови на пальце появился крошечный овал из полупрозрачного материала, настолько тонкий, что Борн его не замечал и не чувствовал.

– Ну, вот и все. – Сорайя показала Борну овал в ярком свете уличного фонаря. – Эта штуковина называется НЭМ. Согласно заверениям ребят из ДАРПА,[3] наноэлектронный маячок. Это устройство создано на основе нанотехнологий – оно состоит из микроскопических серверов. Именно с помощью него я так легко выследила тебя на вертолете.

У Борна еще тогда мелькнула мысль, как вертолету ЦРУ удалось настолько быстро выйти на него, но он предположил, что летчик сначала заметил характерный силуэт «Хаммера». Он задумался: теперь ему отчетливо припомнилось, как странно посмотрел на него Тим Хитнер, протягивая страничку с расшифровкой телефонного разговора Севика. Вот каким образом ему закрепили НЭМ.

– Сукин сын! – Борн проследил за тем, как Сорайя бросила НЭМ в маленькую пластмассовую баночку и завинтила крышку. – Значит, за мной собирались следить до самого Рас-Дашана, не так ли?

Сорайя кивнула:

– Приказ директора ЦРУ.

– А я-то поверил его обещанию не сажать меня на поводок! – с горечью промолвил Борн.

– Теперь ты спущен с поводка.

Он кивнул.

– Благодарю.

– Как насчет того, чтобы отплатить мне за эту услугу?

– И каким же образом?

– Позволь мне помочь тебе.

Борн решительно покачал головой.

– Если ты действительно хорошо меня знаешь, тебе должно быть известно, что я работаю в одиночку.

Казалось, Сорайя собиралась что-то сказать, но затем передумала.

– Послушай, как ты сам сказал, со Стариком ты уже на ножах. Тебе понадобится кто-то внутри. Кто-то, кому ты можешь полностью доверять. – Она шагнула к мотоциклу. – Потому что тебе известно так же хорошо, как то, что мы сейчас стоим здесь, что Старик найдет способ хорошенько оттрахать тебя отсюда и до завтра.

Глава 6

Ким Ловетт смертельно устала. Больше всего на свете ей хотелось вернуться домой, к мужу, с которым она не прожила еще и шести месяцев. Он совсем недавно переехал в тот район, где они жили, и еще не успел завести там знакомых, поэтому ему было особенно тяжело переживать частые разлуки, обусловленные работой его молодой жены.

Усталость Ким была непреходящей. Отдел расследования пожаров округа Колумбия не знал, что такое нормированный рабочий день и выходные. В результате такие следователи, как Ким, умные, опытные и знающие свое дело, вызывались на работу в любое время дня и ночи, подобно хирургам в зоне вооруженного конфликта.

Ким позвонили из Пожарного управления округа Колумбия, когда у нее выдалась короткая передышка в однообразной рутине бумажной работы, связанной с расследованием бесконечной череды поджогов, – в одну из тех немногих минут за последние несколько недель, когда она позволила себе подумать о своем муже, представить себе его широкие плечи, сильные руки, запах его обнаженного тела. Сладостные мечты длились недолго. Захватив чемоданчик с инструментами и принадлежностями, Ким поспешила к гостинице «Конститьюшен».

Она включила сирену, и дорога от пересечения Вермонт-авеню и Одиннадцатой улицы до северо-восточного угла Двадцатой улицы и Ф-стрит заняла не больше семи минут. Здание гостиницы было со всех сторон окружено полицейскими и пожарными машинами, но к этому времени пожар уже был полностью побежден. Из зияющей раны в конце пятого этажа струилась вода. Кареты «Скорой помощи», приехав, тотчас же уехали, и вокруг царила нервная, хрупкая атмосфера тлеющих углей и схлынувшего адреналина, говоря словами отца Ким.

Брандмейстер О'Грейди уже ждал ее. Выйдя из машины, Ким показала свое удостоверение и прошла за оцепление.

– Здравствуйте, Ловетт, – проворчал О'Грейди.

Это был крупный, грузный мужчина с короткой щеткой непокорных светлых волос и ушами, формой и размерами напоминающими два толстых ломтя свиной вырезки. Его печальные водянистые глаза настороженно наблюдали за Ким. Брандмейстер принадлежал к тому большинству, которое считало, что женщинам не место в пожарном управлении.

– Что мы имеем?

– Взрыв и пожар. – О'Грейди указал подбородком на зияющую рану.

– Никто из наших не погиб, не пострадал?

– Нет, но спасибо за то, что поинтересовались. – О'Грейди вытер лоб грязным бумажным полотенцем. – Однако по крайней мере один погибший есть – предположительно постоялец номера люкс, хотя по тем крохотным фрагментам, которые мне удалось обнаружить, уверяю вас, установить его личность будет невозможно. Кроме того, полицейские доложили, что пропал один из сотрудников. Для такого зрелищного фейерверка это немного, так что, можно считать, все обошлось благополучно.

– Вы сказали, *предположительно* постоялец.

– Совершенно точно. Пламя было необычайно жарким, и сражаться с ним было дьявольски нелегко. Вот почему мы обратились в ОРП.

– Есть какие-нибудь мысли насчет того, что вызвало взрыв? – спросила Ким.

– Ну, можно точно сказать, что это был не паровой котел, мать его так, – отрезал брандмейстер. Он шагнул к Ким, и от него повеяло запахом углей и горелой резины. Когда О'Грейди заговорил снова, его голос был тихим, деловым: – У вас будет около часа, после чего полиция передаст все Управлению внутренней безопасности. А вы сами знаете, что произойдет, когда эти ребята начнут топтаться на месте преступления.

– Я все поняла, – кивнула Ким.

– Вот и хорошо. Поднимайтесь наверх. Следователь Овертон ждет вас.

Он удалился вперевалочку, широко расставляя ноги.

В вестибюле гостиницы суетились полицейские и пожарные. Полицейские, устроившись в разных углах, образовав там центры притяжения, брали показания у сотрудников и постояльцев. Огнеборцы тащили свое снаряжение по почерневшему от копоти мраморному полу. Здесь царила атмосфера беспокойства и отчаяния, какая бывает в переполненном вагоне метро, застрявшем в тоннеле.

Поднявшись на лифте, Ким вышла в обгорелый и изуродованный коридор пятого этажа, где, кроме нее, не было больше ни одной живой души. На пороге сгоревшего номера она нашла Овертона, сутулого следователя с вытянутым печальным лицом, который, прищурившись, изучал свои записи.

– Черт побери, что здесь произошло? – спросила Ким, представившись. – Есть какие-нибудь мысли?

– Возможно. – Следователь Овертон раскрыл блокнот. – В угловом номере люкс проживали Яков и Лев Сильверы. Братья. Торговцы бриллиантами из Амстердама. Они вернулись в гостиницу

приблизительно в семь сорок пять. Это известно достоверно, потому что братья остановились на пару слов с дежурным администратором… – он перевернул страницу, – …по имени Томас. Один из них заказал бутылку шампанского, чтобы отметить какое-то событие. Больше Томас их не видел. Он клянется, что из гостиницы они не выходили.

Они прошли в номер.

– Вы можете сказать, что вызвало взрыв? – спросил Овертон.

– Именно ради этого я и пришла сюда.

Натянув перчатки из латекса, Ким принялась за работу. Прошло двадцать минут, в течение которых она исследовала эпицентр взрыва, а затем двинулась по концентрическим окружностям от него. Как правило, она исследовала образцы ковровых покрытий: если используется катализатор, скорее всего, это бывает какая-нибудь легковоспламеняющаяся жидкость на основе углеводородов, такая как скипидар, ацетон, лигроин или что-либо подобное. Два красноречивых признака: жидкость просочится в толщу ковра и даже достигнет основы. Кроме того, обязательно будет то, что в просторечии называется «пустотой» – сокращением от газовой хроматографии пустого пространства, метода, позволяющего уловить признаки выделявшихся при горении катализатора газов. Поскольку каждое вещество оставляет свой неповторимый «отпечаток пальца», с помощью «пустоты» можно определить не только то, использовался ли катализатор, но и, если использовался, какой именно.

В данном случае, однако, пламя было такой силы, что оно сожрало и ковер, и основу. Неудивительно, что О'Грейди и его людям пришлось так помучиться.

Ким внимательно изучала каждый кусочек металла, каждую щепочку. Открыв чемоданчик, она подвергла обгоревшие частицы мириадам тестов. Остальное Ким тщательно собрала в стеклянные емкости, закупорила их герметичными крышками и поместила в пенопластовые ниши в чемоданчике.

– Теперь я могу с полной уверенностью заявить о том, что был использован катализатор, – сказала она, продолжая собирать улики. – Определить, какой именно, можно будет только после того, как я вернусь в лабораторию, но уже сейчас не вызывает сомнений вот что: тут речь идет о чем-то особенном. Высокая температура, степень разрушения…

– Но взрыв… – прервал ее следователь Овертон.

– Я не обнаружила никаких следов взрывчатого вещества, – сказала Ким. – Катализаторы обладают такой точкой воспламенения, что

нередко взрываются сами по себе. Но, опять же, точный ответ я смогу дать только после того, как проведу лабораторные исследования.

К этому времени расширяющийся круг увел ее уже достаточно далеко от места взрыва.

Вдруг она откинулась на пятки и спросила:

– Вы выяснили, почему не сработала система пожаротушения?

Овертон полистал блокнот с записями.

– Так получилось, что огнетушители включились на всех этажах за исключением этого. Спустившись в подвал, мы установили, что с системой пожаротушения кто-то поработал. Пришлось вызывать электрика, но окончательный вывод следующий: огнетушители пятого этажа были отключены.

– Значит, все это было подстроено умышленно.

– Яков и Лев Сильверы – евреи. Официант, принесший им шампанское, – тот самый, который исчез, – пакистанец. Вследствие чего я обязан передать ублюдка Управлению внутренней безопасности.

Ким оторвалась от работы.

– Вы подозреваете официанта в том, что он террорист?

Овертон пожал плечами:

– Лично я склоняюсь к тому, что с братьями Сильверами расправились конкуренты, но все же пусть окончательный вывод сделает УВБ.

Ким покачала головой:

– Для простого террориста все это слишком сложно.

– Бриллианты навсегда.

Она поднялась на ноги.

– Давайте взглянем на тело.

– Слово «тело» вряд ли подходит к тому, что у нас есть.

Овертон провел ее в ванную, и они посмотрели на кусочки обугленных костей, разбросанные по фарфоровой ванне.

– Нет даже скелета, – задумчиво произнесла Ловетт. Кивая собственным мыслям, она развернулась на триста шестьдесят градусов. – Итак, перед нами остатки или Якова, или Льва Сильвера. Но где второй брат?

– А он не мог превратиться в пепел, а?

– При такой жаре – вполне возможно, – сказала Ким. – Мне потребуется несколько дней, а то и недель, чтобы перебрать все угли в поисках пепла человеческой плоти. Но опять же не исключено, что я так ничего и не найду.

Понимая, что Овертон уже тщательно прочесал весь номер, она тем не менее сама заглянула в каждый закуток и в каждую щелочку.

Когда они вернулись в ванную, Овертон с беспокойством взглянул на часы.

– Долго еще? У меня совсем нет времени.

Ким забралась в ванну, наполненную кусочками обугленных костей.

– Почему вы так невзлюбили Управление внутренней безопасности?

– Да так. Просто я... – Он пожал плечами. – Я пять раз подавал заявление о приеме в УВБ. И пять раз меня заворачивали. Вот моя ставка в этом деле. Если я покажу, на что способен, в следующий раз меня обязаны будут взять.

Ким ползала по дну ванны со своим оборудованием.

– Здесь также присутствовал катализатор, – наконец сказала она, – как и в комнате. Понимаете, фарфор, который получается при очень высокой температуре, выносит сильное нагревание даже лучше многих металлов. – Она передвинулась на другое место. – Катализаторы тяжелые, поэтому они стекают вниз. Вот почему мы ищем их в основе ковровых покрытий и в щелях деревянного пола. В данном случае катализатор устремился в нижнюю часть ванны. То есть стек в слив.

Ким промокнула содержание слива, проникая все глубже каждой новой губкой, которые доставала из чемоданчика. Вдруг она застыла на месте. Вытащив губку, положила ее в пакет и убрала. Затем направила в отверстие луч ксенонового фонарика.

– Ага, а это у нас что такое?

Ким просунула в слив пассатижи с заостренными губками. Через мгновение вытащила их обратно. Между стальными губками было зажато нечто такое, что показалось Ким и Овертону очень знакомым.

Следователь Овертон наклонился, перевешиваясь через край ванны.

– Это челюсти одного из братьев Сильверов.

Ким внимательно осмотрела их, поворачивая в холодном, проникающем свете фонарика.

– Возможно.

Она нахмурилась. «Опять же возможно, и нет», – мысленно закончила она.

Выкрашенный в оливковый цвет дом на Седьмой улице, в Северо-восточном секторе, внешне ничем не отличался от своих соседей: грязный, старый, отчаянно нуждающийся в новом крыльце. Справа от него торчал остов здания, более или менее сохранившийся, но все остальное давным-давно погибло при пожаре. На покосившейся веранде толпилась группа подростков; из видавшего виды приемника доносились звуки рэпа. Все это освещал одинокий гудящий фонарь, в котором давно уже требовалось заменить лампу.

Как только мотоцикл остановился перед оливковым домом, все как один подростки выскочили из веранды, но Борн приветливо помахал им рукой. Они с Сорайей устало слезли с мотоцикла.

Борн, не обращая внимания на разорванную правую штанину, пропитанную кровью, ткнул кулаком в кулак самого высокого из подростков.

– Ну, как дела, Тайрон?

– Да так, – ответил Тайрон. – Сам знаешь.

– Познакомься, это Сорайя Мор.

Тайрон окинул Сорайю с ног до головы взглядом больших черных глаз.

– Дерон страшно разозлится. Ты должен был прийти один.

– Беру все на себя, – сказал Борн. – С Дероном я все улажу.

В этот момент входная дверь оливкового дома открылась, и на крыльцо вышел высокий стройный красивый мужчина с кожей цвета какао.

– Джейсон, какого черта? – Нахмурившись, Дерон спустился с крыльца и направился к Борну. Он был в джинсах и хлопчатобумажной рабочей рубашке с закатанными рукавами. Его высокомерие граничило с ледяным холодом. – Ты же знаешь порядки. Ты сам установил их, еще когда имел дело с моим отцом. Никто, кроме тебя, не имеет права сюда приходить.

Борн встал между Дероном и Сорайей.

– У меня есть чуть больше двух часов, чтобы успеть на рейс до Лондона, – тихо промолвил он. – Я вляпался в дерьмо по самую шею. И мне нужна помощь, ее и твоя.

Дерон приблизился большими, вялыми шагами. Когда он оказался совсем рядом, Сорайя разглядела, что у него в руке пистолет. И не простой пистолет: «магнум» 357-го калибра.

Увидев, что она непроизвольно отступила назад, Дерон продекламировал на безукоризненном британском английском:

Ах, кто здесь? Друг иль враг, приди ко мне.

Скажи, кто победитель: Иорк иль Уорик?

К чему вопрос? Израненное тело,

И кровь, и слабость – все мне говорит,

Что прах свой должен я отдать земле

И с гибелью моей – врагам победу.

На что Сорайя ответила:

Взгляни, кто это. – Бой теперь окончен;

Друг он иль враг, пускай ему помогут.[4]

– Вижу, вы знакомы с Шекспиром, – улыбнулся Дерон.

– «Король Генрих Шестой», часть третья, в школе одно из моих любимых произведений.

– Но действительно ли окончен бой?

– Покажи ему НЭМ, – попросил Борн.

Сорайя протянула Дерону маленькую пластмассовую коробочку.

Засунув «магнум» за пояс, Дерон протянул руку с изящными длинными пальцами хирурга – или вора-карманника.

– Ага! – У него зажглись глаза. Вытащив маячок, он с любопытством его осмотрел.

– Новейший поводок ЦРУ, – объяснил Борн. – Сорайя выковыряла этого чертенка из меня.

– Сразу видно работу ДАРПА, – заметил он, буквально облизываясь от радости. Больше всего на свете ему нравились новые технологии.

Пока они шли следом за хозяином к оливковому дому, Борн сообщил Сорайе, что Дерон не хирург и не вор-карманник. На самом деле он подделывал картины и в своем ремесле считался одним из лучших в мире. Специализировался Дерон на Вермеере – у него был дар воспроизводить игру света и тени, – но на самом деле он мог

воспроизвести буквально все, чем и занимался за астрономические суммы. Но все до одного его клиенты утверждали, что работа Дерона стоит своих денег. Он гордился тем, что все его заказчики остаются довольны.

Проведя своих гостей в дом, Дерон плотно закрыл входную дверь. Сорайя вздрогнула, услышав неожиданно тяжелый металлический лязг. Однако это была не обычная дверь; таковой она лишь казалась снаружи. Изнутри в теплом свете ламп блеснула стальная обшивка.

Молодая женщина огляделась вокруг, пораженная увиденным. Прямо перед ней уходила вверх извивающаяся лестница из тигрового дуба; слева был коридор. Справа находилась просторная гостиная. Полированные деревянные полы были покрыты дорогими персидскими коврами, на стене висели шедевры мировой живописи: полотна Рембрандта, Вермеера, Ван Гога, Моне, Дега и многих других художников. Разумеется, все это были подделки, не так ли? Сорайя с любопытством осмотрела картины, и хотя она не была специалистом, все работы ей очень понравились. Несомненно, если бы она увидела их в музее или на аукционе, у нее не возникло бы сомнений в их подлинности. Сорайя присмотрелась внимательнее. Некоторые из полотен *действительно* были оригиналами.

Обернувшись, она увидела, что Дерон стиснул Борна в теплых объятиях.

– У меня до сих пор не было возможности поблагодарить тебя за то, что ты пришел на похороны, – сказал Борн. – Для меня это значило очень много. Я знаю, как ты занят.

– Дорогой мой друг, в жизни есть вещи поважнее работы, – печально улыбнулся Дерон, – какой бы неотложной и прибыльной она ни была. – Он подтолкнул Борна к двери. – Но сначала займемся твоей ногой. Поднимись наверх, вторая дверь направо. Ты сам знаешь, что к чему. И приведи себя в порядок. Наверху ты найдешь новые шмотки. – Дерон ухмыльнулся. – У Дерона всегда лучший выбор модной одежды.

Сорайя прошла следом за Дероном по желтому коридору, через просторную кухню в помещение, в котором, судя по всему, когда-то располагалась кладовка. Здесь на шкафчиках, накрытых крышками из нержавеющей стали, стояли компьютеры и различные непонятные электронные приборы.

– Я знаю, что он ищет, – произнес Дерон, разговаривая сам с собой.

Сорайя словно перестала для него существовать. Он принялся методично раскрывать шкафчики и выдвигать ящики, доставая отсюда какой-нибудь предмет, оттуда целую пригоршню.

Молодая женщина, заглянув ему через плечо, была поражена, увидев множество всевозможных носов, ушей и зубов. Протянув руку, она взяла один нос и с любопытством осмотрела его со всех сторон.

– Не беспокойтесь, – заметил Дерон, – все это сделано из латекса и фарфора. – Он взял нечто напоминающее зубной мост. – Однако выглядит очень правдоподобно, вы не находите? – Дерон перевернул мост обратной стороной. – Надо сказать, между протезом и вот этой штукой разницы практически никакой. Все отличие здесь, внутри. У протеза углубление очень небольшое, чтобы надеваться на сточенные зубы. А это, как видите, лишь фарфоровая оболочка, которая надевается на нормальные зубы.

Сорайя не смогла удержаться – она надела латексный нос, и Дерон рассмеялся. Пошарив в другом ящике, он протянул ей новый нос, значительно меньших размеров. Этот действительно подошел лучше. Для большей наглядности Дерон закрепил его с помощью гримерного клея.

– Разумеется, в реальной жизни клей нужно будет использовать другой. И еще придется наложить грим, маскируя края протеза.

– А не возникнет никаких проблем, если, скажем, человек начнет потеть или… не знаю, ну, станет купаться?

– Это вам не косметика от «Шанель», – рассмеялся Дерон. – Для того чтобы ее смыть, нужно воспользоваться специальным растворителем.

Сорайя оторвала накладной нос, и как раз в этот момент вернулся Борн. Рана на ноге была обработана и забинтована; он был в новых брюках и рубашке.

– Сорайя, нам с тобой надо поговорить, – сказал Борн.

Они прошли на кухню и остановились у громадного холодильника из нержавеющей стали, подальше от двери в лабораторию Дерона.

Борн повернулся к молодой женщине.

– В мое отсутствие вы с Дероном мило провели время?

– Ты хочешь сказать, не пытался ли он выкачать из меня какую-нибудь информацию?

– А ты имеешь в виду, просил ли я его это сделать?

– Верно.

– Так вот: не просил.

Сорайя кивнула.

– А он и не пытался.

Она выжидательно умолкла.

– Не буду ходить вокруг да около. – Борн всмотрелся в ее лицо. – Вы с Тимом были близки?

Сорайя отвела взгляд и прикусила губу.

– А тебе какое дело? Для тебя он предатель.

– Сорайя, выслушай меня. Предатель либо я, либо Тим. Я знаю, что это не я.

Ее лицо оставалось подчеркнуто враждебным.

– В таком случае скажи, зачем ты повел Севика на улицу?

– Я хотел, чтобы он вкусил свободы, которой был лишен.

– Вот как? Я тебе не верю.

Борн нахмурился. Не в первый раз после смерти Мари у него мелькнула мысль, не повлияла ли каким-либо образом последняя травма на его способность рассуждать.

– Боюсь, это правда.

– Забудем о том, что я тебе не верю, – отрезала Сорайя. – Как ты собираешься оправдываться перед Стариком?

– Какая разница? Старик терпеть не может вольных стрелков.

Уставившись себе под ноги, молодая женщина покачала головой. Сделав глубокий вдох, она медленно выдохнула.

– Это я порекомендовала Тима в «Тифон», и вот он погиб.

Борн молчал. Он воин, чего она от него ждала? Слез и сострадания? Нет, но разве он умер бы, проявив хоть капельку чувств? Но тут Сорайя вспомнила, что у него самого недавно умерла жена, и ей тотчас же стало стыдно.

Она кашлянула, прочищая горло, однако чувство осталось.

– Мы с Тимом вместе учились в школе. Он был из тех ребят, над которыми вечно смеются девчонки.

– А почему ты над ним не смеялась?

– Я была не такой, как остальные. Я сразу же разглядела, что Тим человек добрый и ранимый. И было еще что-то. – Сорайя пожала плечами. – Тим любил рассказывать о своем детстве; он родился в

сельском районе штата Небраска. Для меня это было все равно что слушать рассказы про другую страну.

– Он не подходил для работы в «Тифоне», – резко заметил Борн.

– Он не подходил для оперативной работы, это правда, – так же резко подтвердила Сорайя.

Борн сунул руки в карманы.

– Итак, что все это нам дает?

Сорайя откликнулась на его слова так, словно он кольнул ее острием ее собственного перочинного ножа.

– Что «все это»?

– Мы спасли друг другу жизнь, ты дважды пыталась меня убить. Итоговая черта: мы друг другу не доверяем.

Глаза молодой женщины, большие и влажные от навернувшихся слез, смотрели Борну прямо в лицо.

– Я рассказала тебе про НЭМ, ты привел меня сюда, к Дерону. Тогда что *ты* понимаешь под доверием?

– При задержании Севика вы его фотографировали? – помолчав, спросил Борн.

Сорайя кивнула, замерев в ожидании завершающего удара. Что сейчас потребует от нее Борн? И что именно нужно от него ей? Разумеется, на этот вопрос ответ у нее был, но настолько болезненный, что она не могла признаться себе самой, не говоря уж о том, чтобы сказать Борну.

– Отлично, свяжись с «Тифоном». Пусть сбросят фотографии на твой сотовый. – Он направился по коридору, и молодая женщина последовала за ним, стараясь шагать в ногу. – Затем попроси сбросить то шифрованное сообщение, которое отобрал у Севика Хитнер.

– Ты забываешь о том, что все ЦРУ до сих пор полностью замуровано. Это относится и ко всем передачам данных.

– Сорайя, ты сможешь достать то, о чем я прошу. Я в тебя верю.

На мгновение у нее в глазах мелькнуло удивление, которое тотчас же бесследно исчезло, точно его не было и в помине. Они вернулись в лабораторию Дерона, Г-образное помещение, образованное из бывшей кухни и кладовки. Художественную мастерскую Дерон устроил наверху, в одной из спален, где было больше света. Сорайя связалась по телефону с «Тифоном». Дерон тем временем сидел за верстаком, изучая НЭМ.

Во время чрезвычайного положения ни один сотрудник «Тифона», за исключением руководителя отдела, не имел доступа к оперативным данным. Сорайя понимала, что ей придется поискать в другом месте, чтобы удовлетворить просьбу Борна.

Услышав голос Анны Хельд, она назвала себя.

– Слушай, Анна, мне нужна твоя помощь.

– Вот как? Ты даже не хочешь открыть, где сейчас находишься!

– Это неважно. Никакая опасность мне не угрожает.

– Что ж, отрадно это слышать. Почему перестал передавать сигналы маячок?

– Не знаю. – Сорайя постаралась сохранить голос ровным. – Быть может, произошел какой-то сбой.

– Поскольку ты по-прежнему вместе с Борном, тебе будет нетрудно это выяснить.

– Ты что, с ума сошла? Так близко к нему я подойти не смогу.

– И тем не менее ты просишь меня об одолжении. Я тебя слушаю.

Сорайя изложила свою просьбу.

Молчание. Наконец:

– Ну почему ты никогда не просишь о чем-нибудь простом?

– С этим я могу обращаться и к другим.

– Тоже верно. – Затем: – Если я на этом попадусь…

– Анна, кажется, у нас есть ниточка, ведущая к Севику, но нам нужна информация.

– Ну хорошо, – сдалась Анна. – Но взамен ты обязательно выяснишь, что произошло с маячком. Мне необходимо будет выдать Старику хоть что-нибудь. Он жаждет крови, и я хочу позаботиться, чтобы это была не моя кровь.

Сорайя задумалась, но так и не смогла ничего придумать. Ей придется выложить Анне что-нибудь более определенное, более правдоподобное.

– Ну хорошо. Надеюсь, мне удастся что-нибудь придумать.

– Вот и отлично. Да, кстати, Сорайя, во всем, что касается нового заместителя директора, я бы на твоем месте держала ухо востро. Лернер недолюбливает Линдроса и терпеть не может «Тифон».

– Спасибо, Анна. Большое спасибо.

– ...Готово, – сообщила Сорайя. – Информация успешно перекачана.

Забрав у нее сотовый телефон, Борн передал его Дерону. Тот неохотно оторвался от новой игрушки и, подключив телефон к компьютерной сети, загрузил файлы.

Лицо Севика появилось на одном из множества мониторов.

– Развлекайтесь. – С этими словами Дерон вернулся к изучению НЭМа.

Усевшись в кресло, Борн долго всматривался в фотографии. Он чувствовал, что Сорайя стоит у него за спиной справа. У него возникло – что? – тень воспоминания. Борн потер виски, отчаянно заставляя себя вспомнить, однако лучик света погас, растворившись в темноте. Мысленно выругавшись, он вернулся к изучению лица Севика.

В этом лице было что-то такое – не какая-то конкретная черта, а общее впечатление, – что плавало в сознании Борна тенью невидимой рыбины, скользящей у самой поверхности воды. Он увеличивал одну за другой различные области изображения лица Севика – рот, нос, бровь, висок, уши. Однако ассоциативное воспоминание лишь загонялось в самые глубины сознания. Наконец Борн дошел до глаз – до золотистых глаз. Ему показалось, что в левом есть что-то странное. Увеличив масштаб изображения, он увидел на наружном крае радужной оболочки крошечный полумесяц света. Борн еще больше увеличил масштаб, но это уже был предел разрешения, и изображение стало расплывчатым. Он стал уменьшать масштаб до тех пор, пока сияющий полумесяц снова не стал резким. Он был очень крошечным. Возможно, в нем ничего нет, – это лишь отражение света лампы. Но почему на самом краю радужной оболочки? Если бы свет отражала сама оболочка, это был бы маленький блик ближе к зрачку, там, где поверхность глазного яблока наиболее выпуклая. Однако этот полумесяц расположен с краю, там, где...

Борн беззвучно рассмеялся.

В этот момент у Сорайи зажужжал сотовый телефон. Молодая женщина молча выслушала звонившего, затем сказала Борну:

– Судя по предварительному заключению криминалистов, этот «Хаммер» был доверху набит взрывчаткой.

Борн повернулся к ней.

– Вот почему водитель не отвечал на приказ остановиться.

– Севик и его команда были террористами-самоубийцами.

– Может быть, и нет. – Развернувшись к монитору, Борн указал на светлый полумесяц. – Видишь? Это отражение света от края контактной линзы, которая чуть выступает над поверхностью глазного яблока. А теперь посмотри вот сюда. Обрати внимание на крошечную золотистую точку слева на зрачке. Единственное объяснение этому – у Севика были цветные контактные линзы. – Он пристально посмотрел на Сорайю. – Зачем Севику менять свою внешность, если только на самом деле он вовсе не Севик? – Он подождал ответа. – Сорайя, что скажешь?

– Я думаю.

– Перевоплощение, тщательное планирование, умышленный взрыв бомбы.

– В джунглях, – наконец задумчиво промолвила молодая женщина, – одного хамелеона может разглядеть лишь другой хамелеон.

– Точно, – подтвердил Борн, уставившись на монитор. – Кажется, у нас в руках был не кто иной, как сам Фади.

Еще одна пауза, на этот раз короче. Мозг Сорайи работал так напряженно, что Борн буквально это слышал.

– В таком случае высока вероятность, что Севик не погиб при взрыве, – наконец сказала молодая женщина.

– Я готов на это поспорить. – Борн помолчал. – У него было совсем немного времени, чтобы выбраться из «Хаммера». Я потерял машину из виду только тогда, когда заводил мотоцикл. То есть где-то до пересечения Двадцать третьей улицей с Конститьюшен-авеню.

– Его наверняка поджидала другая машина.

– Это можно проверить, но, если честно, я в этом сомневаюсь, – сказал Борн. Теперь ему стало понятно, почему Фади воспользовался таким заметным «Хаммером». Он *хотел,* чтобы сотрудники ЦРУ преследовали машину и в конце концов ее окружили. Он хотел нанести максимальный урон. – Фади никак не мог знать заранее, где именно ему потребуется помощь.

Сорайя кивнула.

– Я прикажу прочесать все вокруг, начиная от того места, где «Хаммер» подобрал Фади. – Она уже набрала номер «Тифона». – Две бригады начнут работу немедленно. – Отдав распоряжения, молодая женщина некоторое время молча слушала с мрачным лицом, затем окончила связь. – Джейсон, должна тебе сообщить, что у нас в конторе сгущаются тучи. Директор взбешен бегством Севика. И во всем он винит тебя.

– Естественно, – покачал головой Борн. – Если бы не Мартин, я бы не имел больше никаких дел ни с ЦРУ, ни с «Тифоном». Но Мартин мой друг – он поверил мне, дрался за меня тогда, когда управление жаждало моей крови. И я не отвернусь от него. Однако клянусь, что я последний раз работаю на ЦРУ.

Для Мартина Линдроса тени превратились в нижний край облаков, отраженных в застывших водах озера. Оставалось смутное ощущение боли – такую испытываешь, когда стоматолог сверлит подвергнутый заморозке зуб. Эта боль, где-то у самого горизонта, нисколько не беспокоила Линдроса. Все его внимание было поглощено форелью на крючке его удочки. Намотав леску, он поднял удилище высоко вверх, так что оно изогнулось, словно натянутый лук, затем снова намотал леску. Как и учил его отец. Только так можно вытянуть рыбину, даже самого упорного бойца. Терпение и порядок – и любая рыбина, попавшая на крючок, будет вытащена из воды.

Казалось, тени сгущаются прямо над ним, заслоняя солнце. Усилившаяся прохлада вынудила Мартина Линдроса полностью сосредоточиться на рыбе.

Отец научил Мартина многим вещам, помимо рыбной ловли. Человек незаурядных дарований, Оскар Линдрос в одиночку создал фирму «Волтлайн», со временем превратив ее в ведущую мировую компанию на рынке частных охранных услуг. Клиентами «Волтлайна» были транснациональные конгломераты, деловые интересы которых нередко заставляли их посылать своих сотрудников в самые неспокойные уголки земного шара. И тогда охрану этих людей обеспечивал сам Оскар Линдрос или один из его оперативников, обученных лично им.

Перевесившись через борт лодки, Линдрос видел мелькающую под водой серебристо-радужную спину форели. Да, рыбина была большая. Больше всего того, что он вылавливал до сих пор. Несмотря на метания форели, Линдрос разглядел ее треугольную голову, раскрывающуюся и закрывающуюся костистую пасть. Он потянул удочку, и форель наполовину показалась из воды, обрызгав его с ног до головы.

Еще в молодости у Мартина Линдроса развился интерес к разведке. Можно не говорить, что эта страсть несказанно обрадовала его отца. Поэтому Оскар Линдрос решил научить сына всему тому, что знал сам о своем тайном ремесле. И главным и первостепенным было умение выжить в плену, под пыткой. Оскар Линдрос не переставал твердить сыну, что в этом деле все зависит от сознания. Необходимо научиться полностью отключаться от окружающего мира. Затем нужно научиться отключаться от тех областей головного мозга, которые воспринимают боль. Для этого необходимо выдумать место и время и превратить все

это в реальность – такую, какая только может восприниматься всеми пятью органами чувств. В эту реальность надо погрузиться и оставаться в ней столько, сколько потребуется. В противном случае или человека сломают, или он сойдет с ума.

Именно здесь сейчас и находился Мартин Линдрос, именно здесь он и пребывал с тех самых пор, как попал в руки «Дуджи», как его привезли сюда, где теперь дергалось в судорогах его окровавленное тело.

Там, на озере, Линдросу наконец удалось вытащить форель из воды. Рыбина трепыхалась на дне лодки, судорожно раскрывая пасть, уставившись немигающим взглядом на своего пленителя. Нагнувшись, Линдрос вытащил зазубренный крючок из жесткого хряща вокруг пасти. Сколько рыбин он уже поймал с тех пор, как попал на это озеро? Определить это было невозможно, потому что они, очутившись на дне лодки, быстро исчезали; снятая с крючка форель больше не интересовала его.

Насадив на крючок наживку, Линдрос забросил удочку. Надо продолжать в том же духе, надо и дальше ловить рыбу. В противном случае боль, неясное облачко на горизонте, обрушится на него с яростью урагана.

Устроившись в кресле бизнес-класса самолета, совершающего ночной рейс в Лондон, Борн поднял табличку «не беспокоить» и раскрыл полученный от Дерона портативный компьютер, оснащенный расширенной памятью и экраном сверхвысокого разрешения. Жесткий диск был заполнен новыми вещичками, которые смастерил Дерон. Пусть подделка произведений искусств позволяла ему жить безбедно; истинным призванием Дерона было изобретение всевозможных миниатюрных устройств – отсюда его интерес к НЭМу, который сейчас благополучно покоился на дне чемодана Борна.

Дерон снабдил Борна тремя разными паспортами в дополнение к дипломатическому, выданному ЦРУ. На всех этих паспортах Борн выглядел совершенно разным человеком. С собой он взял грим, цветные контактные линзы и прочие атрибуты для изменения внешности, а также пистолет нового поколения, сделанный Дероном из пластмассы, обернутой резиной. По заверениям конструктора, выпущенная из такого пистолета резиновая пуля в кевларовой оболочке при попадании в нужную точку могла остановить бегущего слона.

Борн вывел на экран фотографию Хирама Севика. Сколько еще личин надевал за последние годы этот гений терроризма? Наверняка видеокамеры наблюдения, установленные в общественных местах, неоднократно запечатлевали его лицо, однако он, несомненно, каждый раз выглядел по-другому. Борн посоветовал Сорайе просмотреть все

видеозаписи и фотоснимки, сделанные вблизи мест атак террористов «Дуджи» непосредственно до и после них, сверяя лица заснятых на них людей с фотографией Севика, хотя у него и не было почти никакой надежды что-либо обнаружить. Его самого на протяжении многих лет постоянно фиксировали всевозможные камеры наблюдения, однако Борна это нисколько не беспокоило, потому что каждый раз Хамелеон выглядел иначе. Никто не мог обнаружить никакого сходства; он был абсолютно в этом уверен. И то же самое можно сказать про Фади, хамелеона.

Борн долго вглядывался в лицо на экране. Наконец усталость взяла свое, и он заснул…

Мари подходит к нему. Вокруг вымощенные булыжником улицы, обсаженные высокими акациями. В воздухе висит терпкий запах соли, словно неподалеку волнуется море. Влажный ветерок поднимает прядь волос с ушей Мари, и та вьется следом за ней, словно вымпел.

Он обращается к Мари:

– Ты можешь дать мне то, что я хочу. Я в тебя верю. В ее глазах страх, но также мужество и решимость.

Мари выполнит все, о чем он ее просит, невзирая на опасность, – он в этом уверен. Он кивает на прощание, и она исчезает…

Он оказывается на той же самой улице среди развесистых акаций, которую только что вызывал в памяти. Впереди чернеет вода. Затем он спускается вниз, паря в воздухе, словно на парашюте. Он бежит по берегу. Кругом ночь. Слева темнеет цепочка киосков. Он несет… у него в руках что-то есть. Нет, не что-то. Кто-то. Повсюду вокруг кровь, мышцы напряжены. Бледное лицо, глаза закрыты, одна щека лежит у него на левом бицепсе. Он бежит по берегу, чувствуя себя совершенно беззащитным. Он нарушил соглашение, заключенное с самим собой, и поэтому все они умрут: он, тело, которое он держит в своих руках… молодая женщина, вся в крови. Она что-то ему говорит, но он не может разобрать ни слова. Позади него слышится звук бегущих шагов, и у него мелькает мысль, отчетливая, словно луна, повисшая низко над горизонтом: «Нас предали…»

Когда Мэттью Лернер вошел в приемную кабинета директора ЦРУ, Анна Хельд подняла взгляд не сразу. У нее не было никакой срочной работы. Больше того, в настоящий момент у нее не было вообще никакой работы, однако важно было показать Лернеру, что она занята. Мысленно Анна сравнивала приемную кабинета Старика со рвом вокруг замка, а себя саму видела зубастым хищником, плавающим в нем.

Решив, что Лернер прождал достаточно долго, Анна оторвалась от бумаг и холодно улыбнулась.

– Вы говорили, что директор хочет меня видеть.

– На самом деле это *я* хотела вас видеть. – Встав из-за стола, Анна провела руками по бедрам, разглаживая складки, которые могли образоваться, пока она сидела. Безукоризненно ухоженные ногти сверкнули перламутром. – Не желаете чашечку кофе? – добавила она, направляясь в противоположный угол приемной.

Лернер удивленно поднял брови.

– А мне казалось, что вы, англичане, предпочитаете чай.

Анна открыла дверь, предлагая ему пройти.

– Еще одно из серии ваших заблуждений на мой счет.

В отделанной металлом кабине лифта, спускающегося в столовую ЦРУ, воцарилась тишина. Анна смотрела прямо перед собой, в то время как Лернер, несомненно, ломал голову, что бы это могло означать.

Столовая ЦРУ нисколько не походила на подобные заведения в других правительственных ведомствах. Здесь все звуки были приглушенными, полы застелены толстыми темно-синими коврами. Стены белые, банкетки и кресла обтянуты красной искусственной кожей. Под потолком закреплены акустические перегородки, надежно поглощавшие все звуки, в особенности голоса. По широким проходам между столиками деловито и беззвучно сновали официанты в жилетах. Одним словом, столовая ЦРУ напоминала скорее благородный клуб.

Старший официант, сразу же узнав Анну, проводил ее вместе со спутником к круглому директорскому столику в углу, практически полностью окруженному банкеткой с высокой спинкой. Не успели Анна и Лернер занять места, как принесли кофе, после чего их оставили в полном одиночестве.

Лернер неторопливо помешал сахар в чашечке.

– Итак, что все это означает?

Отпив глоток черного кофе, Анна подержала напиток во рту, словно марочное вино, затем, удовлетворившись вкусом, проглотила его и поставила чашку.

– Пейте, Мэттью. Это настоящий эфиопский кофе. Очень крепкий и насыщенный.

– Напоминаю вам еще об одном моем требовании, мисс Хельд. По именам у нас друг к другу не обращаются.

– Вся проблема крепкого кофе, – продолжала Анна, не обращая внимания на его слова, – заключается в том, что он может быть довольно кислым. Избыток кислоты обратит крепость против самой себя, расстроит всю пищеварительную систему. Кислота даже способна прожечь дыру в стенке желудка. Такой кофе нужно без сожаления выбрасывать.

Лернер откинулся назад.

– То есть? – Он понимал, что она говорит не о кофе.

Анна на мгновение задержала взгляд на его лице.

– Когда вас назначили заместителем директора? Пять, шесть месяцев назад? Перемены всем даются нелегко. Но есть некоторые вещи, которые просто нельзя…

– Переходите ближе к делу.

Она отпила еще один глоток кофе.

– Мэттью, очень нехорошо отзываться о Мартине Линдросе так, как это делаете вы.

– Да? И чем же он такой особенный?

– Если бы вы дольше проработали на своем месте, вы бы об этом не спрашивали.

– Почему мы говорим о Линдросе? Высока вероятность, что его больше нет в живых.

– Этого никто не знает, – отрезала Анна.

– В любом случае, мисс Хельд, мы ведь на самом деле говорим не о его владениях, ведь так?

Не сдержавшись, Анна вспыхнула.

– У вас не было никаких оснований понижать мою степень допуска.

– Что бы вы ни думали о правах, вытекающих из вашей должности, это не так. Вы не более чем одна из обслуживающего персонала.

– Я являюсь правой рукой директора ЦРУ. Если ему требуется какая-то информация, я ее добываю.

– Я перевожу О'Рейли из оперативного отдела. Отныне он будет проводить для Старика все изыскания. – Лернер вздохнул. – Вижу

выражение вашего лица. Не принимайте это как личную обиду. Таковы общие требования. Кроме того, если к вам будут относиться по-особенному, остальным сотрудникам это не понравится. А обида порождает недоверие, чего мы не можем допустить ни в коем случае. – Он отодвинул чашку с кофе. – Хотите верьте, мисс Хельд, хотите нет, но управление медленно умирает. На протяжении вот уже многих лет. Ему необходимо сделать клизму. И я и есть эта клизма.

– Мартин Линдрос как раз занимался возрождением управления, – ледяным тоном промолвила Анна.

– Назначение Линдроса было одной из слабостей Старика. То, что предлагал он, было в корне неправильно. – Усмехнувшись, Лернер встал. – Да, и еще одно. Впредь больше никогда меня не обманывайте. Вспомогательному персоналу не позволяется заставлять заместителя директора тратить время на кофе и обмен мнениями.

Ким Ловетт работала в своей лаборатории центрального управления ОРП на Вермонт-авеню. Приближалась решающая стадия тестов. Предстояло перенести остатки твердого вещества, собранного в номере люкс на пятом этаже гостиницы «Конститьюшен», из герметично закупоренных пробирок в газовый хроматограф. Теория гласила следующее: поскольку все известные катализаторы горения являются летучими жидкими углеводородами, выделяющиеся газы нередко остаются на месте пожара в течение нескольких часов. Задача заключается в том, чтобы уловить газы, осевшие в порах твердого вещества, которое было пропитано катализатором: в кусочках обугленного дерева, в ковровых волокнах, в крупицах цементного раствора, выловленных Ким с помощью стоматологической иглы. Затем будет снята хроматограмма всех газов – определяющим фактором станет точка кипения, индивидуальная для каждого вещества. Таким образом будет получен неповторимый «отпечаток пальца» катализатора.

Протыкая длинной иглой крышку каждой пробирки, Ким всасывала газ, образовавшийся над поверхностью твердого вещества, после чего впрыскивала его в цилиндр газового хроматографа, избегая контакта с воздухом. Убедившись в том, что прибор настроен правильно, она щелкнула тумблером, начиная процесс разделения и анализа.

Ким записывала данные о дате, времени и номере исследуемого образца, когда дверь в лабораторию распахнулась. Обернувшись, она увидела следователя Овертона. Он был в болотно-сером плаще и держал в руках два бумажных стаканчика с кофе. Один из них Овертон поставил перед Ким. Та его поблагодарила.

Следователь выглядел еще более угрюмым, чем прежде.

– Какие новости?

Ким с наслаждением пропустила сладкий, обжигающий напиток через рот и горло.

– Через минуту нам будет известно, какой именно катализатор был использован.

– И как это мне поможет?

– По-моему, вы собирались передать это дело в Управление внутренней безопасности?

– Небывалые ублюдки. Сегодня утром двое заявились в кабинет к моему начальнику и потребовали, чтобы я передал им все свои записи, – обиженным тоном произнес Овертон. – Хотя нельзя сказать, что я этого не ждал. Поэтому я загодя приготовил еще один комплект, поскольку я намереваюсь сам расколоть это дело и швырнуть его им в лицо.

Прозвучал сигнал.

– Ну вот и все. – Ким развернулась в кресле. – Результаты готовы. – Она всмотрелась в распечатку, выданную хроматографом. – Дисульфид углерода. – Молодая женщина кивнула. – Очень любопытно. Как правило, при поджогах такой катализатор не используется.

– Тогда почему сейчас был выбран именно он?

– Хороший вопрос. Мое предположение: потому что он при горении выделяет больше тепла и предел взрываемости у него пятьдесят процентов – значительно выше, чем у других катализаторов. – Ким снова развернулась в кресле. – Если помните, я обнаружила следы катализаторов в двух местах – в ванной и под окнами. Это меня заинтересовало, и сейчас у меня есть ответ, чем это было вызвано. Хроматограф выдал мне две разные распечатки. В ванной был использован только дисульфид углерода. Но в другом месте, в спальне под окном, я обнаружила иное вещество, весьма сложное и необычное.

– Какое?

– Это не взрывчатка. Нечто более странное. Мне пришлось провести кое-какие тесты, но в конце концов я пришла к выводу, что речь идет об углеводородном соединении, которое разрушает специальные противопожарные вещества, замедляющие распространение огня. Вот чем объясняется то, что шторы мгновенно занялись пламенем, вот чем объясняется то, что сразу же прогремел взрыв, выбивший стекла. Это обеспечило доступ в комнату кислорода, поддерживающего горение, а в сочетании с отключенной системой пожаротушения максимальный ущерб от пожара за минимальное время был практически обеспечен.

– Вот почему нам не осталось ничего, даже нетронутого скелета или челюстей, по которым можно было бы достоверно опознать труп. – Овертон задумчиво почесал сизую щетину на подбородке. – Преступники подумали обо всем, так?

– Быть может, не совсем. – Ким протянула две фарфоровые челюсти, извлеченные из слива ванны. Она очистила их от копоти и пепла, и теперь челюсти блестели, словно слоновая кость.

– Верно, – согласился Овертон. – По нашим каналам в Амстердаме мы попробуем выяснить, не было ли у Якова или Льва Сильверов зубного моста. Если был, тогда мы сможем установить личность погибшего.

– Видите ли, все дело в том, – сказала Ким, – что, как мне кажется, это совсем не зубной мост.

Выхватив кусок фарфора у нее из руки, Овертон пристально изучил его в ярком свете лампы, но так и не обнаружил ничего необычного.

– А что же это такое?

– Я позвоню своей подруге. Быть может, она сумеет ответить на этот вопрос.

– О, вот как? И чем же занимается ваша подруга?

Ким посмотрела ему в лицо.

– Она работает в разведке.

Борн перелетел из Лондона в Аддис-Абебу, из Аддис-Абебы в Джибути. В дороге он почти не отдыхал, а спал еще меньше. Все его внимание было поглощено изучением всех шагов Линдроса. Эту информацию передала ему Сорайя. К несчастью, подробности оказались минимальными. В чем, впрочем, не было ничего удивительного. Линдрос шел по следу самой страшной террористической группировки в мире. Поддерживать связь в такой ситуации крайне трудно; кроме того, это могло сказаться на проблемах безопасности.

Какое-то время Борн посвящал усвоению информации, а в перерывах снова и снова просматривал видеосюжеты, которые Анна Хельд перекачала на сотовый телефон Сорайи. Теперь все эти файлы находились на портативном компьютере Борна. Особое внимание он уделял попыткам Тима Хитнера расколоть шифр, который был обнаружен при обыске Севика. Однако теперь у Борна возникал новый вопрос: шла ли речь о настоящем зашифрованном сообщении или же оно было зачем-то специально подброшено, чтобы его обнаружили и дешифровали? Перед ним открывался запутанный лабиринт

взаимоисключающих предположений. Отныне каждый шаг таил в себе опасность. Одна-единственная ложная гипотеза могла засосать, подобно зыбучим пескам.

Как раз тогда Борн осознал, что он столкнулся с врагом необычайно коварным и хитрым, обладающим железной волей, с которым мог сравниться разве что только его заклятый соперник Карлос.

Борн на минуту закрыл глаза, и тотчас же из памяти всплыл образ Мари. Жена была той самой незыблемой скалой, которая помогла ему выдержать мучительные испытания, свалившиеся на него в прошлом. Но Мари больше нет. С каждым уходящим днем Борн чувствовал, что ее образ тускнеет. Он пытался за него ухватиться, однако та его часть, которая олицетворяла Джейсона Борна, не знала пощады; она не позволяла задерживать внимание на сентиментальности, на горе и отчаянии. Все эти чувства оставались в его сердце, но это были лишь тени, которые сдерживали невероятное умение сосредоточиться, свойственное Борну, и неумолимая необходимость решить смертельно опасную задачу, справиться с которой не мог больше никто. Разумеется, Борн сознавал, в чем заключается живительный родник его необычайных способностей; он знал это еще до того, как доктор Сандерленд так сжато подвел итог: им движет жгучая необходимость раскрыть загадку того, кто он такой.

В Джибути Борна уже ждал вертолет ЦРУ, заправленный и готовый к вылету. Сквозь влажный, бурлящий ветер Борн пробежал к винтокрылой машине по мокрому бетону под сердитыми небесами, заполненными рваными тучами, и забрался в кабину. Шли уже третьи сутки с тех пор, как он покинул Вашингтон. У него онемели руки и ноги, мышцы превратились в напряженные канаты. Борн изнывал от желания действовать, и его нисколько не радовал предстоящий четырехчасовой перелет до склонов Рас-Дашана.

Ему подали завтрак на стальном подносе, и не успел вертолет подняться в воздух, как Борн набросился на еду. Однако он не чувствовал вкуса того, что ел, и ничего не видел вокруг, ибо оставался полностью погруженным в самого себя. В тысячный раз Борн исследовал шифр Фади, стараясь взглянуть на него в целом, потому что алгоритм, предложенный Тимом Хитнером, завел его в никуда. Если Фади действительно завербовал Хитнера – а никакого другого разумного объяснения Борн не видел, – у Хитнера не было никаких мотивов действительно пытаться вскрыть шифр. Вот почему Борну были нужны и сама шифрованная записка, и результаты работы Хитнера. Если бы он увидел, что на самом деле Хитнер лишь делал вид, что вскрывает шифр, это явилось бы доказательством его виновности. Но, разумеется, и в этом случае не было бы ответа на вопрос, не является ли записка умело

состряпанной фальшивкой, направленной на то, чтобы сбить «Тифон» с толку и направить его в ложную сторону.

К несчастью, Борн так и не смог приблизиться к раскрытию алгоритма шифрования и даже не определил, шел ли Хитнер по правильному следу. Он провел две беспокойные ночи, наполненные не сновидениями, а осколками воспоминаний. Его расстроило то, что лечение, проведенное доктором Сандерлендом, имело такой непродолжительный эффект; с другой стороны, его ведь об этом предупреждали. Страшнее, и намного, было ощущение надвигающейся катастрофы. Все осколки вращались вокруг высоких, развесистых акаций, соленого запаха морской воды, отчаянного бега по песку. Причем угроза нависала не только над самим Борном, но и еще над кем-то другим. Он безжалостно нарушил одно из своих основополагающих правил, и теперь приближался час расплаты. Что-то сдвинуло с места эту цепочку осколков памяти, и Борна не покидало чувство, что именно в этом кроется ключ к пониманию того, что произошло с ним раньше. Его сводило с ума то, что он лишен – по крайней мере частично – доступа к своему прошлому. Его жизнь представляет собой чистую грифельную доску, каждый день похож на тот, когда он только появился на свет. Он лишен информации – жизненно важной информации. Как он сможет начать узнавать себя, если у него отнято собственное прошлое?

Вертолет, поднявшись ввысь, пронзил толстый слой облаков и полетел на северо-запад, направляясь к горному хребту Сымен. Расправившись с завтраком, Борн переоделся в специальный термокостюм и обул высокие ботинки на сверхтолстой подошве, утыканной стальными шипами, способными держать на льду и каменистой почве.

Уставившись в изогнутый плексиглас лобового стекла, Борн снова погрузился мыслями внутрь себя, на этот раз вернувшись к своему другу Мартину Линдросу. Он познакомился с Линдросом после того, как был обнаружен убитым его бывший наставник Алекс Конклин. Тогда именно Линдрос вступился за Борна, поверил ему, в то время как Старик развернул за ним охоту по всему земному шару. С тех самых пор Линдрос оставался надежной опорой Борна в недрах ЦРУ. Борн тряхнул головой. Что бы ни произошло с Линдросом, жив он или мертв, Борн был полон решимости разыскать друга.

Чуть больше чем через час вертолет подлетел к северным отрогам Рас-Дашана. Ослепительное солнце отбрасывало острые, как бритва, тени на склоны горы, одиноко поднимающейся над бурлящим морем облаков, в прорехах между которыми время от времени можно было разглядеть стервятников, парящих в восходящих воздушных потоках.

Борн застыл справа от Девиса, пилота вертолета. Вдруг молодой летчик указал вниз. Там, на подушке из свежевыпавшего снега, лежали

обломки обоих «Чинуков» – обгорелые, стальная обшивка содрана с остова и искорежена, словно вертолеты вскрыл огромным консервным ножом демон-маньяк.

– Повреждения соответствуют попаданию ракет класса «земля–воздух», – заметил Девис.

Значит, Сорайя была права. Это оружие очень дорогое, такую высокую стоимость может оплатить только союз с организованной преступностью. Вертолет подлетел ближе, и Борн внимательно всмотрелся вниз.

– Но есть кое-какие отличия. Тот «Чинук», что слева…

– Судя по тому, что осталось от опознавательных знаков, этот вертолет перевозил группу «Скорпион-1».

– Взгляните на несущие винты. Похоже, этот вертолет был сбит при взлете. А второй «Чинук» ударился о землю с большой силой. Судя по всему, он был сбит при заходе на посадку.

Девис кивнул:

– Согласен. Да, повстанцы хорошо вооружены, с этим не поспоришь. Очень странно для этой забытой богом дыры.

Борн не смог ничего возразить.

Достав полевой бинокль, он попросил Девиса облететь вокруг места крушения двух вертолетов. Как только в фокусе показалась земля, Борна охватило чувство того, что все это он уже видел. Он уже бывал на этом склоне Рас-Дашана, в этом не было никаких сомнений. Но когда? И почему? Так, например, ему было известно, где искать скрывающихся врагов. Отдавая приказы летчику, Борн обследовал все расселины и скалы, все укромные места вокруг места высадки.

Ему также было известно, что Рас-Дашан, высочайшая вершина горной цепи Сымен, находится на землях амхарцев, одного из девяти народов, населяющих Эфиопию. Амхарцы составляют тридцать процентов населения страны. Амхарский язык является государственным языком Эфиопии. После арабского он является вторым в мире по распространенности из группы семито-хамитских языков.

Борн был знаком с укладом жизни племен амхарских горцев. Ни у одного из них не было финансовых и технических средств, для того чтобы причинить такие повреждения сбитым вертолетам.

– Тех, кто это сделал, здесь больше нет. Садимся.

Девис посадил вертолет немного севернее обломков. Шасси чуть скользнуло в сторону по наледи, скрытой слоем свежего снега, но летчик быстро выровнял машину. Как только вертолет замер на твердой земле, Девис протянул Борну спутниковый телефон. Только этот аппарат, размерами чуть больше обычного сотового телефона, и мог обеспечивать связь в этом отдаленном горном районе, где обычные сигналы Джи-эс-эм были недоступны.

– Оставайтесь здесь, – сказал Борн, увидев, что летчик отстегивает ремень. – Что бы ни случилось, ждите меня. Я буду выходить на связь каждые два часа. Если от меня не будет никаких вестей в течение шести часов, вы отсюда улетаете.

– Так не получится, сэр. Я еще ни разу никого не бросал.

– На этот раз все будет по-другому. – Борн стиснул молодому летчику плечо. – Ты ни при каких обстоятельствах не должен идти следом за мной, это понятно?

Девис не скрывал своего огорчения.

– Так точно, сэр.

Достав штурмовую винтовку, он открыл дверцу. В вертолет ворвался пронизывающий холод.

– Хочешь чем-нибудь заняться? Держи под прицелом вход в пещеру. Увидишь что-нибудь движущееся, стреляй без предупреждения. Вопросы будем задавать потом.

Борн соскочил на землю. Здесь было очень холодно. Высокогорные плато Рас-Дашана зимой не самое гостеприимное место. Снегу навалило довольно много, но он был настолько сухой, что непрерывный ветер гонял его из стороны в сторону, наметая снежные горы, размерами соизмеримые с барханами Сахары. В других местах снег был сдут начисто, и открывались пятна выжженной травы, из которой торчали неровные зазубренные скалы, похожие на гнилые зубы старика.

Хотя Борн тщательно осмотрел место с воздуха, облетев его вокруг, к обломкам двух «Чинуков» он приближался осторожно. Больше всего его беспокоила пещера. В ней могло таиться как хорошее – раненые, выжившие в одной из катастроф, – так и плохое, а именно бойцы той самой террористической группы, которая расправилась с двумя подразделениями «Скорпион».

Приблизившись к вертолетам, Борн разглядел внутри тела – на самом деле не более чем превратившиеся в уголь скелеты с уцелевшими кое-где клочками опаленных волос. Он подавил желание сразу же

заняться поисками останков Линдроса. Первым делом необходимо обеспечить безопасность.

Борн беспрепятственно добрался до входа в пещеру. Ветер, скользя сквозь каменные пальцы, издавал пугающий, жуткий вой, напоминающий крик человека под пытками. Черный зев пещеры бросал вызов, приглашая войти. Мгновение Борн стоял, прижимаясь к леденящей поверхности скалы, дыша глубоко и размеренно. Затем прыгнул в темноту, падая на землю и перекатываясь.

Включив мощный фонарик, Борн направил луч в ниши и углы, где могли бы скрываться затаившиеся в засаде. Никого. Поднявшись на ноги, Борн шагнул вперед и тотчас же резко застыл на месте, раздувая ноздри.

Когда-то давно в Египте местный проводник вел его по подземному лабиринту. И там он впервые ощутил этот запах, одновременно сладковатый и терпкий, непохожий на все то, с чем ему приходилось сталкиваться до этого. Когда Борн высказал вслух свой вопрос, проводник секунд на десять включил фонарик на батарейках, и Борн увидел высушенные тела, ожидающие погребения. Темная кожа была натянута, словно барабан.

– Ты чувствуешь запах человеческой плоти, в которой больше не осталось жидкости, – объяснил проводник, выключая фонарик.

Именно этот запах ощущал сейчас Борн в этой пещере, глубоко вонзившейся в северный склон Рас-Дашана. Запах иссушенной человеческой плоти и чего-то еще: тошнотворное зловоние разложения, загнанное в дальний угол пещеры, подобно болотному газу.

Водя перед собой ярким лучом света, Борн двинулся вперед. Под ногами у него что-то громко хрустнуло. Посветив вниз, Борн обнаружил, что пол пещеры устлан костьми – звериными, птичьими, человеческими, валяющимися вперемешку. Он двинулся дальше и снова остановился, увидев что-то на фоне скалы. На полу сидела человеческая фигура, прислонившись к дальней стене пещеры.

Присев на корточки, Борн оказался как раз напротив головы. Точнее, того, что от нее осталось. Яма начиналась прямо посреди лица, источая наружу яд, подобно вулкану, извергающему потоки лавы. Этот яд уничтожил сначала нос, затем глаза и щеки, сдирая кожу, пожирая скрытую под ней плоть. Теперь уже даже череп, твердые кости были источены и зазубрены той самой силой, которая сожрала мягкие ткани.

Борн, чувствуя удары бешено колотящегося о грудную клетку сердца, поймал себя на том, что затаил дыхание. Ему уже приходилось видеть

эту особую форму омертвения тканей. Ее может вызвать только одно: радиация.

Это давало ответ на многие вопросы: почему Мартин Линдрос так внезапно вернулся к оперативной работе, почему такое большое значение имело это место, которое охранялось ракетами класса «земля–воздух» и бог знает еще каким оружием. У Борна внутри все оборвалось. Ради того, чтобы сохранить эту леденящую душу тайну, были безжалостно убиты все бойцы «Скорпиона-1» и «Скорпиона-2» – в том числе, вероятно, и Мартин. Террористы переправляли этим путем кое-что помимо возбуждаемых искровых разрядов: у них в распоряжении была урановая руда. Вот от чего умер неизвестный: от радиационного заражения, вызванного утечкой из контейнера с ураном, который он нес. Сам по себе желтый уран ничего не значит: он дешевый, его относительно легко достать и невозможно превратить в ядерное оружие, не имея завода площадью больше квадратного километра и высотой в четыре этажа, не говоря уже про практически неограниченные финансовые средства.

Кроме того, желтый уран не оставляет радиационного следа. Нет, несомненно, в руки «Дуджи» каким-то образом попал порошок двуокиси урана, от которого всего один легкоосуществимый шаг до обогащенного урана, пригодного для изготовления ядерного устройства. И сейчас Борн задавал себе тот самый вопрос, который заставил Мартина Линдроса сорваться с места навстречу опасности: зачем террористической группировке двуокись урана и возбуждаемые искровые разряды, *если только у нее где-то нет завода и обученного персонала, способного производить атомные бомбы?*

Что может означать только одно: эта «Дуджа» гораздо страшнее, чем это представляют в «Тифоне». Террористическая группировка является сердцем тайной международной ядерной сети. Именно такая сеть была прикрыта в 2004 году, когда пакистанский ученый Абдул Кадыр-хан признался в том, что продавал ядерные технологии Ирану, Северной Корее и Ливии. И вот теперь жуткий призрак ожил снова.

Оглушенный этим открытием, Борн поднялся на ноги и попятился к выходу из пещеры. Обернувшись, он сделал несколько глубоких вдохов, хотя пронизывающий ледяной ветер врывался прямо в легкие, и поежился. Показав Девису знаком, что все в порядке, Борн направился к обломкам подбитых вертолетов. У него в голове беспорядочно метались мысли. Угроза Америке, выявленная «Тифоном», не только реальна – она имеет громадные масштабы и чревата просто катастрофическими последствиями.

У Борна перед глазами возник образ одноразового возбуждаемого искрового разряда – дымящийся пистолет последнего расследования

Мартина Линдроса. Если не остановить Фади, ядерному удару может подвергнуться один из крупнейших американских городов.

Глава 7

Анна Хельд перехватила Сорайю, как только та вернулась в штаб-квартиру ЦРУ.

– В туалет, – прошептала она. – Живо.

Войдя в женский туалет, расположенный в конце коридора, Анна одну за другой проверила все кабинки, убеждаясь, что в них никого нет.

– Начнем с моей части сделки, – сказала Сорайя. – НЭМ подвергся воздействию высокой температуры, и половина электрических цепей вышла из строя.

– Что ж, это уже можно выдать Старику, – кивнула Анна. – Он жаждет крови Борна, и Лернер тоже.

– Со Стариком все ясно, он взбешен бегством Севика. – Сорайя нахмурилась. – Но при чем тут Лернер?

– Вот за этим-то я и позвала тебя сюда, – резко промолвила Анна. – Пока ты была с Борном, Лернер осуществил государственный переворот.

– Что?

– Он убедил Старика назначить его временно исполняющим обязанности начальника «Тифона».

– О господи, – пробормотала Сорайя. – Как будто у нас и без этого мало бед!

– Мне кажется, что ты еще ничего не знаешь. Лернер решительно настроен на то, чтобы полностью преобразовать ЦРУ, перевернув все вверх дном, и теперь, вонзив свои когти в «Тифон», он и вас хорошенько встряхнет.

Кто-то попробовал войти в туалет, но Анна отразила попытку.

– Здесь потоп, – решительно заявила она. – Сходите на другой этаж.

Когда они снова остались одни, Анна продолжила:

– Лернер будет травить всех, кому не доверяет. А поскольку ты была связана с Борном, готова поспорить на что угодно, в этом списке ты будешь первой. – Она прошла к двери. – Выше голову, малышка!

Борн сидел на земле, обхватив голову руками, и пытался найти выход из сгущающегося кошмара. Вся беда заключалась в том, что он не

располагал достаточной информацией. Ему не оставалось ничего другого, кроме как идти вперед, стараясь разыскать Линдроса, а если этому не суждено случиться, если его друга уже нет в живых, продолжить его дело и остановить Фади и «Дуджу», прежде чем они успеют осуществить свою угрозу.

Наконец Борн поднялся с земли. Осмотрев «Чинуки» снаружи, он обошел тот, что лежал ближе ко входу в пещеру, и забрался в вертолет, на котором прилетел Линдрос.

Внутри царил сюрреализм, словно сошедший с полотен Сальвадора Дали: расплавленная пластмасса, спекшаяся лужицами, металл, сплавившийся с металлом. И все немыслимо обгорело. Это заинтересовало Борна. На такой большой высоте воздух разрежен, и кислорода недостаточно для того, чтобы поддерживать такой интенсивный огонь долго – настолько долго, чтобы причинить подобные повреждения. Это пламя пришло из другого источника – из огнемета.

Борн мысленно представил себе лицо Хирама Севика. За этой западней стоял Фади. Современное оружие, безукоризненная согласованность действий, высокий уровень тактики – вот что привело к гибели два отборных отряда специального назначения.

Но душу Борна глодал другой вопрос. Зачем Фади отдался в руки ЦРУ? Возможных ответов было несколько. Наиболее правдоподобным было то, что тем самым террорист посылал ЦРУ сообщение: «Вы полагаете, что я у вас на мушке, но на самом деле вы даже не представляете себе, с кем имеете дело». Борн признавал, что в определенном смысле Фади прав: им действительно почти ничего не известно о противнике. Однако именно эта бравада и могла дать Борну отправную точку, в которой он так нуждался. Своим успехом он был обязан способности проникать в мысли врагов. Опыт научил Борна, что проделать это невозможно, если противник остается в тени. Но теперь Фади на миг промелькнул в поле зрения Борна. Открыл свое лицо. Впервые у Борна появился образец – хоть и грубый и неточный, с которого он мог начинать поиски.

Борн полностью погрузился в изучение внутренности «Чинука». Он насчитал четыре обгоревших скелета. Это явилось настоящим откровением. Двух человек нет среди мертвых. Возможно ли, что они остались в живых? Возможно ли, что один из них – Мартин Линдрос?

Группы «Скорпион» устроены по военному образцу. У всех бойцов при себе бирки, указывающие на принадлежность к несуществующему подразделению армейского спецназа. Борн торопливо собрал четыре бирки. Стерев с них снег, пепел и сажу, он прочитал фамилии погибших, выученные наизусть по списку, полученному от «Тифона». Мартина среди них не было! Кроме того, отсутствовал летчик – Джеми Коуэлл.

Перейдя к месту последнего успокоения «Скорпиона-2», Борн обнаружил шесть трупов: пятерых бойцов и летчика. Судя по разбросанным повсюду костям конечностей, разумно было предположить, что падение «Чинука» застигло их врасплох. Эти люди так и не успели вступить в боевое соприкосновение с противником. Борн собрал бирки.

Вдруг в полумраке внутреннего отсека он уловил тень движения, затем промелькнул глаз, и тут же голова отвернулась. Борн просунул руку в узкую щель за приборной панелью и тотчас же ощутил острую боль, и в этот момент на него набросилась тень, оттолкнувшая его назад.

Поднявшись на ноги, Борн последовал за ней. Выскочив из корпуса вертолета, он неистово замахал рукой, показывая Девису, чтобы тот не стрелял. На тыльной стороне ладони появился кровавый полумесяц, оставленный зубами. Тень перемахнула через невысокую каменную стену на северо-восточном краю площадки.

Взлетев в воздух, Борн приземлился ногами на стену и, сориентировавшись, прыгнул вниз на спину неизвестному.

Оба упали и покатились по земле, но Борн крепко вцепился в волосы неизвестного, разворачивая его к себе лицом. Он увидел мальчишку лет одиннадцати.

– Кто ты такой? – спросил Борн на местном диалекте амхарского. – Что ты здесь делаешь?

Мальчишка плюнул ему в лицо и стал царапаться, пытаясь вырваться. Заломив ему руки за спину, Борн усадил его под защиту стены, укрываясь от завывающего ветра. Мальчишка был тощий, словно спица. Повсюду сквозь кожу выпирали кости.

– Когда ты ел в последний раз?

Ответа не последовало. По крайней мере мальчишка больше не плевался, но, вероятно, это было потому, что внутри у него царила сухость снега, хрустевшего под ногами. Свободной рукой Борн отстегнул от пояса фляжку и зубами открыл крышку.

– Я тебя отпущу. Ничего плохого я тебе не сделаю. Хочешь пить?

Мальчишка раскрыл рот, словно птенец в гнезде.

– В таком случае обещай ответить на мои вопросы. Так будет справедливо.

Мальчишка долго смотрел на него своими черными глазами, затем кивнул. Борн отпустил его запястья, он жадно схватил фляжку, опрокинул ее в рот и стал пить большими, судорожными глотками.

Пока он пил, Борн соорудил вокруг стены из снега, чтобы хоть как-то сберечь тепло их тел. Он забрал фляжку.

– Первый вопрос: ты знаешь, что здесь произошло?

Мальчишка молча покачал головой.

– Наверняка ты видел вспышки взрывов, дым, поднимающийся над горой.

Непродолжительное колебание.

– Да, видел. – Оказалось, у него высокий девчоночий голос.

– И, естественно, тебе стало любопытно. Ты поднялся сюда, так?

Отвернувшись в сторону, мальчишка прикусил губу.

Так у него ничего не получится. Борн понял, что нужно найти другой подход.

– Меня зовут Джейсон, – сказал он. – А тебя?

И опять после колебания:

– Алем.

– Алем, тебе приходилось терять близкого человека? Который был тебе очень дорог?

– А что? – подозрительно насторожился мальчишка.

– Видишь ли, я потерял близкого человека. Своего лучшего друга. Вот почему я здесь. Он был в одной из этих сгоревших «птичек». Мне нужно знать, видел ли ты его, знаешь ли, что с ним сталось.

Алем уже качал головой.

– Его зовут Мартин Линдрос. Ты ни от кого не слышал это имя?

Мальчишка снова прикусил губу, начинавшую дрожать, но, как решил Борн, не от холода. Он покачал головой.

Нагнувшись, Борн набрал пригоршню снега и высыпал его на то место, где его укусил Алем. От него не укрылось, что мальчишка следит за каждым его движением.

– Мой старший брат погиб полгода назад, – наконец сказал Алем.

Борн продолжал накладывать на руку снег. «Лучше вести себя естественно», – рассудил он.

– И что с ним случилось?

Подобрав колени к груди, Алем обхватил их руками.

– Его завалил оползень. А наш отец остался калекой.

– Извини, – искренне произнес Борн. – Слушай, вернемся к моему другу. А что, если он жив? Разве ты хочешь, чтобы он умер?

Мальчишка рассеянно провел пальцем по ледяной корке у основания стены.

– Ты будешь меня бить, – пробормотал он.

– С чего бы это?

– Я кое-что подобрал. – Алем дернул головой в сторону обломков. – Вон там.

– Алем, обещаю, меня интересует только мой друг.

Еще раз недоверчиво взглянув на Борна, мальчишка достал перстень. Взяв перстень, Борн подставил его солнечному свету. Он сразу же узнал геральдический щит с раскрытыми книгами во всех четвертях – герб университета Брауна.

– Это перстень моего друга. – Борн осторожно протянул перстень мальчишке. – Ты мне покажешь, где его нашел?

Алем перелез через стену, затем побрел по сугробам к месту в нескольких сотнях ярдов от обгоревших обломков. Он опустился на колени, и Борн последовал его примеру.

– Здесь?

Мальчишка кивнул.

– Он лежал под снегом, наполовину присыпанный.

– Как будто его втоптали в землю, – закончил за него Борн. – И все же ты его нашел.

– Я был здесь вместе с отцом. – Алем положил руки на острые колени. – Мы искали, чем бы поживиться.

– А что нашел твой отец?

Мальчишка пожал плечами.

– Ты отведешь меня к нему?

Алем долго смотрел на перстень, лежащий на грязной ладони. Затем сжал пальцы в кулак и убрал перстень в карман. Он поднял взгляд на Борна.

– Я ему ничего не скажу, – тихо промолвил тот. – Обещаю.

Алем кивнул, и они встали. Борн взял у Девиса антисептик и бинт, чтобы обработать руку. Затем мальчишка повел его вниз от этой маленькой, блеклой альпийской лужайки, по головокружительно крутой тропе, извивающейся по обледенелому каменистому склону Рас-Дашана.

Анна не шутила, сказав, что Лернер жаждет крови. Когда Сорайя вышла из лифта на подземном этаже, отведенном «Тифону», ее уже ждали двое. Молодая женщина знала, что даже для того, чтобы спуститься сюда, им были нужны специальные пропуска. Дела плохи и становятся хуже с каждой секундой.

– Исполняющий обязанности директора Лернер хочет поговорить с вами, – сказал тот, что слева.

– Он попросил вас пройти с нами, – подхватил тот, что справа.

Сорайя прибегла к легкомысленному голосу, проникнутому флиртом:

– Мальчики, вам не кажется, что сначала мне нужно немного привести себя в порядок?

Тот, что слева, высокий, сказал:

– Немедленно. Так распорядился исполняющий обязанности директора.

«Или стоики, или евнухи, или и то и другое». Пожав плечами, Сорайя отправилась следом за агентами. Сказать по правде, ничего другого ей и не оставалось. Идя по коридору между двумя ожившими столбами, молодая женщина старалась прогнать прочь беспокойство. Ей сейчас нужно сохранить голову ясной, в то время как все вокруг, похоже, сходят с ума. Несомненно, Лернер постарается ее уколоть, сделает все, что в его силах, чтобы прижать ее к стене. Сорайя уже вдоволь наслушалась про него разных жутких вещей, а ведь он проработал в ЦРУ всего – сколько, полгода? Лернер поймет, что она испытывает к нему неприязнь, и постарается сыграть на этом, подобно зубному врачу-садисту, ковыряющемуся в больном зубе.

В самом конце коридора Сорайя остановилась перед закрытой дверью. Более высокий агент выбил по двери короткую военную дробь заскорузлыми костяшками пальцев. Затем он открыл дверь и отступил в сторону, приглашая Сорайю войти. Однако сам он со своим doppelganger задержался. Они вошли в кабинет следом за ней, закрыли дверь и, отступив назад, застыли у стены, словно подпирая ее своими могучими плечами.

У Сорайи внутри все оборвалось. В одно мгновение Лернер полностью завладел кабинетом Линдроса, зашвырнул все личные вещи прежнего обладателя одному богу известно куда. Все фотографии уже были развернуты лицом к стене, словно отправленные в ссылку.

Исполняющий обязанности заместителя директора сидел за столом Линдроса, опустив свою грузную задницу в кресло Линдроса, и листал бледно-зеленую папку с текущими делами, отвечая на звонки Линдросу так, словно они предназначались ему самому. Впрочем, они *действительно* предназначаются ему самому, напомнила себе Сорайя, и ее тотчас же охватило уныние. Ей очень захотелось, чтобы Линдрос возвратился; она мысленно помолилась о том, чтобы Борн как можно скорее его отыскал и вернул живым и невредимым. На какой еще исход ей можно надеяться?

– А, мисс Мор. – Лернер положил трубку телефона. – Очень хорошо, что вы к нам присоединились. – Он улыбнулся, но сесть не предложил. Определенно, ему хотелось, чтобы она стояла перед ним, словно провинившийся ученик, которого отчитывает жестокий директор. – Позвольте спросить, где вы пропадали?

Сорайя знала, что Лернеру уже все известно, поскольку предварительно позвонила по сотовому. Судя по всему, он хотел услышать личное признание. Молодая женщина почувствовала, что для него весь мир разбит на множество коробок одинакового размера, в которые он может втиснуть всё и всех, каждого в предназначенный именно для него аккуратный закуток. И при этом он мнит, что тем самым контролирует хаос реальности.

– Я ездила в Мериленд, чтобы утешить мать и сестер Тима Хитнера.

– Существуют определенные правила, – натянуто промолвил Лернер. – И их выдумали не зря. Вам это не приходило в голову?

– Тим был моим другом.

– Вы ошибаетесь, считая, что ЦРУ не может позаботиться о своих людях.

– Я лично знакома с его родными. Я должна была сама сообщить им это скорбное известие. Чтобы хоть чуточку облегчить им боль утраты.

– Вы имеете в виду, что солгали им, сказав, будто Хитнер был героем, а не бестолковым растяпой, невольно поспособствовавшим врагу?

Сорайя отчаянно старалась сохранить равновесие. Она ненавидела себя за то, что робеет перед этим человеком.

– Тим не был оперативным работником. – И тотчас же Сорайя поняла, что допустила тактический промах.

Лернер взял бледно-зеленую папку.

– Однако в вашем письменном отчете указано, что Хитнера привлек к операции непосредственно Джейсон Борн.

– Тим бился над вскрытием шифрованной записки, обнаруженной при Севике, при человеке, под чьим обликом, как нам теперь известно, скрывался Фади. Борн хотел использовать это обстоятельство, чтобы заставить Севика говорить.

Лицо Лернера стало твердым и натянутым, словно кожа барабана. Его глаза превратились в дула пистолетов: черные, смертоносные, готовые извергнуть пулю. Но в остальном его внешность была совершенно заурядной. Он мог бы сойти за продавца обувного магазина или нудного конторского служащего средних лет. Какой эффект, рассудила Сорайя, и требовался. Лицо хорошего оперативного работника должно забываться сразу же.

– Мисс Мор, позвольте выразиться прямо: вы защищаете Джейсона Борна.

– Именно Борн установил личность Фади. Он дал нам отправную точку.

– Странно, что это так называемое установление личности произошло *после* гибели Хитнера и бегства Севика.

Сорайя не могла поверить своим ушам.

– Неужели вы не верите, что Севик и Фади – один человек?

– Я только хочу сказать, что у вас нет ничего, кроме измышлений бывшего агента, которые ни в коем случае нельзя считать истиной в последней инстанции. Чертовски опасно позволять личным чувствам вставать на пути профессиональных суждений.

– Не сомневаюсь, это не…

– У кого вы получили разрешение на эту небольшую прогулку к семье Хитнера?

Сорайя изо всех сил старалась сохранить равновесие среди всей этой стремительной смены тем.

– А разве на это нужно было получить разрешение?

– Отныне это является обязательным требованием. – Лернер театральным жестом захлопнул папку. – Позвольте дать вам один маленький совет, мисс Мор: впредь больше никогда не покидайте пределы резервации. Это понятно?

– Понятно, – кратко ответила Сорайя.

– Хотелось бы верить. Видите ли, вы отсутствовали последние несколько дней, поэтому пропустили одно важное собрание личного состава. Не желаете, чтобы я вкратце ввел вас в курс дела?

– Я вас слушаю, – стиснув зубы, проскрежетала она.

– В двух словах все сводится к следующему, – любезным тоном начал Лернер, – я меняю задачу «Тифона».

– *Что?*

– Видите ли, мисс Мор, нашему управлению нужно поменьше созерцать и побольше заниматься делом. Никого нисколько не интересует, что думают и чувствуют мусульманские террористы. Они желают нашей гибели. Следовательно, нам нужно решительно врезать им так, чтобы они отлетели до самого Красного моря. Все так просто.

– Сэр, позвольте заметить, в этой войне нет ничего простого. Она нисколько не похожа на…

– Мисс Мор, не заводитесь напрасно, – резко оборвал ее Лернер.

У Сорайи внутри все забурлило. Этого не может быть! Все задумки Линдроса, вся кропотливая работа отправляется коту под хвост! Ну где же Линдрос, когда он так нужен? Жив ли он? Необходимо в это верить. Однако по крайней мере сейчас командует парадом это чудовище. Хорошо хоть, допрос окончился.

Поставив локти на стол, Лернер сплел пальцы.

– Мне хочется узнать, – сказал он, снова круто меняя тему разговора, – не могли бы вы прояснить еще один вопрос. – Он строго помахал бледно-зеленой папкой. – Во имя всего святого, ну как вам удалось наломать столько дров?

Сорайя стояла не шелохнувшись, несмотря на бушующую внутри ярость. Лернер провел ее, заставив поверить в то, что разговор завершен. На самом деле он лишь начинался. Молодая женщина поняла, что узурпатор места Линдроса только сейчас переходит к истинной причине того, зачем он ее вызвал.

– Вы позволили Борну выпустить Хирама Севика из клетки. Вы были на месте, когда Севик сбежал. Вы приказали вертолетам принять участие в операции. – Он бросил папку на стол. – Кажется, я пока что все излагаю правильно?

Сорайя подумала было о том, чтобы хранить молчание, но затем решила не доставлять Лернеру этого удовлетворения.

– Да, – глухо подтвердила она.

– Это вы занимались Севиком. Вся ответственность лежит на вас.

Отпираться бесполезно. Сорайя расправила плечи.

– Да, на мне.

– По-моему, это достаточное основание для того, чтобы вас уволить, мисс Мор, вы не находите?

– Не знаю.

– В этом вся беда. Вам *следовало бы* знать. Точно так же, как вам следовало бы знать, что Севика нельзя выпускать из клетки.

Что бы она ни говорила, Лернер обращал это против нее.

– Прошу прощения, но у меня был приказ директора ЦРУ оказывать Борну всяческое содействие.

Лернер долго смотрел на нее, затем чуть ли не покровительственно махнул рукой.

– Черт побери, а почему вы стоите? – спросил он.

Сорайя уселась напротив.

– По поводу Борна. – Лернер посмотрел ей в глаза. – Кажется, вы в этом вопросе вроде как эксперт.

– Я бы так не сказала.

– В вашем досье говорится, что вы работали вместе с Борном в Одессе.

– Наверное, можно лишь сказать, что я знаю Борна чуть лучше других.

Лернер откинулся назад.

– Мисс Мор, определенно вы не можете сказать, что постигли все тонкости своего ремесла.

– Вы правы, не могу.

– В таком случае я абсолютно уверен, что мы с вами сработаемся, что со временем вы будете преданны мне так же, как были преданны Мартину Линдросу.

– Почему вы говорите о Линдросе так, словно его больше нет в живых?

Казалось, что Лернер пропустил ее слова мимо ушей, но она тут же поняла, что для него ее вопрос стал решающим.

– Ну а пока что мне нужно разобраться с текущей ситуацией. Вы занимались делом Севика, и на вас лежит вся ответственность за провал.

Следовательно, мне не остается ничего другого, кроме как попросить вас подать заявление об увольнении по собственному желанию.

Сердце Сорайи, подпрыгнув в груди, застряло в горле.

– Об увольнении? – с трудом выдавила она.

Глаза Лернера превратились в буравчики.

– Увольнение «по собственному желанию» в вашем личном деле будет смотреться гораздо лучше. Даже вы должны это понимать.

Сорайя вскочила с места. Лернер обыграл ее, красиво и жестоко, что лишь еще больше ее взбесило. Она прониклась лютой ненавистью к этому человеку, и ей захотелось, чтобы он об этом знал. В противном случае от ее чувства собственного достоинства останется пшик.

– Черт побери, кто вы такой, что заявились сюда и командуете налево и направо?

– Мисс Мор, мы с вами закончили. Собирайте свои вещички. Вы уволены.

Глава 8

Узкая тропинка, покрытая предательским ледком, по которой вел его Алем, тянулась так долго, что Борну уже начало казаться, будто она никогда не кончится. Однако, завернув за скалу, она спустилась по головокружительно крутому склону на альпийскую лужайку, размерами во много раз превосходящую ту, на которой лежали остовы двух сбитых «Чинуков». Эта лужайка была практически полностью свободна от снега.

Деревенька представляла собой не более чем кучку убогих маленьких лачуг, разделенных сетью улочек, которые были вымощены, судя по всему, просто высохшим навозом. Коричневые козы, бродившие за околицей, подняли свои треугольные головы при приближении двух людей, но, вероятно узнав Алема, тотчас же успокоились и продолжили щипать редкие кустики бурой жесткой травы. Чуть дальше паслись лошади. Почуяв человеческий запах, они заржали, тряся головами.

– Где твой отец? – спросил Борн.

– Как обычно, в кабаке. – Алем поднял взгляд. – Но я вас к нему не поведу. Вы должны идти один. И не говорите ему, что я вам рассказал, как мы рылись в обломках.

Борн кивнул:

– Я дал слово, Алем.

– Не говорите даже о том, что встретились со мной.

– А как я узнаю твоего отца?

– По ноге – левая нога у него очень худая и заметно короче правой. Его зовут Заим.

Борн уже развернулся, когда Алем вложил ему в руку перстень Линдроса.

– Алем, ты его нашел…

– Этот перстень принадлежит вашему другу, – остановил его мальчишка. – Если я верну его вам, быть может, ваш друг останется в живых.

Пришло время поесть. Снова. Оскар Линдрос объяснил сыну, что пленник может сопротивляться как угодно, но он не должен отказываться от еды. Необходимо поддерживать жизненные силы. Разумеется, пленного могут просто заморить голодом, но только в том случае, если хотят его смерти, однако «Дудже» Мартин Линдрос, очевидно, был нужен живым. Конечно, в пищу можно подмешать различные препараты, и, после того как физические пытки не дали результатов, похитители поступили с Линдросом именно так. Все тщетно. Рассудок Мартина был надежно заперт в сейф; об этом в свое время позаботился его отец. Так, например, пентотал натрия развязал ему язык, но он лишь лепетал, словно младенец, не сказав ничего ценного. Все то, что было нужно похитителям, оставалось в сейфе, не доступное никому.

Все подчинялось строгому распорядку, так что теперь Линдроса более или менее оставили в покое. Его регулярно кормили, хотя иногда тюремщики демонстративно плевали в пищу. Один из них упорно не желал убирать за ним испражнения. Когда зловоние стало невыносимым, тюремщики принесли шланг. Мощная струя ледяной воды сбила Линдроса с ног и швырнула в каменную стену. Там он пролежал несколько часов, среди струек воды и крови, сливающихся в розовые ручейки, вытаскивая форель из безмятежной глади озера, одну за другой.

Но все это было несколько недель назад – по крайней мере, так казалось Линдросу. Теперь ему стало лучше. Его даже показали врачу, который наложил швы на самые большие порезы, перебинтовал раны и дал ему антибиотики от лихорадки, непрестанно донимавшей его.

Теперь Линдрос мог покидать озеро на все более и более длительные промежутки времени. Изучив свое окружение, он пришел к выводу, что находится в пещере. Судя по пронизывающему холоду и завывающему

ветру, который время от времени врывался в пещеру, это место было расположено где-то высоко в горах, предположительно на склонах Рас-Дашана. Фади Линдрос больше не видел, однако время от времени его навещал ближайший помощник Фади, человек по имени Аббуд ибн Азиз. Это он вел допросы после того, как самому Фади не удалось сломить Линдроса в первые несколько дней плена.

Линдросу был хорошо знаком тип людей, к которому принадлежал Аббуд ибн Азиз. По сути своей этот человек был хищником – то есть совершенно чуждым цивилизации. И таким он останется навсегда. Утешение ему приносит лишь бескрайняя пустыня, где он родился и вырос. Все это Линдрос заключил по диалекту арабского, на котором говорил Аббуд ибн Азиз: он был бедуином. Его понятия о добре и зле были исключительно черно-белыми, высеченными в камне. В этом смысле он был в точности таким, как Оскар Линдрос.

Похоже, Аббуду ибн Азизу доставляли удовольствие беседы с Линдросом. Возможно, он наслаждался полной беспомощностью своего пленника. Может быть, он надеялся, что если они будут говорить друг с другом долго, Линдрос в конце концов увидит в нем друга – возникнет стокгольмский синдром,[5] и Линдрос ощутит единение со своим тюремщиком. А может быть, Аббуд ибн Азиз просто разыгрывал из себя «доброго полицейского», потому что это он вытирал Линдроса полотенцем после обливания водой из шланга, это он его переодевал, когда у того не было сил сделать это самостоятельно.

Но Линдрос был не из тех, кто уступает искушению выбраться из изоляции, завести себе друга. Он всегда сходился с людьми нелегко; давным-давно он обнаружил, что гораздо проще оставаться одиночкой. Больше того, этому учил его отец. Оскар Линдрос не переставал повторять, что быть одиночкой – существенное достоинство для человека, решившего посвятить свою жизнь разведке. Эта склонность была отмечена в личном деле Линдроса после того, как он, перед тем как попасть в управление, прошел мучительные испытания, длившиеся целый месяц, задуманные психологами ЦРУ, определенно имевшими садистские наклонности.

К настоящему времени Линдрос уже прекрасно знал, что нужно от него Аббуду ибн Азизу. Для него явилось непостижимой загадкой то, что террористы пытались разузнать любые сведения относительно операции, которую ЦРУ проводило много лет назад против Хамида ибн Ашефа. Какое дело Аббуду ибн Азизу до Хамида ибн Ашефа?

Разумеется, из него хотели вытянуть не только это. А еще много чего. И несмотря на кажущуюся зацикленность Аббуда ибн Азиза, Линдрос с любопытством отметил, что разговоры об операции ЦРУ против Хамида

ибн Ашефа начинались только тогда, когда Аббуд оставался с ним наедине.

Из чего Линдрос заключил, что эта конкретная линия допросов является личным начинанием Аббуда и не имеет никакого отношения к той причине, по которой его похитила «Дуджа».

– Как вы себя сегодня чувствуете?

Перед ним стоял Аббуд ибн Азиз. Он принес две одинаковые тарелки с едой и вложил одну из них в руки Линдросу. Линдрос знал, что написано в Коране про пищу. Вся пища делится на две группы: «харам» и «халал», запрещенная и разрешенная. Разумеется, сейчас на тарелках была только «халал» пища.

– Боюсь, кофе сегодня не будет, – продолжал Аббуд. – Но финики и пахтовый творог просто восхитительны.

Финики оказались немного суховатыми, а творог имел странноватый привкус. Все это были мелочи, однако в мире Линдроса они имели большое значение. Финики засыхают, творог прокисает, кофе закончился. Новые запасы не подвозят. Почему?

Оба принялись есть, беря пищу только правой рукой, обнажая зубы и вонзая их в темную плоть фиников. Мозг Линдроса лихорадочно работал.

– Что у нас сегодня с погодой? – наконец спросил он.

– Холодно, а от постоянного ветра становится еще холоднее. – Аббуд зябко поежился. – К нам снова приближается атмосферный фронт.

Линдрос знал, что его тюремщик привык к температурам за сто градусов по Фаренгейту, к постоянному хрусту песка на зубах, к паляще-белому сиянию солнца, к благословенной прохладе звездных ночей. Ему был невыносим постоянный холод, не говоря уже про разреженный воздух высокогорья. Кости и легкие Аббуда протестующе ныли, словно у старика, вынужденного заниматься непосильным физическим трудом. Аббуд ибн Азиз переложил полуавтоматический «рюгер» на согнутую в локте левую руку. Линдрос пристально следил за каждым его движением.

– Понимаю, как вам тяжело находиться здесь. – В словах Линдроса прозвучало искреннее сострадание.

Аббуд начал было пожимать плечами, но все кончилось новой дрожью.

– И вы скучаете не только по пустыне. – Линдрос отставил свою тарелку. Практически непрерывные побои на протяжении нескольких дней

безнадежно отбили у него аппетит. – Гораздо больше вам не хватает мира ваших отцов, ведь так?

– Западная цивилизация является мерзостью, – решительно заявил Аббуд. – Ее влияние на наше общество подобно заразной болезни, которую необходимо полностью искоренить.

– Вы боитесь западной цивилизации, потому что не понимаете ее, – возразил Линдрос.

Аббуд выплюнул косточку финика, белую, словно попка младенца.

– То же самое я могу сказать про вас, американцев.

Линдрос кивнул:

– И вы не ошибетесь. Но что это нам дает?

– То, что мы вцепились друг другу в горло.

Борн обвел взглядом кабак. Внутри все было почти таким же, как снаружи: голые каменные стены, укрепленные плетнем. Пол из утрамбованного навоза. В воздухе стоял запах разложения, винных паров и человеческих выделений. В каменном очаге с ревом горели куски кизяка, добавляя тепло и соответствующий аромат. В кабаке сидела горстка амхарцев, все на разной стадии опьянения. Если бы не это обстоятельство, неожиданное появление Борна вызвало бы бурю. А так лишь пробежала мелкая рябь.

Борн прошел в кабак, оставляя за собой следы мокрого снега. Он заказал пиво, которое, к счастью, подали в бутылке. Потягивая разбавленный, солоноватый напиток, Борн не спеша огляделся вокруг. По правде сказать, смотреть было особенно не на что: прямоугольное помещение с грубыми деревянными столами и стульями без спинок, больше похожими на табуретки. Тем не менее Борн запечатлел все это в памяти, составляя в голове мысленный план на тот случай, если возникнет опасность и ему придется срочно уходить. Затем он быстро отыскал взглядом мужчину с искалеченной ногой. Заим сидел в полном одиночестве в углу, держа в одной руке бутылку дешевого виски, а в другой грязный стакан. У него были густые сросшиеся брови и обожженная, обветренная кожа горца. Он бросил на подошедшего к столику Борна мутный взгляд.

Подцепив ботинком ножку табурета, Борн пододвинул его к себе и уселся напротив отца Алема.

– Убирайся прочь, долбаный турист, – пробормотал Заим.

– Я не турист, – на том же самом наречии ответил Борн.

Широко раскрыв глаза, отец Алема тряхнул головой и смачно сплюнул на пол.

– Все равно тебе что-то нужно. Никто просто так не осмеливается подниматься на Рас-Дашан зимой.

Борн отпил большой глоток пива.

– Ты прав, разумеется. – Отметив, что бутылка Заима почти пустая, он спросил: – Что ты пьешь?

– Пыль, – ответил отец Алема. – Вот то, что пьют здесь. Пыль и пепел.

Сходив к стойке, Борн взял еще одну бутылку и поставил ее на стол. Он собирался наполнить стакан, но Заим остановил его, перехватив его руку.

– Времени не будет, – пробурчал он себе под нос. – Особенно если ты привел с собой своего врага.

– А я и не подозревал, что у меня есть враг. – Не было никакого смысла говорить Заиму правду.

– Ты ведь пришел с «места смерти», так? – Заим пристально уставился на Борна водянистыми глазами. – Ты забрался в железные скелеты этих военных пташек, обшарил кости сгоревших в них воинов. Не трудись это отрицать. Всякий, кто побывает там, заводит себе врагов, точно так же, как гниющий труп заводит вокруг себя мух. – Он махнул свободной рукой. Его мозолистые ладонь и пальцы были покрыты татуировкой настолько глубоко въевшейся грязи, что отмыть ее не представлялось возможным. – Я чую этот запах, исходящий от тебя.

– Этот враг, – заметил Борн, – пока что мне неизвестен.

Заим усмехнулся, продемонстрировав зияющие пустоты между немногими оставшимися во рту зубами. От его дыхания пахнуло зловонием могилы.

– В таком случае я стал для тебя ценным. Определенно более ценным, чем бутылка виски.

– Мои враги скрываются, следят за «местом смерти»?

– Сколько ты готов заплатить за то, – спросил Заим, – чтобы взглянуть в лицо своему врагу?

Борн положил на стол деньги.

Заим умело сгреб их одним движением руки, похожей на лапу хищной птицы.

– Твои враги продолжают наблюдать за «местом смерти» день и ночь. Понимаешь, это подобно сетям паука. Паук хочет узнать, каких насекомых они притягивают.

– Зачем это ему?

Заим пожал плечами:

– Особенно незачем.

– Значит, есть кто-то другой.

Заим наклонился вперед:

– Понимаешь, мы пешки. Мы рождены пешками. На что еще мы годны? Как нам наскрести на прожитье? – Он снова пожал плечами. – Даже так долго сдерживать зло не удастся. Рано или поздно горе придет в самом болезненном обличье.

Борн подумал про сына Заима, погребенного живьем под оползнем. Однако он ничего не сказал: он дал слово Алему.

– Я ищу своего друга, – тихо промолвил он. – Он прилетел на Рас-Дашан на первой «птичке». Его тела нет на «месте смерти». Поэтому я думаю, что он жив. Что ты мне можешь сказать на это?

– Я? Я ничего не знаю. Разве что слышал одно слово здесь, другое там. – Заим почесал бороду обгрызенными черными ногтями. – Но есть один человек, который сможет помочь.

– Ты отведешь меня к нему?

Заим усмехнулся.

– Все зависит исключительно от тебя.

Борн положил на грязный стол еще одну пачку банкнотов. Одобрительно крякнув, Заим забрал деньги и спрятал их в карман.

– С другой стороны, – продолжал он, – мы ничего не сможем сделать до тех пор, пока твой враг следит за тобой. – Он задумчиво поджал губы. – Глаз твоего врага сидит, расставив ноги, за твоим левым плечом, – простой боец, скажем так, не больше.

– Теперь ты тоже впутался в это дело, – заметил Борн, кивнув на карман, в котором Заим спрятал деньги.

Отец Алема пожал плечами:

– Я тут ни при чем. Я знаю этого человека, знаю его родственников. Мой разговор с тобой не будет иметь для меня никаких последствий, поверь мне.

– Я хочу стряхнуть его со своей спины, – сказал Борн. – Пусть глаз заснет.

– Разумеется. – Заим почесал подбородок. – Все можно устроить, даже осуществить такое трудное желание.

Борн снова протянул ему деньги, и Заим кивнул, удовлетворенный по крайней мере на какое-то время. Он напомнил Борну игральный автомат из Лас-Вегаса: он перестанет тянуть из него деньги только тогда, когда Борн уйдет.

– Подожди ровно три минуты, ни больше ни меньше, затем выходи следом за мной. – Заим встал. – Пройди сто шагов по главной дороге, затем сверни налево в переулок, затем сразу же сверни направо. Конечно, я не могу рисковать, показываясь в твоем обществе. Надеюсь, если нас увидят вместе, ты знаешь, как поступить. После этого ты пойдешь дальше, не возвращаясь назад. Я тебя сам найду.

– Тебе сообщение, – сказал Питер Маркс, когда Сорайя вернулась на свое место, чтобы забрать вещи.

– Займись этим сам, Пит, – угрюмо буркнула она. – Меня выставили за дверь.

– Это еще что за чертовщина?..

– Исполняющий обязанности заместителя директора сказал свое слово.

– Да он уничтожит все то, чем хотел видеть «Тифон» Линдрос!

– Похоже, именно на это он и настроен.

Молодая женщина собралась было уходить, но Питер схватил ее за руку, разворачивая к себе лицом. Еще совсем молодой, коренастый, с глубоко посаженными глазами и волосами цвета спелой кукурузы, он говорил чуть в нос, как это принято в Небраске.

– Сорайя, я просто хочу сказать от своего имени – ну, точнее, от имени всех нас: никто не винит тебя в том, что произошло с Тимом. Всякое дерьмо случается. К сожалению, такое у нас ремесло.

Сделав вдох, Сорайя медленно выпустила воздух.

– Спасибо, Пит. Я очень ценю твои слова.

– Просто я рассудил, что ты считаешь себя виновной в том, что дала Борну волю.

Сорайя помолчала, пытаясь разобраться в своих чувствах.

– Борн тут не виноват, – наконец сказала она. – И я тоже не виновата. Это просто произошло. И все.

– Ну да, конечно. Я только хотел сказать, понимаешь, Борн ведь еще один чужак, которого навязал нам Старик. Как и этот сукин сын Лернер. Если хочешь узнать мое мнение – Старик выпускает бразды правления из своих рук.

– Теперь это уже больше не моя забота, – бросила Сорайя, направляясь к выходу.

– Но это сообщение…

– Успокойся, Пит. Займись им сам.

– Но оно помечено как срочное. – Он протянул записку. – Оно от Ким Ловетт.

После ухода Заима Борн направился в туалет, где воняло, как в зверинце. Достав спутниковый телефон, он связался с Девисом.

– У меня есть сведения, что за местом наблюдают, – сказал он. – Так что гляди в оба.

– И вы тоже, – сказал Девис. – Надвигается погодный фронт.

– Знаю. Это как-нибудь повлияет на наш способ отхода?

– Ни о чем не беспокойтесь, – заверил его Девис. – Я обо всем позабочусь.

Выйдя из грязного загона, Борн расплатился по счету, при этом украдкой взглянув на «глаз врага», как назвал его Заим. Он сразу же понял, что перед ним еще один амхарец. Не потрудившись отвести взгляд, мужчина с неприкрытой враждебностью посмотрел на Борна. В конце концов, это были его владения. Он уверенно чувствовал себя дома и в обычной ситуации имел бы на это полное право.

Борн, запустивший мысленный таймер на три минуты в то самое мгновение, когда Заим вышел за дверь, понял, что настало время идти. Он умышленно прошел рядом с «глазом», с удовлетворением отметив, как при его приближении у того напряглись мышцы. Левая рука дернулась к правому бедру, к спрятанному оружию. Тогда Борн понял, что от него требуется.

Он вышел из кабака. Беззвучно отсчитывая сто шагов, Борн заметил, что «глаз» вышел на улицу следом за ним. Он ускорил шаг, чтобы «хвосту» тоже пришлось поспешить, дошел до угла, про который говорил Заим, и без предупреждения свернул налево в узкий проулок, заваленный

снегом. Практически сразу же Борн увидел следующий поворот направо и быстро шагнул туда.

Не пройдя и двух метров, он обернулся и прижался к обледенелой стене, дожидаясь, когда появится «глаз». Схватив амхарца, Борн с силой толкнул его на угол строения, так что у него громко хрустнули зубы. Удар в висок лишил «глаз» чувств.

Через мгновение в проулок боком выскочил Заим.

– А теперь быстро! – запыхавшись, бросил он. – Остались еще двое, на которых я не рассчитывал.

Он провел Борна до ближайшего пересечения и повернул налево. Они сразу же оказались на краю деревушки. Снег лежал толстым слоем, покрытый коркой хрустящего наста. Заим передвигался с трудом, особенно учитывая высокую скорость, которую сам же и задал. И все же вскоре они добрались до убогого сарая, у которого паслись три лошади.

– Как ты относишься к езде верхом без седла? – спросил Заим.

– Как-нибудь справлюсь.

Положив руку на морду гнедой лошади, Борн посмотрел ей в глаза, затем запрыгнул на спину. Нагнувшись, он подхватил Заима за локоть и помог ему взобраться на пегую кобылу. Повернувшись против ветра, они рысью тронулись вперед.

Ветер усиливался. Не требовалось быть местным жителем, чтобы понять, что с северо-запада надвигается буря, отягченная горьким привкусом сильного снегопада. Девису придется изрядно потрудиться, откапывая вертолет. Однако тут ничего не поделаешь: другого способа быстро спуститься с горы нет.

Заим направлялся прямо к темнеющей впереди полосе леса, но Борн, оглянувшись, увидел, что они опоздали. Следом за ними мчались два всадника, неумолимо сокращая расстояние, – не иначе, те двое амхарцев, о которых беспокоился Заим.

Проведя быстрый расчет, Борн прикинул, что преследователи настигнут их за несколько сот ярдов до того, как у них появится шанс скрыться в лесу. Прижавшись щекой к гриве, он ударил лошадь коленями по бокам. Гнедая понеслась к деревьям. Опомнившись, Заим тоже ударил свою лошадь, догоняя Борна.

На полпути к лесу Борн понял, что они не успеют до него добраться. Не раздумывая, он сжал коленями бока лошади и дернул гриву вправо. Не теряя шага, гнедая развернулась, и, прежде чем преследователи опомнились, Борн уже несся галопом прямо на них.

Как он и предвидел, амхарцы разделились. Нагнувшись вправо, Борн отвел левую ногу назад и ударил что есть силы. Его тяжелый ботинок на толстой подошве попал амхарцу в грудь, выбив его из седла. Однако к этому времени второй преследователь уже успел развернуться. Достав пистолет – старый, но от этого ничуть не менее смертоносный 9-мм «Макаров», он направил его в Борна.

Прогремел выстрел. Амхарец вылетел из седла. Обернувшись, Борн увидел, что Заим тоже держит в руке пистолет. Он помахал свободной рукой, и они помчались к темнеющим впереди соснам.

Когда они уже въезжали в лес, сзади донесся еще один выстрел, и пуля прошла среди ветвей над их головами. Амхарец, которого Борн свалил с коня, пришел в себя и снова бросился в погоню.

Заим первым пробирался среди частых сосен. Стало заметно холоднее. Даже здесь, под защитой леса, пронизывающий ветер обжигал лицо, время от времени стряхивая с вершин деревьев маленькие снежные лавины. Борн, вспоминая о преследователе, никак не мог избавиться от неприятного зуда между лопатками. Он как мог погонял гнедую.

Местность начала опускаться, сначала полого, затем все более круто. Лошади фыркали, опустив голову, словно нащупывая погребенные под снегом валуны, скользкие от наледи, что делало путь вниз особо опасным.

Услышав позади треск ветвей, Борн ударил гнедую каблуками, заставляя ее ускорить шаг. Ему хотелось спросить Заима, куда они направляются, однако он понимал, что его голос выдаст их местонахождение в лесном лабиринте. В этот самый момент Борн увидел впереди просвет, затем блеснула широкая полоса льда. Они приближались к реке, которая, петляя между камней, быстро текла от одного альпийского луга к другому.

И тут опять прогремел выстрел, и через мгновение пегая кобыла рухнула под Заимом. Тот кубарем полетел на землю. Понукая гнедую, Борн подъехал к нему и, нагнувшись, затащил его на круп лошади позади себя.

Они были уже у самого берега замерзшей реки. Еще один выстрел; пуля впилась в ствол соседней сосны.

– Дай твой пистолет! – воскликнул Борн.

– Я его выронил, когда подо мной убили лошадь, – понуро ответил Заим.

– Нас тут перестреляют, словно мишени в тире!

Спустив Заима на землю, Борн и сам спрыгнул с гнедой. Хлопнув ладонью по крупу, он отправил ее через лес вдоль реки.

– И что дальше? – Заим хлопнул себя по искалеченной ноге: – С этим я далеко не уйду.

– Пошли. – Схватив его за толстую шерстяную куртку, Борн побежал к берегу реки.

– Что ты задумал? – Глаза Заима округлились от страха.

Борн наполовину оторвал его от земли за мгновение до того, как оба выскочили на лед. Уравновешивая вес Заима, Борн заскользил размашистыми движениями конькобежца. Используя лезвия, вставленные в подошвы своих ботинок, как коньки, он быстро набрал скорость, двигаясь вниз по естественной ледяной горке застывшей реки.

Ему удавалось умело вписываться в повороты, однако он практически не мог контролировать скорость. Уклон становился все круче, и Борн с Заимом разгонялись все быстрее.

Они влетели в очередной поворот, и вдруг Заим испустил проникнутый ужасом крик. Через мгновение Борн увидел, чем это было вызвано. Меньше чем в тысяче метров впереди река резко обрывалась водопадом, сейчас замерзшим, словно кадр моментальной фотосъемки.

– Высоко?! – крикнул Борн, перекрывая рев ветра, бьющего в лицо.

– Очень высоко, – в ужасе простонал Заим. – О, очень, очень высоко!

Глава 9

Борн пытался свернуть влево или вправо, но тщетно. Он летел вниз по ледяному желобу, не позволявшему сменить направление. В любом случае было уже слишком поздно. Стремительно приближался вздыбленный край водопада, поэтому Борн сделал то единственное, что пришло ему в голову: постарался выехать в середину, там, где будет глубже всего, а слой льда окажется самым тонким.

Они выскочили на гребень на большой скорости, что в сочетании с их весом пробило корку льда, наросшую над бурлящим потоком. Провалившись в водопад, они полетели вниз. От ледяной воды перехватило дыхание, по телу разлился холод, начиная от конечностей и дальше вглубь.

Падая с большой высоты, Борн изо всех сил старался не потерять ориентацию в пространстве – сейчас это беспокоило его больше всего. Если это произойдет, он либо замерзнет до смерти, либо захлебнется под водой, прежде чем сможет пробить слой льда у основания водопада. Нельзя также было забывать и вот о чем: если он отклонится слишком

далеко от основного потока, лед очень быстро станет настолько толстым, что, скорее всего, проломить его будет невозможно.

Перед глазами у Борна замелькали свет и тени, сизо-черные, мутно-серые. Он оказался в потоке бурлящей воды, беспорядочно кувыркаясь. Вдруг он ударился плечом о выступ скалы. Электрическим током разлилась боль. Поступательное движение вниз резко замедлилось, и Борн стал искать в черном смятении луч света. Света не было! У него кружилась голова, руки онемели. Сердце работало на пределе возможностей, что было вызвано физической нагрузкой и недостатком кислорода.

Борн протянул руки в стороны и тотчас же сообразил, что прямо перед ним находится тело Заима. Отодвинув его в сторону, он увидел за ним перламутровый свет и понял, где верх. Заим, похоже, потерял сознание. Из разбитой головы струилась кровь, и Борн предположил, что и он тоже налетел на камень.

Обхватив одной рукой обмякшее тело, Борн устремился к поверхности, отчаянно работая ногами и другой рукой. Он наткнулся макушкой на лед гораздо быстрее, чем ожидал. Лед не поддавался.

Голова у Борна раскалывалась, струйки крови, вытекающие из раны Заима, заслоняли ему обзор. Он попытался ухватиться за лед, но не смог найти упор для пальцев. Тогда он заскользил вдоль поверхности, ища хоть какую-нибудь трещинку, все, что угодно, чем можно было бы воспользоваться. Однако слой льда оказался гораздо толще, чем предполагал Борн, даже здесь, у самого основания водопада. Легкие у него горели, головная боль, вызванная нехваткой кислорода, быстро становилась невыносимой. Вероятно, Заим уже умер. Определенно, и он сам скоро умрет, если не сможет выбраться на поверхность.

Борна подхватил сильный водоворот, угрожая затянуть его к неминуемой смерти в темноте, туда, где лед самый толстый. Борясь с течением, Борн вонзил ногти – даже не в трещину, а в небольшое углубление в поверхности льда. Увидев, где проникающий свет наиболее яркий, он именно тут и сосредоточил свои усилия. Однако от его онемевших кулаков, превратившихся в неуклюжие бесполезные гири, не было никакого толка.

Оставался только один выход. Отпустив Заима, Борн нырнул в темноту до самого дна реки. Развернувшись, он быстро распрямил ноги, устремляясь вверх по прямой. Его макушка налетела на тонкий лед, и тот хрустнул, а затем раскололся. Вслед за головой и плечи вырвались навстречу благословенному воздуху. Борн сделал жадный глубокий вдох, затем еще один и еще. После чего нырнул вниз. Заима не оказалось там, где он его оставил. Судя по всему, его подхватило мощное течение, увлекая в глубину.

Работая ногами, борясь с течением, Борн вытянулся во всю свою длину и ухватил Заима за щиколотку. После чего медленно и уверенно потянул его назад к свету, вытащил через полынью с зазубренными краями, уложил на обледенелый берег и наконец вылез из воды сам.

Они находились у самого края водопада, к востоку от него. Совсем рядом начинался густой сосновый лес, сплошной полосой тянувшийся на север и на восток.

Мгновение Борн посидел в тени деревьев, переводя дыхание. Однако нельзя было терять время. Он осмотрел Заима, стараясь отыскать признаки жизни: пульс, дыхание, зрачки. Амхарец был жив. Изучение раны показало, что это поверхностная ссадина. Прочный череп Заима выполнил свою задачу, защитив своего обладателя от серьезной травмы.

Теперь главная задача Борна заключалась в том, чтобы остановить кровотечение, после чего вытереть Заима насухо, чтобы он не умер от переохлаждения. Самого Борна частично защитил специальный термокостюм, хотя теперь он видел, что во время сумасшедшего полета в водопаде костюм местами сильно порвался. На обнажившейся коже уже застывали капельки воды. Расстегнув костюм, Борн оторвал от своей рубашки рукав и, набив его снегом, обмотал Заиму рану. Затем он взвалил все еще не пришедшего в сознание амхарца на здоровое плечо и, шатаясь, побрел по предательски скользкому берегу в лес. Борн чувствовал, как через локти и плечо медленно просачивается холод, там, где внешний слой термокостюма получил наибольшие повреждения.

Заим становился все тяжелее и тяжелее, но Борн упрямо шел вперед, держа направление на север и восток, подальше от реки. У него в голове всплыло туманное воспоминание – вспышка, подобная той, которую он ощутил, впервые оказавшись на Рас-Дашане, но теперь более подробная. Если он прав, здесь недалеко должна быть еще одна деревня, большая, значительно больше той, где он нашел Заима. До нее всего несколько миль.

Вдруг Борн застыл, услышав знакомый звук – фырканье лошади. Аккуратно усадив Заима у ствола сосны, он осторожно двинулся на звук. Приблизительно в пятистах метрах впереди показалась небольшая поляна. Там Борн увидел свою гнедую, которая стояла, уткнувшись мордой в землю, стараясь отыскать под снегом прошлогоднюю траву. Судя по всему, благородное животное спустилось вдоль реки до этой поляны. Это как раз то, что нужно, чтобы доставить Борна и Заима к спасению.

Борн уже собрался выйти на открытое место, как вдруг гнедая подняла голову, раздувая ноздри. Что она учуяла? Порыв ветра принес запах опасности.

Догадавшись, в чем дело, Борн мысленно поблагодарил гнедую. Отступив в чащу леса, он двинулся влево, обходя поляну вокруг, не выпуская ее из вида, стараясь держаться против ветра. Вскоре Борн разглядел в зарослях яркое пятно, затем заметил какое-то движение. Осторожно приблизившись, он увидел, что это тот амхарец, которого он выбил из седла. По-видимому, амхарец решил использовать гнедую в качестве приманки, завлекая того, кому удалось выбраться живым из водопада.

Пригибаясь, Борн подкрался и стремительно набросился на него, нанося удар в висок. Приглушенно вскрикнув, амхарец повалился на землю. Борн принялся молотить его кулаками, но амхарцу удалось высвободить руку и выхватить кривой нож. Сверкающее лезвие со свистом устремилось Борну в открытый бок, чуть выше почки. Борн откатился назад, спасаясь от ножа. В тот же самый момент он сомкнул щиколотки у горца на горле и одним резким, жестоким движением свернул ему шею.

Поднявшись с земли, он забрал у убитого нож, ножны и пистолет Макарова. Затем вышел на поляну и, взяв гнедую за гриву, повел ее обратно к тому месту, где лежал Заим. Взвалив его выносливой лошади на спину, Борн запрыгнул на круп и двинулся через лес вниз по склону, руководствуясь воспоминаниями о деревне.

Когда Сорайя Мор вошла в лабораторию ОРП, Ким Ловетт и следователь Овертон все еще изучали улики.

Представив Сорайю и Овертона друг другу, Ким сразу же перешла к делу. Вкратце рассказав Сорайе о пожаре в гостинице «Конститьюшен», она протянула ей два комплекта фарфоровых зубов.

– Я обнаружила это в сливе ванны, – объяснила Ким. – На первый взгляд их можно принять за обычный зубной протез, однако на самом деле это не так.

Сорайя, взглянув на большие углубления на внутренней стороне зубов, сразу же поняла, что видела нечто подобное в лаборатории Дерона. Внимательно изучив челюсти, она поразилась высокому качеству работы. Несомненно, речь шла об арсенале хамелеона мирового класса. У молодой женщины не было никаких сомнений по поводу того, что она держит в руках и кому это принадлежит. Когда Лернер вышвырнул ее из «Тифона», ей показалось, что все это осталось в прошлом, но теперь Сорайя взглянула правде в глаза. Впрочем, возможно, она знала это с самого начала. У них с Фади еще ничего не кончено – далеко не кончено.

– Ты права, Ким, – сказала Сорайя. – Это накладка.

– Накладка? – переспросил Овертон. – Ничего не понимаю.

– Это лишь внешняя оболочка, – объяснила Сорайя, – которая надевается на совершенно здоровые зубы, а не на сломанные и разрушенные. Такие накладки используются для того, чтобы изменять форму рта и щек. – Она надела накладку. Хотя та оказалась ей велика, Ким и Овертон поразились, насколько сильно у Сорайи изменилось лицо. – Из чего следует, что ваш Яков Сильвер и его брат были не теми, за кого себя выдавали, – заключила молодая женщина, освобождаясь от искусственных зубов. Повернувшись к Ким, она спросила: – Не возражаешь, если я одолжу их?

– Бери, – согласилась Ким. – Но я должна буду сделать запись в журнале.

Овертон покачал головой:

– Это же полная бессмыслица.

– Во всем этом сразу же появится смысл, если взглянуть на все факты. – Сорайя рассказала о происшествии неподалеку от здания ЦРУ. – Человек, выдававший себя за предпринимателя из Кейптауна, по имени Хирам Севик, на самом деле является уроженцем Саудовской Аравии, который именует себя Фади. Он лидер террористической группировки, имеющий доступ к огромным деньгам. Мы понятия не имеем, каково его настоящее имя. Этот Фади скрылся в квартале от того места, где его подобрал «Хаммер». – Она показала накладки. – И вот теперь нам известно, куда он направился.

Ким обдумала сказанное Сорайей.

– В таком случае человеческие останки, обнаруженные на месте пожара, не принадлежат ни одному из братьев.

– Я бы этому очень удивилась. Судя по всему, пожар стал отвлекающим маневром, который позволил Фади незаметно покинуть Вашингтон. Скорее всего, и Соединенные Штаты. – Сорайя подошла к плоскому металлическому подносу, на который Ким сложила кости, обнаруженные в ванне. – У меня есть сильное подозрение, что мы видим перед собой все, что осталось от Омара, официанта-пакистанца.

– Боже милосердный! – воскликнул Овертон. – По крайней мере, это уже хоть что-то. И какой же из братьев был Фади?

Сорайя повернулась к нему:

– Яков, вне всякого сомнения. Не забывайте, номер снимал Лев. А Фади в то время был в Кейптауне, где мы его и задержали.

Овертон находился в приподнятом настроении. Наконец-то удача повернулась к нему лицом. С помощью этих двух женщин он наткнулся на золотоносную жилу. Очень скоро у него будет достаточно улик, чтобы обратиться с ними в Управление внутренней безопасности. Одним движением он станет новым сотрудником и новым героем.

Сорайя снова повернулась к Ким:

– Что еще ты обнаружила?

– Почти ничего. Если не считать катализатора. – Ким взяла листок с компьютерной распечаткой. – Преступник использовал дисульфид углерода. Не могу припомнить, когда я в последний раз сталкивалась с этим веществом. Как правило, поджигатели применяют ацетон, керосин – что-нибудь легкодоступное. – Она пожала плечами. – С другой стороны, в данном случае использование дисульфида углерода имело определенный смысл. Это соединение значительно опаснее прочих вследствие более низкой температуры воспламенения, а также высокой вероятности взрыва. Фади было необходимо взорвать окна, чтобы пламя получило приток дополнительного кислорода. Но, имея дело с дисульфидом углерода, нужно быть настоящим профессионалом, иначе можно запросто самому взлететь на воздух.

Сорайя взглянула на распечатку, которую протянула ей Ким.

– Да, это, вне всякого сомнения, Фади. Где можно достать это вещество?

– Ну, на химическом заводе, – ответила Ким. – Дисульфид углерода применяется при производстве целлюлозы, тетрахлорида углерода и других органических соединений, в состав которых входит сера.

– Можно воспользоваться твоим компьютером?

– Садись, – махнула рукой Ким.

Устроившись на рабочем месте подруги, Сорайя вошла в Интернет и, вызвав поисковую систему, ввела запрос: «дисульфид углерода».

– Целлюлоза используется для производства вискозы и целлофана, – вслух прочитала она появившийся на экране текст. – Тетрахлорид углерода в прошлом был главным активным веществом в огнетушителях и холодильных установках, однако затем от него отказались из-за его высокой токсичности. Соли дитиокарбаминовой кислоты и ксантогенат являются флотационными реагентами при производстве минеральных удобрений. Кроме того, они также используются для получения метамфетамина натрия, фумиганта почвы.

– Одно можно сказать точно, – подытожила Ким. – Такое соединение не купишь в ближайшем хозяйственном магазине. Его надо поискать.

Сорайя кивнула.

– Кроме того, его использование предполагает, что преступник заранее был знаком со специфическими характеристиками этого вещества. – Быстро сделав краткие пометки в своем портативном компьютере, она встала. – Ну все, я ухожу.

– Не возражаете, если я пойду с вами? – спросил Овертон. – До вашего прихода это дело казалось мне непробиваемой кирпичной стеной.

– Не думаю, что смогу вам чем-нибудь помочь. – Сорайя перевела взгляд на Ким. – Я собиралась сразу же сказать тебе об этом, как только вошла. Меня уволили.

– Что? – в ужасе воскликнула Ким. – Почему?

– Новому исполняющему обязанности заместителя директора не понравилась моя бунтарская жилка. По-моему, он просто решил продемонстрировать свою власть. Ну а я как раз подвернулась ему под руку.

Ким сочувственно стиснула подругу в объятиях:

– Если я могу чем-нибудь помочь…

Сорайя улыбнулась.

– Я знаю, кому позвонить. Спасибо.

Она не заметила недовольную гримасу, черной тучей закрывшую лицо следователя Овертона. Он не собирался признавать свое поражение – особенно теперь, когда до цели было так близко.

Когда Борн и Заим добрались до деревни, уже начался снегопад. Деревня действительно оказалась рядом, устроившаяся в узкой долине, словно мяч в ладони, какой ее и помнил Борн.

Заим зашевелился и застонал. Какое-то время назад он очнулся, и Борн едва успел снять его с лошади. Заима буквально вывернуло наизнанку. Затем Борн заставил амхарца поесть снега, чтобы восполнить потерю влаги. Заим испытывал слабость и головокружение, однако он прекрасно понял все, что рассказал ему о случившемся Борн. Он сказал, что их целью является лагерь, расположенный неподалеку от той самой деревни, оставшейся у Борна в памяти.

Они въехали в деревню. Хотя Борну не терпелось поскорее связаться с тем человеком, который, по утверждению Заима, мог вывести его на Линдроса, одежда амхарца успела промерзнуть насквозь; если не согреть

его в самое ближайшее время, снимая одежду, можно будет содрать кожу.

Гнедая, которую Борн гнал галопом прямо через сугробы по колено, полностью выдохлась к тому времени, как беглецы достигли лагеря. Вдруг, словно из ниоткуда, появились трое амхарцев, размахивавших кривыми ножами, похожими на тот, который Борн отобрал у того, кому свернул шею.

Борн был к этому готов. Ни один лагерь не должен оставаться без охраны. Он сидел совершенно неподвижно на учащенно дышащей, фыркающей гнедой, пока амхарцы снимали Заима на землю. Когда они увидели, с кем имеют дело, один сбегал в палатку в центре лагеря. Через считаные минуты он вернулся еще с одним горцем, судя по виду вождем племени, негусом.

– Заим, – спросил негус, – что с тобой произошло?

– Вот этот человек спас мне жизнь, – слабо промолвил Заим.

– А он спас жизнь мне. – Борн спрыгнул с лошади. – По дороге сюда на нас напали.

Если негус и удивился тому, что Борн владеет амхарским, он не подал вида.

– Как и все белые, вы привели с собой своих врагов.

Борн поежился.

– Ты прав только наполовину. На нас напали трое амхарских воинов.

– Ты знаешь, кто им платит, – пробормотал Заим.

Негус кивнул.

– Проводите обоих в мою хижину, где тепло. Мы будем разжигать огонь медленно.

Аббуд ибн Азиз, прищурившись, смотрел на негостеприимное небо, бушующее над северными склонами Рас-Дашана, прислушиваясь, не раздастся ли шум несущего винта вертолета, рассекающего разреженный воздух.

Куда пропал Фади? Его вертолет уже давно должен был прилететь. Аббуд ибн Азиз все утро следил за меняющейся погодой. Он понимал, что из-за надвигающегося фронта у пилота будет очень узкое окошко, чтобы совершить посадку.

Однако в душе Аббуд ибн Азиз сознавал, что в действительности его молчаливая ярость обращена не против холодного разреженного воздуха. В первую очередь его бесило то, что они с Фади вообще оказались здесь. Всему виной этот проклятый план. Аббуд знал, кто за ним стоит. Только один человек был способен предложить такой чрезвычайно рискованный, уязвимый замысел: Карим аль-Джамиль, брат Фади. Пусть Фади является пылающим лицом «Дуджи» – из всех его многочисленных сторонников один только Аббуд ибн Азиз знал, что сердцем группировки является Карим аль-Джамиль. Это он гроссмейстер, терпеливый паук, плетущий множество сетей, уходящих в будущее. От одной только мысли о том, что может замышлять Карим аль-Джамиль, у Аббуда ибн Азиза голова пошла кругом. Подобно Фади и Кариму аль-Джамилю, он получил образование на Западе. Он был знаком с историей, политикой и экономикой неарабского мира – что, с точки зрения Фади и Карима аль-Джамиля, являлось необходимым условием для продвижения на высшие командные посты.

Вся беда заключалась в том, что Аббуд ибн Азиз не доверял до конца Кариму аль-Джамилю. Во-первых, он слишком скрытен. Во-вторых, по крайней мере насколько было известно Аббуду, Карим аль-Джамиль общался только со своим братом. И Аббуда ибн Азиза очень беспокоило то, что на самом деле ему известно о Кариме аль-Джамиле еще меньше, чем он думает.

Вот в чем заключалась обида, которую Аббуд затаил на Карима аль-Джамиля: он, первый заместитель Фади, его ближайший друг, был отстранен от внутренних дел «Дуджи». Ему это казалось в высшей степени несправедливым, и хотя он принес клятву верности Фади, его раздражала ситуация, в которой он оказался. Разумеется, Аббуд понимал, что кровь – не вода, кто из арабов-кочевников усомнился бы в этом? Но Фади и Карим аль-Джамиль арабы лишь наполовину. Их мать была англичанкой. Оба родились в Лондоне, куда их отец перевел из Саудовской Аравии руководство своей компании.

Аббуда ибн Азиза терзали вопросы, на которые он на самом деле не хотел получить ответ. Почему Абу Сариф Хамид ибн Ашеф аль-Вахиб покинул Саудовскую Аравию? Почему он связался с неверной? Почему еще больше усугубил свою ошибку, женившись на ней? Аббуд ибн Азиз не мог найти этому никаких мыслимых объяснений. Строго говоря, ни Фади, ни Карим аль-Джамиль, в отличие от него, не были детьми пустыни. Они выросли на Западе, обучались в огромном, непрестанно бурлящем суетой Лондоне. Что им известно о полной тишине, о строгой красоте, о чистых запахах пустыни? Пустыни, где во всем проявляется красота и мудрость Аллаха.

Фади, как и подобает старшему брату, относился к Кариму аль-Джамилю снисходительно. По крайней мере это Аббуд ибн Азиз понимал. Сам он

испытывал к своим младшим братьям то же самое. Однако он уже давно задавался вопросом, в какие мутные воды ведет «Дуджу» Карим аль-Джамиль. Хочет ли идти туда он, Аббуд ибн Азиз? Он зашел так далеко, ни разу не сказав ни слова, потому что был предан Фади. Именно Фади приобщил его к той террористической войне, которую они были вынуждены вести в ответ на вторжение Запада на свои земли. Именно Фади отправил его учиться в Европу – Аббуд ибн Азиз испытывал отвращение к этому периоду своей жизни, который тем не менее оказался по-своему плодотворным. Фади не переставал повторять, что для того, чтобы победить врага, его нужно знать.

Аббуд ибн Азиз был обязан Фади всем, он готов был пойти за ним в огонь и в воду. С другой стороны, он не глух, не глуп и не слеп. Если в будущем, когда у него появится больше информации, он почувствует, что Карим аль-Джамиль ведет «Дуджу» и, следовательно, Фади к гибели, он подаст голос, какими бы ни были последствия.

Резкий сухой порыв ветра ударил ему в щеку. Словно во сне, издалека донесся рев вертолета. Однако Аббуду ибн Азизу нужно было в первую очередь стряхнуть с себя собственные размышления. Подняв взгляд, он ощутил на щеках и ресницах первые снежинки.

Ему удалось быстро отыскать взглядом на небе среди бурлящих серых туч маленькую черную точку. Размахивая над головой руками взад и вперед, Аббуд ибн Азиз отступил назад с взлетно-посадочного пятачка. Через три минуты вертолет коснулся земли. Дверь распахнулась, и на снег спрыгнул Мута ибн Азиз.

Аббуд ибн Азиз ждал появления Фади, однако к нему, стоявшему за пределами круга замедляющихся лопастей несущего винта, подошел только его брат.

– Все прошло хорошо? – Братья обнялись строго, официально.

– В точности так, как было запланировано, – ответил Мута.

Вот уже какое-то время жизнь братьев разломила ссора. Подобно пропасти, образованной землетрясением, она разделяла их больше, чем они готовы были признать. Трещина пробежала, порождая язвы, которые теперь, по прошествии нескольких лет, покрылись окалиной – жесткой, твердой, словно рубец на ране.

Мута прищурился, защищая глаза от ветра.

– Брат, куда пропал Фади?

Аббуд не смог скрыть в голосе снисходительные нотки:

– У него дела в другом месте.

Мута пробурчал что-то невнятное. Его рот наполнился слишком хорошо знакомой горечью. «Все так, как было всегда. Аббуд использует свою власть, не позволяя мне сблизиться с Фади и Каримом аль-Джамилем, центрами нашей вселенной. Тем самым он сохраняет свое господство надо мной. Именно так он заставил меня дать клятву хранить нашу тайну. Он мой старший брат. Как мне с ним справиться? – Мута стиснул зубы. – Как всегда, я должен во всем ему повиноваться».

Ежась от холода, Мута шагнул за скалу, укрываясь от пронизывающего ветра.

– Скажи мне, брат, что у вас здесь происходит?

– Сегодня утром на Рас-Дашан прилетел Борн. Он идет по следу.

Мута ибн Азиз кивнул.

– В таком случае нам нужно переправить Линдроса в безопасное место.

– Это уже сделано, – ледяным тоном промолвил Аббуд.

Мута кивнул, чувствуя, как по сердцу разливается желчь.

– Все уже близко к завершению. В ближайшие дни Джейсон Борн перестанет быть нам полезен. – Он широко улыбнулся, однако его радость была сдержанной. – Как сказал Фади, месть сладка. Как он обрадуется, увидев Джейсона Борна мертвым!

Жилище негуса оказалось на удивление просторным и уютным, особенно если учесть, что речь шла о сооружении, которое приходилось постоянно перевозить с места на место. Пол был застелен уложенными друг на друга коврами. На стенах висели шкуры, помогая сберегать тепло, выделяемое очагом, в котором горели куски кизяка.

Борн, завернувшись в грубое шерстяное одеяло, сидел, скрестив ноги, у огня, а люди негуса тем временем медленно и осторожно раздевали Заима. Когда с этим было покончено, его тоже завернули в одеяло и усадили рядом с Борном. После этого обоим подали дымящиеся чашки с горячим крепким чаем.

Другие амхарцы занялись раной Заима, очистили ее, обработали отваром из трав, перебинтовали заново. Все это время негус молча сидел рядом с Борном. Это был невысокий человек, внешне ничем не примечательный, если не считать черных глаз, горящих на потемневшем бронзовом лице, подобно двум лампам. Тело вождя казалось худым и жилистым, но Борн видел гораздо глубже. Этот человек обладает различными навыками, оборонительными и наступательными, которые помогают выжить ему и его людям.

– Меня зовут Кабур, – представился негус. – Заим говорит, что твое имя Борн. – Он произнес фамилию в два слога – Бо-орн.

Борн кивнул.

– Я прибыл на Рас-Дашан, чтобы найти моего друга, который находился в одной из летающих машин, сбитых здесь почти неделю назад. Тебе что-нибудь об этом известно?

– Известно, – подтвердил Кабур.

Он поднес руку к груди и протянул Борну что-то серебристое. Это была бирка пилота вертолета.

– Она ему больше не нужна, – просто произнес Кабур.

У Борна в душе все оборвалось.

– Он погиб?

– Можно сказать, его больше нет в живых.

– А что насчет моего друга?

– Его забрали вместе с этим человеком.

Негус предложил Борну деревянную миску с похлебкой, приправленной острыми специями, в которую был вставлен большой полукруглый ломоть пресного хлеба. Борн принялся за еду, используя хлеб в качестве ложки, а Кабур продолжал:

– Не мы, как ты сам понимаешь. Мы не имеем к этому никакого отношения, хотя, как ты уже имел возможность увидеть, кое-кто готов за деньги на все. – Он покачал головой. – Это есть зло, форма порабощения, за которую некоторым пришлось заплатить самой дорогой ценой.

– Эти люди, – доев похлебку, Борн отставил миску, – кто они такие?

Кабур склонил голову набок.

– Я удивлен. Я полагал, тебе известно об этих людях больше, чем мне. Они пришли к нам с противоположного берега Аденского залива. Думаю, из Йемена. Но они не йеменцы, нет. Одному богу известно, где их логово. Среди них есть египтяне, есть саудовцы, много афганцев.

– Ну а предводитель?

– А, Фади. Он саудовец. – Горящие черные глаза негуса погасли. – Мы все до одного боимся Фади.

– Почему?

– Почему? Потому что он могущественный, потому что он невероятно жестокий. Потому что он несет на ладони смерть.

Борн подумал про носильщиков, переправлявших уран.

– Ты видел свидетельства той смерти, которую носит Фади?

Негус кивнул.

– Своими собственными глазами. Один из сыновей Заима…

– Тот мальчишка в пещере?

Кабур повернулся к Заиму, чьи глаза превратились в моря боли.

– Блудный сын, не послушавшийся совета. Теперь мы не можем к нему прикоснуться, не можем даже похоронить.

– Я этим займусь, – сказал Борн. Теперь он понял, почему Алем прятался в «Чинуке» у входа в пещеру: он хотел быть рядом со своим братом. – Я похороню его там, у вершины.

Негус молчал. Но глаза Заима стали влажными.

– Это было бы настоящим благословением – для него, для меня, для всей нашей семьи.

– Клянусь, это будет сделано, – сказал Борн. Он снова повернулся к Кабуру: – Ты поможешь мне разыскать моего друга?

Негус колебался, глядя на Заима. В конце концов он вздохнул.

– Если ты найдешь своего друга, Фади будет больно?

– Да, – подтвердил Борн, – ему будет очень больно.

– Ты просишь нас совершить очень трудное путешествие. Но поскольку Заим мой друг, поскольку вы спасли друг другу жизнь, поскольку ты дал ему слово, я считаю долгом чести удовлетворить твою просьбу. – Он поднял правую руку, и один из людей принес устройство, похожее на кальян. – Мы покурим вместе, закрепляя заключенный договор.

Сорайя намеревалась отправиться домой, но неожиданно поймала себя на том, что едет на северо-восток Вашингтона. Лишь свернув на Седьмую улицу, она поняла, почему приехала сюда. Сделав еще один поворот, молодая женщина остановилась перед домом Дерона.

Какое-то время она сидела, слушая равномерный шум двигателя на холостых оборотах. На веранде соседнего слева дома сидели пять-шесть парней крутого вида, но, хотя они и сверлили Сорайю взглядами, никто

не тронулся с места, когда она вышла из машины и поднялась на крыльцо дома Дерона.

Сорайя несколько раз стукнула в дверь. Подождала, затем постучала снова. Ответа не последовало. Услышав позади чьи-то шаги, она обернулась, ожидая увидеть Дерона. Однако по дорожке к ней приближался долговязый парень, один из членов банды.

– Привет, мисс Шпионка, меня зовут Тайрон. Что ты здесь делаешь?

– Ты не знаешь, где Дерон?

Лицо Тайрона оставалось непроницаемым.

– Вместо него можешь поговорить со мной.

– С радостью, Тайрон, – ответила Сорайя, тщательно подбирая слова, – если ты сможешь рассказать мне про особенности использования дисульфида углерода.

– Ха, ты считаешь меня бестолковым ниггером, да?

– Если честно, я о тебе совсем ничего не знаю.

Не меняя выражения лица, он сказал:

– Пошли со мной.

Сорайя кивнула. Интуитивно она почувствовала, что малейшая нерешительность сыграет против нее.

Они прошли по дорожке и свернули направо, мимо крыльца, на котором стаей ворон сидели члены банды.

– Дерон уехал к своему папаше. Вернется через пару дней.

– Не врешь?

– Истинная правда. – Тайрон поджал губы. – Итак. Что ты хочешь обо мне узнать? Быть может, ты хочешь поговорить о моей мамаше-наркоманке? Или тебя интересует мой папочка, гниющий в тюрьме? Или моя младшая сестра, которая нянчит своего малыша, в то время как ей нужно было бы учиться в школе? Мой старший брат, который получает гроши, вкалывая машинистом метро? Черт возьми, не сомневаюсь, что все это дерьмо ты уже слышала не раз и больше слушать не захочешь.

– Меня интересуешь ты сам, – сказала Сорайя. – Твоя жизнь не похожа на все то, с чем мне приходилось сталкиваться.

Тайрон фыркнул, однако Сорайя почувствовала, что ее слова произвели на него приятное впечатление.

– Я, хотя мне и была уготовлена жизнь на улице, имею прирожденный инженерный склад ума. Что это означает? – Пожав плечами, Тайрон махнул вдаль. – Там, на Флорида-авеню, возводят небоскребы. Я мотаюсь туда при любой возможности, чтобы взглянуть, что к чему, понимаешь?

Сорайя встретилась с ним взглядом.

– Не сочтешь ли ты меня за полную дуру, если я скажу, что ты можешь найти достойное приложение своим способностям?

– Это ты так считаешь. – По лицу молодого негра медленно расплылась улыбка, сделав его гораздо старше своих лет. – Девочка, мы гуляем в своей собственной тюрьме.

Сорайя собралась было ответить ему, но затем решила, что и так уже зашла слишком далеко.

– Мне пора идти.

Тайрон поджал губы.

– Эй, просто чтобы ты знала. Я про машину, которая приехала сюда следом за тобой.

Сорайя застыла как вкопанная.

– Скажи, что ты пошутил.

Крутанув головой, Тайрон посмотрел на нее, словно кобра на добычу.

– Святая правда, клянусь.

Сорайя разозлилась на саму себя. Окутанная своим собственным туманом, она даже не подумала о том, что за ней могут следить. Убеждаться в отсутствии «хвоста» уже давно стало ее второй натурой, однако сейчас она не сделала этого. Несомненно, этот сукин сын Лернер вывел ее из себя. И вот теперь ей приходится расплачиваться за потерю бдительности.

– Тайрон, я перед тобой в долгу.

Парень пожал плечами.

– Именно за это мне платит Дерон. Охрана стоит недешево, а преданность вообще не имеет цены.

Сорайя посмотрела на него, но, казалось, впервые действительно его увидела.

– Где она? Та машина?

Они пошли дальше.

– Там, впереди, на углу Восьмой, – сказал Тайрон. – На противоположной стороне, чтобы водителю было лучше видно то, чем ты занимаешься. – Он снова пожал плечами. – Мои ребята им займутся.

– Тайрон, я ценю твое предложение. – Она бросила на него серьезный взгляд. – Но это я привела его сюда. Он мой.

– О, я этим восхищаюсь. – Остановившись, он смерил ее долгим взглядом. Выражение его лица было таким же серьезным. В нем чувствовалась мрачная решительность. В здешних краях Тайрон был незыблемой скалой. – Только уясни следующее: все должно быть сделано до того, как у этого типа появятся хоть какие-то подозрения насчет Дерона. Если же это произойдет, его уже не сможет спасти никто. И ты в том числе.

– Я займусь им прямо сейчас. – Смутившись, Сорайя опустила голову. – Спасибо.

Кивнув, Тайрон направился к своим ребятам. Собравшись духом, Сорайя продолжила путь. Она вышла на угол Восьмой улицы, где сидел в своей машине следователь Овертон, делая какие-то пометки на клочке линованной бумаги.

Сорайя постучала по стеклу. Вздрогнув, Овертон торопливо засунул бумагу в нагрудный карман рубашки.

Когда стекло с тихим шепотом опустилось, Сорайя сказала:

– Какого черта вы здесь делаете?

Овертон убрал ручку.

– Слежу за тем, чтобы Вы не попали в беду. Это чертовски опасный район.

– Я могу постоять за себя сама, большое спасибо.

– Послушайте, я знаю, что у вас есть какой-то след – очень важный, о котором в Управлении внутренней безопасности даже не подозревают. Я должен получить всю информацию.

Сорайя сверкнула взглядом.

– На самом деле вы должны убраться отсюда. Немедленно.

Тотчас же лицо Овертона превратилось в гранитную маску.

– Мне нужно знать все, что вам известно.

Сорайя поймала себя на том, что ее щеки загорелись пламенем борьбы.

– А если я откажусь?

Овертон без предупреждения распахнул дверь, ударив ею Сорайю в живот. Молодая женщина упала на колени, у нее перехватило дыхание.

Овертон медленно выбрался из машины и с угрожающим видом шагнул вперед.

– Крошка, не вздумай со мной шутить. Я старше и опытнее тебя. И я не играю по правилам. Я забыл больше штучек, чем ты сможешь выучить за всю свою жизнь.

Сорайя закрыла глаза, делая вид, что пытается отдышаться и совладать с собой. Тем временем левой рукой она выхватила из плоской кобуры сзади на поясе маленький пистолет «АСП» и направила его на Овертона.

– Этот пистолет заряжен патронами «парабеллум» девять на девятнадцать, – сказала Сорайя. – На таком близком расстоянии пуля, скорее всего, перешибет тебя пополам. – Она сделала два быстрых вдоха. Пистолет у нее в руке оставался неподвижным. – Убирайся отсюда ко всем чертям. Живо!

Подчеркнуто медленно Овертон отступил назад и сел за руль, не отрывая взгляда от Сорайи. Вытряхнув из пачки сигарету, он вставил ее в обескровленные губы, неторопливо прикурил и сделал затяжку.

– Слушаюсь, мэм. – В его голосе не было никаких чувств; вся ярость была сосредоточена у него в глазах. Овертон захлопнул дверь.

Сорайя поднялась на ноги. Двигатель ожил, взревев, и машина тронулась с места. Взглянув в зеркало заднего обзора, Овертон увидел, что Сорайя целится из «АСП» точно в заднее стекло. Она стояла так до тех пор, пока машина не завернула за угол.

Как только Сорайя скрылась из вида, Овертон достал сотовый телефон и нажал клавишу быстрого набора номера. Услышав голос Мэттью Лернера, он сказал:

– Мистер Лернер, вы были совершенно правы. Сорайя Мор никак не желает угомониться, и, должен вас предупредить, она сделалась откровенно опасной.

Кабур повел своих гостей к церкви, чей шпиль помог Борну найти деревню. Как и все в стране, она относилась к Эфиопской православной монофиситской Церкви, насчитывающей свыше тридцати шести миллионов прихожан, крупнейшей в мире Восточной православной церкви. Больше того, в этой части Африки это единственная христианская церковь, существующая с доколониальных времен.

Войдя в храм, Борн заметил в водянистом полумраке какое-то движение и решил, что Кабур его одурачил. Не только сын Заима, которого сожрала радиация, но и сам негус состоит в услужении у Фади; и вот сейчас он завел Борна в западню. Борн выхватил пистолет Макарова. Но тут тени и полосы света собрались в четкий образ, и он увидел перед собой человеческую фигуру. Не говоря ни слова, неизвестный знаком подозвал его к себе.

– Это отец Михрет, – прошептал Заим. – Я его знаю.

Хоть Заим и не оправился от раны, он настоял на том, чтобы сопровождать Борна. Теперь, после того как спасли друг другу жизнь, они стали неразлучными друзьями.

– Сыновья мои, – тихо промолвил отец Михрет, – боюсь, вы пришли слишком поздно.

– Мне нужен летчик, – сказал Борн. – Пожалуйста, проводите меня к нему.

Пока они торопливо шли в противоположный конец церкви, Борн спросил:

– Он еще жив?

– Он на грани смерти. – Высокий и тощий, словно жердь, священник имел вид изнуренного аскета. На худом лице выделялись его большие глаза. – Мы сделали все возможное.

– Как он попал к вам, отец? – спросил Заим.

– Его обнаружили пастухи на околице деревни, среди сосен у самой реки. Они обратились ко мне, и я приказал перенести его сюда на носилках. Но, боюсь, тем самым я только навредил раненому.

– Святой отец, у меня есть вертолет, – сказал Борн. – Его можно будет забрать отсюда.

Отец Михрет покачал головой.

– У него повреждены шейные позвонки и позвоночник. Обеспечить неподвижность не удастся. Раненый не переживет дорогу.

Летчик Джеми Коуэлл лежал на кровати отца Михрета. Возле него суетились две женщины: одна протирала целебной мазью обожженную кожу, другая выжимала из тряпки воду в полуоткрытый рот. Когда Борн приблизился к кровати, в глазах Коуэлла что-то мелькнуло.

Борн обернулся.

– Он может говорить? – обратился он к священнику.

– С большим трудом, – ответил отец Михрет. – Малейшее движение причиняет ему мучительную боль.

Борн встал рядом с кроватью так, чтобы его лицо оказалось прямо перед глазами Коуэлла.

– Джеми, я пришел, чтобы забрать тебя домой. Ты меня слышишь?

Губы раненого зашевелились, из них вырвался слабый присвист.

– Послушай, не буду тебя утомлять, – продолжал Борн. – Мне нужно найти Мартина Линдроса. Только вы двое остались в живых после нападения террористов. Линдрос жив?

Нагнувшись, Борн поднес ухо к губам Коуэлла.

– Да… Он был жив… когда я видел его в последний раз. – Голос Коуэлла напоминал шелест песка по бархану.

У Борна радостно забилось сердце, но он пришел в ужас, ощутив исходящий от раненого запах. Священник не ошибся: в этой комнате уже поселилась смерть, распространяя вокруг свое зловоние.

– Джеми, это очень важно. Тебе известно, где находится Линдрос?

И снова на Борна дохнуло отвратительным смрадом.

– В трех километрах к юго-западу… на противоположном… берегу реки. – От усилий и боли Коуэлл обливался потом. – Там лагерь… сильно укрепленный.

Борн начал было выпрямляться, но Коуэлл снова захрипел. Его грудь, вздымающаяся и опускающаяся неестественно быстро, задрожала, откликаясь на спазмы перенапряженных мышц. Глаза Коуэлла закрылись, из-под век потекли слезы.

– Успокойся, – ласково промолвил Борн. – Все в порядке.

– Нет! О господи… – Открыв глаза, Коуэлл посмотрел Борну в лицо, и тот увидел, что бездонная черная пропасть неумолимо приближается. – Этот человек… предводитель…

– Фади, – подсказал Борн.

– Он ист… истязает Линдроса.

Сердце Борна превратилось в комок льда.

– Но Линдрос держится? Коуэлл! Коуэлл, ты можешь мне ответить?

– Он уже там, где нет никаких вопросов. – Шагнув к кровати, отец Михрет положил ладонь на лоб Коуэлла, мокрый от пота. – Господь даровал ему благословенное избавление от страданий.

Его переводят в другое место. Мартин Линдрос понял это, потому что услышал, как Аббуд ибн Азиз выкрикивал приказания, общий смысл которых сводился к тому, что нужно быстро убираться из пещеры ко всем чертям. Послышался топот ног, обутых в тяжелые ботинки, стальной лязг оружия, кряхтение людей, таскающих тяжести. Затем раздался треск двигателя грузовика, въехавшего в пещеру задом.

Минуту спустя к Линдросу вошел сам Аббуд ибн Азиз, чтобы завязать ему глаза.

Он опустился перед Линдросом на корточки.

– Не беспокойтесь, – сказал он.

– Меня уже больше ничто не беспокоит, – произнес Линдрос треснувшим голосом, в котором с трудом узнал свой собственный.

Аббуд ибн Азиз теребил в руках капюшон, который собирался надеть Линдросу на голову. Сшитый из плотной черной ткани, он не имел прорезей для глаз.

– Если вам что-либо известно об операции по устранению Хамида ибн Ашефа, сейчас самое время об этом рассказать.

– Я уже устал повторять, что ничего не знаю. Но вы по-прежнему мне не верите.

– Нет. – Аббуд ибн Азиз накинул капюшон ему на голову. – Не верю.

Затем, совершенно неожиданно, на мгновение стиснул Линдросу плечо.

«Что это? – подумал Линдрос. – Знак сострадания?» Все это было интересно, но в настоящий момент выходило за рамки его чувств. Он наблюдал происходящее с ним так, как это складывалось на протяжении всех последних дней, – из-за листа толстого пуленепробиваемого стекла, сотворенного им самим. И оттого, что эта защита была воображаемой, ее действенность нисколько не становилась меньше. Вынырнув из своего личного сейфа, Линдрос находился в полуотрешенном состоянии, словно не мог полностью поселиться в собственном теле. Все то, чем занималось его тело: ело, спало, справляло естественные потребности, прогуливалось, разминая мышцы, даже время от времени разговаривало с Аббудом ибн Азизом, – казалось, происходило с другим человеком. Линдрос с трудом верил в то, что попал в плен. Эта отрешенность была неизбежным следствием того, что он столько

времени провел взаперти в том сейфе, куда заключил свое сознание; и то, что такое состояние со временем медленно растворится и исчезнет совсем, в данный момент казалось несбыточной мечтой. Линдрос не мог избавиться от ощущения, что проведет в этой тюрьме остаток своих дней – вроде бы живой, но оторванный от жизни.

Его грубо подняли на ноги. Он поспешил вернуться в тот сон на берегу безмятежного озера, в котором укрывался уже столько раз. Почему его так поспешно переводят в другое место? Неужели пришла помощь? Линдрос не верил, что речь идет о ЦРУ; из обрывков разговоров, услышанных несколько дней назад, он понял, что «Дуджа» уничтожила второй вертолет, отправленный по его следу. Нет. Есть только один человек, обладающий знаниями, упорством и мастерством, чтобы добраться до вершины Рас-Дашана живым: Джейсон Борн! Джейсон пришел сюда, чтобы найти и спасти его!

Мэттью Лернер сидел в углу «Золотой утки». Хотя этот небольшой ресторан расположен в китайском квартале, он упоминается практически во всех путеводителях по Вашингтону, из чего следует, что здесь постоянно толкутся туристы, а местные жители его избегают – в том числе и члены того странного тайного братства сотрудников правительственных и правоохранительных органов, к которому принадлежал Лернер. И это, разумеется, как нельзя лучше устраивало Лернера. В Вашингтоне у него было добрых полдюжины таких мест, где он встречался со своими осведомителями и другими темными личностями, к чьим услугам прибегал. В зале, полутемном и пустом, пахло кунжутным маслом и крепкими специями, а также бурлящим содержимым просторной духовки, откуда периодически извлекались цыплята, запеченные в тесте, и рулеты с яйцом.

Лернер нянчил пиво «Цинтао», отпивая его прямо из бутылки, поскольку на него произвели неприятное впечатление жирные подтеки на стекле стакана. Сказать по правде, он с большим удовольствием выпил бы виски, но только не сейчас. Только не перед этой встречей.

Пискнул сотовый телефон, и, раскрыв его, Лернер прочитал пришедшее текстовое сообщение:

«ИЗ ЧЕРНОГО ВХОДА НА 7 УЛ. ЧЕРЕЗ 5 МИН».

Тотчас же уничтожив сообщение, Лернер убрал телефон в карман и взял бутылку. Допив пиво, он положил на столик несколько купюр, взял плащ и прошел в туалет. Разумеется, ему было хорошо знакомо внутреннее расположение ресторана, как и всех остальных конспиративных явок. Справив нужду, Лернер вышел из туалета и повернул направо, мимо кухни, окутанной паром, наполненной

голосами, говорящими по-китайски, и сердитым шипением огромных чугунных сковородок, поставленных на открытый огонь.

Толкнув дверь черного хода, Лернер вышел на Седьмую улицу. Там его ждал «Форд» последней модели, в Вашингтоне машина совершенно безликая, поскольку все правительственные ведомства, когда речь заходит о средствах транспорта, обязаны покупать исключительно американское. Быстро оглянувшись по сторонам, Лернер открыл заднюю дверь и скользнул внутрь. «Форд» тотчас же плавно тронулся с места.

Лернер откинулся назад.

– Привет, Фрэнк.

– Здравствуйте, мистер Лернер, – ответил водитель. – Ну, как ваши шпионские делишки?

– Да как всегда, – сухо ответил Лернер.

– Понятно, – кивнул Фрэнк. Здоровенный мужчина с бычьей шеей и накачанными мышцами, он все свободное время проводил в тренажерных залах.

– Какое сегодня настроение у министра?

– Угадайте. – Фрэнк щелкнул пальцами. – Подберите нужное слово.

– Злится? В ярости? Жаждет крови?

Фрэнк взглянул на него в зеркало заднего вида.

– Вот это уже близко к истине.

Они проехали по Мемориальному мосту имени Джорджа Мейсона, затем свернули на юго-запад к Мемориальному парку имени Вашингтона. Лернер подумал о том, что здесь все названия имеют приставку «мемориальный». Вот он, популизм в худшем своем проявлении. То самое, что выводит министра из себя.

Длинный лимузин ждал их на подъезде к грузовому терминалу международного аэропорта. Мощный двигатель сердито ворчал, словно самолет, готовый идти на взлет. Как только «Форд» остановился, Лернер вышел из машины и быстро пересел в лимузин, как делал уже не раз на протяжении последних лет.

Внутри лимузин не имел ничего общего с салоном какого бы то ни было пассажирского средства, за исключением президентского авиалайнера. При необходимости окна закрывались стенками из полированного красного дерева – как это было сделано сейчас. Письменный стол из

ореха, современный центр связи, мягкий диван, легко превращающийся в спальное место, два таких же мягких крутящихся кресла и приземистый холодильник довершали картину.

За письменным столом сидел импозантный мужчина лет под семьдесят, с нимбом коротко остриженных серебристых волос, быстро бегающий пальцами по клавиатуре переносного компьютера. Его большие, чуть выпученные глаза оставались такими же настороженными и пристальными, какими были в молодости. Они никак не вязались с запавшими щеками, бледной кожей и дряблым подбородком.

– Добрый вечер, господин министр, – с нужным сочетанием уважения и почтения произнес Лернер.

– Присаживайся, Мэттью. – Отрывистое техасское произношение министра обороны Хэллидея выдавало в нем человека, который родился и вырос в городских джунглях Далласа. – Тебе придется немного подождать.

Лернер устроился в кресле. Бад Хэллидей продолжал работать. Этот человек не мог долго находиться на одном месте. Больше всего Лернера привлекало в нем то, что он сделал себя сам, поскольку вырос вдалеке от богатых нефтяных полей, породивших многих политиков, с которыми Лернер имел дело, бывая в тех краях. Свои миллионы министр заработал по старинке, поэтому он никому и ничем не был обязан, в том числе и президенту. Все сделки, которые Хэллидей проворачивал в своих интересах и в интересах своих избирателей, были настолько изощренными и политически ловкими, что неизменно добавляли ему веса, при этом не ввергая его в долги перед коллегами.

Закончив работу, министр Хэллидей оторвал взгляд от компьютера и попытался улыбнуться, но это у него не получилось. Единственным напоминанием о легком инсульте, случившемся с ним лет десять назад, было то, что левый уголок рта не всегда повиновался ему.

– Пока что все хорошо, Мэттью. Когда ты сообщил мне о том, что директор ЦРУ сам предложил тебе новую должность, я не сразу поверил в свою удачу. Вот уже несколько лет я всеми правдами и неправдами пытался проникнуть в управление. Ваш директор – динозавр, последний представитель старой гвардии, до сих пор сохраняющий свое место. Но он уже старый и с каждой минутой становится еще старше. До меня доходят слухи, что он потихоньку выпускает бразды правления из своих рук. Я хочу нанести удар именно сейчас, когда его обложили со всех сторон. Сделать это в открытую я не могу: остаются другие динозавры, у которых, хотя они и удалились на покой, остается еще слишком много веса в Вашингтоне. Вот почему я нанял тебя и Мюэллера. Мне нужно держаться на расстоянии, чтобы можно было от всего откреститься, когда дерьмо выплеснется через край.

И все же конечная цель одна: Старик должен уйти, управлению требуется основательная чистка. Оно всегда играло главенствующую роль в так называемых «человеческих методах» разведки, то есть в шпионском ремесле. Пентагон, которым руковожу я, и АНБ,[6] которым руководит Пентагон, довольствовались вторыми ролями. Мы отвечали за разведывательные спутники, за подслушивание – готовили поле сражения, как любит говорить Лютер Лаваль, моя верная правая рука в министерстве.

Однако сейчас мы ведем войну, и я решительно убежден в том, что Пентагон должен взять в свои руки всю разведку. Я хочу, чтобы она была у меня в подчинении, для того чтобы мое ведомство превратилось в еще более действенную машину по выявлению и уничтожению всех проклятых террористических группировок и ячеек как в самой Америке, так и за ее пределами.

Лернер внимательно следил за лицом министра, хотя их отношения были такими долгими и близкими, что он уже понимал, к чему клонит Хэллидей. Любой другой на его месте был бы доволен успехами своего подручного, но только не он. Лернер внутренне собрался, поскольку всякий раз за похвалой из уст министра следовало требование, граничащее с невозможным. Впрочем, Хэллидею на это было наплевать. Он был из той же самой непробиваемой породы, что и президент Линдон Джонсон: крепким сукиным сыном.

– Не хотите ли просветить меня, что вы имеете в виду?

Хэллидей смерил Лернера взглядом.

– Теперь, когда ты подтвердил мои подозрения в том, что ЦРУ заражено арабами и мусульманами, первым твоим шагом после того, как мы разберемся с директором, будет очищение управления от них.

– Кого именно вы имеете в виду? – уточнил Лернер. – У вас есть список?

– Список? Да мне не нужен никакой список, твою мать! – резко произнес Хэллидей. – Говоря «очистить», я подразумеваю *очистить!* Вышвырнуть *всех до одного!*

Лернер вздрогнул.

– Господин министр, на это потребуется какое-то время. Нравится вам или нет, к религиозным взглядам сейчас относятся очень трепетно.

– Мэттью, я не желаю слышать этот вздор! Вот уже почти десять лет у меня в правой ягодице торчит заноза. И знаешь, что это за заноза?

– Так точно, сэр. Терпимость к религиозным взглядам.

– Совершенно верно, черт побери. Мы ведем войну с этими проклятыми мусульманами. И я не допущу, чтобы хотя бы один из них подтачивал изнутри нашу разведку, ты понял?

– Прекрасно понял, сэр.

Это стало для них чем-то вроде обязательного ритуала, хотя Лернер сомневался в том, что министр с ним согласится. Если у Хэллидея и имелось чувство юмора, оно было погребено так же глубоко, как кости неандертальца.

– Раз уж мы заговорили о занозах в заднице, остается еще вопрос Анны Хельд.

Лернер понял, что по-настоящему представление еще только начинается. Все остальное было лишь прелюдией.

– А что с ней?

Схватив со стола конверт из плотной бумаги, Хэллидей швырнул его Лернеру на колени. Открыв конверт, Лернер быстро пролистал документы и поднял взгляд.

Хэллидей кивнул.

– Совершенно верно, мой друг. Анна Хельд по собственной инициативе начала копаться в твоем прошлом.

– Ах эта сучка! А я-то полагал, что посадил ее на привязь.

– Она чертовски хитра, Мэттью, и безгранично преданна директору. Из чего следует, что она никогда не потерпит твое продвижение вверх по служебной лестнице. Теперь она представляет для нас открытую угрозу. Quod erat demonstratum.[7]

– Я не могу просто устранить ее. Даже если все будет представлено как вооруженное ограбление или несчастный случай…

– И не думай об этом. Расследование будет вестись так тщательно, что ты останешься связанным по рукам и ногам до второго пришествия. – Хэллидей постучал колпачком чернильной ручки по губам. – Вот почему я предлагаю тебе придумать способ нанести Анне Хельд такой удар, который оказался бы наиболее болезненным и для нее самой, и для ее босса. Очередное звено в цепочке. Лишившись своей преданной правой руки, директор станет еще более уязвимым. И твоя звезда взойдет быстрее, ускоряя кончину динозавра. Я об этом позабочусь.

Глава 10

Как только они пересекли замерзшую реку, держа направление на юго-запад, их поглотила тень горы, круто уходящей вверх. Борна и Заима сопровождали трое воинов Кабура, знакомых с местностью лучше Заима.

Борну было не по себе идти такой большой толпой. Его принцип был основан на скрытности и внезапности – а в данных условиях соблюдать и то и другое было крайне нелегко. Однако, быстро продвигаясь вперед, Борн вынужден был отметить, что люди Кабура соблюдают молчание и полностью сосредоточены на своей задаче: беспрепятственно довести Борна и Заима к лагерю Фади.

Местность на западном берегу реки сначала постепенно поднималась, затем стала ровной, указывая на то, что это заросшее лесом плато. Гора возвышалась впереди, еще более неприступная: практически отвесная скала высотой метров тридцать вверху резко обрывалась массивным нависающим выступом.

Снег, поваливший обильно, когда маленький отряд только тронулся в путь, теперь утих до мягких кружащихся снежинок, нисколько не мешавших продвижению вперед. Первые два с половиной километра одолели без происшествий. Здесь один из воинов Кабура дал знак остановиться и отправил своего товарища на разведку. Остальные ждали, затаившись среди вздыхающих сосен.

Возвратившийся амхарец показал знаком, что все чисто, и отряд двинулся дальше, пробираясь по снегу, напрягая зрение и слух до предела. По мере приближения к выступу плато начало подниматься; местность становилась все более лесистой и усыпанной камнями. Борн видел логику в действиях своего противника: Фади недаром разбил лагерь вверху.

Приблизительно еще через полкилометра предводитель воинов Кабура снова подал знак остановиться и опять отправил товарища на разведку. На этот раз тот отсутствовал дольше, а когда он вернулся, у них с командиром состоялся оживленный разговор. Затем командир подошел к Борну и Заиму.

– Впереди враг. Два человека скрываются в лесу к востоку от нас.

– Значит, мы подошли к лагерю близко, – заметил Борн.

– Эти двое не часовые. Они прочесывают лес, приближаясь к нам. – Командир нахмурился. – Не представляю, откуда им стало известно о нашем появлении.

– Они ни о чем не догадываются, – уверенно заявил Заим. – В любом случае их нужно убить.

Командир нахмурился еще больше.

– Это люди Фади. У нас будут неприятности.

– Не бери в голову, – решительно сказал Борн. – Мы с Заимом дальше пойдем одни.

– Ты принимаешь меня за труса? – командир покачал головой. – Мы получили приказ довести вас до лагеря Фади. И мы это сделаем.

Он подал знак своим людям, и те повернули на восток.

– А мы трое продолжим путь в том же направлении. Пусть мои братья сделают свое дело.

Они упорно поднимались вверх. Казалось, сама местность устремилась ввысь, словно пытаясь дотянуться до выступающего навеса. Снег прекратился, и в брешь между мечущимися тучами проглянуло солнце.

Внезапно прозвучали частые выстрелы, отразившиеся многократным эхом. Все трое застыли на месте, прячась за деревьями. Снова затрещали выстрелы, затем опять наступила тишина.

– Теперь нам нужно поторопиться, – сказал командир.

Все двинулись дальше на юго-запад.

Вскоре послышался крик птицы. И тотчас же к ним присоединились двое амхарцев. Один из них был ранен, но легко. Все молча двинулись вперед плотной группой. Разведчик шел впереди.

И сразу же местность начала выравниваться, деревья стали реже. Вдруг разведчик упал на колени, словно споткнувшись о камень или торчащий из земли корень. Но тут на свежий снег брызнула алая кровь. В этот же самый момент второй воин получил пулю в голову. Остальные поспешили укрыться. Борн поймал себя на мысли, что нападение застигло их врасплох, поскольку выстрелы раздались с запада. Отряд из двух человек, шедших с востока, явился отвлекающим маневром, частью невидимых клещей, сомкнувшихся с противоположных направлений. Борн узнал о Фади еще кое-что. Для того чтобы заманить в западню врага, главарь террористов был готов пожертвовать двумя своими людьми.

Выстрелы гремели непрерывно, так что невозможно было определить, сколько людей Фади находится в засаде. Борн отполз в сторону от Заима и командира, которые вели ответный огонь, укрываясь за чем попало. Повернув направо, он полез вверх по крутому склону, поверхность которого, припорошенная снегом, оказалась достаточно неровной, чтобы предоставить опору рукам и ногам. Борн с самого начала понимал, что совершил ошибку, позволив воинам Кабура сопровождать

его, – ему не нужна была даже помощь Заима. Однако традиции не позволили отказаться от такого подарка.

Забравшись наверх, Борн дополз до дальнего края, где каменная волна резко обрывалась. Отсюда он разглядел четверых человек, вооруженных винтовками и пистолетами. Даже с такого расстояния было видно, что это не амхарцы. Эти люди были бойцами террористической группировки Фади.

Теперь вся проблема заключалась в том, что Борн, вооруженный одним лишь пистолетом, оказался в крайне невыгодном положении по сравнению со своими противниками с винтовками. Единственный способ уравнять шансы заключался в том, чтобы сблизиться с ними. В этом таились свои опасности, но тут уж ничего нельзя было поделать.

Описав круг, Борн подкрался к врагам сзади. Вскоре он сообразил, что о простом нападении с тыла не может быть и речи. Террористы оставили одного человека, чтобы он прикрывал им спины. Часовой устроился на скале, очищенной от снега, держа в руках снайперскую винтовку немецкого производства – «маузер» СП-66. Стреляющая патронами 7,62х51 мм, винтовка была оснащена оптическим прицелом «Карл Цейсс». Все это имело жизненно важное значение для следующего шага Борна. Хотя винтовка «маузер» – великолепное оружие для поражения удаленных целей, у нее длинный тяжелый ствол, и перезаряжается она вручную. Не лучшее оружие, если потребуется выстрелить навскидку.

Борн подкрался к террористу на расстояние метров пятнадцати и достал кривой нож, отобранный у убитого амхарца. Внезапно поднявшись с земли, он оказался на виду у террориста. Тот спрыгнул со скалы, выпрямляясь во весь рост, тем самым полностью открываясь Борну. Он попытался было вскинуть тяжелый «маузер», но нож, брошенный Борном, уже со свистом рассекал воздух. Нож попал террористу в горло чуть ниже кадыка, вонзившись по самую рукоятку. Кривое лезвие перерезало артерии. Террорист упал на снег, захлебываясь собственной кровью.

Выдернув нож, Борн перешагнул через труп, вытер лезвие о снег и убрал его в ножны. Затем он подобрал винтовку и отправился на поиски остальных боевиков.

Непрерывно трещали выстрелы, то частой дробью, то одиночные, подобные коду Морзе, несущему смерть сражающимся. Борн побежал туда, где видел террористов, однако те уже переменили позицию. Отбросив бесполезный «маузер», Борн выхватил пистолет Макарова.

Пробегая по гребню, он увидел внизу командира бойцов Кабура, распростертого на снегу в луже крови. Затем, осторожно продвигаясь вперед, Борн увидел двух террористов. Первого он сразил наповал

выстрелом в спину, попав в сердце. Второй обернулся и выстрелил в ответ. Борн нырнул за валун.

Снова прогремели частые выстрелы, отразившись эхом от выступающего навеса прямо Борну в уши. Он поднялся было на колени, но три выпущенные одна за другой пули ударили в соседнюю скалу, выбивая искры.

Борн сделал вид, что метнулся вправо, привлекая тем самым огонь, а сам упал на живот и пополз влево. Наконец он увидел плечо террориста. Сделав два выстрела, Борн услышал крик, пронизанный болью. Он притворился, что поднимается во весь рост и бежит вперед, и, когда террорист тоже вскочил с земли, Борн аккуратно всадил ему пулю меж глаз.

Борн двинулся дальше, ища третьего боевика. Он нашел его корчащимся на снегу, с руками, зажимающими рану на животе. Увидев Борна, террорист сверкнул глазами, и, как это ни странно, у него на лице мелькнула призрачная усмешка. И тотчас же его тело содрогнулось в предсмертном спазме, изо рта хлынула кровь, а взор затуманился.

Борн побежал дальше. Не более чем в тридцати метрах он наткнулся на Заима. Амхарец стоял на коленях. Он получил две пули в грудь. Его взгляд был проникнут болью. Тем не менее, когда Борн приблизился к нему, Заим сказал:

– Не надо, брось меня. Со мной все кончено.

– Заим…

– Иди. Разыщи своего друга. Спаси его.

– Я не могу тебя бросить.

Заим с трудом скривил губы в улыбке.

– Ты так ничего и не понял. Я умираю без сожаления. Потому что мой сын будет погребен по-человечески. Это все, о чем я прошу.

Испустив долгий хриплый вздох, он упал набок и больше не шевелился.

Подойдя к своему боевому товарищу, Борн опустился на корточки и закрыл ему глаза. Затем встал и направился к лагерю Фади. Пятнадцать минут спустя, пробравшись через сосновую чащу, он вышел к нему: палатки армейского образца, расставленные на клочке земли, расчищенном уже довольно давно, судя по старым пням.

Притаившись за густой елью, Борн оглядел лагерь: девять палаток, три костра для приготовления пищи, уборная. Вся проблема заключалась в том, что людей не было видно. Судя по всему, лагерь был оставлен.

Поднявшись на ноги, Борн отправился вокруг лагеря. Но как только он вышел из-за защиты раскидистых еловых веток, снег вокруг вздыбился фонтанчиками, поднятыми пулями. Оглянувшись, Борн увидел по меньшей мере шестерых боевиков. Он побежал.

– Сюда, вверх! Ну же! Быстрее!

Подняв взгляд, Борн увидел Алема, распластавшегося на выступе заснеженной скалы. Отыскав упор для ноги, он вскарабкался наверх. Алем отполз назад. Улегшись на живот, Борн перевесился через край, глядя на боевиков Фади, которые, рассыпавшись веером, прочесывали лес.

Повинуясь Алему, Борн отполз от края и поднялся на ноги.

Алем сказал:

– Твоего друга перевели в другое место. В этой скале есть пещеры. Его поместили в одну из них.

– А ты что здесь делаешь? – спросил Борн, когда они двинулись дальше.

– Где мой отец? Почему он не с тобой?

– Я очень сожалею, Алем. Твой отец убит в перестрелке.

Борн протянул руку, но мальчишка отпрянул назад. Отвернувшись к скале, он устремил взор вдаль.

– Если тебе будет легче, знай, что твой отец дорого продал свою жизнь. – Борн присел на корточки рядом с Алемом. – Он наконец обрел покой. Я обещал похоронить твоего брата.

– Ты сможешь это сделать?

Борн кивнул:

– Да, думаю, смогу.

Черные глаза Алема пытливо всмотрелись в лицо Борна. Наконец мальчишка молча кивнул, и они двинулись дальше. Снова повалил снег – словно опустился плотный белый занавес, отделивший их от окружающего мира. Снег также заглушил все звуки, что было, с одной стороны, хорошо, с другой – плохо. Хотя их движения стали неслышными, то же самое можно было сказать и про их врагов.

Так или иначе, Алем бесстрашно шел вперед. Он воспользовался ложбиной, рассекающей скалу наискосок. Мальчишка двигался уверенно, не оступившись ни разу. Меньше чем через пятнадцать минут они добрались до вершины.

Алем и Борн осторожно пробирались по неровной поверхности.

– Здесь есть расщелины, которые спускаются вниз до самых пещер, – объяснил мальчишка. – Мы с братом частенько играли здесь в прятки. Я знаю, какой из них нужно воспользоваться, чтобы попасть к твоему другу.

Даже под слоем снега Борн разглядел ямы, обозначавшие входы в вертикальные расщелины, оставленные мощным ледником, пробившим гранитную скалу.

Склонившись над одной из ям, Борн очистил ее от снега и заглянул внутрь. Свет не достигал дна, но все же можно было определить, что расщелина тянется вниз на несколько десятков метров.

Алем приблизился к нему сзади.

– Твои враги следили за тобой.

– Твой отец сказал мне об этом.

Мальчишка кивнул, похоже нисколько не удивленный.

– Именно тогда твоего друга перевели из лагеря, чтобы ты не смог его найти.

Откинувшись на пятки, Борн задумчиво посмотрел на Алема.

– Почему ты рассказываешь мне все это сейчас? Конечно, если это правда?

– Эти люди убили моего отца. Теперь я понимаю, что они с самого начала были настроены на это. Какое им дело до нас, до того, что многие гибнут или становятся калеками, их интересует только прибыль. Но меня заверили в том, что с ним все будет хорошо, что о нем позаботятся, и я был настолько глуп, что им поверил. Поэтому сейчас я посылаю их ко всем чертям. Я хочу помочь тебе спасти твоего друга.

Борн молчал, оставаясь неподвижным.

– Понимаю, я должен доказать, что говорю правду. Поэтому я первым спущусь по расщелине. Если это ловушка, если твои подозрения оправданны, если враги решат, что это ползешь ты, они меня убьют. А с тобой ничего не случится.

– Что бы ты ни сделал в прошлом, Алем, я не хочу, чтобы что-нибудь случилось с тобой.

У мальчишки на лице отразилось смятение. Несомненно, впервые чужой человек проявил к нему интерес.

– Я сказал правду, – упрямо произнес Алем. – Террористы не подозревают об этих расщелинах.

Поколебавшись мгновение, Борн сказал:

– Ты можешь доказать свою преданность мне и своему отцу, но другим способом. – Сунув руку в карман, он достал маленький восьмиугольный предмет из темно-серой искусственной резины с двумя кнопками, черной и красной. Вложив этот предмет мальчишке в руку, Борн объяснил: – Мне нужно, чтобы ты спустился со скалы вниз и направился на юг. Ты обязательно наткнешься на людей Фади. Как только увидишь их, нажимай черную кнопку. Когда до них останется меньше ста метров, нажимай красную кнопку и со всей силы бросай эту штуковину. Вся понятно?

Мальчишка внимательно посмотрел на коробочку.

– Это взрывчатка?

– Ты все понял.

– Можешь на меня рассчитывать, – серьезным тоном произнес Алем.

– Хорошо. Я не двинусь с места до тех пор, пока не услышу взрыв. Только после этого я начну спускаться вниз.

– Взрыв отвлечет внимание террористов. – Алем поднялся с земли. – В двух третях от поверхности расщелина раздваивается. Тебе нужна правая ветвь. Когда спустишься вниз, поверни вправо. Ты окажешься метрах в пятидесяти от того места, где держат твоего друга.

Борн проследил, как мальчишка пробрался по скале, скрывшись за пеленой кружащегося снега. Он тотчас же достал спутниковый телефон и связался с Девисом.

– Твое местонахождение обнаружено, – сказал Борн. – Ты не заметил никакого движения? Ничего подозрительного?

– Здесь тихо, словно в гробнице, – ответил летчик. – Когда вы приблизительно вернетесь? С северо-запада надвигается жуткий фронт непогоды.

– Я уже слышал. Слушай, мне нужно, чтобы ты перелетел сюда. Я проходил через поляну, километрах в тринадцати-четырнадцати к северо-западу от твоего нынешнего местонахождения. Лети туда. Но сначала я хочу, чтобы ты похоронил труп, который лежит в пещере. Выкопать могилу в земле у тебя не получится, так что завали его камнями. И прочитай молитву. Да, еще одно – надень костюм радиационной защиты, который я видел в кабине.

После этого Борн занялся насущными проблемами. Ему приходилось полагаться на то, что теперь Алем говорит правду. И все же он собирался предпринять кое-какие меры предосторожности на тот случай, если это не так. Вместо того чтобы ожидать взрыва, как он сказал Алему, Борн сразу же забрался в расщелину и пополз вниз. Как знать, быть может, в этот самый момент мальчишка отдает гранату одному из бойцов Фади. По крайней мере, Борна не будет там, где, как полагает Алем, он сейчас находится.

Борн полз вниз по расщелине, упираясь в каменные стены коленями, пятками и локтями. Только так ему удавалось удержаться от стремительного падения.

Как и предупредил Алем, приблизительно через две трети пути расщелина разветвилась. Борн застыл на мгновение на развилке, стараясь решить неразрешимое. Все вроде бы очень просто: или он верит Алему, или не верит. Но, разумеется, на самом деле дилемма была сложной. Когда речь заходит о побудительных силах, движущих человеком, ничего простого быть не может.

Борн свернул в правое ответвление. Вскоре расщелина заметно сузилась, так что местами ему пришлось протискиваться с трудом. Однако в конце концов он спрыгнул на пол пещеры. Сжимая наготове пистолет, Борн огляделся по сторонам. Никаких следов террористов, затаившихся в засаде. Но над полом поднимался полутораметровый сталагмит, отложение известкового шпата, оставленное богатой минеральными солями водой, стекающей по каналу.

Ударив ногой, Борн отколол острый кусок длиной с фут. Схватив его в свободную руку, он направился в глубь пещеры. Вскоре проход повернул налево. Борн замедлил шаг, затем опустился на корточки.

Заглянув за угол, он сначала увидел одного из бойцов Фади с полуавтоматической винтовкой «рюгер» в руках. Борн ждал, дыша медленно и глубоко. Террорист шагнул в сторону, и Борн увидел Мартина Линдроса. Связанный, с заткнутым кляпом ртом, он сидел, привалившись к мешку. У Борна часто заколотилось сердце. Мартин жив!

У него не было времени полностью оценить состояние своего друга, потому что в это мгновение по пещере гулким рикошетом раскатились отголоски взрыва. Алем сдержал свое слово; как он и обещал, он бросил гранату, изготовленную Дероном.

Террорист снова двинулся с места, загораживая Борну Линдроса. Теперь стали видны еще двое боевиков, устремившихся к первому. Тот достал рацию и быстро заговорил по-арабски, решая, как быть дальше. Значит,

Фади оставил трех часовых охранять пленника. Теперь Борн располагал всей необходимой информацией.

Трое террористов, придя к решению, рассредоточились треугольником: один в вершине, у входа в пещеру, двое заняли места за спиной Линдроса, вблизи того места, где притаился Борн.

Борн убрал пистолет. Воспользоваться им нельзя. Звук выстрела обязательно привлечет в пещеру остальных боевиков. Выпрямившись во весь рост, Борн расставил ноги. Сжимая в левой руке кусок сталагмита, он правой достал кривой нож и метнул его, прицельно, с силой, так что лезвие по самую рукоятку погрузилось в спину часового, стоявшего сзади слева. В тот самый момент, когда его напарник обернулся, Борн бросил в него сталагмит, словно дротик. Острый кусок попал террористу в горло и, проткнув его насквозь, вышел с противоположной стороны. Тот зашатался, судорожно схватившись за сталагмит руками, и повалился на землю рядом со своим товарищем.

Боевик, стоявший у входа в пещеру, развернулся, вскидывая «рюгер». Борн поднял руки и двинулся на него.

– Стой! – крикнул по-арабски террорист.

Но Борн уже перешел на бег. Боевик широко раскрыл глаза от изумления, а Борн налетел на него. Отбив ствол винтовки в сторону, Борн ударил пястью террористу в нос. Брызнула кровь, хрустнул хрящ. Следующий удар Борн нанес по ключице, ломая ее. Террорист повалился на колени, мотая головой. Вырвав у него из рук «рюгер», Борн ударил прикладом в висок. Боевик растянулся на земле и затих.

Убедившись, что с охранниками покончено, Борн поспешил к Линдросу. Разрезав веревки, которыми были стянуты руки и ноги друга, он помог ему подняться на ноги и вытащил изо рта кляп.

– Ну, вот и все, – сказал Борн. – С тобой все в порядке?

Линдрос молча кивнул.

– Вот и отлично. А теперь убираемся отсюда ко всем чертям.

Борн торопливо потащил друга назад тем путем, каким пришел сам. Лицо Мартина заплыло, покрылось разноцветными синяками – это были самые наглядные свидетельства тех пыток, через которые ему пришлось пройти. Каким мучениям подверг его плоть и душу Фади? Борну не раз приходилось быть жертвой изощренных истязаний. Он знал, что некоторые люди выносят пытки лучше других.

Обогнув обломок сталагмита, торчащий над землей, Борн и Линдрос подошли к расщелине.

– Придется лезть вверх, – сказал Борн. – Это единственная дорога отсюда.

– Я сделаю все, что нужно.

– Не беспокойся, – продолжал Борн. – Я тебе помогу.

Он уже собрался лезть в расщелину, но Линдрос остановил его, взяв за руку.

– Джейсон, я ни на минуту не терял надежду. Я знал, что ты меня найдешь, – сказал он. – Я перед тобой в неоплатном долгу.

Борн стиснул ему руку.

– Ну а теперь пошли. Следуй за мной.

Подъем по расщелине занял гораздо больше времени, чем спуск. Во-первых, лезть вверх было тяжело и утомительно. Во-вторых, Борну приходилось заботиться о Линдросе. Несколько раз он был вынужден останавливаться и возвращаться назад на метр-два, чтобы помочь другу преодолеть особенно сложный участок. А однажды ему пришлось просто протаскивать Линдроса через узкое место.

Наконец после мучительно долгих тридцати минут они выбрались на вершину скалы. Пока Мартин приходил в себя, пытаясь отдышаться, Борн оценил погоду. Ветер переменил направление. Теперь он дул с юга. В воздухе висели редкие снежинки, и было очевидно, что большего и не последует: штормовой фронт прошел стороной. На этот раз древние демоны Рас-Дашана проявили милосердие.

Борн помог Линдросу встать на ноги, и они направились к ждущему вертолету.

Глава 11

Анна Хельд жила в двухэтажном здании из красного кирпича в Джорджтауне, в двух шагах от парка Думбартон-Окс. Крытый черепицей, с черными ставнями, дом был окружен аккуратной живой изгородью. Он принадлежал Джойс, покойной сестре Анны. Вместе со своим мужем Питером они погибли три года назад, когда их маленький самолет, направлявшийся на остров Мартас-Винъярд, заблудился в тумане. Дом достался Анне по наследству, но она до сих пор никак не могла к нему привыкнуть.

Как правило, вечерами, возвратившись домой с работы, Анна не скучала по своему Возлюбленному. Во-первых, директор ЦРУ неизменно заставлял ее задерживаться допоздна. Старик и прежде не знал усталости, но после того, как два года назад от него ушла жена, он вообще потерял какие-либо причины покидать свой кабинет. Во-вторых,

оказавшись дома, Анна находила себе дела до того самого момента, как принимала таблетку снотворного, забиралась под одеяло и выключала ночник.

Но были и другие вечера, как, например, сегодняшний, когда она не могла выбросить Возлюбленного из своих мыслей. Ей недоставало его запаха, прикосновения его сильных рук, ощущения упругих мышц его живота, прижимающегося к ней, сладостного наслаждения мгновений любви. Внутренняя пустота, вызванная его отсутствием, причиняла физическую боль, единственным средством против которой была напряженная работа и усиленная доза снотворного.

Ее Возлюбленный. Разумеется, у него было имя. И тысяча ласковых прозвищ, которые придумала ему за много лет Анна. Но в ее мыслях, в ее мечтах он оставался ее Возлюбленным. Они познакомились в Лондоне, на пышном приеме в консульстве – какой-то там посол отмечал свое семидесятипятилетие, и среди шестисот с лишним приглашенных гостей была и Анна. В то время она работала у директора МИ-6, давнего и преданного друга Старика.

Она сразу же ощутила легкое головокружение, и ей стало немного страшно. Головокружение было вызвано его близостью, а страх – тем сильным действием, которое это на нее произвело. В свои двадцать лет Анна уже имела кое-какой опыт общения с противоположным полом. Однако до сих пор ей приходилось иметь дело лишь с неоперившимися юнцами. Ее же Возлюбленный был мужчиной. И вот сейчас она тосковала по нему так, что боль тугим узлом стягивала ей грудь.

Во рту у Анны пересохло. Пройдя по коридору, она оказалась в библиотеке, откуда вела дверь на кухню. Но не успела она сделать и трех-четырех шагов, как застыла на месте.

Все вокруг выглядело совсем не так, как было до ее ухода. Это зрелище мгновенно выдернуло Анну из того эмоционального колодца, в который она провалилась. Не отрывая взгляда от того, что было перед ней, Анна открыла сумочку и достала «смит-вессон». Стреляла она хорошо, поскольку дважды в месяц занималась на стрельбище ЦРУ. Нельзя сказать, что она была большим поклонником огнестрельного оружия, но эти навыки были обязательными в ее работе.

Вооружившись, Анна осмотрелась вокруг более внимательно. Никак нельзя было бы сказать, что здесь побывал грабитель, перевернувший все вверх дном. «Работу» выполнили чисто и аккуратно. Больше того, если бы не ее мелочная дотошность, возможно, Анна бы вообще ничего не заметила – настолько незначительными были изменения. Бумаги на письменном столе, сложенные не так аккуратно, как прежде, старомодный хромированный дырокол, лежащий не под тем углом, под каким она его оставила, цветные карандаши, разложенные чуть в другом

порядке, книги на полках, выстроившиеся не так ровно, как привыкла она.

Первым делом Анна прошлась по всем комнатам и помещениям, убеждаясь, что она в доме одна. Затем проверила все двери и окна. Нигде никаких следов взлома. Из чего следовало, что неизвестный либо достал второй комплект ключей, либо вскрыл замок отмычкой. Второе предположение казалось гораздо более правдоподобным.

Затем Анна вернулась в библиотеку и медленно и методично осмотрела все находящиеся там вещи. Ей было очень важно понять, кто вторгся к ней в дом. Переходя от полки к полке, Анна представляла себе, как неизвестный следит за ней, сует свой нос повсюду, пытаясь выведать ее самые сокровенные тайны.

Учитывая характер ее работы, в каком-то смысле было неизбежно, что подобное могло произойти рано или поздно. Однако это соображение нисколько не уменьшило страх Анны перед оскверняющим проникновением в ее личную жизнь. Разумеется, она находится под защитой, и надежной. И ведет себя так же скрупулезно тщательно, как и на работе. Кто бы ни побывал здесь, он не обнаружил ничего ценного, в этом Анна была уверена. Ей не давало покоя то, что это вообще произошло. Она подверглась нападению. Почему? Со стороны кого? В настоящий момент у нее не было ответов на эти вопросы.

«О стакане воды теперь можно забыть», – подумала Анна. Вместо этого она плеснула в стакан чистого виски и, отпив глоток, поднялась в спальню. Присев на кровать, скинула туфли. Однако носящийся по телу адреналин никак не желал успокоиться. Встав, Анна прошлепала босиком к туалетному столику и развернула зеркало. Стоя перед ним, она расстегнула блузку и стряхнула ее с плеч. Затем подошла к шкафу и сдвинула в сторону одежду, освобождая доступ к свободным плечикам. Протянув руку, Анна застыла на месте. Сердце заколотило в грудь отбойным молотком, она ощутила приступ тошноты. Там, на хромированной палке, болталась миниатюрная петля. И в этой петле, туго затянутой, словно на шее осужденного, болтались ее трусики.

– У меня пытались выведать, что мне известно. Они хотели узнать, как я вышел на их след. – Мартин Линдрос сидел, откинув голову на удобный подголовник кресла, закрыв глаза. – Я готов был рвать на себе волосы. Тот, кто меня допрашивал, сказал, что меня засекли еще в Замбии. А я об этом даже не догадывался.

– Не надо корить себя напрасно, – постарался успокоить друга Борн. – Ты отвык от оперативной работы.

Линдрос покачал головой:

– Никаких оправданий быть не может.

– Мартин, – ласково промолвил Борн, – что у тебя с голосом?

Линдрос поморщился.

– Наверное, я несколько дней непрерывно вопил. Я ничего не помню. – Он попытался отмахнуться от воспоминаний. – Я не видел, что со мной делали.

Борн понимал, что его друг до сих пор не оправился от шока. Линдрос дважды спросил о судьбе Джеми Коуэлла, пилота вертолета, словно в первый раз не расслышал ответ Борна или не смог осознать услышанное. Борн решил пока что не говорить ему про второй вертолет; это можно будет сделать потом. Столько событий произошло так стремительно, что до настоящего времени они не успели сказать друг другу и пары слов. Как только вертолет оторвался от склона Рас-Дашана, Девис связался по радио с аэропортом Амбули в Джибути и вызвал врача ЦРУ. Весь перелет Линдрос пролежал на носилках, то и дело забываясь беспокойным сном. Таким худым Борн его еще никогда не видел, лицо друга посерело и осунулось. Еще внешний облик Линдроса неприятно меняла отросшая борода, придававшая ему сходство с похитителями.

Девис мастерски провел вертолет сквозь игольное ушко – через узкую полосу затишья вдоль границы атмосферного фронта. Затем он умело спустился вниз, повторяя складки местности, и наконец оказался в области хорошей погоды. Линдрос лежал на носилках, мертвенно-бледный, с надетой на лицо кислородной маской.

Всю дорогу Борн старался прогнать стоящее перед глазами обезображенное лицо брата Алема. Он жалел о том, что не смог похоронить парня сам. Однако это было невозможно, поэтому пришлось попросить о помощи Девиса. Мысленно представив себе могильный холм из камней, Борн прочитал молитву по покойному, как это было несколько месяцев назад на могиле Мари.

Как только в аэропорту Джибути вертолет коснулся бетона, на борт поднялся врач, сотрудник ЦРУ, молодой мужчина со строгим лицом и преждевременно поседевшими волосами. Он почти час осматривал Линдроса, после чего предложил Борну выйти из вертолета и переговорить.

– Несомненно, с ним плохо обращались, – начал врач. – Многочисленные ссадины и синяки, сотрясение мозга, треснутое ребро. И, естественно, сильное обезвоживание организма. Хорошее во всем этом то, что я не обнаружил никаких признаков внутреннего кровотечения. Я введу ему внутривенно физиологический раствор и

антибиотики, так что в течение ближайшего часа трогать его будет нельзя. Сходите умойтесь, поешьте чего-нибудь, богатого белками. – Он слабо улыбнулся. – Физически этот человек будет в полном порядке. Но я не могу определить, что он перенес в умственном и эмоциональном плане. Официальное заключение можно будет сделать только тогда, когда мы вернемся в Вашингтон, а пока что вам предоставляется возможность немного поработать. Постарайтесь по дороге домой чем-нибудь занять его мысли. Насколько я понимаю, вы близкие друзья. Поговорите о прошлом, постарайтесь определить, какие с ним произошли перемены.

– Кто тебя допрашивал? – спросил Линдроса Борн. Они сидели рядом в самолете ЦРУ.

Его друг на мгновение закрыл глаза.

– Предводитель – Фади.

– Значит, сам Фади находился на Рас-Дашане.

– Да. – По телу Линдроса пробежала легкая дрожь, подобная ряби на водной поверхности. – Доставка этого груза имела для него слишком большое значение, чтобы доверить все своему помощнику.

– Ты успел это выяснить до того, как тебя взяли в плен?

– Да, это был груз урана. Я захватил с собой детекторы радиационного излучения. – Линдрос устремил взгляд на бездонное черное небо за толстым стеклом иллюминатора. – Вначале я думал, что «Дуджа» охотится за ВИРами. Однако на самом деле в этом нет смысла. Я хочу сказать, *зачем* террористам нужны возбуждаемые искровые разряды, если только у них нет... – Его тело содрогнулось в новом спазме. – Мы должны исходить из предположения, что у них есть всё. И ВИРы, и, что гораздо страшнее, средства для обогащения урана. Мы должны исходить из предположения, что террористы делают ядерную бомбу.

– Я сам пришел к такому же заключению.

– Причем речь идет не о «грязной бомбе», пустяке, способном поразить пару кварталов. Это будет уже что-то настоящее, обладающее достаточной мощностью, чтобы разрушить крупный город, заразить радиацией окрестности. Во имя всего святого, речь идет о миллионах жизней!

Линдрос был прав. Пока врач осматривал Мартина, Борн позвонил из Джибути Старику, вкратце рассказал ему о состоянии Линдроса, о текущем положении дел и, самое главное, о том, что им удалось выяснить про угрозу со стороны «Дуджи» и про возможности

террористов ее осуществить. Однако сейчас он мог думать лишь об одном – как помочь своему другу.

– Расскажи мне о том, что было с тобой в плену.

– Особенно рассказывать нечего. Большую часть времени у меня на голове был капюшон, перекрывающий лицо. Хочешь верь, хочешь не верь, но я с ужасом ждал тех моментов, когда его с меня снимали, так как это означало, что Фади начнет меня допрашивать.

Борн почувствовал, что вышел на тонкий лед. И все же ему нужно было узнать всю правду, какой бы страшной она ни оказалась.

– Фади знал, что ты из ЦРУ?

– Нет.

– Что ты ему сказал?

– Я ему сказал, что работаю в АНБ, и он мне поверил. У него не было никаких оснований сомневаться в моих словах. Для этих людей все американские правоохранительные ведомства кажутся на одно лицо.

– Фади требовал от тебя информацию о размещении сотрудников АНБ, о поставленных перед ними задачах?

Линдрос покачал головой.

– Как я уже сказал, его интересовало только то, как я вышел на его след и что мне известно.

Мгновение Борн колебался.

– И он это выяснил?

– Джейсон, я понимаю, к чему ты клонишь. Но у меня было сильное подозрение, что, как только я сломаюсь, Фади со мной расправится.

Борн снова умолк. Дыхание Линдроса стало частым и быстрым, на лбу выступил холодный пот. Врач предупредил, что, если действовать слишком поспешно, слишком резко, возможна ответная реакция.

– Может быть, мне позвать врача?

Линдрос покачал головой.

– Дай мне минутку. Все будет хорошо.

Сходив на кухню, Борн приготовил подносы с едой. Стюардов на борту самолета не было – лишь врач и вооруженные пилот и второй пилот, сотрудники ЦРУ. Вернувшись на место, Борн протянул один поднос другу, другой оставил себе. Какое-то время он молча жевал. Ему было

приятно видеть, что Линдрос немного успокоился и тоже притронулся к еде.

– Расскажи, что произошло в мое отсутствие.

– Мне очень хотелось бы тебя обрадовать. Однако, боюсь, нечем. Твои люди взяли того торговца из Кейптауна, который продал ВИРы «Дудже».

– Ах да, Хирама Севика.

Раскрыв портативный компьютер, Борн вывел на экран фотографию Севика и показал ее Линдросу.

– Это он?

– Нет, – ответил Линдрос. – А что?

– Это тот человек, которого взяли в Кейптауне и доставили в Вашингтон. Ему удалось бежать, при этом один из его подручных убил Тима Хитнера.

– Проклятие! Хитнер был отличным парнем. – Линдрос постучал пальцем по экрану. – В таком случае кто это?

– Полагаю, это Фади.

Линдрос не мог поверить своим ушам.

– Он был у нас в руках и мы его отпустили?

– Боюсь, что так. С другой стороны, это первое указание на то, как выглядит Фади в действительности.

– Дай-ка посмотрю. – Линдрос пристально всмотрелся в фотографию. Наконец он сказал: – Господи, это *действительно* Фади.

– Ты уверен?

Линдрос кивнул.

– Он был там, когда нас сбили. Здесь он в гриме, но я узнаю форму лица. И его глаза. – Снова кивнув, он вернул компьютер. – Да, это Фади.

– Ты не мог бы набросать его портрет?

Линдрос кивнул. Борн ушел и вскоре вернулся с альбомом и горстью карандашей, полученных у пилота.

Линдрос принялся за работу. Борн, не удержавшись, высказал еще одну вещь, которую заметил в своем друге.

– Мартин, у тебя такой вид, как будто ты хочешь сказать мне еще кое о чем.

Линдрос оторвался от альбома.

– Вероятно, ничего в этом нет, но… – Он покачал головой. – Когда я оставался один на один с другим человеком, допрашивавшим меня, неким Аббудом ибн Азизом, правой рукой Фади, тот постоянно называл одно и то же имя. Хамид ибн Ашеф.

– Я такого не знаю.

– Да? А мне казалось, я видел это имя в твоем досье.

– Если так, должно быть, речь идет об операции, задуманной Алексом Конклином. Но если я и имел к ней какое-то отношение, то в памяти у меня ничего не сохранилось.

– Мне просто хочется узнать, почему Аббуда ибн Азиза так интересовала та операция. Впрочем, теперь, наверное, я это уже никогда не узнаю. – Линдрос отпил большой глоток воды. Он тщательно выполнял предписания врача: отдыхать и восполнять потерянную жидкость. – Джейсон, конечно, я еще не совсем пришел в себя, но шок уже остался позади. Я знаю, что начальство пропустит меня через целую систему тестов, определяя мою годность.

– Ты вернешься к работе, Мартин.

– Надеюсь, ты понимаешь, что тебе предстоит сыграть в этом ключевую роль. В конце концов, никто не знает меня так, как ты. Так что ЦРУ придется положиться на твое мнение.

Не удержавшись, Борн рассмеялся.

– Вот это будет здорово.

Сделав глубокий вдох, Линдрос медленно выпустил воздух, а вместе с ним и тихий присвист, проникнутый болью.

– Как бы ни сложились дела, я хочу, чтобы ты обещал мне одну вещь.

Борн пристально всмотрелся в лицо друга, стараясь найти в нем малейшие признаки того, что будут искать в нем психологи ЦРУ: свидетельства «промывания мозгов», превратившего Линдроса в бомбу с часовым механизмом, человеческое оружие, направленное на то, чтобы уничтожить управление. Эта мысль не покидала Борна с тех самых пор, как он отправился на поиски друга. Он ломал себе голову, что будет страшнее: найти своего друга мертвым или обнаружить, что он стал врагом?

– «Дуджа» – группировка с жесткой организацией и умелым управлением, причем обладает доступом к практически неограниченным запасам самого современного вооружения. Фади, несомненно, получил образование на Западе. Все это выделяет «Дуджу» среди прочих террористических группировок, с которыми нам приходилось сталкиваться, – продолжал Линдрос. – Завод по обогащению урана – очень дорогостоящее предприятие. Кто может выбросить такие огромные деньги? Я думаю, за этим стоит преступный картель. Наркоденьги из Афганистана или Колумбии. Если перекрыть этот источник, лишить террористов финансирования, это будет означать, что они потеряют возможность обогащать уран, получать современное оружие. Вот самый надежный способ отбросить их назад в каменный век. – Он понизил голос. – В Ботсване я, кажется, вышел на финансовый след «Дуджи», ведущий в Одессу. У меня есть имя: Лермонтов. Федор Владиславович Лермонтов. Сведения, добытые в Уганде, однозначно указывают на то, что Лермонтов обосновался в Одессе.

У него зажглись глаза, вернулось знакомое возбуждение.

– Только подумай, Джейсон! До сих пор наша единственная надежда уничтожить исламскую террористическую группировку заключалась в том, чтобы проникнуть в нее изнутри. Однако эта тактика является настолько сложной, что нам еще ни разу не удавалось добиться успеха. И вот теперь впервые перед нами открылась другая возможность. Это реальный способ обезоружить самую опасную в мире террористическую организацию извне. Этим я займусь сам. Но что касается главного финансиста, тут я никому не доверяю так, как тебе. Мне нужно, чтобы ты как можно скорее отправился в Одессу, выследил этого Лермонтова и устранил его.

Несуразный особняк из бутового камня был построен больше ста лет тому назад. С тех пор у него было достаточно времени, для того чтобы обжиться среди бескрайних холмов штата Вирджиния. Остроконечная крыша со слуховыми окнами, крытая черепицей. Владение окружено высокой кирпичной стеной с массивными стальными воротами, открывающимися дистанционно. Соседи считают, что особняк принадлежит удалившемуся от мира писателю, который, если взглянуть на копию сделки, хранящуюся в расположенном всего в пятидесяти километрах окружном архиве, выложил за него двести сорок тысяч долларов администрации округа, после того как был закрыт расположенный здесь до этого приют для душевнобольных. По слухам, у этого писателя тоже не все дома; он явно страдает манией преследования. Как иначе объяснить проволоку под напряжением, натянутую над стенами? Как иначе объяснить двух поджарых и

постоянно голодных доберманов, которые бегают по территории, злобно рыча?

На самом деле особняк принадлежит ЦРУ. Ветераны управления, знающие, что к чему, прозвали его «угрюмым домом», потому что именно здесь агенты отчитываются о своих неудачах. О доме сложены мрачные шутки, потому что само его существование вселяет беспокойство. Именно сюда морозным зимним утром прямо из аэропорта имени Даллеса привезли Борна и Линдроса.

– Поверните голову вот так, хорошо.

Сотрудник ЦРУ положил руку на затылок Мартину Линдросу, как до того он совершил то же самое с Борном.

– Смотрите прямо перед собой, – продолжал сотрудник, – и постарайтесь не моргать.

– Да я уже тысячу раз проделывал это, – проворчал Линдрос.

Не обращая на него внимания, агент включил анализатор сетчатки глаз и прочитал данные исследования правого глаза Линдроса. Сняв изображение, анализатор автоматически сравнил рисунок сетчатки с эталоном, хранящимся в памяти. Совпадение было полным.

– Добро пожаловать домой, господин заместитель директора. – Улыбнувшись, агент протянул руку. – Рады приветствовать вас в «угрюмом доме». Ваша дверь вторая налево. Мистер Борн, а ваша – третья дверь направо.

Он жестом указал на лифт, установленный после того, как особняк перешел во владение ЦРУ. Поскольку лифт управлялся с внешнего пульта, кабина уже терпеливо ждала, двери были открыты. Внутри кабины, отделанной начищенной до блеска нержавеющей сталью, не было ни одной кнопки. Лифт мог доставлять пассажиров только в подвал, где их встречал похожий на средневековый застенок лабиринт бетонных коридоров, ведущих в комнаты без окон, навевающие клаустрофобию, и таинственные лаборатории, в которых трудились врачи и психологи.

Все в ЦРУ знали, что попадание в «угрюмый дом» – следствие какого-то страшного провала. Здесь побывали многие перебежчики, двойные агенты, предатели.

После чего об этих людях больше ничего не слышали и их судьба становилась предметом бесконечных мрачных пересудов.

Спустившись в подвал, Борн и Линдрос вышли в коридор, наполненный слабым запахом моющих средств. Какое-то мгновение они постояли,

глядя друг на друга. Говорить больше было нечего. Пожав друг другу руки, словно гладиаторы, которым предстоит выйти на кровавую арену, они разошлись в противоположные стороны.

В комнате, расположенной за третьей дверью направо, Борн сидел на металлическом стуле с решетчатой спинкой, прикрученном болтами к бетонному полу. Длинные лампы дневного света под потолком, закрытые стальной решеткой, гудели, словно оводы на стекле. Кроме этого стула, вся обстановка состояла из металлического стола и еще одного стула, также привинченных к полу. В углу находились унитаз из нержавеющей стали, похожий на те, что имеются в тюремных камерах, и крошечный умывальник. В остальном комната была голая, если не считать большого зеркала на одной стене, через которое из соседнего помещения можно было наблюдать за тем, кто находится здесь.

В течение двух часов Борн ждал в полном одиночестве, в обществе лишь сердито жужжащих люминесцентных ламп. Внезапно дверь распахнулась. Вошел следователь и сел за стол напротив. Достав портативный диктофон, он включил запись, положил на стол папку и начал допрос.

– Расскажите мне максимально подробно все то, что произошло с вами с того момента, как вы приземлились на северном склоне Рас-Дашана, и до того, как вы вместе с объектом поднялись в воздух.

Следователь был мужчиной среднего возраста, среднего роста, с высоким покатым лбом и тонкими, редеющими волосами. Его отличали дряблый подбородок и проницательные лисьи глаза. Он ни разу не взглянул на Борна прямо, вместо этого изучая его украдкой, словно это могло позволить ему заглянуть Борну в душу или хотя бы его запугать.

– Каким было состояние объекта, когда вы его нашли?

Следователь просил Борна повторить то, что тот уже говорил. Это обычный прием, позволяющий отсеять ложь от правды. Если подследственный лжет, рано или поздно его рассказ начнет меняться.

– Он был связан, во рту был кляп. Мне он показался очень худым – таким он остается до сих пор. Похоже, похитители кормили его лишь так, чтобы он не умер с голоду.

– Полагаю, подъем к вертолету дался ему с большим трудом.

– Самым трудным было начало. Какой-то момент мне казалось, что я вынужден буду нести его на руках. У него затекли мышцы, сил практически не осталось. Я дал ему съесть два шоколадных батончика, и это помогло. Меньше чем через час он уже довольно уверенно держался на ногах.

– Какими были его первые слова? – с фальшивой мягкостью спросил следователь.

Борн знал, что чем более небрежным тоном задается вопрос, тем большее значение имеет он для следователя.

– «Я сделаю все, что нужно».

Следователь покачал головой.

– Нет, я имею в виду, когда он только вас увидел. Когда вы вытащили кляп.

– Я спросил у него, все ли с ним в порядке…

Следователь со скучающим видом уставился в потолок.

– И что именно он вам ответил?

Лицо Борна оставалось каменным.

– Ничего. Он не произнес ни слова. Только молча кивнул.

Следователь изобразил недоумение – красноречивое свидетельство того, что он пытается заманить Борна в ловушку.

– А почему? Можно предположить, что после целой недели, проведенной в плену, он должен был обязательно что-нибудь сказать.

– Это было бы небезопасно. Чем меньше мы говорили в тот момент, тем лучше. И он это прекрасно понимал.

Борн снова очутился на периферии зрения следователя.

– Итак, первыми его словами было…

– Я сказал, что нам предстоит взобраться по расщелине в скале, и он ответил: «Я сделаю все, что нужно».

Похоже, следователь продолжал сомневаться.

– Ну хорошо, оставим это. Каким, на ваш взгляд, было его сознание в тот момент?

– На мой взгляд, ясным. Он испытал облегчение. Ему хотелось как можно быстрее выбраться на свободу.

– Вам не показалось, что он потерял связь с действительностью, страдает провалами в памяти? В его словах не было ничего странного, не к месту?

– Нет, ничего подобного.

– Мистер Борн, вы говорите очень уверенно. А у вас самого разве не было проблем с памятью?

Поняв, что его пытаются посадить на крючок, Борн испытал внутреннее облегчение. К этому методу прибегают в крайнем случае, когда все остальные попытки развалить рассказ ни к чему не привели.

– Это относится только к событиям далекого прошлого. Мои воспоминания о событиях, произошедших вчера, на прошлой неделе, в прошлом месяце кристально чисты.

Не медля ни мгновения, следователь спросил:

– Подвергся ли объект «промыванию мозгов», работает ли он на противника?

– Человек, который сейчас находится в кабинете напротив, – это тот Мартин Линдрос, каким он всегда был, – ответил Борн. – В самолете по дороге домой мы говорили о том, что было известно только нам двоим.

– Будьте добры, выразитесь более конкретно.

– Линдрос подтвердил личность террориста Фади. Сделал набросок его портрета. Для нас это является огромным прорывом. До этого Фади оставался для нас тайной за семью печатями… Кроме того, Мартин назвал имя правой руки Фади: Аббуд ибн Азиз.

Следователь задал еще с десяток вопросов, многие из которых он уже задавал, но только в другой формулировке. Борн терпеливо ответил на все. Ничто не выведет его из равновесия.

Допрос оборвался так же резко, как начался. Не сказав ни слова, следователь выключил диктофон, собрал свои записи и вышел из комнаты.

Последовал новый период ожидания, который прервал другой сотрудник, помоложе, принесший поднос с едой. Он ушел, также не проронив ни слова.

И только уже после шести часов вечера, судя по часам Борна, – он провел здесь целый день, – дверь в комнату снова отворилась.

Борн, тешивший себя мыслью, что он готов ко всему, поразился, увидев входящего директора ЦРУ. Тот остановился в дверях и долго молча смотрел на Борна. Борн прочитал у него на лице борьбу противоречивых чувств. Старику стоило больших сил просто прийти сюда, и вот сейчас все то, что он собирался сказать, застряло у него костью в горле.

Наконец он произнес:

– Ты выполнил свое обещание. Вернул Мартина домой.

– Мартин мой друг. Я не мог бросить его в беде.

– Знаешь, Борн, ни для кого не секрет, что я проклинаю тот день, когда впервые тебя увидел. – Старик покачал головой. – Но, должен признать, ты та еще загадка, твою мать.

– Я и для себя самого остаюсь загадкой.

Директор ЦРУ поморгал. Затем, развернувшись на каблуках, вышел в коридор, оставив дверь открытой. Борн встал. Судя по всему, теперь он был волен идти куда угодно. Как и Мартин. И это было главное. Мартин Линдрос прошел изнурительную череду физических и психологических тестов. Они оба выходят из «угрюмого дома» живые.

Мэттью Лернер, сидевший в кресле начальника «Тифона» за письменным столом начальника «Тифона», почувствовал, что случилось что-то из ряда вон выходящее, в тот самый момент, когда услышал аплодисменты. Он оторвался от экрана компьютера, на котором разрабатывал новую систему сортировки базы данных «Тифона».

Встав, Лернер пересек кабинет начальника «Тифона» и открыл дверь. И сразу же увидел Мартина Линдроса в окружении сотрудников «Тифона», которые улыбались, смеялись и спешили пожать ему руку в перерывах между рукоплесканиями.

Лернер не мог поверить своим глазам.

«Вот идет Цезарь, – с горечью подумал он. – Но почему директор не счел нужным предупредить меня о возвращении Линдроса?» Со смешанным чувством отвращения и зависти Лернер наблюдал за тем, как возвратившийся из ссылки командующий неторопливо, торжественно продвигается ему навстречу. «Зачем ты вернулся? Ну почему ты не погиб?»

Сделав над собой усилие, он скривил лицо в улыбке и протянул руку:

– Мои поздравления вернувшемуся герою.

Ответная улыбка Линдроса была пропитана облаченной в сталь насмешкой.

– Спасибо за то, что в мое отсутствие сохранил мое кресло теплым, Мэттью.

Он прошел мимо Лернера в свой кабинет и застыл на пороге, изучая взглядом перемены.

– Что, стены не перекрашены? – Бросив взгляд на вошедшего следом за ним Лернера, Линдрос добавил: – Перед тем как ты вернешься наверх, мне бы хотелось услышать вкратце о последних событиях.

Лернер послушно рассказал обо всем, что произошло за время отсутствия Линдроса, параллельно собирая свои личные вещи. Когда он закончил, Линдрос сказал:

– Мэттью, мне бы очень хотелось получить свой кабинет в точности таким, каким я его оставил.

Какую-то долю секунды Лернер жег его взглядом, затем стал тщательно расставлять на места все фотографии и сувениры, которые убрал, надеясь больше никогда их не увидеть. Опытный командир, он знал, когда нужно покидать поле боя. Со всей определенностью можно было сказать только одно: это была война, и она только началась.

Через три минуты после того, как Лернер покинул кабинет начальника «Тифона», зазвонил личный телефон Линдроса. Это был Старик.

– Готов поспорить, ты испытал ни с чем не сравнимое наслаждение, снова попав за свой письменный стол.

– Вы даже не можете себе представить, как я рад, – подтвердил Линдрос.

– Добро пожаловать домой, Мартин. И я говорю это от всей души. Подтверждение намерений «Дуджи», которое тебе удалось раздобыть, просто не имеет цены.

– Да, сэр. Я уже начинаю разрабатывать подробный план противодействия террористам.

– Вот и отлично, – похвалил его директор. – Собери свою команду, Мартин, и сосредоточься на этом задании. До тех пор, пока не будет разрешен этот кризис, все управление работает на тебя. Отныне в твоем распоряжении неограниченный доступ ко всем ресурсам ЦРУ.

– Я выполню свою работу, сэр.

– Я на тебя надеюсь, Мартин, – сказал директор. – Ты сможешь рассказать мне о своих похождениях сегодня за ужином. Ровно в восемь.

– С нетерпением жду этой возможности, сэр.

Директор ЦРУ кашлянул.

– А теперь скажи, как ты собираешься поступить с Борном?

– Я вас не понимаю, сэр.

– Мартин, не пытайся вести со мной игры. Этот человек представляет для нас опасность, и мы оба это прекрасно понимаем.

– Сэр, Джейсон спас меня. Сомневаюсь, что это получилось бы у кого-то другого.

Старик пропустил слова Линдроса мимо ушей.

– Мы находимся в эпицентре общенационального кризиса небывалых масштабов. Меньше всего нам сейчас нужен вольный стрелок. Я хочу, чтобы ты избавился от Борна.

Развернувшись в кресле, Линдрос уставился в окно на серебристые струйки дождя. Он мысленно взял на заметку выяснить, не задерживается ли рейс Борна. Молчание затягивалось. Наконец Линдрос сказал:

– Пожалуйста, уточните подробнее.

– О, нет-нет, ничего такого не будет. В любом случае у этого сукиного сына девять жизней. – Директор ЦРУ помолчал. – Мне известно, что между вами образовалась какая-то связь, но она нездоровая. Поверь мне, я знаю, о чем говорю. Подумай только: три года назад мы похоронили Алекса Конклина. Находиться слишком близко к Борну опасно.

– Сэр…

– Если так тебе будет легче, Мартин, я дам тебе последнее испытание на преданность. От этого будет зависеть твоя дальнейшая работа в «Тифоне». Думаю, можно не напоминать, что тебе уже наступают на пятки. С этой минуты ты должен прекратить всякие сношения с Борном. Он не должен получать никакой информации ни от тебя, ни от кого бы то ни было еще – абсолютно никакой. Это понятно?

– Да, сэр. – Линдрос окончил разговор.

Взяв радиотелефон, он подошел к окну и прижался щекой к стеклу, ощущая его прохладу. Боль, проникающая до мозга костей, оставалась. Голова по-прежнему раскалывалась, о чем он ни словом не обмолвился врачам ЦРУ. Все это служило живым напоминанием о том, что ему пришлось перенести, о том, каким долгим был его путь сюда.

Набрав номер, Линдрос прижал трубку к уху.

– Рейс Борна вылетает без опозданий? – Он кивнул, выслушав ответ. – Хорошо. Он в здании международного аэропорта? У тебя есть визуальный контакт? Замечательно, возвращайся домой. Да, все в порядке.

Линдрос отключил телефон. Как бы ни стали развиваться события здесь, Борн находится на пути в Одессу.

Вернувшись за стол, Линдрос по внутреннему коммутатору попросил секретаршу немедленно устроить селекторное совещание со всеми сотрудниками «Тифона» за рубежом. Как только все было закончено, он включил громкоговорящую связь в зале совещаний, где по его распоряжению срочно собрался весь личный состав «Тифона». Линдрос обрисовал в общих чертах замысел террористов, рассказал о своих планах. Разделив всех на группы по четыре человека, он поставил задачи, к выполнению которых следовало приступить немедленно.

– В настоящий момент выполнение всех остальных операций приостанавливается, – сказал Линдрос. – Нашей главной и единственной задачей является разоблачение и уничтожение «Дуджи». До этого момента все отпуска отменяются. Ребята, привыкайте к этим стенам. Мы переходим на круглосуточный режим работы.

Убедившись, что его приказы выполняются как нужно, Линдрос отправился домой к Сорайе, чтобы выяснить, в чем заключается их конфликт с Лернером. В машине он раскрыл сотовый телефон и набрал номер в Одессе.

Услышав в трубке знакомый мужской голос, Линдрос сказал:

– Все готово. Борн прилетает завтра вечером в 16.40 по местному времени, рейсом из Мюнхена. – Проскочив светофор на красный свет, он повернул направо. До дома, где жила Сорайя, оставалось три квартала. – Как мы и говорили, ты будешь держать его на коротком поводке… Нет, я просто хочу убедиться в том, что ты не придумал экспромтом никаких изменений… Тогда все в порядке. Борн обязательно отыщет это кафе, потому что именно там, как он будет уверен, и находится ставка Лермонтова. Но прежде чем Борн успеет узнать правду, ты его убьешь.

Книга вторая

Глава 12

В Одессе есть одно кафе, одно из многих на берегу Черного моря. Видавшее виды, оно своим унылым серым цветом напоминает набегающие волны. Борн вскрывает замок и осторожно пробирается внутрь. Где тот человек, которого он нес на руках? Он этого не помнит, однако у него руки в крови. Борн чувствует нестерпимый запах смерти, нависшей над ним самим. Что произошло? Он никак не может в этом разобраться. Времени нет, нет! Где-то неумолимо тикают часы; ему нужно шевелиться.

Кафе, которое должна была наполнять кипучая жизнь, пустынно, словно кладбище. В задней части кухонька с окном, тускло освещенная трубками люминесцентных ламп. Борн замечает за стеклом какое-то движение и, пригнувшись, пробирается между ящиками бутылок с пивом и газированной водой, возвышающимися подобно колоннаде храма. Он видит силуэт человека, которого должен убить, который до сих пор делал все возможное, чтобы от него ускользнуть.

Все тщетно.

Борн собирается сделать последний шаг к жертве, когда движение слева вынуждает его развернуться. Из теней к нему приближается женщина – Мари! Но что она делает в Одессе? Каким образом она узнала, где он?

– Дорогой, – говорит Мари, – пойдем со мной. Уходим отсюда.

– Мари… – Прилив паники стискивает ему грудь. – Ты не должна быть здесь. Здесь слишком опасно.

– Дорогой, опасно было выходить за тебя замуж. Но меня это не остановило.

Звучит пронзительный стон, отражающийся гулким эхом в пустоте у Борна в голове.

– Но ты ведь умерла.

– Умерла? Да, наверное. – Ее красивое лицо на мгновение хмурится. – Почему тебя там не было, дорогой? Почему ты не защитил меня и детей? Я осталась бы в живых, если бы ты в тот момент не находился на противоположном конце земного шара, если бы ты не был вместе с ней.

– С ней? – Сердце Борна громко колотит в грудную клетку; паника нарастает по экспоненте.

– Ты мастерски умеешь обманывать всех, за исключением меня, дорогой.

– Что ты хочешь сказать?

– Взгляни на свои руки.

Борн с ужасом смотрит на кровь, засохшую в складках кожи на ладонях.

– Чья это кровь?

Он хочет – он должен получить ответ. Он поднимает взгляд, но Мари уже нет. Не осталось больше ничего, кроме зловещего света, который льется на пол, подобно крови из раны.

– Мари! – тихо окликает Борн. – Мари, не уходи от меня!

Вот уже какое-то время Мартин Линдрос в сопровождении отряда похитителей шел пешком. Сначала его везли по воздуху на вертолете, а затем, после непродолжительного ожидания, – на маленьком реактивном самолете, который по крайней мере один раз совершил посадку для дозаправки. Полной уверенности у Линдроса не было, потому что часть времени он проспал – то ли забывшись естественным сном, то ли благодаря снотворному. Впрочем, это не имело значения. Линдрос знал, что он покинул склоны Рас-Дашана, покинул северо-запад Эфиопии, покинул Африканский континент.

Джейсон. Что случилось с Джейсоном? Жив он или мертв? Очевидно, Джейсону не удалось найти его вовремя. Линдросу не хотелось думать, что его друг погиб. Он не поверил бы, даже если бы ему об этом сказал сам Фади. Линдрос слишком хорошо знал Борна. Его другу всегда удавалось найти способ разгрести свежий могильный холм и выбраться с того света. Джейсон жив, Линдрос был в этом уверен.

Однако он не мог не гадать, имеет ли это какое-то значение. Подозревает ли Джейсон, что место его друга занял Карим аль-Джамиль? Если обман удался, значит, даже если Джейсон остался в живых после стычки на Рас-Дашане, он прекратил поиски своего друга. Представив себе еще более жуткий сценарий развития событий, Линдрос ощутил, как его прошиб холодный пот. А что, если Джейсон отыскал Карима аль-Джамиля и привез его в штаб-квартиру ЦРУ? Боже всемогущий, неужели именно это и замышлял с самого начала Фади?

Маленький самолет попал в зону турбулентности, и Мартина Линдроса хорошенько встряхнуло. Чтобы хоть как-то удержаться, он прислонился к холодной вогнутой переборке. Затем ощупал повязку, которая закрывала половину лица. Под ней находилась развороченная яма, где когда-то был его правый глаз. Это уже вошло у Линдроса в привычку. Голова у него раскалывалась от невыносимой боли. Казалось, его глаз объят пламенем – вот только это уже был не его глаз. Теперь этот глаз принадлежал брату Фади, Кариму аль-Джамилю ибн Хамиду ибн Ашефу аль-Вахибу. Первое время от одной этой мысли Линдроса физически тошнило; он содрогался в рвотных позывах, частых и нестерпимых, словно юнец, обкурившийся марихуаной. Теперь у него просто ныло сердце.

Насилие, совершенное над его телом, удаление здорового органа и пересадка его другому человеку, пока сам он еще был жив, явилось

величайшим ужасом, оправиться от которого он не сможет до конца дней своих. Несколько раз, когда Линдрос на серебристой глади озера ловил радужную форель, у него мелькала мысль покончить с собой, однако в действительности он на ней не задерживался. Самоубийство – это удел трусов.

Кроме того, Линдросу очень хотелось жить, хотя бы для того, чтобы отомстить Фади и Кариму аль-Джамилю.

Борн вздрогнул, очнувшись от сна. Он огляделся вокруг, на мгновение совершенно сбитый с толку. Где он? Борн увидел шкафчик для одежды, ночной столик, занавески, не пропускающие свет. Безликая обстановка, грузная, голая. Гостиничный номер. Но где?

Соскользнув с кровати, Борн прошлепал босиком по вытертому ковру к окну и раздвинул плотные занавески. Внезапный ослепительный свет буквально ударил ему в лицо и грудь. Борн прищурился, защищая глаза от крошечных золотистых бликов, пляшущих на темно-серой воде. Черное море. Он в Одессе.

Одесса. Город являлся ему в кошмарных сновидениях или же эти образы всплыли из глубин памяти?

Борн отвернулся. Его сознание все еще было заполнено этим сном-воспоминанием, который, словно конфета-тянучка, растянулся и проник в это безоблачное солнечное утро. Мари в Одессе? Этого никогда не было! В таком случае что она делала в этом осколочном фрагменте памяти?..

Одесса!

Именно здесь родился этот осколок. Ему уже приходилось бывать здесь раньше. Он был направлен сюда, для того чтобы убить… кого-то. Но кого? Борн не имел понятия.

Усевшись на кровать, он потер глаза ладонями. У него в ушах все еще звучал голос Мари:

«Я осталась бы в живых, если бы ты в тот момент не находился на противоположном конце земного шара, если бы ты не был вместе с ней».

В ее голосе не было обвинения. Только печаль.

Какая разница, где он находился, чем занимался? Его не было рядом с Мари. Она позвонила ему, считая, что у нее простуда, только и всего. Затем был второй звонок, после которого он чуть не сошел с ума от горя. И чувства вины.

Он должен был находиться рядом со своей семьей, чтобы ее оберегать, точно так же, как он должен был находиться рядом со своей первой семьей, чтобы ее оберегать. История повторялась, если и не в точности, то достаточно близко, чтобы это стало трагедией. По иронии судьбы, отдалившись от места катастрофы в смысле километров, Борн при этом приблизился к черной пустоте внутри себя, оказавшись на самом ее краю. Заглянув вглубь, он ощутил это старое, сокрушительное отчаяние – необходимость наказать самого себя или наказать кого-то другого.

Борн чувствовал себя абсолютно одиноким. Для него это состояние было невыносимым: он словно покинул свою собственную оболочку, как это происходит во сне. Но только это был не сон, все это происходило с ним наяву. В который уже раз Борн задумывался над тем, не повлияли ли последние эмоциональные потрясения на его способность здраво рассуждать. Он не мог найти другого логического объяснения определенным аномалиям: тому, что он вывел Хирама Севика из тюрьмы ЦРУ, тому, что он проснулся здесь, в этой гостинице, не зная, где находится. Одно короткое, отчаянное мгновение ему казалось, что смерть Мари окончательно разорвала его на части, что тонкие нити, сдерживавшие воедино его многочисленные «я», лопнули. «Неужели я схожу с ума?»

Зазвонил его сотовый телефон.

– Джейсон, ты где? – Это была Сорайя Мор.

– В Одессе, – сдавленно промолвил он. Казалось, рот у него забит ватой.

Ее дыхание на мгновение сбилось. Затем:

– Во имя всего святого, что ты там делаешь?

– Меня направил сюда Линдрос. Я иду по следу, который он мне дал. Линдрос считает, что через некоего Лермонтова «Дуджа» получает финансирование. Федор Владиславович Лермонтов. Он связан с каким-то преступным картелем, скорее всего с наркотиками. Тебе это имя ничего не говорит?

– Ничего. Но я пороюсь в базе данных ЦРУ.

Сорайя вкратце рассказала про события в гостинице «Конститьюшен».

– Единственным действительно странным моментом является то, что был использован этот крайне редкий катализатор – дисульфид углерода. По словам моей подруги, ей еще ни разу не приходилось сталкиваться с этим соединением.

– Где оно применяется?

– В основном в производстве целлюлозы, тетрахлорида углерода, всевозможных веществ, в состав которых входит сера. Также оно используется при производстве фумигантов почвы и является флотационным реагентом при производстве минеральных удобрений. В прошлом оно входило в состав хладагентов и активных веществ огнетушителей. Моя подруга считает, что в данном случае дисульфид углерода был использован вследствие его низкой температуры возгорания.

Борн кивнул, глядя на неуклюже проплывающий мимо старый танкер, порожняком идущий из Стамбула.

– По сути дела, катализатор превратился во взрывчатку.

– И очень эффективную. Номер был практически полностью уничтожен. Там бушевала самая настоящая огненная буря. Нам повезло с накладкой на зубы, которая случайно уцелела, завалившись в слив ванны. Больше не осталось ничего ценного – даже останков, по которым можно было бы идентифицировать погибшего.

– И все же, похоже, удача впервые отвернулась от Фади, спрятавшись под ванну, – сухо заметил Борн.

Сорайя рассмеялась.

– Меня очень заинтересовал этот след, ведущий к Лермонтову. Я тут подумала, что хотя в Штатах производство старых огнетушителей и холодильников запрещено, они еще остаются в строю в других местах, например в Восточной Европе и в частности на Украине, в Одессе.

– Эту мысль следует проверить, – согласился Борн, оканчивая разговор.

Хотя был уже час ночи, Мартин Линдрос сидел за компьютером и вводил информацию. ЦРУ все еще жило в соответствии с кодом «Скала». Вследствие чрезвычайного положения были отменены все отпуска. Сон превратился в непозволительную роскошь.

Послышался тихий стук в дверь, и Сорайя, просунув голову в кабинет, вопросительно посмотрела на Линдроса. Тот поманил ее рукой, и молодая женщина закрыла за собой дверь. Усевшись напротив Линдроса, она положила на письменный стол какой-то предмет.

– Что это такое? – спросил Линдрос.

– Накладка на зубы. Ко мне обратилась моя подруга, она специалист по поджогам из отдела расследования пожаров. – Сорайя уже рассказала шефу о том, что произошло в гостинице «Конститьюшен». – Исследуя номер люкс братьев Сильверов, подруга обнаружила кое-что

непонятное. Вот это. Такие накладки используются для того, чтобы изменить внешность.

Линдрос задумчиво взял накладку.

– Да, припоминаю, Джейсон показывал мне что-то в таком духе. Такая штука позволяет здорово изменить лицо.

Сорайя кивнула.

– Таким образом, у нас достаточно улик, чтобы заключить, что под личиной Якова Сильвера на самом деле скрывался Фади, его так называемым братом был другой террорист, и именно они устроили пожар.

– Но, по-моему, в номере был обнаружен обгоревший труп, так? Разве это не один из Сильверов?

– На первый вопрос ответ «да», на второй – «нет». По всей вероятности, это труп официанта-пакистанца. А ни одного из Сильверов к моменту возгорания в номере уже не было.

– Дьявольская изобретательность, – задумчиво произнес Линдрос, вращая накладку в руках. – Однако теперь нам от этого нет никакого толка.

– Напротив. – Сорайя забрала накладку. – Я собираюсь выяснить, кто ее изготовил.

Линдрос погрузился в размышления.

– Меньше часа назад я разговаривала с Борном, – продолжала Сорайя.

– Вот как?

– Он попросил меня раскопать все возможное о некоем наркоторговце по имени Федор Владиславович Лермонтов.

Опустив локти на стол, Линдрос сплел пальцы. Если не обуздать ситуацию немедленно, она стремительно вырвется из-под контроля. Стараясь сохранить свой голос нейтральным, Линдрос спросил:

– И что тебе удалось обнаружить?

– Пока что ничего. Я хотела сначала рассказать вам о накладке.

– Ты правильно поступила.

– Благодарю вас, босс. – Молодая женщина встала. – Ну а теперь меня ждут долгие часы перед экраном компьютера.

– Забудь об этом Лермонтове. Я ничего не смог найти на сукиного сына. Кто бы такой он ни был, ему удалось надежно спрятаться. Именно такой человек и может выполнять функцию казначея «Дуджи». – Линдрос уже отвернулся к экрану компьютера. – Я хочу, чтобы ты вылетела в Одессу ближайшим рейсом. Мне нужно, чтобы ты прикрывала Борна.

Сорайя не смогла скрыть удивление.

– Ему это не понравится.

– А от него это и не требуется, – кратко ответил Линдрос.

Сорайя протянула было руку к накладке, но Линдрос быстро сгреб ее к себе.

– Этим я займусь сам.

– Сэр, простите, но, по-моему, у вас и без этого забот по горло.

Линдрос всмотрелся ей в лицо.

– Сорайя, я хотел лично сообщить тебе эту неприятную новость. У нас в «Тифоне» был предатель.

Он с удовлетворением отметил, что она сделала резкий вдох. Выдвинув ящик стола, Линдрос достал заранее приготовленную тонкую папку.

Взяв папку, Сорайя ее раскрыла. Как только она начала читать, ее глаза затуманились слезами. Речь шла о Тиме Хитнере. В конце концов Борн оказался прав. Это Хитнер работал на «Дуджу».

Молодая женщина подняла взгляд на Линдроса.

– Почему?

Тот пожал плечами:

– Деньги. Здесь все это есть. Электронный след к счету в банке на Каймановых островах. Хитнер ведь родился в полной нищете, не так ли? Его отцу требуется длительное дорогостоящее лечение, которое не покрывается страховкой, ведь так? У матери денег нет. У каждого из нас есть свои слабости, Сорайя. Даже у наших лучших друзей. – Линдрос забрал у нее папку. – Забудь о Хитнере, это уже вчерашний день. Тебя ждет работа. Мне нужно, чтобы ты немедленно отправилась в Одессу.

Услышав, как захлопнулась дверь, Линдрос обернулся, словно мог видеть уходящую Сорайю. «Да, действительно, – подумал он. – Когда ты попадешь в Одессу, тебя убьют, прежде чем ты успеешь выяснить, кто изготовил эту накладку».

Глава 13

Борн поселился в гостинице «Лондонская», чье помпезное огромное здание располагалось у самой набережной, прямо напротив пассажирского морского порта, откуда регулярно отходили паромы. С тех пор как Борн был здесь в последний раз, рядом с причалом взметнулось ввысь стройное ультрасовременное здание гостиницы «Одесса». На взгляд Борна, здесь оно выглядело совершенно не к месту, подобно шикарному костюму от «Дольче и Габбана» на бездомном бродяге.

Побрившись, приняв душ и одевшись, Борн спустился в просторный сонный вестибюль, разукрашенный, словно пасхальный женский чепчик начала девятнадцатого столетия, от массивной старинной мебели, обитой вытертым бархатом, до обоев в цветочек на стенах.

Он позавтракал в окружении пышущих здоровьем бизнесменов в залитой солнцем столовой, выходящей на причал. В воздухе стоял запах подгорелого масла и пива. Когда официант принес счет, Борн спросил:

– Где здесь можно развлечься в это время года?

Он говорил по-русски. Хотя Одесса и находится на Украине, единственным языком здешнего общения является русский.

– «Ибица» уже закрылась, – задумчиво произнес официант, – как и все клубы в Аркадии. – Аркадией назывался элитный приморский район; летом набережные были заполнены молодыми женщинами легкого поведения и мужчинами, высматривающими добычу. – Все зависит от того, кого вы предпочитаете – девочек или мальчиков.

– Ни то ни другое, – ответил Борн. Приставив кончик указательного пальца к носу, он шумно вдохнул.

– А, эта торговля процветает круглый год, – усмехнулся официант, тощий, сутулый, преждевременно состарившийся мужчина. – И много вам нужно?

– Столько ты не сможешь достать. Я занимаюсь оптом.

– Так это же совершенно другое дело, – осторожно произнес официант.

– Вот все, что тебе нужно знать. – Борн положил на стол пачку американских долларов.

Официант мгновенно смахнул их в карман.

– Знаете Привоз? Это рынок.

– Найду.

– Ряд, где торгуют яйцами, третье место от восточной стороны. Скажете Евгению Федоровичу, что вам нужны коричневые яйца, и только коричневые.

Гостиница «Лондонская», как и вся старая Одесса, построена в неоклассическом стиле, из чего следует, что во всем чувствуется дыхание Франции. И едва ли стоит этому удивляться, поскольку одним из отцов-основателей Одессы был герцог де Ришелье, бывший главным архитектором города на протяжении одиннадцати лет в начале девятнадцатого века, когда он занимал должность сначала одесского градоначальника, а затем генерал-губернатора Новороссийского края. Великий русский поэт Александр Пушкин, живший в Одессе в ссылке, как-то сказал про город, что «там все Европой дышит, веет».

Выйдя на тенистую, обсаженную липами Приморскую улицу, Борн тотчас же столкнулся с промозглым, сырым ветром, который хлестнул ему в лицо, обжигая щеки. На юге, далеко над морем, низко висели черные тучи, поливая покрытые «гусиной кожей» волны ледяным дождем.

Соленый привкус ветра с захватывающей дух стремительностью принес воспоминания. Ночь в Одессе, кровь на руках, человеческая жизнь, качающаяся на весах, отчаянные поиски цели, которые привели в то самое кафе, где он наконец ее обнаружил.

Отвернувшись от моря, Борн бросил взгляд на перечеркнутые полосами террас холмы, защищающие изогнувшуюся полумесяцем бухту. Сверившись с планом города, полученным у древнего старика, администратора гостиницы, он заскочил на ходу в проезжавший мимо трамвай, идущий до железнодорожного вокзала, расположенного на Итальянском бульваре.

Рынок Привоз, находившийся в двух шагах от вокзала, представлял собой огромное скопление всевозможной продукции сельского хозяйства, собранное под ржавой железной крышей. Торговые места располагались за бетонными блоками высотой по пояс, напомнившими Борну антитеррористические блокпосты в Вашингтоне. Со всех сторон рынок был окружен лачугами, палатками и просто раскладушками. Крестьяне приезжали не только из окрестных сел, но и издалека, и те, кому приходилось проделать долгий путь, как правило, оставались здесь на ночь.

Внутри царило буйство звуков, запахов и криков на разных языках: искаженном русском, украинском, румынском, идише, грузинском, армянском, турецком. Аромат сыра смешивался с запахом свежего мяса, корнеплодов, острых специй и ощипанной птицы. Здоровенные женщины, при виде которых Борн подумал о центральных защитниках американского футбола, в изъеденных молью кофточках и платках на

голове торговали цыплятами, индейкой, поросятами. Для непосвященных рынок представлял собой абсолютно запутанное столпотворение прилавков, к которым прижимались своими внушительными животами орды дородных продавцов.

Несколько раз уточнив дорогу, Борн наконец пробрался через толчею и гам в ряд, где торговали яйцами. Сориентировавшись, он прошел к третьему месту с восточной стороны, разумеется окруженному плотной толпой. Краснолицая женщина и грузный мужчина, предположительно Евгений Федорович, оживленно обменивали яйца на деньги. Борн встал в очередь к мужчине и, подойдя к прилавку, спросил:

– Это вы Евгений Федорович?

Мужчина подозрительно прищурился на него:

– А кому он нужен?

– Я ищу коричневые яйца, только коричневые. Мне сказали прийти сюда и спросить Евгения Федоровича.

Крякнув, Евгений Федорович обернулся и что-то сказал своей напарнице. Та кивнула, не отрываясь от размеренного ритма укладки яиц в пакеты и запихивания денег в наружный карман фартука.

– Сюда, – указал кивком Евгений.

Надев поношенное пальто, он вышел из-за бетонного барьера и повел Борна к восточному выходу с рынка. Они пересекли Среднефонтанскую улицу и попали на площадь Куликова Поля. Небо стало белым, как будто огромное облако, спустившись с небес, накрыло город пологом. О таком освещении, плоском и без теней, мечтают фотографы. Оно позволяет различить мельчайшие детали.

– Как видите, эта площадь сохранила советский дух, очень мерзкий, древний, но в плохом смысле слова, – с иронией произнес Евгений Федорович. – И все же она служит нам добрую службу: не дает забыть прошлое, голод и репрессии. – Он остановился у подножия десятиметровой статуи. – Мое излюбленное место для совершения сделок – у ног Ленина. Раньше здесь толклись коммунисты. – Его мясистые плечи поднялись и опустились. – Разве можно найти местечко удобнее, а? Теперь Ленин присматривает за мной, подобно незаконнорожденному святому, которого, насколько я понимаю, низвергли в самый низший огненный круг ада.

Он снова прищурился. От него пахло, как от новорожденного – свернувшимся молоком и сахаром. Его сросшиеся брови топорщились во все стороны, подобно старой железной щетке.

– Значит, вам нужны коричневые яйца.

– В большом количестве, – подтвердил Борн. – И постоянными партиями.

– Вот как? – Устроив свой грузный зад на каменной плите в основании памятника Ленину, Евгений вытряхнул из пачки черную турецкую сигарету без фильтра. Неторопливо закурив ее, словно совершив торжественное священнодействие, он втянул в легкие дым и оставил сигарету в зубах, точно хиппи, наслаждающийся самокруткой с марихуаной. – Откуда мне знать, что вы не из Интерпола? – с тихим присвистом Евгений выпустил дым. – Или не тайный сотрудник СБУ? – Он имел в виду Службу безопасности Украины.

– Потому что я вам так говорю.

Евгений рассмеялся.

– Знаете, что самое смешное в нашем городе? Он стоит на самом берегу Черного моря, но в нем всегда не хватает питьевой воды. Само по себе это не так уж интересно, однако именно благодаря этому Одесса получила свое название. При дворе императрицы Екатерины Великой говорили по-французски, и какой-то шутник предложил ей назвать город Одессой, потому что, видите ли, так звучит французская фраза «assez d'eau», произнесенная задом наперед. «Достаточно воды», понимаете? Вот какую долбаную шутку сыграли с нами французы.

– Если вы завершили этот краткий исторический экскурс, – сказал Борн, – мне бы хотелось встретиться с Лермонтовым.

Прищурившись, Евгений посмотрел на него сквозь облачко едкого дыма.

– С кем?

– С Федором Владиславовичем Лермонтовым. Однофамильцем вашего великого поэта. Именно ему принадлежит здесь вся торговля.

Вздрогнув, Евгений поднялся с пьедестала, глядя мимо Борна. Затем он двинулся вокруг памятника.

Не оборачиваясь, Борн краем глаза увидел мужчину, который выгуливал крупного бульдога. Собака повела мордой, уставившись на Евгения желтыми глазами, словно почувствовав его страх.

Когда они оказались позади Ленина, Евгений сказал:

– Итак, на чем мы остановились?

– На Лермонтове, – сказал Борн. – На твоем боссе.

– Вы не просветите меня, кто это такой?

– Если ты работаешь на кого-то другого, так и скажи, – отрезал Борн. – Мне нужен Лермонтов.

Борн чувствовал, что к нему подкрадываются сзади, но продолжал стоять не шелохнувшись. И лишь когда ему под правое ухо вжалось жесткое дуло пистолета, он вздрогнул.

– Познакомьтесь с Богданом Ильичом. – Шагнув вперед, Евгений Федорович расстегнул пальто Борна. – Ну а теперь мы узнаем всю правду, tovarich. – С минимальным усилием его пальцы выдернули из внутреннего кармана бумажник и паспорт.

Отступив назад, Евгений сначала раскрыл паспорт.

– Значит, вы у нас молдаванин, так? Некий Ильяс Вода. – Он внимательно изучил фотографию. – Да, он самый, тут все чисто. – Он перелистнул страницу. – Приехали сюда прямиком из Бухареста.

– Я представляю интересы наших румынских коллег, – объяснил Борн.

Евгений Федорович, порывшись в бумажнике, вытащил три других удостоверения, в том числе водительские права и лицензию на совершение импортно-экспортных операций. Борн отметил, что это был очень тонкий шаг. Надо будет по возвращении поблагодарить Дерона.

Наконец Евгений вернул ему бумажник и паспорт. Не отрывая от Борна взгляда, он достал сотовый телефон и набрал местный номер.

– Новое дело, – лаконично произнес он. – Некий Ильяс Вода, по его словам, представляющий интересы румынских коллег. – Прикрыв рукой телефон, он обратился к Борну: – Сколько?

– Это Лермонтов?

Лицо Евгения потемнело.

– *Сколько?*

– Сто килограммов, прямо сейчас.

Евгений, будто зачарованный, смотрел на него.

– Вдвое больше в следующем месяце, если все пройдет нормально.

Отступив в сторону, Евгений повернулся к Борну спиной и снова заговорил по сотовому. Через какое-то время он обернулся. Телефон уже был убран в карман.

Едва уловимое движение головой – и Богдан Ильич отнял пистолет от головы Борна и спрятал его за пазухой длинного шерстяного пальто,

хлеставшего по лодыжкам. Это был мужчина с бычьей шеей и иссиня-черными волосами, зализанными справа налево в прическе, отдаленно напоминающей ту, которую любил Гитлер. Его глаза были похожи на агаты, мрачно сверкающие на дне колодца.

– Завтра ночью.

Борн посмотрел на него в упор. Ему хотелось поскорее покончить с делом; времени было в обрез. Каждый день, каждый час приближают Фади и его группировку к обладанию ядерным оружием. Однако на лице Евгения Федоровича Борн увидел холодную невозмутимость опытного профессионала. Настаивать на том, чтобы встретиться с Лермонтовым раньше, бесполезно. Это испытание. Борн понимал, что Лермонтов хочет понаблюдать за ним какое-то время, прежде чем даровать аудиенцию. Упрямиться будет более чем глупо, этим он только продемонстрирует свою слабость.

– Назовите время и место, – сказал Борн.

– После ужина. Будь готов. Тебе позвонят в номер. Гостиница «Лондонская», так?

Борн понял, что тут не обошлось без официанта, который вывел его на Евгения.

– В таком случае, насколько я понимаю, можно не говорить, в каком номере я остановился.

– Ты совершенно прав.

Евгений Федорович протянул руку. Когда Борн ее пожимал, он сказал:

– Gaspadin Вода, желаю вам удачи в вашем нелегком деле. – Он не сразу выпустил руку Борна из своих крепких тисков. – Теперь ты вошел в нашу сферу. Ты или друг, или враг. Прошу тебя уяснить следующее: если ты попытаешься с кем-то связаться, любым способом, по какому бы то ни было поводу, ты враг. И второго шанса у тебя не будет. – Его губы растянулись в ухмылке, обнажающей желтые зубы. – После такого предательства живым ты Одессу не покинешь, это я тебе обещаю.

Глава 14

Мартин Линдрос с двумя папками в руках направлялся в кабинет Старика, отвечая на срочный вызов. Тут у него зазвонил сотовый телефон. Это была Анна Хельд.

– Добрый день, мистер Линдрос. Произошли изменения. Директор ЦРУ ждет вас в «тоннеле».

– Благодарю вас, Анна.

Окончив разговор, Линдрос сел в лифт и нажал кнопку вниз. «Тоннелем» назывался подземный гараж, где стояли служебные машины управления. Обслуживали их механики специального сервисного центра и обязательно под наблюдением вооруженных агентов в бронежилетах.

Спустившись в подвал, Линдрос предъявил свое удостоверение дежурному охраннику. «Тоннель» представлял собой огромный бункер из особо прочного железобетона, способного защитить от пожара и прямого попадания бомбы. На улицу вел лишь один пандус, который при необходимости мгновенно перекрывался с обеих сторон. Бронированный «Линкольн»-лимузин Старика глухо ворчал двигателем, задняя дверь была открыта. Пригнувшись, Линдрос забрался в салон и сел рядом с директором на сиденье, обтянутое мягкой замшей. Дверь закрылась автоматически, щелкнул электронный замок. Водитель и сидящий рядом с ним охранник поздоровались с Линдросом, после чего стеклянная перегородка поднялась, изолировав пассажиров в просторном заднем отсеке. Задние стекла были обработаны специальным покрытием, которое не позволяло заглянуть внутрь, но давало возможность пассажирам смотреть наружу.

– Ты принес оба досье?

– Да. – Кивнув, Линдрос протянул две папки.

– Отлично сработано, Мартин. – Старик сморщил лицо. – Меня вызывает ПРЕСША. – Аббревиатурой «ПРЕСША» в высшем руководстве правоохранительных органов называли президента Соединенных Штатов. – Судя по тому, что мы имеем дело как с внутренним, так и с внешним кризисом, разговор предстоит очень неприятный.

Как выяснилось, разговор действительно получился крайне неприятным. Во-первых, Старика провели не в Овальный кабинет, а в военный штаб, расположенный в трех уровнях под землей. Во-вторых, президент был не один. Вокруг овального стола, стоявшего посреди помещения с прочными бетонными стенами, сидели шесть человек. Единственным освещением было сияние огромных экранов, мерцавших на всех четырех стенах, на которых головокружительной чехардой сменялись изображения военных баз, разведывательных самолетов, выполняющих задание, и электронного моделирования войн.

Некоторых из присутствующих Старик знал, остальных ему представил президент. Если брать слева направо, первым сидел Лютер Лаваль, всемогущий повелитель военной разведки, крупный, коренастый мужчина с высоким покатым лбом, иссеченным морщинами, и редким ежиком серо-стальных волос. Сидящего слева от него президент представил как Джона Мюэллера, высокопоставленного сотрудника

Управления внутренней безопасности, молчаливого угрюмого типа со сверлящим насквозь взглядом, в котором директор ЦРУ сразу же почувствовал для себя угрозу. Его сосед не нуждался в представлении: Бад Хэллидей, министр обороны. Затем сидел сам президент, невысокий, безукоризненно опрятный мужчина с серебристо-седыми волосами, открытым лицом и острым умом. Следующим был советник по вопросам национальной безопасности, темноволосый щуплый мужчина с беспокойными очень светлыми глазами, по мнению Старика похожий на большую крысу. Замыкал круг мужчина в очках, по фамилии Гундарссон, работающий в Международном агентстве по атомной энергетике.

– Итак, все собрались, – без обычного вступления начал президент, – и можно перейти прямо к делу. – Его взгляд остановился на директоре ЦРУ. – Мы столкнулись с полномасштабным кризисом. Все уже вкратце знакомы с положением дел, однако, поскольку ситуация постоянно меняется, Курт, вы не могли бы ввести нас в курс самых последних событий?

Кивнув, Старик открыл папку с досье на «Дуджу».

– Возвращение заместителя директора Линдроса добавило новую информацию о действиях террористов, а также значительно повысило моральный дух сотрудников нашего управления. Теперь у нас есть подтверждение того, что отряд «Дуджи» находился в горах Сымен на северо-западе Эфиопии, где занимался транспортировкой не только ВИРов, необходимых для подрыва ядерного устройства, но и урана. Изучая активность телефонных переговоров членов «Дуджи», мы начинаем сужать кольцо вокруг того места, где, по нашим предположениям, террористы осуществляют обогащение урана.

– Замечательно, – вставил Лаваль. – Как только вы получите достоверные координаты, мы осуществим хирургически точный авианалет и разбомбим сукиных сынов к такой-то матери.

– Господин директор, – заговорил Гундарссон, – с какой определенностью можно говорить о том, что «Дуджа» обладает возможностью получать обогащенный уран? В конце концов, для этого требуются не только соответствующие технологии, но и огромное производство, в состав которого входят, помимо всего прочего, тысячи центрифуг, необходимых для получения обогащенного урана в количестве, достаточном для создания одного-единственного ядерного устройства.

– Пока полной определенности нет, – резко ответил директор, – но у нас есть свидетельства заместителя директора Линдроса и того сотрудника, который вызволил его из плена, что «Дуджа» переправляет и уран, и ВИРы.

– Все это очень хорошо, – снова заговорил Лаваль, – но нам прекрасно известно, что желтый уран достать проще простого и стоит он гроши. При этом от него еще очень долгий путь до создания атомной бомбы.

– Согласен. Вся беда в том, что остаточная радиация, обнаруженная на месте, позволяет предположить, что террористы переправляют порошок диоксида урана, – возразил директор. – В отличие от желтого урана, от UO_2 до урана, пригодного для производства ядерной бомбы, всего один шаг. Превратить оксид в чистый металл можно в любой приличной лаборатории. Как следствие, мы должны очень серьезно относиться к замыслам «Дуджи».

– Если только все это не тщательно спланированная дезинформация, – упрямо возразил Лаваль. Этот человек нередко использовал свою неоспоримую власть, для того чтобы гладить оппонентов против шерсти. Что хуже, судя по всему, он получал от этого удовольствие.

Гундарссон высокопарно кашлянул.

– Лично я согласен с директором ЦРУ. Одна мысль о том, что террористическая группировка располагает двуокисью урана, вселяет ужас. Когда речь заходит о возможности прямой угрозы применения ядерного устройства, от такой информации отмахиваться просто так нельзя. – Раскрыв стоящий у ног чемоданчик, он достал пачку листов и раздал их всем присутствующим. – Ядерное устройство, идет ли речь о так называемой «грязной бомбе» или же о настоящей атомной бомбе, имеет определенные размеры, характеристики, и в его состав обязательно входят некоторые неотъемлемые компоненты. Я взял на себя смелость набросать список, а также сделать подробные рисунки, на которых указаны размеры, характеристики и отличительные признаки, по которым такое устройство можно узнать. Я бы предложил раздать все это сотрудникам всех правоохранительных органов крупных американских городов.

Президент кивнул.

– Курт, пожалуйста, займитесь этим.

– Будет исполнено, сэр, – ответил директор ЦРУ.

– Одну минуточку, господин директор, – вмешался Лаваль. – Мне бы хотелось вернуться к тому второму сотруднику, про которого вы упомянули. Насколько я понимаю, речь идет о Джейсоне Борне. Он ведь имел самое непосредственное отношение к побегу задержанного террориста. Именно Борн вывел арестованного из тюрьмы, не имея на то специального разрешения, так?

– Мистер Лаваль, это внутреннее дело нашего управления.

– Полагаю, что по крайней мере в этих стенах необходимость быть предельно откровенным должна перевешивать любые межведомственные распри, – возразил главный разведчик Пентагона. – Лично я с большим сомнением отношусь ко всему сказанному Борном.

– Помнится, господин директор, в прошлом у вас уже были с ним неприятности? – Это заговорил министр обороны Хэллидей.

Казалось, что директор ЦРУ пребывает в полусонном состоянии. На самом же деле его мозг работал на полной скорости. Он понял, что наконец наступает тот самый момент, которого он ждал. Он подвергся тщательно скоординированной атаке.

– И что с того?

Хэллидей хищно усмехнулся.

– При всем своем уважении, господин директор, должен напомнить, что этот человек мешает вашему ведомству, правительственным органам, всем нам. Он позволил опасному подозреваемому бежать из тюрьмы ЦРУ, при этом подвергнув смертельной угрозе жизнь не могу даже сказать скольких простых граждан. Я считаю, что с ним нужно разобраться, и чем скорее, тем лучше.

Директор ЦРУ отмахнулся от гневной тирады министра обороны.

– Мистер президент, мы не могли бы вернуться к насущным проблемам? «Дуджа»...

– Министр обороны Хэллидей прав, – поддержал своего босса Лаваль. – Мы ведем с террористами беспощадную войну. Нельзя допускать, чтобы один из руководителей «Дуджи» ускользал из наших рук. А в данном случае произошло именно это, так что будьте добры, расскажите нам, какие шаги предприняло ваше ведомство в отношении Джейсона Борна.

– Мистер Лаваль абсолютно прав, господин директор, – тоном слащавой техасской имитации Линдона Джонсона подхватил Хэллидей. – Инцидент на Арлингтонском мемориальном мосту, произошедший на глазах широкой общественности, оставил нам синяк под глазом, при этом подняв моральный дух наших врагов именно сейчас, когда этого ни в коем случае нельзя допустить. А если добавить к этому гибель одного из ваших сотрудников... – Он щелкнул пальцами. – Как там его?

– Тимоти Хитнера, – подсказал директор ЦРУ.

– Совершенно верно, Хитнера, – продолжал министр обороны, словно подтверждая ответ своего оппонента. – При всем своем уважении, господин директор, на вашем месте я бы всерьез забеспокоился по поводу проблем внутренней безопасности.

Именно этого и ждал Старик. Он раскрыл вторую папку, полученную от Мартина Линдроса, тонкую.

– На самом деле мы как раз завершили внутреннее расследование тех самых вопросов, о которых вы сейчас упомянули, господин министр. И вот наши бесспорные заключения. – Он толкнул верхнюю страницу по столу, следя за тем, как Хэллидей осторожно ее берет.

– Пока министр обороны читает, для остальных вкратце изложу наши выводы. – Сплетя пальцы, директор подался вперед, словно профессор, обращающийся к своим студентам. – Мы обнаружили, что в недрах управления действовал предатель. Его имя? Тимоти Хитнер. Именно Хитнер принял звонок Сорайи Мор, в котором та сообщила, что подозреваемого выводят из камеры. Именно Тимоти Хитнер предупредил сообщников задержанного, позволив им подготовить побег. К несчастью для него, пуля, предназначавшаяся мисс Мор, досталась ему, и он умер на месте.

Директор ЦРУ обвел взглядом лица собравшихся.

– Как я уже говорил, вопросы нашей внутренней безопасности находятся под полным контролем. Так что теперь мы можем полностью сосредоточить свое внимание на главном: остановить «Дуджу» и отдать террористов в руки правосудия.

Он посмотрел на министра обороны и на мгновение задержал на нем взгляд. У него не вызывало сомнений, что именно с этой стороны исходил удар. Его уже давно предостерегали, что Хэллидей и Лаваль жаждут прибрать к своим рукам сферу деятельности, традиционно принадлежавшую ЦРУ. Вот почему он стал распространять о себе слухи. На протяжении последних шести месяцев, во время встреч на Капитолийском холме, на обедах и ужинах с коллегами и соперниками, директор ЦРУ постоянно разыгрывал тщательно спланированный спектакль, изображая рассеянность, депрессию, кратковременные провалы памяти. Целью его было создать впечатление, что начинает сказываться возраст, что он уже не тот, каким был прежде. Что наконец он стал уязвим перед политическими интригами.

Директор надеялся, что своей игрой он заставит заговорщиков выйти из тени. Однако сейчас его сильно встревожил один момент: почему президент не вмешался, не защитил его от нападок? Неужели он сыграл свою роль слишком хорошо? Неужели заговорщикам удалось убедить президента в том, что он больше не может эффективно руководить ЦРУ?

Звонок раздался ровно в двенадцать минут пополуночи. Сняв трубку, Борн услышал мужской голос, назвавший перекресток в трех кварталах от гостиницы. Схватив пальто, он вышел из номера.

Ночь выдалась теплой, с моря дул легкий ветерок. Время от времени на луну в три четверти набегало прозрачное облачко. Сама луна была просто великолепная: очень белая, очень отчетливая, словно в окуляре телескопа.

Борн остановился на углу, засунув руки в карманы. В течение полутора суток, прошедших после встречи с Евгением, он только и делал, что слонялся по городу, любуясь достопримечательностями. Борн постоянно был в движении; это давало ему возможность проверить, кто за ним следит, сколько их, как часто они меняются. Он запомнил лица своих преследователей и теперь при необходимости мог их узнать в толпе из ста, из тысячи человек. Кроме того, у него было достаточно времени понаблюдать за их тактикой, за их привычками. И сейчас он мог скопировать любого из них. С другим лицом Борн запросто сошел бы за одного из них. Но для того, чтобы изменить лицо, требовалось время, а времени было в обрез. Борна беспокоило только одно. Бывали моменты, когда он был уверен в том, что преследователей рядом нет – или у них был пересменок, или он сам от скуки, чтобы убить время, ускользал от них. Однако и в эти интервалы животные инстинкты, отточенные на камне и стали, говорили, что за ним следит кто-то еще. Но кто? Один из телохранителей Лермонтова? Борн не знал, поскольку ему ни разу не удалось даже мельком увидеть своего преследователя.

У него за спиной раздалось гортанное ворчание дизельного двигателя. Борн даже не обернулся. Жутко визжа тормозами, рядом остановился микроавтобус, следующий по определенному маршруту, – так называемое «маршрутное такси». Дверь открылась, и Борн забрался внутрь.

Первым, что он там увидел, были агатовые глаза Богдана Ильича. Борн понял, что лучше не спрашивать, куда они направляются.

Маршрутка высадила их в начале Французского бульвара. Они пошли по брусчатке между раскидистыми акациями, которые так живо сохранились у Борна в памяти. Неподалеку находилась станция канатной дороги, спускающейся прямо к берегу. Борн уже бывал здесь, он был в этом уверен.

Богдан направился к станции. Борн уже готов был последовать за ним, но тут шестое чувство подсказало ему обернуться. Он отметил, что маршрутка не уехала. Водитель сидел, склонившись вперед, прижимая к уху сотовый телефон. Его взгляд метался по сторонам, не задерживаясь ни на Борне, ни на Богдане.

Канатная дорога, подобная тем, какие бывают в парках развлечений, состояла из ярких двухместных гондол, висящих на натянутом над головой скрипучем тросе. Трос проходил высоко над крутым склоном, заросшим деревьями и густым кустарником, сквозь который петляли

дорожки, и спускался на пляж Отрада. В разгар лета пляж был бы заполнен бронзовыми от загара купающимися, но в это время года, в это время суток сырой песок, обдуваемый холодным ветром со стороны моря, оставался пустынным. Перевесившись через железное ограждение, Борн разглядел в лунном свете крупного бульдога, резвящегося в бледно-зеленой пене прибоя; хозяин, щуплый мужчина в надвинутой на лоб широкополой шляпе, засунув руки в огромные карманы просторного твидового пальто, прогуливался вдоль берега. Порыв ветра донес обрывок примитивной мелодии русской поп-песни, которая так же неожиданно смолкла.

– Развернись. Руки на уровне плеч, – приказал Богдан.

Борн повиновался. Огромные руки украинца ощупали его, ища оружие или записывающее устройство, которое могло бы обличить Лермонтова. Удовлетворившись, Богдан буркнул что-то невнятное и отступил назад. Он закурил; его глаза оставались пустыми.

Когда они уже заходили на станцию канатной дороги, Борн увидел подъехавшую черную машину. Из нее вышли четверо. Судя по виду, бизнесмены, одетые в дешевые костюмы восточноевропейского производства. Вот только в таком облачении все четверо чувствовали себя неуютно. Оглядевшись по сторонам, они принялись зевать и потягиваться, затем снова огляделись по сторонам, при этом каждый задержал взгляд на Борне. Тот ощутил еще один электрический разряд, посланный памятью. И это все тоже когда-то происходило с ним.

Один из бизнесменов, достав цифровой фотоаппарат, начал щелкать своих приятелей. Замигала вспышка, послышались громкие, неестественно веселые голоса.

Пока бизнесмены изображали из себя туристов, Борн и Богдан ждали, когда ярко-красная гондола доползет до бетонной площадки. Борн стоял к бизнесменам спиной.

– Богдан Ильич, за нами следят.

– Разумеется, следят. Удивляет лишь то, что ты об этом заговорил.

– Почему?

– Ты принимаешь меня за дурака? – Выхватив «маузер», Богдан небрежно навел его на Борна. – Это твои люди. Мы тебя предупреждали. Второго шанса не будет. Гондола подъехала. Садись, tovarich. Когда мы будем проезжать над лесом, я тебя убью.

В 17.33 директор ЦРУ находился в библиотеке, где и нашел его Лернер. Библиотека представляла собой просторное, почти квадратное

помещение с высоким потолком. Однако книг здесь не было. Ни одного тома. Все до одной крупицы информации относительно стратегии и тактики работы ЦРУ – одним словом, совокупная мудрость всех поколений сотрудников управления – в оцифрованном виде хранились на гигантских жестких дисках, подключенных к специальному серверу. Вдоль стен были расставлены шестнадцать компьютерных терминалов.

Старик запросил досье на Абу Сарифа Хамида ибн Ашефа аль-Вахиба. Эта операция, разработанная Алексом Конклином, насколько было известно директору ЦРУ, осталась единственной, которую не смог осуществить Борн. Хамиду ибн Ашефу принадлежал международный конгломерат, занимающийся нефтепереработкой, нефтехимическим производством, добычей железной и медной руды, серебра, выплавкой стали и так далее. Правление компании «Интегрейтед вертикал текнолоджис» располагалось в Лондоне, куда уроженец Саудовской Аравии перебрался, женившись во второй раз, на Холли Каргилл, англичанке из высших слоев общества, которая родила ему двух сыновей и дочь.

ЦРУ, а точнее Алекс Конклин, взяло Хамида ибн Ашефа на прицел. В определенный момент Конклин направил Борна устранить саудовского магната. Борн выследил Хамида ибн Ашефа в Одессе, но возникли осложнения. Борн стрелял в него, но только ранил. Хэмид ибн Ашеф, располагая густой сетью подручных, залег на дно; Борну с огромным трудом удалось выбраться из Одессы живым.

Лернер осторожно кашлянул. Старик обернулся.

– А, Мэттью. Присаживайся.

Лернер пододвинул стул, сел.

– Копаетесь в старых ранах, сэр?

– Ты имеешь в виду дело Хамида ибн Ашефа? Я пытаюсь выяснить, что сталось с ним самим и с его родными. Старик жив или умер? Если жив, то где он? Вскоре после неудавшегося покушения в Одессе компанию взял в свои руки старший сын, Карим аль-Джамиль. Затем младший сын, Абу Гази Надир аль-Джаму, также исчез, вероятно чтобы заботиться о своем отце. Все это соответствует традициям арабских племен Саудовской Аравии.

– А что насчет дочери? – спросил Лернер.

– Сара ибн Ашеф. Младшая из детей. Насколько нам известно, ведет такой же замкнутый образ жизни, как и ее мать. По очевидным причинам она ни разу не светилась на нашем радаре.

Лернер подался вперед.

– Полагаю, вы не случайно решили присмотреться к семье Хамида ибн Ашефа именно сейчас?

– Это не доведенное до конца дело торчит у меня костью в горле. Кроме того, это единственная неудача Борна, а в свете последних событий мне приходится думать о неудачах. – Он помолчал, задумчиво устремив взгляд вдаль. – Я приказал Линдросу разорвать все отношения с Борном.

– Мудрое решение, сэр.

– Ты так думаешь? – Директор ЦРУ мрачно посмотрел на Лернера. – А мне кажется, что я совершил ошибку. И я хочу, чтобы ты ее исправил. Мартин трудится день и ночь, направляя «Тифон» по следу Фади. У тебя будет другое задание. Я хочу, чтобы ты разыскал Борна и ликвидировал его.

– Прошу прощения, сэр?

– Не разыгрывай передо мной невинного младенца, – резко промолвил директор. – Я следил за твоим продвижением по служебной лестнице ЦРУ. Мне известно о твоих успехах на оперативной работе. Тебе не раз приходилось заниматься «мокрыми» делами. И что гораздо важнее, ты можешь заставить заговорить даже камень.

Лернер промолчал, тем самым подтверждая сказанное. Однако при этом его мозг лихорадочно работал. «Так, значит, вот почему Старик сделал меня своим заместителем, – думал он. – Он вовсе не собирается проводить реорганизацию ЦРУ. Ему нужны мои личные опыт и знания. Он хочет поручить это грязное дело человеку со стороны, поскольку не доверяет своим».

– Тогда продолжим. – Старик поднял палец. – Я сыт по горло этим дерзким сукиным сыном. С того самого момента, как он пришел к нам, Борн живет по своему собственному плану. Порой мне кажется, это мы все работаем на него. Подумай только, он взял и просто так вывел Севика на улицу. Готов поспорить, у него были на то свои причины, но он сам по своей воле ни за что не расскажет нам о них. Точно так же, как нам ничего не известно о том, что произошло в Одессе.

Лернер опешил. У него мелькнула мысль, что он недооценил Старика.

– Не хотите же вы сказать, что у Борна не потребовали подробный отчет о случившемся.

Директор раздраженно нахмурился.

– Разумеется, потребовали, как и у всех тех, кто имел отношение к операции. Однако Борн заявил, что ничего не помнит – абсолютно ничего, твою мать. Мартин ему поверил, а я – нет.

– Скажите только одно слово, сэр, и я вырву из него всю правду.

– Лернер, не тешь себя пустыми надеждами. Борн скорее умрет, чем скажет хоть слово.

– На оперативной работе я усвоил одно: сломать можно любого.

– Только не Борна. Поверь мне. Нет, он нужен мне мертвым. Для меня этого будет вполне достаточно.

– Слушаюсь, сэр.

– И никому ни слова, в том числе и Мартину. Мартин столько раз прикрывал Борну задницу, что я сбился со счета. Но теперь он уже не сможет заступиться за своего дружка, черт побери. Мартин обещал, что полностью порвал с Борном. И теперь тебе предстоит его разыскать.

– Я все понял. – Лернер встал.

Директор ЦРУ поднял голову.

– Да, Мэттью, сделай одолжение. Не возвращайся без хороших новостей.

Лернер, не моргнув, выдержал его взгляд.

– Ну а когда я вернусь?

Старик прекрасно понял брошенный ему вызов. Откинувшись назад, он сплел пальцы и постучал ладонями одна о другую, словно предаваясь глубоким раздумьям.

– Может быть, ты и не получишь то, что хочешь, – сказал он. – Но, думаю, ты получишь именно то, что тебе нужно.

Борн забрался в узкую гондолу, и Богдан последовал за ним. Оторвавшись от бетонной площадки, гондола закачалась над круто обрывающейся вниз скалой известняка.

Борн сказал:

– Я предположил, что это ваши люди.

– Не смеши меня.

– Богдан Ильич, я здесь совершенно один. Мне нужно провернуть дело с Лермонтовым.

На мгновение они встретились взглядами. Взаимная враждебность была осязаемой, словно третий человек в гондоле. От пальто Богдана воняло плесенью и табачным дымом. На плечах белела перхоть.

Толстый трос стонал, проезжая по колесам опор. В самый последний момент четверо бизнесменов запрыгнули в две следующие гондолы, продолжая громко шуметь, изображая пьяную компанию.

– Упав с такой высоты, ты разобьешься, – мягко заметил Богдан. – Тут никаких вопросов быть не может.

Борн следил за теми, кто ехал следом.

Волнение на море усиливалось. Танкеры медленно пересекали бухту, но паромы, как и чайки, отдыхали. Вдали от берега лунный свет тронул серебристой изморозью гребешки волн.

Бульдог продолжал рыскать по берегу. Пробегая по серому песку, собака подняла голову. Ее плоская морда была покрыта пеной и водорослями. Бульдог начал было лаять, но хозяин успокоил его, потрепав по спине. Они скрылись под деревянным причалом, позеленевшие от воды сваи которого скрипели в набегающих волнах. Слева начинался решетчатый лабиринт деревянных брусьев; он укреплял часть берега, подмытую морем. Дальше тянулся ряд погруженных в темноту ларьков, кафе и ресторанов, летом обслуживающих толпы отдыхающих. А за плавным изгибом побережья, где-то в километре к югу, находился яхт-клуб, своими огнями напоминающий деревню.

Четверо мужчин спустились на берег.

– Надо что-то делать, – сказал Богдан.

Не успел он договорить, как Борн понял – это еще одно испытание. Оглянувшись, он увидел, что мужчин уже нет – они просто исчезли. Но, разумеется, они по-прежнему остаются на берегу. Вероятно, они скрылись за решеткой, укрепляющей берег, или в одном из пустующих кафе.

Борн протянул руку.

– Дай мне «маузер», и я с ними разберусь.

– Неужели ты думаешь, что я доверю тебе пистолет? И позволю стрелять в наших преследователей? – Богдан сплюнул. – Если дело дойдет до охоты, мы оба займемся этим.

Борн кивнул.

– Мне уже приходилось здесь бывать, я знаю, куда идти. Следуй за мной.

Они пошли наискосок по песчаному берегу, удаляясь от кромки прибоя. Нырнув за деревянную решетку, Борн подобрал с земли доску и с силой ударил ею о брус, проверяя на прочность. Он оглянулся на Богдана, выясняя, не станет ли тот возражать. Однако Богдан лишь пожал плечами. В конце концов, у него был «маузер».

Они двинулись в полумраке лабиринта, то и дело пригибаясь, чтобы не удариться головой о брусья.

– Далеко еще до того места, где нас ждет Лермонтов? – шепотом спросил Борн.

Богдан беззвучно рассмеялся. В его глазах по-прежнему светилась подозрительность.

У Борна возникло предчувствие, что речь идет об одном из катеров, пришвартованных к причалам яхт-клуба. Он сосредоточил внимание на тенях вокруг. Впереди был первый из ларьков – место, где он уже бывал в прошлом.

Краем глаза Борн заметил движение, едва различимое, осторожное. Он продолжал идти прямо, не оборачиваясь, следя одним лишь взглядом. Сначала он не мог ничего различить, кроме беспорядочной чересполосицы теней. Затем среди прямых углов он увидел дугу – изгибающуюся линию, которая могла принадлежать только человеку. Один, двое, трое. Борн разглядел всех. Они ждали их с Богданом, растянувшись в темноте паутиной, идеально рассредоточенные.

Они заранее знали, что он направляется сюда, как будто прочли его мысли. Но как такое возможно? Неужели он сходит с ума? Казалось, воспоминания ведут его к ошибкам, навстречу опасности.

Как быть дальше? Остановившись, Борн шагнул назад, но тотчас же ощутил прижатое к спине дуло пистолета Богдана, подталкивающее его вперед. Неужели Богдан заодно с ними? Неужели украинец заманил его в ловушку?

Внезапно Борн рванул влево, к берегу. Развернувшись на бегу, он швырнул доску Богдану в голову. Тот без труда увернулся, однако это помешало ему выстрелить. Борн нырнул за вертикальный брус за мгновение до того, как выпущенная из «маузера» пуля отщепила от дерева кусок.

Сделав обманное движение вправо, Борн побежал влево. Прогремел следующий выстрел, еще менее прицельный.

Третья пуля проделала неровное отверстие в пальто, распахнувшемся на бегу. Но к этому времени Борн уже добежал до первой сваи причала и скрылся в темноте.

Учащенно дыша, Богдан Ильич бежал следом за человеком, который назвался Ильясом Водой. Раздвинув губы, он стиснул зубы, с трудом двигаясь по песку, который, по мере приближения к причалу, становился все более вязким. Его ботинки уже были облеплены песком снаружи и изнутри, на полах пальто висели тяжелые комки.

Вода оказалась ледяной. Богдан не собирался заходить далеко, но, заметив свою цель, тотчас же шагнул дальше. Вода дошла до колена, затем заплескалась в районе бедер. Набегавшие волны значительно затрудняли продвижение вперед. Ему приходилось делать усилие, только чтобы...

Внезапный резкий звук слева заставил Богдана обернуться. Однако проклятая вода словно когтями вцепилась в длинное пальто, замедляя движение, и в этот же самый момент очередная волна сбила его с ног. Богдан споткнулся, теряя равновесие, и вдруг до него дошло, почему Ильяс Вода побежал именно сюда. Он сознательно заманил своего преследователя в воду, где длинное пальто существенно ограничило его маневренность.

Богдан начал было многоэтажное ругательство, но тотчас же прикусил язык. В лунном свете он увидел трех «бизнесменов», на полной скорости бежавших к полосе прибоя с пистолетами в руках.

Богдан тоже побежал. Первый из преследователей прицелился и выстрелил.

Борн увидел эту троицу раньше Богдана. Он уже почти успел добежать до украинца, когда первая пуля выбила щепу из ближайшей сваи. Богдан начал было оборачиваться, но поскользнулся. Подхватив под мышки, Борн развернул его так, чтобы загородиться им от вооруженных преследователей.

Второй из них прицелился и выстрелил. Пуля впилась Богдану в плечо, отбросив его назад и влево. Борн оказался к этому готов – он успел принять борцовскую стойку: ноги на ширине плеч, колени чуть согнуты, торс расслаблен и тело в целом готово к следующему движению. По всему его организму разлилась волна адреналина, придавая силы. Борн взвалил на себя тело Богдана, используя его в качестве живого щита. Трое преследователей были уже совсем близко, у самой воды, рассредоточенные треугольником. В лунном свете Борн отчетливо их видел.

Следующая пуля попала украинцу в живот, сгибая его пополам. Борн заставил Богдана выпрямиться и навел его «маузер», зажатый у него в руке. Накрыв своим указательным пальцем палец Богдана, Борн выстрелил. Тот из преследователей, что находился справа, ближе всех, дернулся и повалился лицом вниз. Третья пуля попала Богдану в бедро,

но к этому времени Борн уже успел сделать второй выстрел. Боевик, стоявший посередине, отлетел назад, раскинув руки.

Борн перетащил Богдана вправо. Еще две пули пролетели в считаных сантиметрах от головы украинца. Борн выстрелил еще раз, но промахнулся. Третий боевик приближался, петляя, как сумасшедший, стреляя на бегу. Но он уже был в воде, и набегающие волны мешали ему удерживать равновесие. Борн всадил ему пулю между глаз.

В наступившей звенящей тишине Борн почувствовал какое-то движение: Богдан выхватил второй пистолет, спрятанный под пальто. «Маузер» он выронил в черную воду, в которой пучками водорослей расплывались струйки его собственной крови. Борн резко опустил вниз ребро ладони, и пистолет, вылетев у украинца из руки, скрылся в беспокойном море.

Протянув руки, Богдан с неудержимой силой обреченного схватил Борна за горло. Борн ударил его по одной из пулевых ран. Пронзительно вскрикнув, Богдан отпрянул от него.

Шатаясь, Борн выпрямился и нанес последний удар. Сбитый с ног, Богдан отлетел назад и ударился затылком о сваю. Изо рта у него потекла кровь.

Он уставился на Борна, и его рот изогнулся в слабой улыбке.

– Лермонтов, – прошептал Богдан.

Теперь единственным звуком был шум прибоя, с силой накатывающегося на сваи. Ни ворчания двигателя катера, никаких звуков со стороны берега. Вдруг бульдог издал скулящий лай, проникнутый скорбью.

Богдан хрипло рассмеялся.

Борн схватил его за грудки.

– Что тут такого смешного, Богдан Ильич?

– Лермонтов. – Голос украинца, слабый, тихий, напоминал свист воздуха, выходящего из воздушного шарика. Его глаза уже затуманились предсмертной дымкой, и все же он нашел в себе силы произнести одну последнюю фразу: – Никакого Лермонтова нет.

Борн уронил труп в воду. Вдруг он почувствовал, что из темноты к нему кто-то приближается. Он стремительно развернулся влево. Четвертый боевик!

Слишком поздно. Борн ощутил в боку обжигающую боль, после чего по всему телу разлилось тепло. Нападавший повернул нож в ране. Борн

оттолкнул его обеими руками, и лезвие вышло из раны, выпуская следом за собой фонтан крови.

– Знаешь, а ведь он был прав, – сказал неизвестный. – Лермонтов – это призрак, которого мы сотворили, чтобы направить тебя по ложному следу.

– «Мы»?

Нападавший шагнул вперед. Лунный свет, проникающий между досками причала, высветил его лицо, до боли знакомое.

– Ты меня не узнаешь, Борн? – Его хищная усмешка была пропитана смертоносным ядом.

Борн испытал шок, вспомнив набросок, сделанный Мартином Линдросом.

– Фади, – тихо промолвил он.

Глава 15

– Я долго ждал этого момента, – сказал Фади. В одной руке он держал пистолет Макарова, в другой – нож с кривым окровавленным лезвием. – Долго ждал возможности снова посмотреть тебе в лицо.

Борн чувствовал, как набегающие волны тянут его за собой. Опустив левую руку, он прижал ее к ране, пытаясь остановить кровотечение.

– Мне пришлось долго ждать часа отмщения.

– Отмщения, – повторил Борн, ощущая во рту металлический привкус крови.

– Не притворяйся, будто ты ничего не понимаешь. Такое не забывается – никогда не забывается.

Очередная большая волна принесла с собой комья тины и водорослей. Не отрывая взгляда от лица Фади, Борн опустил правую руку в воду и ухватил пригоршню плавающей растительности. Затем без предупреждения швырнул мокрый шар прямо Фади в лицо. Фади выстрелил вслепую в тот самый миг, когда комок из водорослей и тины попал ему в голову.

Борн уже пришел в движение, однако теперь прибой, который прежде был ему союзником против Богдана и людей Фади, предал его. Набежавшая волна ударила Борна в бок. Ощутив резкую боль, он пошатнулся, отнимая левую руку от раны, из которой тотчас же снова хлынула кровь.

К этому времени Фади уже успел опомниться от неожиданности. Держа Борна на прицеле, он огромными прыжками двинулся через волны, размахивая кривым ножом, которым, судя по всему, намеревался разрезать Борна на части.

Стараясь удержаться на ногах, Борн двинулся вправо, прочь от Фади, но новая волна, ударив в спину, швырнула его прямо на лезвие.

В это самое мгновение рядом послышалось утробное звериное рычание. Пробежав по мелководью, пятнистый бульдог налетел своим мускулистым телом на Фади справа. Застигнутый врасплох, Фади не устоял на ногах и упал в воду. Бульдог запрыгнул на него, щелкая челюстями, ударяя могучими передними лапами.

– Давай, давай!

Борн услышал шепот, донесшийся из темноты под причалом. Затем рука, худая, но сильная, обхватила его, увлекая влево. После петляющей дороги в темноте между обросшими водорослями сваями они снова вышли на лунный свет.

– Мне нужно вернуться назад и… – выдавил Борн.

– Только не сейчас. – Голос прозвучал твердо. Это говорил щуплый мужчина в широкополой шляпе, которого Борн уже видел на берегу, хозяин бульдога. Он свистнул, и собака, выскочив из-под причала, зашлепала по воде к ним.

И тут послышалось завывание сирен. Должно быть, в расположенном неподалеку яхт-клубе услышали выстрелы и вызвали милицию.

Опираясь на руку щуплого незнакомца, Борн побрел по воде. Каждый шаг разливался по телу горячей, пронизывающей болью, как будто лезвие все еще поворачивалось в ране. И с каждым ударом сердца Борн терял все больше крови.

Задыхаясь и отфыркиваясь, Фади вынырнул на поверхность. Первым, что разглядели его красные от соленой воды глаза, был Аббуд ибн Азиз, перевесившийся через низкое ограждение парусной шлюпки, шедшей без огней. Воспользовавшись дующим со стороны моря бризом, шлюпка, чуть накренившись, подошла к берегу гораздо ближе, чем это могли сделать моторные катера.

Аббуд ибн Азиз протянул сильную загорелую руку. Его лицо сморщилось в тревоге. Как только Фади забрался на палубу, Аббуд ибн Азиз подал команду. Матрос, уже поднявший парус, повернул румпель, уводя шлюпку прочь от берега.

И вовремя. Обернувшись, Фади увидел, что вызвало беспокойство его помощника. Три милицейских катера приближались с севера, на полной скорости окружая бухту и причал.

– Мы пойдем в яхт-клуб, – сказал Аббуд ибн Азиз на ухо Фади. – К тому времени, как милиция начнет прочесывать местность, мы уже успеем пришвартоваться. – О троих подручных Фади он не обмолвился ни словом. Раз их здесь нет, можно их не ждать. Они уже мертвы.

– Что с Борном? – спросил Аббуд ибн Азиз.

– Ранен, но остался в живых.

– Насколько серьезно?

Фади лежал на спине, вытирая кровь с лица. Проклятая собака укусила его в трех местах, в том числе за правый бицепс, который сейчас, казалось, был объят огнем. В лунном свете его глаза сверкнули по-волчьи.

– Возможно, настолько серьезно, что он кончит, как мой отец.

– Заслуженный удел.

Огни яхт-клуба быстро приближались справа.

– Документы.

Аббуд ибн Азиз протянул пакет, завернутый в водонепроницаемую клеенку.

Взяв пакет, Фади перевернулся на бок и сплюнул в воду.

– Но достаточно ли такого возмездия? – Покачав головой, он сам ответил на свой вопрос: – Думаю, нет.

– Сюда, сюда! – шептал настойчивый голос Борну на ухо. – Не расслабляйся, осталось уже совсем немного.

«Совсем немного?» – подумал Борн. Каждые три шага давались ему как целый километр. Он дышал с трудом, ноги казались ему каменными колоннами. Передвигать их становилось все труднее и труднее. На него волнами накатывалась физическая усталость, и он время от времени терял равновесие, заваливаясь вперед. Первый раз это застало его спутника врасплох. Борн упал лицом в воду, и только после этого его вытащили в сырую одесскую ночь. Но в дальнейшем спутник избавлял его от новых купаний.

Борн пробовал поднять голову, чтобы увидеть, где они находятся, куда направляются. Однако сам процесс передвижения по воде требовал от

него всех сил. Он чувствовал рядом с собой присутствие своего спутника, ощущал что-то до боли знакомое, растекавшееся по поверхности его сознания, подобно масляному пятну. Однако, как и в случае с настоящим масляным пятном, заглянуть сквозь него было невозможно. Борн никак не мог решить, кто же этот человек. Кто-то из прошлого. Кто-то…

– Кто вы? – задыхаясь, выдавил он.

– Идем же! – неумолимо прошептал голос. – Останавливаться нельзя. Милиция следует за нами по пятам.

В этот самый момент Борн увидел в воде пляшущие огоньки. Он заморгал. Нет, не в воде, а *на* воде. Искаженные волнами отражения электрических ламп. Где-то в глубинах его сознания прозвенел колокольчик, и Борн подумал: «Яхт-клуб».

Однако до боли знакомый спутник увлек его к берегу до того, как беглецы достигли северной оконечности сплетения причалов, пристаней и сходней. С огромным трудом они выбрались на песок, и тотчас же Борн снова упал на колени. Злясь на самого себя, он попытался было подняться на ноги, но таинственный незнакомец удержал его в таком положении. Борн почувствовал, как его торс перетянули с такой силой, что у него едва не перехватило дыхание. Снова, снова и снова, до тех пор, пока он не сбился со счета. И эта тугая повязка сделала свое дело. Кровотечение прекратилось, однако, как только Борн поднялся на ноги и пошел вдоль полосы прибоя, на повязке появилось маленькое пятнышко, которое быстро расплылось, пропитывая ткань насквозь. И все же кровавого следа на земле не будет. Кем бы ни был таинственный спутник Борна, ума и храбрости ему было не занимать.

На берегу Борн наконец смог разглядеть бульдога, здоровенного пятнистого кобеля с благородной мордой. Они миновали ряд ларьков и кафе. Над пляжем возвышалась голая скала, молчаливая, угрюмая. Прямо впереди Борн увидел деревянный ящик высотой по пояс, выкрашенный в темно-зеленый цвет, запертый на навесной замок: в него убирались пляжные зонтики.

Бульдог тихо заскулил, тряся обрубком хвоста.

– Быстрее! Быстрее же!

Согнувшись пополам, они побежали вперед. С моря донесся рокот мощных двигателей, и тотчас же берег справа озарился ослепительным сиянием прожекторов, направленных с милицейских катеров. Лучи скользили по песку, приближаясь к двум беглецам и собаке. Еще мгновение – и их обнаружат.

Добежав до ящика с зонтиками, они присели на корточки, прижимаясь к его деревянной стенке. Лучи не заставили долго себя ждать. Скользя взад и вперед по песку, они подползли к ящику и на бесконечно долгий миг застыли на нем. Затем двинулись дальше.

Но тут с милицейских катеров раздались крики, и Борн увидел, что еще одно подразделение милиции оцепляет яхт-клуб. Это уже были бойцы спецназа, в касках и неуклюжих бронежилетах. В руках они держали автоматы Калашникова с укороченным стволом.

Таинственный спутник потянул Борна за руку, увлекая его к основанию скалы. Пробегая по полосе голого песка, Борн чувствовал себя обнаженным и беззащитным. Он понимал, что у него нет сил даже для того, чтобы защитить себя одного, не говоря про обоих.

Вдруг его свалил с ног толчок в спину. Распластавшись ничком на песке рядом со своим спутником, Борн увидел пляшущие в ночной темноте лучи света, на этот раз перпендикулярно лучам прожекторов милицейских катеров. Милиционеры, оцепившие яхт-клуб, освещали берег фонариками. Яркие лучи скользнули буквально в двадцати сантиметрах от двух неподвижно распростертых тел. Краем глаза Борн заметил какое-то движение. Милиционеры спрыгивали с пристани на песок, направляясь в эту сторону.

Повинуясь безмолвному знаку своего спутника, Борн, превозмогая боль, пополз в тень голой скалы, где уже ждала собака. Обернувшись, он увидел, что его спутник снял пальто и заметает им следы, оставленные на песке.

Учащенно дыша, Борн поднялся на ноги, шатаясь, словно боксер, которому пришлось выдержать слишком много раундов против превосходящего противника.

Его спутник, опустившись на корточки, ухватился за толстые железные прутья решетки, которой был закрыт ливневый водосток. Крики становились громче. Милиционеры приближались.

Борн нагнулся, чтобы помочь, и вдвоем они выдернули решетку. Борн отметил, что кто-то уже успел вывинтить болты.

Таинственный спутник затолкнул Борна внутрь. Возбужденный бульдог прыгал рядом. Борн оглянулся, наблюдая за тем, как его спутник забирается в водосток. Тот пригнулся, но все же задел шляпой за верхний край, и она упала. Незнакомец обернулся, поднимая ее, и ему на лицо упал лунный свет.

Борн шумно вздохнул, что вызвало взрыв боли в груди.

– Ты!

Ибо незнакомец, спасший его, чьи движения казались ему такими знакомыми, оказался вовсе не мужчиной.

Это была Сорайя Мор.

Глава 16

В 18.46 у Анны Хельд завибрировал портативный компьютер. Это был ее личный компьютер, подарок ее Возлюбленного, а не штатный, выданный ЦРУ. Молодая женщина схватила черную коробочку, хранящую тепло ее бедра, на котором был закреплен чехол. На экране появилось сообщение, подобное фразе, вышедшей из-под пера гения:

«ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ МИНУТ. ЕГО КВАРТИРА».

У Анны бешено заколотилось сердце, кровь радостно запела, потому что это сообщение действительно было написано гением: ее Возлюбленным. Он вернулся.

Анна сказала Старику, что ей нужно на прием к гинекологу, внутренне ее это очень рассмешило. В любом случае директор купился на обман. Штаб-квартира ЦРУ напоминала приемный покой «Скорой помощи»: с тех самых пор, как Линдрос ввел режим чрезвычайного положения, все работали непрерывно, по многу часов.

Выйдя из здания, Анна села в такси и вышла из него за шесть кварталов до развязки Дюпон-серкл. Дальше она пошла пешком. Безоблачное лунное небо принесло с собой пронизывающий ветер, усиливший холод. Но Анна, сунув руки в карманы, несмотря на погоду, ощущала внутри тепло.

Четырехэтажное жилое здание на Двадцатой улице, памятник архитектуры девятнадцатого века в стиле колониального Возрождения, было выстроено по проекту архитектора Стэнфорда Уайта. Позвонив в домофон, Анна открыла деревянную дверь с узорчатым стеклом. За ней начинался обшитый деревом вестибюль, проходящий до самой середины здания, который заканчивался другой дверью из дерева и стекла, выходящей на узкий заасфальтированный пятачок между домами, используемый в качестве частной автостоянки.

Задержавшись на мгновение перед рядом почтовых ящиков, Анна провела пальцем по бронзовой табличке с выгравированной надписью «401: МАРТИН ЛИНДРОС».

На четвертом этаже она остановилась перед кремовой дверью, положив руку на толстое дерево. Ей показалось, что она ощутила слабую вибрацию, как будто квартира, пустовавшая так долго, сейчас гудела новой жизнью. Комнаты за этой дверью теперь наполнило своим присутствием тело ее Возлюбленного, теплое и сильное, затопив их

своими энергией и внутренним жаром, подобно солнечному свету, проникающему сквозь стекло.

У Анны в памяти всплыло мгновение расставания. Это воспоминание снова принесло острую боль, подобную глубокому вдоху ледяного воздуха, которая разлилась по грудной клетке, оставляя еще одну рану на сердце. Однако на этот раз боль казалась другой, так как тогда Анна была уверена, что не увидит своего Возлюбленного минимум девять месяцев. В действительности с той встречи до сегодняшнего дня миновало чуть меньше одиннадцати месяцев. И все-таки дело заключалось не только в долгой разлуке – что само по себе уже плохо, – но также в осознании произошедших перемен.

Разумеется, Анна запихнула все свои страхи в кладовку, в самые потаенные глубины сознания, но сейчас, перед этой дверью, она понимала, что на самом деле они никуда не делись, а все эти месяцы оставались с ней бременем нежеланного ребенка.

Подавшись вперед, Анна прижалась лбом к крашеному дереву, вспоминая минуты прощания.

«Ты чем-то встревожена, – сказал он. – Я же говорил тебе, не нужно ни о чем беспокоиться».

«Ну разве я могу не волноваться? – ответила она. – Ведь никогда прежде такого еще не бывало».

«Я всегда считал себя первопроходцем. – Он улыбнулся, стараясь подбодрить ее. Затем, увидев, что у него ничего не получилось, заключил ее в объятия. – Кому, как не тебе, понимать это».

«Да, да, конечно. – Она поежилась. – И все же я не могу не думать, что будет с нами… когда мы пересечем эту черту».

«Разве это что-нибудь изменит?»

Отстранившись от него, она посмотрела ему в глаза.

«Ты же сам прекрасно понимаешь», – прошептала она.

«Нет, не понимаю. Я останусь тем же самым, совершенно тем же самым внутри. Анна, ты должна мне верить».

И вот теперь она – они оба пересекли черту. Настал момент истины, когда ей предстоит выяснить, какие перемены произошли с ним за эти одиннадцать месяцев. Она ему верит, верит безоговорочно. Однако тот страх, с которым она жила все это время, теперь вырвался на свободу и разрывал ей грудь. Сейчас ей предстоит шагнуть в великую неизвестность. Ничего подобного еще не было прежде, и Анна искренне

боялась, что он, настолько изменившись, перестанет быть ее Возлюбленным.

Издав тихий стон, проникнутый отвращением к самой себе, Анна повернула бронзовую рукоятку и толкнула дверь. Он оставил ее незапертой. Войдя в прихожую, она ощутила себя индусом, словно ее путь был намечен давным-давно и она жила в объятиях судьбы, которая лишала ее свободы действий, которая лишала свободы действий и его. Как далеко она ушла от того будущего в привилегированном обществе, которое уготовили для нее ее родители! За это она должна благодарить своего Возлюбленного. Конечно, часть пути она прошла сама, однако ее бунтарство было безрассудным. А он его укротил, превратил в сфокусированный пучок света. Теперь ей нечего бояться.

Анна собиралась было окликнуть своего Возлюбленного, но тут услышала его голос, так хорошо знакомый ей певучий речитатив, который плыл к ней, словно на крыльях особого ветерка, предназначенного для нее одной. Она застала своего Возлюбленного в спальне, на ковре, принадлежащем Линдросу, потому что свой он принести сюда не смог.

Он стоял на коленях, босиком, накрыв голову белой шапочкой, согнувшись пополам, так что его лоб прижимался к мелкому ворсу ковра. Обращенный к Мекке, он молился.

Анна стояла не шелохнувшись, словно малейшее движение могло ему помешать, и с наслаждением слушала арабские слова, проливающиеся на нее нежным дождем.

Наконец молитва подошла к концу. Он встал и, увидев Анну, улыбнулся лицом Мартина Линдроса.

– Я знаю, что ты хочешь увидеть в первую очередь, – тихо промолвил он по-арабски, снимая футболку через голову.

– Да, покажи мне всё, – на том же самом языке ответила Анна.

Она увидела тело, так хорошо знакомое. Ее взгляд задержался на упругом животе, на груди. Поднялся вверх, посмотрел в глаза – в измененный правый глаз с новой сетчаткой. Лицо Мартина Линдроса, довершенное правым глазом Мартина Линдроса. Это Анна достала фотографии и снимок отсканированной сетчатки, которые сделали пластическую операцию возможной. И вот сейчас она всматривалась в это лицо так, как не могла сделать на работе, во время тех двух мимолетных встреч, когда Возлюбленный прошел мимо нее, входя и выходя из кабинета Старика. Тогда они лишь поприветствовали друг друга кивком, как это было бы при встрече с настоящим Мартином Линдросом.

Анна была в восторге. Лицо получилось идеальное – доктор Андурский поработал великолепно. Он выполнил все, что обещал, и даже больше.

Поднеся руки к лицу, ее Возлюбленный тихо рассмеялся, ощупывая синяки, ссадины и порезы. Он был очень доволен собой.

– Как видишь, «жестокое обращение» со стороны «похитителей» на самом деле скрыло те незначительные шрамы, что остались от скальпеля доктора Андурского.

– Джамиль, – прошептала Анна.

Его звали Карим аль-Джамиль ибн Хамид ибн Ашеф аль-Вахиб. «Карим аль-Джамиль» в переводе с арабского значило «Карим прекрасный». Он разрешил Анне называть его Джамилем, потому что это так ее радовало. Никто другой не мог даже подумать так, не говоря о том, чтобы произнести это вслух.

Не отрывая взгляда от его лица, Анна сняла пальто и пиджак, расстегнула пуговицы блузки, расстегнула «молнию» юбки. Теми же медленными, подчеркнутыми движениями она сняла лифчик, стащила трусики. Она осталась стоять в одних туфлях на высоком каблуке, переливающихся чулках и кружевном поясе, с бьющимся сердцем наблюдая за тем, как он упивается этим зрелищем.

Шагнув из мягкого вороха сброшенной на пол одежды, она приблизилась к нему.

– Я по тебе соскучился, – сказал он.

Анна рванулась в его объятия, прижалась к нему своей обнаженной плотью, тихо, сдавленно застонала, вжимаясь грудью в его мускулистую грудь. Она скользнула ладонями по упругим мышцам, ощупывая кончиками пальцев крошечные выпуклости и ложбинки, которые запомнила еще по первой ночи, проведенной вместе в Лондоне. Анна растягивала удовольствие, а Карим ее не торопил, понимая, что сейчас она подобна слепому, который убеждается в том, что попал в знакомое место.

– Расскажи, как это произошло. На что это было похоже?

Карим аль-Джамиль закрыл глаза.

– На протяжении шести недель мне было очень больно. Доктор Андурский больше всего опасался инфекции заживающей кожи и мышечных тканей. Никто не имел права меня видеть, кроме самого хирурга и его помощников. Все они были в резиновых перчатках, в масках, закрывающих рот и нос. Мне постоянно вводили антибиотики. После пересадки сетчатки я несколько дней не мог открыть правый глаз.

На верхнее веко положили вату, а потом залепили ее пластырем. Целый день я провел в полной неподвижности, затем еще десять дней все мои движения были строго ограничены. Я не мог заснуть, поэтому мне приходилось принимать снотворное. Я потерял счет времени. И что бы ни вводили мне в вены, боль не утихала. Это было похоже на второе сердце, не останавливающееся ни на минуту. Казалось, лицо мое объято огнем. А в правом глазу торчал ледоруб, который я никак не мог вытащить. Вот как это произошло. Вот на что это было похоже.

Анна уже взбиралась на него, как на дерево. Он подхватил ее под ягодицы и прижал спиной к стене, а она крепко обвила ногами его бедра. Повозившись с ремнем, он спустил брюки. Его естество оказалось таким твердым, что Анне стало больно. Она вскрикнула, когда Карим укусил ее, вскрикнула снова, когда его член, выгнувшись, устремился вверх…

Пройдя на кухню, Анна, наслаждаясь ощущением «гусиной кожи» на обнаженном теле, налила шампанское в высокие хрустальные фужеры. Опустив в них по соломинке, она какое-то время смотрела на бурлящие пузырьки. Кухня выходила окнами на запад, на площадку между соседними домами.

Анна протянула один фужер Кариму.

– Твоя мать чувствуется в цвете твоей кожи.

– Хвала Аллаху. Без ее английской крови я бы ни за что не смог сойти за Мартина Линдроса. Кстати, его прапрадедушка родом из городка в Корнуолле километрах в восьмидесяти от родового поместья моей матери.

Анна рассмеялась.

– Вот так ирония судьбы! – Казалось, ее руки, так долго лишенные возможности ощутить плоть Карима, готовы ласкать его вечно. Поставив фужер на гранитную крышку стола, она схватила Карима, игриво запрокидывая его назад, так что он прижался головой к окну. – Не могу поверить, что мы снова вместе. Не могу поверить, что тебе больше ничего не угрожает.

Карим аль-Джамиль поцеловал ее в лоб.

– Ты сомневалась в успехе моего плана.

– Ты все прекрасно понимаешь. Сомнения и страхи. Твой план казался таким… таким безрассудным… таким неосуществимым.

– Это смотря с какой точки зрения глядеть. Возьмем, к примеру, часы. Часы выполняют простую функцию, отсчитывают секунды и минуты. А затем, когда наступает нужный момент, пробивает час. Все очень просто и надежно. Это потому, что внутри множество продуманных деталей, тщательно подогнанных друг к другу. Поэтому механизм работает точно и без сбоя.

Вдруг он увидел, что Анна смотрит не на него, а в окно. У нее на лице появился ужас.

Обернувшись, Карим аль-Джамиль посмотрел на стоянку между зданиями. Там стояли рядом два новых автомобиля американского производства, развернутые в противоположные стороны. У того, что стоял передом на север, работал двигатель. У обоих водителей стекла были опущены. Не вызывало сомнений, что они разговаривают.

– В чем дело?

– Эти две машины, – прошептала Анна. – Так поступают полицейские.

– Или водители, решившие немного поболтать.

– Нет, тут есть что-то…

Она не договорила до конца. Один из водителей высунулся настолько, что Анна его узнала.

– Это же Мэттью Лернер! Проклятие! – Она поежилась. – У меня еще не было случая тебе рассказать, но он проник ко мне в дом, все перерыл и оставил в шкафу виселицу с моими трусиками.

Карим аль-Джамиль пристально посмотрел на нее.

– Он что-нибудь подозревает?

– Нет. Если бы у него возникла хоть тень подозрения, он сразу бы отправился к Старику. Полагаю, он просто хочет убрать меня с дороги. Для того, чтобы беспрепятственно вести борьбу за кресло Старика.

На стоянке водители завершили разговор. Лернер, сидевший в машине лицом к северу, уехал. Второй мужчина остался сидеть за рулем. Он не стал заводить двигатель, а достал сигарету.

Карим аль-Джамиль сказал:

– Так или иначе, он выследил тебя. Наша безопасность под угрозой. – Он отвернулся от окна. – Одевайся. Нас ждет работа.

Как только шлюпка подошла к яхт-клубу, на борт запрыгнули украинские милиционеры, ведя себя, как это им свойственно,

совершенно бесцеремонно. Капитан и матросы, в том числе Аббуд ибн Азиз, изображая растерянность и смирение, предъявили лейтенанту документы. Мельком взглянув на них, тот повернулся к Фади.

Не говоря ни слова, совершенно невозмутимо Фади протянул удостоверение, полученное от Аббуда ибн Азиза. Из этого удостоверения следовало, что он – генерал-майор Виктор Леонидович Романченко, сотрудник контрразведывательного отделения СБУ. На удостоверении красовалась подпись генерал-полковника И.П. Смешко, главы СБУ.

Фади повеселился, глядя на то, как спесивый лейтенант милиции вдруг лихо вытянулся перед ним в струнку, побелев как полотно. Преображение было мгновенным: господин превратился в слугу.

– Я выслеживаю убийцу, опасного преступника, скрывающегося от правосудия, – объяснил Фади, убирая мастерски подделанное удостоверение. – Только что он убил четверых человек на берегу, так что, лейтенант, ты сам видишь, насколько он опасен и хитер.

– Я лейтенант Ковальчук. Я и мои люди полностью в вашем распоряжении, товарищ генерал-майор.

Фади быстрой трусцой покинул шлюпку. Украинские милиционеры последовали за ним.

– Хочу предупредить, – бросил Фади через плечо. – Я лично пристрелю того, кто убьет беглеца. Передай это своим людям. Этот преступник мой.

Следователь Билл Овертон сидел в машине и курил. Таким спокойным и радостным он не чувствовал себя уже целый год. Эта «левая» работа по поручению Лернера явилась манной небесной. Лернер обещал, что, когда все останется позади, он получит заветную должность в Управлении внутренней безопасности. И Овертон понимал, что Лернер его не обманет. Этот человек располагал огромной силой и отвечал за каждое свое слово. От Овертона требовалось лишь выполнять все приказы Лернера, не задавая ненужных вопросов. Все проще простого; ему было наплевать на побудительные причины, движущие Лернером. Его волновал только входной билет в УВБ.

Овертон пожевал сигарету. УВБ значило для него все. Что еще у него есть в жизни? Жена, которая ему безразлична, мать, страдающая болезнью Альцгеймера, бывшая жена, которая ему ненавистна, и двое детей, зараженных ею безразличием к своему отцу. Если он не получит эту работу, его жизнь потеряет всякий смысл.

Наверное, только так и должно обстоять дело в правоохранительных органах.

Несмотря на сигарету и размышления, Овертон не забывал про свою работу. Каждые пятнадцать секунд он оглядывался по сторонам. Машину он поставил так, чтобы через стеклянную дверь просматривался весь вестибюль до главного входа. Позиция была идеальной, и он выжал из нее максимум.

Овертон увидел Анну Хельд, выходящую из лифта. Развернувшись, она направилась к двери в конце вестибюля. Молодая женщина торопилась, ее лицо было озабоченно. Когда она подошла ближе, Овертон разглядел, что у нее красные глаза и распухшее лицо. Что с ней произошло?

Впрочем, ему не было до этого никакого дела. Его задача состояла в том, чтобы последовать за Анной и, выбрав удобный момент, напугать ее – подрезать машину, избить на пустынной улице. Что-нибудь такое, что она забудет не сразу, приказал Лернер. Хладнокровный ублюдок. Овертон был восхищен своим заказчиком.

Анна быстро прошла мимо. Выйдя из машины, Овертон бросил окурок и, сунув руки в карманы плаща, пошел следом на благоразумном удалении. В переулке между зданиями больше никого не было. Только он и она. Потерять ее невозможно.

Его цель достигла конца переулка и повернула на Массачусетс-авеню. Овертон ускорил шаг, чтобы не потерять ее из виду.

Вдруг что-то ударило его сбоку с такой силой, что он не удержался на ногах. Упав, следователь налетел головой на кирпичную стену соседнего здания. У него из глаз брызнули искры. Несмотря на это, профессиональный инстинкт заставил его потянуться за табельным револьвером. Но тут он получил по запястью сильнейший удар, и вся правая рука онемела. Овертон почувствовал, что у него вся голова в крови. Одно ухо было наполовину оторвано. Обернувшись, Овертон увидел застывшего над ним мужчину. Приподнявшись на четвереньки, он потянулся к револьверу, но, получив мощный удар ногой в ребра, распластался на земле, подобно черепахе.

– В чем… в чем?..

Все произошло в считаные мгновения. Нападавший достал пистолет с длинным глушителем.

– Нет! – Со слезами на глазах Овертон посмотрел в безжалостное лицо убийцы. Со стыдом он обнаружил, что готов умолять на коленях. – Пожалуйста, не надо!

Его уши наполнились звуком, как будто он погрузил голову под воду. Для всех окружающих этот звук показался бы тихим, робким кашлем; для самого Овертона же он прозвучал так громко, будто весь мир

рушится. Но тут пуля вошла в головной мозг, и не осталось ничего, кроме жуткой, всепоглощающей тишины.

– Теперь самое главное, – сказала Сорайя, когда они с Борном поставили решетку на место, – это отвести тебя к врачу.

С берега доносились крики милиционеров. Их число возросло. Вероятно, милицейские катера причалили к яхт-клубу, и находившиеся на них люди присоединились к охоте. Сквозь решетку были видны лучи мощных прожекторов, расчертившие песок. Воспользовавшись этим скудным освещением, Сорайя впервые осмотрела рану Борна.

– Рана глубокая, но, похоже, довольно чистая, – успокоила его она. – Можно сказать определенно, что никакие внутренние органы не задеты. В противном случае ты бы валялся на спине.

Ее терзал вопрос, на который у нее не было ответа: сколько крови потерял Борн и, соответственно, сколько жизненных сил у него осталось. С другой стороны, ей уже приходилось видеть, как он в течение полутора суток работал на полную катушку с пулей в плече.

– Это был Фади, – сказал Борн.

– Что? Он здесь?

– Это Фади пырнул меня ножом. Твой бульдог…

– Александр.

При звуках своего имени собака повела ушами.

– Ты натравила его на Фади.

Они здесь одни, во враждебном окружении. Мало того, что весь берег кишит украинскими милиционерами, так еще за ними охотится Фади.

– И что делает здесь Фади?

– Он говорил что-то об отмщении. За что, я не понял. Фади не поверил, когда я сказал, что ничего не помню.

Лицо Борна было бледным, покрытым потом. Однако Сорайе уже доводилось быть свидетелем его небывалой внутренней силы, решимости не только выжить, но и любой ценой довести дело до конца. Заразившись стойкостью Борна, молодая женщина повела его прочь от решетки. Руководствуясь быстро уменьшающимся конусом бледного лунного света, они торопливо пошли в глубь водостока.

В воздухе висела песчаная взвесь. Она обладала безжизненным запахом сброшенной змеиной кожи. Вокруг раздавались приглушенные скрипы

и стоны, словно давали знать о себе убитые горем призраки. Трещины в песчанике, образовавшиеся под тяжестью сокрушающего веса наверху, были заполнены утоптанной землей. Через равные промежутки стояли могучие неструганые сваи, черные от плесени, скрепленные железными скобами, тут и там тронутыми пятнами бурой ржавчины. Между ними были перекинуты стропила и опорные балки. Пахло гнилью и разложением, словно сама земля, по которой проходил водосток, медленно умирала.

У Сорайи защемило сердце. Что обнаружила милиция? О чем она забыла? Боже милосердный, сделай так, чтобы все кончилось благополучно. Одесса была тем городом, где она совершила свою самую страшную ошибку, и воспоминания об этом терзали ее кошмарными видениями днем и ночью. И вот сейчас судьба снова свела их с Борном здесь. Молодая женщина чувствовала себя обязанной исправить прошлую ошибку; она была полна решимости довести дело до конца.

Александр бежал впереди, опустив морду к земле, словно кого-то выслеживал. Борн шел не жалуясь. Казалось, весь его торс объят огнем. Ему приходилось, вспомнив свое обучение, дышать медленно и глубоко, хотя это причиняло наибольшую боль. Сначала он предположил, что Сорайя обнаружила выход водостока в городскую канализацию, однако пока что не было никаких запахов, говорящих об этом. К тому же они спускались круто вниз. Затем Борн вспомнил, что значительная часть Одессы построена из глыб песчаника, расположенного в основании города, следствием чего стала огромная сеть катакомб. Во время Второй мировой войны партизаны укрывались под землей, совершая дерзкие вылазки против немецких и румынских оккупантов.

Сорайя подготовилась к подземному путешествию: она включила мощный ксеноновый фонарь на батарейках, закрепленный на запястье. Увиденное не слишком обрадовало Борна. Катакомбы были очень старыми. Что гораздо хуже, они находились в плачевном состоянии и отчаянно нуждались в ремонте. Тут и там беглецам приходилось перебираться через груды обвалившихся камней, что существенно замедляло их продвижение.

Вдруг позади послышался скрежет металла по металлу, словно провернулось огромное ржавое колесо. Беглецы замерли на месте.

– Милиция нашла решетку, – прошептала Сорайя. – Я не могла закрутить на место болты. Наши преследователи идут по тоннелю.

– Он фараон. – Карим аль-Джамиль держал в руке раскрытый бумажник Овертона. – Ого, следователь Центрального управления полиции округа Колумбия.

Анна подогнала машину Овертона к тому месту, где тот лежал, привалившись к стене. Бледный кирпич окрасился кровью.

– Определенно, его нанял Лернер, – продолжала Анна. – Вероятно, именно он забирался ко мне домой. – Она посмотрела на грубое, лошадиное лицо убитого. – Что ж, он получил по заслугам.

– Нам нужно выяснить следующее, – сказал Карим аль-Джамиль, поднимаясь с корточек. – Сколько еще пособников нанял Мэттью Лернер?

Он махнул рукой, и Анна открыла багажник. Кряхтя, Карим аль-Джамиль поднял Овертона.

– Вот оно, следствие злоупотребления пончиками и гамбургерами.

– Это можно сказать про любого американца, – согласилась Анна, наблюдая за тем, как он бросил труп в багажник и захлопнул крышку.

Выбравшись из-за руля, она подошла к садовому шлангу, висящему на крючке на стене. Повернув кран, молодая женщина направила струю воды на стену, смывая с кирпичей кровь Овертона. Смерть полицейского ее нисколько не тронула. Напротив, от пролитой крови у нее чаще забилось сердце, пропитанное ненавистью к западному обществу: бесполезный эгоизм богатых, ограниченное высокомерие американцев, настолько занятых воспроизводством себе подобных, что они остаются слепы и глухи к нуждам бедных мира сего. Наверное, это чувство было в ней всегда. В конце концов, ее мать сначала работала моделью в рекламном агентстве, затем стала редактором гламурного журнала. А отец уже родился с титулом и состоянием. Неудивительно, что Анне с детства была уготована жизнь с личными шоферами, дворецкими, горничными, горнолыжными курортами во Французских Альпах и ночными клубами на Канарских островах, и все это в границах, обозначенных телохранителями, нанятыми родителями. Кто-то посторонний делал за нее все то, что человек должен делать сам. Все это было так противоестественно, так оторвано от реальной жизни. Она жила, словно в тюрьме, из которой ей нестерпимо хотелось бежать. И ненависть эта находила выход в бунтарстве. Но только Джамиль помог ей понять умом то, что говорили чувства. Одежда, которую она носила, – дорогие модели лучших домов моды – была частью внешней маскировки. Под ней ее кожа чесалась, словно покрытая кусающимися муравьями. Вечером Анна как можно быстрее сбрасывала все с себя и не смотрела больше до тех пор, пока утром не наступала пора снова одеваться.

Опьяненная подобными мыслями, бурлящими в голове, Анна села в машину. Карим аль-Джамиль устроился рядом. Не раздумывая, она выехала на Массачусетс-авеню.

– Куда дальше?

– Тебе нужно вернуться в штаб-квартиру ЦРУ, – напомнил Карим аль-Джамиль.

– Как и тебе, – поправила Анна. Она посмотрела ему в глаза. – Джамиль, еще когда ты меня вербовал, я уже не была идеалисткой, жаждущей вести войну с несправедливостью и неравенством. Знаю, именно так ты обо мне думал сначала. Сомневаюсь, что ты сразу оценил мою голову, способную мыслить самостоятельно. Надеюсь, теперь ты уже изменил свое мнение обо мне.

– И все же сомнения у тебя остаются.

– Джамиль, в ортодоксальном исламе нет места для женщин. Вашим мужчинам с самого раннего детства внушают, что женщина должна прикрывать голову, закрывать лицо. Что ей не нужно образование, что она не может мыслить самостоятельно, и да хранит ее Аллах, если она вздумает считать себя самостоятельной.

– Меня воспитывали не так.

– Благодаря твоей матери, Джамиль. Спасибо ей огромное. Именно она не дала тебе поверить в то, что можно забить женщину камнями до смерти, обвинив ее в воображаемых грехах.

– Распутство – это не воображаемый грех.

– То же самое относится и к мужчинам.

Он молчал, и Анна тихо рассмеялась. Но ее смех был полон печали, приправленной разочарованием, поднявшимся из самых глубин ее души.

– Джамиль, нас с тобой разделяют не только континенты. Стоит ли удивляться, что, когда тебя нет рядом, меня охватывает ужас?

Карим аль-Джамиль с осуждением посмотрел на Анну. Почему-то он не мог на нее сердиться.

– Не в первый раз мы заводим этот разговор.

– И не в последний.

– Однако ты говоришь, что любишь меня.

– Я *действительно* тебя люблю.

– Несмотря на то, что ты считаешь моими пороками.

– Не пороками, Джамиль. У каждого из нас есть свои недостатки, даже у тебя.

– А ты опасна, – совершенно серьезно произнес он.

Анна пожала плечами:

– Я ничем не отличаюсь от ваших женщин-мусульманок, кроме того, что чувствую в себе внутреннюю силу.

– Именно это и делает тебя опасной.

– Я представляю опасность лишь для устоявшегося положения вещей.

Наступило молчание. Анна зашла так далеко, как не смел никто из знающих Карима аль-Джамиля. Но это хорошо. Она никогда не пичкала его враньем, подобно большинству остальных, отирающихся вокруг него, чтобы урвать себе толику его влияния и силы. В такие моменты Анне хотелось проникнуть в рассудок Возлюбленного, потому что сам он, по собственной воле, никогда не делился с ней своими мыслями, не выдавая их ни интонациями, ни жестами. Обыкновенно мужчины такие прозрачные. Но только не Джамиль.

Наконец Анна осторожно положила ладонь на его руку.

– Видишь, как это похоже на брак? В горе и в радости мы с тобой вместе. До самого конца.

Карим аль-Джамиль смерил ее долгим взглядом.

– Поворачивай на юго-восток. Восьмая улица, между Л-стрит и Вест-Вирджиния-авеню.

Фади с радостью всадил бы пулю в голову лейтенанту Ковальчуку, но это привело бы к ненужным осложнениям, чего он не мог себе сейчас позволить. Вместо этого он довольствовался тем, что вдохновенно разыгрывал свою роль.

Впрочем, в этом не было ничего сложного; Фади был прирожденным актером. Его мать, с безошибочным материнским чутьем разглядев этот талант, в возрасте семи лет отдала сына в Королевскую театральную академию. К девяти годам он уже был настоящим артистом, что сослужило ему добрую службу, когда он проникся радикальными взглядами. Набирать сторонников, завоевывать сердца и умы бедных, опустившихся, выброшенных на обочину, отчаявшихся, в основе своей, – это вопрос личной харизмы. И Фади быстро постиг необходимое требование, позволяющее быть успешным предводителем: не важно, какие у тебя жизненные взгляды; достаточно лишь сосредоточиться на том, *как* их продавать. Из этого вовсе не следовало, что Фади был циником, – циник не смог бы стать настоящим радикалом. Это просто означало, что он усвоил главный урок рыночного манипулирования.

Все эти мысли отразились призрачной усмешкой на полных губах Фади. Он поспешил за пляшущими лучами милицейских фонариков.

– Протяженность катакомб составляет свыше двух тысяч километров, – заговорил лейтенант Ковальчук, стремясь угодить высокому начальству. – Подземная сеть тянется до самого села Нерубайское, до которого отсюда полчаса езды на машине.

– Наверное, пройти можно не везде. – Фади окинул взглядом треснувшие и прогнившие сваи, стены, местами опасно вспученные, боковые ответвления, засыпанные обвалившимися камнями.

– Совершенно верно, товарищ генерал, – подтвердил лейтенант Ковальчук. – Музей, расположенный в Нерубайском, устраивает краткие экскурсии по катакомбам, но среди тех, кто отваживается отправиться сюда самостоятельно, доля погибших и заблудившихся очень высока.

Фади чувствовал, как в маленьком отряде из трех милиционеров, отобранных Ковальчуком, нарастает беспокойство. Он понимал, что лейтенант говорит без умолку в основном для того, чтобы успокоить самого себя.

На его месте любой другой заразился бы тревогой своих спутников, но Фади было неведомо чувство страха. Он подходил к новой, опасной ситуации с железной уверенностью альпиниста. Мысль о возможной неудаче даже не приходила ему в голову. И дело было не в том, что Фади не ценил жизнь; просто он не боялся смерти. Для того чтобы ощущать себя живым, ему было необходимо подвергать себя предельным испытаниям.

– Если этот человек, как вы говорите, ранен, уйти далеко он не сможет, – продолжал лейтенант Ковальчук, хотя было не совсем ясно, для кого он это говорит – для Фади или для своих взведенных до предела людей. – У меня есть кое-какой опыт общения с катакомбами. Так близко к морю здесь особенно часто обрушаются своды и проваливается пол. И еще надо остерегаться грязевых ям. Грунтовые воды местами размывают почву, образуя топкие колодцы. Такие колодцы крайне опасны, поскольку ведут себя как зыбучие пески. Человека может засосать в трясину меньше чем за минуту.

Вдруг лейтенант резко умолк. Маленький отряд застыл на месте. Милиционер, шедший первым, обернулся, показывая знаками, что спереди донесся какой-то звук. Все стояли, вслушиваясь в тишину, обливаясь потом.

И тут этот звук раздался снова: приглушенный скрип, словно произведенный трением кожи по камню. Каблук?

Выражение лица лейтенанта изменилось. Теперь он напоминал охотничью собаку, учуявшую добычу. Ковальчук кивнул, и маленький отряд бесшумно двинулся вперед.

Анна Хельд привела машину следователя Овертона в самую убогую часть Вашингтона. Они проезжали перекрестки с давно перегоревшими светофорами и разукрашенными непристойными надписями дорожными указателями. Уже совсем стемнело; на землю опустились пепельные зимние сумерки, накрыв и эти трущобы, и чистые улицы с ровными рядами аккуратных домов, и музеи, и монументы. Казалось, это был совершенно другой город на совершенно другой планете, однако именно его Карим аль-Джамиль знал как свои пять пальцев, именно в нем он чувствовал себя уютно.

Наконец они оказались на Восьмой улице, и Карим аль-Джамиль указал на протянувшееся на целый квартал здание из серых шлакоблоков, на котором еще сохранилась выцветшая вывеска «Эм-энд-Эн кузовные работы». Руководствуясь его указаниями, Анна свернула на потрескавшийся бетонный пандус и остановилась перед стальными воротами.

Карим аль-Джамиль выпрыгнул из машины. Поднявшись к воротам, он бросил долгий, внимательный взгляд вокруг. Фонарей здесь почти не осталось, и повсюду лежали густые тени. Свет попадал лишь изредка от фар машин, проезжающих по Л-стрит севернее и Вест-Вирджиния-авеню южнее. На самой Восьмой улице стояли у обочины две-три машины, и все далеко от пандуса. Тротуары были пустынны; окна домов чернели пустотой.

Достав из трещины в бетоне ключ, Карим аль-Джамиль отпер массивный навесной замок, затем поднял ворота и подал знак Анне.

Та включила передачу и тронулась. Поравнявшись с ним, она остановилась и опустила стекло.

– У тебя есть последняя возможность, – предупредил Карим аль-Джамиль. – Ты еще можешь уйти.

Анна ничего не ответила, даже не шелохнулась, продолжая сжимать рулевое колесо.

Карим аль-Джамиль всмотрелся в ее глаза в свете светлячков-фар проезжающих машин, пытаясь прочесть в них правду. Наконец он махнул рукой, приглашая Анну заехать в заброшенную автомастерскую.

– В таком случае закатывай рукава. Принимаемся за работу.

– Я их слышу, – прошептала Сорайя. – Но свет их фонарей еще не виден. Это хорошо.

– Фади знает, что я ранен, – сказал Борн. – Он понимает, что мне не уйти.

– Но он не знает, что вместе с тобой я, – напомнила Сорайя.

– Что ты намереваешься делать?

Молодая женщина погладила Александра по пятнистой спине, и тот потерся мордой о ее колено. Они подошли к разветвлению. Впереди тоннель разделялся на два прохода. Сорайя без колебаний свернула в левый.

– Как ты меня нашла?

– Так же, как я бы выследила любой объект наблюдения.

Значит, Борн ощущал присутствие Сорайи, даже когда людей Евгения Федоровича поблизости не было.

– К тому же, – продолжала молодая женщина, – Одессу я знаю вдоль и поперек.

– Откуда?

– Я возглавляла одесское отделение, когда ты сюда прибыл.

– Когда я?..

И тут же у него в сознании всплыли воспоминания…

…Мари идет навстречу по вымощенным булыжником улицам, обсаженным раскидистыми акациями. В воздухе висит резкий соленый привкус, принесенный беспокойным морем. Влажный ветерок поднимает прядь волос Мари с ушей, и она трепещет за ней вымпелом.

Он обращается к ней:

– Ты сможешь достать то, что мне нужно. Я в тебя верю.

В ее глазах страх, но также мужество и решимость.

– Я скоро вернусь, – говорит она. – Я тебя не подведу…

Борн пошатнулся под ударом памяти. Раскидистые акации, булыжная мостовая: это же площадка перед конечной станцией канатной дороги. Лицо, голос: он разговаривал не с Мари. Это была…

– Сорайя!

Она подхватила его, опасаясь, что он потерял слишком много крови и не сможет идти дальше.

– Это была ты! Когда много лет назад я был в Одессе, со мной была здесь ты!

– Я возглавляла местное отделение. Ты не хотел иметь со мной никаких дел, но в конце концов вынужден был обратиться ко мне за помощью. Это мой источник предоставил сведения, которые были нужны тебе, для того чтобы выйти на след цели.

– Я помню, как мы с тобой разговаривали под сенью акаций на Французском бульваре. Как я туда попал? Что произошло, черт побери? Неопределенность сводит меня с ума.

– Я заполню пробелы в твоих воспоминаниях.

Борн споткнулся. Сорайя сильной рукой его поддержала.

– Но почему же, когда я впервые пришел в «Тифон», ты не сказала, что мы уже работали вместе?

– Я хотела…

– Выражение твоего лица…

– Мы уже почти дошли до места, – сказала Сорайя.

– До какого?

– До того места, где мы с тобой уже прятались.

Они отошли от развилки метров на восемьсот. Здесь подземный тоннель стал особенно опасным. Повсюду обвалившиеся балки и просочившаяся вода. Казалось, сами катакомбы издавали жуткий стон, словно какие-то неведомые силы грозили разорвать их на части.

Сорайя подвела Борна к дыре в левой стене. Это было не боковое ответвление, а участок, размытый грунтовыми водами: точно так же прибой со временем образует бухту. Однако дорогу тотчас же преградила груда обвалившихся камней, поднимающаяся почти до самого свода.

Молодая женщина поднялась по осыпи и, распластавшись на животе, протиснулась в щель между вершиной груды и сводом. Борн последовал за ней. Каждый шаг, каждое движение отдавались новой колющей болью в боку. К тому времени, как он прополз в щель, все его тело уже отзывалось на ритм сердца.

Сорайя повела его по узкому коридору, уходящему направо, и они наконец оказались в некоем подобии комнаты. Приподнятый над землей настил из досок, застеленный тонким одеялом, заменял кровать.

Напротив, на трех планках, прибитых к деревянным сваям, стояли несколько бутылок с водой и банки с консервами.

– Осталось с прошлого раза, – объяснила Сорайя, помогая Борну забраться на дощатый настил.

– Я не могу здесь оставаться, – запротестовал Борн.

– Придется. У нас нет антибиотиков, а тебе нужна ударная доза, и чем скорее, тем лучше. Я достану все необходимое у одного врача, она работает на ЦРУ. Я ее знаю и доверяю ей.

– Не жди, что я буду просто лежать здесь.

– С тобой останется Александр. – Сорайя потерла собаке блестящий нос. – Он будет защищать тебя до последнего вздоха, ведь так, мой малыш?

Казалось, бульдог все понял. Он подошел к Борну и уселся рядом, высунув между резцами кончик розового языка.

– Это же безумие. – Борн сбросил ноги с импровизированной кровати. – Мы пойдем вместе.

Молодая женщина смерила его взглядом.

– Ну хорошо. Пошли.

Оттолкнувшись от досок, Борн поднялся на ноги. Точнее, попытался подняться, поскольку, как только он перестал опираться о настил, колени подогнулись под ним. Подхватив, Сорайя усадила его обратно на кровать.

– Забудем об этом, хорошо? – Она рассеянно потрепала Александра за ушами. – Я вернусь к развилке. Для того чтобы выйти из катакомб и попасть к врачу, мне надо будет пойти вправо. Я буду шуметь, и наши преследователи пойдут за мной, решив, что это мы оба. Я уведу их от тебя.

– Это слишком опасно.

Сорайя выждала мгновение.

– Другие предложения есть?

Борн покачал головой.

– Отлично. Обещаю вернуться как можно скорее. Я тебя не брошу.

– Сорайя!

Она обернулась лишь наполовину, готовая идти.

– Почему ты мне ничего не сказала?

Сорайя колебалась долю секунды.

– Я рассудила, что всем будет лучше, если ты не вспомнишь, в какую лужу я тогда села.

Борн проводил ее взглядом. У него в голове продолжали звучать ее слова.

Пятнадцать минут быстрым шагом привели маленький отряд к развилке.

– Это разветвление основного тоннеля, – сказал лейтенант Ковальчук, поводив лучом фонарика по стенам.

Фади не любил сомнения. Для него нерешительность являлась признаком слабости.

– В таком случае, лейтенант, нам нужна научно обоснованная догадка относительно того, куда направился преступник. – Он пристально всмотрелся милиционеру в лицо. – Ты у нас здесь специалист, ты и говори.

В присутствии Фади было практически невозможно возражать или оставаться бездеятельным.

– Направо, – уверенно произнес Ковальчук. – На его месте я бы пошел направо.

– Вот и хорошо, – сказал Фади.

Они вошли в правое ответвление и почти сразу же снова услышали тот звук, шорох кожи по камню, на этот раз более отчетливый, повторяющийся через равные промежутки времени. Теперь не оставалось никаких сомнений в том, что это отголоски шагов, отражающиеся от стен. Преследователи настигали жертву.

Преисполненный мрачной решимости, Ковальчук подбодрил своих людей.

– Живо вперед! Мы его скоро настигнем.

– Минуточку.

Милиционеры застыли на месте, услышав этот голос, проникнутый холодной властностью.

– В чем дело, товарищ генерал?

Фади задумался на мгновение.

– Мне нужен фонарь. Вы пойдете направо. А я посмотрю, нет ли чего-нибудь в левом ответвлении.

– Товарищ генерал, в этом нет необходимости. Как я уже говорил…

– Я ничего не привык повторять дважды, – резко оборвал его Фади. – Преступник, с которым мы имеем дело, дьявольски хитер. Возможно, что звук шагов – это уловка, направленная на то, чтобы сбить нас со следа. Скорее всего, учитывая, что этот человек потерял много крови, вы настигнете его в правом ответвлении. Но я не могу оставить неисследованной вторую возможность.

Не говоря больше ни слова, он взял фонарь, протянутый одним из милиционеров Ковальчука, и, вернувшись до разветвления, свернул в левый проход. Через мгновение у него в руке появился кривой нож.

Глава 17

Карим аль-Джамиль, надев толстый резиновый фартук и плотные рукавицы, потянул за шнурок, запуская цепную пилу. Под прикрытием ее жуткого лязга он сказал:

– Наш план заключался в том, чтобы взорвать ядерное устройство в одном из крупнейших городов Америки. Потребовалось десять лет тщательных расчетов и напряженной работы, чтобы сделать его осуществимым.

Карим аль-Джамиль не опасался, что где-нибудь поблизости может быть спрятан микрофон; просто он не позволял себе расслабиться ни на мгновение.

Он приблизился к трупу следователя Овертона, лежащему на верстаке из нержавеющей стали посреди гулкого пустынного зала авторемонтной мастерской. Над головой нудно гудели три красноватые трубки ламп дневного света.

– Но для того, чтобы обеспечить максимальную вероятность успеха, – подхватила Анна Хельд, – нам было нужно, чтобы Джейсон Борн поручился за тебя, как за Мартина Линдроса. Разумеется, по своей воле он бы этого ни за что не сделал, поэтому нам пришлось найти способ его обмануть. Поскольку у меня был доступ к личному делу Борна, мы смогли воспользоваться его единственной слабостью – его памятью, а также его многочисленными сильными сторонами, такими как преданность, настойчивость и острый, проницательный ум, правда, чуть тронутый паранойей.

Анна тоже облачилась в фартук. Натянув рукавицы, она взяла в одну руку тяжелый молоток, а в другую – зубило с широким наконечником. Пока Карим аль-Джамиль трудился над ногами Овертона, она вставила

зубило в ложбинку на внутренней стороне левого локтевого сустава и быстро и аккуратно опустила молоток. Автомастерская снова наполнилась кипучей деятельностью, как было в дни ее процветания, причем характер работ теперь больше соответствовал названию.[8]

– Но какой пусковой механизм позволил тебе воспользоваться слабостью Борна? – спросила Анна.

Усмехнувшись, Карим аль-Джамиль сосредоточился на своей жуткой работе.

– Ответ дали мои исследования, посвященные проблеме амнезии. Люди, страдающие потерей памяти, очень бурно реагируют на эмоционально заряженные ситуации. Нам нужно было обеспечить Борну сильное потрясение, которое подтолкнуло бы его память.

– Именно это ты сделал, когда я сообщила о внезапной, неожиданной смерти жены Борна?

Карим аль-Джамиль вытер с лица брызнувшую кровь.

– Как говорим мы, бедуины: «Человеческая жизнь в руках Аллаха». – Он кивнул. – Объятый горем, Борн отчаянно страдал от шуток, которые играла с ним его больная память. Поэтому я приказал тебе предложить ему исцеление.

– Теперь я все понимаю. – Анна на мгновение отвернулась от трупа, из которого вырвались газы. – Естественно, совет должен был исходить от друга Борна – Мартина Линдроса. И я дала Линдросу имя и адрес доктора Аллена Сандерленда.

– Однако на самом деле на звонок Борна ответили мы, – продолжал Карим. – Мы назначили ему прием на вторник, единственный день в неделе, когда доктора Сандерленда и его персонала нет на месте. Вместо этого мы подставили нашего доктора Костина Вейнторпа, сыгравшего роль Сандерленда.

– Великолепно, дорогой! – Глаза Анны зажглись восхищением.

Части тела одна за другой бросали в большое овальное оцинкованное корыто, словно шла подготовка к эксперименту в лаборатории доктора Франкенштейна. Карим аль-Джамиль одним глазом присматривал за Анной, но та занималась своей работой с невозмутимой деловитостью. И это одновременно обрадовало и удивило его. Она была права в одном: он ее сильно недооценивает. И действительно, Карим аль-Джамиль оказался не готов к встрече с женщиной, демонстрирующей мужские качества. Он привык к своей сестре, слабой и покорной. Сара была хорошей девушкой, отрадой семьи; в ее хрупком теле обитала родовая

гордость. Она не должна была умереть такой молодой. И теперь только месть могла вернуть фамильную честь, похороненную вместе с ней.

В стране, откуда был родом отец Карима аль-Джамиля, женщины отстранены от всех мужских занятий. Разумеется, его мать была исключением. Но она так и не приняла ислам. И для Карима аль-Джамиля оставалось неразрешимой тайной, почему его отцу было все равно, почему он не пытался обратить ее в истинную веру. Казалось, ему доставляла огромное удовольствие его светская супруга, хотя та и нажила ему много врагов среди духовенства и ревнителей веры. Еще большей тайной было то, что все это тоже нисколько не волновало отца. Мать скорбела по безвременно ушедшей дочери, и он, искалеченный старик, изо дня в день погруженный в ее горе, также был вынужден переживать.

– И что же Вейнтроп сделал с Борном? – спросила Анна.

Весело отрезав коленный сустав, Карим ответил:

– Вейнтроп является ведущим специалистом в области потери памяти. Именно к нему я обратился за консультацией относительно амнезии Борна. Инъекцией определенных искусственных белков Вейнтроп воздействовал на синапсы в головном мозгу Борна, чуть подправив их функции. Последствия этого были такими же, как и в результате психической травмы, что, как выяснил в своих исследованиях Вейнтроп, способно воздействовать на память. Своей инъекцией Вейнтроп воздействовал на *определенные* синапсы, тем самым создав *новые* воспоминания. И каждое из этих воспоминаний устроено таким образом, что вызывается в памяти Борна нужным внешним фактором.

– Я бы назвала это «промывкой мозгов», – заметила Анна.

Карим кивнул:

– В каком-то смысле это так. Но только в данном случае речь идет о совершенно новой сфере воздействия, в которой больше не требуются физическое принуждение, долгие недели обработки органов чувств и изощренные пытки.

Овальное корыто почти наполнилось. Карим подал знак Анне. Они положили инструменты на торс Овертона – который, помимо головы, оставался единственной целой частью его тела.

– Приведи пример, – сказала Анна.

Вдвоем они взяли корыто за ручки и поднесли его к большому сухому колодцу, в который в прошлом незаконно сливали отработанное моторное масло.

– Образ Хирама Севика вызвал у Борна «добавленное» воспоминание – тактику показа заключенному свободы, которой он лишился, с целью заставить его говорить. В противном случае Борн ни за что бы не вывел Фади из тюрьмы. Этот его поступок имел сразу два значения: во-первых, Фади получил возможность бежать, и, кроме того, Борн оказался под подозрением в своем собственном ведомстве.

Они перевернули корыто. Содержимое вывалилось, исчезая в глубоком колодце.

– Но я не полагался на то, что единственного добавленного воспоминания окажется достаточно, чтобы остановить Борна, – продолжал Карим, – поэтому я попросил Вейнтропа добавить элемент физического дискомфорта – сводящую с ума головную боль, которая обрушивалась на Борна каждый раз, когда вызывалось добавленное воспоминание.

Они отнесли корыто назад к верстаку. Анна сказала:

– Пока что все понятно. Но разве для Фади не было в высшей степени опасно отдаваться в руки ЦРУ в Кейптауне?

– Все, что я разрабатываю и осуществляю, изначально является опасным, – сказал Карим аль-Джамиль. – Мы ведем войну за сердца, рассудок и будущее нашего народа. Для нас нет такого понятия, как чрезмерный риск. Что же касается Фади, то начнем с того, что он выдавал себя за торговца оружием Хирама Севика. Далее, он знал, что мы заставим Борна помимо своей воли его освободить.

– Ну а если бы метод доктора Вейнтропа не сработал или сработал не так, как нужно?

– Что ж, в таком случае у нас оставалась ты, дорогая. Я снабдил бы тебя инструкциями, которые позволили бы вызволить моего брата из тюрьмы. – Включив цепную пилу, Карим аль-Джамиль быстро прошелся по останкам, после чего и они также отправились в колодец. – К счастью, осуществлять эту часть плана не понадобилось.

– Мы полагали, что Сорайя Мор свяжется с директором ЦРУ, чтобы получить санкцию на освобождение Фади, – сказала Анна. – Вместо этого она позвонила Тиму Хитнеру и приказала ему встретиться с ней на улице. Сорайя сообщила, где именно будет находиться Фади. Поскольку я прослушивала все ее разговоры, ты смог привести в действие вторую часть плана побега.

Взяв канистру бензина, Карим открутил крышку и выплеснул треть содержимого в колодец.

– Аллах даже снабдил нас идеальным козлом отпущения – Хитнером.

Открыв крышку бензобака машины Овертона, он вылил почти все, что осталось, в салон. Ни один эксперт-криминалист ничего не сможет извлечь из того, что уцелеет. Развернувшись, Карим аль-Джамиль попятился к двери черного хода, оставляя на полу полоску бензина.

Они подошли к большому умывальнику из стеатита, стащили рукавицы и тщательно отмыли окровавленные руки и лица. Затем сняли фартуки и бросили их на пол.

Когда они уже были у двери, Анна напомнила:

– Нельзя забывать также о Лернере.

Карим аль-Джамиль кивнул:

– До тех пор пока я не решу, как с ним быть, ты должна соблюдать предельную осторожность. От Лернера нельзя избавиться так же просто, как от этого Овертона.

Он чиркнул спичкой и бросил ее под ноги. Голубое пламя, вспыхнув с громким шелестом, устремилось к машине.

Анна открыла дверь, и они шагнули в темноту гетто.

Задолго до того, как «Эм-энд-Эн кузовные работы» озарился огнем, Тайрон засек мужчину и женщину. Он сидел на каменной стене, в густой тени старого дуба, раскинувшего свои узловатые ветви опрокинутой чашей щупалец медузы. На нем была черная толстовка, капюшон натянут на голову. Тайрон с нетерпением ждал, когда Ди-Джей Танк принесет ему перчатки, потому что, черт побери, было очень холодно.

Он как раз дул на руки, пытаясь их согреть, когда к развалинам здания подъехала машина. В течение нескольких месяцев Тайрон присматривался к этому месту: он надеялся, что оно заброшено, и лелеял мечту устроить в нем базу своей банды. Но полтора месяца назад ему доложили, что там была замечена какая-то активность, причем ночью, когда вся законная деятельность замирает. Поэтому он прихватил с собой Ди-Джея Танка и отправился на разведку.

И действительно, внутри были люди. Два бородача. Что еще любопытнее, третий бородач дежурил на улице. Когда он обернулся, Тайрон отчетливо разглядел у него на поясе блеснувший пистолет. Ему было известно, кто носит такие бороды: ортодоксальные евреи или арабские экстремисты.

Когда они с Ди-Джеем Танком подкрались к зданию и заглянули в покрытое толстым слоем грязи окно, бородачи обставляли зал канистрами, инструментом и каким-то оборудованием. Хотя

электроснабжение было восстановлено, никаких ремонтных работ, очевидно, не предусматривалось. Уходя, бородачи заперли ворота на огромный навесной замок, и Тайрон, бросив на него опытный взгляд, сразу же понял, что вскрыть такой невозможно.

С другой стороны, оставалась дверь черного хода, спрятанная в узком глухом переулке, о которой вряд ли кто-нибудь догадывался. Однако Тайрон о ней знал. В его владениях не было почти ничего такого, о чем он не знал или не мог получить сведения в считаные минуты.

После отъезда бородачей Тайрон вскрыл замок на двери черного хода, и они проникли внутрь. И что же он увидел? Обилие мощного электроинструмента, которое не раскрыло ему ровным счетом ничего о таинственных бородачах и их намерениях. Но вот канистры – это уже была совершенно другая история. Тайрон изучил их одну за другой: тринитротолуол, пентрит, дисульфид углерода, гексаген. Разумеется, он знал, что такое тротил, но об остальных веществах ему еще не приходилось слышать. Тайрон обратился к Дерону, и тот его просветил. За исключением дисульфида углерода, все остальные вещества были мощной взрывчаткой. Пентрит, известный также как ПЭНТ, используется в детонаторах. Гексаген, известный также как ГМКС, представляет собой связанное полимером взрывчатое вещество, твердое, вроде Си-4. В отличие от тротила, гексоген нечувствителен к удару и тряске.

С той самой ночи увиденное не выходило у Тайрона из головы. Ему хотелось разобраться в происходящем, поэтому он организовал постоянное наблюдение за автомастерской, и вот сегодня его бдительность была вознаграждена.

Только посмотрите: на стальном верстаке посреди зала лежит тело. А женщина и мужчина в фартуках и рукавицах потрошат его, словно тушу оленя, черт побери. Вот до чего доходят люди! Тайрон покачал головой. Они с Ди-Джеем Танком смотрели сквозь грязное стекло окошка наверху. И вдруг Тайрон ощутил затылком укол. Он узнал лицо трупа на верстаке! Это был тот самый человек, который несколько дней назад следил за мисс Ш, тот самый, о котором, по ее словам, она намеревалась позаботиться сама.

Тайрон наблюдал за действиями мужчины и женщины, однако теперь, после потрясения, он уже не обращал внимания на то, чем они занимаются. Вместо этого он старался запомнить их лица. У него возникло ощущение, что мисс Ш будет очень любопытно узнать, чем занималась эта парочка.

Затем ночная темнота озарилась, Тайрон почувствовал, как ему в лицо пахнул нестерпимый жар, и к небу взметнулись языки пламени.

Тайрону не раз приходилось сталкиваться с пожарами – точнее, поджогами, поэтому он не мог сказать, что случившееся его потрясло. Лишь опечалило. «Эм-энд-Эн кузовные работы» он потерял навсегда, это уж точно. Но затем ему в голову пришла одна мысль, и он шепнул пару слов Ди-Джею Танку.

Когда они забрались в зал в первый раз, там все было забито разнообразной взрывчаткой и катализаторами. Если бы все эти вещества оставались на месте, взрыв снес бы целый квартал и его с Ди-Джеем Танком в придачу.

И вот теперь Тайрон задал себе вопрос: если взрывчатки не было внутри, где она?

Министр обороны Э.Р. Бад Хэллидей ел тогда, когда получалось, в любое время дня и ночи. Строгого графика трапез у него не существовало. Но если только его не вызывал к себе для очередной взбучки президент, если только ему не приходилось отчитываться перед сенатом, если он не переливал из пустого в порожнее с вице-президентом и не возглавлял заседание Объединенного комитета начальников штабов, Хэллидей предпочитал поглощать пищу в своем лимузине. Если не считать редких вынужденных остановок, вызванных различными причинами, лимузин, подобно акуле, находился в непрерывном движении, катился по улицам и бульварам Вашингтона.

Мэттью Лернер пользовался в обществе министра некоторыми привилегиями, не последней из которых была возможность составить ему компанию за столом, как это предстояло сегодня вечером. В мире за тонированными стеклами лимузина для ужина было еще слишком рано. Однако здесь был мир министра Хэллидея, и в нем час ужина уже пробил.

После короткой молитвы они вонзили зубы в солидные порции барбекю по-техасски: здоровенные говяжьи ребра, покрытые толстым, блестящим слоем красного мяса. На гарнир были жареные бобы с вкраплениями огненного перца чили. И все это заливалось бутылками пива, сваренного, как не переставал с гордостью повторять Бад, в Форт-Уэрте.[9]

Быстро расправившись с едой, министр вытер руки и лицо, затем схватил еще одну бутылку пива и откинулся назад.

– Итак, директор ЦРУ нанял тебя своим личным убийцей.

– Похоже на то, – подтвердил Лернер.

Раскрасневшиеся щеки министра блестели от тонкой пленки говяжьего жира.

– Есть какие-нибудь мысли на этот счет?

– Я еще ни разу в жизни не отступал, – сказал Лернер.

Хэллидей бросил взгляд на листок бумаги, который Лернер ему протянул, садясь в лимузин. Разумеется, министр уже был знаком с его содержанием, сделал это он только для эффекта, в чем очень преуспел.

– Мне пришлось хорошенько покопаться, но теперь мы знаем, где сейчас находится Борн. Его лицо зафиксировала камера видеонаблюдения в международном аэропорту имени Кеннеди. – Подняв взгляд, министр выковырял из зубов кусочек мяса. – Это задание отправляет тебя в Одессу. Далековато от штаб-квартиры ЦРУ.

Лернер понимал, что тем самым Хэллидей хочет сказать, что ему на время придется забросить поручение самого министра.

– Я выполню это поручение Старика, и директор окажется передо мной в неоплатном долгу. И мы оба будем это знать. Это можно использовать как хороший рычаг, – ответил он.

– А что насчет Анны Хельд?

– Я поручил ее одному человеку, которому доверяю. – Лернер промакнул коркой хлеба остатки густого острого соуса. – Это очень упорный тип. Для того чтобы от него отвязаться, его надо убить.

Борну снова явились видения. Но только теперь он знал, что это не сон. Он переживал заново осколок воспоминаний, еще один элемент мозаики, вставший на свое место.

В грязном одесском переулке Сорайя стоит перед ним на коленях. Он слышит в ее голосе горечь сожаления.

– Этот ублюдок Тарик ибн Сайд с самого начала водил меня за нос, – говорит она. – На самом деле он сын Хамида ибн Ашефа Надир аль-Джаму. Это он выдал мне «информацию», которая завела нас в западню. Джейсон, я все испортила.

Борн садится. Хамид ибн Ашеф. Он должен был разыскать этого человека и убить его. Приказ Алекса Конклина.

– Тебе известно, где сейчас находится Хамид ибн Ашеф?

– Да, и на этот раз сведения абсолютно достоверны, – говорит Сорайя. – Он на пляже Отрада.

Александр заворочался, ткнул Борна в бедро плоской черной мордой. Борн заморгал, прогоняя воспоминания, пытаясь сосредоточиться на настоящем. Судя по всему, он заснул, хотя и намеревался бодрствовать. Хорошо, что Александр бдительно нес дежурство за него.

Усевшись на дощатом настиле в своей крошечной подземной келье, Борн увидел, что темнота озарилась зловещим перламутровым сиянием. Бульдог ощетинился. Сюда кто-то идет!

Не обращая внимания на нахлынувшую боль, Борн спустил ноги с настила. Для возвращения Сорайи еще слишком рано. Опершись на стену, он поднялся на ноги, постоял какое-то мгновение, ощущая прикосновение теплого мускулистого тела Александра. Слабость еще не прошла, но он провел время с пользой, дыша глубоко и размеренно, занимаясь медитацией, восстанавливающей запасы жизненной энергии. От потери крови силы оставили его, но теперь он уже мог хоть как-то повелевать тем, что осталось.

Перемена освещения по-прежнему была едва заметной, но теперь Борн уже отчетливо видел, что источник света перемещается, дергаясь вверх и вниз. Это означало, что его держит в руке человек, приближающийся по подземному тоннелю.

Александр, ощетинившись, возбужденно облизывал губы. Борн потрепал собаку за ушами, как это делала Сорайя. Он не переставал себя спрашивать: кто она такая? Что она для него значит? Все те мелочи в ее поведении по отношению к нему во время его первого появления в центре «Тифон», тогда показавшиеся ему странными, теперь приобретали смысл. Сорайя ждала, что он ее вспомнит, вспомнит то, как работали они вместе в Одессе. Что здесь произошло? Почему ей пришлось уйти с оперативной работы?

Свет уже не был бесформенным. У Борна не осталось времени копаться в своей разбитой на мелкие осколки памяти. Но стоило ему сделать движение, как закружилась голова и он пошатнулся. Борн ухватился за каменную стену, чувствуя, что у него подгибаются колени. Свет становился все ярче, а он был бессилен что-либо предпринять.

Фади, двигаясь по левому ответвлению, вслушивался в малейшие звуки. Каждый раз, услышав какой-то шорох, он быстро направлял в ту сторону луч фонаря, но видел только суетящихся крыс с красными глазами и отвратительными голыми хвостами. Фади не покидало острое ощущение неоконченного дела. При мысли о том, что его отец – умный, сильный, крепкий мужчина – был превращен в никчемную оболочку, способную лишь бессвязно бормотать, пуская слюни, прикованную к инвалидному креслу, устремившую взгляд в серую бесконечность, у него в груди вспыхивал костер. Это сделал Борн, Борн и та женщина. Совсем недалеко отсюда, при этом сам Фади едва не погиб от пули Борна. Он не

питал насчет Джейсона Борна никаких иллюзий. Этот человек был настоящим волшебником – менял свою внешность, материализовался из ниоткуда и также таинственно исчезал. На самом деле именно Борн вдохновил Фади тоже стать хамелеоном, менять обличья.

Дело всей его жизни изменилось в ту самую минуту, когда пуля, выпущенная Борном, попала его отцу в позвоночник. Это ранение не только вызвало мгновенный паралич; за ним последовал инсульт, который отнял у отца способность говорить и связно мыслить.

С того самого момента радикальная философия Фади приобрела для него особый внутренний смысл. Для его последователей ничего не изменилось. Но сам Фади чувствовал произошедшие перемены. После того как Джейсон Борн искалечил его отца, у него появилась своя собственная цель, состоящая в том, чтобы причинить Борну и Сорайе Мор самые страшные мучения, перед тем как их убить. О быстрой, безболезненной смерти для них не могло быть и речи. Так считал Фади, и так считал его брат Карим аль-Джамиль. Отец, превратившийся в живой труп, связал братьев неразрывными узами. Их сознание слилось воедино, разделенное на два тела, нацеленное на неминуемое отмщение. И братья посвятили этой задаче все свои силы, весь свой изворотливый ум.

Фади, урожденный Абу Гази Надир аль-Джаму ибн Хамид ибн Ашеф аль-Фахиб, прошел мимо провала в стене слева. Впереди луч его фонарика высветил тоннели, уходящие влево и вправо. Фади заглянул сначала в один, затем в другой, но ничего не обнаружил.

Решив, что он все-таки ошибся, Фади повернул назад, возвращаясь к развилке. Он торопился вернуться к лейтенанту Ковальчуку и его людям. Ему было просто необходимо самому быть на острие. Не исключено, что в пылу боя милиционеры забудут его приказ взять Борна живым.

Проходя мимо провала в стене, Фади остановился. Повернувшись, он направил в зияющую темноту луч фонаря. Не увидев ничего необычного, он тем не менее двинулся вперед. Вскоре дорогу ему преградила каменная осыпь. Фади увидел перед собой выпученные стены, покрытые трещинами, стонущие от напряжения деревянные балки. Определенно, здесь велика вероятность нового обвала.

Поводив лучом света по груде камней, Фади увидел, что между ее верхом и сводом остается узкая щель. Он как раз размышлял, сможет ли в эту щель протиснуться человек, когда по подземному лабиринту гулким эхом раскатились отголоски выстрелов.

«Они его нашли!» – подумал Фади. Развернувшись, он возвратился в главный проход и бегом бросился назад к развилке.

Глава 18

Сорайя, бегущая по тоннелю, услышала свист каменных осколков, выбитых из стен пулями. Один острый кусок впился ей в плечо, и она едва не вскрикнула от боли. Выдернув осколок на бегу, Сорайя бросила его, сознательно оставляя след для погони. Она была полна решимости защитить Борна, исправить ту свою чудовищную ошибку, которую совершила во время предыдущего пребывания в Одессе.

Погасив фонарик, молодая женщина бежала, полагаясь исключительно на собственную память, которую едва ли можно было назвать идеальным путеводителем по этим катакомбам. Однако она понимала, что выбора у нее нет. Сорайя считала шаги. По ее подсчетам, какими бы грубыми они ни были, она уже в пяти километрах от разветвления подземных тоннелей. До выхода на землю, ближайшего к дому доктора Павлиной, оставалось еще около двух километров.

Но сначала нужно сделать три поворота и преодолеть еще одну развилку. Вдруг Сорайя услышала за спиной какой-то звук. И тотчас же катакомбы позади на мгновение озарились тусклым светом. Преследователи ее настигают! Воспользовавшись освещением, молодая женщина сориентировалась и устремилась в правое ответвление. На какое-то время ее снова поглотил непроницаемый мрак, звуки погони затихли вдали.

Но тут Сорайя налетела на что-то правой ногой. Споткнувшись, она повалилась на четвереньки. Ощупав землю перед собой, она обнаружила, что пол пещеры поднимается, и у нее сдавило сердце. Это могло означать только то, что здесь произошел новый обвал. Но насколько протяженной является каменная осыпь? Сорайя решила рискнуть включить фонарик, хотя бы на пару секунд.

Осветив завал, она быстро перебралась через него и побежала дальше. Погони больше не было слышно. Не исключено, что ей удалось оторваться от милиционеров, но рассчитывать на это нельзя.

Сорайя бежала, напрягая силы до предела. Вот второй поворот налево, вот третий. Она знала, что примерно в километре впереди будет второе разветвление. После чего она беспрепятственно выйдет на поверхность.

Фади выяснил, что милиционеры не только увидели Борна, но и стреляли в него. Не спросив у Ковальчука разрешения, он отвесил виновнику страшный удар, едва не сломав ему челюсть. Залившись краской, Ковальчук молча наблюдал за этим, кусая губы. Он не сказал ничего даже тогда, когда Фади приказал двинуться дальше. Через несколько сот метров Фади обнаружил осколок скалы, покрытый

блестящей в лучах света фонарей свежей кровью. Подобрав осколок, Фади стиснул его в кулаке, ободряясь.

Но он понимал, что сейчас, в самом сердце катакомб, продолжать преследование одним отрядом бессмысленно. Повернувшись к Ковальчуку, он сказал:

– Чем дольше преступник останется под землей, тем больше у него будет шансов ускользнуть от нас. Прикажи своим людям разделиться, пусть каждый в одиночку прочешет свой участок, как это было бы в лесу на вражеской территории.

Фади видел, что милиционеры быстро теряют мужество и их беспокойство передается командиру. Надо заставить их шевелиться прямо сейчас, иначе этого не произойдет никогда.

Подойдя к Ковальчуку вплотную, он шепнул ему на ухо:

– Мы теряем время. Немедленно отдай приказ, или это сделаю я.

Лейтенант дернулся, словно дотронувшись до оголенного провода. Отступив назад, он облизал пересохшие губы. Мгновение Ковальчук как завороженный смотрел на Фади. Затем, вздрогнув, повернулся к своим людям и передал приказ разделиться, прочесывая тоннели и ответвления по одному.

Сорайя чувствовала, что до разветвления осталось уже совсем немного. Дуновение свежего воздуха нежным прикосновением возлюбленного погладило ей щеку: выход на поверхность. Позади сплошная темнота. Было очень сыро. В воздухе висел запах гниения – грунтовые воды подтачивали землю и дерево, разлагая их. Сорайя рискнула еще раз зажечь фонарик. Ее взгляд лишь мельком скользнул по покрытым капельками воды стенам – меньше чем в двадцати метрах впереди она увидела развилку. Там надо будет повернуть налево.

В этот момент в проходе у нее за спиной мелькнул луч света. Молодая женщина тотчас же погасила фонарик. В висках у нее застучала кровь, сердце бешено заколотилось. Успел ли преследователь заметить впереди свет и понять, что она здесь? Хотя ей обязательно нужно было идти дальше, она не имела права скомпрометировать доктора Павлину. Павлина – глубоко законспирированный сотрудник ЦРУ.

Застыв неподвижно, Сорайя обернулась так, чтобы ей стал виден проход, по которому она пришла. Свет исчез. Нет, вот он появился снова – крошечный маячок в кромешном мраке, теперь уже не такой рассеянный. Кто-то действительно приближался по проходу.

Сорайя медленно попятилась назад, удаляясь от преследователя, осторожно направляясь к развилке, не отрывая взгляда от пляшущего огонька. Двигаясь, она пыталась решить, что делать дальше. И вдруг стало уже слишком поздно.

Нога Сорайи проткнула мягкую поверхность пола катакомб. Молодая женщина попыталась перенести вес своего тела на другую ногу, но провалившаяся земля засасывала ее назад, вниз. Сорайя раскинула руки, стараясь удержать равновесие, но этого оказалось недостаточно. Жидкая грязь уже засосала ее по бедро. Сорайя начала вырываться.

Внезапно яркий луч высветил проход. Черное пятно приобрело знакомые очертания: украинский милиционер, огромный в этом тесном подземном коридоре.

Увидев Сорайю, он широко раскрыл глаза от удивления и выхватил пистолет.

Ровно в 22.45 компьютер Карима аль-Джамиля тихо запищал, напоминая о том, что до второго из двух ежедневных совещаний у Старика осталось пятнадцать минут. Однако это беспокоило Карима аль-Джамиля меньше, чем внезапное исчезновение Мэттью Лернера. Он спросил об этом Старика, но ублюдок лишь ответил, что Лернер выполняет «одно задание». Это могло означать все, что угодно. Подобно всем выдающимся стратегам, Карим аль-Джамиль терпеть не мог неопределенности, а именно воплощением неопределенности и стал для него Мэттью Лернер. Даже Анна не знала, где он, что уже само по себе было странно. Обычно она лично составляла распорядок дня Лернера. Директор ЦРУ что-то задумал. Карим аль-Джамиль не мог сбрасывать со счетов вероятность того, что внезапное исчезновение Лернера имеет какое-то отношение к Анне. Необходимо все выяснить, и как можно скорее. А это означало, что придется иметь дело напрямую со Стариком.

Компьютер запищал снова: пора идти. Захватив расшифровки последних переговоров «Дуджи», перехваченных сотрудниками «Тифона», Карим аль-Джамиль вышел в коридор. Там помощник вручил ему еще два листка. Карим аль-Джамиль ознакомился с ними по дороге в кабинет Старика.

В приемной его встретила Анна, как обычно строго восседавшая за письменным столом. При его появлении ее глаза озарились на долю секунды. Тотчас же взяв себя в руки, она сказала:

– Директор вас ждет.

Кивнув, Карим аль-Джамиль прошел мимо. Анна нажала кнопку, впуская его в огромный кабинет. Директор ЦРУ разговаривал по

телефону, но, увидев Карима аль-Джамиля, махнул рукой, приглашая его войти.

– Совершенно верно. Все отделения остаются в состоянии повышенной готовности.

Несомненно, он разговаривал с начальником оперативного отдела.

– Вчера утром мы поставили в известность директора МАГАТЭ, – продолжал Старик, выслушав своего собеседника. – На время весь личный состав агентства переходит под наше управление… Да. Сейчас главная задача заключается в том, чтобы не дать Управлению внутренней безопасности вставлять нам палки в колеса… Нет, пока что мы не допускаем никакой утечки информации. Меньше всего нам сейчас нужно, чтобы средства массовой информации посеяли панику среди гражданского населения. – Помолчав, он кивнул. – Хорошо. Держи меня в курсе, днем и ночью.

Положив трубку, директор ЦРУ знаком предложил Кариму аль-Джамилю садиться.

– Что у тебя есть для меня?

– Наконец-то произошел прорыв. – Карим аль-Джамиль протянул документы, которые ему принесли перед самым совещанием. – Наблюдается небывалая активность переговоров «Дуджи» в Йемене.

Кивнув, директор погрузился в изучение документов.

– Конкретно из окрестностей города Шабвы, насколько я понимаю.

– Вокруг Шабвы малонаселенная горная область, – подтвердил Карим аль-Джамиль. – Идеальное место для создания подземного ядерного реактора.

– Согласен, – сказал Старик. – Пусть в Йемен срочно отправляются группы «Скорпион». Но на этот раз я попрошу еще и помощь с земли. – Он схватил телефон. – В Джибути размещены два батальона специального назначения морской пехоты. Я попрошу, чтобы их послали в Йемен в полном составе. – У него зажглись глаза. – Отлично сработано, Мартин. Надеюсь, твои люди дали нам возможность раздавить весь этот кошмар в зародыше.

– Благодарю вас, сэр.

Карим аль-Джамиль усмехнулся. Старик был бы совершенно прав, если бы только перехваты не были дезинформацией, тщательно составленной людьми «Дуджи». Хотя безжизненные просторы Шабвы действительно являются великолепным укрытием – в свое время они с

братом всерьез обдумывали этот вариант, – на самом деле подземный ядерный завод «Дуджи» находился совсем не на юге Йемена.

В одном смысле Сорайе повезло, хотя она не сразу это поняла: стальные прожилки в стенах катакомб не позволяли милиционеру, обнаружившему ее, связаться со своими товарищами по рации. Он был предоставлен сам себе.

Совладав с собой, молодая женщина прекратила дергаться. Барахтаясь, она лишь еще глубже погрузилась в грязевой колодец на дне катакомб. Липкая жижа доходила ей уже до пояса.

Украинский милиционер подбежал к ней. Лишь когда он оказался совсем близко, Сорайя увидела, как он перепуган. Как знать, быть может, у него в катакомбах погибли брат или сестра? В любом случае не вызывало сомнений, что молодой парень прекрасно знал о многочисленных опасностях, подстерегающих здесь на каждом углу. И вот сейчас он видел Сорайю там, где в ужасе мысленно видел себя самого с того самого момента, как получил приказ спуститься вниз.

– Во имя всего святого, пожалуйста, помогите!

Осторожно приблизившись к краю колодца, милиционер осветил Сорайю фонарем. Она протянула к нему одну руку, держа другую за спиной.

– Кто ты такая? Что ты здесь делаешь?

– Я туристка. Я здесь заблудилась. – Сорайя жалобно всхлипнула. – Мне очень страшно. Я боюсь утонуть.

– Туристка – нет. Нам рассказали, кто вы такие. – Милиционер покачал головой. – Ваше время кончилось – твое и твоего дружка. Вы оба завязли слишком глубоко. – Достав пистолет, он направил его на Сорайю. – В любом случае сегодня вы оба умрете.

– Не будь так самоуверен, – сказала Сорайя, сражая его наповал выстрелом в сердце из компактного «вальтера П-99».

Широко раскрыв глаза, милиционер рухнул навзничь, словно картонная мишень в тире. Выпавший из его руки фонарик ударился о камень и сразу же погас.

– Проклятие, – сдавленно выругалась Сорайя.

Она убрала «вальтер» в кобуру под мышкой. Пистолет она достала, как только обрела равновесие, и все остальное время держала его за спиной. Теперь первым вопросом в повестке дня стояло дотянуться до ног

убитого милиционера. Сорайя опустила грудь в грязь, стараясь улечься горизонтально. При этом она оказалась совсем рядом с целью.

«Всплывай! – мысленно приказала она себе. – Всплывай же, черт побери!»

Расслабив ноги, Сорайя за счет мышц верхней половины туловища стала дюйм за дюймом ползти вперед, максимально вытянув перед собой руки. Она чувствовала, как грязь засасывает ее обратно, не желая выпускать ноги. Переборов новый приступ паники, молодая женщина полностью сосредоточилась на том, чтобы медленно продвигаться вперед. В полной темноте это было особенно трудно. Пару раз ей казалось, что ее уже полностью засосало в грязь, что она уже мертва.

Вдруг ее пальцы наткнулись на резину: подошвы ботинок! С огромным трудом преодолев еще сантиметр-два, Сорайя ухватилась за ноги трупа. Собравшись духом, она потянула изо всех сил.

Сама она не двинулась с места, а вот труп пополз к ней. Его ноги оказались на самом краю грязевого колодца. Однако на этом все закончилось; больше грузное тело не сдвинулось ни на миллиметр.

Сорайе этого было достаточно. Используя труп в качестве импровизированного пандуса, она медленно, но уверенно перебирала руками, цепляясь все выше за его ноги, и наконец ухватилась за широкий ремень. После этого ей уже без особого труда удалось полностью выбраться из грязи.

Какое-то мгновение она лежала на трупе, чувствуя гулкие удары своего сердца, слыша собственное дыхание, с присвистом вырывающееся из легких. Наконец она перекатилась вбок, на сырой пол катакомб, и поднялась на ноги.

Как Сорайя и опасалась, фонарик убитого милиционера был безнадежно испорчен. Она достала свой, моля бога о том, чтобы он продолжал работать. Моргнул слабый лучик, тотчас же погас, загорелся снова. Оказавшись на твердой земле, Сорайя спихнула труп милиционера в грязевой колодец. Затем осмотрела пол, замазывая грязью лужицы крови.

Понимая, что батареек в фонарике надолго не хватит, Сорайя поспешила в левое ответвление, ведущее к выходу на поверхность недалеко от дома доктора Павлиной.

Во время второй посадки для дозаправки самолет, везущий Мартина Линдроса, принял на борт нового пассажира. Усевшись рядом с Линдросом, мужчина произнес несколько слов на том бедуинском диалекте арабского, на котором говорил Аббуд ибн Азиз.

– Но вы не Аббуд ибн Азиз, – сказал Линдрос, поворачивая голову на голос, словно слепой. Лицо его по-прежнему было закрыто плотным черным капюшоном.

– И правда. Я его родной брат, Мута ибн Азиз.

– Вы тоже преуспели в искусстве калечить людей, как и ваш брат?

– Такие вещи я оставляю брату, – резко ответил Мута ибн Азиз.

Линдрос, чей слух ввиду вынужденной слепоты стал особенно острым, уловил безошибочные нотки. Он решил попробовать сыграть на кроющихся за этим чувствах.

– Надеюсь, ваши руки чисты. – Линдрос ощущал, что араб внимательно его изучает, словно новый вид млекопитающего.

– Моя совесть чиста.

Линдрос пожал плечами.

– Мне нет никакого дела до того, что вы лжете.

Мута ибн Азиз отвесил ему затрещину.

Линдрос ощутил во рту привкус крови. У него мелькнула смутная мысль, смогут ли его губы распухнуть еще больше.

– У вас с братом гораздо больше общего, чем вы думаете, – глухо промолвил он.

– На свете нет двух других таких разных людей, как мы с братом.

Наступила неловкая тишина. Линдрос понял, что Мута жалеет о своих словах. Ему захотелось узнать, какая размолвка разделила братьев и может ли он как-нибудь этим воспользоваться.

– Я провел с Аббудом ибн Азизом несколько недель, – заговорил Линдрос. – Сначала он меня пытал, затем, когда у него ничего из этого не получилось, попробовал стать моим другом.

– Ха!

– Вот и я ответил ему так же, – сказал Линдрос. – На самом деле он хотел лишь узнать, что мне известно о покушении на Хамида ибн Ашефа.

Он услышал, как Мута зашевелился, подсаживаясь к нему поближе. Когда араб заговорил, его голос был едва слышен сквозь гул двигателей.

– Почему брат хотел узнать *именно об этом?* Он тебе сказал?

– С его стороны это было бы глупо. – Внутренняя антенна Линдроса нацелилась на только что услышанное. Несомненно, покушение на Хамида ибн Ашефа имеет крайне важное значение для обоих братьев. Почему? – У Аббуда ибн Азиза, возможно, множество недостатков, но глупость в их число не входит.

– Да, Аббуд не глуп. – Голос Муты затвердел, превратившись в сталь. – Но он лжец и обманщик – это точно.

Карим аль-Джамиль ибн Хамид ибн Ашеф аль-Вахиб, человек, который на протяжении последних дней выдавал себя за Мартина Линдроса, был поглощен поисками лазейки в главный компьютер ЦРУ, где хранилась вся до последней йоты важная информация. Вся проблема заключалась в том, что у него не было кода доступа, который открыл бы перед ним цифровые ворота. Настоящий Мартин Линдрос так и не назвал ключевое слово. В чем не было ничего удивительного. Но Карим аль-Джамиль разработал альтернативный план, изящный и действенный. Пытаться взломать систему защиты ЦРУ бесполезно. Это пробовали сделать гораздо более опытные хакеры, но тщетно. Электронная защита «Часовой» не зря считается надежной, как банковский сейф.

Итак, как получить доступ к защищенному от взломов компьютеру, если нет кода доступа? Карим аль-Джамиль знал, что если вырубить главный компьютер ЦРУ, технический персонал раздаст всем сотрудникам, и ему в том числе, новые коды доступа. А добиться этого можно, лишь внедрив в систему вирус. Поскольку «Часовой» не позволит сделать это извне, сделать это нужно изнутри.

Следовательно, Кариму аль-Джамилю требовался абсолютно надежный способ доставить компьютерный вирус в штаб-квартиру ЦРУ. Пытаться тайно занести вирус ему самому или Анне было бы слишком опасно; а все остальные возможные пути были надежно перекрыты. Нет. Даже сотрудник ЦРУ не пронесет вирус в здание. Над этой задачей Карим аль-Джамиль с братом ломали голову в течение нескольких месяцев.

И вот что они наконец придумали: шифрованная записка, обнаруженная сотрудниками «Тифона» в пуговице рубашки Фади, на самом деле была вовсе не шифром, вот почему Тиму Хитнеру так и не удалось ее вскрыть. Это была пошаговая инструкция, позволяющая восстановить вирус, используя обычный бинарный код компьютера – цепочку команд низкого уровня, которые работали бы в самом ядре операционной системы, совершенно невидимые. Восстановленные на компьютере ЦРУ, эти команды обрушатся на операционную систему, в данном случае «Юникс», искажая ее основные процедуры. В результате

возникнет всеобщий хаос, и за каких-нибудь шесть минут все компьютеры ЦРУ выйдут из строя.

Конечно, существовала и защита, так что если бы даже Хитнеру по прихоти случая удалось понять, что перед ним вовсе не шифр, он все равно не смог бы непроизвольно активизировать цепочку команд – потому что они были записаны задом наперед.

Карим аль-Джамиль открыл файл, над которым трудился Хитнер, переписал цепочку двоичных знаков в обратном порядке и сохранил ее. Затем он вошел в язык программирования Си++ и переписал в окно редактирования последовательность инструкций, необходимых для создания вируса.

Наконец готовый вирус появился у Карима аль-Джамиля на экране. Достаточно всего одного нажатия клавиши, и он активизируется. За долю секунды вирус проникнет в операционную систему – не только по основным путям, но и через обходные дорожки и перекрестные ссылки. Другими словами, он закупорит и исказит потоки данных, входящие и выходящие из главного компьютера ЦРУ, тем самым обойдя «Часового» стороной. Подобное можно было осуществить только с компьютера, подключенного к сети *внутри* ЦРУ, потому что все атаки извне, какими бы изощренными они ни были, «Часовой» уверенно отразил бы.

Однако первым делом необходимо было решить еще один важный вопрос. На другой экран Карим аль-Джамиль вывел личное дело и стал присоединять к нему неопровержимые улики, в том числе шифр, который был использован для создания вируса.

Покончив с этим, Карим аль-Джамиль сохранил файл на жестком диске, убрал все бумаги в папку и запер ее в сейф. Одним движением пальца он очистил экран и вызвал программу, которая так терпеливо дожидалась своего рождения. Удовлетворенно вздохнув, он нажал клавишу.

Вирус активизировался.

Глава 19

Аббуд ибн Азиз, один среди волн и своих мрачных мыслей, первым увидел Фади, показавшегося из входа в каменоломни. Прошло уже больше трех часов с того момента, как Фади в сопровождении милицейского отряда открыл решетку и спустился под землю. Тонкий знаток выражений лица и жестов своего предводителя, Аббуд ибн Азиз сразу же понял, что найти Борна не удалось. Для него это было очень плохо, потому что это было плохо для Фади. Милиционеры задыхались, шатаясь от усталости.

Аббуд ибн Азиз услышал жалобный голос лейтенанта Ковальчука:

– Товарищ генерал-майор, я потерял одного из своих людей.

– А я потерял гораздо больше, лейтенант, – отрезал Фади. – Твоему человеку не удалось задержать опасного преступника. Он стал жертвой собственной некомпетентности – должен сказать, совершенно справедливое наказание. Вместо того чтобы скулить, рассматривай случившееся как полезный урок. Твои люди недостаточно крепки – им еще работать и работать.

Прежде чем Ковальчук успел ответить, Фади развернулся и направился к пристани, к которой была пришвартована парусная шлюпка.

– Уходим, – бросил он, поднявшись на борт.

Фади был в таком отвратительном настроении, что казалось, будто от него летят искры. В такие моменты он становился особенно вспыльчивым, Аббуд ибн Азиз знал это лучше, чем кто бы то ни было, за исключением, быть может, Карима аль-Джамиля. Но именно о Кариме аль-Джамиле ему требовалось переговорить сейчас со своим предводителем.

Он дождался, когда шлюпка отойдет от причала и паруса наполнятся ветром. Наконец милицейские катера остались позади, и шлюпка растворилась в черноморской ночи, направляясь к причалу, где Аббуд ибн Азиз оставил машину, на которой им предстояло уехать в аэропорт. Усевшись рядом с Фади на носу, вдалеке от экипажа из двух человек, Аббуд ибн Азиз предложил предводителю еду. Какое-то время они ели под шелест воды, расходящейся от носа двумя симметричными усами, и под редкие сигналы сирены, печальные, словно плач потерявшегося ребенка.

– Пока тебя не было, у меня состоялся неприятный разговор с доктором Сенаресом, – наконец нарушил молчание Аббуд ибн Азиз. – Он сомневается в том, что у доктора Вейнтропа все готово для завершения работ по созданию ядерного устройства, хотя сам Вейнтроп это и отрицает.

– Доктор Вейнтроп умышленно тянет время, – заметил Фади.

Аббуд ибн Азиз кивнул.

– Доктор Сенарес придерживается такого же мнения, и я склонен ему верить. В конце концов, он специалист в области ядерной физики. В любом случае у нас уже не в первый раз возникают неприятности с Вейнтропом.

Фади задумался.

– Ну хорошо. Свяжись со своим братом. Пусть он заберет Катю Вейнтроп и привезет ее в Миран-Шах, где мы с ним встретимся. Полагаю, как только доктор Вейнтроп воочию увидит то, что мы можем сделать с его женой, он снова станет сговорчивым.

Аббуд ибн Азиз многозначительно взглянул на часы.

– Последний самолет поднялся в воздух уже несколько часов назад. Ближайший следующий рейс вылетает только вечером.

Фади сидел неподвижно, устремив взгляд в пустоту. Аббуд ибн Азиз понял, что мысли предводителя снова неудержимо вернулись в прошлое, в тот день, когда был ранен его отец. Вина Фади в случившемся была огромной. Много раз Аббуд ибн Азиз тщетно пытался утешить своего командира и друга, помочь ему сосредоточиться на настоящем. Однако трагедия усугублялась глубокой болью предательства и смерти. Родная мать так и не простила Фади гибель единственной дочери. Мать Аббуда ибн Азиза ни за что бы не возложила на него столь тяжкое бремя. Но ведь она мусульманка, а мать Фади христианка, и в этом вся разница. Сам Аббуд ибн Азиз несчетное число раз встречался с Сарой ибн Ашеф, но никогда даже не задумывался о ней до той ночи в Одессе. Фади, напротив, наполовину англичанин; кто может проникнуть в его мысли и чувства к сестре?

Аббуд ибн Азиз поймал себя на том, что у него напряглись мышцы живота. Облизнув губы, он начал давно заготовленную речь:

– Фади, этот план Карима аль-Джамиля внушает мне все большее беспокойство. – Фади продолжал молчать, даже не поведя взглядом. Услышал ли он слова своего ближайшего сподвижника? Аббуду ибн Азизу оставалось надеяться на это. Он продолжал: – Во-первых, обстановка секретности. Я задаю тебе вопросы, ты упорно не желаешь отвечать. Я пытаюсь проверить меры безопасности, но вы с братом мне всячески мешаете. Во-вторых, все это чрезвычайно опасно. Если мы потерпим неудачу, под угрозой окажется вся сеть «Дуджи», всплывет наш главный источник финансирования.

– Зачем ворошить все это именно сейчас? – Фади не шелохнулся, не оторвал мысленный взор от прошлого. Его голос прозвучал как голос призрака, и Аббуд ибн Азиз поежился.

– Это не выходит у меня из головы с самого начала. Но теперь мне удалось установить личность той женщины, с которой встречается Карим аль-Джамиль.

– Его любовницы, – сказал Фади. – И что с того?

– Фади, твой отец взял неверную в любовницы. Потом она стала его женой.

Фади резко обернулся. Его глаза вспыхнули, словно у мангусты, увидевшей кобру.

– Ты заходишь слишком далеко, Аббуд ибн Азиз. Сейчас ты говоришь о моей матери.

Аббуду ибн Азизу не оставалось ничего другого, кроме как снова поежиться.

– Я говорю об исламе и христианстве. Фади, друг мой, христиане оккупировали нашу родину, угрожают нашему образу жизни. Мы дали клятву вести эту войну и победить. На чашу весов положена наша древняя культура, все самое дорогое, что есть у нас. И вот Карим аль-Джамиль спит с неверной, извергает в ее чрево свое семя, как знать, может быть, даже откровенничает с ней. Если это станет известно нашим людям, они как один поднимутся в гневе и потребуют смерти неверной.

Лицо Фади потемнело.

– Я слышу из твоих уст угрозу?

– Как ты мог такое подумать? Я не скажу никому ни слова.

Встав, Фади широко расставил ноги, чтобы удержаться на качающейся палубе, и посмотрел на своего помощника.

– Однако ты рыщешь вокруг, шпионишь за моим братом. И вот сейчас ты вываливаешь все это мне на голову.

– Друг мой, я стремлюсь лишь защитить тебя от влияния неверных. В отличие от других, я знаю, что этот план замыслил Карим аль-Джамиль. Твой брат сожительствует с неверной. Я знаю, о чем говорю, потому что в свое время ты сам отправил меня в логово врага. Я знаю, сколько соблазнов предлагает развращенный Запад. От их зловония у меня в груди до сих пор все переворачивается. Но есть и другие, для которых, вполне вероятно, все выглядит иначе.

– Ты имеешь в виду моего брата?

– Возможно, Фади. Я ничего не могу сказать, поскольку между мной и ним непроницаемая стена.

Фади потряс кулаком:

– Ага, наконец-то правда всплывает! Тебе не нравится то, что тебя держат в потемках, даже несмотря на то, что такова воля моего брата. – Наклонившись, он с силой ударил Аббуда ибн Азиза в лицо. – Теперь я понимаю, в чем дело. Ты хочешь подняться над остальными. Ты

жаждешь знаний, Аббуд ибн Азиз, потому что знания означают власть, а именно власти ты и добиваешься!

Аббуд ибн Азиз, внутренне бушуя, не шевельнулся, даже не посмел поднести руку к пылающей щеке. Он прекрасно сознавал, что Фади может ударом ноги столкнуть его за борт и без капли сожаления позволит ему утонуть. И все же он ступил на этот путь. Если сейчас он не дойдет до конца, то никогда не простит себе этого.

– Фади, если я покажу тебе горсть песка, что ты увидишь?

– Теперь ты будешь задавать мне загадки?

– Я увижу мир. Увижу руку Аллаха, – торопливо заговорил Аббуд ибн Азиз. – Это во мне говорит араб-кочевник. Я родился и вырос в пустыне. В голой, прекрасной пустыне. А вы с Каримом аль-Джамилем родились и выросли в западном мегаполисе. Да, для того, чтобы победить врага, его нужно знать, как ты совершенно верно говоришь. Но, Фади, ответь мне вот на какой вопрос: а что происходит, когда ты начинаешь отождествлять себя с врагом? Возможно ли, что при этом ты, незаметно для самого себя, *превращаешься* во врага?

Фади стоял, покачиваясь на каблуках. Он был близок к настоящему взрыву.

– Ты смеешь намекать на то…

– Я ни на что не намекаю, Фади. Поверь мне. Это вопрос доверия – веры. Если ты мне не доверяешь, если у тебя нет веры в меня, отвернись от меня прямо сейчас. Я уйду, не сказав больше ни слова. Но мы знаем друг друга всю свою жизнь. Я обязан тебе всем, что у меня есть. Точно так же, как ты стремишься защитить Карима аль-Джамиля, я думаю только о том, чтобы уберечь тебя от всех опасностей, как в «Дудже», так и за ее пределами.

– Твоя одержимость перерастает в безумие.

– Несомненно, возможно и такое. – Аббуд ибн Азиз сидел совершенно неподвижно, не ежась от страха, не сжимаясь в комок, чем, определенно, он бы побудил Фади столкнуть его в воду. – Я говорю только, что вследствие своей самоизоляции Карим аль-Джамиль превратился в вещь в себе. И ты не можешь с этим поспорить. Возможно, это и к лучшему, как полагаете вы оба. Но лично я считаю, что в подобных отношениях есть серьезный недостаток. Вы завязаны друг на друга. Между вами нет посредника, третьей стороны, которая обеспечила бы равновесие.

Аббуд ибн Азиз рискнул подняться на ноги, медленно и осторожно.

– И вот сейчас я прошу тебя задуматься. Умоляю, задай самому себе вопрос: чисты ли ваши с Каримом аль-Джамилем помыслы? Ты знаешь ответ: нет. Они затуманены, подточены вашей одержимостью местью. И я говорю: вы с Каримом аль-Джамилем должны забыть Джейсона Борна, забыть, во что превратился ваш отец. Он был великим человеком, тут не может быть никаких вопросов. Но его день уже закончился; твой же еще только нарождается. Такова жизнь. И стоять у нее на пути – высокомерное безумство; она безжалостно сметет и раздавит тебя. Ты должен сосредоточиться на будущем, а не на прошлом. Сейчас тебе нужно думать о своем народе. Ты наш отец, наш заступник, наш спаситель. Без тебя мы – пыль на ветру, мы – ничто. Ты наша путеводная звезда. Но только в том случае, если твои побуждения снова станут чисты.

После этого оба долго не издавали ни звука. Аббуду ибн Азизу казалось, будто у него с плеч свалилась тяжкая ноша. Он верил в свои доводы, в каждое слово. Если сейчас его ждет гибель, что ж, пусть будет так. Он умрет с сознанием того, что выполнил свой долг перед своим вождем, своим другом.

Фади, однако, больше не сверлил его прожигающим взглядом, не замечал раскинувшееся вокруг море и мерцающие в темноте огоньки Одессы. Он снова устремил взор внутрь себя, погружаясь в самые потаенные глубины, куда, подозревал Аббуд ибн Азиз – нет, надеялся всем своим естеством, – доступ был закрыт даже для Карима аль-Джамиля.

Как только все компьютеры зависли, в здании штаб-квартиры ЦРУ наступил сущий ад. Всему персоналу отдела сигналов и кодов было поручено немедленно разобраться с вирусом. Треть сотрудников ОСК запустила «Часового», непреодолимый барьер ЦРУ, в фоновом режиме, осуществляя диагностику на низшем уровне. Остальные, с помощью программ выявления и уничтожения вирусов, прошлись по всем венам и артериям внутренней компьютерной сети управления. Эти программы, разработанные ДАРПА специально для ЦРУ, использовали усовершенствованный эвристический алгоритм, который менялся, непрерывно подстраиваясь под ту форму вируса, с которой сталкивался.

Все управление перешло в режим полной изоляции: никого не впускать и никого не выпускать. В звуконепроницаемом овальном зале совещаний, расположенном напротив кабинета Старика, за столом из полированного дуба собрались девять человек. Перед каждым стоял компьютерный монитор, утопленный в крышку стола, и бутылка с охлажденной водой. Сидящий слева от директора начальник отдела сигналов и кодов постоянно получал сообщения о том, как идет работа у его трудящейся без устали команды. Эти сообщения появлялись у него

на терминале, подчищались – приводились в вид, понятный для непосвященных, – и выводились на полдюжины плоских экранов, развешенных на обтянутых матово-черным бархатом стенах.

– За пределы этих стен ничего не вытекает, – заявил директор ЦРУ. Сегодня он чувствовал себя на все свои шестьдесят восемь лет. – То, что произошло здесь сегодня, здесь и останется. – События давили на него тяжестью ноши, взваленной на плечи Атланта. Директор сознавал, что рано или поздно у него сломается спина. Но не сегодня. Только не сегодня, черт побери!

– Никакой утечки компрометирующей информации не произошло, – заговорил начальник ОСК, изучая бегущие по экрану строчки данных. – Судя по всему, вирус пришел не снаружи. «Часовой» завершил диагностику. Защитный барьер ни на секунду не прекращал выполнять свою задачу, на что он и запрограммирован. Нарушений в работе системы не было. Повторяю, не было.

– В таком случае, черт побери, что же произошло?! – рявкнул директор. Он уже мысленно благодарил свою счастливую звезду за то, что министр обороны никогда ничего не узнает про эту унизительную катастрофу.

Начальник ОСК поднял свою сверкающую лысую голову.

– Насколько нам удалось установить на настоящий момент, мы подверглись атаке изнутри.

– *Изнутри?* – недоверчиво повторил Карим аль-Джамиль. Он сидел справа от Старика. – Вы хотите сказать, что в штаб-квартире ЦРУ действует предатель?

– Все говорит об этом, – заметил Роб Батт, начальник оперативного отдела, наиболее влиятельный из «большой семерки», как называли в управлении начальников отделов.

– Роб, я хочу, чтобы ты немедленно разобрался в этом вопросе, – сказал Старик. – Или получи подтверждение, или успокой нас, что все чисто.

– Этим могу заняться я, – вставил Карим и тотчас же пожалел о своих словах.

Роб Батт устремил на него свой немигающий, словно у змеи, взгляд.

– Мартин, а разве у тебя своих забот не хватает? – тихо спросил он.

Директор ЦРУ кашлянул.

– Мартин, я хочу, чтобы ты сосредоточил все свои силы на «Дудже». – «Меньше всего мне сейчас нужны внутренние междоусобицы», –

мрачно подумал он. Старик повернулся к начальнику ОСК: – Когда будет восстановлен главный компьютер?

– На это уйдут сутки, а то и больше.

– Об этом не может быть и речи, – отрезал Старик. – Найдите другое решение. Мне нужно, чтобы через два часа все системы работали в полном объеме.

Начальник ОСК почесал лысину.

– Ну, конечно, можно переключиться на резервную сеть. Но для этого придется раздать новые коды доступа всем сотрудникам…

– Так займись же этим! – резко промолвил директор. Он хлопнул ладонью по столу. – Итак, джентльмены, все знают свою задачу. Так давайте же смоем это дерьмо со своих ботинок, пока оно не начало вонять!

Борн, приходя в сознание и снова проваливаясь в беспамятство, переживал заново события прошлого, терзавшие его с самого момента смерти Мари.

…Он в Одессе. Бежит. Вокруг ночь. Промозглый соленый ветер, дующий со стороны Черного моря, гонит по брусчатой мостовой пыль. У него в руках она – молодая женщина, истекающая кровью. Он видит пулевое ранение, понимает, что она умирает. В это самое мгновение женщина открывает глаза. Они бледные, зрачки расширены от боли. В темноте, на пороге смерти, она пытается разглядеть того, кто ее несет.

А ему не остается ничего другого, кроме как нести ее, нести прочь от той площади, где ее подстрелили. У нее шевелятся губы. Она никак не может обрести голос. Он прижимает ухо к ее открытому рту, и оно тотчас же покрывается кровью.

Голос молодой женщины, хрупкий, словно стекло, отражается от его барабанной перепонки, однако он слышит шелест волн, набегающих на берег и откатывающихся назад. Дыхание женщины становится прерывистым, затихает. Остается только неровный топот его ног по булыжной мостовой…

Он спотыкается, падает. Отползает к грязной кирпичной стене и усаживается к ней спиной. Но женщину он из рук не выпускает. Кто она? Он всматривается в ее лицо, стараясь сосредоточиться. Если вернуть ее к жизни, можно будет спросить у нее, кто она такая. «Я мог бы ее спасти», – в отчаянии думает он.

И вдруг вспышка – и он уже держит в руках Мари. Крови нет, но жизнь не вернулась. Мари мертва. «Я мог бы ее спасти», – в отчаянии думает он…

Он просыпается, весь в слезах по своей потерянной любви, по своей загубленной жизни.

– Я должен был тебя спасти!

И тут же он понимает, почему этот осколок прошлого всплыл в памяти после смерти Мари.

Его охватывает сокрушительное чувство вины. Он виноват в том, что его не оказалось рядом с Мари и он не смог ее спасти. Из этого неумолимо следует, что у него была возможность спасти окровавленную женщину, но он ее не спас.

– Мартин, можно тебя на пару слов?

Обернувшись, Карим аль-Джамиль поймал на себе пристальный взгляд Роба Батта. В отличие от остальных присутствовавших на совещании, начальник оперативного отдела продолжал сидеть за столом. Теперь в полутемном зале оставались только они с Каримом.

Карим аль-Джамиль посмотрел на Батта подчеркнуто нейтрально.

– Как ты верно заметил, Роб, у меня своих забот хватает.

Лапищи Батта напоминали здоровенные тесаки для рубки мяса. Ладони у него были неестественно темные, словно постоянно перепачканные кровью. Батт развел их – обычно это считается жестом примирения, однако сейчас в демонстрации неприкрытой звериной силы было что-то угрожающее. Начальник оперативного отдела напомнил Кариму аль-Джамилю гориллу, приготовившуюся к прыжку.

– Уважь меня. Я отниму у тебя не больше минуты.

Вернувшись, Карим сел за стол напротив Батта. Начальник оперативного отдела относился к тем людям, для которых кабинетная обстановка является буквально невыносимой. Костюмы он носил так, словно изнутри они были утыканы иголками. Его огрубевшее, обветренное, сморщенное на солнце лицо говорило или о горных лыжах в долине Аспен, или о кровопролитных боях в горах Афганистана. Карим находил все это любопытным, поскольку сам он провел столько времени в дорогих ателье, шьющих замечательную западную одежду, что костюм от Армани сидел на нем так же естественно, как бурнус.

Сплетя пальцы, он натянул на лицо тень улыбки.

– Чем могу тебе помочь, Роб?

– Честно говоря, я немного озабочен. – Судя по всему, Батт не любил ходить вокруг да около, но, вероятно, ведение разговоров не было его сильной стороной.

Карим, не обращая внимания на бешено колотящееся сердце, сохранил свой голос учтивым:

– И чем же?

– Ну, тебе пришлось жуть что перенести. Сказать по правде, я был уверен, что ты отдохнешь несколько недель – расслабишься, покажешься другим врачам.

– Ты имел в виду мозговедов.

Батт продолжал так, словно ничего не расслышал:

– Но Старик отмел напрочь все мои возражения. Он сказал, что твоя работа имеет слишком большое значение – особенно сейчас, когда мы столкнулись с этим кризисом. – Он растянул губы, что на другом лице могло бы сойти за улыбку. – Но вот ты только что захотел забрать у меня поиски того, кто натравил на нас этот долбаный вирус. – Змеиные глаза, черные, словно вулканическое стекло, пробежали по Кариму, как будто начальник оперативного отдела мысленно обыскивал его. – Раньше ты никогда не лез в мои владения. Больше того, мы с тобой заключили соглашение не вмешиваться в дела друг друга.

Карим молчал. А что, если это заявление – ловушка? Что, если Линдрос и Батт никогда не заключали ничего подобного?

– Мне бы хотелось узнать, почему ты пошел на попятную, – продолжал Батт. – Мне хотелось бы знать, почему ты, в своем теперешнем состоянии, захотел взвалить на себя дополнительную работу. – Его речь стала тише и в то же время замедлилась, подобно застывающему меду. Начальник оперативного отдела уподобился хищнику, который кружит вокруг добычи, выбирая удобный момент для броска.

– Приношу свои извинения, Роб. Я просто хотел помочь, только и всего. У меня и в мыслях не было…

Батт так резко дернул головой вперед, что Кариму пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отпрянуть назад.

– Понимаешь, Мартин, я очень беспокоюсь по поводу тебя. Враг пытался вывернуть тебя наизнанку. Мне это известно, и тебе это тоже известно. И знаешь, откуда мне это известно? Знаешь?

– Не сомневаюсь, ты ознакомился с результатами моего обследования…

– В задницу результаты обследования, – остановил его Батт. – Это все для ученых мужей, каковыми мы с тобой определенно не являемся. Эти ребята до сих пор спорят по поводу результатов; в этой дыре они останутся до тех пор, пока преисподняя не покроется льдом. В качестве отправной точки нам пришлось положиться на мнение Джейсона Борна, человека, которого в лучшем случае можно считать просто неуравновешенным, а в худшем – прямой угрозой порядкам и дисциплине ЦРУ. Но именно он знает тебя лучше всего. Странно, не правда ли? – Он склонил голову набок. – Какого черта ты поддерживаешь с ним отношения?

– Загляни в его досье, – сказал Карим. – Один Борн ценнее для меня – для *нас,* чем целая пригоршня твоих рядовых агентов.

«С ума сойти, я пою хвалу Джейсону Борну!» – подумал он.

Но остановить Батта было не так-то просто.

– Понимаешь, Мартин, меня беспокоит твое *поведение*. В чем-то ты в полном порядке, такой же, каким был всегда. Но есть кое-какие мелочи, едва уловимые... – Он покачал головой. – В общем, скажем, тут что-то не вписывается. Видит бог, ты всегда был человеком замкнутым. «Он считает себя выше нас», – говорили остальные начальники отделов. Но только не я. Я тебя раскусил. Ты – генератор идей, тебе не нужен весь этот пустой треп, который в наших коридорах считается дружбой.

У Карима мелькнула мысль, не наступил ли тот самый момент – разумеется, эту возможность он тоже учитывал, разрабатывая план, – когда у одного из коллег Линдроса возникли подозрения. Однако, по его расчетам, вероятность этого была мала – его пребывание в ЦРУ измерялось днями, не больше. И, как сказал сам Батт, Линдрос всегда был одиночкой. Но, несмотря ни на что, сейчас Карим оказался на краю пропасти: еще немного, и ему придется решать, как нейтрализовать начальника отдела.

– Если ты заметил в моем поведении что-то странное, уверен, это является следствием стресса нынешней ситуации. Но если я в чем-то и преуспел, так это в умении разделять свою жизнь на несообщающиеся отсеки. Уверяю тебя, прошлое тут ни при чем.

Наступило молчание. Карима не покидало ощущение, что вокруг него бродит очень опасный хищник – так близко, что он чувствует исходящий от него резкий запах.

Наконец Батт кивнул:

– В таком случае, Мартин, на том и остановимся. – Встав, он протянул руку: – Я рад, что мы с тобой поговорили по душам.

Выходя из зала, Карим радовался, что подбросил убедительные улики относительно личности «предателя». В противном случае Батт в самом ближайшем времени вонзил бы зубы ему в загривок.

– Привет, Александр. Соскучился, мой хороший мальчик!

Сорайя, с тяжелой холщовой сумкой через плечо, возвратилась в тайник, в котором оставила Борна. В свете керосиновой лампы, которую она принесла, молодая женщина увидела Борна не мертвым, но потерявшим сознание от потери крови. Бульдог неподвижно сидел рядом с топчаном. Его влажные черные глаза искали лицо хозяйки, словно моля о помощи.

– Все хорошо, – сказала Сорайя, обращаясь к Борну и собаке. – Я уже вернулась.

Она достала из сумки всякую всячину, полученную от доктора Павлиной: пластиковые мешочки, заполненные разными жидкостями. Пощупав Борну лоб, Сорайя убедилась в том, что у него не началась лихорадка, после чего мысленно повторила порядок действий, который врач заставила ее заучить наизусть.

Вскрыв упаковку, молодая женщина достала иглу и воткнула ее в вену на тыльной стороне левой руки Борна. Подсоединив капельницу, она вставила первый пакетик с жидкостью, содержащей два сильных антибиотика. Затем она сняла импровизированную повязку, насквозь пропитавшуюся кровью, и промыла рану обильным количеством стерильного физиологического раствора. Как сказала ей доктор Павлина, антисептик в данном случае лишь замедлит процесс заживления раны.

Подставив лампу ближе, Сорайя обследовала рану на предмет наличия посторонних тел – нитей, кусочков ткани и тому подобного. К счастью, ничего такого не оказалось. Однако на краях раны была омертвелая ткань, которую молодой женщине пришлось срезать хирургическими ножницами.

Затем, взяв крохотную изогнутую иглу за кончик, Сорайя проткнула кожу, протягивая нейлоновую нить. Очень осторожно она соединила края раны прямым стежком, как ей показала доктор Павлина. Нежно, очень нежно, следя за тем, чтобы не стягивать кожу слишком туго, что увеличило бы риск инфекции. Покончив с этим, Сорайя завязала последний стежок и отрезала лишнюю нить. И наконец наложила на свое рукоделие стерильную марлевую повязку, затем перебинтовала рану, закрепляя повязку.

К этому времени мешочек с антибиотиками уже почти опустел. Отсоединив его, Сорайя закрепила на его место мешочек с питательным раствором.

Через час Борн заснул спокойным сном. Еще через час он начал приходить в себя.

У него открылись глаза.

Склонившись над ним, Сорайя улыбнулась.

– Ты знаешь, где находишься?

– Ты вернулась, – прошептал он.

– Я же сказала, что вернусь, разве не так?

– А Фади?

– Не знаю. Я застрелила одного милиционера, но больше никого не видела. Полагаю, поиски прекращены.

Борн на мгновение закрыл глаза.

– Я помню, Сорайя, я все помню.

Она покачала головой.

– Сейчас тебе нужно отдохнуть. Поговорим потом.

– Нет. – У него на лице появилась мрачная сосредоточенность. – Нам нужно поговорить. Прямо сейчас.

Что с ним произошло? Очнувшись, он сразу же почувствовал себя другим человеком, как будто его рассудок освободился из тисков. Казалось, он вырвался из узкой теснины, заполненной дымкой голосов, принуждающих его к чему-то, из ловушки, в которой существовал все это время. Тупая головная боль прошла. Борн отчетливо вспомнил слова доктора Сандерленда о том, как образуются воспоминания, как аномальная мозговая активность, вызванная травмой или чрезвычайными условиями, может повлиять на их создание и воспроизведение.

– Впервые я понял, насколько глупой была сама мысль освободить Севика из застенков «Тифона», – начал он. – Имелись и другие странности. Например, в момент побега Фади меня буквально ослепила и парализовала нестерпимая головная боль.

– Тогда был убит Тим.

– Да. – Борн попытался было сесть, но поморщился от боли.

Сорайя подсела к нему.

– Не надо, лежи.

Он был неумолим.

– Помоги мне сесть.

– Джейсон…

– Помоги, кому говорю! – резко произнес Борн.

Она подхватила его под мышки, помогла усесться на настиле спиной к стене.

– И все эти голоса, нашептывавшие принуждения, заводили меня в крайне опасные ситуации, – продолжал Борн. – Причем во всех случаях мое странное поведение шло на пользу Фади.

– Несомненно, речь идет о случайных совпадениях, – уверенно заявила Сорайя.

Его усмешка была пронизана болью.

– Сорайя, уж если жизнь и научила меня чему-то, то это тому, что случайные совпадения, скорее всего, свидетельствуют о четко продуманном плане.

Сорайя негромко рассмеялась:

– В тебе начинает говорить мания преследования.

– Можно со всей определенностью считать, что именно моя мания преследования помогла мне остаться в живых. – Борн повернулся, устраиваясь поудобнее. – А что, если в моих предположениях что-то есть?

Сорайя скрестила руки на груди:

– Что, например?

– Ну хорошо, давай начнем с предположения, что все эти случайные совпадения, как ты их называешь, на самом деле являются частью плана. Как я уже говорил, все они определенно сыграли Фади на руку.

– Продолжай.

– Головные боли начались после того, как я побывал у доктора Сандерленда, специалиста по проблемам памяти, которого посоветовал мне Мартин.

Сорайя нахмурилась. Внезапно слова Борна перестали казаться ей забавными.

– Когда ты к нему обращался?

– Меня сводили с ума обрывки воспоминаний о моем предыдущем пребывании здесь, в Одессе. Но тогда я не знал даже, что это была Одесса, не говоря уж о том, что я понятия не имел, чем здесь занимался.

– Но как твои воспоминания могут быть частью плана, составленного Фади?

– Не знаю, – согласился Борн.

– Этого *не может* быть. – Сорайя поймала себя на том, что выступает против Борна.

Он махнул рукой.

– Давай пока оставим это. Когда я спас Мартина, он мне сказал, что я должен приехать сюда – *во что бы то ни стало* – и разыскать человека по фамилии Лермонтов, который, по его словам, являлся казначеем «Дуджи». Мартин рассуждал, что, если я ликвидирую Лермонтова, финансовая река, питающая «Дуджу», иссякнет.

Сорайя кивнула:

– Тонкий ход.

– Был бы таким, если бы Лермонтов существовал на самом деле. Однако такого человека нет. – Лицо Борна оставалось совершенно непроницаемым. – Но это еще не все. Фади было *известно* о Лермонтове. *Он знал, что Лермонтов – вымысел!*

– И что?

Оттолкнувшись от стены, Борн посмотрел молодой женщине прямо в лицо.

– Каким мыслимым путем Фади мог узнать про Лермонтова?

– Ты забываешь о том, что Линдроса подвергали допросам. Быть может, «Дуджа» подкинула ему дезинформацию.

– Это предполагает, что террористы наперед знали о том, что Мартина освободят.

Сорайя задумалась.

– Этот вопрос с Лермонтовым меня заинтересовал. Линдрос тоже говорил мне о нем. Именно поэтому я здесь. Но зачем? Зачем он отправил нас с тобой в Одессу?

– Для того, чтобы мы гонялись за призраком, – сказал Борн. – Лермонтов был только предлогом. Фади нас ждал. Он *знал,* что мы прибудем в Одессу. Он приготовился меня убить – больше того, если я хоть в чем-нибудь смыслю, это было ему *необходимо.* Я видел это у него в глазах, слышал в его голосе. Он долго ждал возможности расквитаться со мной.

Сорайя была потрясена.

– И еще одно, – неумолимо продолжал Борн, – в самолете по пути домой Мартин сказал, что у него постоянно допытывались об обстоятельствах операции по устранению Хамида ибн Ашефа, которая была поручена мне. Мартин спрашивал, помню ли я о ней.

– Джейсон, зачем Линдросу знать об операции, разработанной Алексом Конклином?

– Ответ очевиден, – сказал Борн. – Между Фади и Мартином есть какая-то связь.

– *Что?*

– Как и между ними и доктором Сандерлендом. – В его теории была безжалостная логика. – Лечение доктора Сандерленда что-то сделало с моим рассудком, заставив меня в решающие моменты совершать ошибки.

– Но разве такое возможно?

– Техника «промывания мозгов» заключается в том, чтобы посредством цвета, звука, ключевого слова или фразы в нужный момент добиваться от объекта определенного отклика.

«Поджигать в этой дыре все равно нечего». Эти слова метались у Борна в голове до тех пор, пока ему не показалось, что он сходит с ума.

Он повторил эту фразу Сорайе.

– Ее произнес Фади. Именно она стала толчком к возникновению головной боли. Фади использовал ключевую фразу, которую заложил мне в сознание Сандерленд.

– Я помню, как исказилось у тебя лицо, когда Севик произнес эти слова, – подтвердила Сорайя. – Но ты помнишь, что он также говорил про то, как некоторое время жил в Одессе?

– Сорайя, ключом является одесская операция по устранению Хамида ибн Ашефа. Все указывает на это. – Его лицо посерело; внезапно он показался Сорайе очень уставшим. – Налицо заговор. Но какова его конечная цель?

– Невозможно представить, как террористам удалось заставить Линдроса помогать им.

– Ничего такого не было. Я знаю Мартина лучше, чем кто бы то ни было. Его невозможно толкнуть на путь предательства.

Сорайя развела руками.

– Тогда как же это можно объяснить?

– А что, если человек, которого я вырвал из рук «Дуджи», которого я ввел в штаб-квартиру ЦРУ, за которого поручился, на самом деле не Мартин Линдрос?

– Так, пора остановиться. – Она подняла руки. – Ты только что пересек черту, отделяющую манию преследования от полномасштабного психического расстройства.

Борн пропустил ее вспышку мимо ушей.

– Что, если человек, которого я вернул назад, который в настоящий момент возглавляет «Тифон», является двойником?

– Джейсон, это невозможно. Он внешне похож на Линдроса, говорит, как Линдрос. Во имя всего святого, он прошел тестирование сетчатки глаза!

– Сканер сетчатки глаза можно обмануть, – заметил Борн. – Такое бывает крайне редко, сделать это очень трудно – требуется пересадка сетчатки или всего глаза. Но если двойник не поленился полностью изменить свое лицо, пересадить сетчатку для него – что раз плюнуть.

Сорайя покачала головой:

– Ты хоть представляешь себе возможные последствия того, что говоришь? Преступник в самом сердце ЦРУ, контролирует больше чем тысячу агентов по всему миру. Повторяю, это невозможно, это просто безумие.

– Именно поэтому все и сработало. Ты, я, все в «Тифоне», во всем ЦРУ – нас обвели вокруг пальца, направили по ложному следу. В этом и заключается план террористов. Пока мы гоняемся по всему земному шару за призраками, Фади волен беспрепятственно переправлять своих людей в Соединенные Штаты, доставлять туда ядерное устройство – несомненно, по частям – и собирать его там, где намечено произвести взрыв.

– Твои предположения просто чудовищны. – Сорайя была на грани шока. – Тебе никто не поверит. Лично я не могу даже настроиться на такие мысли. – Она бессильно опустилась на край топчана. – Слушай, ты

потерял много крови. Ты на пределе физических сил. Тебе нужно выспаться, и тогда…

– Есть один верный способ проверить, настоящий ли тот Мартин Линдрос, которого я спас, или же это двойник, – продолжал Борн, не обращая на нее внимания. – Я должен разыскать настоящего Мартина Линдроса. Если я прав, это означает, что он до сих пор жив. Он нужен двойнику живым. – Он начал сползать на доски. – Нам нужно…

Мощная волна головокружения вынудила его умолкнуть и привалиться к стене. Сорайя помогла ему улечься. Его веки налились свинцом усталости.

– Какими бы ни были наши действия в дальнейшем, сейчас тебе в первую очередь требуется отдохнуть, – с новообретенной твердостью произнесла Сорайя. – Мы оба очень устали, и твоя рана должна зажить.

Через мгновение Борна одолел сон. Встав, Сорайя устроилась на полу рядом с топчаном. Она раскрыла объятия: Александр свернулся клубком, прижимаясь к ее груди. Однако ее продолжали мучить страшные мысли. А что, если Борн прав? Последствия этого не поддавались осмыслению. Однако ни о чем другом Сорайя думать не могла.

– Ох, Александр, – прошептала она, – что нам делать?

Повернув морду, бульдог лизнул ее в лицо.

Сорайя закрыла глаза, стараясь дышать глубоко. И вскоре, убаюканная ровным стуком сердца Александра, она уступила бесшумно подкравшемуся сну.

Глава 20

Мэттью Лернер и Джон Мюэллер впервые встретились десять лет назад в публичном доме в Бангкоке благодаря судьбоносному случаю. Помимо страсти к девочкам легкого поведения, выпивке и убийству, у них было еще много общего. Подобно Лернеру, Мюэллер был одиночкой, самородком, самостоятельно постигшим все тонкости тактического планирования и стратегического анализа. Встретившись, они сразу же признали друг в друге нечто такое, что их сблизило, хотя в то время Лернер работал в ЦРУ, а Мюэллер – в АНБ.

Лернер шел по одесскому аэропорту, приближаясь к цели, и неспроста размышлял о Джоне Мюэллере, обо всем том, чему тот его научил. Вдруг у него зазвонил сотовый телефон. Это был Уэллер из вашингтонской полиции, где на Лернера работало несколько человек.

– В чем дело? – спросил Лернер, как только узнал голос дежурного сержанта.

– Я подумал, вы должны это знать. Овертон пропал.

Лернер застыл как вкопанный, мешая потоку пассажиров.

– Что?

– Не явился на дежурство. Не отвечает на звонки на сотовый. Не появлялся дома. Он исчез, мистер Лернер.

В голове у Лернера все смешалось. Он рассеянно проследил взглядом, как двое милиционеров прошли мимо и остановились, чтобы обменяться парой фраз со своим коллегой, шедшим навстречу. Затем они двинулись дальше, внимательно осматриваясь по сторонам.

Воспользовавшись затянувшейся паузой, Уэллер рискнул добавить постскриптум:

– Овертон занимался по вашему поручению одним делом, да?

– Это было давно, – солгал Лернер. Уэллеру не должно быть никакого дела до того, чем занимался Овертон. – Ладно, спасибо за звонок.

– Именно за это вы мне и платите, – сказал Уэллер перед тем, как завершить разговор.

Схватив свой чемоданчик, Лернер направился к выходу. Чутье подсказывало ему, что Овертон не просто пропал – его больше нет в живых. И теперь он задавался вопросом: как Хельд удалось убить полицейского следователя? Потому что Лернер знал – так же точно, как то, что сейчас он находится в одесском аэропорту, – что за смертью Овертона стоит Анна Хельд.

Возможно, он сильно недооценил сучку. Несомненно, своим проникновением к ней в дом Овертон ее нисколько не напугал. И так же несомненно, она решила нанести ответный удар. Жаль, что он сейчас так далеко. Ему бы доставило огромное наслаждение схлестнуться с ней. Однако в настоящий момент его ждала более крупная рыба.

Раскрыв сотовый телефон, Лернер набрал номер в Вашингтоне, не значащийся в телефонных справочниках. Он подождал, пока вызов пройдет через обычные коммутаторы, обеспечивающие безопасность. Наконец ему ответил знакомый голос:

– Привет, Мэтт.

– Привет, Джон. У меня есть для тебя кое-что интересное.

Джон Мюэллер рассмеялся:

– Все твои задания интересны, Мэтт.

И это было правдой. Лернер вкратце описал Анну Хельд, ввел Мюэллера в курс последних событий.

– Такое крутое развитие ситуации застало тебя врасплох, не так ли?

– Я ее недооценил, – признался Лернер. У них с Джоном не было секретов друг от друга. – Не повторяй мою ошибку.

– Понял. Я ею займусь.

– Джон, я не преувеличиваю. Эта сучка – серьезный противник. У нее есть ресурсы, о которых я даже не догадывался. Я никак не мог подумать, что она завалит Овертона. Но не предпринимай никаких шагов до тех пор, пока не переговоришь с министром. Это его игра, и ему решать, стоит ли бросать кости.

Доктор Павлина ждала его за цепочкой пунктов пограничного и таможенного контроля. Лернер об этом не задумывался, однако сейчас он поймал себя на том, что должен был догадаться сразу: такая фамилия может быть только у женщины. Сейчас она возглавляла одесское отделение ЦРУ. Женщина. Лернер мысленно взял на заметку – по возвращении в Вашингтон исправить это недоразумение.

Доктор Павлина оказалась довольно привлекательной особой, высокой, полногрудой, импозантной. Ее темные волосы уже были кое-где тронуты сединой, однако по лицу ей нельзя было дать больше сорока.

Они вышли из здания вокзала. На улице оказалось гораздо теплее, чем предполагал Лернер. Ему еще ни разу не приходилось бывать в Одессе. Он ожидал встретить здесь московскую погоду, с которой у него уже было несколько неприятных знакомств.

– Вам повезло, мистер Лернер, – сказала доктор Павлина, пока они пересекали улицу, направляясь к стоянке машин. – У меня только что был контакт с этим самым Борном, которого вам нужно разыскать. Предупреждаю сразу, контакт не прямой. Похоже, Борн ранен. Ножевое ранение в бок. Жизненно важные органы не задеты, но рана глубокая. Он потерял много крови.

– Откуда вам это известно, если вы с ним не встречались?

– К счастью, он здесь не один. С ним одна из наших. Сорайя Мор. Вчера ночью она пришла ко мне домой. По ее словам, Борн слишком серьезно ранен, чтобы сопровождать ее. Я дала ей антибиотики, швы и все такое.

– Где они?

– Сорайя не сказала, а я не стала спрашивать. Стандартная процедура.

– Жаль, – искренне произнес Лернер.

Ему захотелось узнать, какого черта здесь делает Сорайя Мор. Каким образом она проведала, что Борн в Одессе, если только ее не направил сюда Мартин Линдрос? Но зачем – Борн работает исключительно в одиночку… Это поручение не имеет смысла. Лернер многое дал бы, чтобы позвонить Линдросу и напрямую спросить его, но, разумеется, об этом не могло быть и речи. Присутствие его самого в Одессе являлось строжайшей тайной, о чем Старик дал ясно понять доктору Павлиной, когда предупреждал ее о прилете Лернера.

Они остановились перед новенькой серебристой «Шкодой Октавия», небольшим, но изящным универсалом. Доктор Павлина открыла двери, и они сели в машину.

– Директор ЦРУ лично распорядился оказывать вам всестороннее содействие. – Доктор Павлина выехала со стоянки, расплатилась на контроле. – Однако возникли новые обстоятельства. Похоже, Борна разыскивает украинская милиция по обвинению в убийстве четырех человек.

– Это означает, что ему необходимо как можно скорее и как можно более скрытно покинуть Одессу.

– Определенно, на его месте я бы поступила именно так. – Дождавшись удобного момента, она влилась в поток машин.

Лернер опытным взглядом осмотрелся вокруг.

– Одесса – город довольно большой. Не сомневаюсь, покинуть его можно разными путями.

– Естественно, – кивнула доктор Павлина. – Но для вашего человека открытыми остаются немногие. Например, в аэропорту дежурит милиция. Так что самолетом он воспользоваться не сможет.

– Не спешите с выводами. Этот тип – самый настоящий хамелеон, черт бы его побрал.

Перестроившись в левый ряд, доктор Павлина обогнала медленно тащившийся грузовик.

– Вы забываете о том, что он серьезно ранен. И милиции откуда-то это известно. Риск был бы слишком большим.

– В таком случае что же? – спросил Лернер. – Поезд, машина?

– Ни то и ни другое. По железной дороге он не сможет покинуть пределы Украины, а ехать на машине слишком долго и опасно – не надо забывать про дорожные посты. Опять же, его состояние тяжелое.

– То есть остается только море.

Доктор Павлина кивнула.

– Из Одессы ходит пассажирский паром в Стамбул, но только раз в неделю. До следующего рейса вашему человеку придется затаиться в какой-нибудь дыре еще на четыре дня. – Задумавшись, она прибавила скорость. – Главной жизненной силой Одессы является торговля. Каждый день десятки сухогрузов, танкеров и железнодорожных паромов выходят отсюда в самые разные страны: в Болгарию, Грузию, Турцию, на Кипр, в Египет. Меры безопасности относительно слабые. На мой взгляд, ваш человек остановится именно на этом.

– В таком случае нам нужно как можно скорее попасть в порт, – сказал Лернер, – иначе мы его наверняка упустим.

Евгений Федорович вошел на Привоз и направился прямиком в ряд, торгующий яйцами, не задержавшись, как обычно, чтобы покурить и поболтать со своими приятелями. Сегодня утром у него не было на это времени; у него не было времени ни на что, ему нужно было срочно уносить ноги из Одессы ко всем чертям.

Маруся, его помощница, с которой они на двоих снимали торговую точку, уже была на работе. Именно курятник Маруси поставлял яйца. А Евгений Федорович вложил в дело свой капитал.

– Меня никто не спрашивал? – поинтересовался он, заходя за прилавок.

Маруся вскрывала коробки с яйцами, разбирая их по размеру и цвету.

– Тихо, как на кладбище.

– Почему ты употребила это жуткое сравнение?

Услышав какие-то необычные интонации в его голосе, Маруся оторвалась от работы и посмотрела на него.

– Женя, в чем дело?

– Ни в чем. – Он принялся лихорадочно собирать свои вещи.

– Да? У тебя такое лицо, точно ты увидел солнце в полночь. – Она воткнула кулаки в дородные бедра. – И куда это ты намылился? Сегодня нам тут горбатиться с утра до самого вечера!

– У меня важное дело, – торопливо ответил Евгений Федорович.

Маруся преградила ему дорогу.

– Даже не надейся, что тебе удастся оставить меня здесь одну! У нас же с тобой соглашение.

– Позови своего брата, пусть он тебе поможет.

Маруся презрительно фыркнула:

– Мой брат идиот.

– В таком случае он просто создан для этой работы.

Лицо Маруси побагровело от злости, но Евгений Федорович грубо оттолкнул ее и вышел из-за прилавка. Оставив стычку с напарницей позади, он быстро пошел прочь, не обращая внимания на негодующие крики Маруси и удивленные взгляды других продавцов.

Сегодня утром по дороге на рынок Евгений Федорович получил леденящее кровь известие о том, что Богдан Ильич, пытавшийся заманить молдаванина Ильяса Воду в ловушку, расставленную террористом Фади, был убит в перестрелке. Самому Евгению щедро заплатили за то, чтобы он сыграл роль посредника и завел цель – в данном случае Воду – в указанное место. До звонка друга из милиции Евгений Федорович понятия не имел, что нужно Фади от Ильяса Воды. Он даже подумать не мог, что встреча завершится смертью нескольких человек. Но вот Богдан Ильич убит вместе с тремя людьми Фади и, что самое страшное, с сотрудником милиции.

Евгений Федорович прекрасно понимал, что, если кто-то попадется, его имя всплывет первым. А из всех жителей Одессы полномасштабное милицейское расследование нужно было ему меньше всех. Вся его жизнь определялась тем, что он держался в тени, не привлекая к себе никакого внимания. Как только его выхватит луч прожектора, он погиб.

Вот почему Евгений Федорович решил податься в бега, вот почему он вынужден был бросить все и перебраться на другое место, предпочтительно за пределы Украины. Естественно, в первую очередь ему пришел на ум Стамбул. Человек, который нанял его для этого проклятого дела, обитает в Стамбуле. Поскольку из разразившейся катастрофы. Евгений единственный вышел живым, возможно, этот человек даст ему работу. Не было и речи о том, чтобы наведаться в тайники с наркотиками. Лучше полностью порвать с прошлым и начать все заново. В том поле деятельности, которое избрал для себя Евгений, Стамбул гораздо предпочтительнее всего остального, что пришло ему на ум, и до него рукой подать.

Евгений Федорович торопливо пробирался сквозь толпу, которая уже начинала собираться у входов на рынок. Его не покидало неприятное покалывание в затылке, как будто его уже взял в перекрестие прицела невидимый убийца.

Он проходил мимо штабелей клеток с цыплятами, оравшими так, словно им уже отрубили голову, как вдруг увидел в толпе впереди двух милиционеров. Можно было не спрашивать, что они здесь делают.

Евгений Федорович развернулся, но тут из прохода между штабелями ящиков к нему шагнула женщина. И без того на взводе, он непроизвольно отступил назад, нащупывая рукоятку пистолета.

– Милиция все окружила, это ловушка, – тихо промолвила женщина.

Ему показалось, в ее чертах есть что-то арабское, однако это ничего не значило. В тех кругах, в которых вращался Евгений Федорович, в половине людей было что-то арабское.

Женщина нетерпеливо махнула рукой:

– Идите со мной. Я выведу вас отсюда.

– Не смешите меня. Кто может поручиться, что вы не из СБУ?

Он собрался было уходить, прочь от женщины и двух милиционеров.

Женщина покачала головой:

– Там все перекрыто.

Евгения Федоровича это не остановило:

– Я вам не верю.

Она направилась следом за ним, проталкиваясь в плотном людском потоке, пока не оказалась чуть впереди. Остановившись, она указала едва заметным кивком. У Евгения в животе образовался неприятный комок льда.

– Я же вас предупреждала, Евгений Федорович, это ловушка.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? Откуда вам известно, что милиция за мной охотится?

– Пожалуйста, у нас нет времени. – Женщина потянула его за рукав: – Сюда, быстро! Это наша единственная надежда ускользнуть.

Евгений кивнул. Что ему оставалось делать? Женщина провела его обратно в закуток клеток с цыплятами, затем через него. Им приходилось пробираться боком, чтобы протиснуться по узким проходам между штабелями. С другой стороны, высокие штабеля клеток, возвышающиеся над головой, скрывали их от заполнивших рынок милиционеров.

Наконец они вышли на улицу и поспешно пересекли ее, не обращая внимания на поток машин. Евгений Федорович увидел, что они направляются к видавшим виды стареньким «Жигулям».

– Пожалуйста, садитесь назад, – бросила женщина, усаживаясь за руль.

Объятый слепой паникой, Евгений Федорович послушно повиновался. Он захлопнул за собой дверь, и машина тронулась. И только тогда Евгений заметил, что рядом с ним неподвижно сидит еще один пассажир.

– Ильяс Вода! – упавшим голосом выдавил он.

– На этот раз ты вляпался в дерьмо по самые уши. – Джейсон Борн отобрал у него пистолет и нож.

– Что? – Евгений Федорович, испытавший шок от того, что его обезоружили, еще больше был потрясен видом бледного и осунувшегося Воды.

Борн повернулся к нему:

– В этом городе живым ты долго не останешься, tovarich.

Дерон часто говорил, что Тайрон нянчится со своими идеями, как собака с костью. Стоило какой-нибудь мысли засесть у него в голове, и он не успокаивался до тех пор, пока она не находила решения. Именно это произошло, когда те двое у него на глазах расчленили тело фараона, после чего подожгли автомастерскую. Тайрон наблюдал за неизбежными последствиями, словно самый преданный поклонник поп-идола. Примчались пожарные, затем полицейские. Однако в здании из шлакоблоков не осталось ничего, кроме пепла и углей. Больше того, поскольку это был Северовосточный сектор, никому ни до чего не было дела. Меньше чем через час полицейские угомонились и, облегченно вздохнув, поджали хвост и поспешили вернуться в белые районы Вашингтона.

Но Тайрон знал, что произошло здесь на самом деле. Хотя его никто не спрашивал. Хотя он все равно никому ни хрена бы не сказал, даже если бы кто-нибудь потрудился с ним переговорить. Больше того, Тайрон ничего не скажет даже Дерону, когда тот возвратится из Флориды.

В мире, в котором он жил, ты забираешь нож у своего поверженного врага, после того как измочалил его в труху, за то, что он уделал тебя, твою сестру или подружку. Поэтому к десяти-одиннадцати годам ты уже завоевываешь определенное уважение, которое взлетает до небес по экспоненте, когда у тебя появляется «пушка» со спиленным серийным номером.

После чего, естественно, ею нужно воспользоваться, потому что ты не собираешься оставаться никем, никому не нужным или, что хуже, умственно отсталым. Оказывается, сделать это совсем нетрудно, потому что у тебя уже есть опыт отстреливать людям голову, приобретенный за трехмерными компьютерными играми. Причем выясняется, что в реальной жизни особых отличий нет. Надо лишь следить за тем, чтобы очередное убийство не поставило точку в твоей карьере.

И все же Тайрона не покидало гложущее ощущение того, что все может быть по-другому. Разумеется, у него перед глазами был Дерон, который уже родился в преступном окружении. Но у самого Тайрона мамаша честно вкалывала всю свою жизнь, да и отец его любил. По большому счету, Тайрон не мог понять, не говоря уж о том, чтобы связно объяснить, что он сам смутно подозревал смысл всего этого. Затем Дерон отправился получать образование в белом мире, и вся братва, в том числе и Тайрон, тотчас же возненавидели его всем своим нутром. Но когда Дерон вернулся, ему простили все, потому что он их не бросил, как того опасались. За это его стали любить еще больше, стараясь всячески оберегать.

И вот Тайрон, сидя под деревом напротив обгорелого остова автомастерской «Эм-энд-Эн кузовные работы», лицезрел крушение мечты превратить пустующий цех в гнездо своей банды, при этом с ужасом ловя себя на мысли, что на самом деле ему этого вовсе не хотелось. Он смотрел на обугленную стену из шлакоблоков, и она напоминала ему его собственную жизнь.

Тайрон достал сотовый. Номера мисс Ш у него не было. Как с нею связаться, как ей сообщить, что у него есть для нее важная – как это называл Дерон? – ах да, информация? Которую знает он, он один. Если только она с ним встретится, если только они снова пройдут по улице вместе… Тайрон убеждал себя в том, что больше ему ничего не нужно. Он еще не смел взглянуть правде в глаза.

Тайрон позвонил в справочную. Единственным имеющимся там номером ЦРУ был так называемый телефон для связи с общественностью. Тайрон понимал, что это глупо, и все же набрал этот номер. И снова жизнь отказалась предоставить ему шанс.

– Да? Чем могу вам помочь? – ответил четкий голос образованного молодого белого мужчины.

– Мне нужно связаться с одним агентом, с которым я говорил пару дней назад, – сказал Тайрон, в кои-то веки стыдясь своего кашеобразного произношения негритянского гетто.

– Как его имя?

– Сорайя Мор.

– Подождите минуточку, пожалуйста.

Услышав в трубке какие-то щелчки, Тайрон тотчас же ощутил приступ мании преследования. Спустившись со своего насеста, он пошел по улице.

– Сэр, будьте добры, представьтесь и назовите ваш номер телефона.

Мания преследования расцвела вовсю.

– Да я просто хотел поговорить…

– Если вы оставите свою фамилию и номер телефона, я прослежу за тем, чтобы агент Мор получила ваше сообщение.

И снова мир, совершенно незнакомый Тайрону, нанес ему нокаутирующий удар.

– Просто передайте ей, что я знаю, кто посыпал ей хвост солью.

– Прошу прощения, *что* вы знаете?

Тайрон чувствовал, что собственное незнание используется в качестве оружия против него самого, причем он в этой ситуации бессилен. По сути, его мир был заключен в больший, наружный. Раньше Тайрон этим гордился. И вдруг теперь он понял, что это огромный недостаток.

Повторив свое сообщение, он выключил телефон и с отвращением зашвырнул его в сточную канаву, мысленно взяв на заметку попросить Ди-Джея Танка достать ему новый телефон. Прежний стал слишком горячим.

– Так кто же вы на самом деле? – устало спросил Евгений Федорович.

– А разве это имеет значение? – сказал Борн.

– Наверное, нет. – Евгений уставился в окно на мелькающий городской пейзаж. Каждый раз, увидев патрульную машину или пешего милиционера, он внутренне напрягался. – Вы ведь даже не молдаванин, так?

– Твой дружок Богдан Ильич пытался меня убить. – Борн, внимательно следивший за выражением лица Евгения, добавил: – Кажется, тебя это нисколько не удивляет.

– Сегодня, – ответил Евгений Федорович, – меня в этой жизни уже больше ничто не удивляет.

– Кто тебя нанял? – резко спросил Борн.

Евгений дернул головой.

– Не думаете же вы, что я отвечу на этот вопрос.

– Это был Фади, саудовец?

– Я не знаю никакого Фади.

– Однако ты знал Федора Владиславовича Лермонтова, несуществующего наркоторговца.

– На самом деле я вовсе не говорил, что его знаю. – Евгений Федорович огляделся по сторонам. Судя по солнцу, они ехали на юго-запад. – Куда мы направляемся?

– На эшафот.

Евгений попытался изобразить равнодушие.

– В таком случае, полагаю, мне нужно помолиться перед смертью.

– Вне всякого сомнения.

Сорайя вела машину быстро и уверенно, строго соблюдая скоростной режим. Меньше всего им сейчас нужно было привлекать внимание госавтоинспекции. Наконец жилые кварталы Одессы оказались позади, сменившись рядами огромных заводов, складов и железнодорожных станций.

Чуть дальше появился просвет километра в три-четыре, в котором расположилось село. Крохотные домики выглядели совсем не к месту в окружении гигантских сооружений по обе стороны. Доехав до конца села, Сорайя свернула в переулок, обсаженный деревьями.

Во дворе дома ждал Александр. Самого хозяина дома и владельца собаки, хорошего знакомого Сорайи, нигде не было видно. Увидев въезжающие во двор старенькие «Жигули», бульдог поднял голову. Домик у него за спиной был средних размеров, надежно защищенный от взглядов соседей елями и кипарисами.

Как только машина остановилась, Александр трусцой направился к ней. Увидев вышедшую Сорайю, он разразился радостным лаем.

– Боже мой, какая огромная собака, – с опаской промолвил Евгений Федорович.

Борн улыбнулся.

– Добро пожаловать на эшафот. – Схватив украинца за шиворот, он вытащил его из машины. – Позволь представить тебе твоего палача. – Борн подтолкнул Евгения к собаке.

Тот, казалось, был сражен громом.

– Собака?

– Александр уже искусал Фади лицо, – усмехнулся Борн. – И с тех пор он ничего не ел.

Евгения Федоровича передернуло. Он закрыл глаза.

– Больше всего на свете мне сейчас хочется оказаться где-нибудь в другом месте.

– Как и всем нам, – искренне согласился Борн. – Только скажи, кто тебя нанял.

Евгений Федорович вытер вспотевшее лицо.

– Он меня убьет, это точно.

Борн махнул бульдогу.

– По крайней мере в этом случае у тебя будет фора.

В этот момент, как и было условлено, Сорайя подала Александру знак. Собака прыгнула прямо на Евгения, и тот испустил пронзительный, комичный крик.

В самый последний момент Борн поймал собаку за ошейник, останавливая ее. Это движение отобрало у него все силы, отозвавшись волнами боли, расходящимися от раны в боку. Внешне Борн ничего не показал, однако он понял, что Сорайя читает его лицо, как раскрытую книгу.

– Евгений Федорович, – сказал Борн, выпрямляясь, – как вы прекрасно видите, Александр большой и сильный. У меня уже устала рука. У вас есть пять секунд, после чего я отпускаю собаку.

Мозг Евгения, подпитанный нахлынувшим адреналином ужаса, принял решение за три секунды.

– Ну хорошо, только уберите собаку.

Борн двинулся на него, с трудом удерживая рвущегося Александра. Он увидел, что у Евгения широко раскрылись глаза, обнажая белки.

– Кто вас нанял, Евгений Федорович?

– Один человек по имени Незым Хатун. – Украинец не мог оторвать взгляд от бульдога. – Он работает в Стамбуле – в районе Султанахмет.

– А поточнее? – спросил Борн.

Евгений попятился от собаки, которой Борн позволил подняться на задние лапы. Александр оказался одного роста с украинцем.

– Не знаю, – пробормотал Евгений. – Клянусь, я рассказал вам все, что знал.

Как только Борн отпустил ошейник, Александр полетел вперед стрелой, выпущенной из туго натянутого лука. Евгений Федорович закричал. У него на брюках расплылось темное пятно. Собака налетела на него, повалив на землю.

Через мгновение Александр сидел у него на груди и лизал ему лицо.

– Что касается грузовых портов, варианта, по сути дела, два, – продолжала доктор Павлина. – Одесса и Ильичевск, расположенный в семи километрах к юго-западу.

– И каков ваш выбор? – спросил Мэттью Лернер.

Они находились в машине доктора Павлиной, которая направлялась в северную часть Одессы, где расположены судовые доки.

– Конечно, Одесса ближе, – начала рассуждать вслух доктор Павлина. – Но милиция наверняка установила здесь хоть какое-то наблюдение. С другой стороны, Ильичевск предпочтительнее просто потому, что он находится дальше от центра охоты. Милиции там гораздо меньше – если она вообще есть. Кроме того, порт там более оживленный, суда отходят чаще.

– Значит, Ильичевск.

Доктор Павлина перестроилась в левый ряд, готовясь выполнить разворот на юг.

– Единственная проблема будет заключаться в дорожных постах.

Свернув с шоссе, Сорайя поехала по второстепенным улочкам, иногда сворачивая в такие узкие переулки, где «жигуленок» протискивался с большим трудом.

– И даже так нельзя исключать, – заметил Борн, – что по дороге к Ильичевску нам встретится хотя бы один пост.

Евгения Федоровича они оставили во дворе дома знакомого Сорайи, под надежной охраной Александра. Через три часа, когда это уже ничего не сможет изменить, знакомый отпустит Евгения.

– Как ты себя чувствуешь? – Сорайя ехала по узким дорогам между рядами складов. Время от времени в просветах между строениями впереди мелькали портовые краны Ильичевска, похожие на длинные шеи динозавров. Езда окольными дорогами заняла больше времени, но это было безопаснее, чем воспользоваться шоссе.

– Все в порядке, – ответил Борн, но молодая женщина поняла, что он лжет. Его бледное лицо было иссечено складками боли, дыхание вырывалось судорожными порывами.

– Рада это слышать, – с мрачной иронией промолвила Сорайя. – Потому что нравится тебе или нет, но минуты через три впереди будет пост.

Борн встрепенулся. Чуть дальше на дороге собралась небольшая очередь из легковых и грузовых машин, проезжавших через узкий проход между двумя армейскими бронетранспортерами, которые стояли поперек улицы, подставив свои внушительные бронированные бока. Двое милиционеров в касках и бронежилетах опрашивали сидящих в машинах, заглядывая в багажники легковушек и проверяя кузова грузовиков. Они действовали медленно, методично, тщательно. Их лица были сосредоточенными. Определенно, такие ничего не доверят воле случая.

Сорайя покачала головой.

– Этот пост никак не объехать. Справа море, слева шоссе. – Взглянув в зеркало заднего вида, она увидела, что среди выстроившейся следом за ними очереди есть еще одна милицейская машина. – Я даже не могу развернуться, так как это вызовет подозрения.

– Пора переходить к плану «Б», – угрюмо промолвил Борн. – Ты смотри за теми фараонами, что позади, а я буду приглядывать за теми, что впереди.

Валерий Пустовойко, опустошив содержимое мочевого пустыря на кирпичную стену дома, возвращался на пост. Им с напарником было поручено следить за тем, чтобы ни одна из машин, выстроившихся перед постом, не развернулась назад. Валерий с отвращением размышлял об этом нудном задании, приходя к выводу, что на него выбор пал потому, что он вывел из себя сержанта, постоянно обыгрывая его в карты и в кости, забирая каждый раз сотен по пять гривен. А этот ублюдок славится своей мстительностью. Только посмотрите, как он поступил с беднягой Михаилом Аркановичем, который по ошибке съел сержантские пироги, оказавшиеся к тому же весьма противными, если верить недовольному Арканович.

Валерий обдумывал различные способы исправить свое пошатнувшееся положение, как вдруг увидел, что из стареньких «Жигулей», стоявших за семь машин до поста, выскользнул человек. Охваченный любопытством, он двинулся вдоль складов, не выпуская мужчину из виду. Ему уже удалось было его настичь, но тот вдруг свернул в проход между двумя зданиями, заваленный мусором. Оглянувшись по сторонам, Валерий понял, что больше этого мужчину никто не заметил.

С полсекунды он думал, не предупредить ли об этом подозрительном типе своего напарника. Но этого времени оказалось достаточно, чтобы сообразить: вот он, лучший способ вернуть расположение сержанта. И такую возможность упускать нельзя. Он ни за что не позволит кому-то другому поймать этого типа, который, может быть, и есть тот самый беглец, кого все ищут. У него нет желания повторить судьбу Михаила Аркановича. Поэтому, выхватив пистолет, Валерий Пустовойко облизнулся подобно волку, готовому наброситься на ничего не подозревающую добычу, и поспешил вперед.

Окинув быстрым взглядом цепочку складов, Борн уже решил, что лучше всего обойти пост стороной. В нормальной обстановке с этим не возникло бы никаких проблем. Вся беда заключалась в том, что его состояние никак нельзя было назвать нормальным. Конечно, ему уже приходилось получать ранения – и не раз. Но редко такие серьезные. По дороге к дому знакомого Сорайи Борн почувствовал, что у него начинается лихорадка. Теперь его прошиб озноб. Лоб у него был горячим, во рту пересохло. Ему требовалось не только отдохнуть, но и принять новую дозу антибиотиков – пройти полный курс лечения, чтобы полностью избавиться от слабости, вызванной ножевым ранением.

Разумеется, об отдыхе не могло быть и речи. Достать лекарства – это тоже проблема. Если бы ему не нужно было срочно покинуть Одессу, Борн обратился бы к доктору Павлиной, сотруднику ЦРУ. Однако сейчас это также исключено.

Борн вышел на открытое место за складами. Широкая мощеная дорога вела к погрузочным платформам. Тут и там стояли рефрижераторные фуры, или подъехавшие задом к платформам, или отогнанные на край дороги, где они дожидались своей очереди, приглушенно ворча двигателями, работающими на холостых оборотах.

Двигаясь параллельно шоссе, перегороженному постом, Борн то и дело уворачивался от погрузчиков, перевозивших на своих вилах огромные ящики от одного склада к другому.

Своего преследователя – милиционера – он увидел отраженным в стекле погрузчика. Не убыстряя шага, Борн свернул к платформе, с трудом взобрался на нее и протиснулся между двумя рядами ящиков внутрь

склада. Он обратил внимание, что у всех рабочих были бирки с пропусками.

Борн отыскал раздевалку. Пересменка уже прошла, и в комнате, выложенной кафелем, никого не было. Борн прошелся мимо шкафчиков, открывая дверцы. В третьем шкафчике оказалось как раз то, что он искал: рабочая спецовка. Борн переоделся, стараясь не обращать внимания на волны боли, исходящие из раны в боку. Однако сколько он ни искал, бирку с пропуском найти не удалось. Впрочем, Борн знал, как решить эту проблему. Выйдя из раздевалки, он вроде бы случайно налетел на шедшего навстречу рабочего и торопливо пробормотал извинения. Вернувшись на платформу, Борн нацепил на спецовку пропуск, украденный у рабочего.

Оглядевшись вокруг, Борн нигде не увидел своего преследователя. Он двинулся дальше, заглядывая в пустые кабины трейлеров, чей груз выгружался на бетонные платформы, где каждый ящик, бочка и контейнер сверялись с накладными.

– Стой! – вдруг окликнул его сзади голос. – Ни с места!

Обернувшись, Борн увидел за рулем погрузчика милиционера. Тот включил передачу и поехал прямо на него.

Хотя погрузчик ехал медленно, Борн почувствовал, что попал в очень незавидное положение. Тронувшийся погрузчик загнал его в относительно узкий проход, ограниченный с одной стороны стоящими фурами, а с другой непрерывной полосой похожих на бункеры приземистых бетонных зданий, в которых размещалась администрация складов.

Здесь царило оживление. Пока что никто не обращал внимания на шальной погрузчик и его жертву, однако все это могло измениться в любой момент.

Развернувшись, Борн побежал. С каждым шагом погрузчик его настигал, не только потому, что двигался на полной скорости, но и потому, что агонизирующая боль, терзавшая Борна, стала просто невыносимой. Ему удалось увернуться один раз, другой. Погрузчик высекал снопы искр, задевая концами вил за бетонную стену.

Борн подбежал к задней стороне склада, расположенного ближе всего к дорожному посту. Перед последней платформой стояла на разгрузке огромная фура. Единственный шанс заключался в том, чтобы пробежать прямо перед кабиной, в самый последний момент поднырнув под ней. И Борн его бы не упустил, однако в последнее мгновение перенапряженные мышцы левой ноги не выдержали боли.

Споткнувшись, Борн налетел боком на кабину. Мгновение спустя концы вил проткнули тонкую сталь по обе стороны от него, пригвоздив его. Борн попробовал выскользнуть вниз, но не смог: вилы держали прочно.

Он попытался взять себя в руки, избавиться от невыносимой боли, не позволяющей собраться с мыслями. Но тут милиционер снова включил передачу, и погрузчик дернулся вперед. Вилы еще глубже вонзились в борт, зажимая Борна.

Еще мгновение – и он будет раздавлен.

Глава 21

Борн полностью выпустил воздух из легких и изогнулся. В тот же самый момент он уперся руками в горизонтальные вилы, вытягивая сначала тело, а затем и ноги выше уровня зубцов. Наступив на металлический выступ в передней части кабины, он забрался на лобовое стекло.

Милиционер попытался сдать назад, чтобы сбросить Борна на землю, однако вилы, глубоко вонзившиеся в кабину, прочно держали погрузчик.

Увидев свой шанс, Борн прыгнул вперед. Милиционер выхватил пистолет, целясь в него, однако, прежде чем он успел нажать на спусковой крючок, Борн ударил его ногой, попав мыском ботинка в скулу. Хрустнула выбитая челюсть.

Выдернув пистолет у милиционера из руки, Борн вонзил кулак ему в солнечное сплетение, сгибая его пополам. Развернувшись, он спрыгнул на землю, и острая боль ударом копья прошила ему весь левый бок.

Поднявшись на ноги, Борн побежал вдоль склада, скрываясь в редкой рощице, которая тянулась вдоль дороги мимо поста. Обратно на дорогу в нескольких сотнях метрах позади поста он выбежал задыхаясь, полностью обессиленный. Однако старенькие «Жигули» уже были на месте. Передняя правая дверь открылась, озабоченная Сорайя проследила за тем, как Борн забирается в машину. Не успел он закрыть за собой дверь, как «Жигули» рванули с места.

– С тобой все в порядке? – спросила молодая женщина, разрывая свое внимание между лицом Борна и дорогой впереди. – Черт побери, что там произошло?

– Мне пришлось перейти к плану «В», – ответил Борн. – А затем и к плану «Г».

– Никаких планов «В» и «Г» у тебя не было.

Борн уронил голову на подголовник.

– Это я и имел в виду.

Когда они подъехали к Ильичевску, небо затянули тучи.

– Везите меня прямо к посадке на паром, – сказал Лернер. – Нам надо будет проверить ближайший отправляющийся рейс, потому что наш человек должен быть именно на нем.

– Я не согласна, – возразила доктор Павлина. Она вела машину по запутанным лабиринтам территории порта с уверенностью человека, которому уже не раз приходилось это делать. – В порту есть свой медпункт. Поверьте, сейчас Борну понадобится квалифицированная медицинская помощь.

Лернер, никогда в жизни не получавший приказы от женщины, был недоволен тем, что вынужден слушать советы доктора Павлиной. Больше того, он был недоволен тем, что она возит его на своей машине. Однако пока что ему приходилось с этим мириться. Правда, из этого вовсе не следовало, что компетентная уверенность главы одесского отделения ЦРУ не выводила его из себя.

Ильичевск оказался обширным скоплением невысоких, приплюснутых строений отталкивающего вида, огромных складов и элеваторов, холодильников, терминалов разгрузки контейнеров и чудовищно высоких плавучих кранов. К западу от порта стояли на внешнем рейде рыболовецкие траулеры, дожидающиеся разгрузки и ремонта. Порт, построенный дугой вдоль берега естественного лимана Черного моря, состоял из семи грузовых комплексов. Шесть из них специализировались по стали и чугуну, тропическим маслам, древесине, фруктам и минеральным удобрениям. Один представлял собой огромный элеватор. Седьмой предназначался для паромов и контейнеровозов, в чьих огромных трюмах размещались контейнеры, доставленные по железной дороге и на трейлерах. Верхняя палуба отводилась пассажирам, капитану и команде. Единственным недостатком судна подобной конструкции является его неустойчивость. Ему достаточно только принять в грузовой отсек слой воды толщиной сантиметр-два, и оно опрокинется и затонет. Тем не менее никакое другое судно не сравнится с ним в эффективности, поэтому контейнеровозы до сих пор продолжают широко использоваться по всей Азии и на Ближнем Востоке.

Медпункт находился между третьим и шестым терминалами. Он располагался в неказистом трехэтажном здании. Подъехав к самому входу, доктор Павлина заглушила двигатель.

Она повернулась к Лернеру:

– Я пойду одна. В этом случае у охраны не возникнет никаких вопросов.

Она повернулась, собираясь открыть дверь, но Лернер схватил ее за руку:

– Думаю, будет лучше, если я пойду вместе с вами.

Доктор Павлина взглянула на его руку, затем сказала:

– Вы только все усложняете. Позвольте решать мне – я знаю этих людей.

Лернер лишь крепче стиснул ей руку. Оскалившись в усмешке, он обнажил большие неровные зубы.

– Если вы знаете этих людей, доктор, никаких вопросов с охраной не возникнет, ведь так?

Она смерила его долгим взглядом, словно видела впервые в жизни.

– У вас есть какие-то проблемы?

– Если проблемы и есть, то только не с моей стороны.

Доктор Павлина высвободила руку.

– Потому что в этом случае нам нужно решить их прямо сейчас. Мы находимся во враждебном окружении…

– Я прекрасно знаю, доктор, где мы находимся.

– …и заблуждение и недопонимание могут привести к роковой ошибке.

Выйдя из машины, Лернер направился ко входу в медпункт. Через мгновение послышались торопливые шаги доктора Павлиной по гравию. Она догнала его у самой двери.

– Хоть вас и прислал лично директор ЦРУ, но именно я возглавляю местное отделение.

– Пока что возглавляете, – нагло заявил Лернер.

– Это угроза? – Доктор Павлина не колебалась ни секунды. Мужчины пытались всячески унизить и запугать ее с самого раннего детства. Ей досталось изрядно, прежде чем она научилась отвечать, используя свой арсенал оружия. – В настоящий момент вы находитесь под моим началом. Это понятно?

Лернер задержался перед дверью.

– Я понимаю, что мне придется разобраться с вами, пока я здесь.

– Лернер, вы когда-нибудь были женаты?

– Был, но развелся. И счастлив этим.

– Почему-то меня это нисколько не удивляет.

Доктор Павлина попыталась было пройти мимо него, но он снова схватил ее за руку.

Она сказала:

– Похоже, вы не слишком-то жалуете женщин, да?

– Только не тех, которые мнят себя мужчинами.

Высказав все, Лернер наконец выпустил ее руку.

Она открыла дверь, но загородила проход собой.

– Во имя всего святого, держите рот на замке, иначе вы разрушите мою «крышу». – Она шагнула в сторону, освобождая дорогу. – Это должен понимать даже такой грубиян, как вы.

Под предлогом рассказа о самых свежих данных относительно готовящейся операции Карим аль-Джамиль напросился на приглашение позавтракать вместе со Стариком. Конечно, свежие данные у него были, но вот только сама операция была полным бредом, следовательно, все, что он мог о ней рассказать, также было полным бредом. С другой стороны, Карим аль-Джамиль был не прочь на завтрак накормить директора ЦРУ бредом. Впрочем, ему самому тоже требовалось переварить свежие данные. Воспоминания, которые доктор Вейнтроп заложил в сознание Борна, завели того в западню. Однако ублюдку удалось каким-то образом опомниться, застрелить четверых человек и ускользнуть от Фади. Правда, только после того, как Фади пырнул его ножом в бок. Остался ли Борн жив или же он умер? Если бы Кариму аль-Джамилю позволили держать пари, он поставил бы большие деньги на то, что Борн остался жив.

Но сейчас, поднявшись на последний этаж штаб-квартиры ЦРУ, Карим аль-Джамиль заставил свой мозг вернуться к роли Мартина Линдроса.

Даже во время режима чрезвычайного положения Старик ел там, где всегда.

– Сидеть, как на цепи, за одним и тем же столом, уставившись на один и тот же монитор, день за днем, – этого хватит, чтобы свести с ума любого, – сказал он, когда Карим аль-Джамиль уселся напротив.

Этаж был разделен на две части. Западное крыло отведено спортивному залу мирового класса и бассейну олимпийских размеров. В отделенное

стеной восточное крыло, где они сейчас находились, доступ был закрыт для всех за исключением Старика.

Время от времени сюда приглашались семь начальников отделов. Помещение напоминало оранжерею с толстыми терракотовыми плитками на полу и высокой влажностью, необходимой разнообразным тропическим растениям и орхидеям. Вопрос, кто ухаживал за всем этим, вызывал пересуды у сотрудников управления и порождал самые причудливые легенды. Все сводилось к тому, что правду не знал никто, точно так же, как никому не было известно, кто занимает десять-двенадцать надежно запертых кабинетов восточного крыла и занимает ли их кто-либо.

Разумеется, Карим аль-Джамиль впервые попал в «беличье кольцо», как называли эту комнату в управлении. Почему? Потому что в поставленных друг рядом с другом клетках Старик держал трех белок, каждая из которых бесконечно крутилась в колесе. Совсем как агенты ЦРУ.

Те немногие начальники отделов, кто рассказывал о своих трапезах в обществе Старика, утверждали, что он расслабляется, глядя на натужно трудящихся белок, – подобно тому, как другие отдыхают, созерцая аквариумных рыбок. Однако простые сотрудники перешептывались, что директор получает извращенческое наслаждение от напоминания о том, что работа управления, подобно трудам древнегреческого Сизифа, не получает благодарности и не имеет конца.

– С другой стороны, – сказал Старик, – сама эта работа кого угодно сведет с ума.

На столе, накрытом белоснежной скатертью, стоял сервиз из китайского фарфора на две персоны, корзинка с круассанами и булочками и два чайника, один с крепким, свежесваренным кофе, другой с чаем с бергамотом, любимым напитком Старика.

Карим аль-Джамиль налил себе кофе, который он предпочел пить черным. Директор ЦРУ, напротив, любил чай с молоком и сахаром. Официанта нигде не было видно, но рядом со столом стоял металлический столик на колесах с теплыми блюдами.

Достав папку с бумагами, Карим аль-Джамиль сказал:

– Мне начинать прямо сейчас или подождать Лернера?

– Лернер к нам не присоединится, – загадочно промолвил Старик.

Карим аль-Джамиль начал:

– Подразделения «Скорпион» преодолели уже три четверти пути до города Шабва на юге Йемена. Размещенные в Джибути морские пехотинцы были подняты по тревоге. – Он взглянул на часы. – Двадцать минут назад они высадились в Шабве и теперь ожидают приказа от командира «Скорпиона».

– Замечательно. – Снова наполнив чашку, директор ЦРУ размешал сливки и сахар. – Что у нас с точным определением точки, откуда осуществляются радиопередачи?

– Две отдельные группы «Тифона», независимо одна от другой, обрабатывали два различных пакета информации. В настоящий момент с высокой степенью достоверности можно утверждать, что завод «Дуджи» располагается внутри круга диаметром восемьдесят километров.

Директор уставился на клетки с не знающими покоя белками.

– А нельзя ли определить точнее?

– Главной проблемой являются горы. Они искажают и отражают радиоволны. Но мы над этим работаем.

Старик рассеянно кивнул.

– Сэр, позвольте спросить, чем вы обеспокоены?

Какое-то мгновение казалось, что Старик его не услышал. Затем директор повернулся и посмотрел Кариму аль-Джамилю прямо в лицо.

– Точно не могу сказать, но у меня такое чувство, будто я что-то упускаю… что-то очень важное.

Стараясь дышать ровно, Карим аль-Джамиль изобразил на лице учтивое сочувствие.

– Сэр, я могу чем-нибудь помочь? Быть может, Лернер…

– Почему ты снова заговорил о нем? – резко спросил директор.

– У нас еще не было случая поговорить о том, что Лернер занял мое место во главе «Тифона».

– Ты пропал, «Тифон» остался без руководства.

– И вы заполнили брешь человеком со стороны?

Директор ЦРУ с громким стуком поставил чашку на стол.

– Мартин, ты анализируешь мои поступки?

– Да нет, конечно же. – «Будь осторожен», – мысленно приказал себе Карим аль-Джамиль. – Но я был чертовски удивлен, увидев его в своем кресле.

Старик нахмурился.

– Да, понимаю.

– И вот теперь, в самый разгар полномасштабного кризиса, Лернер куда-то исчез.

– Мартин, накрывай на стол, – остановил его директор ЦРУ. – Я хочу есть.

Открыв столик, Карим аль-Джамиль достал две тарелки, на которых красовалась яичница с ветчиной. Его чуть не стошнило. Он так и не смог привыкнуть к свинине, а также к яйцам, жаренным на сливочном масле. Поставив тарелку перед Стариком, он сказал:

– Если после моих похождений вы мне до сих пор доверяете не до конца, я, конечно же, это пойму.

– Дело не в этом, – сказал Старик, и снова чересчур резко.

Карим аль-Джамиль поставил перед собой тарелку.

– Тогда в чем же? Я был бы очень признателен, если бы вы меня просветили. Глядя на все эти таинственные происшествия с участием Мэттью Лернера, я чувствую себя так, словно выпал из обоймы.

– Видя, какое это большое имеет для тебя значение, Мартин, сделаю одно предложение.

Старик умолк, чтобы прожевать кусок яичницы, проглотить его и вытереть лоснящиеся губы жестом, довольно сносно напоминающим хорошие манеры.

Карим аль-Джамиль чуть ли не проникся состраданием к настоящему Мартину Линдросу, которому приходилось терпеть такое оскорбительное поведение. «И они еще смеют называть нас варварами!»

– Знаю, что у тебя сейчас своих дел по горло, – наконец продолжал директор. – Но если ты придумаешь, как бы осторожно навести для меня кое-какие справки…

– О ком или о чем?

Директор ЦРУ отрезал кусок яичницы и аккуратно положил сверху ломтик ветчины.

– Не так давно до меня окольными путями дошло, что у меня в Вашингтоне появился один враг.

– По-моему, за столько лет, – заметил Карим аль-Джамиль, – у вас их должен был бы набраться солидный список.

– Разумеется. Но этот враг особенный. Я должен тебя предупредить: будь крайне осторожен, поскольку он очень могущественный.

– Надеюсь, речь идет не о президенте, – пошутил Карим аль-Джамиль.

– Нет, но ты не сильно ошибся. – Старик оставался совершенно серьезным. – Я имею в виду министра обороны Эрвина Рейнольдса Хэллидея, которого все, кто лижет ему задницу, называют Бадом. Я сильно сомневаюсь, что у него есть хоть кто-то, кого даже с большой натяжкой можно было бы назвать настоящим другом.

– А у кого из присутствующих в этой комнате они есть?

Директор издал смешок, что случалось с ним крайне редко.

– Прямо в точку. – Положив в рот новый кусок яичницы, он переместил все за одну щеку, чтобы продолжать говорить. – Но мы с тобой, Мартин, мы с тобой друзья. По крайней мере что-то близкое к этому. Поэтому этот наш маленький разговор останется между нами.

– Можете на меня положиться, сэр.

– Не сомневаюсь в этом, Мартин. Лучшее мое достижение за последнее десятилетие – это то, что я поднял тебя на самый верх иерархии управления.

– Сэр, я высоко ценю то доверие, которое вы мне оказываете.

Директор ЦРУ не подал и вида, что услышал эти слова.

– После того как Хэллидей и его верный пес Лаваль попытались на встрече в Белом доме заманить меня в ловушку, я навел кое-какие справки. И обнаружил, что эта парочка втихую создает свое собственное разведывательное ведомство. Тем самым вторгаясь в наши владения.

– То есть мы должны их остановить.

Старик прищурился.

– Да, совершенно верно, Мартин. К несчастью, ублюдки начали действовать в самый неподходящий момент: когда «Дуджа» собирается нанести крупный удар.

– Быть может, сэр, это делается сознательно.

Директор мысленно вернулся к совещанию в подземном бункере Белого дома. Не было никаких сомнений в том, что Хэллидей и Лаваль попытались опозорить его перед президентом. Он вспомнил, как президент молчал, наблюдая за препирательствами со стороны. А что, если он уже принял сторону министра обороны? Что, если он хочет, чтобы Пентагон подмял под себя ЦРУ? Старик поежился при мысли о том, что агентурная разведка перейдет под контроль военных. Невозможно представить, как вольно Лаваль и Хэллидей отнесутся к своей новообретенной мощи. Недаром Пентагон и ЦРУ были разделены на два независимых ведомства. Без этого до создания полицейского государства оставался бы один шаг.

– И что нужно искать?

– Грязь. – Директор проглотил кусок. – И чем больше, тем веселее.

Карим аль-Джамиль кивнул.

– Мне будет нужна помощь одного человека…

– Бери кого угодно. Только назови имя.

– Анна Хельд.

Директор ЦРУ опешил.

– Ты имеешь в виду мою Анну Хельд? – Он покачал головой. – Выбери кого-нибудь другого.

– Вы же сами сказали, что мне нужно будет действовать осторожно. Привлекать кого-либо из сотрудников нельзя. Или Анна, или никто.

Старик посмотрел на него так, словно пытался найти в его словах намек на блеф. Судя по всему, ему ничего не удалось найти.

– Договорились, – сдался он.

– А теперь расскажите мне о Мэттью Лернере.

Старик посмотрел ему прямо в глаза.

– Все дело в Борне.

После долгой неуютной паузы, нарушаемой лишь жужжанием колес, вращаемых двенадцатью маленькими беличьими лапками, Карим аль-Джамиль тихо промолвил:

– Какое отношение имеет Джейсон Борн к Мэттью Лернеру?

Директор ЦРУ отложил нож и вилку.

– Я знаю, Мартин, что для тебя значит Борн. У вас с ним установилась какая-то необъяснимая близость. Однако правда заключается в том, что Борн для управления – смертельный яд. Поэтому я поручил Мэттью Лернеру его ликвидировать.

Какое-то мгновение Кариму аль-Джамилю казалось, что он ослышался. Директор ЦРУ направил по следу Борна убийцу? Чтобы тот лишил его самого и его брата удовлетворения свершить долго лелеемую и тщательно спланированную расплату? Нет. Он этого не допустит.

Его сердцем завладела убийственная ярость – которую его отец называл «ветром пустыни», – раскалившая его, молотившая по нему до тех пор, пока не выковался клинок. Но внешне эта страшная внутренняя буря проявилась лишь в мимолетно раздувшихся ноздрях, что его собеседник, вернувшийся к трапезе, все равно не заметил.

Карим аль-Джамиль, разрезав яичницу, устремил взгляд на растекающиеся желтки. На блестящей поверхности одного из них краснело пятнышко крови.

– Это был радикальный шаг, – наконец произнес он, полностью совладав со своими чувствами. – Я же сказал вам, что полностью порвал с Борном.

– Я долго думал над этим и пришел к выводу, что это не решает проблему.

– Вам следовало бы поговорить со мной.

– Ты только что пытался меня отговорить от этого, – раздраженно бросил директор. Очевидно, он был недоволен тем, как разрешил эту деликатную ситуацию. – А сейчас уже слишком поздно. Ты не сможешь остановить Лернера, Мартин, так что даже не пробуй. – Он вытер губы. – Общее благо перевешивает желания одного человека. И ты это понимаешь, как никто другой.

Карим аль-Джамиль задумался над страшными последствиями того, что запустил в действие директор ЦРУ. Мало того, что Лернер угрожает надеждам братьев на отмщение; его присутствие является неизвестной величиной, которую они с Фади не учитывали в своих расчетах. Изменение сценария ставит под угрозу осуществление замысла. Фади только что сообщил по защищенному каналу, тайно внедренному в собственную сеть связи ЦРУ, что он нанес Борну рану ножом. Если ничего не предпринимать, Лернер узнает об этом, и, совершенно естественно, ему захочется выяснить, кто это сделал. С другой стороны, если ему станет известно, что Борн уже убит, он постарается установить личность убийцы. И в том и в другом случае это грозит опасными последствиями.

Отодвинувшись от стола, Карим аль-Джамиль спросил:

– А вы не рассматривали возможность того, что Борн убьет Лернера?

– Я пригласил сюда Лернера из-за его репутации. – Старик взял чашку, увидел, что чай остыл, и поставил ее на стол. – Таких больше не делают. Лернер прирожденный убийца.

«Как и Борн», – подумал Карим аль-Джамиль, чувствуя, что сердце его разъедает кислота.

Заметив на сиденье свежий подтек крови, Сорайя сказала:

– Похоже, у тебя лопнули два-три шва. Тебе непременно нужна медицинская помощь.

– Даже не думай об этом, – остановил ее Борн. – Нам обоим необходимо как можно скорее выбраться отсюда. Милицейское оцепление лишь сомкнётся плотнее. – Он обвел взглядом порт. – К тому же где здесь найти врача?

– В порту есть свой медпункт.

Проехав через Ильичевск, Сорайя остановилась перед трехэтажным зданием, рядом с новенькой «Шкодой Октавией». От нее не укрылось, как поморщился Борн, выбираясь из машины.

– Нам лучше воспользоваться черным ходом.

– Это не решит проблему охраны, – возразил Борн. Вскрыв подкладку пиджака, он достал маленький запечатанный пластиковый пакет. Разорвав пакет, он достал комплект документов и быстро перебрал их, хотя еще в самолете заучил наизусть, чем снабдил его Дерон. – Итак, меня зовут Мыкола Петрович Туз. Я генерал-лейтенант отдела защиты государственной целостности и борьбы с терроризмом СБУ. – Подойдя к Сорайе, он взял ее за руку. – Слушай вводную. Ты моя пленница. Чеченская террористка.

– В таком случае, – сказала Сорайя, – мне лучше накрыть голову.

– Никто не посмеет на тебя взглянуть или заговорить с тобой, – усмехнулся Борн. – Тебя будут до смерти бояться.

Открыв дверь, он грубо толкнул молодую женщину вперед. Тотчас же санитар вызвал охранника.

Борн предъявил удостоверение СБУ.

– Генерал-лейтенант Туз, – отрывисто бросил он. – Я получил ножевое ранение, и мне нужен врач. – Он увидел, что охранник перевел взгляд на Сорайю. – А это моя пленница. Чеченская террористка, самоубийца.

Побелев как полотно, охранник кивнул.

– Прошу вас сюда, товарищ генерал-лейтенант.

Сказав несколько слов в рацию, он провел Борна и Сорайю по коридорам в пустую приемную, одинаковую во всех больницах.

Охранник указал на кушетку.

– Я связался с дежурным врачом. Устраивайтесь поудобнее, товарищ генерал-лейтенант. – Взведенный до предела высоким положением Борна и присутствием Сорайи, он достал пистолет и направил его на Сорайю. – А ты стой здесь, чтобы врач мог осмотреть товарища генерал-лейтенанта.

Борн выпустил руку Сорайи, едва заметно кивнув. Та отошла в угол и уселась на стул с металлическими ножками, охранник старался присматривать за ней, при этом избегая глядеть ей в лицо.

– Генерал-лейтенант СБУ, – сказал дежурный врач медпункта. – Это не тот, кто вас интересует.

– Это уж мы сами решим, – на сносном русском заявил Мэттью Лернер.

Бросив на него взгляд, полный ярости, доктор Павлина снова повернулась к дежурному врачу.

– Вы говорите, что он получил ножевое ранение.

Тот кивнул:

– Мне так сказали.

Доктор Павлина поднялась.

– В таком случае, полагаю, я должна на него взглянуть.

– Мы пойдем вдвоем, – добавил Лернер.

Он стоял у двери, испуская вокруг волны невидимого электричества, словно рысак у стартовых ворот.

– В этом нет необходимости, – раздельно произнесла доктор Павлина.

– Согласен. – Поднявшись, дежурный врач вышел из-за стола. – Если больной действительно тот, кем назвался, мне за вас здорово достанется.

– И все же, – решительно заявил Лернер, – я пойду вместе с доктором Павлиной.

– Вы вынуждаете меня вызвать охрану, – строгим тоном произнес дежурный врач. – Генерал-лейтенант не знает, кто вы такой и что вы здесь делаете. Он может приказать задержать вас и даже застрелить. Я этого не могу допустить.

– Оставайтесь здесь, – сказала доктор Павлина. – Я дам знать, как только установлю личность этого человека.

Лернер ничего не сказал, когда доктор Павлина и дежурный врач вышли из кабинета. Однако он не собирался прохлаждаться, доверив все ей. Она понятия не имела, зачем он прибыл в Одессу, почему ему нужно найти Джейсона Борна. Лернер ни на мгновение не усомнился в том, что больной – не кто иной, как Борн. Генерал-лейтенант Службы безопасности Украины с ножевым ранением в бок? Без шансов.

И Лернер не собирался позволить доктору Павлиной все испортить. Первым делом она предупредит Борна, что Лернер прибыл из Вашингтона, для того чтобы его разыскать. У Борна в голове тотчас же зазвенит тревожный колокольчик. Он скроется, прежде чем Лернер успеет на него выйти. И после этого разыскать его снова будет гораздо сложнее.

Проблема заключалась в том, что Лернер не знал, где находится раненый. Выйдя в коридор, он спросил у первой встречной медсестры, куда доставили генерал-лейтенанта. Та указала ему дорогу. Поблагодарив ее, Лернер торопливо пошел по коридору, не обратив внимания на то, что девушка сняла трубку внутреннего телефона и попросила соединить ее с дежурным врачом.

– Добрый день, товарищ генерал-лейтенант. Я доктор Павлина, – представилась она, заходя в приемный покой. Повернувшись к дежурному врачу, она добавила: – Это не тот, кто нам нужен.

Борн, сидевший на кушетке, не увидел у нее в глазах ничего, говорившего о том, что она лжет. Однако, заметив, как доктор Павлина украдкой взглянула на Сорайю, он сказал:

– Держитесь подальше от моей пленницы, доктор. Она очень опасна.

– Пожалуйста, товарищ генерал-лейтенант, ложитесь. – Борн повиновался, и доктор Павлина, надев перчатки, вспорола окровавленную рубашку и начала снимать бинты. – Это она нанесла вам такую рану?

– Да, – подтвердил Борн.

Доктор ощупала рану, следя за реакцией Борна.

– Швы наложил человек, знающий свое дело. – Она посмотрела Борну в глаза. – К несчастью, вы слишком активно двигались. Надо будет восстановить лопнувшие швы.

По ее просьбе дежурный врач показал, где находятся медикаменты, отпер шкафчик с лекарствами. Выбрав на второй полке баночку, доктор Павлина отсчитала четырнадцать таблеток и завернула их в кусок плотной бумаги.

– И еще возьмите вот это. По одной таблетке два раза в день, на протяжении недели. Это сильный антибиотик широкого спектра, который защитит вас от инфекции. Пожалуйста, возьмите таблетки.

Борн послушно убрал пакетик.

Затем доктор Павлина взяла пузырек с дезинфицирующей жидкостью, ватные тампоны, иглу и нить для наложения швов. И наконец она набрала в шприц лекарство.

– Это еще что такое? – с опаской спросил Борн.

– Наркоз. – Вколов иголку ему в бок, она надавила на поршень. И снова их взгляды встретились. – Не беспокойтесь, товарищ генерал-лейтенант, препарат местного действия. Он снимет боль, но никак не повлияет на умственную и физическую деятельность.

Доктор Павлина начала обрабатывать рану, и в этот момент на стене зазвонил телефон. Дежурный врач снял трубку и выслушал то, что ему сказали.

– Хорошо, я все понял. Спасибо, Катя.

Он повесил трубку.

– Доктор Павлина, – сказал дежурный врач, – судя по всему, вашему другу не удалось совладать со своим нетерпением. Он направляется сюда. – Он шагнул к двери. – Я им займусь.

С этими словами дежурный врач вышел в коридор.

– Что еще за друг? – встрепенулся Борн.

– Товарищ генерал-лейтенант, тревожиться не о чем, – успокоила его доктор Павлина. Она снова многозначительно посмотрела на него. – Этот человек прибыл к вам из Центрального управления.

По пути в кабинет, в котором осматривали раненого, Лернер заглянул в три бокса. Он не спеша осмотрел каждый. Убедившись в том, что все они абсолютно одинаковые, Лернер запомнил расположение обстановки:

где находятся кушетка, столы, шкафчики, раковина… Зная репутацию Борна, он не сомневался в том, что у него будет только одна возможность вышибить ему мозги.

Достав «глок», Лернер навернул на дуло глушитель. Он предпочел бы обойтись без этого приспособления, которое уменьшало дальность выстрела и снижало точность стрельбы. Однако в данной обстановке у него не было выбора. Если он собирается выполнить задание и выйти из здания живым, ему нужно убить Борна как можно бесшумнее. С того самого момента, как директор ЦРУ поручил ему это задание, Лернер понимал, что ему ни за что не удастся вырвать из Борна какую-либо информацию – только не во враждебном окружении, а может быть, и вообще ни при каких обстоятельствах. Кроме того, лучший способ расправиться с Борном – это убить его быстро и действенно, лишив его возможности нанести ответный удар.

В этот момент впереди показался дежурный врач с выражением осуждения на лице.

– Извините, но вас попросили оставаться в моем кабинете до тех пор, пока вас не позовут, – начал он, поравнявшись с Лернером. – Я должен попросить вас вернуться в…

Сильный удар рукояткой пистолета пришелся ему прямо в левый висок. Обмякшее бесчувственное тело осело на пол. Подхватив врача за шиворот, Лернер оттащил его в один из пустых боксов и запихнул за дверь.

Не раздумывая, он вернулся в коридор и беспрепятственно дошел до цели. Остановившись перед закрытой дверью, Лернер мысленно настроился на чистое, аккуратное убийство. Взявшись свободной рукой за дверную ручку, он медленно повернул ее до конца. Предчувствие кровавой развязки обволокло его, проникая внутрь.

Одновременно отпустив ручку и распахнув дверь ударом ноги, Лернер быстро шагнул через порог и всадил одну за другой три пули в фигуру, распростертую на кушетке.

Глава 22

Мозгу Лернера потребовалось какое-то мгновение, чтобы понять смысл того, что увидели его глаза. Три смерти приняло в себя лежащее на кушетке скатанное одеяло. Он начал разворачиваться.

Однако этой крошечной задержки между действием и ответным действием хватило Борну, стоявшему за дверью, чтобы вонзить Лернеру в шею шприц с сильной дозой общего наркоза. Однако с Лернером было далеко не все кончено. У него было телосложение быка и решимость

одержимого. Вырвав шприц у Борна, прежде чем тот успел ввести ему всю дозу, он навалился на него всем своим весом.

Борн нанес ему два удара, а Лернер еще раз нажал на спусковой крючок, и пуля разорвала грудь охранника.

– Что вы делаете? – вскрикнула доктор Павлина. – Вы же говорили…

Вонзив локоть Борну в окровавленную рану, Лернер выстрелил ей в голову. Обмякшее тело доктора Павлиной отлетело в руки Сорайе.

Борн упал на колени. Боль обожгла все нервные окончания, парализовав мышцы. Лернер схватил его за шею, но тут Сорайя швырнула ему в лицо стул, на котором сидела. Ослабив мертвую хватку, которой он сжимал Борна, Лернер отлетел назад, продолжая стрелять, но теперь уже вслепую. Увидев на полу в противоположном углу пистолет охранника, Сорайя подумала было о том, чтобы броситься к нему, но поняла, что ей не позволит это сделать Лернер, который приходил в себя с пугающей быстротой.

Вместо этого молодая женщина метнулась к Борну, подняла его на ноги, и они выскочили из кабинета. Она успела услышать глухие шлепки бесшумных выстрелов, пули расщепили косяк двери рядом с ее локтем, но они уже пробежали по коридору и завернули за угол, спеша к двери черного хода.

Оказавшись на улице, Сорайя то ли швырнула, то ли запихнула Борна на переднее правое сиденье потрепанных «Жигулей», плюхнулась за руль, включила зажигание и, визжа покрышками и разбрасывая гравий, задом рванула со стоянки.

Опираясь на кушетку, Лернер с трудом поднялся на ноги. Он тряхнул головой, пытаясь прогнать туман, но тщетно. Протянув руку, он выдернул из шеи сломанный шприц. Что за мерзость вколол ему Борн?

Лернер постоял, качаясь из стороны в сторону, словно новичок, впервые попавший в сильный шторм. Ему пришлось ухватиться за столик, чтобы удержать равновесие. С трудом доковыляв до раковины, он сполоснул лицо холодной водой. Однако от этого у него перед глазами лишь все расплылось еще больше. Дышать становилось все труднее.

Пошарив по столу, Лернер наткнулся на маленький стеклянный пузырек с резиновой пробкой, которая протыкается иглой. Схватив пузырек, он поднес его к самому лицу. Ему потребовалось какое-то время, чтобы сфокусировать взгляд на мелком шрифте. Мидазолам. Вот что это было. Наркоз непродолжительного действия, погружающий организм в полудрему. Зная это, Лернер понял, какое ему нужно противоядие. Порывшись в шкафчике, он нашел ампулу эпинефрина,

препарата, способствующего выработке адреналина. Схватив шприц, Лернер набрал эпинефрин, выпустил из иголки маленькую струйку жидкости, избавляясь от пузырьков воздуха, после чего сделал себе укол.

Действию мидазолама настал конец. Ватный туман мгновенно растаял в пламени вспыхнувшего в сознании пожара. Лернер снова смог дышать. Склонившись над трупом доктора Павлиной – он нисколько не сожалел по поводу того, что ее убил, – он достал ключи от машины.

Через несколько минут, отыскав дорогу к черному ходу, Лернер покинул здание медпункта. Подойдя к машине доктора Павлиной, он увидел на гравии свежие следы, оставленные машиной, стоявшей рядом. Похоже, водитель очень спешил. Лернер сел в «Шкоду». Следы вели в направлении паромного терминала.

Поскольку доктор Павлина подробно рассказала ему о работе порта Ильичевск, Лернер понял, куда именно направился Борн. Впереди он увидел у причала огромный контейнеровоз. Прищурившись, Лернер прочитал название: «Иркутск».

Он свирепо усмехнулся. Похоже, ему все-таки представится второй шанс выстрелить в Борна.

Капитан контейнеровоза «Иркутск» был бесконечно рад принять у себя на борту генерал-лейтенанта СБУ М.П. Туза и его помощницу. Больше того, он предоставил им лучшую каюту, отведенную для самых высоких гостей, с большими иллюминаторами и отдельной ванной. Белые стены изгибались вместе с корпусом корабля. Пол был деревянный, сильно вытертый. Койка, небольшой столик, два стула, дверь, ведущая к узкому шкафчику для одежды и в ванную.

Скинув пиджак, Борн сел на кровать.

– Как ты?

– Ложись. – Бросив пальто на стул, Сорайя взяла кривую иголку и нитку для наложения швов. – Меня ждет работа.

Борн беспрекословно повиновался. Все его тело было объято огнем. С мастерством профессионального садиста Лернер нанес удар в раненый бок, чтобы причинить максимальную боль. Сорайя вонзила иголку, и Борн ахнул.

– Лернер здорово тебя приложил, – заметила Сорайя, накладывая швы. – Что он здесь делает? И какого черта он решил расправиться с тобой?

Борн лежал, уставившись в низкий потолок. Он уже успел привыкнуть к вероломству Центрального разведывательного управления, к попыткам его устранить. В каком-то смысле он сделался бесчувственным к расчетливой бесчеловечности. И все же какая-то его частица отказывалась постичь всю глубину лицемерия. Директор ЦРУ, оказавшись в безвыходном положении, с готовностью использовал Борна, однако его враждебность к нему оставалась непоколебимой.

– Лернер – личный пес в услужении Старика, – сказал Борн. – Могу только предположить, что его направили в Одессу с приказом меня ликвидировать.

Сорайя удивленно посмотрела на него.

– Как ты можешь говорить это совершенно спокойно?

Она проткнула край раны и протащила нить. Борн поморщился от боли.

– Только сохраняя спокойствие, можно разобраться в ситуации.

– Но твое родное ведомство…

– Сорайя, ты должна понять, что ЦРУ никогда не было моим родным ведомством. Я работал в составе группы, которой поручались самые секретные, самые грязные задания. Я подчинялся только своему куратору, но не Старику или кому бы то ни было в ЦРУ. То же самое относится к Мартину. Согласно строгим порядкам управления, я отщепенец, не признающий никаких правил.

Оставив его на минуту, Сорайя удалилась в ванную. Она вернулась с полотенцем, смоченным в воде. Приложив полотенце к заново зашитой ране, она оставила его, дожидаясь остановки кровотечения.

– Джейсон, – сказала Сорайя, – посмотри на меня. Почему ты избегаешь на меня смотреть?

– Потому что, – сказал Борн, переводя взгляд на красивые миндалевидные глаза, – когда я на тебя смотрю, я вижу вовсе не тебя. Я вижу Мари.

Сорайе показалось, что из нее разом выпустили весь воздух. Она опустилась на край кровати.

– Значит, мы так похожи, да?

Борн вернулся к изучению потолка каюты.

– Напротив. Внешне в вас нет никакого сходства.

– В таком случае почему…

Каюта наполнилась низким рокотом двигателя. Через мгновение они ощутили легкий толчок, после чего последовала плавная качка. Контейнеровоз отчалил, начиная переход через Черное море в Стамбул.

– Полагаю, ты должен объясниться, – тихо промолвила Сорайя.

– Мы с тобой… я хочу сказать, раньше…

– Нет. Я бы ни за что не попросила у тебя такое.

– Ну а я? Я у тебя просил?

– О, Джейсон, ты же хорошо себя знаешь.

– Но я и Фади не выпустил бы из тюрьмы. Я бы не позволил заманить себя в ловушку на берегу. – Он опустил взгляд на лицо молодой женщины, наполненное терпеливым ожиданием. – Плохо уже то, что я ничего не помню. – У него перед глазами мелькнуло конфетти воспоминаний, его собственных и… чьих-то чужих. – Но когда воспоминания сбивают с пути…

– Но как такое возможно? Почему?

– Доктор Сандерленд ввел мне какие-то белки, воздействующие на синапсы головного мозга. – Борн попытался сесть, жестом остановив Сорайю, предложившую свою помощь. – Сандерленд в сговоре с Фади. И это так называемое «лечение» было частью плана Фади.

– Джейсон, мы это уже обсуждали. Это же какой-то бред. Во-первых, ну как Фади мог узнать, что тебе понадобится помощь специалиста по проблемам памяти? Во-вторых, как он мог знать, к кому именно ты обратишься?

– Очень хорошие вопросы. К несчастью, у меня до сих пор нет на них ответов. Но задумайся: Фади располагает достаточной информацией о ЦРУ и знает, кто такой Мартин Линдрос. Он знает про «Тифон». Имеющаяся у него информация настолько обширна, настолько подробна, что ему удается создать двойника, который обманул всех, и в том числе даже меня, даже мудрый сканер ЦРУ, анализирующий сетчатку глаза.

– А что, если он тоже входит в заговор? – предположила Сорайя. – В заговор Фади?

– Это уже начинает напоминать бред сумасшедшего, страдающего манией преследования. Но я постепенно прихожу к выводу, что все эти события – лечение у доктора Сандерленда, похищение и подмена Мартина Линдроса, чувство мести, которое питает в отношении меня Фади, – все они связаны между собой и являются частью блестяще

спланированного и осуществленного заговора, направленного против меня и против всего ЦРУ.

– Но как нам проверить, прав ли ты? Как разобраться во всем этом?

Борн смерил Сорайю долгим взглядом.

– Нам нужно вернуться в самое начало. К моему первому приезду в Одессу, когда ты возглавляла местное отделение ЦРУ. Но для этого мне необходимо, чтобы ты восполнила недостающие фрагменты моих воспоминаний.

Встав, Сорайя подошла к иллюминатору и уставилась на широкую полосу воды, которая уже отделяла корабль от затянутого туманной дымкой побережья, оставшегося позади.

Не обращая внимания на боль, Борн спустил ноги на пол и осторожно встал. Действие местного наркоза подходило к концу; более глубокая, более сильная боль раскатилась во всему телу, позволяя в полной мере оценить последствия расчетливого удара Лернера, подобного столкновению с грузовым составом. Пошатнувшись, Борн чуть было не упал на кровать, но устоял на ногах. Он заставил себя дышать глубже, медленнее. Постепенно боль утихла до приемлемого уровня. Лишь после этого Борн пересек каюту и остановился у Сорайи за спиной.

– Тебе нужно лежать, – отрешенно промолвила та.

– Сорайя, почему тебе так трудно рассказать о том, что тогда произошло?

Мгновение она молчала. Затем:

– Я надеялась, что все это осталось позади. Что мне больше никогда не придется к этому возвращаться.

Схватив за плечи, Борн развернул ее лицом к себе.

– Во имя всего святого, что произошло?

Ее глаза, темные и горящие, наполнились слезами.

– Джейсон, мы убили человека. Мы с тобой. Постороннего, случайного человека. Молодую девушку, которой не было и двадцати лет.

Он бежит по улице, неся кого-то в руках. Его руки покрыты кровью. Ее кровью…

– Кого? – резко спросил Борн. – Кого мы убили?

Сорайя дрожала, словно от леденящего холода.

– Ее звали Сара.

– Сара, а дальше?

– Это все, что мне известно. – У нее навернулись слезы. – И знаю я это только потому, что мне сказал ты. Ты сказал, что ее последними словами перед смертью было: «Меня зовут Сара. Помните меня».

«Где я теперь?» – гадал Мартин Линдрос. Когда его вывели из самолета, по-прежнему в капюшоне, закрывающем лицо, он ощутил кожей тепло, прикосновение мельчайших частичек пыли. Однако контакт с теплом и пылью был недолгим. Машина, джип или маленький грузовичок, ворча двигателем, на удивление гладко спустилась вниз. Оказавшись в благодатной прохладе кондиционеров, Линдрос прошел метров восемьсот. Он услышал лязг отодвигающегося засова, скрип открывающейся двери, после чего его толкнули вперед. Дверь захлопнулась у него за спиной, засов встал на место. Линдрос постоял, сосредоточившись только на том, чтобы дышать глубоко и ровно. Наконец он поднял руки и стащил капюшон с головы.

Он стоял посреди комнаты размером пять на пять метров, со стенами из прочного, но довольно грубо обработанного железобетона. Обстановка состояла из устаревшего медицинского кресла, небольшой раковины из нержавеющей стали и ряда невысоких шкафчиков, на которых были аккуратно разложены пакеты с хирургическими перчатками, коробки с ватными тампонами, различными лекарствами и медицинскими инструментами.

Окон не было. Линдроса это нисколько не удивило, поскольку он предположил, что находится под землей. Но где именно? Определенно, климат здесь пустынный, но это не пустыня – строить под землей в песках невозможно. Значит, в какой-то жаркой горной стране. Судя по отраженным звукам, долетавшим до него, пока Линдроса вели сюда, подземное сооружение было весьма значительным. Следовательно, оно расположено вдали от любопытных глаз. Линдросу на ум пришло с полдюжины подходящих мест – например, Сомали, однако он отбросил все как расположенные слишком близко к Рас-Дашану. Он обвел помещение взглядом, поворачиваясь против часовой стрелки, чтобы лучше видеть левым глазом. Что ж, если ему предложат гадать, он скажет, что это место расположено где-нибудь на границе Афганистана и Пакистана. Дикая, негостеприимная область беззакония, контролируемая горными племенами, из чьей среды выходят самые опасные и жестокие террористы на свете.

Линдрос с удовольствием спросил бы об этом Муту ибн Азиза, однако брат Аббуда покинул самолет за несколько часов до того, как тот совершил посадку здесь.

Услышав шум отодвигаемого запора и открывшейся двери, Линдрос обернулся и увидел щуплого мужчину в очках, с серой, шелушащейся кожей и огромной копной серо-соломенных волос. Издав утробный рев, он бросился на мужчину, но тот спокойно отступил в сторону, открывая стоявших у него за спиной двух охранников. Их присутствие не смогло остудить распаленное яростью сердце Линдроса, однако рукоятки их пистолетов уложили его на пол.

– Я не виню вас в желании сделать мне больно, – сказал доктор Андурский, застыв в безопасности над распростертым телом Линдроса. – Вероятно, на вашем месте я испытывал бы то же самое.

– Если бы ты только оказался на моем месте!

Этот ответ вызвал у доктора Андурского улыбку, излучающую неискренность.

– Я пришел, чтобы узнать, как ваше здоровье.

– Именно заботясь о моем здоровье, ты вырвал у меня правый глаз?! – крикнул Линдрос.

Один из охранников приставил ему к груди дуло пистолета.

Доктор Андурский оставался невозмутимым.

– Как вам прекрасно известно, мне был нужен ваш глаз; мне требовалось пересадить сетчатку Кариму аль-Джамилю. Без этой вашей частицы ему бы ни за что не удалось провести сканер ЦРУ. И он не смог бы выдать себя за вас, какую бы хорошую работу я ни проделал с его лицом.

Отстранив пистолет, Линдрос уселся на полу.

– У тебя все это получается таким сухим и отстраненным.

– А наука и *есть* сухая и отстраненная, – напомнил доктор Андурский. – Итак, почему бы вам не сесть в кресло, чтобы я смог взглянуть, как заживает ваш глаз.

Линдрос встал, прошел к креслу и улегся в нем. Доктор Андурский, от которого ни на шаг не отходили охранники, хирургическими ножницами разрезал грязные бинты, скрывавшие правый глаз Линдроса. Цокая языком, он осмотрел кровоточащую яму, где когда-то был глаз Мартина.

– А могли бы поработать и лучше, – с осуждением произнес доктор Андурский. – Все мои старания насмарку…

Тщательно вымыв руки в раковине, он натянул латексные перчатки и принялся обрабатывать рану. Линдрос не чувствовал ничего, кроме тупой боли, к которой уже привык. Казалось, к нему домой неожиданно нагрянул гость, поселившийся навечно. И теперь, нравилось ему или нет, боль не проходила.

– Смею предположить, вы уже освоились и обходитесь одним глазом. – Доктор Андурский работал быстро и умело. Он знал, что и как ему нужно сделать.

– Я вот тут подумал, – сказал Линдрос. – А почему ты не вынул у Фади правый глаз и не вставил его мне?

– Как это все по-ветхозаветному. – Доктор Андурский перебинтовал рану. – Вы здесь совсем один, Линдрос. Никто не придет к вам на помощь. – Закончив, он стащил перчатки. – Вам не вырваться из этой преисподней.

Джон Мюэллер догнал министра обороны Хэллидея, когда тот выходил из Пентагона. Разумеется, Хэллидей был не один. С ним находились два помощника, телохранитель и стайка мелкой рыбешки – генерал-лейтенантов, жаждущих привлечь к себе внимание великого человека.

Увидев краем глаза Мюэллера, Хэллидей сделал ему хорошо знакомый жест рукой. Задержавшись внизу лестницы, Мюэллер в самый последний момент проскользнул мимо свиты министра и сел в лимузин. Они не сказали друг другу ни слова до тех пор, пока помощники не вышли из машины у подъезда канцелярии. После этого поднялась стеклянная перегородка, разделившая сидящих спереди водителя и телохранителя и пассажиров в салоне сзади. Мюэллер ввел Хэллидея в курс дела.

По широкому лбу министра пронеслись грозовые тучи недовольства.

– Лернер заверял меня, что у него все под контролем.

– Мэтт подошел к делу не с той стороны. Я сам займусь этой Анной Хельд.

Министр кивнул:

– Ну хорошо. Но только предупреждаю, Джон. Меня в это не впутывать, понятно? Если что-нибудь пойдет наперекосяк, я и пальцем не пошевелю. Больше того, не исключено, что именно мне и придется на тебя охотиться. С этой минуты ты предоставлен сам себе.

Мюэллер оскалился, словно дикарь.

– Не беспокойтесь, господин министр. Сколько себя помню, я всегда был предоставлен самому себе. Это уже въелось мне в кости.

– Сара. Просто Сара. И ты не пыталась ничего узнать?

– Мне не от чего было оттолкнуться. Я даже не успела отчетливо запомнить ее лицо. Стояла ночь, все произошло так быстро. А затем ты сам был ранен. Нам пришлось спасаться бегством, за нами гнались. Мы укрылись в катакомбах, потом выбрались. Так что у меня было только имя. Никаких официальных данных об обнаружении тела этой девушки не появилось. Такое впечатление, как будто нас с тобой тогда и в помине не было в Одессе. – Сорайя опустила голову. – Но даже если бы и обнаружилась какая-то ниточка, все дело в том, что я… ничего бы не смогла. Мне хотелось забыть эту девушку, забыть ее гибель.

– Однако я помню, как бегу по брусчатке, держу девушку в руках, повсюду ее кровь…

Сорайя кивнула. На ее лицо легла печать скорби.

– Ты заметил движение, увидел девушку. Тогда тебя и ранили. Я выстрелила в ответ, и вдруг на нас обрушился целый град пуль. Мы разделились. Ты отправился искать цель, Хамида ибн Ашефа. Когда мы затем снова встретились в катакомбах, ты сказал, что разыскал его и выстрелил, но не знаешь, оказался ли твой выстрел смертельным.

– А Сара?

– К этому времени она уже давно была мертва. Ты оставил ее, чтобы выследить Хамида ибн Ашефа.

Наступило долгое молчание. Развернувшись, Борн подошел к столу, взял графин с водой, налил полстакана. Развернув пакетик, который ему передала доктор Павлина, он проглотил одну таблетку. Вода оказалась на вкус чуть горьковатой.

– Как это произошло? – Борн стоял к Сорайе спиной. Ему не хотелось видеть ее лицо, когда она заговорит.

– Девушка неожиданно появилась в том месте, где я встречалась со своим осведомителем. Тот сказал нам, где находится Хамид ибн Ашеф. За это мы ему щедро заплатили, как и было обещано. Мы как раз передавали деньги, когда вдруг увидели девушку. Она бежала, почему, я не знаю. И у нее был раскрыт рот, как будто она кричала. Но осведомитель тоже закричал. Мы решили, что он нас предал, – и это, как потом выяснилось, соответствовало действительности. Мы выстрелили в девушку. Оба. И она упала.

Борн устало опустился на кровать.

Сорайя шагнула к нему.

– С тобой все в порядке?

Кивнув, он шумно вздохнул.

– Произошла ошибка, – сказал он.

– Думаешь, для бедняжки есть какая-то разница?

– Возможно, ты в нее даже не попала.

– Опять же, возможно, и попала. В любом случае дает ли мне это прощение?

– Ты тонешь в чувстве собственной вины.

Сорайя издала печальный смешок.

– В таком случае, полагаю, это же самое можно сказать про нас обоих.

Они смотрели друг на друга, сближенные теснотой каюты. Снова прозвучал гудок «Иркутска», приглушенный, печальный. Качаясь на волнах, контейнеровоз шел на юг, пересекая Черное море, однако в каюте было так тихо, что Сорайе показалось, будто она слышит, как мозг Борна работает над этой запутанной тайной.

Наконец Борн сказал:

– Сорайя, выслушай меня. Я считаю, что гибель Сары является ключом ко всему, что произошло, ко всему, что происходит сейчас.

– Ты шутишь. – Однако по выражению его лица Сорайя поняла, что он говорит совершенно серьезно, и пожалела о своих словах. – Продолжай, – сказала она.

– Я думаю, Сара является центральной фигурой. И именно ее гибель привела все в движение.

– Ты имеешь в виду план «Дуджи» взорвать атомную бомбу в крупном американском городе? По-моему, это слишком натянутое предположение.

– Нет, я имею в виду не сам план как таковой. Не сомневаюсь, подобную мысль террористы лелеяли уже давно, – сказал Борн. – Но, на мой взгляд, сдвинулись временные рамки. Я считаю, гибель Сары запалила бикфордов шнур.

– Это должно означать, что Сара была как-то связана с твоим заданием ликвидировать Хамида ибн Ашефа.

Борн кивнул:

– И я тоже так думаю. Вряд ли она случайно оказалась на месте встречи с осведомителем.

– Но что она там делала? Как могла она узнать?

– Например, от твоего осведомителя. Он предал нас людям Хамида ибн Ашефа, – напомнил Борн. – А вот насчет того, что она там делала, у меня пока нет никаких мыслей.

Сорайя нахмурилась.

– Но где же связь между Хамидом ибн Ашефом и Фади?

– Я все ломал голову по поводу тех улик, о которых тебе сообщила знакомая из отдела расследования пожаров.

– Дисульфид углерода – катализатор, которым Фади воспользовался в гостинице «Конститьюшен».

– Совершенно верно. Ты мне сказала, что это вещество в числе всего прочего используется в качестве флотационного реагента – есть такой способ разделения смесей. Этот способ в промышленных масштабах был разработан в конце двадцатого века, в основном для производства серебра.

У Сорайи зажглись глаза.

– Одним из главных направлений деятельности компании «Интегрейтед вертикал текнолоджиз» как раз является производство серебра. А ИВТ принадлежит Хамиду ибн Ашефу.

Борн кивнул.

– На мой взгляд, именно ИВТ является тем законным прикрытием, которое на протяжении стольких лет финансирует «Дуджу».

– Но Сара...

– А что касается Сары и всего остального, то тут мы остаемся в полосе полного штиля до тех пор, пока не попадем в Стамбул и не получим доступ к Интернету. Сейчас от наших сотовых телефонов нет никакого толка.

Сорайя встала.

– В таком случае я раздобуду что-нибудь поесть. Не знаю, как ты, но я умираю от голода.

– Пойдем вместе.

Борн начал было подниматься с кровати, но Сорайя усадила его назад.

– Джейсон, тебе нужно отдохнуть. Я уж как-нибудь сама справлюсь.

Улыбнувшись, она развернулась и вышла.

Борн полежал, пытаясь вспомнить новые подробности окончившейся неудачей операции по ликвидации Хамида ибн Ашефа. Он представил себе эту девушку Сару, выбежавшую на площадь с раскрытым ртом. Что она кричала? К кому обращалась? Он чувствовал ее в своих руках, напрягался, вслушиваясь в ее слабеющий голос.

Однако он услышал голос Фади, раскатившийся над морем у пустынного одесского причала: «Я долго ждал этого момента. Долго ждал возможности снова посмотреть тебе в лицо. Долго ждал часа отмщения».

Значит, в действиях Фади присутствует существенная составляющая личного плана. Потому что Фади охотился за ним, умело, хитро заманил в сети заговора беспрецедентных масштабов. Именно Борн разыскал человека, выдающего себя за Мартина Линдроса, именно он поручился за него в «угрюмом доме». И это также было частью плана. Фади использовал Борна, чтобы проникнуть в высший эшелон руководства ЦРУ.

Не в силах лежать бездеятельно, Борн поднялся с кровати, превозмогая боль. Он как мог размял затекшие мышцы, после чего прошлепал босиком в ванную: жестяной поддон под душем, крохотная железная раковина, фаянсовый унитаз, восьмиугольное зеркало. На вешалке пара тонких, вытертых до дыр полотенец. На полочке два больших длинных куска мыла, вероятно хозяйственного.

Протянув руку, Борн включил душ, подождал, когда вода станет горячей, и шагнул под струю.

Угасающий день сменился сумерками. Заходящее солнце скрылось за черными тучами, обещающими пролиться настоящим потопом. В преждевременно наступившей темноте с юго-запада налетел влажный ветер, принесший с собой с турецкого берега едва уловимые следы аромата сумаха и дикого майорана.

Мэттью Лернер стоял на палубе «Иркутска» у правого борта и курил. Вдруг он увидел Сорайю Мор, которая вышла со стороны двух кают первого класса на первой палубе.

Он проследил взглядом, как Сорайя спустилась по металлическому трапу вниз. У него возникло нестерпимое желание пойти следом за ней и вонзить ей в затылок кирку, которую он держал в руках. Это доставило

бы ему лично огромное наслаждение, однако с профессиональной точки зрения такой поступок был бы равносилен самоубийству – точно так же не могло быть и речи о том, чтобы воспользоваться в замкнутом пространстве корабля пистолетом. Ему нужен Борн. Убийство Сорайи Мор лишь еще больше усложнит ситуацию, которая и без того уже сошла с рельсов. Лернеру приходилось импровизировать – занятие не из лучших, но в оперативной работе практически неизбежное.

Ловко развернувшись, Лернер уставился на волнующееся море как раз в тот момент, когда Сорайя дошла до площадки и на мгновение оказалась лицом к нему. Последний раз затянувшись крепкой турецкой сигаретой, он выбросил окурок за борт.

Лернер обернулся. Сорайя Мор исчезла. Вокруг никаких цветных пятен. Море окрасилось в серо-стальной цвет, корабль был выкрашен черной и белой красками. Быстро пройдя к трапу, Лернер поднялся на первую палубу и оказался перед дверью каюты первого класса.

Борн намылился, следя за тем, чтобы не задеть рану. Боль и мышечное напряжение стекали вместе с грязью и мыльной пеной. Ему хотелось бесконечно долго стоять под струями горячей воды, но это было грузовое судно, а не круизный лайнер. Горячая вода очень быстро сменилась холодной, а затем струя и вовсе иссякла, оставив местами на теле Борна слой скользкого мыла.

В то же самое мгновение он увидел краем глаза какое-то молниеносное движение. Стремительно развернувшись, Борн присел. Только быстрота реакции и скользкая кожа спасли его от кирки, которой Лернер попытался пронзить ему шею. Борн лишь отлетел назад, с силой ударившись о стену ванной. Лернер бросился на него.

Мозолистым ребром ладони он нанес два быстрых удара Борну в живот, стремясь вывести его из строя, чтобы можно было сделать завершающий удар киркой. Удары получились сильными, но недостаточно. Отразив третий удар, Борн, воспользовавшись дополнительным упором стены ванной, погрузил пятку левой ноги Лернеру в грудь в тот самый момент, когда его противник шагнул в душ. И вместо того чтобы запереть Борна в тесном пространстве, Лернер отпрянул назад, поскользнувшись на скользких плитках пола.

Борн в одно мгновение выскочил из душа. Схватив новый кусок мыла, он положил его в полотенце. Зажав концы полотенца в руке, Борн раскрутил его, надежно зафиксировав мыло. Отразив левой рукой жестокий прямой удар, он поднял правую руку Лернера, отводя ее в сторону, после чего с силой выбросил свое импровизированное оружие ему в солнечное сплетение.

Завернутый в полотенце кусок мыла нанес на удивление коварный удар, к которому Лернер оказался не готов. Пошатнувшись, он отступил в каюту. Однако тело его находилось на пике физической формы, поэтому смятение оказалось лишь мимолетным. Расставив ноги, Лернер стал ждать, когда Борн предпримет попытку проникнуть в его оборонительные порядки. Но Борн вместо этого снова взмахнул своим оружием, вынуждая Лернера отбить его киркой.

Лернер сделал обманное движение вправо и вонзил правое колено Борну в левую часть грудной клетки.

По всему телу Борна раскатилась волна боли, он оскалился в страшной гримасе. Железный кулак Лернера врезался ему в плечо. И тут Лернер подцепил его мыском за щиколотку, сбивая с ног.

Он повалился на Борна, но тот в самый последний момент успел нанести прямой удар Лернеру в лицо. Из разбитого носа хлынула кровь, обрызгав обоих противников. Лернер на мгновение поднял руку, чтобы вытереть кровь из глаз, а Борн, приподнявшись над полом, вонзил кончики пальцев Лернеру под ребро. Лернер крякнул от удивления и боли, почувствовав хруст двух ребер.

Взревев, он обрушил на Борна такой град свирепых ударов, что тот не смог защититься от всех даже обеими руками. Лишь треть ударов пробила его блоки, но и этого оказалось достаточно, чтобы подорвать его и без того ослабленную жизненную энергию.

Не представляя себе, как такое могло произойти, Борн обнаружил, что лапища Лернера, похожая на ломоть ветчины, сомкнулась у него на горле. Прижатый к полу, он увидел острие кирки, стремительно летящее к правому глазу.

Теперь у него только один шанс. Он уступил весь сознательный контроль над собственным телом инстинктам убийцы – той своей половине, которая являлась Борном. Никаких мыслей, никаких страхов. Борн ударил ладонями Лернера по ушам. Сдвоенный удар не только лишил Лернера ориентации, но и образовал полугерметичную пробку, поэтому, когда Борн быстро развел руки, от резкой смены давления у Лернера лопнули барабанные перепонки.

Кирка застыла на полпути, внезапно задрожав в обмякшей руке Лернера. Отбив ее в сторону, Борн схватил Лернера за грудки, рывком опуская его к себе, а сам при этом вскинул голову. Его лобная кость попала Лернеру в лицо как раз в том месте, где переносица сходится со лбом.

Отпрянув назад, Лернер закатил глаза, однако кирку не выпустил. Вступили в действие его отточенные до предела инстинкты выживания.

Находясь в полубессознательном состоянии; Лернер снова взмахнул киркой. Борн не успел отдернуть руку, и острие пробило кожу.

Но тут Борн нанес обеими руками удар Лернеру справа в горло, по сонной артерии. Лернер повалился на четвереньки, шатаясь. Сложив пальцы в тугой клин, Борн вонзил их в мягкие ткани под подбородком Лернера. Он почувствовал, как рвется кожа, мышцы, связки.

Каюта окрасилась красным.

Вдруг Борн почувствовал, что у него перед глазами все темнеет. Силы мгновенно покинули его, схлынув, словно волна отлива. Задрожав, он повалился на пол, теряя сознание.

Глава 23

Мута ибн Азиз, схватив Катю Вейнтроп за красивую руку, спускался в сверкающей нержавеющей сталью кабине лифта в подземный ядерный центр Миран-Шах, созданный «Дуджой».

– Сейчас я увижусь со своим мужем? – спросила Катя.

– Увидишься, – ответил Мута ибн Азиз, – однако встреча эта не доставит радости вам обоим, это я обещаю.

Двери лифта открылись. Задрожав, Катя вышла из кабины.

– У меня такое ощущение, словно я попала в самое чрево преисподней, – сказала она, оглядываясь на голые бетонные стены.

Тусклое освещение подземных коридоров нисколько не умаляло ее красоту, которую Мута ибн Азиз, как и полагается настоящему арабу, постарался не замечать. Катя была высокая, стройная, полногрудая, светловолосая, голубоглазая. Ее гладкая кожа сияла. На переносице красовалось небольшое созвездие веснушек. Однако Муте ибн Азизу ни до чего этого не было дела; он игнорировал красоту молодой женщины с исступленностью, рожденной и вскормленной в пустыне.

Всю долгую, монотонную дорогу в «Лендровере» среди облаков пыли до Миран-Шаха Мута ибн Азиз думал совсем о другом. Он уже бывал здесь один раз, три года назад. Тогда Мута приезжал сюда вместе со своим братом Аббудом ибн Азизом; с собой они привезли талантливого, но несговорчивого доктора Костина Вейнтропа. Фади поручил братьям сопровождать Вейнтропа из Бухареста, где у него была лаборатория, до Миран-Шаха, потому что тот, похоже, не смог бы совершить это путешествие самостоятельно.

Вейнтроп находился в угнетенном и желчном состоянии. Не так давно его с позором выгнали из компании «Интегрейтед вертикал текнолоджиз» за преступления, которые, по его заверениям, он не

совершал. И Вейнтроп был прав, но это уже не имело значения. Сами обвинения были настолько серьезными, что ему давали от ворот поворот во всех легально действующих компаниях и университетах, куда он обращался.

И тут появился Фади со своим соблазнительным предложением. Он даже не потрудился прикрыть слоем сахарной пудры конечную цель работ: зачем? Доктор Вейнтроп все равно скоро поймет правду. Естественно, огромные деньги вскружили Вейнтропу голову. Однако, как выяснилось, его моральные принципы соответствовали его таланту. Поэтому Фади пришлось заменить пряник на кнут. И этим кнутом оказалась Катя. Фади достаточно быстро выяснил, что Вейнтроп пойдет буквально на все, лишь бы с Катей ничего не случилось.

– Доктор, ваша жена в полной безопасности у нас в руках, – сказал Фади, когда Мута ибн Азиз вместе с братом доставили Вейнтропа. – Более безопасного места не найти на всей земле.

И в доказательство своих слов он показал Вейнтропу видеозапись Кати, сделанную всего несколько дней назад. Катя плакала, умоляя мужа прийти на помощь. Доктор Вейнтроп тоже расплакался. Затем, вытирая глаза, он принял предложение Фади. Однако в этих глазах была видна тень надвигающейся беды.

После того как доктор Сенарес увел Вейнтропа в лабораторию комплекса Миран-Шах, Фади повернулся к Муте и Аббуду ибн Азизам.

– Сделает ли он то, что нам от него нужно? Каково ваше мнение?

Братья заговорили разом, соглашаясь.

– Он сделает все, что ему скажут, до тех пор пока его будут стегать кнутом.

Однако это было последнее, в чем совпало их мнение за четырехдневное пребывание в бетонном городе, закопавшемся глубоко под землю в диких, голых, негостеприимных горах, служивших границей между северо-западными районами Пакистана и Афганистаном. Человек запросто мог найти свою смерть на этих высокогорных перевалах – больше того, и не один, а много, какими бы обученными и хорошо вооруженными они ни были. Миран-Шах представлял собой смертельно опасный район, куда не осмеливались сунуть нос представители пакистанского правительства. «Талибан», «Аль-Каида», «Всемирный джихад», мусульманские фундаменталисты всех пород и мастей – Миран-Шах кишел террористами, многие из которых враждовали между собой. На самом деле представление о том, что все террористические группировки хорошо скоординированы и подчиняются единому руководству: одному, двум или хотя бы считаной

горстке людей, – является одним из наиболее живучих мифов, созданных американскими спецслужбами. Это же нелепо: многочисленные секты разделяет давнишняя вражда; они ставят перед собой совершенно разные цели. И все же миф продолжает жить. Фади, получивший образование на Западе, мастерски овладевший принципами воздействия на общественное сознание, использовал эту ложь против самих же американцев, создавая репутацию «Дуджи», а заодно и свою собственную.

Ведя Катю по коридорам на встречу с Фади и ее мужем, Мута ибн Азиз не мог избавиться от мыслей о той трещине, которая разделила их с братом. Они разошлись во мнениях три года назад, и время только упрочило их взаимоисключающие точки зрения. У этой трещины было имя: Сара ибн Ашеф, единственная сестра Фади и Карима аль-Джамиля. Ее убийство перевернуло жизнь всех, породив тайны, ложь, вражду, которых раньше не было и в помине. Смерть девушки разрушила два семейства, причем проявлялось это как явно, так и скрыто. После той ночи в Одессе, когда Сара раскинула руки и упала на брусчатую мостовую, между Мутой ибн Азизом и его братом все было кончено. Внешне они продолжали вести себя так, как будто ничего не произошло, однако на самом деле их мысли больше уже никогда не бежали по параллельным дорожкам. Братья потеряли друг друга.

Завернув за угол, Мута ибн Азиз увидел, как его брат, появившись из открытой двери, подзывает его кивком. Мута терпеть не мог, когда Аббуд поступает так. Таким жестом учитель подзывает к себе провинившегося ученика, чтобы сделать ему нагоняй.

– А, вот ты где, – произнес Аббуд ибн Азиз таким тоном, словно его брат ошибся дорогой и опоздал.

Стараясь не обращать на Аббуда внимания, Мута ибн Азиз прошел мимо него, таща за собой Катю.

Помещение оказалось просторным, хотя потолки, естественно, были низкими. Обстановка казалась исключительно утилитарной: шесть стульев из литой пластмассы, стол с металлической крышкой, вдоль левой стены шкафчики, раковина и одинокий электрообогреватель.

Фади стоял лицом к двери. Его руки лежали на плечах доктора Вейнтропа, который сидел, несомненно вопреки своей воле, на одном из стульев.

– Катя! – воскликнул он, увидев молодую женщину. Его лицо озарилось, но свет в глазах быстро погас, после того как Вейнтроп попытался, и тщетно, броситься к Кате.

Фади, с силой надавивший Вейнтропу на плечи, чтобы удержать его на месте, кивнул Муте ибн Азизу, и тот отпустил молодую женщину. Сдавленно вскрикнув, она подбежала к мужу и опустилась перед ним на колени.

Вейнтроп принялся гладить ей волосы, лицо, проводя пальцами по каждой выпуклости, каждой впадинке, словно ему нужно было убедиться в том, что перед ним не мираж и не двойник. Он видел, что сделал доктор Андурский с лицом Карима аль-Джамиля. Что могло помешать ему сделать то же самое с какой-нибудь русской женщиной, превратив ее в Катю, которая лгала бы ему, выполняя волю своих хозяев?

С тех самых пор, как Фади «завербовал» Вейнтропа, мания преследования у доктора достигла апогея. Ему казалось, что все происходящее имеет целью поработить его. И в этом он был недалек от истины.

– Итак, теперь, когда вы более или менее воссоединились, – заговорил Фади, обращаясь к доктору Вейнтропу, – мне бы хотелось, чтобы вы прекратили тянуть время. У нас есть строгий график, и ваша умышленная медлительность нам сильно мешает.

– Я вовсе не тяну время, – с жаром возразил Вейнтроп. – Эта миниатюризация…

Осекшись, он поморщился от боли, поскольку Фади снова стиснул ему плечи.

Фади кивнул Аббуду ибн Азизу, и тот вышел. Вернулся он вместе с доктором Сенаресом, специалистом по ядерной физике.

– Доктор Сенарес, – сказал Фади, – будьте добры, объясните, почему ядерное устройство, которое я поручил вам сделать, до сих пор не готово.

Доктор Сенарес бросил взгляд на Вейнтропа. Он поработал под руководством прославившегося на весь мир пакистанского физика-ядерщика Абдула Кадыр-хана.

– Моя часть работы завершена, – сказал доктор Сенарес. – Порошок двуокиси урана, которым вы меня снабдили, превращен в форму металла, необходимого для создания боеголовки. Другими словами, у нас в руках уже есть материал, способный к ядерному делению. Оболочка также готова. Теперь мы ждем лишь доктора Вейнтропа. Как вам известно, его работа имеет решающее значение. Без нее мы не сможем получить устройство, которое вы ждете.

– Итак, Костин, мы подошли к сути проблемы. – Голос Фади оставался спокойным, мягким, нейтральным. – С твоей помощью мой план

приведет к успеху, без твоей помощи он обречен. Говоря научным языком, уравнение простое и изящное. Почему ты мне не помогаешь?

– Работа оказалась значительно сложнее, чем я предполагал. – Вейнтроп не мог оторвать взгляд от жены.

Фади спросил:

– Доктор Сенарес, а вы что скажете?

– Работы доктора Вейнтропа по миниатюризации были завершены уже несколько дней назад.

– Да что он понимает в миниатюризации? – резко произнес Вейнтроп. – Все это просто не соответствует действительности.

– Доктор Сенарес, мне не нужны голословные утверждения, – так же резко произнес Фади.

Доктор Сенарес достал маленькую записную книжку в темно-красном кожаном переплете, и Вейнтроп непроизвольно застонал. Катя, встревожившись, прижалась к нему ещё крепче.

– Вот записи, которые доктор Вейнтроп ведет для себя.

– Вы не имеете права! – воскликнул Вейнтроп.

– Он имеет полное право. – Фади забрал записную книжку у доктора Сенареса. – Ты принадлежишь мне с потрохами, Вейнтроп. Все, что ты делаешь, все, что ты думаешь и пишешь, все, о чем ты мечтаешь, – мое.

– Костин, что ты наделал? – простонала Катя.

– Продал душу дьяволу, – пробормотал Вейнтроп.

Судя по всему, получив безмолвный сигнал Фади, Аббуд ибн Азиз похлопал доктора Сенареса по плечу и вывел его из комнаты. Услышав звук закрывшейся двери, Вейнтроп вздрогнул.

– Ну хорошо, – мягчайшим голосом промолвил Фади.

И тотчас же Мута ибн Азиз схватил Катю за шиворот и за пояс, отрывая от мужа. Одновременно Фади обеими руками надавил Вейнтропу на плечи, усаживая его обратно на стул, с которого тот попытался встать.

– Больше я тебя просить не буду, – тем же самым мягким тоном продолжал Фади – так разговаривает любящий отец с сыном, совершившим проступок.

Мута ибн Азиз обрушил страшный удар по затылку Кати.

– Нет! – закричал Вейнтроп, увидев, как его жена растянулась лицом вниз на полу.

Никто не обратил на него никакого внимания. Мута ибн Азиз схватил Катю за плечи, усаживая ее, обошел вокруг и ударил кулаком в лицо, ломая ее прекрасный нос. Во все стороны брызнула кровь.

– Нет! – завопил Вейнтроп.

Вцепившись в светлые волосы, Мута ибн Азиз закинул Кате голову назад и вонзил кулак в ее очаровательную левую щеку. По распухшему лицу Кати потекли слезы. Она всхлипнула.

– Прекратите! – воскликнул Вейнтроп. – Во имя всего святого, остановитесь! Умоляю!

Мута ибн Азиз снова занес свой окровавленный кулак.

– Не вынуждай меня просить снова, – сказал Фади Вейнтропу на ухо. – Костин, не нарушай мое доверие.

– Да, да, я все понял. – Вейнтроп тоже всхлипывал. Его сердце разбилось на десять тысяч кусочков, которые ему уже никогда не удастся собрать вместе. – Я сделаю все, что вы хотите. Работа по миниатюризации будет закончена через два дня.

– Даю тебе два дня, Костин. – Схватив Вейнтропа за волосы, Фади запрокинул ему голову так, чтобы тот смотрел прямо ему в глаза. – И ни секунды больше. Понятно?

– Да.

– В противном случае мы сделаем с Катей то, что не сможет исправить даже доктор Андурский.

Мута ибн Азиз нашел брата в операционной доктора Андурского. Именно здесь Карим аль-Джамиль получил лицо Мартина Линдроса. Здесь ему были пересажены новая радужная оболочка глаза, новый зрачок и, что самое важное, новая сетчатка, подтвердившая сканеру ЦРУ, что Карим аль-Джамиль – это Мартин Линдрос.

К облегчению Муты ибн Азиза, в операционной, кроме его брата, никого не было.

– Ну а теперь-то мы обязательно должны сказать Фади правду. – Голос Муты ибн Азиза прозвучал тихо и настойчиво.

Аббуд ибн Азиз, уставившись на ряды сверкающих инструментов, сказал:

– Ты больше ни о чем другом не думаешь? То же самое ты говорил мне три года назад.

– Обстоятельства изменились, и самым радикальным образом. Теперь наш долг сказать Фади всю правду.

– Я возражаю, категорически возражаю, как это было и тогда, – ответил Аббуд ибн Азиз. – Напротив, наш святой долг скрыть правду от Фади и Карима аль-Джамиля.

– Теперь в твоих доводах нет никакой логики.

– Вот как? Главный среди них тот же, что был с самого начала. Гибель Сары ибн Ашеф нанесла братьям страшный удар. Нужны ли новые страдания? Сара ибн Ашеф была цветком Аллаха, хранилищем семейной чести, прекрасной девственницей, которой была суждена счастливая жизнь. И необходимо любой ценой сохранить ее память в неприкосновенности. Наш долг заключается в том, чтобы оградить Фади и Карима аль-Джамиля от внешних раздражений.

– От внешних раздражений! – воскликнул Мута ибн Азиз. – И ты называешь правду об их сестре внешним раздражением?

– А как бы назвал ее ты?

– Полномасштабной катастрофой, невыносимым позором…

– И ты хочешь стать тем, кто откроет эту страшную правду Фади? С какой целью? Чего ты хочешь добиться?

– Три года назад я ответил на этот вопрос, заявив, что просто хочу выложить всю правду, – сказал Мута ибн Азиз. – Но теперь план Фади и Карима аль-Джамиля включает в себя месть Джейсону Борну.

– Я не вижу никаких причин останавливать их. Борн представляет угрозу для всех нас – и для тебя в том числе. Ты сам был там в ту ночь, как и я.

– Желание отомстить за смерть сестры, перешедшее в одержимость, исказило рассудок обоих. А что, если они утратят связь с действительностью?

– Им же противостоит всего один-единственный человек, – рассмеялся Аббуд ибн Азиз.

– Ты оба раза был вместе с Фади в Одессе. Скажи мне, брат, удалось ли ему убить Борна?

От Аббуда ибн Азиза не укрылся ледяной тон брата.

– В последний раз Борн был ранен, и тяжело. Фади загнал его в катакомбы под городом. Я сильно сомневаюсь, что ему удалось выжить. Однако на самом деле это не имеет значения. Борн выведен из строя; он больше не сможет нам мешать. Такова воля Аллаха. Что произошло, то произошло. Чему суждено произойти, то произойдет.

– А я говорю, что до тех пор, пока остается малейшая вероятность того, что Борн остался в живых, ни Фади, ни Карим аль-Джамиль не успокоятся. Их мысли постоянно будут отвлечены на другое. Тогда как если мы откроем им правду…

– Молчи! Такова воля Аллаха!

Аббуд ибн Азиз еще никогда не говорил со своим младшим братом с такой злостью. Мута ибн Азиз понимал, что между ними лежит смерть Сары ибн Ашеф, тема, о которой оба постоянно думают, но никогда не говорят вслух. Однако молчание – зло, отравляющее братские узы, понимал Мута ибн Азиз. Его не покидало предчувствие, что настанет день, когда эта сознательно возведенная стена погубит и его самого, и его старшего брата.

В который раз он ощутил волну нахлынувшего на него отчаяния. В эти мгновения ему казалось, что он попал в западню и теперь куда ни повернуть, какие шаги ни предпринять, они с братом обречены гореть в адском огне, куда попадают грешники. «Ла ила ил-алла! Да сохранит нас Аллах от прикосновения адского пламени!»

Словно прочтя мрачные мысли Муты, Аббуд повторил слова, произнесенные в ночь гибели сестры Фади и Карима аль-Джамиля.

– Мы должны хранить молчание о смерти Сары ибн Ашеф, – твердо промолвил он. – Ты будешь беспрекословно повиноваться мне, как это было всегда. Мы с тобой не два посторонних человека, брат, а звенья одной цепи. Ла ила ил-алла! Судьба одного – судьба всех.

Мужчина, сидевший, скрестив ноги, во главе низкого деревянного стола, заставленного едой, пристально смотрел на Фади. Несомненно, это объяснялось тем, что у него остался только один глаз – левый. Вместо второго был черный кратер, скрытый белой ватой из египетского хлопчатника.

Сбросив обувь, Фади босиком прошел по голому бетонному полу. Все полы, стены и потолки Миран-Шаха, отлитые из бетона, выглядели совершенно одинаково. Фади уселся сбоку от мужчины.

Взяв стеклянную банку, он вытряхнул горсть кофейных зерен, обжаренных всего несколько часов назад. Высыпав зерна в бронзовую ступу, Фади взял пестик и смолол их в мелкий порошок. На круге

переносной газовой плитки стоял медный чайник. Фади налил в него воды из кувшина, затем зажег плитку. Кольцо голубоватых огоньков лизнуло дно чайника.

– Давненько мы не виделись, – сказал Фади.

– Ты действительно ждешь, что я буду есть за одним столом с тобой? – спросил настоящий Мартин Линдрос.

– Я жду, что ты будешь вести себя как подобает воспитанному человеку.

Горько рассмеявшись, Линдрос кончиком указательного пальца прикоснулся к повязке, закрывающей правый глаз.

– Хорошо хоть среди нас есть один такой.

– Угощайся фиником, – предложил Фади, подталкивая к Линдросу овальное блюдо с высокой горкой сушеных фруктов. – Лучше всего обмакнуть их вот в это масло из козьего молока.

Как только вода закипела, Фади опрокинул ступу, высыпая молотый кофе в чайник. Он пододвинул маленькую чашку, от которой веяло ароматом свежераздавленных семян кардамона. Теперь его внимание было полностью сосредоточено на варящемся кофе. За мгновение до того, как кофе вспенился, Фади снял чайник с плитки, правой рукой бросил в него щепотку зерен кардамона, после чего перелил содержимое в небольшой кувшин. Отставив чайник, Фади разлил «кахва арабийя» – кофе по-арабски в две крохотные чашечки без ручек. Сначала он подал чашку Линдросу, как поступил бы каждый бедуин, угощая почетного гостя, хотя ни одному бедуину еще не приходилось сидеть, скрестив ноги, в таком шатре – огромном, упрятанном под землю, отлитом из бетона полуметровой толщины.

– Как поживает твой брат? Надеюсь, мой глаз поможет ему увидеть жизнь в другой перспективе. Может быть, он наконец откажется от своей маниакальной идеи уничтожить западный мир.

– Мартин, ты действительно хочешь поговорить об уничтожении? Тогда давай вспомним то, что Америка насильно экспортирует свою культуру, полную упаднических настроений народа, растерявшего все свои силы, желающего получить всё и сразу, давно забывшего значение слова «жертва». Давай вспомним то, что Америка, по сути дела, оккупировала Ближний Восток, сознательно разрушая древние традиции.

– Тогда уж не надо забывать и то, что эти традиции подразумевают возможность взрывать религиозные изваяния, как это сделали талибы в Афганистане. А также забивать камнями женщину, виновную в супружеской измене, тогда как ее любовник остается безнаказанным.

– Я, бедуин из Саудовской Аравии, имею с талибами не больше общего, чем ты. Что же касается неверных жен, тут необходимо учитывать законы ислама. Мы не одиночки, Мартин, а часть большой семьи. В дочерях заключена честь семейства. Если наши сестры опозорены, грязь остается на всех членах семьи до тех пор, пока больной побег не будет вырван с корнем.

– Убивать собственную плоть и кровь? Это бесчеловечно.

– Потому что у вас так не принято? – Фади кивнул на чашку с кофе: – Пей.

Линдрос поднес чашку ко рту и выпил кофе одним глотком.

– Мартин, кофе надо пить медленно. – Фади снова наполнил чашку Линдроса, затем выпил свой кофе, в три маленьких глотка, смакуя вкус. Правой рукой он взял финик, обмакнул его в пахучее масло, затем отправил в рот. Какое-то время он жевал, медленно, задумчиво, затем выплюнул длинную плоскую косточку. – Напрасно ты не пробуешь финики. Они очень питательные и просто восхитительно вкусные. Ты знаешь, что пророк Мухаммед после поста первым делом всегда ел финики? И мы поступаем так же, потому что это приближает нас к его идеалам.

Линдрос молча смотрел на него, напряженный и настороженный.

Фади вытер руки о маленькое полотенце.

– Знаешь, мой отец с утра до вечера варил кофе. Это высшая похвала, которую только можно воздать ему – или любому другому бедуину. Это означает, что у него очень щедрая душа. – Он снова наполнил свою чашку кофе. – Однако теперь отец не может варить кофе. Больше того, он вообще ничего не может – только сидит, уставившись в пустоту. Мать обращается к нему, но он не может ей ответить. И знаешь почему, Мартин? – Фади осушил чашку тремя маленькими глотками. – Потому что его зовут Абу Сариф Хамид ибн Ашеф аль-Вахиб.

Когда Линдрос услышал это имя, его здоровый глаз чуть дернулся.

– Да, совершенно верно, – продолжал Фади. – Хамид ибн Ашеф. Тот самый человек, по следу которого ты пустил Борна.

– Значит, вот почему ты меня схватил.

– Ты так думаешь?

– Глупец, эту операцию разрабатывал не я. Я в то время еще даже не подозревал о существовании Джейсона Борна. Его куратором был Алекс Конклин, а Конклина нет в живых. – Линдрос рассмеялся.

Внезапно Фади протянул руку через стол и схватил Линдроса за воротник. Он встряхнул его с такой яростью, что у Линдроса клацнули зубы.

– Мартин, ты считаешь себя таким умным. Но теперь ты за это заплатишь. И ты, и Борн. – Фади стиснул Линдросу горло так, словно собрался вырвать гортань. Ему доставляло нескрываемое наслаждение смотреть, как тот судорожно пытается сделать вдох. – Борн еще жив, как мне сказали, хотя ему едва удалось избежать смерти. Однако я знаю, что он, в каком бы состоянии ни находился, перевернет небо и землю, чтобы найти тебя, особенно если будет думать, что я где-то рядом.

– Что… что ты собираешься сделать? – с огромным трудом выдавил Линдрос.

– Я собираюсь подбросить Борну информацию, в которой он так нуждается, Мартин, чтобы он нашел тебя здесь, в Миран-Шахе. А когда это произойдет, я выпотрошу тебя живьем у него на глазах. После чего займусь им самим. – Фади склонился к Линдросу, вглядываясь ему в левый глаз, словно пытаясь найти в нем все то, что скрывал от него Линдрос. – И в конце концов Борн сам захочет смерти, Мартин. С этим никаких вопросов не возникнет. Но ему придется долго ждать смерть. И я позабочусь о том, чтобы Борн, перед тем как он погибнет сам, увидел гибель американской столицы в ядерном взрыве.

Книга третья

Глава 24

Гроб опускается в землю. На ручках играют тусклые отблески, на табличке с надписью, вделанной в крышку, танцуют крошечные водовороты света. По выразительному сигналу священника гроб неподвижно зависает в воздухе. Священник, в ладном щегольском облачении европейского покроя, свешивается над могилой так, что Борн уверен: он вот-вот упадет. Но священник не падает. Вместо этого он нечеловеческим усилием срывает с гроба крышку.

– Что вы делаете? – спрашивает Борн.

Священник оборачивается и, уронив тяжелую крышку из красного дерева в могилу, кивком подзывает его к себе, и только теперь Борн видит, что это никакой не священник. Это Фади.

– Подойди, – по-арабски говорит Фади. Он зажигает сигарету, протягивает Борну книжечку спичек. – Взгляни.

Борн делает шаг вперед, заглядывает в открытый гроб…

…и оказывается на заднем сиденье машины. Он выглядывает в окно и видит знакомый пейзаж, который тем не менее не может узнать. Он трогает водителя за плечо:

– Куда мы едем?

Водитель оборачивается. Это Мартин Линдрос. Но у него с лицом что-то не так. Оно окутано тенью, покрыто шрамами: это тот самый Линдрос, которого Борн ввел в штаб-квартиру ЦРУ.

– А ты как думаешь? – говорит двойник Линдроса, увеличивая скорость.

Наклонившись вперед, Борн видит на обочине дороги фигуру. Машина стремительно приближается к ней. Это молодая девушка, она голосует, подняв большой палец: Сара. Машина подъезжает, и в самый последний момент девушка делает шаг вперед и оказывается у нее на пути.

Борн пытается закричать, чтобы предупредить ее, но он нем. Он чувствует, как машина виляет в сторону и содрогается, видит тело Сары, взлетевшее в воздух, видит стынувшую кровь. Охваченный яростью, он протягивает руку к водителю…

…и оказывается в салоне автобуса. Пассажиры с каменными лицами не обращают на него внимания. Борн идет вперед по проходу между рядами кресел. На водителе добротный костюм европейского покроя. Это доктор Сандерленд, специалист по проблемам памяти из Вашингтона.

– Куда мы направляемся? – спрашивает его Борн.

– Я вам уже говорил, – отвечает доктор Сандерленд.

В огромное лобовое стекло Борн видит одесский пляж. Видит Фади, который курит, улыбаясь, и ждет его.

– Все было подстроено, – говорит доктор Сандерленд, – с самого начала.

Автобус останавливается. В руке у Фади пистолет. Доктор Сандерленд открывает дверь, впуская его; Фади вбегает в салон, направляет пистолет на Борна и нажимает на спусковой крючок…

Борн проснулся от звука раскатистого выстрела. Над ним кто-то стоял. Мужчина с сизой щетиной, глубоко посаженными глазами и узким покатым лбом.

– А, генерал-лейтенант Мыкола Петрович Туз. Наконец-то вы пришли в себя. – Язык у мужчины заплетался от постоянного пьянства. – Я доктор Коровин.

Какое-то мгновение Борн не мог сообразить, где находится. Он почувствовал, что койка под ним плавно покачивается, и его сердце пропустило удар. Он уже бывал здесь прежде – неужели у него снова провал в памяти?

Но тут воспоминания нахлынули приливной волной. Окинув взглядом крошечный лазарет, Борн сообразил, что находится на борту контейнеровоза «Иркутск», что он генерал-лейтенант СБУ Мыкола Петрович Туз. Он произнес ватным голосом:

– Мне нужна моя помощница.

– Ну конечно. – Доктор Коровин отступил назад. – Она здесь.

Его лицо сменилось лицом Сорайи Мор.

– Товарищ генерал-лейтенант, – бодро произнесла она, – вижу, вам стало лучше.

Однако Борн увидел у нее в глазах беспокойство.

– Нам нужно поговорить, – прошептал он.

Молодая женщина повернулась к врачу.

– Будьте добры, оставьте нас одних, – довольно резко приказала она.

– Ну конечно, – ответил доктор Коровин. – Я схожу сообщу капитану, что товарищ генерал-лейтенант поправляется.

Как только за ним закрылась дверь, Сорайя присела на край койки.

– Труп Лернера сбросили за борт, – тихо промолвила она. – Когда я опознала в нем иностранного шпиона, капитан с радостью пошел навстречу. Больше того, он испытал огромное облегчение. Ему не нужна никакая огласка случившегося, а в отношении компании, которой принадлежит «Иркутск», это справедливо вдвойне. Так что Лернер отправился кормить рыб.

– Где мы сейчас? – спросил Борн.

– До Стамбула остается идти примерно сорок минут. – Борн попытался было сесть, но Сорайя вежливо удержала его за руку. – А насчет того, что Лернеру удалось подняться на борт судна, – тут мы оба сделали упущение.

– У меня такое чувство, будто мы упустили еще что-то, и очень важное, – сказал Борн. – Подай мне брюки.

Брюки были перекинуты через спинку стула. Сорайя протянула их Борну.

– Надо тебя покормить. Занимаясь твоей раной, врач накачал тебя всевозможными жидкостями. Он говорит, через пару часов тебе уже станет гораздо лучше.

– Через минуту.

Борн чувствовал тупую боль от ножевого ранения и в том месте, куда его ударил ногой Лернер. Правый бицепс, проткнутый киркой, был забинтован, но боли здесь не было. Борн закрыл глаза, но на него тотчас же нахлынули воспоминания о Фади, двойнике, Саре и докторе Сандерленде.

– Джейсон, в чем дело?

Он открыл глаза.

– Сорайя, не только доктор Сандерленд копошится у меня в голове.

– Что ты хочешь сказать?

Порывшись в карманах, Борн нашел коробок спичек. *Фади прикуривает, протягивает Борну коробок.* Этот образ присутствовал в снах Борна, однако это произошло на самом деле. Под воздействием воспоминаний, имплантированных доктором Сандерлендом, Борн вывел Фади из тюрьмы «Тифона». Оказавшись на улице, Фади прикурил сигарету от спички. «Поскольку поджигать в этой дыре все равно нечего, спички мне оставили», – сказал он. После чего протянул Борну коробок.

Зачем Фади так поступил? Это был такой естественный жест, который едва отложился в памяти, особенно в свете того, что произошло потом. И Фади на это рассчитывал.

– Коробок спичек? – спросила Сорайя.

– Тот коробок, который вручил мне Фади на улице перед зданием ЦРУ.

Борн открыл коробок. Он был помят, этикетка расплылась после купания Борна в Черном море.

Единственной уцелевшей частью был нижний слой, от которого отрывались спички. Ногтем большого пальца Борн вытащил железную скрепку, державшую спички на месте. Под ней он обнаружил крошечный продолговатый предмет из металла и керамики.

– О господи, Фади подбросил тебе «жучок»!

Борн внимательно осмотрел предмет.

– Это маячок. – Он протянул его Сорайе. – Выбрось его за борт. Немедленно.

Взяв маячок, Сорайя вышла из каюты. Через минуту она вернулась.

– А теперь перейдем к другим делам. – Борн посмотрел ей в лицо. – Не вызывает сомнений, что Тим Хитнер поставлял Фади всю самую сокровенную информацию.

– Тим не был предателем, – твердо промолвила Сорайя.

– Понимаю, он был твоим другом…

– Дело не в этом, Джейсон. Двойник Линдроса разве что из кожи не вылез, демонстрируя мне документальные подтверждения того, что Тим был предателем.

Борн сделал глубокий вдох, не обращая внимания на боль, которую это ему причинило, и спустил ноги на пол.

– В таком случае с высокой вероятностью можно утверждать, что Хитнер вовсе не был предателем.

Сорайя кивнула.

– Из чего следует, что предатель, по всей видимости, продолжает работать в недрах ЦРУ.

Они сидели в кафе «Кактус», расположенном в квартале к югу от Истикляль-Каддеси – авеню Независимости, в ультрасовременном стамбульском районе Бейоглы. На столе стояли тарелочки с закуской и крошечные чашечки с крепким, густым кофе по-турецки. В воздухе стоял гомон голосов, говорящих на самых разных наречиях, что устраивало их как нельзя лучше.

Утолив голод, Борн после третьей чашки кофе снова начал чувствовать себя наполовину человеком. Наконец он сказал:

– Очевидно, что в ЦРУ нельзя доверять никому. Если достать компьютер, ты сможешь отсюда проникнуть сквозь защиту «Часового»?

Сорайя покачала головой:

– Это не удалось даже Тиму.

Борн кивнул.

– В таком случае тебе придется вернуться в Вашингтон. Мы должны установить личность предателя. До тех пор пока он продолжает свое

черное дело, в ЦРУ для врага нет никаких секретов, в том числе и о ходе расследования деятельности «Дуджи». И еще тебе будет нужно присматривать за двойником. Поскольку они оба работают на Фади, возможно, это выведет тебя на предателя.

– Я пойду прямо к Старику.

– Именно этого ты и *не* сделаешь. У нас нет никаких конкретных доказательств. Ты уже запятналась общением со мной. А Старик любит Линдроса, полностью ему доверяет. Вот почему план Фади просто блестящий, черт побери. – Борн покачал головой. – Нет, обвинив Линдроса, ты ничего не добьешься. Лучший способ действий – держать глаза и уши открытыми, а рот на замке. Я не хочу, чтобы двойник заподозрил тебя в том, что ты его раскусила. Он и так относится к тебе с подозрением. В конце концов, он ведь отправил тебя присматривать за мной. – Покрытое синяками и ссадинами лицо Борна растянулось в мрачной усмешке. – Мы дадим ему то, что он хочет. Ты расскажешь ему, что у тебя на глазах на борту этого судна произошла драка между мной и Лернером, в ходе которой мы убили друг друга.

– Вот почему ты заставил меня выбросить маячок за борт.

Борн кивнул.

– Фади подтвердит, что он покоится на дне Черного моря.

Сорайя рассмеялась.

– Кажется, это уже что-то.

В квартале от «Кактуса» они нашли интернет-кафе. Сорайя заплатила за время, а Борн тем временем устроился за терминалом в дальнем углу зала. Когда Сорайя пододвинула к нему стул, он уже просматривал данные на доктора Аллена Сандерленда. Судя по всему, Сандерленд, автор нескольких книг по проблемам памяти, был обладателем многочисленных премий и наград. На одной из страничек, куда заглянул Борн, имелась фотография видного ученого.

– Это не тот, кто меня лечил, – объявил Борн, изучив снимок. – Фади подменил его своим человеком, которого подкупом или угрозами заставил ввести мне в мозг нейропередатчики, мешающие работе синапсов. В результате одни воспоминания оказались блокированы, зато были созданы другие, фальшивые. И эти воспоминания помогли мне принять двойника за Мартина, после чего чуть не заманили в смертельную ловушку.

– Все это ужасно, Джейсон. Как будто к тебе в голову забрался вор. – Сорайя положила руку ему на плечо. – И как можно бороться с этим?

– Все дело в том, что никак. Я ничего не смогу сделать до тех пор, пока не найду того, кто стоит за всем этим.

Его мысли вернулись к разговору со лже-Сандерлендом. Фотография красивой блондинки на столе, которую Сандерленд назвал Катей. Было ли это частью игры? Раскрыв память, Борн вслушался в интонации голоса Сандерленда. Нет, он был искренен, когда говорил об этой женщине. По крайней мере, она действительно дорога человеку, выдававшему себя за Аллена Сандерленда.

А затем еще его акцент. Борн вспомнил, что определил его как румынский. Так что от этого уже можно отталкиваться: этот человек – врач, специалист по проблемам памяти; по национальности он румын; он женат на женщине по имени Катя. Эта Катя, беззаботно позирующая перед объективом фотоаппарата, вероятно, в прошлом была фотомоделью. Пока что этого совсем немного, но лучше мало информации, чем вообще ничего.

– А теперь вернемся в самое начало. – Пальцы Борна залетали по клавиатуре. Через мгновение на экране появилась информация об Абу Сарифе Хамиде ибн Ашефе аль-Вахибе, основателе компании «Интегрейтед вертикал текнолоджиз». – Тридцать три года назад он женился на Холли Каргилл, младшей дочери Саймона и Джеки Каргилл, из адвокатской конторы «Джекилл и Денисон». Семейство Каргилл играет заметную роль в лондонском обществе. Оно ведет свою родословную с эпохи Генриха Восьмого. – Его пальцы продолжали танец по клавишам; на экран выводилась все новая информация. – Холли родила Хам иду ибн Ашефу троих детей. Старшим был Карим аль-Джамиль ибн Хамид ибн Ашеф аль-Вахиб – который, кстати, возглавил ИВТ в том же году, когда мы с тобой впервые побывали в Одессе. Затем шел его брат, Абу Гази Надир аль-Джаму ибн Хамид ибн Ашеф аль-Вахиб.

– Если точнее, через две недели после того, как ты стрелял в Хамида ибн Ашефа, – добавила Сорайя, глядя ему через плечо. – А что насчет третьего ребенка?

– Перехожу к этому. – Борн пролистал страницу. – Так, вот оно. Младшим ребенком была дочь. – Он умолк, чувствуя, как гулко заколотилось сердце. Имя он произнес сдавленным голосом: – Сара ибн Ашеф. Она умерла.

– Это наша Сара! – выдохнула Сорайя.

– Похоже на то. – И тут все встало на свои места. – О господи, Фади – сын Хамида ибн Ашефа.

Сорайя была поражена.

– Полагаю, младший, поскольку Карим возглавил ИВТ.

Борн вспомнил яростную стычку с Фади на черноморском пляже. «Я долго ждал этого момента, – сказал Фади. – Долго ждал возможности снова посмотреть тебе в лицо. Долго ждал часа отмщения». А когда Борн спросил, о чем он говорит, Фади прорычал: «Такое не забывается – никогда не забывается». Он мог иметь в виду только одно.

– Я убил его сестру, – сказал Борн, откинувшись назад. – Вот почему он вплел меня в свой убийственный замысел.

– Однако мы нисколько не приблизились к тому, чтобы раскрыть личность человека, который выдает себя за Мартина Линдроса, – напомнила Сорайя.

– И мне по-прежнему непонятно, почему Мартина оставили в живых. – Борн снова повернулся к экрану компьютера. – Но, может быть, нам удастся узнать что-нибудь про второго двойника. – Он вышел на электронную страничку компании «Интегрейтед вертикал текнолоджиз». На ней был представлен полный список сотрудников, в том числе работающих в научно-исследовательских лабораториях, расположенных в десятке различных стран.

– Если ты хочешь найти того, кто выдавал себя за доктора Сандерленда, легче будет найти иголку в стоге сена.

– Необязательно, – возразил Борн. – Не забывай, это видный специалист.

– В области восстановления памяти.

– Совершенно верно. – Тут Борн вспомнил свой разговор с Сандерлендом. – А также по проблемам миниатюризации.

В ИВТ работали десять ученых, занимавшихся подобными вопросами. Борн поочередно разыскал их во Всемирной паутине. Ни один из них не был похож на человека, который его лечил.

– И что дальше? – спросила Сорайя.

Выйдя со странички ИВТ, Борн стал просматривать все проходившие в средствах массовой информации сообщения, имеющие отношение к конгломерату. Через пятнадцать минут плутаний среди заметок о слияниях, собраниях акционеров, квартальных отчетах, увольнениях и приеме на работу он наконец наткнулся на короткое сообщение о некоем докторе Костине Вейнтропе, специалисте в области биофармацевтических нанотехнологий, сканирующей микроскопии и молекулярной медицины.

– Похоже, этот доктор Вейнтроп был выставлен из ИВТ за то, что якобы похитил интеллектуальную собственность.

– Но в таком случае он не может быть тем, кого мы ищем, – заметила Сорайя.

– Как раз наоборот. Сама подумай. После такого публичного позора перед Вейнтропом закрылись двери всех серьезных компаний и университетов. И он в одночасье рухнул с вершины на самое дно.

– Как раз то, что без труда мог подстроить брат Фади. После чего у Вейнтропа остался только один выбор: работать на Фади.

Борн кивнул:

– Эту версию стоит проверить.

Набрав в поисковой системе имя доктора Костина Вейнтропа, он получил краткое описание жизненного пути. Все очень любопытно, но убедительных доказательств не было. Однако они оказались на страничке приложенных фотографий. На одной из них доктор Вейнтроп был заснят на церемонии награждения. Рядом с ним стояла его красавица жена: высокая видная блондинка, чью фотографию Борн видел в кабинете доктора Сандерленда. Бывшая фотомодель, победительница конкурса красоты. Ее звали Екатерина Степановна Вдовина.

Марлин Дорф, командир групп специального назначения ЦРУ «Скорпион-5» и «Скорпион-6», имел воинское звание капитана, что оказалось очень кстати, когда он со своими людьми встретился с подразделением морских пехотинцев у маленького городка Аль-Гайда неподалеку от города Шабва на юге Йемена.

Дорф был именно тем, кому можно было поручить руководство этой операцией. Окрестности Шабвы он знал как свои пять пальцев. Кровавая история этого района была выжжена у него на теле многочисленными победами и поражениями. Несмотря на заверения йеменского правительства, провинция до сих пор оставалась заражена многочисленными военизированными группами исламских террористов. В годы холодной войны Советский Союз, Восточная Германия и Куба создали в этих негостеприимных безлюдных горах целую сеть учебных баз. Тогда Аль-Гайда, заполненная кубинскими инструкторами, обучающими терроризму, стала центром так называемого Народного фронта освобождения Омана. В соседней Шабве восточные немцы готовили ключевых членов Коммунистической партии Саудовской Аравии и Фронта освобождения Бахрейна, которым предстояло вести в своих странах работу по дестабилизации обстановки,

в том числе манипулировать средствами массовой информации, распространяя идеологию террористов среди населения, тем самым подрывая моральные устои простых арабов. И хотя Советский Союз и его сателлиты в 1987 году ушли из Южного Йемена, террористы остались, обретя второе дыхание под руководством зловещей «Аль-Каиды».

– Что там у нас?

Этот вопрос задал Дорфу капитан Лоури, командир подразделения морской пехоты, которому предстояло сопровождать группу «Скорпион» во время нанесения удара по ядерному центру «Дуджи». Высокий, светловолосый, здоровенный, словно медведь, Лоури обладал вдвое более страшной внешностью.

Дорф, которому не раз приходилось видеть, как такие люди героически сражаются и погибают в бою, показал спутниковый телефон:

– Ждем подтверждения.

Местом встречи стало выжженное солнцем плато к востоку от Аль-Гайды. Городок сверкал в первых лучах появившегося над горизонтом солнца, продуваемый нестихающими ветрами, окруженный горами и пустыней. Высокие рваные тучи быстро неслись по опрокинутой голубой чаше небосвода. Прямоугольные коробки глинобитных домов с узкими вытянутыми окнами казались древними храмами. Время здесь словно застыло; ход истории остановился.

На плато две группы солдат ждали, молчаливые, напряженные, на взводе, готовые выступить в любую минуту. Все понимали, насколько высоки ставки; каждый из этих людей был готов отдать свою жизнь, чтобы отвести от родины смертельную угрозу.

В ожидании Дорф достал свой Джи-пи-эс[10] и показал командиру морских пехотинцев, где предположительно находится цель. От их нынешнего местоположения до нее было меньше ста километров на юго-запад.

Зажужжал телефон спутниковой связи. Приложив его к уху, Дорф выслушал, как человек, которого он считал Мартином Линдросом, подтвердил координаты, отмеченные на экране Джи-пи-эс.

– Вас понял, сэр, – тихо произнес в микрофон Дорф. – Ориентировочное время прибытия на место – через двадцать минут. Можете на нас положиться, сэр.

Разорвав соединение, он кивнул Лоури. Они отдали приказ своим людям, и те молча расселись по четырем вертолетам «Чинук». Мгновение спустя огромные несущие винты пришли в движение,

вращаясь все быстрее и быстрее. Боевые «Чинуки» взлетели парами, поднимая плотные облака пыли и песка, скрывавшие вертолеты до тех пор, пока те не набрали достаточную высоту. Затем винтокрылые машины слегка наклонились вперед и легли на боевой курс.

Бункер, расположенный в ста пятидесяти футах ниже уровня земли под Белым домом, напоминал встревоженный улей. Плоские плазменные экраны показывали полученные со спутников фотографии южных районов Йемена, выведенные в разных масштабах, от общих планов до отдельных топографических ориентиров в окрестностях Аль-Гайды. На другие выводились трехмерные изображения цели и продвижение четырех «Чинуков».

В помещении собрались в основном те, кто присутствовал при несостоявшемся разносе Старика: президент, Лютер Лаваль, повелитель военной разведки, и двое его генералов, министр обороны Хэллидей, помощник по вопросам национальной безопасности и Гундарссон из МАГАТЭ. Отсутствовал только Джон Мюэллер.

– Десять минут до подхода к цели, – объявил Старик. У него на голове были наушники, через зашифрованную линию подключенные к капитану Дорфу.

– Напомните-ка мне, какое оружие имеется в распоряжении ударной группы, – протянул министр Хэллидей, сидящий слева от президента.

– Эти «Чинуки» специально разработаны для нас компанией «Макдоннел–Дуглас», – невозмутимо ответил Старик. – На самом деле у них больше общего с ударным вертолетом «Апач» производства той же компании, чем с обычным «Чинуком». Как и «Апач», каждый наш «Чинук» оснащен оптическим прицелом и лазерным дальномером-целеуказателем. Все вертолеты способны выдержать прямое попадание двадцатитрехмиллиметровых снарядов. Что касается наступательного оружия, каждый «Чинук» несет полный набор противотанковых управляемых ракет «Хеллфайр», три скорострельные пушки «М-230» калибра тридцать миллиметров и двенадцать реактивных снарядов «Гидра-70», которые выпускаются из девятнадцатитрубной установки «М-261». Реактивные снаряды могут быть оснащены обычными, неразделяющимися боеголовками со взрывателями ударного действия или разделяющимися многофункциональными боеголовками.

Президент рассмеялся нарочито громко.

– Такие подробности должны удовлетворить даже тебя, Бад.

– Прошу простить мое недоумение, господин директор, – настаивал Хэллидей, – но я просто сбит с толку. Вы ни словом не обмолвились о серьезнейшем сбое системы безопасности в штаб-квартире ЦРУ.

– Это что еще за сбой? – недоуменно переспросил президент. Затем его лицо налилось кровью гнева. – О чем это говорит Бад?

– Мы были атакованы компьютерным вирусом, – спокойно ответил директор ЦРУ. «Проклятие, откуда Хэллидею известно про этот вирус?» – Наши компьютерщики уверяют, что целостность ядра главного компьютера нарушена не была. Это обеспечила защитная система «Часовой». В настоящий момент завершаются работы по ликвидации последствий атаки вируса.

– На вашем месте, господин директор, – не унимался министр Хэллидей, – я бы бил во все колокола. Подумать только, попытка электронного взлома системы безопасности управления! И это в тот момент, когда проклятые террористы буквально дышат нам в затылок.

Как и полагается верному вассалу, атаку подхватил Лаваль:

– Господин директор, вы нам говорите, что ваши люди очищают систему от вируса. Но факт остается фактом: ваше ведомство подверглось электронному нападению.

– Не в первый раз, – сказал директор ЦРУ, – и, поверьте, не в последний.

– И все же, – продолжал Лаваль, – атака извне…

– Эта атака была осуществлена не извне. – Старик пригвоздил главу военной разведки к месту убийственным взглядом. – В результате экстренных мер, предпринятых моим заместителем Мартином Линдросом, мы обнаружили электронный след, ведущий к предателю – покойному Тиму Хитнеру. Последним, что он успел сделать, было заражение главного компьютера вирусом, который Хитнер ввел в систему под прикрытием «дешифрования» сообщения «Дуджи», на самом деле оказавшегося бинарным кодом вируса. – Старик перевел взгляд на президента. – А теперь, пожалуйста, давайте вернемся к насущным проблемам.

«Сколько еще подобных нападок со стороны этой парочки мне придется вытерпеть, прежде чем президент их остановит?» – печально подумал он.

Атмосфера в бункере становилась все более напряженной. На многочисленных экранах мелькали изображения. Присутствующие затаив дыхание следили за продвижением четырех «Чинуков» над гористой пустыней. Компьютерная графика напоминала видеоигры, но,

как только вертолеты войдут в боевое соприкосновение с противником, всякое сходство с игрой закончится.

– Вертолеты пролетели над последним вади, – доложил директор ЦРУ. – Теперь от базы «Дуджи» их отделяет лишь невысокая горная гряда. Они преодолеют ее по ущелью и окажутся к северо-востоку от цели. На цель вертолеты зайдут парами.

– У нас сильный РТ, – доложил директору ЦРУ Марлин Дорф, имея в виду радиолокационный туман, редкое природное явление, происходящее обычно на рассвете или ночью, которое состоит в том, что над остывающей земной поверхностью скапливается слой относительно влажного воздуха, зажатый сверху сухим воздухом. Этот слой отражает и искривляет радиоволны, мешая работе локатора.

– Вы наблюдаете цель визуально? – зажужжал на ухо Дорфу голос директора ЦРУ, неестественный, с металлическими интонациями.

– Никак нет, сэр. Мы подлетаем ближе, а два других «Чинука» остаются сзади прикрывать тыл. – Дорф повернулся к Лоури, и тот кивнул. – Норрис, – продолжал он, обращаясь к пилоту второго вертолета, – снижайся.

Снизившись, второй «Чинук» закрутил несущими винтами слой влажного воздуха, разрывая РТ.

– Вот она! – вдруг воскликнул Лоури.

Дорф увидел на земле шестерых вооруженных людей. Удивленные, они смотрели в небо. Проследив взглядом туда, откуда они шли, Дорф различил скопление невысоких строений, похожих на бункеры. Это напоминало типичный лагерь террористов, но именно так и должна была замаскировать свою базу «Дуджа».

Низко летящий «Чинук» открыл огонь из автоматических пушек: земля покрылась разрывами тридцатимиллиметровых снарядов. Боевики упали, начали палить по вертолету, рассыпались, снова открыли огонь и наконец затихли, сраженные осколками.

– Пошли! – сказал в микрофон Дорф. – Комплекс в полукилометре прямо впереди.

«Чинук» круто пошел вниз. Два других вертолета, догнав первую пару, разошлись в стороны, заходя на цель с противоположной стороны.

– Приготовить «Хеллфайры»! – приказал Дорф. – По моему сигналу каждый вертолет пускает по одной ракете.

Удары с разных направлений обеспечат то, что будут разрушены даже самые прочные стены.

Дорф убедился в том, что все четыре вертолета рассредоточились вокруг цели.

– По моей команде... – рявкнул он. – Пуск!

Четыре ракеты «Хеллфайр» сорвались с пилонов вертолетов и устремились к комплексу зданий. Взрывы прогремели с промежутком в несколько секунд. Над землей взметнулся огненный шар. Вертолет тряхнуло взрывной волной. Цель затянуло маслянистым черным дымом.

И тут разверзлась преисподняя.

Сорайя Мор, в ожидании начала посадки на рейс из международного аэропорта имени Ататюрка в Вашингтон, достала сотовый телефон. Расставшись с Борном, она не переставала думать о ситуации в штаб-квартире ЦРУ. Борн прав: лже-Линдрос занял идеальную позицию. Но зачем ему понадобилось приложить столько сил, чтобы проникнуть в руководство ЦРУ? Ради информации? Сорайя так не думала. Фади не дурак и понимает, что двойнику ни за что не удастся протащить информацию через герметичную систему безопасности. Значит, лже-Линдрос там только для того, чтобы помешать «Тифону» остановить террористов из «Дуджи». Насколько понимала Сорайя, это наступательный план, подразумевающий активную дезинформацию. Потому что, если личный состав ЦРУ будет гоняться за тенями, Фади и его люди смогут беспрепятственно проникнуть в Соединенные Штаты. Это был классический трюк фокусника, заключающийся в том, чтобы отвлечь внимание на что-то второстепенное. Однако нередко именно он оказывался самым действенным.

Сорайя помнила, что Борн приказал ни в коем случае не пытаться связаться с директором ЦРУ, однако она решила обратиться к его ближайшему помощнику – к Анне Хельд. Анне можно будет рассказать все; Анна обязательно найдет способ переговорить со Стариком так, чтобы об этом больше никто не знал. И это позволит надежно защититься от предателя, кем бы он ни был.

Объявили начало регистрации. Сорайя встала в очередь. Еще раз обдумав свою мысль, она набрала личный номер Анны. В трубке потянулись длинные гудки, и Сорайя поймала себя на том, что молит бога, чтобы Анна ответила. Она не смела оставить сообщение в ящике речевой почты, не могла даже попросить Анну перезвонить. Наконец на седьмом гудке Анна ответила.

– Анна, слава богу. – Очередь зашевелилась, пришла в движение. – Это Сорайя. Послушай, у меня совсем мало времени. Я возвращаюсь в Вашингтон. Ничего не говори до тех пор, пока я не закончу. Я

обнаружила, что тот Мартин Линдрос, которого Борн спас в Эфиопии, на самом деле двойник.

– Двойник?

– Именно так.

– Но это же невозможно!

– Понимаю, что это кажется сущим безумством.

– Сорайя, я не знаю, что там с тобой произошло, но поверь мне, Линдрос – тот, за кого себя выдает. Он ведь даже прошел проверку сканированием сетчатки глаза.

– Пожалуйста, дай мне закончить. Этот человек, кем бы он ни был, работает на Фади. Его внедрили в ЦРУ, чтобы сбить нас со следа «Дуджи». Анна, я хочу, чтобы ты переговорила со Стариком.

– Теперь я точно вижу, что ты спятила. Я скажу Старику, что Линдрос на самом деле не Линдрос, и он упрячет меня в психушку.

Сорайя уже почти подошла к столу регистрации. Времени больше нет.

– Анна, ты должна поверить мне. Тебе нужно придумать, как убедить Старика.

– Нужны доказательства, – решительно заявила Анна. – Подойдут любые веские улики.

– Но у меня нет…

– Беру ручку. Диктуй номер своего рейса. Я сама встречу тебя в аэропорту. И мы придумаем что-нибудь перед тем, как заявляться в штаб-квартиру.

Сорайя назвала номер рейса и время прилета. Подойдя к столику, она протянула посадочный талон.

– Спасибо, Анна. Я знала, что на тебя можно рассчитывать.

Ракета «Сайдуиндер» появилась из ниоткуда.

– Справа ракета! – заорал Дорф, но кабина «Чинука» уже огласилась сигналом тревоги.

У него на глазах ракета попала в корпус того из «Чинуков», который находился ближе всех к земле. Вертолет превратился в огненный шар, мгновенно скрывшийся в клубах дыма, который поднимался над разрушенными зданиями. Второй вертолет, совершая обманный маневр,

получил ракету в хвост. Вся его задняя часть разлетелась на части; перед завалился вбок и по спирали устремился в бушующий ад.

Дорф забыл о последнем вертолете; сейчас надо было думать только о себе. «Чинук» резко накренился, совершая первый обманный маневр. Дорф с трудом подошел к пилоту.

– Командир, головка наведения взяла цель, – доложил тот. – Ракета у нас на хвосте.

Он принялся дергать и крутить штурвал, посылая вертолет в пике и петли, от которых у Дорфа внутри все оборвалось.

– Держи в том же духе. – Дорф подал знак оператору систем вооружения. – Поставь на взрывателе реактивного снаряда задержку пять секунд.

Тот поднял брови.

– Командир, это очень опасно. Мы окажемся совсем рядом с местом взрыва.

– На это я и надеюсь, – ответил Дорф.

Оператор систем вооружения принялся за работу. Дорф выглянул в иллюминатор. Меньше чем в ста метрах внизу третья ракета «Сайдуиндер» нашла цель, залетев в сопло хвостового двигателя. «Чинук» камнем рухнул на землю. В воздухе оставались только они.

– Командир, ракета нас настигает, – доложил пилот. – Долго от нее увертываться я не смогу.

«Будем надеяться, это и не потребуется», – подумал Дорф.

Он хлопнул пилота по плечу.

– По моему сигналу уходи влево и вниз, как можно круче. Понял?

Пилот кивнул:

– Вас понял, командир.

– Крепче держи штурвал, – напутствовал его Дорф.

Пронзительный свист нарастал; «Сайдуиндер» рассекал воздух, настигая вертолет. Времени оставалось в обрез.

Оператор систем вооружения кивнул Дорфу:

– Все готово, командир.

– Пускай! – приказал Дорф.

Раздался тихий хлопок, и реактивный снаряд «Гидра-70» вылетел из пусковой установки.

Дорф начал отсчет:

– Раз… два… – Он хлопнул пилота по спине. – Давай!

Вертолет резко дернулся влево, затем нырнул вниз, стремительно приближаясь к земле. В это мгновение взорвалась «Гидра». Ударная волна швырнула всех вперед и вправо. Даже сквозь бронированный корпус «Чинука» Дорф ощутил жар взрыва. Это и была приманка, и «Сайдуиндер», ракета класса «воздух–воздух» с головкой теплового наведения, повернул в самое ее сердце, где и взорвался, превратившись в ничто.

«Чинук» содрогнулся, застыл на миг, пока пилот старался вывести его из пике, затем качнулся, как маятник, и выпрямился.

– Отлично сработано. – Дорф похлопал пилота по плечу. – Все целы? – Краем глаза он увидел кивки и поднятые вверх большие пальцы. – Ну хорошо, а теперь разберемся с тем, кто завалил наших ребят.

После того как Сорайя отправилась в аэропорт, Борн стал думать, как разыскать и расспросить Незыма Хатуна, человека, который нанял Евгения Федоровича. Если верить Евгению, Хатун работал где-то в районе Султанахмет, куда из того места, где сейчас находился Борн, было неблизко.

Борн буквально валился с ног. Он не позволял себе думать об этом, однако ножевая рана, нанесенная Фади, серьезно подорвала жизненные силы его организма. А драка с Мэттью Лернером отняла и то немногое, что оставалось. Борн понимал, что искать Незыма Хатуна в таком состоянии – глупость, граничащая с самоубийством.

Поэтому он отправился на поиски эль-ахаба. Строго говоря, эти знатоки народной медицины, специализирующиеся на травах, работают в основном в Марокко. Однако в богатых климатических условиях Турции произрастают одиннадцать тысяч видов растений, поэтому едва ли удивительно, что среди бесчисленных лавок Стамбула встречаются аптеки, которыми заведуют марокканские специалисты по фитохимии.

После сорока пяти минут блуждания по улицам и обращений к прохожим и владельцам других лавок Борну наконец удалось отыскать такое заведение. Оно находилось на шумном рынке: крохотная витрина с узкими запыленными окнами, засиженными мухами.

Внутри за столиком сидел эль-ахаб, растирая в ступе сушеные травы. При появлении Борна он поднял на него взгляд своих водянистых близоруких глаз.

Внутри воздух был плотным, удушливым, наполненным резкими непривычными запахами сушеных трав, листьев, кореньев, грибов, лепестков и многого другого. Стены от пола до потолка были заполнены ящичками и коробочками, в которых травник хранил свой обширный запас. Пробивающийся сквозь грязные стекла слабый свет не выдерживал противоборства с ароматной пылью, скопившейся за долгие годы.

– Да? – спросил эль-ахаб по-турецки с марокканским акцентом. – Чем могу вам помочь?

Вместо ответа Борн разделся по пояс, открывая забинтованную рану, свежие синяки, порезы, покрытые засохшей кровью.

Эль-ахаб поманил его длинным указательным пальцем. Это был маленький человечек, худой, даже тощий, с темной огрубелой кожей уроженца пустыни.

– Будьте добры, подойдите ближе.

Борн повиновался.

Водянистые глаза травника широко раскрылись.

– И что вы хотите?

– Держаться на ногах, – на марокканском диалекте арабского ответил Борн.

Встав, эль-ахаб подошел к полкам, выдвинул ящик и достал нечто напоминающее пригоршню козьей шерсти.

– Huperzis serrata. Редкий мох, который встречается только на севере Китая. – Усевшись за стол, он отодвинул ступу и пест и начал рвать засушенный мох на мелкие куски. – Хотите верьте, хотите нет, но здесь есть все, что вам нужно. Мох справится с воспалением, которое высасывает из вашего организма энергию. В то же время он значительно повысит умственную деятельность.

Обернувшись, травник взял с горячей плиты горшочек и налил в медный чайник кипящей воды. Затем бросил туда кусочки мха, подлил еще воды, закрыл чайник крышкой и поставил его рядом со ступой и пестиком.

Борн, застегнувшись, сел на деревянный табурет.

Они стали молча ждать, когда заварится «чай» из трав. От глаз эль-ахаба, хотя и водянистых и близоруких, не укрылась ни одна деталь лица Борна.

– Кто вы?

– Не знаю, – ответил Борн.

– Быть может, настанет день, и вы это узнаете.

Настой заварился. Эль-ахаб осторожно налил драгоценный напиток в стакан. От густой, темной, мутной жидкости исходило зловоние болота.

– А теперь пейте. – Травник протянул стакан Борну. – Все до дна. И сразу, пожалуйста.

Вкус настоя нельзя было передать словами. Тем не менее Борн стойко проглотил все до последней капли.

– Через час ваше тело почувствует новые силы, рассудок станет острее, – сказал эль-ахаб. – И так будет продолжаться в течение нескольких дней.

Встав, Борн тепло его поблагодарил и расплатился. Вернувшись на рынок, он первым делом зашел в магазин одежды и купил себе традиционный турецкий наряд, вплоть до туфель на тонкой подошве с загнутыми носами. Хозяин магазина направил его обратно на Истикляль-Каддаси, расположенную через залив Золотой Рог от Султанахмета. Там Борн вошел в театральную лавку, выбрал бороду, а также клей и перед зеркалом приклеил себе бороду.

Затем Борн перебрал остальные товары, представленные в лавке. Купив себе все нужное, он сложил это в маленький подержанный кожаный рюкзачок. И все это время его не покидала неописуемая ярость. Борн не мог избавиться от мыслей о том, что с ним сделали Вейнтроп и Фади. Враг проник к нему в голову, тайком влияя на его мысли и нарушая способность принимать правильные решения. Как Фади удалось поместить Вейнтропа в кабинет настоящего доктора Сандерленда?

Достав сотовый телефон, Борн отыскал в памяти телефон Сандерленда и, набрав код международной связи, ввел восьмизначный номер. В этот час кабинет еще не работал, но записанный голос спросил, хочет ли Борн договориться о приеме, узнать рабочие часы доктора Сандерленда, выяснить, как найти кабинет в Вашингтоне. Борн без колебаний выбрал второй вариант. Записанный голос сообщил ему, что доктор Сандерленд принимает с десяти утра до шести вечера по понедельникам и со среды по пятницу. По вторникам кабинет закрыт. Однако он был на приеме у Сандерленда именно во вторник. Кто назначил ему время?

У Борна на лбу выступил пот, сердце забилось чаще. Откуда люди Фади узнали, что Фади вышел из тюрьмы? Сорайя позвонила Тиму Хитнеру, поэтому Борн заподозрил именно его в том, что он предатель. Однако Хитнер не был предателем. Кто имеет доступ ко всем внутренним звонкам ЦРУ? Кто мог подслушать этот разговор? Тот самый человек, который отправил Борна на прием к доктору Сандерленду в тот день, когда того не было на месте.

Анна Хельд!

«О господи!» – подумал Борн. Правая рука Старика. Этого не может быть. Однако только это объяснение позволяло увидеть смысл в событиях последнего времени. Фади мог только мечтать о таком помощнике в самом сердце ЦРУ.

Пальцы Борна забегали по клавишам сотового телефона. Ему нужно предупредить Сорайю до того, как та сядет на самолет. Однако после первого же гудка включилась речевая почта, из чего следовало, что ее телефон уже отключен. Сорайя на борту самолета, летит в Вашингтон, навстречу катастрофе.

Борн оставил сообщение, предупредив, что предателем является Анна Хельд.

Глава 25

– Заходи, Мартин. – Директор ЦРУ махнул рукой Кариму аль-Джамилю, остановившемуся на пороге его святая святых, личного кабинета. – Рад, что Анна тебя перехватила.

Карим прошел через просторный кабинет к креслу напротив необъятного письменного стола Старика. Этот путь напомнил ему испытание, которому, согласно бедуинским традициям, подвергают предателя: его заставляют пройти между двумя рядами воинов, забрасывающих его камнями. Если ему удается самостоятельно добраться до конца, его ждет легкая, милосердная смерть. В противном же случае его бросают в пустыне на корм стервятникам.

В кабинет проникали звуки. Во всей штаб-квартире царила атмосфера торжества и скорби – это явилось следствием сообщения о том, что на юге Йемена был уничтожен ядерный центр «Дуджи», при этом не обошлось без жертв. Директор ЦРУ поддерживал связь с коммандером Дорфом. В живых остались только те бойцы «Скорпиона» и морские пехотинцы, кто находился на борту четвертого вертолета. Погибших было много: три сбитых «Чинука» с десантом морских пехотинцев и спецназа ЦРУ. Как оказалось, центр прикрывали с воздуха два «МиГа» советского производства, вооруженные ракетами «Сайдуиндер». После уничтожения цели вертолет Дорфа расправился с обоими.

Карим сел. Когда ему приходилось сидеть в кресле, нервы его были всегда натянуты до предела.

– Сэр, я понимаю, что нам пришлось дорого заплатить, и все же в свете успеха операции против «Дуджи» у вас чересчур мрачное настроение.

– Мартин, я уже оплакал погибших, – проворчал Старик, словно превозмогая боль. – И дело вовсе не в том, что я не испытываю облегчения – а также злорадства после того, как меня хорошенько поджарили в бункере Белого дома. – Его густые брови сошлись вместе. – Но, между нами, тут что-то не так.

Карим ощутил, что у него по спине пробежала неприятная дрожь. Он непроизвольно передвинулся на край кресла.

– Я вас не понимаю, сэр. Дорф подтвердил, что центр получил четыре прямых попадания, все с разных углов. Нет никаких сомнений, что он был полностью уничтожен, как и два неприятельских истребителя, прикрывавших его.

– Верно, – кивнул директор. – И все же…

Мысли Карима лихорадочно носились, исследуя возможности. Старик славится своим чутьем. Ему удалось удержаться так долго на этом месте исключительно благодаря тонкому чутью политика. Карим понял, что было бы неразумно пытаться просто успокоить директора.

– Не могли бы вы выразиться более определенно?..

Старик покачал головой:

– Мне самому хотелось бы этого.

– Сэр, наши разведданные оказались абсолютно достоверными.

Откинувшись назад, директор почесал подбородок.

– Меня гложет вот что. Почему «МиГи» пустили свои ракеты уже после того, как центр был уничтожен?

– Вероятно, они слишком поздно обнаружили цели. – Карим ступил на зыбкую почву, и он это прекрасно понимал. – Вы же сами слышали, что говорил Дорф: там был радиолокационный туман.

– Туман лежал на земле. А «МиГи» зашли сверху, РТ не должен был им мешать. Почему они *сознательно* дожидались уничтожения центра?

Карим постарался не обращать внимания на звон в ушах.

– Сэр, но это же совершенно бессмысленно.

– Все сразу же встает на свои места, если центр был муляжом, – сказал Старик.

Карим не мог допустить, чтобы у Старика или у кого бы то ни было в ЦРУ возникали подобные подозрения.

– Возможно, вы правы, сэр. Я об этом не думал. – Он встал. – Я немедленно займусь этим вопросом.

Проницательные глаза Старика сверлили его из-под косматых бровей.

– Сядь, Мартин.

В кабинете повисла тишина. Даже звуки торжества затихли; личный состав ЦРУ вернулся к своей напряженной работе.

– А что, если «Дуджа» хотела убедить нас в том, что мы уничтожили ее ядерный центр?

Разумеется, именно это и произошло на самом деле. Карим изо всех сил старался унять сердцебиение.

– Знаю, я сам сказал министру обороны Хэллидею о том, что Тим Хитнер был предателем, – упрямо продолжал Старик. – Однако из этого не следует, что я в это верю. Если моя догадка относительно подброшенной нам дезинформации окажется верной, вот другая версия: или Хитнера подставил настоящий предатель, или он был не единственным гнилым сучком на нашем дереве.

– Тут сплошные вопросы, сэр.

– Так устрани же их, Мартин. Пусть это станет твоей приоритетной задачей. Используй все имеющиеся средства.

Положив руки на стол, Старик встал. Его лицо было бледно-серым.

– Проклятие, Мартин, если террористы направили нас по ложному пути, это означает, что мы их не остановили. Наоборот, они близки к тому, чтобы нанести удар.

Мута ибн Азиз прибыл в Стамбул около полудня и сразу же направился к Незыму Хатуну. Хатуну принадлежала «Мираж-хаммам», турецкая баня, расположенная в районе Султанахмет. Она находилась в старом большом здании в переулке всего в пяти кварталах от Святой Софии, огромного храма, воздвигнутого императором Юстинианом в 532 году нашей эры. Поэтому баня никогда не испытывала недостатка в посетителях, а цены в ней были выше, чем в других районах города, не пользующихся вниманием туристов. Баня здесь была уже много лет – если точнее, она появилась задолго до рождения Незыма Хатуна.

Хатун гордился тем, что подкупил нужных людей и «Мираж-хаммам» была упомянута во всех путеводителях по Стамбулу. Баня приносила неплохой доход, особенно по турецким меркам. Однако мультимиллионером Хатуна сделала работа на Фади.

Хатун, человек ненасытного аппетита, обладал огромным круглым животом и свирепым лицом стервятника. Заглянувшему в его черные глаза становилось понятно, что душа его отравлена ядом, – и Фади этот яд разглядел и всячески лелеял и любовно подпитывал. У Хатуна было множество жен, но они все или умерли, или были сосланы в деревню. Его двенадцать детей, которых он любил и которым доверял, напротив, жили в Стамбуле. Именно они с удовольствием занимались всем, что было связано с баней. Хатун, чье сердце напоминало стиснутый кулак, был этому только рад. Как и Фади.

– Мерхаба, хабиби! – приветствовал Муту ибн Азиза Хатун, когда тот переступил порог его заведения. Расцеловав гостя в обе щеки, он провел его через украшенные мозаикой залы бани в личные покои. Там, посреди маленького внутреннего дворика, росла финиковая пальма, излюбленное детище Хатуна. Он лично привез ее из караван-сарая в Сахаре, хотя тогда пальма была еще крошечным ростком размером чуть больше пальца. Этому дереву Хатун уделял больше внимания, чем какой-либо из своих жен.

Они уселись в тени на прохладных каменных скамьях. Две дочери Хатуна принесли им сладкий чай и маленькие булочки. Затем одна из них подала кальян, и Хатун с Мутой ибн Азизом по очереди насладились дымом крепкого табака, пропущенным через ароматизированную воду.

Этот неспешный, отнимающий много времени ритуал на Востоке являлся неотъемлемой частью жизни. Знакомые демонстрируют друг другу взаимную вежливость и уважение, как и подобает культурным людям, и их отношения перерастают в крепкую дружбу. Еще и сегодня оставались такие люди, как Незым Хатун, которые соблюдали старые порядки, полные решимости поддерживать тусклый свет лампы традиций среди неонового сияния электронного века.

Наконец Хатун отодвинул кальян.

– Ты прибыл издалека, друг мой.

– Иногда, как тебе хорошо известно, древнейшие формы общения являются самыми надежными.

– Я это прекрасно понимаю, – кивнул Хатун. – Сам я каждый день пользуюсь сотовым телефоном, но говорю по нему только в самых общих выражениях.

– У нас нет никаких вестей от Евгения Федоровича.

Хатун сдвинул брови.

– Борну удалось уйти из Одессы живым?

– Мы этого не знаем. Но молчание Евгения очень тревожно. Легко понять, что Фади беспокоится.

Хатун развел руками. Они оказались на удивление маленькими, с изящными девичьими пальчиками.

– Как и я. Пожалуйста, не сомневайся, что я лично займусь Евгением Федоровичем.

Мута ибн Азиз кивнул.

– А до тех пор мы должны предполагать, что он нас выдал.

Незым Хатун задумался.

– Этот Борн – говорят, что он подобен хамелеону. Если он по-прежнему жив, если он найдет дорогу сюда, как я его узнаю?

– Фади пырнул его ножом к левый бок. Рана серьезная. И все тело у него покрыто синяками. Если Борн сюда придет, это произойдет в самое ближайшее время, возможно, даже сегодня.

От Незыма Хатуна не укрылось, что посланец нервничает. «Значит, замысел Фади осуществится совсем скоро», – рассудил он.

Встав, они прошли в личные покои, молчаливые, пышные, как и садик.

– Я останусь здесь до вечера и на всю ночь. Если Борн не пожалует сюда до завтрашнего утра, он вообще не появится. Ну а если все же придет, то будет уже слишком поздно.

Хатун кивнул. Значит, он не ошибся. Фади нанесет удар по Соединенным Штатам в ближайшие дни.

Мута ибн Азиз указал рукой:

– Вон там, в самом дальнем углу садика, стоит ширма. Я буду ждать за ней. Если Борн сюда придет, он обязательно захочет с тобой увидеться. Прими его, но во время беседы я пришлю за тобой одного из твоих сыновей, и мы с тобой переговорим кое о чем.

– Так, чтобы Борн смог подслушать. Я все понял.

Мута ибн Азиз шагнул к нему ближе, и его голос превратился в шелест бумаги.

– Я хочу, чтобы Борн понял, кто я такой. Я хочу, чтобы он узнал, что я возвращаюсь к Фади.

Незым Хатун кивнул:

– Он последует за тобой.

– Совершенно верно.

Джон Мюэллер сразу же понял, на чем прокололся Овертон, человек Лернера. Наблюдая за Анной Хельд, он без труда обнаружил ее «хвост». Между наблюдением и слежкой есть существенная разница: Мюэллера интересовало в первую очередь не то, чтобы таскаться повсюду за Хельд, а то, чтобы выявить тех, кто прикрывал ее от наружного наблюдения. И в этом он преуспел. Вначале Мюэллер предпочел вместо бинокля воспользоваться собственными глазами, чтобы увидеть ближайшее окружение Хельд под максимально возможным углом. Бинокль же позволял выхватить лишь маленький сектор. Однако и он пригодился, после того как Мюэллер установил человека, присматривавшего за Хельд.

На самом деле таковых оказалось трое; они дежурили круглосуточно, разбившись на три восьмичасовые смены. Мюэллера нисколько не удивило, что охрана Хельд настороже все двадцать четыре часа в сутки. Несомненно, своей неуклюжей слежкой Овертон напугал противников, вселив в них тревогу. Все это Мюэллер предвидел, и у него был готов план.

На протяжении двадцати четырех часов он наблюдал за телохранителями Хельд, отмечая их привычки, причуды, пристрастия, методы работы, чуть отличавшиеся друг от друга. Так, тот, что дежурил в ночную смену, вынужден был постоянно накачивать себя кофе, чтобы не заснуть, в то время как тот, что сменял его утром, постоянно болтал по сотовому телефону. Третий, дежуривший вечером, курил как одержимый. Мюэллер остановил свой выбор именно на нем, потому что постоянная нервозность делала его особенно уязвимым.

Понимая, что у него будет только один шанс, он решил максимально его использовать – а в том, что такой шанс рано или поздно представится, сомнений не было. Несколько часов назад Мюэллер угнал со стоянки электротехнической компании «Потомак» на Пенсильвания-авеню грузовик аварийной службы. И вот сейчас он сидел за рулем этого грузовика, наблюдая за тем, как Анна Хельд, выйдя из здания штаб-квартиры ЦРУ, садится в такси.

Такси тронулось с места, вливаясь в поток транспорта, но Мюэллер ждал, спокойный, как смерть. И действительно, вскоре он услышал, как оживает, кашляя, двигатель. От противоположной стороны улицы отъехал белый «Форд»-седан; вечерний дежурный последовал за такси,

пропустив вперед две машины. Только после этого Мюэллер втиснулся в плотный поток.

Через десять минут Хельд вышла из такси и пошла дальше пешком. Мюэллер догадался, что она направляется на встречу с кем-то. Улицы были запружены, поэтому телохранитель не мог следовать за ней на машине. Мюэллер сообразил это раньше телохранителя, поэтому свернул на Семнадцатую улицу и поставил грузовик под знаком, запрещающим стоянку, понимая, что грузовик аварийной службы никто не тронет.

Выскочив из кабины, он быстро подошел к тому месту, где притормозил у тротуара телохранитель. Спустившись на проезжую часть, Мюэллер обогнул машину и постучал в стекло водительской двери. Как только телохранитель опустил стекло, Мюэллер сказал: «Здорово, приятель», после чего усыпил его точным тычком кулака под левое ухо.

Болезненный удар в нервное сплетение надолго вывел телохранителя из строя. Мюэллер усадил потерявшего сознание мужчину за руль и шагнул на тротуар, не выпуская Хельд из виду.

Анна Хельд и Карим прогуливались по художественной галерее Коркорана на Семнадцатой улице. Впечатляющее собрание произведений искусств было размещено в белом мраморном здании георгианского стиля, которое знаменитый архитектор Фрэнк Ллойд Райт как-то назвал самым удачно спроектированным зданием в Вашингтоне. Карим остановился перед большим полотном художника из Сан-Франциско Роберта Бехтеля, работавшего в непонятном для него стиле фотореализма.

– Директор ЦРУ подозревает, что цель, по которой был нанесен удар, в действительности являлась муляжом, – сказал Карим. – Следовательно, он подозревает, что переговоры «Дуджи», перехваченные и дешифрованные «Тифоном», – это дезинформация.

Анна была потрясена.

– Чем порождены эти подозрения?

– Пилоты «МиГов» совершили роковую ошибку. Они выждали, пока американские «Чинуки» сровняют комплекс с землей, и лишь потом пустили ракеты. У них был приказ позволить американцам нанести удар, чтобы те поверили в успешное завершение операции, но они появились на месте слишком поздно. Все были уверены, что туман скроет комплекс от «Чинуков», однако американцы додумались разогнать его несущими винтами вертолетов. И вот теперь Старик хочет, чтобы я нашел канал утечки.

– Я полагала, тебе удалось повесить всех собак на Хитнера.

– Получается, я обманул всех, но только не Старика.

– Что будем делать? – спросила Анна.

– Сдвинем график вперед.

Анна украдкой огляделась по сторонам, заметно нервничая.

– Не беспокойся, – сказал Карим. – После того как мы зажарили Овертона, я приставил к тебе телохранителей. – Взглянув на часы, он направился к выходу. – Пошли. Сорайя Мор прилетает через три часа.

Джон Мюэллер сидел за рулем грузовика аварийной службы электротехнической компании «Потомак», стоявшего в квартале от галереи Коркорана. Теперь он уже не сомневался, что Анна Хельд здесь с кем-то встречается. Однако это обеспокоило бы Лернера, но только не его. После того как он разберется с Хельд, будет уже не важно, с кем она встречалась.

Увидев, как Хельд появилась из главного входа, Мюэллер тронулся. Впереди на пересечении Семнадцатой улицы с Пенсильвания-авеню был светофор. Когда Хельд спускалась по лестнице, он еще горел зеленым, но, когда Мюэллер подъехал к перекрестку, уже загорелся желтый. Впереди была еще одна машина. Заскрежетав коробкой передач и взревев двигателем, грузовик рванул вперед, обогнул машину, чуть зацепив ее, и проскочил перекресток на красный свет под аккомпанемент ругательств, недовольных криков и гудков.

Вдавив педаль акселератора в пол, Мюэллер направил грузовик прямо на Анну Хельд.

Звук пули крупного калибра, пробившей боковое стекло кабины грузовика, показался ему отдаленным колокольным звоном. У него не было времени сообразить, что на самом деле это что-то другое, потому что пуля вошла в висок и вышла с противоположной стороны, снеся при этом полчерепа.

За мгновение до того, как грузовик аварийной службы потерял управление, Карим схватил Анну за руку и рывком вернул ее на тротуар. Когда грузовик врезался в стоящие впереди машины, он быстрым шагом направился прочь от места столкновения, увлекая Анну за собой.

– Что случилось? – спросила та.

– Человек, сидевший за рулем грузовика, захотел сделать тебя жертвой случайного наезда.

– Что?

Кариму пришлось стиснуть ей руку, чтобы она не обернулась назад.

– Иди вперед, – сказал он. – Нам нужно уйти подальше от этого места.

В трех кварталах от Пенсильвания-авеню у обочины стоял черный «Линкольн Авиатор» с дипломатическими номерами. Двигатель тихо ворчал на холостых оборотах. Одним движением Карим открыл заднюю дверь и подтолкнул Анну внутрь. Сев в машину следом за ней, он закрыл дверь, и «Авиатор» тронулся с места.

– С тобой все в порядке? – спросил Карим.

Анна кивнула.

– Просто немного испугалась. Что произошло?

– Я устроил так, чтобы за тобой незаметно присматривали.

Спереди сидели водитель и еще один араб, похожие на сотрудников дипломатической миссии. Насколько понимала Анна, они *действительно* сотрудники дипломатической миссии одной из арабских стран. Какой именно, она не знала и не хотела знать. Как не хотела знать, куда они сейчас едут. В ее ремесле ненужная информация и неуместное любопытство могли стоить жизни.

– Я ознакомился с досье на Лернера, поэтому как только Старик открыл, что направил его в Одессу, я рассудил, что к тебе приставят кого-нибудь рангом повыше. И я оказался прав. Это был некий Джон Мюэллер, сотрудник Управления внутренней безопасности. Мюэллер и Лернер вместе шатались по борделям. Но самое любопытное здесь то, что Мюэллер был на побегушках у министра обороны Хэллидея.

– Из чего следует, что с большой вероятностью Лернер также работает на министра.

Кивнув, Карим подался вперед и попросил водителя сбавить скорость. Неподалеку завыли сирены полицейских, санитарных и пожарных машин.

– Похоже, Хэллидей решительно настроен на то, чтобы повысить роль Пентагона. Взять под свой контроль ЦРУ, перекроить его в соответствии с собственными нуждами. А мы можем воспользоваться хаосом, вызванным противостоянием различных ведомств.

К этому времени «Авиатор» выехал в северный пригород столицы. Обогнув северо-восточную оконечность парка Рок-Крик, машина наконец подъехала сзади к большому похоронному агентству, принадлежащему семейству выходцев из Пакистана.

Этому семейству принадлежало все здание благодаря деньгам, полученным от компании «Интегрейтед вертикал текнолоджиз», переправленным через одну из подставных фирм на Багамах и Каймановых островах, которые основал Карим, сменив на посту директора ИВТ своего отца. В результате здание изнутри было полностью выпотрошено и перестроено заново, в соответствиями с требованиями Карима.

Одно из этих требований заключалось в том, что здание приобрело свой собственный грузовой терминал. Больше того, для всех тех, кто имел дело с похоронным агентством, это *действительно* был грузовой терминал. Когда «Авиатор» подъехал к нему, вся средняя часть бетонной «стены» скользнула в нишу в полу, открывая ведущий вниз пандус. Машина спустилась в просторный подвал и остановилась. Все вышли из нее.

Вдоль стен громоздились бочки и ящики, перевезенные сюда из автомастерской «Эм-энд-Эн кузовные работы». Чуть дальше стоял черный «Линкольн»-лимузин со знакомыми номерными знаками.

Подойдя к нему, Анна провела пальцами по полированному металлу. Она повернулась к Джамилю.

– Откуда у вас машина Старика?

– Это точная копия, вплоть до бронированного корпуса и специальных пуленепробиваемых стекол. – Карим открыл заднюю дверь. – С одним-единственным отличием.

Как только открылась дверь, в салоне вспыхнул свет. Заглянув внутрь, Анна поразилась, насколько точно воспроизведена отделка, вплоть до темно-синего коврика на полу. У нее на глазах Карим приподнял угол коврика, который еще не был приклеен к полу. Перочинным ножом он приподнял покрытие, открывая то, что было внизу.

Все днище машины было плотно забито аккуратными брикетами серого вещества, похожего на глину.

– Совершенно верно, – подтвердил Карим, отвечая на резкий вдох со стороны Анны. – Здесь достаточно взрывчатки «Си-4», чтобы обрушить прочный фундамент здания штаб-квартиры ЦРУ.

Глава 26

Район, где Незым Хатун основал свое дело, был назван в честь султана Ахмета Первого, который в первом десятилетии семнадцатого века построил в центре Стамбула Голубую мечеть. В далеком прошлом город был столицей необъятной Византийской империи, которая в период

своего наивысшего расцвета простиралась от южных районов Испании до Болгарии и Египта.

И в наши дни Султанахмет не растерял своеобразие своей архитектуры, не перестающей поражать сердца людей. В центре района находится холм, на котором в древности был расположен ипподром, а сейчас высятся Голубая мечеть с одной стороны и Святая София, возведенная несколькими столетиями раньше, – с другой. Оба храма соединены небольшим парком. В настоящее время главной артерией района является проходящий неподалеку Акбиюк-Каддеси, проспект Белых Усов, упирающийся северным концом во дворец Топкапи. Вдоль широкой магистрали тянутся ряды магазинов, баров, кафе, ресторанов, а по средам утром здесь действует уличный базар.

Борна, затесавшегося в галдящую толпу, которая запрудила Акбиюк-Каддеси, нельзя было узнать. С ног до головы он был одет в традиционный турецкий наряд, подбородок скрывала густая борода.

Остановившись возле уличного торговца, Борн купил кунжутную лепешку и стаканчик кислого козьего молока и, принявшись за еду, огляделся по сторонам. Вокруг сновали сутенеры, занимаясь своим грязным ремеслом. Торговцы выкрикивали цены, расхваливая свой товар, покупатели с жаром торговались. Продавцы тут и там обманывали доверчивых туристов. И повсюду сотовые телефоны: бизнесмены решали с их помощью деловые вопросы, влюбленные щелкали друг друга на фоне местных достопримечательностей, подростки слушали оглушительную музыку, только что скачанную у операторов. Смех и слезы, счастливые улыбки и сердитые оклики. Бурлящее варево человеческих чувств озаряло проспект яркой неоновой вывеской, проникающей сквозь облака ароматного дыма, поднимающегося над многочисленными жаровнями, на которых шипели бараньи ноги и палочки румяного люля-кебаба.

Покончив с импровизированным обедом, Борн направился в магазин ковров и купил молитвенный коврик, добродушно поспорив с хозяином насчет цены. Он ушел, и оба остались довольны совершенной сделкой.

Голубая мечеть, к которой затем направился Борн с молитвенным ковриком под мышкой, окружена шестью стройными минаретами. Такое число является следствием ошибки. Султан Ахмет Первый приказал архитектору построить золотой минарет. По-турецки «золото» – «алтын», но архитектор истолковал слова султана неправильно и построил «алты» – шесть минаретов. Тем не менее султан Ахмет Первый остался доволен, потому что в те времена ни у какого другого правителя не было мечети с таким большим количеством минаретов.

Как и подобает столь значительному сооружению, мечеть имеет несколько дверей. Туристы заходят в нее в основном через северную

дверь, но правоверные мусульмане предпочитают пользоваться западной. Именно через эту дверь и вошел Борн. Оказавшись внутри, он тотчас же разулся и положил туфли в полиэтиленовый пакет, который ему протянул мальчишка-прислужник. Накрыв голову, он в каменном умывальнике сполоснул ноги, лицо, шею и руки. Пройдя босиком в мечеть, Борн расстелил на потертых мраморных плитах коврик и опустился на колени.

Изнутри мечеть, в соответствии с византийскими традициями, была покрыта тонкой росписью и затейливой резьбой. Над сводами сияли нимбы металлических светильников, огромные колонны были раскрашены голубыми и золотыми красками, четыре яруса потрясающих витражей поднимались к самому верху центрального купола. Перед подобной красотой не могло устоять ни одно сердце.

Борн прочитал молитву, прикоснувшись лбом к только что купленному коврику. В своей молитве он был совершенно искренен, чувствуя многовековую историю, высеченную в камне и мраморе, отлитую в золотых листьях, скрытую в ляпис-лазури, которой была отделана мечеть. Духовность приходит во многих обличьях, называется различными именами, но все они взывают напрямую к сердцу на языке древнем как мир.

Закончив, Борн встал и скатал коврик. Он задержался в мечети, наслаждаясь царящей в ней тишиной. Слабый шелест шелка и хлопка, тихий гул молитв, фон голосов, разговаривающих почтительным шепотом, – все человеческие звуки и шорохи собирались под величественным куполом мечети, кружась там, словно гранулы сахара в крепком кофе, чуть заметно изменяя вкус.

Однако на самом деле внешне сосредоточенный на священных размышлениях Борн украдкой оглядывал тех, кто заканчивал молиться. Он заметил, как один старик с тронутой сединой бородой скатал свой коврик и медленно направился к рядам обуви. Борн нагнал его как раз тогда, когда старик начал обуваться.

Старик, поправляя туфли сморщенной рукой, посмотрел на Борна.

– А вы новенький, уважаемый, – произнес он по-турецки. – Я вас здесь раньше не видел.

– Я только что приехал в Стамбул, отец, – почтительно улыбнулся Борн.

– И что же привело тебя в наш прекрасный город, сын мой?

Они направились к западной двери.

– Я ищу родственника, – сказал Борн. – Человека по имени Незым Хатун.

– Имя распространенное, – заметил старик. – Тебе известно еще что-нибудь о нем?

– Только то, что у него здесь дело, какое – не знаю, – ответил Борн. – Здесь, в Султанахмете.

– А, в таком случае, возможно, я смогу тебе помочь. – Выйдя на солнце, старик прищурился. – Есть здесь один Незым Хатун, который вместе со своими двенадцатью детьми содержит баню «Мираж-хаммам» на Байрамфирини-Сокак, это улица неподалеку отсюда. Найти ее будет совсем несложно.

Байрамфирини-Сокак – улица Праздничной Печи, проходящая параллельно Акбиюк-Каддеси, оказалась чуть спокойнее столпотворения главных магистралей Стамбула. И все же резкие, пронзительные крики продавцов, распевный речитатив уличных торговцев съестным, особая жалобно-настойчивая мелодия споров относительно цены окутывали узкую улочку плотным туманом. Байрамфирини-Сокак, крутая, словно горный склон, спускалась вниз до самого Мраморного моря. Среди лавок и постоялых дворов находилась и баня, принадлежащая Незыму Хатуну, человеку, который по заданию Фади нанял Евгения Федоровича, чтобы тот заманил Борна в смертельную ловушку на одесском пляже.

Массивная деревянная дверь бани была покрыта резьбой с византийскими мотивами. По обе стороны от нее стояли две огромные каменные вазы, в которых когда-то хранилось масло для светильников. В целом вход выглядел очень впечатляющим.

Борн засунул свой кожаный рюкзачок за левую вазу. Затем открыл дверь и вошел в тускло освещенный передний дворик. Тотчас же гул города исчез и Борна окружила обволакивающая тишина заснеженного леса. Ему потребовалось время, чтобы его слух приспособился к обстановке. Оглядевшись по сторонам, Борн обнаружил, что находится на восьмиугольной площадке, посреди которой журчит изящный фонтан. Стройные колонны поддерживали резные каменные арки, за которыми открывались тенистые внутренние дворики и тихие коридоры, освещенные неяркими лампами.

Это было похоже на вход в мечеть или средневековый монастырь. Как и повсюду в мусульманских странах, архитектура поражала своей красотой. Поскольку ислам запрещает изображать лик Аллаха и вообще все живое, мусульманским художникам приходится вкладывать свой талант в само здание и его отделку.

И не случайно баня своим внешним обликом напоминала мечеть. И то и другое является местом преклонения, открытым для всех. Поскольку в

исламе важное значение имеет очищение тела, баня занимает в жизни правоверного мусульманина особое место.

Навстречу Борну вышел массажист – молодой парень с волчьим лицом.

– Мне бы хотелось встретиться с Незымом Хатуном. У нас с ним есть общий деловой партнер, Евгений Федорович.

Парень никак не отреагировал на это имя.

– Я посмотрю, свободен ли мой отец.

Пройдя таможенный контроль Вашингтонского международного аэропорта, Сорайя собралась было включить сотовый телефон, но тут увидела Анну Хельд, махавшую рукой. Сорайя ощутила прилив облегчения, обнявшись с подругой.

– Как хорошо, что ты вернулась, – сказала Анна.

Сорайя огляделась по сторонам.

– За тобой никто не следил?

– Разумеется, нет. Я в этом убедилась.

Женщины направились к выходу из аэропорта. У Сорайи неприятно покалывали нервы. Одно дело работать в окружении врагов, и совсем другое – возвратиться домой, зная, что в твое гнездо забралась ядовитая змея. Как и подобает хорошему актеру, Сорайя начала работать над своими чувствами, вызывая в памяти тот день, когда прямо у нее на глазах ее любимый пес Рейнджер попал под машину. «Ага, отлично, – подумала она, – вот и слезы появились».

Лицо Анны затуманилось беспокойством.

– В чем дело?

– Джейсон Борн погиб.

– Что? – Оглушенная этим известием, Анна застыла на месте, не обращая внимания на сплошной поток людей. – Как это произошло?

– Как выяснилось, Старик отправил по следу Борна Лернера, своего личного убийцу. Они сошлись в смертельной схватке и в конце концов погибли оба. – Сорайя тряхнула головой. – Я вернулась сюда, чтобы наблюдать за человеком, который выдает себя за Мартина Линдроса. Рано или поздно он обязательно совершит ошибку.

Анна схватила ее за руку.

– Ты уверена, что это правда? Я имею в виду Линдроса? Он только что провел блестящую операцию против ядерного центра «Дуджи» на юге Йемена. Центр был полностью уничтожен.

С лица Сорайи схлынула кровь.

– О боже, я была права! Вот почему террористы потратили столько сил, чтобы проникнуть в ЦРУ. Если операцией занимался лже-Линдрос, можно не сомневаться, черт побери, что центр был муляжом. И наше руководство совершило страшную ошибку, поверив в то, что с угрозой покончено.

– В таком случае чем раньше мы приедем в штаб-квартиру, тем лучше, ты согласна?

Обхватив Сорайю за плечи, Анна быстро вывела ее через управляемые электроникой двери в промозглую сырость вашингтонской зимы. Отсветы от монументов, залитых ярким светом прожекторов, высекали величественный рисунок на низких черных тучах. Анна провела Сорайю к служебному «Понтиаку»-седану и села за руль.

Они присоединились к длинной веренице машин, движущихся по кругу, словно косяк рыбы вокруг рифа, направляясь к выходу. Когда «Понтиак» наконец выехал на шоссе, ведущее в Вашингтон, Сорайя, подавшись вперед, взглянула в боковое зеркало. Это уже давно вошло у нее в привычку. Молодая женщина поступала так машинально, независимо от того, находилась или нет на оперативной работе. Увидев позади черный «Форд», Сорайя не придала этому никакого значения до тех пор, пока снова не посмотрела назад. «Форд» ехал следом по правой полосе, пропустив вперед одну машину. Пока что делать какие-либо предположения было рано, но когда Сорайя, оглянувшись в третий раз, убедилась, что черный «Форд» никуда не делся, она поняла, что их преследуют.

Она повернулась к Анне, чтобы ее предупредить, и увидела, что та бросила взгляд в зеркало заднего вида. Несомненно, она тоже заметила черный «Форд». Однако Анна ни словом не обмолвилась об этом и не предприняла никаких маневров, чтобы оторваться от слежки. Сорайя почувствовала, что у нее внутри все сжалось в тугой комок. Она попыталась успокоиться, напомнив себе, что Анна, в конце концов, секретарша Старика. Привыкшая к кабинетной работе, она не обладает даже азами оперативного чутья.

Сорайя кашлянула, привлекая внимание подруги.

– Анна, кажется, за нами слежка.

Включив сигнал поворота, Анна перестроилась в крайний правый ряд.

– Тогда лучше сбросить скорость.

– Что? Да нет же! Что ты делаешь?

– Если «хвост» тоже сбросит скорость, мы убедимся в том…

– Нет, наоборот, нужно прибавить скорость, – возразила Сорайя. – Постараться как можно быстрее оторваться от погони.

– Я хочу посмотреть, кто находится в этой машине, – сказала Анна, сворачивая к обочине и замедляясь.

– Да ты с ума сошла!

Сорайя потянулась было к рулевому колесу и отпрянула назад, увидев в руке у Анны компактный «смит-вессон».

– Черт возьми, ты что?

Выехав на обочину, «Понтиак» медленно катился к стальному ограждению.

– После всего того, что ты мне рассказала, я решила не выходить из управления безоружной.

– Ты хоть умеешь им пользоваться?

Черный «Форд», свернув с шоссе, остановился сзади. Из него вышли двое смуглых черноволосых мужчин и направились к «Понтиаку».

– Я каждый месяц хожу в тир, – сказала Анна, приставив дуло «смит-вессона» Сорайе к виску. – А теперь вылезай из машины.

– Анна, что ты?..

– Делай, как я говорю.

Сорайя кивнула:

– Хорошо.

Отодвинувшись к двери, она взялась за ручку. Увидев, что Анна на мгновение перевела взгляд на дверь, Сорайя левой рукой отбила револьвер вверх. Прогремел выстрел, пуля пробила дыру в крыше «Понтиака».

Согнув руку в локте, Сорайя ударила Анну в лицо. Встревоженные звуком выстрела, мужчины бросились к «Понтиаку». Увидев их, Сорайя быстро перегнулась через обмякшее тело Анны, открыла дверь и вытолкнула ее из машины.

В тот самый момент, когда мужчины с пистолетами в руках подбежали к «Понтиаку» сзади, Сорайя скользнула за руль, включила передачу и надавила на педаль газа. Визжа покрышками и оставляя дым от горелой резины, она рванула вдоль по обочине и, заметив просвет в потоке машин, выехала на шоссе. Последнее, что она успела увидеть, были двое мужчин, бегущих к своему «Форду», однако руки ее, сжимающие рулевое колесо, задрожали не от этого: заботливо поддерживая Анну Хельд, мужчины усадили ее на заднее сиденье своей машины.

Незым Хатун возлежал под шелестящей листвой своей любимой финиковой пальмы на резной деревянной скамье, обложившись обилием мягких шелковых подушек. Отправляя один за другим свежие финики в рот, он задумчиво жевал сочную мякоть, затем выплевывал белые острые косточки в мелкий бассейн. По правую сторону от него стоял маленький восьмиугольный столик с чеканным серебряным подносом, на котором стояли чайник и два крохотных стеклянных стаканчика.

Когда его сын привел Борна – который перед тем как войти в баню оторвал накладную бороду – в тень пальмы, Хатун повернул к нему свое бесстрастное лицо. Однако его миндальные глаза наполнились любопытством.

– Мерхаба, друг мой.

– Мерхаба, Незым Хатун. Меня зовут Абу Бекр.

Хатун почесал свою крошечную остроконечную бородку.

– Вас назвали в честь спутника пророка Мухаммеда.

– Приношу тысячу извинений за то, что нарушил спокойствие вашего великолепного сада.

Незым Хатун кивнул, показывая, что оценил учтивость гостя.

– Мой сад – не более чем жалкий клочок земли. – Отпустив сына, он жестом указал на стол: – Друг мой, прошу вас присоединиться ко мне.

Борн раскатал молитвенный коврик так, чтобы шелковые нити блеснули в лучах солнца, пробивающихся сквозь листву пальмы.

Скинув похожую на шлепанец туфлю, Хатун поставил босую ногу на коврик.

– Прекрасный образчик мастерства ткача. Благодарю вас, друг мой, за вашу неожиданную щедрость.

– Мой подарок недостоин вас, Незым Хатун.

– О, знаете, Евгений Федорович никогда не дарил мне ничего подобного. – Его глаза пронзили Борна насквозь. – И как поживает наш общий друг?

– Когда мы с ним расставались, – ответил Борн, – он находился в весьма затруднительном положении.

Лицо Хатуна превратилось в камень.

– Я понятия не имею, о чем вы говорите.

– В таком случае позвольте вас просветить, – тихо промолвил Борн. – Евгений Федорович сделал все в точности так, как вы поручили. Откуда мне это известно? Потому что именно я отвел Борна на пляж Отрада, я заманил его в западню, расставленную Фади. Я сделал то, для чего меня нанял Евгений Федорович.

– Вот что меня смущает, Абу Бекр. – Хатун подался вперед. – Евгений Федорович ни за что не нанял бы для подобной работы турка.

– Разумеется. Такой человек вызвал бы у Борна подозрение.

Хищные глазки Хатуна пытливо всмотрелись в лицо Борна.

– Итак, остается вопрос: кто вы такой?

– Меня зовут Богдан Ильич, – представился Борн, назвавшись именем человека, которого убил на пляже Отрада. Он надел на зубы накладки, купленные в театральном магазине на Бейоглы. Как следствие, форма подбородка и щек существенно изменилась. Передние зубы, выступающие вперед, стали кривыми.

– Для украинца вы великолепно владеете турецким языком, – с нескрываемым презрением произнес Хатун. – Полагаю, хозяин прислал вас за второй половиной оплаты.

– Евгению Федоровичу теперь деньги вряд ли понадобятся. Что же касается меня, я хочу получить честно заработанное.

По лицу Незыма Хатуна разлилось какое-то непонятное чувство. Налив в стаканчики горячий сладкий чай, он протянул один Борну.

Когда оба пригубили чай, Хатун заметил:

– Наверное, рана в левом боку вас сильно беспокоит.

Борн взглянул на пятна крови на одежде.

– Пустяки, царапина.

Незым Хатун собирался ответить, но тут появившийся сын, тот самый, который привел Борна, подал ему молчаливый знак.

Хатун встал.

– Прошу прощения, я оставлю вас на минутку. Нужно довести до конца одно неотложное дело. Уверяю вас, это ненадолго.

Пройдя следом за сыном в арку, он скрылся за резной деревянной ширмой.

Выждав немного, Борн встал и прошелся по садику, словно любуясь им. При этом он прошел в ту же самую арку и остановился перед ширмой. Ему стали слышны приглушенные голоса двух мужчин. Одним из них был Незым Хатун. Другим...

– ...только через посланника, Мута ибн Азиз, – говорил Незым Хатун. – Как ты не раз говорил, на заключительной стадии меньше всего хотелось бы, чтобы наши переговоры по сотовому телефону были перехвачены. Однако вот сейчас ты говоришь, что только что пользовался телефоном.

– Эта новость имеет жизненно важное значение для нас обоих, – возразил Мута ибн Азиз. – Фади связывался со своим братом. Джейсон Борн мертв. – Мута ибн Азиз шагнул к своему собеседнику. – А в этом случае твоя роль в нашем деле закончена. – Обняв Хатуна, Мута ибн Азиз расцеловал его в обе щеки. – Я уезжаю сегодня вечером ровно в двадцать ноль-ноль. Я отправляюсь прямиком к Фади. Теперь, когда Борна больше нет в живых, никаких проволочек не будет. Начинается эндшпиль.

– Ла ила ил-алла, – выдохнул Хатун. – А сейчас пойдем, друг мой. Я провожу тебя.

Развернувшись, Борн бесшумно проскользнул через сад, свернул в боковой коридор и покинул баню.

Сорайя, утопив педаль газа в пол, понимала, что попала в беду. Присматривая в зеркало заднего вида за «Фордом», она достала сотовый телефон и включила его. Ожив, аппарат встретил ее мягкой трелью. В ящике речевой почты было одно сообщение. Заглянув туда, Сорайя услышала предостережение Борна относительно Анны Хельд.

Она ощутила во рту горький привкус. Значит, именно Анна и есть предательница. «Сучка! Как же она могла? – Сорайя в сердцах ударила кулаком по рулевому колесу. – Чтоб ей пусто было!»

Убирая сотовый телефон, она услышала скрежет металла, ощутила сильнейший толчок, и ей пришлось выкрутить руль, чтобы «Понтиак» не врезался в едущий по соседней полосе грузовик.

– Какого черта!..

«Линкольн Авиатор», огромный и зловещий, словно танк «Абрамс», зацепил «Понтиак» сбоку. Теперь он был впереди. Без предупреждения мощный джип резко затормозил, и Сорайя врезалась ему в зад. Стоп-сигналы у «Авиатора» не работали – или же были умышленно отключены.

Крутанув руль, Сорайя перестроилась в другой ряд и поравнялась с «Авиатором». Она заглянула внутрь, стараясь рассмотреть, кто сидит за рулем, однако стекла оказались настолько сильно тонированными, что ей не удалось различить даже силуэт.

«Авиатор» снова рванул вперед, сминая «Понтиаку» правые двери. Нажав кнопки опускания стекол, Сорайя обнаружила, что они не работают. Сменив правую ногу на педали газа левой, Сорайя каблуком правой ноги что есть силы ударила в помятую дверь. Та тоже не поддалась, заклинив намертво. Объятая тревогой, Сорайя снова уселась прямо. Сердце ее стремительно колотилось, в висках стучала кровь.

«Авиатор» устремился вперед, петляя в потоке машин, и вскоре скрылся из вида. Сорайя поняла, что ей необходимо свернуть с шоссе. Она стала смотреть на дорожные знаки. До ближайшего съезда оставалось две мили. Обливаясь потом, Сорайя перестроилась в крайний правый ряд, чтобы быть готовой свернуть с шоссе.

В этот самый момент «Авиатор» внезапно с ревом налетел слева, сминая двери с другой стороны. Очевидно, он сознательно затерялся в потоке машин, чтобы настигнуть «Понтиак» сзади. Сорайя нажала на кнопку управления стеклом, попыталась повернуть ручку, но и здесь теперь все заклинило. Двери не открывались, стекла не опускались. Она оказалась надежно запертой в несущемся «Понтиаке».

Глава 27

Достав из-за вазы свой рюкзак, Борн быстро и бесшумно обошел вокруг бани, ища переулок, в который выходила дверь черного хода заведения Незыма Хатуна. Отыскав его без труда, он увидел выходящего мужчину.

Это был посланник Мута ибн Азиз, человек, который должен был отвести его к Фади.

На ходу Борн открыл рюкзак, достал баночку с клеем и прилепил бороду на место. Вернув себе семитский облик, он последовал за Мутой ибн Азизом в шумную толчею Султанахмета. Почти сорок минут Борн шел следом за ним. За все это время Мута ибн Азиз ни разу не остановился, ни разу не оглянулся по сторонам. Не вызывало сомнения, что он знает, куда идет. На запруженных улицах района, в плотной толпе, движущейся, казалось, сразу во всех направлениях, не выпустить Муту

ибн Азиза из вида было нелегко. С другой стороны, беспорядочная людская суета играла Борну на руку, позволяя ему оставаться незамеченным. Даже если объект наблюдения скрытно всматривался в отражения в стеклах машин и витринах магазинов, он все равно не смог бы обнаружить слежку. Покинув Султанахмет, они прибыли в Эминону.

Наконец впереди показалась увенчанная куполом громада вокзала Сиркечи. Неужели Мута ибн Азиз поедет на встречу с Фади на поезде? Но нет, Борн увидел, что он прошел мимо главного входа и направился быстрым шагом дальше.

Они с Борном обогнули большую толпу туристов, окруживших троих мевлеви, кружащихся дервишей, которые под заунывную мелодию древних исламских песнопений вращались в вихре бешеной пляски, разметав длинные белые одежды. От мевлеви разлетались крупные капли пахнущего шафраном и миртом пота. Казалось, сам воздух вокруг них живет неведомой тайной, позволяющей на миг взглянуть на другой мир, перед тем как он снова исчезнет.

Напротив вокзала находился причал Адалар-Искелеси. Смешавшись с группой туристов из Германии, Борн украдкой наблюдал за тем, как Мута ибн Азиз купил билет до Буюкады, только в один конец. Судя по всему, рассудил Борн, он покинет остров каким-нибудь другим способом, скорее всего морем. Но куда он направится? Это не имело значения, потому что Борн был полон решимости оказаться на том самом транспортном средстве, которым воспользуется Мута ибн Азиз, направляясь к Фади.

На время вопрос о том, как выбраться из помятого «Понтиака», отошел на второй план. В первую очередь Сорайю волновало, как оторваться от не отстающего ни на дюйм «Авиатора». Над головой мелькнул знак, предупреждающий о следующем съезде с шоссе, и Сорайя приготовилась. Увидев уходящие вправо две полосы, она свернула на левую. «Авиатор», шедший на расстоянии половины длины машины от «Понтиака», последовал за ним. Впереди обе полосы были заняты машинами, но быстрый взгляд в зеркало заднего вида показал Сорайе промежуток в транспортном потоке, на что она рассчитывала. Теперь все зависело только от того, выдержит ли подвеска «Понтиака» испытание, которому Сорайя собралась ее подвергнуть.

Она резко выкрутила рулевое колесо. «Понтиак» пошел юзом, выезжая на правую полосу съезда. Прежде чем «Авиатор» успел отреагировать должным образом, Сорайя включила заднюю передачу и надавила на газ.

Она пронеслась мимо «Авиатора», который, перестраиваясь на правую полосу, зацепил фару «Понтиака» своим массивным задом. Но Сорайя

уже выезжала на полной скорости задом обратно на шоссе. Послышался нестройный хор гудков, криков, а также визг тормозов машин, спешивших уйти с ее пути.

Настойчиво сигналя, «Авиатор» тоже поехал назад следом за ней. Но у самого выезда на шоссе какой-то водитель на серой «Тойоте», запаниковав, дернулся назад и врезался в ехавшую следом машину. С оторванным бампером, среди брызнувшего битого стекла, «Тойота» развернулась боком, загородив обе полосы и надежно перекрыв дорогу «Авиатору».

Вырулив на полосу торможения шоссе, Сорайя включила переднюю передачу и рванула в направлении Вашингтона.

– Протаранить «Тойоту» и спихнуть ее с дороги будет проще простого, – предложил водитель «Авиатора».

– Не стоит мараться, – ответил мужчина на заднем сиденье. – Пусть сучка уезжает.

Хотя они были дипломатами, сотрудниками посольства Саудовской Аравии, все они также принадлежали к глубоко законспирированной вашингтонской ячейке Карима аль-Джамиля. Когда «Авиатор» наконец въехал в черту города, мужчина на заднем сиденье включил приемник Джи-пи-эс. Тотчас же на экране появился схематический план пригородов Вашингтона, по которым передвигалась светящаяся точка. Мужчина достал сотовый телефон и набрал номер.

– Объект выскользнул из петли, – сказал он. – Он едет на «Понтиаке», который мы оборудовали электронными маячками. Объект движется в направлении вас. Судя по его скорости, в зоне вашей видимости он окажется секунд через тридцать.

Мужчина на заднем сиденье стал терпеливо ждать, и наконец водитель черного «Форда» ответил:

– Есть! Похоже, наша подруга направляется на северо-восток.

– Следуйте за ней, – приказал мужчина на заднем сиденье. – Вы знаете, что делать.

Во время паромной переправы на остров Буюкада Борн завел разговор с семейством китайских туристов. Он говорил на пекинском диалекте китайского, шутил с детьми, показывал достопримечательности остающегося позади Стамбула, рассказывал о многовековой истории города. При этом он не выпускал из виду Муту ибн Азиза.

Посланник Фади держался в полном одиночестве, застыв у ограждения, уставившись на темнеющее вдалеке пятно суши, к которому направлялся паром. Так он стоял, не двигаясь с места, не оглядываясь по сторонам.

Наконец Мута ибн Азиз оторвался от созерцания моря и направился в кабину. Извинившись перед китайцами, Борн последовал за ним. Он увидел, что посланник Фади заказывает в кафе чай. Подойдя к стойке, Борн принялся перебирать открытки и путеводители. Остановив свой выбор на плане Буюкады и окрестностей, он ухитрился оказаться возле продавца как раз перед Мутой ибн Азизом. Он обратился к продавцу по-арабски. Усатый мужчина с золотым крестиком на шее покачал головой и ответил по-турецки. Борн показал жестом, что не понимает.

Повернувшись к Борну, Мута ибн Азиз сказал:

– Прошу прощения, друг мой, но этот грязный неверный просит заплатить за карту.

Борн достал пригоршню монет. Набрав нужную сумму, Мута ибн Азиз протянул деньги продавцу. Дождавшись, когда он расплатится за свой чай, Борн сказал:

– Благодарю вас, друг мой. Боюсь, турецкий язык звучит для меня все равно что хрюканье.

Мута ибн Азиз рассмеялся.

– Меткое сравнение. – Он сделал жест, и они поднялись на палубу.

Борн прошел следом за посланником Фади к ограждению. Яркое солнце боролось с пронизывающим ветром, дувшим со стороны Мраморного моря. По сочной синеве зимнего моря неслись рваные клочки перьевых облаков.

– Все христиане – свиньи, – заметил Мута ибн Азиз.

– А евреи – обезьяны, – добавил Борн.

– Мир тебе, брат мой. Вижу, мы учились по одним и тем же учебникам.

– Священный джихад во имя Аллаха – высшая точка ислама, – ответил Борн. – Эту прописную истину я усвоил без учителей. По-моему, я уже появился на свет, зная ее.

– Как и я, ты ваххабит. – Мута ибн Азиз краем глаза смерил его взглядом. – Как мы торжествовали успех в прошлом, когда, объединившись с мусульманами, изгнали крестоносцев из Палестины, так и в наши дни мы одержим победу над современными крестоносцами, захватившими наши земли.

Борн кивнул:

– Мы мыслим одинаково, брат мой.

Мута ибн Азиз пригубил чай.

– Брат мой, толкнули ли эти справедливые мысли тебя на действие? Или же ты только философствуешь в кафе и чайханах?

– В Шарм-эль-Шейхе и в секторе Газа я проливал кровь неверных.

– Геройство одиночек достойно самой высокой похвалы, – задумчиво промолвил Мута ибн Азиз, – однако чем могущественнее организация, тем больший урон может она нанести врагу.

– Совершенно верно. – «Пора забросить удочку», – решил Борн. – Снова и снова мне приходят мысли о том, чтобы вступить в «Дуджу», но меня неизменно останавливает одно и то же соображение.

Бумажный стаканчик застыл на полпути к губам Муты ибн Азиза.

– И какое же?

«Не так быстро, не так быстро», – остановил себя Борн.

– Не знаю, можно ли быть с тобой откровенным, брат мой. В конце концов, мы только что познакомились. Твои намерения…

– Такие же, как твои, – с неожиданной поспешностью заверил его Мута ибн Азиз. – Положись на мое слово.

Но Борн продолжал колебаться.

– Брат мой, разве мы не разделяем одну и ту же философию? Разве у нас не одни и те же взгляды на мир, на будущее?

– Ну да, конечно. – Борн поджал губы. – Ну хорошо, брат. Но предупреждаю тебя, что если ты был неискренен относительно своих намерений, клянусь, я это выясню, и ты не уйдешь от справедливого возмездия.

– Ла ила ил-алла. Каждое мое слово является истинной правдой.

Борн сказал:

– В Лондоне я учился в школе вместе с предводителем «Дуджи».

– Не знаю…

– Пожалуйста, я не собираюсь называть вслух настоящее имя Фади. Однако мне известны кое-какие подробности о его семье, скрытые от остальных.

Любопытство Муты ибн Азиза, прежде деланое, стало искренним.

– И почему же эти знания мешают тебе примкнуть к «Дудже»?

– Понимаешь, все дело в отце Фади. Или, точнее, в его второй жене. Она англичанка. Что хуже, она христианка. – Борн покачал головой. Свирепое выражение его лица подчеркнуло смысл сказанных им слов. – Правоверному мусульманину запрещено дружить с человеком, который не верит в истинного бога и его пророка. Однако этот человек женат на неверной, совокуплялся с ней. И порождением этой связи стал Фади. Скажи мне, брат, как я могу идти за подобным выродышем? Как я могу ему верить, когда у него в душе таится дьявол?

Мута ибн Азиз был поражен.

– Однако Фади сделал так много для нашего дела…

– Отрицать это нельзя, – согласился Борн. – Но мне кажется, что если говорить языком крови – от которого, как известно, нельзя отмахнуться, – Фади подобен тигру, которого забрали из джунглей, привезли в новую среду и с любовью приручили приемные родители. Однако это лишь вопрос времени – когда тигр покажет свою истинную сущность, бросится на тех, кто его вскормил, и безжалостно с ними расправится. – Он снова покачал головой, на этот раз изображая скорбь. – Пытаться перевоспитать тигра – смертельная ошибка, брат мой. Тут не может быть никаких сомнений.

Отвернувшись, Мута ибн Азиз угрюмо уставился в море, где над водой поднималась Буюкада, подобная Атлантиде или острову давно забытого халифа, застывшему во времени. Ему хотелось возразить своему собеседнику, но он почему-то не мог найти подходящие слова. «Вдвойне печально, – думал он, – услышать правду из уст этого человека».

Мысли Сорайи лихорадочно носились, причем это было следствием не столько отчаянного бегства от «Линкольна Авиатор», сколько известием о предательстве Анны Хельд. У нее стыла кровь в жилах. О господи, сколько всего подлая изменница выдала на протяжении многих лет? Сколько секретов она передала «Дудже»?

Сорайя вела свой гроб на колесах куда глаза глядят. Краски дня казались перенасыщенными, вибрировали странным пульсом, который придавал машинам, улицам, зданиям и даже облакам над головой незнакомый, угрожающий, злобный вид. Все естество молодой женщины оказалось в плену у жуткой правды.

Голова у нее раскалывалась от мыслей о возможной катастрофе, тело дрожало, откликаясь на схлынувшую волну адреналина.

Ей нужно остановиться, собраться с мыслями, определить, каким будет следующий шаг. Ей необходим союзник здесь, в Вашингтоне. Сорайя подумала было о своей подруге Ким Ловетт, но тотчас же отказалась от этой мысли. Во-первых, ситуация слишком опасная, чтобы втягивать Ким. Во-вторых, про эту дружбу известно в ЦРУ, и в первую очередь – Анне Хельд.

Ей требовался кто-то, о существовании кого в ЦРУ не подозревали. Достав сотовый телефон, Сорайя набрала номер Дерона, моля бога о том, чтобы тот вернулся из Флориды, где гостил у своего отца. У нее в душе все оборвалось, когда включился ящик речевой почты.

«Где он сейчас?» – в отчаянии спросила себя Сорайя. Ей нужна тихая гавань, чтобы укрыться от надвигающейся бури, и нужна прямо сейчас. И тут, отгоняя прочь подступающую панику, она вспомнила Тайрона. Конечно, он еще подросток, но Дерон верит ему настолько, что поручил собственную безопасность. Это Тайрон предупредил ее о том, что за ней следили. И все же, даже если Тайрон согласится ей помочь, при условии, что она решится ему довериться, как, черт побери, с ним связаться?

Тут Сорайя вспомнила, как молодой негр сказал ей, что любит слоняться рядом со стройкой. Но где же? Она принялась лихорадочно рыться в памяти.

«Там, на Флорида-авеню, возводят небоскребы. Я мотаюсь туда при любой возможности, чтобы взглянуть, что к чему, понимаешь?»

Впервые Сорайя обратила внимание на то, где находится. Это был Северо-восточный сектор, то самое место, которое ей нужно.

Буюкада является самым большим из Принцевых островов, названных так потому, что в древности византийские императоры ссылали на эту цепочку островов принцев, провинившихся или вызвавших недовольство. На протяжении трех лет Буюкада была домом Льва Троцкого, который написал здесь «Историю русской революции».

Вследствие своего неприглядного прошлого острова на протяжении многих лет оставались пустынными – одно из многих кладбищ в кровавой истории Оттоманской империи. Однако в наши дни Буюкада, покрывшись красивыми парками с тенистыми аллеями и особняками в пышном поздневизантийском барокко, превратилась в живописный уголок, излюбленное место отдыха богачей.

Борн и Мута ибн Азиз сошли с парома вместе. На пристани они обнялись и пожелали друг другу милость и расположение Аллаха.

– Ла ила ил-алла, – сказал Борн на прощание.

– Ла ила ил-алла, – ответил посланник Фади.

Проследив, в какую сторону он направился, Борн развернул план острова. Чуть повернув голову, он краем глаза наблюдал за Мутой ибн Азизом. Тот взял напрокат велосипед. Поскольку автомобильное движение на Бутокаде запрещено, передвигаться по острову можно одним из трех способов: на велосипеде, на повозке, запряженной лошадью, и на своих двоих. Однако остров был достаточно обширным, чтобы ходить по нему только пешком.

Выяснив, какой транспорт выбрал Мута ибн Азиз, Борн продолжил изучать план. Ему было известно, что посланник Фади покинет остров ровно в восемь часов вечера, однако откуда именно и каким способом – оставалось загадкой.

Войдя в магазин проката, Борн выбрал велосипед с корзиной на руле. Конечно, в скорости он уступал тому, на котором уехал Мута ибн Азиз, однако корзина была нужна, чтобы положить рюкзак. Заплатив вперед, Борн повернул в ту сторону, куда удалился посланник Фади, и начал подъем в глубь острова.

Когда пристань скрылась из виду, Борн слез с велосипеда и в тени пальмы достал из рюкзака приемник, ловящий сигналы НЭМа, наноэлектронного маячка, который в свое время закрепила на нем Сорайя, чтобы следить за его перемещениями. Сам Борн закрепил НЭМ на Муте ибн Азизе, когда они обнимались на пристани. В таком месте, где нет машин, следить незаметно за посланником Фади на велосипеде было бы невозможно.

Включив приемник, Борн ввел свои координаты и увидел на экране точку, обозначающую его собственное местонахождение. Затем он нажал другую кнопку и вскоре обнаружил сигнал маячка. Сев на велосипед, Борн тронулся в путь, не обращая внимания на боль в боку, и разогнался до приличной скорости, несмотря на то, что дорога довольно круто уходила в гору.

Сорайя подъехала к южной оконечности огромной стройплощадки, расположенной между Девятой улицей и Флорида-авеню. Шли работы по замене гнилых зубов квартала на новые коронки из стекла и стали. Металлические скелеты двух небоскребов уже были почти готовы. На площадке суетились башенные краны, переносившие огромные стальные балки, словно зубочистки. Бульдозеры сгребали мусор; рядом с цепочкой бытовок, к которым подходили электрические провода, загружались самосвалы.

Сорайя медленно ехала вдоль забора, ища Тайрона. Отчаяние оживило ее память, и она вспомнила, что именно здесь его излюбленное место. По его словам, он приходит сюда каждый день.

Двигатель «Понтиака» кашлянул, словно астматик, оказавшийся в Бангкоке, затем снова заработал нормально. На протяжении последних десяти минут посторонние шумы звучали все громче и все чаще. Сорайя молила бога, чтобы разбитая машина не заглохла до того, как ей удастся найти Тайрона.

Проехав вдоль южной оконечности, молодая женщина повернула на север, в сторону Флорида-авеню. Она искала укромные места, где может затаиться Тайрон, укрытый от взоров нескольких сотен рабочих. Ей встретилась пара таких мест, но сейчас, рано утром, они были залиты ярким солнцем. Тайрона нигде не было. Сорайя поняла, что ей придется доехать до северной оконечности, и только там можно будет надеяться его отыскать.

До Флорида-авеню оставалось еще метров пятьсот, когда послышался громкий хлопок. Раненый «Понтиак» судорожно дернулся, затем застыл, издав даже не рев, а слабый сип. Двигатель умер. Выругавшись, Сорайя хлопнула рукой по приборной панели, словно машина была телевизором, у которого сбилась настройка.

Отстегивая ремень безопасности, она увидела черный «Форд». Вывернув из-за угла, он ехал прямо на нее.

– Господи, помоги мне, – прошептала Сорайя.

Прислонив спину к спинке сиденья, она сжалась в комок и ударила ногами в окно в двери. Разумеется, оно было сделано из безопасного стекла и сразу не поддалось. Поджав ноги, Сорайя снова с силой их распрямила. Ее каблуки ударили по стеклу без каких-нибудь последствий.

И тут она совершила ошибку, выглянув из-за приборной панели. «Форд» был уже так близко, что Сорайя разглядела сидящих в нем двоих мужчин. Вскрикнув, она снова сползла вниз и продолжила свое занятие. Еще два удара – и стекло наконец треснуло. Однако осколки остались на месте, удерживаемые промежуточным слоем пластика.

Но тут вдруг стекло с грохотом разлетелось. Сорайю осыпало мелкими осколками. Кто-то выбил окно снаружи. Затем один из мужчин, приехавших на черном «Форде», просунул руку внутрь. Сорайя бросилась на него, но в этот самый момент второй оглушил ее электрошоком.

Обмякнув, молодая женщина сползла вниз. Мужчины вдвоем грубо вытащили ее из «Понтиака». Сквозь жуткий гул в голове Сорайя

услышала несколько фраз, быстро произнесенных по-арабски. Взрыв смеха. Чужие руки ощупали ее беспомощное тело.

Затем один из мужчин приставил ей к голове пистолет.

Глава 28

Мартин Линдрос, стоя в своей камере без окон, запрятанной глубоко под землей в комплексе Миран-Шах, созданном в горах на границе Пакистана и Афганистана «Дуджей», ощупал рукой то место, где когда-то был его правый глаз. Это вошло у него в привычку. Голова пульсировала невыносимой болью, словно глаз был объят пламенем, – вот только этот глаз больше ему не принадлежал. Теперь он принадлежал брату Фади, Кариму аль-Джамилю ибн Хамиду ибн Ашефу аль-Вахибу. Первое время от одной этой мысли у Линдроса внутри все переворачивалось; он содрогался в мучительных рвотных позывах, словно юнец, обкурившийся марихуаны. Теперь же у него просто щемило сердце.

Насилие, совершенное над его телом, изъятие здорового органа у живого человека явилось страшным кошмаром, от которого Линдрос не мог оправиться. Естественно, его навещала мысль наложить на себя руки, однако самоубийство – это выход, к которому прибегают только трусы, а он не был трусом. Сон приходил к нему только тогда, когда организм уже не мог больше держаться. Только тогда его рассудок проваливался во мрак, из которого ему не хотелось больше возвращаться.

Разумеется, его постоянно донимали вызывавшие холодную дрожь кошмарные сны об огромных воронах, клюющих его плоть, после чего ему хотелось никогда больше не закрывать единственный уцелевший глаз. Вспоминая своего любимого Гомера, Линдрос представлял себя Полифемом, циклопом, который разрывал моряков на части до тех пор, пока его не одолел хитрый Одиссей. Ясное дело, ему самому всей душой хотелось разорвать на части Фади.

Дверь в камеру с грохотом распахнулась, впуская Фади. Его лицо потемнело от ярости. Не говоря ни слова, он подошел к Линдросу и со всей силы ударил его кулаком в скулу. Оглушенный, опешивший от неожиданности, Линдрос упал на бетонный пол. Фади принялся пинать его ногами.

– Борн мертв! Ты меня слышишь, Линдрос? Мертв! – В голосе Фади прозвучали жуткие нотки, легкая дрожь, говорившая о том, что он дошел до самого края эмоциональной пропасти. – Произошло немыслимое. У меня украли отмщение, которое я так тщательно обдумал. И все пошло прахом! Случилось непредвиденное.

Придя в себя, Линдрос приподнялся на локте.

– Будущее нельзя предвидеть, – заметил он. – Его нельзя познать.

Фади присел на корточки, склонившись вплотную над Линдросом.

– Неверный! Аллаху ведомо будущее, и он открывает его правоверным.

– Фади, мне тебя жаль. Ты не можешь видеть правду даже тогда, когда она у тебя перед самыми глазами.

С искаженным от ярости лицом Фади схватил Линдроса и швырнул его на пол. Его руки сомкнулись на горле пленника, перекрывая дыхание.

– Пусть я не смогу убить Джейсона Борна своими руками, но ты от меня никуда не денешься. Вместо него я убью тебя. – С выпученными от бешенства глазами Фади мертвой хваткой стиснул Линдросу горло. Линдрос вырывался и брыкался, но у него не хватало сил, чтобы сбросить с себя Фади или хотя бы заставить его разжать руки.

Он уже начинал терять сознание. Его здоровый глаз выкатился из орбиты. В это мгновение в дверях камеры появился Аббуд ибн Азиз.

– Фади…

– Убирайся отсюда! – рявкнул Фади. – Оставь меня одного!

Тем не менее Аббуд ибн Азиз шагнул в камеру.

– Фади, дело в том, что Вейнтроп…

Фади закатил глаза, обнажив белки, одержимый «ветром пустыни» – жаждой крови.

– Фади, – настаивал Аббуд ибн Азиз, – ты должен пойти прямо сейчас.

Отпустив Линдроса, Фади встал и повернулся к своему заместителю:

– Почему? Почему я сейчас должен куда-то идти? Скажи мне это, прежде чем я убью и тебя.

– Вейнтроп завершил работу.

– Все предохранительные устройства на месте?

– Да, – подтвердил Аббуд ибн Азиз. – Ядерное устройство готово.

Тайрон жевал здоровенный гамбургер, наблюдая взглядом инженера-самоучки за подъемом здоровенной двутавровой балки, как вдруг сильно помятый «Понтиак» подвергся нападению. Из черного «Форда», налетевшего на него лоб в лоб, выскочили двое мужчин в

дорогих костюмах. Они обменялись между собой парой фраз, но за шумом стройки Тайрон не смог разобрать слов.

Поднявшись с ящика, служившего ему скамейкой, Тайрон не спеша направился к столкнувшимся машинам. Он разглядел, что у одного из мужчин в руке оружие – не пистолет и не нож, а электрошок.

Затем, когда один из мужчин вышиб стекло водительской двери «Понтиака», Тайрон узнал в нем охранника, стоявшего перед автомастерской «Эм-энд-Эн кузовные работы». Определенно, эти люди вторглись на его территорию.

Отшвырнув недоеденный гамбургер, Тайрон быстрым шагом направился к «Понтиаку», который выглядел так, словно его хорошенько помяла со всех сторон огромная фура. Разбив триплексное стекло, один из нападавших просунул руку в машину. Затем туда же сунул правую руку тот, который держал электрошок, оглушив водителя «Понтиака». Через мгновение нападавшие вытащили бесчувственного водителя из машины.

Тайрон находился уже достаточно близко и смог разглядеть, что это была женщина. Мужчины грубо поставили ее на ноги и развернули лицом к нему. Тайрона прошиб холодный пот. Мисс Шпионка! Он побежал.

За непрерывным гулом стройки нападавшие заметили его только тогда, когда он уже оказался совсем рядом. Один из них оторвал пистолет от головы мисс Ш и навел его на Тайрона. Тот, подняв руки вверх, резко остановился в одном шаге от мужчин, прилагая все усилия, чтобы не смотреть на мисс Ш. Та стояла, бессильно уронив голову на грудь, колени под ней подгибались. Судя по всему, оглушили ее хорошенько.

– Проваливай отсюда, твою мать, – приказал мужчина с пистолетом. – Разворачивайся и шевели ногами.

Тайрон натянул на лицо испуганное выражение.

– Да, сэр, – покорно пробормотал он.

Оборачиваясь, Тайрон сунул правую руку в карман, нащупывая нож с выкидным лезвием. С тихим щелчком нож раскрылся, Тайрон стремительно развернулся и всадил лезвие по самую рукоятку меж ребер нападавшему с пистолетом, как его научили вести себя в кровавых уличных разборках.

Мужчина выронил пистолет и закатил глаза. Ноги его подогнулись. Второй нападавший схватился за электрошок, но ему приходилось думать о мисс Ш. Он отшвырнул ее к помятому боку «Понтиака», но в это самое мгновение кулак Тайрона сломал ему переносицу. Хлынувшая

кровь ослепила мужчину. Тайрон погрузил ему в пах колено, после чего обхватил голову руками и со всей силы обрушил ее на боковое зеркало «Понтиака».

Мужчина бесформенной грудой сполз на землю, и Тайрон нанес ему жестокий удар ногой в бок, сломав пару ребер. Нагнувшись, он освободил свой нож, затем взвалил мисс Ш через плечо, отнес ее к «Форду» и осторожно уложил за заднее сиденье. Усевшись за руль, Тайрон еще раз взглянул на стройплощадку. К счастью, «Понтиак» полностью скрыл произошедшее от взоров строителей. Никто ничего не видел.

Тайрон плюнул в окно в сторону распростертых нападавших. Включив передачу, он поехал, тщательно следя за тем, чтобы не превысить разрешенную скорость. Меньше всего ему сейчас нужна была встреча с дорожной полицией.

Петляя вверх по склону, Борн проезжал мимо деревянных особняков, возведенных в конце девятнадцатого века греческими и армянскими банкирами. В настоящее время все они принадлежали стамбульским миллиардерам, чьи деловые начинания, как это было с их предками в дни Оттоманской империи, распространились во все уголки разведанного мира.

Крутя педали и следя за перемещениями Муты ибн Азиза, Борн размышлял о Кариме, брате Фади, человеке, отнявшем у Мартина Линдроса лицо, правый глаз, его личность. На первый взгляд это был самый последний человек на свете, на которого пало бы подозрение в прямой причастности к деятельности «Дуджи». В конце концов, он – отпрыск благородного семейства, который возглавил «Интегрейтед вертикал текнолоджиз» после того, как пуля Борна неизлечимо искалечила его отца. Он уважаемый бизнесмен, такой же, как те, кто понастроил эти современные дворцы.

И только сейчас Борн впервые осознал в полной степени глубину той жажды отмщения за смерть сестры, которую питали в отношении него братья. Сара ибн Ашеф стала путеводной звездой семейства, хранителем чести Хамида ибн Ашефа аль-Вахаба, уходящей в глубь столетий, через бескрайние пески Аравийской пустыни, неподвластной самому времени. Эта честь была высечена в насчитывающей три тысячи лет истории Аравийского полуострова, Синая, Палестины. Далекие предки семейства вышли из пустыни, пережили позор многочисленных поражений и в конце концов отвоевали Аравийский полуостров у врагов. Великий Мухаммед ибн Абд аль-Вахаб был одним из виднейших реформаторов ислама. В середине восемнадцатого столетия он объединил усилия с Мухаммедом ибн Саудом, образовав новую политическую реальность.

Сто пятьдесят лет спустя два семейства захватили Эр-Рияд, и родилась современная Саудовская Аравия.

И как ни трудно понять подобное представителю западного мира, Сара ибн Ашеф олицетворяла все это. И нет ничего удивительного в том, что братья Сары готовы перевернуть небеса и землю, чтобы расправиться с ее убийцей. Вот почему они не спеша сплетали Борну погибель – замыслив расправиться сначала с его рассудком, а затем с плотью. Потому что им недостаточно было лишь всадить ему пулю в затылок. Нет, сначала его нужно было сломать, после чего Фади расправился бы с ним голыми руками. Ни на что меньшее братья не были согласны.

Борн понимал, что известие о его гибели приведет обоих братьев в бешенство. И в таком неуравновешенном состоянии они с большей вероятностью совершат ошибку. Что только и было ему нужно.

Но в первую очередь необходимо предупредить Сорайю, раскрыть ей личность того, кто выдает себя за Мартина Линдроса. Достав сотовый телефон, Борн ввел коды страны и города, затем набрал номер. Только сейчас до него вдруг дошло, что от нее до сих пор не было никаких известий. Он взглянул на часы. Если только рейс не задержали, самолет уже давно должен был приземлиться в Вашингтоне.

И снова Сорайя не ответила, и теперь Борна охватило беспокойство. По соображениям безопасности новое сообщение он оставлять не стал. В конце концов, считается, что его нет в живых. Хотелось надеяться, что молодая женщина не попала в руки врагов. Но если произошло худшее, нужно опасаться того, что Карим проверит все входящие и исходящие звонки на сотовом телефоне Сорайи. Борн мысленно взял на заметку где-нибудь через час позвонить ей еще раз. Как раз будет семь с небольшим вечера, и останется меньше часа до того, как Мута ибн Азиз покинет Буюкаду и направится туда, где сейчас находится Фади.

«Начинается эндшпиль», – сказал посланник Незыму Хатуну. У Борна по спине пробежали мурашки. Осталось так мало времени, чтобы разыскать Фади, не позволить ему взорвать атомную бомбу.

Согласно карте, купленной на пароме, остров состоял из двух возвышенностей, разделенных долиной. Сейчас Борн поднимался на левую гору, Юле-Тепе, на вершине которой находился православный монастырь Святого Георгия, основанный в двенадцатом веке. Вскоре дорога перешла в тропу. К этому времени пальмы сменились густым сосновым бором, темным, таинственным, пустынным. Особняки также остались позади.

Монастырь состоял из нескольких часовен, расположенных в три уровня, и подсобных помещений. Светящаяся точка, отображающая местонахождение Муты ибн Азиза, оставалась неподвижной вот уже

несколько минут. Дорога вверх стала слишком крутой, заваленной камнями. Подниматься на велосипеде дальше стало невозможно. Достав из корзины рюкзак, Борн спрятал велосипед в зарослях и отправился дальше пешком.

По пути ему не встретились ни туристы, ни монахи – ни единой живой души. Впрочем, времени уже было много, стемнело. Обойдя стороной полуразвалившееся главное здание монастыря, Борн стал подниматься выше. Если верить приемнику, Мута ибн Азиз находился в небольшой постройке прямо впереди. В маленькое окошко пробивался тусклый свет.

Когда Борн подошел ближе, точка пришла в движение. Спрятавшись за толстый ствол сосны, Борн проследил за тем, как посланник Фади, держа в руке старинную керосиновую лампу, вышел из дома и, пройдя мимо двух громадных валунов, скрылся в чаще.

Борн быстро осмотрелся по сторонам, убеждаясь в том, что за постройкой никто не наблюдает. Затем он проскользнул в обшарпанную деревянную дверь и оказался в прохладе внутреннего помещения. Темноту разгонял свет керосиновых ламп. Судя по плану, в этом здании когда-то содержались буйнопомешанные. Обстановка была скудная: очевидно, в настоящее время здание не использовалось. Однако повсюду присутствовали свидетельства мрачного прошлого. В каменный пол были вмурованы железные кольца, к которым, вероятно, приковывали обитателей здания, когда у тех случались приступы. Открытая дверь вела в небольшую комнату, совершенно пустую, если не считать нескольких кусков брезента и кое-какого инструмента.

Борн вернулся в основное помещение. Вдоль окон, выходящих на север, в сторону леса, тянулся длинный обеденный стол из потемневшего дерева. На столе в щедром овале света лампы лежал расправленный лист плотной бумаги. Приблизившись, Борн увидел, что это карта с нанесенным на ней полетным планом. Он присмотрелся внимательнее. Воздушный путь вел на юго-восток вдоль через всю Турцию, затем через Армению и южную оконечность Азербайджана, проходил над Каспийским морем, после чего, захватив уголок Ирана, пересекал наискосок просторы Афганистана и заканчивался сразу же за границей, в кишащих террористами горах на западе Пакистана.

Значит, Мута ибн Азиз собирался покидать Буюкаду не на корабле. Где-то неподалеку его ждет частный самолет, имеющий разрешение на заход в воздушное пространство Ирана и достаточный запас топлива, чтобы совершить перелет протяженностью три с половиной тысячи километров без дозаправки.

Борн выглянул в окно на густой сосновый лес, в котором скрылся Мута ибн Азиз. Гадая, где в этой чаще может находиться взлетно-посадочная

полоса, пригодная для довольно большого самолета, он услышал за спиной шум. Борн начал оборачиваться, но тут у него в затылке взорвалась боль. Он успел почувствовать, что падает. После чего наступила полная темнота.

Глава 29

Еще никогда Анна Хельд не видела Джамиля в такой ярости. Он злился на директора ЦРУ. Злился на нее. Он на нее не кричал, ни разу ее не ударил. Он сделал кое-что похуже: полностью перестал обращать на нее внимание.

Занимаясь своей работой, Анна внутри страдала, терзаясь отчаянием, которое, как ей казалось до сих пор, осталось навсегда в прошлом. В том, чтобы быть любовницей, есть свои установки, к которым нужно привыкнуть, как к тупой боли умирающего зуба. Нужно научиться оставаться без возлюбленного в дни рождения, на Рождество, на годовщину встречи, первой ночи в постели, первого совместного завтрака, поглощенного с непосредственной детской радостью. Всего этого любовница лишена.

Сначала Анна находила это непривычное одиночество нестерпимым. Она пыталась звонить Джамилю в те дни – и ночи! – когда ей хотелось его больше всего. Так продолжалось до тех пор, пока он осторожно, но твердо не объяснил ей, что так делать нельзя. Если он не находится рядом, она должна забыть о его существовании. «Но как я могу?» – мысленно всхлипывала Анна, внешне улыбаясь, кивая, выражая свое согласие. Она чувствовала, как важно показать, что она все понимает. Интуиция подсказывала ей, что в противном случае Джамиль от нее отвернется. А тогда она просто умрет.

Поэтому Анна притворялась – ради Джамиля, ради того, чтобы остаться в живых самой. И постепенно она научилась смиряться с неизбежным. Конечно же, она не забывала о его существовании. Это было просто невозможно. Но она стала смотреть на время, проведенное вместе с Джамилем, как на фильм, который она прокручивает время от времени. А в промежутках можно прокручивать фильм в голове, как поступают люди с любимыми фильмами, которые им хочется смотреть снова и снова. И так ей удавалось вести более или менее нормальный образ жизни. Потому что в потаенных глубинах своей души, куда Анна осмеливалась заглядывать лишь изредка, она сознавала, что без Джамиля ее жизнь обесценится.

И вот сейчас, потому что она упустила Сорайю Мор, Джамиль совсем перестал с ней разговаривать. Направляясь на совещания к Старику, он проходил мимо ее стола так, словно ее там не было, не обращая внимания на синяк на левой щеке, оставленный локтем Сорайи. Произошло самое страшное, то, чего Анна с ужасом боялась с того

самого момента, когда влюбилась в Джамиля, по уши, безумно, необратимо: она его подвела.

Анна гадала, удалось ли ему раскопать что-нибудь на министра обороны Хэллидея. Одно время она даже прониклась абсолютной уверенностью, что удалось, но затем Старик попросил ее договориться о встрече с Лютером Лавалем, главой разведки Пентагона, а не с самим министром. Что он задумал?

Также Анна оставалась в полном неведении относительно судьбы Сорайи. Убита ли она? Захвачена? Анна ничего не знала, потому что Джамиль начисто отрезал ее от своих дел. Она перестала пользоваться его доверием. Ей больше не удавалось прильнуть к его телу, горячему, как воздух пустыни. Сердцем Анна чувствовала, что Сорайя жива. Если бы людям Джамиля удалось ее схватить, он наверняка простил бы свою любовницу за промах. У Анны внутри все леденело. Сорайя висела у нее над шеей лезвием гильотины. В случае разоблачения выяснится, что вся жизнь Анны была ложью. Ее будут судить за предательство.

Частично ей удавалось сосредоточиться на повседневных делах. Анна выслушивала распоряжения Старика, набирала и распечатывала их на компьютере, носила на подпись. Она договаривалась о встречах, планировала его долгий рабочий день с дотошностью военной кампании. Свирепо, как никогда, она защищала его от телефонных звонков. Но при этом другая часть ее сознания лихорадочно пыталась придумать, как исправить совершенную ошибку, которая может стать роковой.

Необходимо вернуть расположение Джамиля. Завоевать его самого. Искупление может принимать разные обличья, но только не для него. Он бедуин, у него в сознании неразделимо господствуют старинные законы пустыни. Ссылка или смерть – другого выбора нет. Она должна разыскать Сорайю. Ее обагренные кровью руки – единственное, что сможет вернуть Джамиля. Ей нужно лично убить Сорайю.

Борн очнулся. Он попытался было пошевелиться, но обнаружил, что привязан к двум железным кольцам, вмурованным в пол. Над ним стоял, склонившись, мужчина европейской наружности, с квадратным подбородком и глазами, бледными, словно лед. Он был в кожаной летной куртке и фуражке с серебряной кокардой в виде маленьких крылышек.

Летчик частного самолета. По его виду Борн понял, что перед ним один из тех, кто мнит себя небесным ковбоем.

Летчик оскалился.

– Ты что здесь делаешь? – купившись на облик Борна, он обратился к нему на плохом арабском. – Проверяешь мой полетный план. Шпионишь. – Он подчеркнуто покачал головой, словно нянька, отчитывающая провинившегося ребенка. – Это запрещено. Понятно? За-пре-ще-но. – Летчик поджал губы. – Уразумел? – добавил он по-английски.

Затем летчик показал то, что держал в руках: приемник, отобранный у Борна.

– А это что за хреновина, твою мать? А? Кто ты такой, твою мать? Кто тебя послал? – Достав нож, он поднес длинное лезвие к лицу Борна. – Отвечай, черт побери, иначе я тебя выпотрошу, словно рождественского гуся! Ты знаешь, что такое рождественский гусь? А?

Борн смотрел на него невидящими глазами. Открыв рот, он произнес несколько слов, очень тихо.

– Что? – Летчик склонился к самому его лицу. – Что ты сказал?

Используя мышцы живота, Борн вскинул ноги вверх и свел их ножницами, так что лодыжки скрестились у летчика на шее. Напрягая ноги, он опрокинул летчика вниз. Тот со всей силой налетел головой на мраморный пол. Хрустнула лицевая кость. Летчик тотчас же отключился.

Выкрутив шею, Борн отыскал взглядом упавший на пол нож. Он лежал у него за головой, за железными кольцами. Подобрав ноги к груди, сжавшись в комок, Борн принялся раскачиваться, набирая момент инерции. Решив, что уже достаточно, он что есть силы качнулся назад. Хотя и привязанный за запястья к кольцам, Борн взмыл в воздух и, совершив обратный кувырок, приземлился на колени уже за кольцами.

Вытянув ногу, он мыском зацепил нож и пододвигал его до тех пор, пока рукоятка не наткнулась на кольцо, к которому была привязана его правая рука. Опустив кольцо практически к самому полу, Борн ухватил нож и, прижав лезвие к веревке, начал ее перепиливать.

Это была трудная, долгая работа. Борну никак не удавалось надавить на лезвие со всей силой, поэтому продвижение вперед получалось пугающе медленным. Со своего места он не мог видеть экран приемника; он понятия не имел, где сейчас Мута ибн Азиз. Посланник Фади мог войти в комнату в любой момент.

Наконец Борну удалось перепилить веревку. Быстро перерезав веревку, державшую его левую руку, он полностью освободился и первым делом метнулся к приемнику. Светящаяся точка на экране показала, что Мута ибн Азиз все еще находится достаточно далеко.

Перевернув летчика, Борн полностью его раздел, после чего натянул на себя всю его одежду, хотя рубашка оказалась ему мала, а брюки велики. Кое-как расправив на себе вещи летчика, он раскрыл рюкзак и достал различные предметы, купленные в театральной лавке в Стамбуле. Поставив на пол маленькое зеркало так, чтобы видеть свое отражение, Борн достал изо рта накладку на зубы, после чего начал преображать себя в летчика.

Он подрезал и уложил по-другому волосы, изменил форму лица, вставил в рот другую накладку на зубы, отчего подбородок у него вытянулся. Цветных линз не было, но в ночных сумерках этого маскарада должно хватить. К счастью, можно будет надвинуть на глаза фуражку.

Бросив еще один взгляд на приемник, Борн прошелся по карманам летчика. Как оказалось, его зовут Уолтер Б. Дарвин. Бывший американский гражданин, с паспортами, подтверждающими его гражданство в трех разных странах. Это было Борну на руку. На одном плече у летчика была военная татуировка, на другом – слова «КАТИСЬ ВСЕ К ТАКОЙ-ТО МАТЕРИ». Оставалось только гадать, как он дошел до того, чтобы развозить террористов по всему свету. Впрочем, сейчас это не имело значения. Летная карьера Уолтера Б. Дарвина завершилась. Борн оттащил обнаженное тело в заднюю комнату и прикрыл его куском пыльного брезента.

Вернувшись в основное помещение, он подошел к столу и сложил полетный план. До восьми оставалось двадцать минут. Поглядывая на точку на экране приемника, Борн засунул карту в рюкзак, взял лампу и отправился искать взлетно-посадочную полосу.

Анна Хельд понимала, что Сорайя слишком умна и не рискнет отправиться к себе домой. Назвавшись Ким Ловетт, подругой Сорайи из отдела расследования пожаров, она позвонила матери и сестре Тима Хитнера. Ни та, ни другая ничего не слышали от Сорайи с того дня, когда та сообщила им о гибели Тима. Если Сорайя укрылась у них, она обязательно предупредила бы их о женщине по имени Анна Хельд. Однако ей наверняка захотелось бы поговорить со своей лучшей подругой. Анна собралась позвонить самой Ким Ловетт, но затем ей пришла другая мысль. Выйдя вечером с работы, она взяла такси и поехала в криминалистический центр ОРП на углу Вермонт-авеню и Одиннадцатой улицы.

Отыскав лабораторию Ким, Анна вошла.

– Меня зовут Анна Хельд, – представилась она. – Я работаю вместе с Сорайей.

Ким оторвалась от работы: двух металлических подносов, заполненных пеплом, кусками обгорелых костей и обугленной ткани. Потянувшись, как кошка, она сняла латексные перчатки и крепко пожала Анне руку.

– Итак, – сказала Ким, – что привело вас в это мрачное место?

– Ну, на самом деле это связано с Сорайей.

Ким тотчас же встревожилась:

– С ней что-то случилось?

– Я как раз и пытаюсь выяснить. Мне хотелось узнать, нет ли у вас от нее каких-нибудь известий.

Ким покачала головой.

– Но в этом нет ничего удивительного. – Она задумалась. – Быть может, это никак не связано, но недели две назад сюда приезжал один полицейский. Они с Сорайей встретились здесь, у меня в лаборатории. Полицейский хотел, чтобы Сорайя разрешила ему участвовать в одном расследовании, которое она проводила, но та ответила отказом. И у меня возникло ощущение, что его интерес к Сорайе был не только чисто профессиональным.

– А вы не помните, когда именно это произошло и как фамилия этого полицейского?

Ким назвала дату.

– Что касается фамилии, я ведь ее где-то записала. – Она просмотрела листочки бумаги с напоминаниями, закрепленные на стене. – Ага, вот она, – сказала Ким, отрывая один из них. – Следователь Уильям Овертон.

«Как тесен мир, – подумала Анна, выходя из здания криминалистического центра. – Сколько в нем случайных совпадений». Полицейский, следивший за ней, интересовался и Сорайей. Разумеется, его уже нет в живых, но, может быть, он все же поможет найти Сорайю.

Достав сотовый телефон, Анна быстро выяснила, в каком отделении работал следователь Уильям Овертон, где оно расположено и фамилию начальника. Приехав на место, она предъявила свое удостоверение и сказала дежурному сержанту, что ей необходимо срочно увидеться с капитаном Мореллом. Когда тот, как и предполагала Анна, начал артачиться, она упомянула фамилию Старика. Сержант тотчас же схватил трубку. Через пять минут молодой полицейский в форме проводил Анну в кабинет капитана Морелла.

Отпустив полицейского, капитан предложил Анне садиться и закрыл дверь.

– Чем могу вам помочь, мисс Хельд? – Это был невысокий мужчина с редеющими волосами, жесткой щеткой усов и глазами, вдоволь насмотревшимися на смерть и приспособленчество. – Сержант сказал, речь идет о чем-то срочном.

Анна перешла прямо к делу:

– ЦРУ занимается расследованием обстоятельств исчезновения следователя Овертона.

– Билла Овертона? *Нашего* Билла Овертона? – опешил капитан Морелл. – Но почему?..

– Это связано с вопросами национальной безопасности, – ответила Анна, воспользовавшись безотказным выражением, которое в последнее время приобрело особое значение. – Мне нужно просмотреть весь его распорядок за последний месяц, а также все личные вещи.

– Ну да. Конечно. – Капитан встал. – Следствие еще не завершено, так что все собрано у нас в одном месте.

– Очень хорошо. Капитан, мы будем держать вас в курсе, – заверила его Анна.

– Буду вам очень признателен. – Открыв дверь, Морелл крикнул в коридор: – Ричи! – Появился тот самый полицейский в форме. – Ричи, покажи мисс Хельд вещи Овертона.

– Слушаюсь, сэр. – Ричи повернулся к Анне. – Пройдемте со мной, мэм.

«Мэм». Господи, какой же она почувствовала себя старой.

Полицейский проводил Анну до конца коридора и вниз по металлической лестнице в подвал, отгороженный решеткой от пола до потолка с запертой на замок дверью. Достав ключ, он отпер дверь и провел Анну по проходу между рядами полок. Полки были заполнены картонными коробками, расставленными в алфавитном порядке, с отпечатанными бирками.

Выбрав две коробки, Ричи отнес их на стол, прижавшийся к дальней стене.

– Служебные, – указал он на левую. – А в другой личные вещи. – Молодой полицейский выжидательно посмотрел на Анну взглядом щенка. – Я могу чем-нибудь помочь?

– Все в порядке, полицейский Ричи, – не смогла сдержать улыбку Анна. – Я сама справлюсь.

– Хорошо. Ну, тогда я вас оставлю. Если вам что-нибудь понадобится, я буду в соседней комнате.

Оставшись одна, Анна занялась в первую очередь левой коробкой. Достав папки с текущими делами, она просмотрела их, тщательно и досконально, обращая особое внимание на записи, приходящиеся на день встречи с Сорайей, указанный Ким Ловетт, и ближайшие последующие дни. Ничего.

– Твою мать! – пробормотала Анна, переключаясь на правую коробку, заполненную личными вещами Овертона.

Эта добыча оказалась еще более скудной, чем она ожидала: дешевая расческа с запутавшимися в зубьях тонкими волосками, две пачки жевательной резинки, одна закрытая, синяя выходная рубашка, заляпанная спереди жирным соусом, ужасный галстук из полиэстра в синюю и красную полоску, фотография глупо улыбающегося подростка в футбольной форме, вероятно сына, нераспечатанная пачка сигарет. И все.

– Merde![11]

Судорожным движением Анна сгребла жалкие остатки жизни Овертона со стола. Она уже собралась уходить, но тут заметила белый уголок, торчащий из нагрудного кармана синей рубашки. Схватив его кончиками пальцев, Анна вытащила листок линованной бумаги, сложенный вчетверо. Развернув его, она прочитала надпись, сделанную синей шариковой ручкой:

С. Мор – 8 и 12 СВ (пров)

У Анны застучало сердце. Это было именно то, что она искала. «С. Мор» – это, несомненно, Сорайя; «(пров)» может означать «проверить». Разумеется, Восьмая улица не пересекается с Двенадцатой в Северо-восточном секторе – и вообще нигде, если быть точным. И все же не вызывало сомнений, что Овертон проследил за Сорайей на Северо-Восток. Какого черта она там делала? В любом случае, от руководства она это скрыла.

Анна смотрела на записку, сделанную рукой Овертона, пытаясь в ней разобраться. Наконец ее осенило, и она рассмеялась. Двенадцатая буква алфавита – «Л». Северо-Восток, угол Восьмой улицы и Л-стрит.

Если Сорайя жива, скорее всего, она залегла на дно именно там.

Когда Борн прошел между двумя массивными валунами, свет лампы выхватил в темноте тропинку, которой воспользовался Мута ибн Азиз. Она шла на запад примерно километр, затем резко свернула на северо-восток. Борн преодолел пологий подъем, после чего тропинка повернула прямо на север, по узкой топкой долине, которая постепенно перешла в довольно большое плато.

При этом Борн все время приближался к Муте ибн Азизу, который вот уже несколько минут не двигался с места. Сосновый бор оставался густым; землю устилал толстый слой бурой хвои, источающей сильный аромат и заглушающей звуки.

Однако через пять минут лес закончился. Очевидно, в нем вырубили полосу, достаточную для того, чтобы принять реактивный самолет, стоящий в дальнем конце.

А у складного трапа стоял Мута ибн Азиз. Выйдя из леса, Борн направился прямо к самолету, «Ситейшон-Соверену». Иссиня-черное небо было усыпано звездами, сияющими холодным блеском бриллиантов, разложенных на черном бархате. На открытом месте чувствовался прохладный ветерок, насыщенный ароматом морской соли.

– Пора улетать, – сказал Мута ибн Азиз. – Все в порядке.

Борн молча кивнул. Мута ибн Азиз нажал кнопку на черном пульте дистанционного управления, и взлетно-посадочная полоса озарилась огнями. Борн поднялся следом за ним на борт самолета и убрал за собой трап. Он прошел в кабину. Продукция компании «Ситейшон» была ему хорошо знакома. «Соверен» имел дальность полета свыше четырех с половиной тысяч километров и развивал максимальную скорость 826 километров в час.

Усевшись в пилотское кресло, Борн начал щелкать выключателями и изучать показания приборов, осуществляя сложную предполетную проверку. Все было в полном порядке.

Отпустив тормоза, Борн двинул ручку газа вперед. «Соверен» послушно откликнулся, покатив по взлетно-посадочной полосе, набирая скорость. Затем он плавно поднялся в чернильно-черное звездное небо и начал набирать высоту, оставив позади бухту Золотой Рог, ворота Азии.

Глава 30

– Почему они это делают? – на безупречном русском спросил Мартин Линдрос.

Лежа на спине в лазарете Миран-Шаха, он смотрел на покрытое синяками лицо Екатерины Степановны Вдовиной, поразительно красивой молодой жены доктора Вейнтропа.

– Кто они? И что они делают? – глухо переспросила та, довольно неумело обрабатывая ссадины на шее Линдроса. После того, как Вейнтроп заставил ее уйти из агентства фотомоделей, она окончила курсы медсестер.

– Я имею в виду собравшихся здесь ученых – вашего мужа, доктора Сенареса, доктора Андурского. Почему они работают на Фади?

Упомянув фамилию доктора Андурского, специалиста по пластической хирургии, пересадившего Кариму его глаз, Линдрос подумал: «Почему мной занимается не он, а эта неуклюжая дилетантка?» Но, задав себе этот вопрос, он тотчас же получил на него ответ: потому что от него больше нет никакого толка ни Фади, ни его брату.

– Они люди, – ответила Катя. – То есть они слабы. Фади нашел у каждого слабости и обратил их против них. У Сенареса это деньги. У Андурского – его мальчики.

– Ну а у Вейнтропа?

Катя поморщилась.

– Ах да, мой муж. Он считает, что поступает благородно; он вынужден работать на «Дуджу», потому что над ним дамокловым мечом висит угроза моей жизни. Конечно же, Костин себя обманывает. На самом деле он работает из тщеславия. Брат Фади выгнал его из ИВТ по сфабрикованным обвинениям. Моему мужу нужна работа. Вот в чем его слабость. – Опустившись на стул, она сложила руки на коленях. – Думаете, я не знаю, как плохо у меня получается? Но, понимаете, Костин настоял, так что какой у меня был выбор?

– Выбор есть всегда, Катя. У каждого человека. Нужно только его увидеть. – Линдрос бросил взгляд на двух охранников за дверью лазарета. Они переговаривались между собой вполголоса. – Разве вам не хочется выбраться отсюда?

– А что насчет Костина?

– Доктор Вейнтроп завершил свою работу. Такая умная женщина, как вы, должна понимать, что теперь он превратился для Фади в ненужную помеху.

– Неправда! – воскликнула Катя.

– Катя, все мы умеем обманывать себя. Именно из-за этого мы и попадаем в беду. Вам достаточно лишь взглянуть на собственного мужа.

Катя застыла, уставившись на него. У нее в глазах появилось странное выражение.

– Кроме того, Катя, мы обладаем способностью изменяться. И для этого нужно только определиться, что делать, чтобы идти дальше, чтобы остаться в живых.

Она отвела взгляд, как поступает человек, когда ему страшно, когда он уже принял решение, но ему необходимо услышать слово поддержки.

– Катя, кто так с тобой обошелся? – тихо промолвил Линдрос.

Катя снова повернулась к нему, и он увидел у нее в глазах страх.

– Фади. Фади и его подручный. Для того, чтобы убедить Костина завершить работу над ядерным устройством.

– Но это же бессмысленно, – задумчиво произнес Линдрос. – Поскольку Вейнтропу известно, что ты в руках у Фади, этого уже должно быть достаточно.

Прикусив губу, Катя уставилась на работу. Закончив обрабатывать рану, она встала.

– Катя, почему ты не хочешь мне ответить?

Не оглядываясь, молодая женщина вышла из лазарета.

Анна Хельд, стоя под промозглым дождем на углу Восьмой улицы и Л-стрит, ощущала присутствие компактного револьвера «смит-вессон» в правом кармане пальто, как какую-то страшную опухоль, которую у нее только что обнаружили.

Она понимала, что ей нужно сделать все, что угодно, пойти на любой риск, лишь бы только избавиться от чувства, что она теперь всем чужая, что у нее внутри ничего не осталось. И вот сейчас она должна доказать, что чего-то еще стоит. Если она убьет Сорайю, Джамиль обязательно примет ее к себе. И она снова обретет свое место в жизни.

Подняв воротник, чтобы защититься от косых струй дождя, Анна двинулась вперед. Она должна была бы испытывать страх, находясь в этом районе, – определенно, любой полицейский на ее месте чувствовал бы именно это, – однако, как это ни странно, страха не было. Впрочем, опять же, может быть, как раз в этом не было ничего странного. Ей больше нечего было терять.

Анна свернула на Седьмую улицу. Что она ищет? Какие признаки подскажут ей, правильно ли она вычислила, что именно здесь залегла на дно Сорайя? Мимо проехала машина, затем еще одна. На Анну пялились

лица – черные, латиноамериканские, незнакомые, враждебные. Один водитель, ухмыльнувшись, сделал непристойный жест языком. Сунув руку в карман, Анна крепко стиснула рукоятку «смит-вессона».

По пути она оглядывала дома, мимо которых проходила: обшарпанные, убогие, опаленные нищетой, запущенностью, пожарами. Крохотные дворики завалены грудами мусора, словно вся улица была заселена старьевщиками, выставившими напоказ свои богатства. В воздухе висел зловонный смрад гниющих отбросов и мочи, беспросветности и отчаяния. Повсюду бродили тощие собаки, скалясь желтыми зубами.

Анна чувствовала себя утопающим, схватившимся за единственное, что могло не дать ему уйти на дно. Ее ладонь, обвившая рукоятку револьвера, стала липкой от пота. «Наконец пришел день, – мрачно размышляла Анна, – когда мне пригодятся все часы, проведенные в тире». У нее в ушах звучал резкий, строгий голос инструктора, делающего замечания по поводу постановки ног и рук.

Анна опять вспомнила свою сестру Джойс, пережила заново боль совместного детства. Но, наверное, были и радости, не так ли, те ночи, когда они с сестрой забирались в одну кровать и рассказывали друг другу жуткие истории о призраках, проверяя, кто закричит от страха первой? Анна сама чувствовала себя сейчас призраком, бродящим по чуждому миру. Перейдя на противоположную сторону улицы, она прошла мимо пустыря, заросшего сорняками высотой по пояс, живучими, несмотря на зимние холода. Покрышки, стертые, словно лицо старика, пустые пластиковые бутылки, шприцы, использованные презервативы, выброшенные сотовые телефоны, один красный носок с большой дырой на пятке. И отрубленная рука.

Анна вздрогнула, чувствуя, как бешено заколотилось в груди сердце. Всего лишь рука куклы. Однако сердце никак не желало успокоиться. Как зачарованная, Анна в ужасе смотрела на оторванную руку. Почему-то она подумала про оборвавшуюся преждевременно жизнь Джойс, вот так же валяющуюся в зарослях пожухшей травы. «А какая разница между жизнью Джойс и тем, что осталось у меня самой?» – мысленно спросила себя Анна. Она не плакала уже очень давно. И вот теперь ей казалось, что она успела начисто позабыть, как это делается.

Дневной свет уступил место ночной темени, ледяной дождь сменился обволакивающим туманом. Влага конденсировалась на волосах, на руках. Время от времени где-то далеко звучала пронизанная отчаянием сирена, только для того, чтобы тотчас же затихнуть в напряженной тишине.

Сзади послышалось ворчание двигателя. С бьющимся сердцем Анна остановилась, дожидаясь, когда машина проедет мимо. Машина

притормозила, тогда она снова пошла, убыстряя шаг. Машина, вынырнув из тумана, поехала следом за ней.

Резко развернувшись, Анна стиснула «смит-вессон» и направилась прямо к машине. Машина остановилась. Стекло в водительской двери опустилось, открыв лицо цвета старого сапога, нижняя часть которого была покрыта клочьями седых волос.

– Похоже, вы заблудились, – произнес водитель голосом, сиплым от бесчисленных тонн никотина и смолы. – Частный извоз. – Он прикоснулся к козырьку бейсболки. – Я подумал, вы будете не прочь прокатиться. Там, впереди, в конце квартала, шайка ребят, так они уже облизываются, глядя на вас.

– Я сама могу за себя постоять. – Неожиданный страх наполнил ее голос нотками вызова.

Таксист уныло смерил ее взглядом:

– Как скажете.

Он тронулся было с места, но Анна воскликнула:

– Подождите!

Она провела рукой по влажному лбу, чувствуя себя так, словно у нее началась лихорадка. Кого она хочет обмануть? У нее не хватит духа прицелиться в Сорайю, не говоря уж о том, чтобы ее убить.

Распахнув заднюю дверь, Анна плюхнулась в машину и назвала свой домашний адрес. Возвращаться в штаб-квартиру ЦРУ ей не хотелось. У нее не было сил взглянуть в глаза Джамилю или Старику. Интересно, а сможет ли она когда-либо это сделать?

Вдруг до нее дошло, что таксист, обернувшись, разглядывает ее лицо.

– В чем дело? – с вызовом спросила Анна.

Таксист ухмыльнулся.

– А ты чертовски привлекательная.

Решив нанести упреждающий удар, Анна достала пачку банкнотов и потрясла ими у водителя перед лицом.

– Вы меня везете или нет?

Облизнувшись, таксист включил передачу.

Когда машина тронулась, Анна нагнулась вперед.

– Просто чтобы вы знали, – сказала она, – у меня есть револьвер.

– И у меня тоже есть, сестренка, – оскалился седой водитель. – И у меня, твою мать, тоже есть.

Директор ЦРУ встретился с Лютером Лавалем в «Чертополохе», новомодном ресторане на углу Девятнадцатой улицы и Кью-стрит. Он попросил Анну зарезервировать столик в центре зала, чтобы во время беседы с Лавалем их со всех сторон окружали другие посетители.

Когда Старик вынырнул из густого зимнего тумана в гомон ресторана, могущественный повелитель военной разведки уже сидел за столиком. В темно-синем костюме, накрахмаленной белой рубашке и галстуке в красно-синюю полоску, заколотом булавкой с изображением американского флага, Лаваль в окружении молодых парней и девушек выглядел чужеродным пятном.

Накачанный торс Лаваля раздувал пиджак, как это бывает со всеми любителями мускулатуры. В целом он напоминал профессора Брюса Бэннера, который уже начинал превращаться в Халка.[12] Слабо улыбнувшись, он оторвался от виски с содовой и удостоил мимолетного прикосновения протянутую руку Старика.

Директор ЦРУ занял место напротив.

– Я очень рад, Лютер, что вы смогли выкроить время, чтобы встретиться со мной.

Лаваль развел свои огромные лапищи с толстыми мясистыми пальцами.

– Что будете?

– Виски, – сказал Старик появившемуся сбоку официанту. – Двойное, один кубик льда, но только большой.

Кивнув, официант удалился.

– Большие куски льда для виски лучше, – заметил директор ЦРУ. – Они тают дольше.

Глава военной разведки промолчал, выжидательно глядя на Старика. Когда принесли виски, мужчины подняли стаканы и выпили.

– На улицах сейчас творится кошмар, – сказал Старик.

– Всему виной туман, – уклончиво ответил Лаваль.

– Когда мы в последний раз сидели вот так, вдвоем?

– Знаете, я не могу припомнить.

Казалось, что они не разговаривают между собой, а обращаются к молодой парочке за соседним столиком. Эти нейтральные фразы выполняли роль пешек, которыми игроки готовы пожертвовать во имя успеха в партии. Вернулся официант с меню. Старик и Лаваль сделали заказ и снова остались одни.

Директор ЦРУ достал из маленького чемоданчика папку и положил ее на стол, не открывая. Его ладони тяжело опустились на обложку.

– Полагаю, вы слышали, что неподалеку от галереи Коркорана грузовик потерял управление?

– Дорожно-транспортное происшествие? – Лаваль пожал плечами. – Да вы знаете, сколько таких происходит в этом районе каждый час?

– Тут дело другое, – возразил Старик. – Этот грузовик пытался сбить одного из моих людей.

Лаваль сделал глоток виски с содовой. Старик отметил, что пьет он, как женщина.

– Кого же именно?

– Анну Хельд, мою помощницу. С ней находился Мартин Линдрос. Он ее спас.

Нагнувшись, Лаваль также достал папку. На обложке красовалась эмблема Пентагона. Раскрыв папку, он, не говоря ни слова, развернул ее и пододвинул через стол.

Старик начал читать, и Лаваль сказал:

– Кто-то у вас в штаб-квартире периодически отправляет и получает сообщения.

Директор ЦРУ был потрясен.

– С каких это пор Пентагон прослушивает переговоры ЦРУ? Проклятие, это же грубейшее нарушение порядка межведомственного взаимодействия!

– Это было сделано по моему личному распоряжению и с одобрения президента. Мы посчитали это необходимым. Когда министру обороны Хэллидею стало известно о предателе в стенах ЦРУ…

– От Мэттью Лернера, его прихлебателя! – с жаром произнес Старик. – Хэллидею незачем запускать руку ко мне в трусы. А в мое отсутствие президент получил однобокое освещение проблемы.

– Все это было сделано в интересах вашего ведомства.

По лицу директора пронеслись грозовые тучи негодования.

– Вы хотите сказать, что я сам уже не ориентируюсь в интересах управления?

Лаваль ткнул в него пальцем.

– Взгляните вот сюда. Этот электронный сигнал передавался на несущей частоте управления. Он был зашифрован. Нам не удалось взломать шифр. И мы не знаем, кто осуществлял передачу. Но, судя по датам, это не мог быть Хитнер, тот, кого вы вычислили как предателя. К этому времени Хитнера уже не было в живых.

Отодвинув досье Пентагона, Старик раскрыл свое собственное.

– Я займусь утечкой, если она действительно имеет место, – сказал он. Вполне вероятно, эти болваны наткнулись на тайные переговоры «Тифона» с одним из глубоко законспирированных агентов за границей. Естественно, ведомство Мартина не пользуется обычными каналами ЦРУ. – Ну а вы займитесь министром обороны.

– Прошу прощения? – Впервые за время встречи Лаваль был в замешательстве.

– Помните, я уже говорил про грузовик, который пытался сбить Анну Хельд.

– Если честно, министр Хэллидей поделился со мной своими подозрениями о том, что именно Анна Хельд является предателем…

Принесли закуску: огромных розовых креветок, плавающих в кроваво-красном соусе.

Прежде чем Лаваль успел взять крошечную вилку, директор ЦРУ протянул ему один лист из папки, подготовленной Мартином Линдросом.

– Грузовиком, едва не сбившим Анну, управлял покойный Джон Мюэллер. – Он выждал паузу. – Вы были знакомы с Мюэллером, Лютер, не пытайтесь утверждать обратное. Он работал в Управлении внутренней безопасности, однако выучку прошел в АНБ. И Мюэллер знал Мэттью Лернера. Больше того, они вместе пьянствовали и шатались по шлюхам. И оба они были на побегушках у Хэллидея.

– У вас есть доказательства? – в открытую спросил Лаваль.

Старик был готов к этому вопросу.

– Вы прекрасно знаете, что нет. Но у меня достаточно косвенных улик, чтобы начать расследование. Анонимные переводы крупных сумм на

банковский счет Мюэллера, новенький «Ламборджини», который никак не мог позволить себе Лернер, поездки в Лас-Вегас, где оба сорили деньгами. Заносчивость порождает глупость; эта аксиома стара как мир. – Он забрал листок. – Уверяю вас, как только расследование дойдет до сената, будут закинуты сети, в которые попадется не только Хэллидей, но и его ближайшее окружение. – Старик сложил руки. – Если честно, лично мне такой грандиозный скандал не нужен. Он будет лишь на руку нашим врагам за границей. – Он подцепил креветку. – Однако на этот раз министр зашел слишком далеко. Он считает, что ему дозволено все, в том числе санкционировать убийство сотрудника государственного ведомства. – Директор ЦРУ помолчал, позволяя своему собеседнику впитать смысл его слов. Поймав взгляд главы военной разведки, Старик закончил: – Я четко обозначил свою позицию. Такого откровенно противозаконного действия я допустить не могу. Как, полагаю, и вы.

Мута ибн Азиз задумчиво смотрел сквозь толстое стекло иллюминатора на иссиня-черное ночное небо. Внизу простиралась безмятежная гладь Каспийского моря, которую время от времени заслоняли узкие полоски облаков цвета чайкиного крыла.

Он обитает в самом дальнем, самом темном уголке «Дуджи», выполняет унизительные задачи мальчишки-рассыльного, в то время как его брат купается в лучах расположения Фади. И все это из-за того одного-единственного мгновения в Одессе, из-за лжи, сказанной Фади и Кариму аль-Джамилю, – из-за того, что Аббуд запретил говорить правду. Тогда Аббуд сказал, что нужно молчать ради Фади, но сейчас, оглядываясь назад, Мута приходил к выводу, что это была лишь еще одна ложь, сказанная его братом. Аббуд настоял на том, чтобы скрыть правду о гибели Сары ибн Ашеф, исходя из своих собственных корыстных побуждений, ради укрепления своей власти в «Дудже».

Увидев показавшееся вдалеке темное пятно земли, Мута встал и взглянул на часы. Все идет строго по графику. Он потянулся, разминая затекшие члены. Его мысли вернулись к человеку, управляющему самолетом. Мута знал, что это не Уолтер Дарвин, его пилот; выходя из леса, незнакомец не подал условный знак. Кто же это в таком случае? Несомненно, агент ЦРУ; скорее всего, сам Джейсон Борн. Но ведь всего три часа назад Мута получил сообщение о том, что Джейсон Борн погиб: есть свидетель, который видел это своими собственными глазами, и электронный маячок теперь покоится на дне Черного моря.

Но что, если очевидец солгал? Что, если Борн, обнаружив маячок, выбросил его в море? Кто еще может сидеть за штурвалом самолета, как не Джейсон Борн, Хамелеон?

Мута ибн Азиз прошел в кабину. Все внимание летчика было сосредоточено на показаниях многочисленных приборов.

– Мы входим в воздушное пространство Ирана, – сказал Мута. – Вот код, который ты должен будешь назвать.

Борн кивнул.

Расставив пошире ноги, не отрывая взгляда от затылка пилота, Мута достал пистолет Коровина.

– Называй код.

Не обращая на него внимания, Борн вел самолет в глубь воздушного пространства Ирана.

Шагнув вперед, Мута ибн Азиз приставил дуло «Коровина» ему к затылку.

– Немедленно назови код.

– А что будет в противном случае? – спросил Борн. – Ты меня пристрелишь? А ты умеешь управлять «Совереном»?

Разумеется, Мута этого не умел, почему он и поднялся на борт самолета вместе со лжепилотом. В этот момент заквакало радио.

Обезличенный электроникой голос произнес на фарси:

– Салям алейкум. Эсметан чи эст?

Борн взял микрофон.

– Алейкум ас-салям, – ответил он.

– Эсметан чи эст? – повторил голос. «Кто вы такой?»

– Ты что, с ума сошел? – воскликнул Мута. – Немедленно назови код!

– Эсметан чи эст! – снова послышался голос. Теперь это уже был не вопрос. – Эсметан чи эст! – Это был приказ.

– Проклятие, назови код! – Мута ибн Азиз затрясся от ярости и ужаса. – Иначе нас собьют к чертовой матери!

Глава 31

Неожиданно Борн заложил такой крутой вираж влево, что Мута ибн Азиз, не удержавшись на ногах, пролетел через всю кабину и ударился о переборку. Он попытался было подняться, но Борн пустил «Соверен» в пике, одновременно поворачивая вправо. Мута ибн Азиз скользнул назад и врезался затылком в угол двери.

Борн оглянулся. Посланник Фади был без сознания.

Локатор показал, что снизу быстро приближаются два истребителя. Бдительная иранская система ПВО отреагировала немедленно. Развернув «Соверен», Борн установил визуальный контакт с преследователями. Как оказалось, иранцы послали наперехват два «Джей-6» китайского производства, копии старого советского «МиГ-19», стоявшего на вооружении еще в пятидесятых годах. Эти самолеты настолько устарели, что завод в Чэнду прекратил их производство больше десяти лет назад. И все же они были вооружены, а «Соверен» – нет. И Борну нужно было каким-то образом лишить перехватчики этого внушительного преимущества.

Иранские летчики ожидали, что он подожмет хвост и бросится наутек. Вместо этого Борн опустил нос «Соверена» и резко увеличил скорость, направив самолет прямо на них. Опешив, иранцы спохватились в самый последний момент, спешно отворачивая в сторону.

Как только это произошло, Борн потянул штурвал на себя до отказа, задрав «Соверену» нос вертикально и выполнив мертвую петлю, в результате чего он оказался позади обоих иранских перехватчиков. Те развернулись и, описав в воздухе два лепестка клевера, с двух сторон понеслись на Борна.

Они открыли огонь, и Борну пришлось нырнуть вниз, уходя от них. Выбрав тот «Джей-6», что был справа от него, просто потому что он находился ближе, Борн резко повернул на него. Он позволил истребителю пройти ниже, позволил летчику предположить, что он совершил тактическую ошибку. Снова ожили скорострельные пулеметы. Борн совершил обманный маневр, а когда «Джей-6» сел ему на хвост, снова задрал «Соверену» нос. Иранский летчик уже видел этот маневр и был к нему готов. «Джей-6» круто взмыл вверх вслед за своей добычей. Летчик знал, что сделает дальше его противник: бросит самолет в крутое пике. Так Борн и поступил, при этом резко заложив вираж вправо, выжимая из «Соверена» всю до последней унции скорость. «Джей-6» не отставал. «Соверен» задрожал, раздираемый могучими центробежными силами. Борн еще больше опустил нос самолета и до отказа повернул штурвал вправо.

Летящий за ним старенький истребитель начало трясти и колотить дрожью. Внезапно из левого крыла вылетело несколько заклепок. Крыло смялось, словно получив удар огромным кулаком, и оторвалось от фюзеляжа. «Джей-6» развалился на части и месивом беспорядочно кувыркающихся кусков обшивки и лонжеронов устремился к земле.

Второй иранский истребитель настиг «Соверен», и обшивку продырявили крупнокалиберные пули. Но Борн на полной скорости уходил в сторону афганской границы. Через считаные секунды он ее

пересек, однако второй «Джей-6» не отставал, неумолимо настигая его, треща пулеметами.

Чуть южнее того места, где самолеты вторглись в воздушное пространство Афганистана, проходила горная гряда, которая началась еще на севере Ирана. Но высокие пики появлялись только чуть дальше, к северо-западу от Кох-и-Мархуры. Повернув на юго-восток, Борн направил «Соверен» вниз, на остроконечные вершины.

Выходя из пике, «Джей-6» стонал и дрожал. Увидев судьбу своего напарника, иранский пилот не собирался подходить к «Соверену» близко. Однако он неотступно следовал за Борном, нависая над ним сверху, и время от времени пускал короткие очереди, целясь в двигатели.

Борн понял, что иранец пытается зажать его в узкое ущелье между двумя высокими горами. В замкнутом пространстве «Соверен» лишится превосходства в маневренности, и перехватчик сможет его настигнуть и сбить.

Впереди поднялись высокие горы, заслоняя свет. Мимо замелькали голые каменистые склоны. Оба самолета влетели в ущелье. Иранский летчик загнал «Соверен» именно туда, куда хотел. Он открыл ураганный огонь, понимая, что его добыча лишилась возможности совершать обманные маневры.

Борн чувствовал, как дрожит самолет, получая все новые и новые попадания. Если «Джей-6» попадет в двигатель, все будет кончено. И тогда уже будет поздно что-либо предпринимать. Накренив самолет, Борн повернул вправо, выходя из-под огня. Однако этот маневр принес лишь временное облегчение. Если не найти кардинальное решение, иранский истребитель рано или поздно собьет «Соверен».

Заметив слева узкую щель в сплошной каменной стене, Борн тотчас же повернул прямо на нее. И сразу же увидел опасность: остроконечная скала разделяла расселину надвое.

Проход сквозь толщу горы был настолько узкий, что «Джей-6» вынужден был лететь строго по следу «Соверена». Борн чуть повернул штурвал, заслоняя своим самолетом каменный шпиль от иранского истребителя.

Иранский летчик был уверен, что оба самолета пролетят прямо через расселину. Он был настолько одержим желанием сбить «Соверен», что, когда его добыча повернула чуть вправо, уходя от скалы, у него уже не было времени отреагировать на это. Появившийся прямо впереди каменный шпиль парализовал его своей пугающей близостью, и через мгновение истребитель врезался в скалу. В небо взметнулся огненный

шар, из которого вырвались клубы черного дыма. И самолет, и его пилот, от которых остались лишь раскаленные добела крупицы, исчезли, словно по мановению руки фокусника.

Сорайя проснулась от детского плача. Попытавшись пошевелиться, она застонала – это поврежденные нервные окончания взвыли от боли. Словно возмущенный этим вмешательством, младенец закричал еще громче. Сорайя огляделась вокруг. Она находилась в маленькой убогой комнатенке, освещенной тусклой лампой. Воздух был густо пропитан ароматом стряпни и запахом тесного скопления человеческих существ. На обшарпанной стене напротив криво висела дешевая репродукция, изображающая Христа на кресте. Где она?

– Эй! – окликнула Сорайя.

Тотчас же появился Тайрон. В левой руке он держал младенца. Маленькое личико сморщилось от крика, превратившись в сжатый кулачок.

– Привет, как себя чувствуешь?

– Как будто мне пришлось продержаться пятнадцать раундов против Майка Тайсона. – Сорайя предприняла еще одну, более сосредоточенную попытку сесть. Борясь с одеревеневшими мышцами, она сказала: – Приятель, я перед тобой в долгу.

– Я тебе как-нибудь об этом напомню. – Широко улыбнувшись, молодой негр вошел в комнату.

– А что сталось с теми ребятами из черного «Форда»? Они тебя не преследовали…

– Да они покойники, девочка. Можешь не беспокоиться, больше они к тебе приставать не будут.

Орущий младенец повернул голову и посмотрел Сорайе прямо в глаза с той бесконечной беззащитностью, какую можно увидеть только во взгляде совсем крошечных детей. Постепенно плач малышки перешел в судорожные всхлипывания.

– Дай сюда. – Сорайя протянула руки. Тайрон передал ей малышку, и та тотчас же прижалась молодой женщине к груди и жалобно пискнула. – Тайрон, да она же хочет есть!

Тайрон вышел и вскоре вернулся с бутылочкой молока. Перевернув ее, он проверил температуру, прикоснувшись к запястью.

– Пойдет, – сказал Тайрон, протягивая бутылочку Сорайе.

Та с удивлением посмотрела на него.

– В чем дело?

Сорайя вставила соску в рот младенцу.

– Да я просто не думала, что ты можешь быть вот таким домашним.

– И даже представить себе не могла, что у меня есть ребенок?

– А это твоя малышка?

– Не-ет. Это моей сестрицы. – Обернувшись, Тайрон окликнул: – Айша!

В комнату так никто и не вошел, но Тайрон, судя по всему, уловил в коридоре какое-то движение, потому что он сказал:

– Да заходи же.

В дверях смущенно застыла худенькая девочка с большими глазами цвета крепкого кофе.

– Да не стесняйся же ты, дочка. – Голос Тайрона заметно смягчился. – Это же наша мисс Шпионша.

Айша сморщила лицо.

– Мисс Шпионша! А тебе не страшно?

Ее отец рассмеялся.

– Да нет же. Только посмотри, как нежно она держит Дарлонну. Ты ведь не станешь кусаться, правда, мисс Шпионша?

– Не стану, если вы оба будете называть меня Сорайей. – Она улыбнулась девочке, отметив, что та довольно красивая. – Как ты думаешь, Айша, у тебя получится?

Девочка долго смотрела на нее, накручивая прядь волос на тоненький указательный палец. Тайрон собрался было снова одернуть дочь, но Сорайя опередила его, сказав:

– Какое у тебя красивое имя. Сколько тебе лет, Айша?

– Шесть, – очень тихо промолвила девочка. – А что означает твое имя? Мое означает: «живая и здоровая».

Сорайя рассмеялась.

– Знаю, это арабское имя. А слово «сорайя» из языка фарси. Оно переводится как «принцесса».

Широко раскрыв глаза, Айша сделала несколько шагов в глубь комнаты.

– А вы самая настоящая принцесса?

Сорайя, стараясь сдержать смех, произнесла преувеличенно серьезно:

– Нет, я не настоящая принцесса.

– Она что-то *вроде* принцессы. – Тайрон упорно не обращал внимания на любопытные взгляды Сорайи. – Просто ей не хочется об этом говорить.

– Почему? – Завороженная, девочка подошла к ним.

– Потому что за ней охотятся плохие люди, – объяснил Тайрон.

Айша повернулась к нему:

– Как те, которых ты застрелил, папа?

В наступившей тишине Сорайя услышала доносящиеся с улицы громкие звуки: хриплый рев мотоцикла, зубодробильный ритм рэп-музыки, лязг разговоров на повышенных тонах.

– Иди поиграй с тетей Либби, – наконец предложил девочке отец.

Еще раз бросив взгляд на Сорайю, Айша развернулась и выпорхнула из комнаты.

Тайрон повернулся к Сорайе, но, ничего не сказав, вдруг стащил с себя ботинок и прицельно и сильно швырнул его в угол. Посмотрев в ту сторону. Сорайя увидела валяющуюся на полу большую крысу. Каблук ботинка Тайрона аккуратно оторвал ей голову. Завернув крысу в старую газету, Тайрон вытер ботинок и вышел из комнаты.

Вернувшись, Тайрон сказал:

– Что касается матери Айши, это старая история. Ее застрелили из проезжающей мимо машины. Она обидела каких-то здешних бандитов, отказавшись торговать наркотиками на улице. – Его лицо затянулось тучами. – Естественно, я не мог оставить это просто так.

– Да, – согласилась Сорайя, – не мог.

Малышка, допив молоко, уснула. Она лежала у Сорайи на руках, дыша ровно и глубоко.

Тайрон умолк, внезапно смутившись. Сорайя склонила голову набок.

– В чем дело?

– Ну, понимаешь, мне нужно сказать тебе кое-что важное, по крайней мере мне кажется, что это важно. – Он присел на край кровати. – История долгая, но я постараюсь изложить ее покороче.

Он рассказал про автомастерскую «Эм-энд-Эн кузовные работы», про то, как с Диджеем Танком они наблюдали за мастерской, намереваясь устроить в ней гнездо своей банды. Рассказал про вооруженных людей, появившихся как-то ночью, про то, как с Диджеем Танком после их ухода они пробрались в помещение и что они там обнаружили «всякий пластит, взрывчатку и прочее дерьмо». И, наконец, рассказал про то, как мужчина и женщина распилили человеческий труп.

– О господи, – остановила его тут Сорайя. – Ты можешь их описать?

Тайрон нарисовал пугающе точные словесные портреты лже-Линдроса и Анны Хельд. «Как плохо мы знаем окружающих людей, – с горечью подумала Сорайя. – Как легко они нас обманывают».

– Ну хорошо, – наконец сказала Сорайя, – и что произошло потом?

– Они подожгли здание. Спалили его дотла, твою мать.

Сорайя задумалась.

– Значит, к этому времени взрывчатка уже была вывезена в другое место.

– Точно, – кивнул Тайрон. – И еще кое-что. Те два засранца, которых я оторвал от тебя на углу Девятой и Флориды. Одного из них я узнал. Это он в ту ночь караулил у автомастерской.

Глава 32

Ближе к окончанию воздушной драки Мута ибн Азиз зашевелился. Теперь Борн обнаружил, что он поднялся на ноги. Сам он не мог оторваться от управления самолетом, чтобы разобраться с террористом, поэтому ему пришлось искать другой способ.

«Соверен» приближался к выходу из узкого ущелья. Когда Мута ибн Азиз приставил Борну к правому уху дуло пистолета, тот направил самолет прямо на скалу.

– Что ты делаешь? – всполошился Мута.

– Убери пистолет, – ответил Борн, не отрывая взгляда от стремительно приближающейся горы.

Мута словно зачарованный уставился вперед.

– Поворачивай!

Борн держал нос самолета направленным прямо на пик.

– Ты погубишь нас обоих. – Нервно облизнув губы, Мута убрал пистолет. – Ну хорошо, хорошо! Только…

До каменистого склона оставалось совсем близко.

– Брось пистолет в противоположный угол, – приказал Борн.

– Уже слишком поздно! – воскликнул Мута ибн Азиз. – Мы все равно не успеем!

Борн уверенно сжимал штурвал. Вскрикнув, Мута швырнул пистолет на пол.

Борн потянул штурвал на себя. «Соверен» свечой взмыл вверх. Однако гора приближалась с пугающей скоростью. Места для маневра оставалось мало, совсем мало. В самое последнее мгновение Борн заметил справа щербину, словно сам господь бог отколол от вершины кусок. Он заложил поворот, тщательно высчитывая крен самолета; еще немного – и правое крыло зацепилось бы за мелькнувшие внизу скалы. Пролетев над самой вершиной, «Соверен», продолжая набирать высоту, вырвался из ущелья в чистое небо.

Мута, опустившись на четвереньки, устремился за пистолетом. Борн был к этому готов. Он уже успел включить автопилот. Отстегнувшись, он прыгнул террористу на спину и нанес жестокий удар по почкам. Сдавленно вскрикнув, Мута повалился на пол.

Борн подобрал пистолет, после чего быстро связал террориста мотком проволоки, обнаруженным в шкафчике бортинженера. Оттащив Муту в дальний угол кабины, он вернулся за штурвал, отключил автопилот и подправил курс, повернув чуть южнее. Самолет летел над сердцем Афганистана, направляясь к Миран-Шаху, району на северо-западе Пакистана, у самой границы. Именно здесь нарисовал на полетной карте кружок летчик.

Мута ибн Азиз издал долгую цепочку бедуинских проклятий.

– Борн, – добавил он, – я был прав. Ты сам сфабриковал рассказ о собственной смерти.

Борн усмехнулся:

– Что, назовем своими именами *всех?* Тогда давай начнем с Абу Гази Надира аль-Джаму ибн Хамида ибн Ашефа аль-Вахиба. Правда, «Фади» звучит гораздо короче и прямо в точку.

– Как ты мог?..

– Мне также известно, что его родной брат Карим занял место Мартина Линдроса.

Черные глаза Муты наполнились изумлением.

– А еще у них была и сестра, Сара ибн Ашеф. – Борн с мрачным удовлетворением следил за выражением лица посланника Фади. – Да, и про нее я тоже все знаю.

Лицо Муты стало пепельно-серым.

– Она сказала, как ее зовут?

В это мгновение Борн понял всю правду.

– Это ты был там в ту ночь в Одессе, когда мы должны были встретиться с нашим осведомителем. Я выстрелил в Сару ибн Ашеф, когда она выбежала на площадь. Нам едва удалось выбраться из расставленной ловушки.

– Ты ее забрал, – сказал Мута ибн Азиз. – Ты забрал Сару ибн Ашеф с собой.

– Она была еще жива, – подтвердил Борн.

– Она ничего не сказала?

Борн понял, что Мута задал этот вопрос так поспешно, потому что ему отчаянно нужно узнать ответ. Почему? Тут оставалось еще что-то неизвестное. Что он упустил?

Борн уже выложил все, что было ему известно. Однако сейчас требовалось любой ценой убедить Муту в том, что он знает гораздо больше. Борн решил, что лучше всего будет промолчать.

Его молчание оказалось лучшим оружием. Мута внезапно забеспокоился:

– Сара назвала мое имя, да?

Борн сохранил свой голос нейтральным.

– Почему она должна была вспомнить про тебя?

– Назвала, ведь так? – Мута неистово извивался, тщетно пытаясь освободиться. – Что еще она сказала?

– Не помню.

– Ты *должен* помнить.

У него в руках Мута ибн Азиз. Оставалось только его раскрутить.

– Один врач как-то сказал мне, что описание забытых вещей, каким бы отрывочным оно ни было, способно воскресить в моем сознании эти воспоминания.

Самолет приближался к границе. Борн начал плавно спускаться вниз к зазубренным горным хребтам, среди которых так надежно скрывались самые жестокие и опасные террористические группировки в мире.

Мута недоверчиво уставился на него.

– Давай выясним вот что. Ты хочешь, чтобы я тебе помог. – Он невесело усмехнулся. – Я так не думаю.

– Ну хорошо. – Все внимание Борна было сосредоточено на проплывающих внизу ориентирах. – Это ведь ты спрашивал. А мне на самом деле все равно.

Лицо Муты исказилось. Борн видел, что его что-то терзает, но не мог понять, что именно. Внешне он не подавал признака, что ему есть до этого какое-то дело, однако ответ был нужен и ему. Борн сказал:

– До посадки осталось шесть минут, может быть, даже меньше. Так что ты приготовься. – Оглянувшись на Муту ибн Азиза, он рассмеялся. – Ах да, ты уже пристегнут.

И тут Мута сказал:

– Она не была случайной.

– К несчастью, – сказал. Карим аль-Джамиль, – Лаваль был прав.

Директор ЦРУ поморщился. Определенно, он не ожидал услышать дурные известия.

– Но ведь «Тифон» постоянно пользуется каналами связи ЦРУ.

– Совершенно верно, сэр. Но, перекопав горы электронного мусора, я обнаружил три сообщения, установить происхождение которых не удалось.

Они сидели рядом на шестом ряду справа от прохода в методистской церкви на Шестнадцатой улице. На стене за ними висела табличка, гласившая:

«НА ЭТОМ РЯДУ 25 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА ВО ВРЕМЯ РОЖДЕСТВЕНСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ СИДЕЛИ РЯДОМ ПРЕЗИДЕНТ ФРАНКЛИН Д. РУЗВЕЛЬТ И ПРЕМЬЕР-МИНИСТР УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ».

То есть эта встреча состоялась всего через три недели после нападения Японии на Перл-Харбор – для Америки это действительно были черные дни. Что же касается Великобритании, то она благодаря этой болезненной катастрофе приобрела могущественного союзника.

Следовательно, это место имело особое значение для Старика. Именно сюда он приходил помолиться, разобраться в мыслях, набраться сил, чтобы и дальше заниматься своей грязной и трудной работой.

Глядя на папку, которую вручил ему первый заместитель, Старик понимал, что впереди его ждет именно такая работа.

Шумно вздохнув, он раскрыл папку. И ему в лицо ударила страшная правда, выведенная черным по белому. И все же, подняв взгляд, Старик дрогнувшим голосом спросил:

– Анна?

– Увы, это так, сэр. – Карим старательно следил за тем, чтобы держать руки на коленях. Он должен был показывать всем своим видом, что так же сражен этим разоблачением, как и Старик. Известие потрясло директора ЦРУ до глубины души. – Все три сообщения были переданы с ее личного портативного компьютера. Не штатного, выданного ЦРУ. Другого, о существовании которого мы не подозревали до самого последнего времени. Похоже, именно Анна подправила улики, ложно обвинившие Тима Хитнера.

Старик долго молчал. Они и до этого говорили тихо из-за поразительно хорошей акустики церкви, однако, когда он заговорил снова, Кариму пришлось наклониться к нему, чтобы его услышать.

– И каково содержание этих трех сообщений?

– Все они были зашифрованы, – ответил Карим. – Сейчас над ними бьются наши лучшие криптографы.

Старик рассеянно кивнул.

– Отлично сработано, Мартин. Не знаю, что бы я делал без тебя.

Сегодня, сейчас, он выглядел полностью на свой возраст и даже старше. С известием о страшном предательстве Анны его покинула искра жизни. Ссутулившись, директор вобрал голову в плечи, словно ожидая нового физического удара.

– Сэр, – тихо произнес Карим аль-Джамиль, – необходимо срочно что-то предпринять.

Директор ЦРУ кивнул, однако его взгляд был устремлен в пустоту, сосредоточенный на мыслях и воспоминаниях, о которых его спутник не мог и догадываться.

– Полагаю, все это нужно решить тихо, – продолжал Карим. – Только вы и я. Что скажете?

Слезящиеся глаза Старика всмотрелись в лицо заместителя.

– Да, решение должно быть тихим, обязательно. – Его голос превратился в шепот. На слове «решение» он дрогнул.

Карим встал.

– Идем?

Директор ЦРУ поднял на него взгляд, проникнутый черным ужасом.

– Прямо сейчас?

– Так будет лучше, сэр… для всех. – Карим помог Старику подняться на ноги. – На работе Анны нет. Полагаю, она у себя дома.

С этими словами он протянул директору пистолет.

Через несколько часов Катя вернулась в лазарет, чтобы проверить, как заживает распухшее горло Линдроса. Она опустилась на корточки рядом с низкой койкой, на которой он лежал. Но едва ее пальцы прикоснулись к неумело наложенным бинтам, как в глазах у нее блеснули слезы.

– Я это не умею, – тихо промолвила Катя, словно разговаривая сама с собой. – Я это совсем не умею.

Линдрос внимательно наблюдал за ней, перебирая в памяти окончание предыдущего разговора. Он гадал, нужно ли ему что-нибудь сказать или же, открыв рот, он лишь оттолкнет Катю от себя.

После долгого, натянутого молчания Катя наконец сказала:

– Все это время я размышляла над вашими словами.

Она наконец посмотрела ему в лицо. Глаза у нее оказались необычного серо-голубого цвета, похожие на предгрозовое небо.

– И теперь я прихожу к выводу, что Костин хотел, чтобы Фади сделал мне больно. Почему? Зачем ему это нужно? Потому что он боится, что я от него уйду? Потому что хочет показать, как опасен мир за пределами его личного мирка? Не знаю. Но он не должен был… – Потрогав опухшую щеку, Катя вздрогнула от прикосновения своих нежных пальцев. – Он не должен был позволять Фади меня бить.

– Да, не должен был, – подтвердил Линдрос. – В его силах было остановить Фади. И ты это прекрасно понимаешь.

Молодая женщина молча кивнула.

– В таком случае помоги мне, – продолжал Линдрос. – Иначе никто из нас не выберется отсюда живым.

– Не знаю… не знаю, смогу ли я.

– Тогда *я* тебе помогу. – Линдрос уселся в койке. – Если ты позволишь, я помогу тебе измениться. Но ты должна сама этого захотеть. Захотеть так сильно, чтобы пойти на любой риск.

– На любой риск. – Слабая улыбка Кати была проникнута таким отчаянием, что у Линдроса защемило сердце. – Я родилась, не имея ничего. Выросла, не имея ничего. И вдруг благодаря случайной встрече я получила все. По крайней мере мне так говорили, и какое-то время я в это верила. Однако в определенном смысле такая жизнь была даже хуже, чем если бы у меня по-прежнему ничего не было. Хотя бы это «ничего» было реальностью. А затем появился Костин. Он обещал вернуть меня в реальный мир. Поэтому я вышла за него замуж. Однако его мир оказался таким же лживым, как и тот, который я сама сотворила для себя. И я начала задаваться мыслью: «Где же мое место? Нигде».

Линдрос на мгновение прикоснулся к тыльной стороне ее руки:

– Мы оба здесь чужие.

Чуть повернув голову, Катя посмотрела на охранников.

– Вы знаете, как отсюда выйти?

– Знаю, – сказал Линдрос, – но мы сможем это сделать только вместе. – Он увидел у нее в глазах страх, но также искру надежды.

Наконец Катя сказала:

– Что я должна делать?

Анна собирала вещи, когда с улицы донесся гул мощного двигателя. Анна прислушалась, но гул замер. Она уже намеревалась вернуться к прерванному занятию, но тут шестое чувство или мания преследования заставили ее пройти в спальню и выглянуть в окно.

Анна увидела перед домом длинный черный бронированный лимузин директора ЦРУ. Из машины вышли Старик, а следом за ним Джамиль. У Анны екнуло сердце. Что происходит? Почему они вдвоем приехали к ней домой? Неужели Сорайе удалось каким-то образом добраться до Старика и сообщить о ее предательстве? Но нет, вместе с директором Джамиль. Джамиль не подпустил бы Сорайю даже близко к штаб-квартире ЦРУ, не говоря уж о том, чтобы дать ей встретиться со Стариком.

Но что, если?..

Повинуясь животному инстинкту, Анна бросилась к комоду, выдвинула второй ящик и достала из укромного места «смит-вессон», который убрала, вернувшись домой из Северо-восточного сектора.

Услышав звонок во входную дверь, Анна вздрогнула, хотя и ждала его. Засунув револьвер сзади за пояс, она вышла из спальни и спустилась по лестнице из полированного дерева вниз. В ромб матового желтоватого стекла Анна различила силуэты двух мужчин, игравших такую важную роль в ее взрослой жизни.

Медленно выдохнув, она взялась за бронзовую ручку, нарисовала на лице улыбку и открыла дверь.

– Привет, Анна. – Казалось, на лице Старика отразилась ее собственная лакированная улыбка. – Извини, что пришлось потревожить тебя дома, но случилось нечто очень... – На этом месте он запнулся.

– Да ничего страшного, – ответила Анна. – Буду только рада обществу.

Она отступила в сторону, и гости прошли в небольшую прихожую, пол которой был выложен мраморными плитами. Из красивой вазы на маленьком овальном столике с изящными гнутыми ножками поднималась россыпь лилий из оранжереи. Анна провела мужчин в гостиную, где по обеим сторонам красного с белыми прожилками каменного камина под деревянной полкой стояли лицом друг к другу два обитых шелком дивана. Она предложила гостям садиться, но оба почему-то предпочли стоять. Мужчины даже не стали снимать плащи.

Анна не смела взглянуть в лицо Джамилю из страха перед тем, что она могла там увидеть. С другой стороны, на лицо Старика смотреть было страшно. Оно было мертвенно-бледным, обескровленным, осунувшимся. «Когда это он успел так постареть?» – подумала Анна. Как быстро пролетело время! Казалось, еще вчера она училась в колледже в Лондоне, своенравная и полная жизненных сил, и впереди у нее было бесконечное светлое будущее.

– Полагаю, вы не откажетесь от горячего чая, – сказала Анна, обращаясь к лицу мумии. – И у меня припасена коробка вашего любимого имбирного печенья. – Однако ее попытка сохранить хотя бы какое-то подобие нормальной атмосферы ни к чему не привела.

– Спасибо, Анна, ничего не надо, – сказал директор. – Я говорю от лица нас обоих. – Казалось, теперь его мучает настоящая физическая боль, вроде камней в почках или опухоли. Старик достал из кармана плаща свернутую в трубку папку. Развернув ее на мягкой спинке одного из диванов, он сказал: – Боюсь, мы сделали одно крайне неприятное открытие. – Его палец скользнул по компьютерной распечатке, словно по шрифту Брайля. – Мы всё знаем, Анна.

Анна словно ощутила смертельный удар. С огромным трудом ей удалось сделать вдох. Тем не менее она произнесла совершенно нормальным голосом:

– Вы о чем?

– Нам известно о тебе все. – Старику никак не удавалось заставить себя посмотреть ей в лицо. – Нам известно о том, что ты поддерживала связь с врагом.

– Что? Я ничего не…

Наконец Старик поднял глаза и пронзил ее своим беспощадным взглядом. Анне было знакомо это страшное выражение, она видела его на лице директора, обращенное к тем, кого он вычеркнул из своего списка. Ни о ком из этих людей после того она больше никогда не слышала.

– Мы знаем, что *ты* враг. – Его голос наполнился гневом и ненавистью. Анна знала, что Старик больше всего на свете презирает предателей.

Она автоматически посмотрела на Джамиля. О чем он думает? Почему не встает на ее защиту? И тут, заглянув в его непроницаемое лицо, Анна поняла все – поняла, что он соблазнил ее своими физическими качествами и своими политическими устремлениями, чтобы использовать в собственных целях. Она для него была пушечным мясом, человеком, которым можно пожертвовать без сожаления, как простым бойцом группировки.

Больше всего Анну расстроило то, что она должна была давно это понять – с самого начала она должна была разглядеть Джамиля насквозь. Но она была так уверена в себе, так жаждала взбунтоваться против чопорной потомственной аристократии, из среды которой вышла. И Джамиль увидел, как ей не терпится швырнуть кусок дерьма в лицо своим родителям. Он воспользовался ее рвением, а также ее телом. Ради него она пошла на измену; из-за ее предательства погибнет так много людей. О господи, господи!

Повернувшись к Джамилю, Анна сказала:

– Трахал меня ты только по необходимости, да?

Это были ее последние слова, она так и не услышала его ответ, если он и собирался его дать, потому что в этот момент директор ЦРУ достал пистолет и трижды выстрелил ей в голову. Даже по прошествии стольких лет стрелять он не разучился.

Устремив невидящий взгляд на Джамиля, Анна рухнула на пол.

– Будь она проклята. – Старик отвернулся. Его голос был полон злобы. – Будь она проклята!

– Я позабочусь о том, чтобы избавиться от трупа, – сказал Карим. – Также подготовлю официальное заявление с каким-нибудь разъяснением. И я сам сообщу ее родителям.

– Нет, – глухо возразил Старик. – Это моя задача.

Карим подошел к своей бывшей любовнице, лежащей в луже крови, и посмотрел на нее. О чем он подумал? О том, что ему нужно подняться наверх и открыть второй ящик комода. Затем, перевернув труп мыском ботинка, он увидел, что удача на его стороне. Ему даже не придется заходить в спальню Анны. Карим мысленно возблагодарил Аллаха.

Натянув латексные перчатки, он вытащил из-за пояса Анны «смит-вессон», отметив, что у нее хватило присутствия духа подумать об оружии. Задержав на мгновение взгляд на лице убитой, Карим попытался вызвать в сердце хотя бы крошечную толику чувства к ней. Тщетно. Сердце его продолжало биться размеренно, как и всегда. Он не мог даже сказать, что ему будет не хватать Анны. Она выполнила свою задачу, даже помогла расчленить Овертона. Из чего следовало только то, что он сделал правильный выбор. Анна была лишь инструментом, который он использовал для борьбы со своими врагами, не больше того.

Выпрямившись, Карим перешагнул через распростертое тело Анны. Директор ЦРУ по-прежнему стоял к нему спиной.

– Сэр, – сказал Карим, – вы должны взглянуть на кое-что.

Вздохнув, Старик вытер глаза, влажные от слез.

– В чем дело, Мартин? – спросил он, оборачиваясь.

И Карим аккуратно выстрелил ему прямо в сердце из «смит-вессона» Анны Хельд.

– Она не была случайной.

Борн, сосредоточив все свое внимание на предстоящем заходе на посадку, старался не думать об этой «бомбе». «Соверен» пролетал над Завар-Кили, районом, где располагалась одна из крупнейших баз «Аль-Каиды» до тех пор, как в ноябре 2001 года ее не разбомбила американская авиация.

Наконец Борн спросил:

– Что не было случайным?

– Я имею в виду гибель Сары ибн Ашеф. Она не была случайной.

Мута ибн Азиз учащенно дышал, объятый ужасом, и в то же время он испытывал нескрываемое облегчение. Как ему хотелось поделиться этой жуткой тайной хоть с кем-нибудь! Она разрасталась вокруг его сердца, подобно раковине моллюска, слой за слоем, со временем превратившись в нечто уродливое и отвратительное.

– Ну разумеется, – настаивал Борн. Теперь для него это была единственная линия поведения; только так можно было поддержать состояние оцепенения, охватившее Муту ибн Азиза и сделавшее его разговорчивым. – Уж мне-то это хорошо известно. Это я ее убил.

– Нет, не ты. – Мута ибн Азиз принялся нервно покусывать нижнюю губу. – Ты со своей напарницей находились слишком далеко, чтобы сделать прицельный выстрел. Это мы с моим братом Аббудом убили Сару.

Борн обернулся, однако у него на лице было написано откровенное недоверие.

– Это ты придумал.

Его слова задели Муту ибн Азиза.

– Зачем мне это?

– Давай вернемся в конец, хорошо? Ты продолжаешь копошиться в моем сознании. Ты сделал это, чтобы я попал в руки к Фади и его брату. – Борн нахмурился. – Мы с тобой уже встречались? Я тебя знаю? У тебя с твоим братом есть на меня какая-то личная обида?

– Нет, нет и еще раз нет. – Мута заметно нервничал, чего и добивался Борн. – Правда состоит в том… я не могу заставить себя произнести это…

Он отвернулся. Борн с нетерпением ждал продолжения. Приближался последний этап перелета к Миран-Шаху по маршруту, составленному Уолтером Дарвином. Серо-бурые горы, сложенные из вулканических пород – белого известняка, темного кремнистого известняка, зеленоватых глинистых сланцев, – казались голыми, пустынными, безжизненными. Борн внимательно изучал окрестности, всматриваясь в изрезанные склоны на юге и на западе, ища вход в пещеру, в узкие ущелья на востоке, ища бункеры, в угрюмые холмы на севере, изрезанные глубокими оврагами, заваленными камнями. Однако он не мог найти никаких признаков ядерного центра «Дуджи», никаких следов человеческой деятельности, ни даже сарая или полевого лагеря.

«Соверен» летел слишком быстро. Чуть сбавив скорость, Борн наконец увидел впереди взлетно-посадочную полосу. В отличие от той грунтовой

дорожки, с которой он взлетел на Буюкаде, эта была бетонной. Однако по-прежнему никаких признаков присутствия человека, не говоря про современный научный комплекс. Быть может, он прилетел не туда? И это еще один из бесчисленных трюков Фади? Больше того, ловушка?

Теперь уже было слишком поздно беспокоиться. Шасси и закрылки выпущены. Скорость снизилась до посадочной.

– Ты заходишь слишком низко! – внезапно всполошился Мута ибн Азиз. – Ты коснешься полосы слишком рано. Набирай высоту! Во имя всего святого, набирай высоту!

Пролетев над одной восьмой частью взлетно-посадочной полосы, Борн направил «Соверен» вниз, и шасси коснулись бетона. Самолет покатился по дорожке. Борн заглушил двигатели и начал торможение. Только сейчас он заметил тени, высыпавшие справа.

Он успел подумать, что Мута ибн Азиз связался с Миран-Шахом и предупредил о том, кто находится на борту самолета, как вдруг правый борт со страшным грохотом проломился внутрь. «Соверен» задрожал и, словно раненый слон, повалился на колени, теряя переднее шасси. Борн, сидевший в пилотском кресле в дальней части кабины, отделался множеством мелких порезов, синяков и тем, что его затуманенный рассудок воспринял как легкое сотрясение мозга.

Инстинкт заставил его прогнать мрак, застилавший зрение, взять себя в руки и отстегнуть ремни. Шатаясь, он подошел к Муте ибн Азизу, хрустя подошвами по застывшей груде битого стекла. Воздух был наполнен мельчайшей стальной пылью, обломками плексигласа и опаленной пластмассы.

Увидев, что Мута еще дышит, Борн вытащил его из-под искореженных обломков, опаленных, обугленных, все еще горячих. Но, опустившись на корточки, он увидел зазубренный кусок стали размером с лезвие кинжала, торчащий из живота Муты.

Склонившись над раненым, Борн отвесил ему несколько сильных пощечин. Веки Муты задрожали, глаза открылись, с трудом фокусируя взгляд.

– Я ничего не придумал, – слабым хриплым голосом произнес он. Изо рта на подбородок вытекла струйка крови, собравшаяся в маленькую лужицу в ложбинке на шее, темная, источающая запах меди.

– Ты умираешь, – сказал Борн. – Расскажи, что произошло с Сарой ибн Ашеф.

Лицо Муты медленно растянулось в усмешке.

– Значит, ты все же *хочешь* знать. – Дыхание, вырывающееся из проткнутых легких, напоминало рев доисторического животного. – Значит, в конце концов, и для тебя важна правда.

– Говори! – крикнул Борн.

Схватив Муту ибн Азиза за шиворот, он приподнял его, полный решимости любой ценой вытрясти ответ. Но в это мгновение через пробоину в фюзеляже в салон ворвались террористы «Дуджи». Они оторвали Борна от посланника Фади, который хрипло закашлял, расставаясь с жизнью.

А дальше наступил самый настоящий хаос – мелькание тел, быстрая арабская речь, отрывистые приказания и еще более отрывистые ответы. Находящегося в полубессознательном состоянии Борна проволокли по залитому кровью полу и вытащили в засушливую безжизненную пустыню Миран-Шаха.

Книга четвертая

Глава 33

Сорайя Мор, стоя на углу Седьмой улицы в Северо-восточном секторе, под охраной вооруженного Тайрона, позвонила в штаб-квартиру ЦРУ – из телефона-автомата, а не с сотового.

Узнав ее голос, Питер Маркс перешел на шепот:

– Господи Иисусе, что ты натворила?

– Питер, я ни в чем не виновата, – с жаром ответила Сорайя.

– Тогда почему по всем отделам распространена директива, предписывающая каждому, кто тебя увидит, кто поговорит с тобой по телефолу, кто вступит с тобой в какой-либо контакт, немедленно докладывать об этом лично заместителю директора Линдросу?

– Потому что Линдрос на самом деле вовсе не Линдрос.

– Кто же он тогда, двойник?

У Сорайи отлегло от сердца.

– Значит, ты уже все знаешь.

– Я знаю только то, что заместитель директора Линдрос созвал общее совещание и сказал, что ты окончательно спятила. Все дело в гибели Борна, правильно? Так или иначе, Линдрос предупредил, что ты выдвинула против него самые нелепые обвинения.

«О господи, – подумала Сорайя. – Предатель настроил против меня все управление».

Услышав в голосе Маркса неприкрытое подозрение, молодая женщина все равно стойко продолжала вести свою линию:

– Он вам солгал, Питер. Правда слишком сложна, чтобы пересказывать ее по телефону, но ты должен выслушать меня. Террористы собираются взорвать здание штаб-квартиры. – Она понимала, что со стороны ее запыхавшийся, полный отчаяния голос напоминает речь сумасшедшего. – Пожалуйста, умоляю, сходи к Старику и предупреди его, что это произойдет в течение ближайших двадцати четырех часов.

– Старик и Анна отправились в Белый дом на встречу с президентом. Как сказал заместитель директора Линдрос, они пробудут там довольно долго.

– В таком случае обратись к кому-нибудь из начальников отделов – а еще лучше ко *всем* сразу. Ко всем, кроме Линдроса.

– Послушай, хватит бегать. Приезжай сюда. Тебе помогут.

– Я еще не сошла с ума, – ответила Сорайя, все больше чувствуя, что ее охватывает безумие.

Выйдя из лазарета, Катя повернулась к двум охранникам, изящным движением расстегивая две верхние пуговицы блузки. Лифчик она никогда не носила. У нее была красивая грудь, и она это знала.

Охранники играли в одну и ту же игру, правила которой Катя так и не могла уяснить. Разумеется, игра шла не на деньги, что запрещено законами ислама. Вероятно, ее целью было отточить до совершенства реакцию.

Мысленно отрешившись от своего нынешнего состояния, Катя сосредоточилась на своей прежней жизни, от которой отказалась по настоянию Костина. Когда охранники наконец обратили на нее внимание, она стояла к ним в профиль, как на съемках, чуть выгнув спину и выставив вперед грудь.

Затем Катя обезоруживающе медленно повернулась к ним. Их взгляды намертво вцепились в ее тело.

Грудная кость, куда по ее просьбе ударил Линдрос, побаливала. Катя расстегнула блузку так, чтобы охранники увидели свежий синяк. Нежная кожа покраснела и только начинала опухать.

– Только посмотрите, – сказала Катя, хотя в этом не было никакой необходимости. – Только посмотрите, что сделал со мной этот ублюдок!

Услышав эти слова, охранники вскочили и ворвались в лазарет. Они увидели Линдроса лежащим на спине, с закрытым глазом. Все его лицо было в крови. Он едва дышал.

Один из охранников повернулся к Кате, которая остановилась прямо у него за спиной.

– А *ты* что с ним сделала?

В этот самый момент Линдрос отвел правую ногу назад, открыл здоровый глаз и что есть силы ударил второго охранника в пах. Тот, изумленно ахнув, согнулся пополам.

Первый охранник оборачивался слишком медленно. Линдрос ударил его туго сжатым кулаком в горло. Закашляв, охранник выпучил глаза и потянулся за оружием. Катя, как и научил ее Линдрос, ударила его ногой под левое колено. Падая вперед, охранник с размаху налетел лицом на кулак Линдроса.

Следующие пять минут Линдрос и Катя раздевали охранников, после чего связывали и затыкали им рты. Затем Линдрос оттащил сначала одного, затем другого к шкафчику с хозяйственными принадлежностями и запихнул их туда, словно мусор. И наконец они переоделись в одежду охранников: Катя взяла вещи того, что пониже ростом, а Линдрос – более высокого.

Когда они полностью оделись, Линдрос улыбнулся. Протянув руку, Катя вытерла ему со щеки кровь из его же собственного уколотого пальца.

– Ну, как? – спросил он.

– До свободы еще очень далеко.

– Тут ты совершенно права. – Линдрос забрал оружие охранников – пистолеты и автоматические винтовки. – Умеешь пользоваться оружием?

– Я только знаю, как нажимать на спусковой крючок, – сказала Катя.

– Придется довольствоваться и этим.

Линдрос взял ее за руку, и они вышли из лазарета.

Террористы обошлись с Борном далеко не так грубо, как он ожидал. Больше того, когда его вытащили из обломков «Соверена», с ним вообще перестали обращаться грубо. Все террористы были родом из Саудовской Аравии. Борн определил это не только по их внешнему виду, но и по диалекту арабского, на котором они говорили.

Как только подошвы Борна коснулись опаленного бетона взлетно-посадочной полосы, террористы поставили его на ноги и повели к сараю, где уже ждали два армейских внедорожника камуфляжной раскраски. Неудивительно, что он не заметил их с воздуха.

Борна отвели к тому джипу, который был больше. При ближайшем рассмотрении он оказался передвижным командным пунктом. С грохотом распахнулись задние двери, из машины появились две мускулистые руки, и Борна затащили внутрь. Тотчас же стальные двери снова захлопнулись.

Из чернильно-черной темноты послышался голос, говоривший на безукоризненном английском с едва уловимым акцентом:

– Привет, Джейсон.

Мигнув, вспыхнула красноватая лампочка. Борн заморгал, привыкая к полумраку. Наконец в тусклом освещении он разглядел ряды электронного оборудования, молчаливо выдававшего таинственные сигналы, словно поддерживая связь с другой планетой. Справа посреди этого островка электроники сидел на корточках молодой бородатый саудовец. У него на голове были высококачественные наушники. Время от времени он черкал в блокноте какие-то пометки.

Слева от него, рядом с Борном, сидел здоровенный накачанный верзила. Должно быть, это он втащил Борна в передвижной командный пункт. Верзила смотрел на Борна с полным безразличием. С бритой наголо головой и огромными ручищами, скрещенными на такой же мускулистой груди, он мог бы сойти за евнуха, охраняющего султанский гарем.

Однако этот верзила охранял третьего человека, находившегося в машине, который сидел за командной консолью. Как только Борна затащили внутрь, он развернулся в кресле. Его благородное лицо растянулось в широкой улыбке.

– Знаешь, Джейсон, нам пора завязывать с привычкой встречаться вот так. – Он поджал рубиново-красные губы. – Впрочем, нет, быть может, есть особый шик в том, что мы встречаемся в самые благоприятные моменты.

– Черт побери! – воскликнул Борн, узнав стройного черноглазого мужчину с орлиным носом. – Фаид аль-Сауд!

Буквально сорвавшись с места, глава тайной полиции Саудовской Аравии бросился к Борну и стиснул его в объятиях, с чувством целуя в обе щеки.

– Друг мой, друг мой, хвала Аллаху, что ты жив! Мы понятия не имели, что ты находишься на борту самолета. Да и как мы могли догадаться? Это же личный самолет Фади! – Шутливо погрозив пальцем, он с напускной строгостью произнес: – Ну почему ты никогда не предупреждаешь о своих намерениях?

Борн и Фаид аль-Сауд уже давно были знакомы друг с другом. Один раз им пришлось поработать вместе в Исландии.

– До меня доходили слухи, что саудовские спецслужбы охотятся на Фади, хотя сами они это с жаром отрицали.

– Фади – саудовец, – совершенно серьезно ответил Фаид аль-Сауд. – Он наша головная боль.

– Ты хочешь сказать, он ваш позор, – поправил его Борн. – Боюсь, теперь Фади стал уже головной болью всего мира.

Он открыл своему другу, кто на самом деле скрывается под именем Фади, а также вкратце рассказал про то, что этот человек задумал вместе со своим братом Каримом аль-Джамилем, включая внедрение в ЦРУ.

– Наверное, ты полагаешь, что наконец вышел на главный лагерь «Дуджи», – закончил Борн. – Смею тебя заверить, что на самом деле это не так. Где-то здесь спрятан ядерный центр, в котором происходит обогащение урана. Этот уран используется для создания ядерного устройства, которое террористы собираются взорвать в одном из крупных городов Соединенных Штатов.

Фаид аль-Сауд кивнул:

– Теперь все становится на свои места.

Развернувшись, он протянул Борну топографическую карту, чтобы тот сориентировался на местности. Затем глава саудовской разведки показал снимки, полученные с разведывательного спутника.

– Они были сделаны на прошлой неделе, с разницей в две минуты, – объяснил он. – Обрати внимание, что на первом Миран-Шах изображен таким, каким мы видим его сейчас, – голым, пустынным. Но здесь, на втором снимке, отчетливо видны два джипа. Они направляются приблизительно на северо-запад. Теперь что мы видим на третьем снимке? Миран-Шах снова голый и пустынный. Ни людей, ни машин. Куда они могли пропасть за две минуты? Они точно не могли покинуть пределы поля наблюдения спутника. – Фаид аль-Сауд откинулся назад. – Если добавить к этому то, что ты сейчас сообщил, к какому мы придем выводу?

– Ядерный центр «Дуджи» находится под землей, – сказал Борн.

– Другого объяснения быть не может. Мы следили за переговорами террористов. Откуда они велись, мы не имели понятия – до настоящего времени. Сигналы исходят из-под скал и песка. Что самое любопытное, мы зафиксировали только *исходящие* сигналы. За те три часа, что мы провели здесь, никаких сообщений из внешнего мира сюда не приходило.

– Сколько у тебя здесь человек? – спросил Борн.

– Со мной двенадцать. Как ты уже выяснил, нам пришлось изображать из себя боевиков «Дуджи». Это Северный Вазиристан, самая консервативная область Северо-западной пограничной провинции Пакистана. Местные пуштунские племена имеют тесные религиозные и этнические связи с «Талибаном»; вот почему они с распростертыми объятиями встречают и «Аль-Каиду», и «Дуджу». Я не смог провести сюда больше своих людей, не вызывая ненужных вопросов.

В это мгновение человек с наушниками вырвал из блокнота листок, на котором лихорадочно делал пометки, и протянул его командиру.

– Где-то на пути распространения сигналов есть скала, а может быть, им мешает свинцовый экран центра. – Быстро пробежав взглядом листок, Фаид аль-Сауд протянул его Борну: – Думаю, тебе нужно ознакомиться с этим.

Борн прочитал фразы, написанные по-арабски.

– …(?) оба пропали. Мы обнаружили охранников в (?) шкафу.

– Давно?

– …(?) двадцать минут. (?) сказать нельзя.

– Соберите (?) всех, кого сможете. Отправьте (?) ко входу. Разыщите их.

– А затем?

– Убейте.

Линдрос и Катя бежали по лабиринту современных катакомб, спрятанных под Миран-Шахом. Из громкоговорителей, развешенных вдоль стен, звучал громкий сигнал тревоги. Сигнал зазвучал, когда впереди уже показался выход, и тотчас же Линдрос развернулся в противоположную сторону. Теперь они уходили в глубь центра.

По обрывкам услышанных разговоров и своим собственным наблюдениям Линдрос определил, что подземный центр располагается на двух уровнях. На верхнем находятся жилые помещения, кухня, пункт связи и тому подобное. Здесь же расположен лазарет. Однако

хирургический кабинет, где доктор Андурский изменил лицо Карима и пересадил ему правый глаз Линдроса, был расположен внизу, вместе с лабораториями: огромной центрифугой, где обогащенный уран концентрировался еще больше, лабораторией ядерного деления и другими.

– Наш побег обнаружен, – сказала Катя. – Что дальше?

– Переходим к плану «Б», – ответил Линдрос. – Нам нужно попасть в центр связи.

– Но это же в противоположном конце от входа, – заметила Катя. – Так нам ни за что не удастся вырваться отсюда.

Забежав за угол, они оказались в длинном коридоре, который проходил через хребет центра. Здесь всё: помещения, коридоры, лестничные клетки, лифты – было непомерно огромных размеров. В целом громадный центр наводил ужас, словно он был создан не для людей, а для полчища машин. Человеческим существам здесь не было места.

– В первую очередь нужно думать о том, как остаться в живых, и лишь затем о том, как выбраться отсюда, – возразил Линдрос. – А это значит, надо дать знать моим друзьям, где мы находимся.

Несмотря на возбуждение, он перешел с бега на быстрый шаг. Ему совсем не нравился этот бесконечно длинный коридор, уходящий вдаль. Если их здесь обнаружат, бежать будет некуда, спрятаться тут тоже невозможно.

И тотчас же его худшие опасения сбылись: в противоположном конце коридора появились двое охранников. Увидев беглецов, они схватились за оружие. Один осторожно двинулся вперед, второй остался сзади, прикрывая его, направив на добычу автоматическую винтовку.

– Мне нужно придумать, как предупредить всех, кто находится в здании штаб-квартиры ЦРУ, – сказала Сорайя.

– Но ты же сама только что слышала, что твоя родная контора за тобой охотится, – ответил Тайрон. – Что бы ты ни сделала, спасибо тебе все равно никто не скажет.

– Но я же не могу спокойно сидеть сложа руки, ведь так?

Тайрон кивнул:

– Тут ты права.

Вот почему они «ушли в тину», как выразился Тайрон: укрылись в табачной лавке, где седой старик, выходец из Сальвадора, вручную

сворачивал из выращенного у себя на огороде дерьма «настоящие кубинские сигары», которые затем втридорога продавал жаждущим клиентам, найденным через Интернет. Так получилось, что лавка принадлежала Тайрону, поэтому львиная доля прибыли доставалась ему. Это была одна из многих дыр на Девятой улице, но по крайней мере здесь все было законно.

Так или иначе, сегодня грязные стекла лавки позволяли Сорайе и Тайрону более или менее хорошо наблюдать за черным «Фордом», который Тайрон угнал у двух арабов, убитых около стройплощадки. Тайрон поставил машину прямо напротив лавки, где она сейчас и стояла, также полная ожидания.

К этой мысли они пришли вместе. Поскольку Сорайя больше не могла просто войти в штаб-квартиру ЦРУ через дверь, не могла даже позвонить туда из опасения, что ее звонок проследят, ей нужно было найти другой способ.

– Я знаю, что к чему, девочка, – сказал Тайрон. – Можешь не сомневаться, этот зверь много повидал на своем веку. Наши бородатые друзья уже давно поняли, что эта парочка не вернется домой. Думаешь, они оставят это просто так? Дудки. Они будут искать и свою тачку, и тебя. Только нельзя допустить, чтобы они тебя нашли. Можно не сомневаться, они притащатся на Северо-Восток, потому что именно здесь тебя видели в последний раз. – Его черное лицо растянулось в широкой красивой улыбке. – А когда они здесь появятся, мы налетим на них, словно мухи на дерьмо.

План был опасный, но, вынуждена была признать Сорайя, заманчивый. К тому же ничего другого она все равно не могла придумать: остальные варианты заканчивались или клеткой ЦРУ, или, еще вероятнее, ее смертью.

– Фади захватил пленных, – сказал Фаид аль-Сауд.

– Возможно, я знаю одного из них, – сказал Борн. – Это мой друг Мартин Линдрос.

– Ах да. – Глава саудовской разведки кивнул. – Тот человек, за которого выдает себя брат Фади. Значит, не исключено, что он до сих пор жив. А кто второй?

– Понятия не имею, – признался Борн.

– В любом случае нам нужно поторопиться, если мы хотим их спасти. – Фаид аль-Сауд нахмурился. – Однако мы до сих пор не представляем себе, как проникнуть в центр.

– Те машины, которые видны на снимке со спутника, – напомнил Борн. – Должны же они были куда-то деться. Причем это должно быть в радиусе тысячи метров от того места, где мы сейчас находимся. – Он указал на экран. – Можешь вывести это на печать?

– Разумеется.

Фаид аль-Сауд нажал клавишу компьютера. Послышалось негромкое жужжание, и из щели принтера выполз лист бумаги. Глава саудовской разведки протянул его Борну.

Тот вышел из передвижного командного центра вместе с Файлом аль-Саудом и его огромным телохранителем, которого, как выяснилось, звали Абдуллой.

Остановившись на юго-восточной оконечности взлетно-посадочной полосы, Борн стал сверять местность со снимком, полученным со спутника.

– Вся беда в том, что здесь ничего нет. – Фаид аль-Сауд в сердцах ударил себя кулаками по бедрам. – Как только мы сюда прибыли, я отправил на разведку троих человек. Через час они вернулись – никаких результатов.

– Тем не менее, – настаивал Борн, – эти машины должны же были *куда-то* деться.

Он вышел на взлетно-посадочную полосу и направился вперед. Справа дымился остов «Соверена», которому уже никогда больше не придется подняться в небо. Слева начиналась бетонная дорожка. Борн мысленно представил себе, как «Соверен» заходил на посадку со слишком большой скоростью.

Внезапно у него в памяти всплыли слова Муты ибн Азиза: «Ты заходишь слишком низко! Ты коснешься полосы слишком рано». Почему он так встревожился? В худшем случае шасси «Соверена» ударили бы по самому краю взлетно-посадочной полосы. Но почему это напугало Муту ибн Азиза? Какое ему до этого было дело?

Борн направился к началу бетонной полосы, внимательно глядя себе под ноги. Вот он оказался у самого края, в том месте, которого так настойчиво хотел избежать Мута ибн Азиз. Чего он боялся? Когда самолет касается взлетно-посадочной полосы, на дорожку воздействуют три фактора: сильное трение, высокая температура и большой вес. Которого из них испугался Мута?

Присев на корточки, Борн провел рукой по дорожке. Она была внешне похожа на бетон, была такой же на ощупь. За исключением одного решающего момента.

– Пощупай, – предложил Борн. – На таком жарком солнце бетон должен был раскалиться.

– Но он холодный, – удивленно заметил Фаид аль-Сауд, проводя рукой по дорожке. – Он нисколько не нагрелся.

– Из чего следует, – сказал Борн, – что это не бетон.

– Что же использовали террористы?

Борн поднялся с земли.

– Не забывай, у них есть доступ к технологиям ИВТ.

Он прошел по полосе назад. Вернувшись туда, где, судя по следам шасси, «Соверен» коснулся земли, он снова опустился на корточки и приложил ладонь к бетону. И тотчас же ее отдернул.

– Горячо? – спросил Фаид аль-Сауд.

– Вот это бетон.

– В таком случае что же там?

– Не знаю, но тот человек, который летел вместе со мной, посланник Фади, очень не хотел, чтобы я приземлялся в начале полосы.

Вернувшись к началу дорожки, Борн пересек ее от одного края до другого, лихорадочно составляя план. Им нужно получить доступ в подземный центр, найти Фади до того, как тот обнаружит сбежавших пленников. Раз существует вероятность, что один из них Линдрос…

И снова Борн внимательно изучил снимки, полученные с разведывательного спутника, сравнивая их с тем, что видел перед собой. Ядерному центру, занимающемуся обогащением урана, требуется вода – и много воды. Вот где в дело вступает глубокое ущелье, заваленное камнями. Борн заметил его еще с воздуха, и с тех пор оно оставалось у него в сознании, подобно маяку.

Его план может увенчаться успехом, вот только Фаиду аль-Сауду он наверняка не понравится. А если ему не удастся убедить своего друга, у него ничего не получится. Не исключено, что у него ничего не получится, даже если он *заручится* поддержкой главы саудовской разведки, но никакой альтернативы не было.

Подойдя к самому краю взлетно-посадочной полосы, Борн снова опустился на корточки, исследуя кромку. Затем он обратился к Абдулле:

– Ты мне не поможешь?

Вдвоем они крепко схватились за кромку и с титаническим усилием оторвали ее от поверхности.

– Итак, – сказал Борн, – вот вам и бетон.

Подойдя к ним, Фаид аль-Сауд согнулся пополам, изучая странный материал толщиной сантиметров шесть, внешне и на ощупь полностью идентичный бетону. Однако это был не бетон. А что именно, определить было невозможно. Впрочем, сейчас это не имело никакого значения. А то, что заинтересовало всех троих, то, что они разглядывали с чувством радости и бесконечного торжества, находилось *под* оторванным верхним слоем.

На одном уровне с поверхностью земли был металлический люк размером с ворота гаража на две машины.

Глава 34

– Что вы здесь делаете? – крикнул первый террорист. Определенно, он был на взводе, то есть мог в любой момент нажать на спусковой крючок.

– Нас направили к...

– Повернитесь к свету... Я вас не знаю! Немедленно бросьте оружие!

Линдрос тотчас же поднял руки. С направленной на тебя автоматической винтовкой шутки плохи.

– Не стреляйте! – воскликнул он по-арабски. – Не стреляйте! – А Кате он украдкой шепнул: – Встань впереди меня. Делай все так, как я скажу. И ради бога, что бы ни случилось, держи руки высоко поднятыми.

Они медленно двинулись к первому охраннику, который, присев на колено, держал их под прицелом. Наблюдая за ним краем глаза, Линдрос сосредоточил все внимание на том охраннике, который остался в глубине коридора. В настоящий момент именно он представлял главную угрозу.

– Стоять! – крикнул террорист, когда Линдрос и Катя оказались в нескольких шагах перед ним. – Развернитесь кругом!

Катя подчинилась. Когда она начала поворачиваться, Линдрос схватил пузырек со спиртом, захваченный в лазарете, открыл крышку и выплеснул содержимое террористу в лицо.

– Ложись! – крикнул он.

Катя рухнула на пол, а Линдрос, перепрыгнув через нее, метнулся к отпрянувшему назад террористу, выхватил у него винтовку и нажал на спусковой крючок, поливая коридор длинной очередью. Несколько пуль

попали второму террористу в руку и в ногу, отшвырнув его спиной к стене. Он открыл ответный огонь, но очень неточный. Линдрос уложил его наповал короткой прицельной очередью.

– Бежим!

Что есть силы опустив приклад винтовки на затылок первому террористу, который все еще зажимал лицо, Линдрос быстро обыскал его. Он нашел пистолет и нож с широким лезвием. Увлекая за собой Катю, он добежал до конца коридора и, забрав у второго террориста винтовку, протянул ее Кате.

Они продолжили путь к центру связи, который, по словам Кати, находился в конце коридора слева.

Внутри были двое, поглощенные работой. Бесшумно шагнув к тому из них, который сидел справа, Линдрос сунул руку ему под подбородок и, резким движением запрокинув голову назад, перерезал ему горло. Второй, обернувшись, начал подниматься с кресла, но Линдрос вонзил нож ему в грудь. Издав булькающий хрип, террорист выгнулся назад. Его легкие уже наполнились кровью. Не успело безжизненное тело сползти на пол, а Линдрос уже занял кресло и начал разбираться в работе оборудования.

– Встань у двери, – приказал он Кате. – Стреляй во все, что движется, и не переставай стрелять до тех пор, пока оно не свалится на пол.

У Фаида аль-Сауда затрещало в наушнике. Он поднес руку к уху, вжимая крошечный телефон в слуховой канал. Выслушав сообщение, он кивнул:

– Я все понял. – Повернувшись к Борну, он добавил: – Нам нужно вернуться на командный пункт. Немедленно.

Все трое быстро преодолели несколько сотен метров, отделявшие их от машины. Забравшись внутрь, они увидели лихорадочно жестикулирующего связиста. Увидев их, тот сорвал наушники с головы и прижал их одним телефоном к левому уху, чтобы одновременно слышать все.

– Мы получаем сигнал из центра, – торопливо объяснил связист по-арабски. – Неизвестный назвался Мартином Линдросом. Он говорит…

Метнувшись вперед, Борн вырвал наушники у него из руки и натянул их на голову.

– Мартин? – крикнул он в микрофон. – Мартин, это Борн!

– Джейсон… жив?

– И даже очень.

– Фади считает… погиб.

– Я очень постарался его в этом убедить.

– …ты сейчас?

– Здесь, прямо над тобой.

– …богу. Я здесь с одной женщиной по имени Катя.

– С Катей Вейнтроп?

Последовал короткий лай, который можно было считать смешком, после чего Фади, следивший за разговором в дублирующем центре связи, подал знак Аббуду ибн Азизу. Затем он снова продолжил слушать, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце. Борн жив! Он жив, и он здесь! О, сладостная месть, что может быть лучше?

– Мне следовало догадаться.

– Мартин, как… дела?

– …уничтожены. Мы хорошо вооружены. Пока что все идет хорошо.

Фади заметил, что Аббуд ибн Азиз уже направил своих людей к центру связи.

– Мартин, послушай… идем за тобой.

– Нам нужно немедленно найти более безопасное место.

– …рошо, но… продержитесь до нашего прихода.

– Постараемся.

– Мартин, без тебя ЦРУ… Мэдди постоянно спрашивает… ты ведь ее не забыл, да?

– Мэдди? Ну как я мог ее забыть!

– Точно. Держись. Конец связи.

Фади прикоснулся к беспроводному наушнику передатчика, с помощью которого держал связь с командирами отрядов.

– Теперь нам известна судьба «Соверена», – сказал он Аббуду ибн Азизу. – Появление Борна здесь объясняет то сообщение, которое я получил от наших людей из Эр-Рияда. У северной границы Ирана в воздух были подняты по тревоге два перехватчика после того, как неопознанный самолет-нарушитель, по всем признакам похожий на

«Соверен», отказался назвать код допуска. Больше об этих перехватчиках никто не слышал. – Фади решительным шагом направился в коридор. – Все это означает, что Борну удалось каким-то образом захватить самолет. Мы должны исходить из предположения, что он убил Муту ибн Азиза и летчика. – Он обнял своего помощника. – Мужайся, друг мой. Твой брат принял мученическую смерть – о чем мечтаем все мы. Он герой.

Аббуд ибн Азиз угрюмо кивнул:

– Мне его будет не хватать. – Он расцеловал Фади в обе щеки. – Приведен в действие запасной план. Когда самолет не прибыл в назначенный срок, я лично загрузил ядерное устройство в вертолет. Второй самолет ждет в Мазари-Шарифе. Я отправил сообщение твоему брату. Поскольку теперь ты не можешь вылететь прямо отсюда, тебе необходимо немедленно отправляться в путь. До срока осталось ровно двенадцать часов – именно тогда Карим аль-Джамиль подорвет взрывчатку.

– Твои слова совершенно справедливы. Но я не могу пройти мимо того, что Борн жив. Он сейчас *здесь*.

– Улетай. Борном займусь я. Тебя ждут более важные дела…

В сердце Фади вскипела слепая ярость.

– Неужели ты думаешь, что я могу оставить неотомщенным хладнокровное убийство своей сестры? Борн должен умереть от моей руки – от *моей,* понимаешь?

– Конечно, понимаю.

Аббуду ибн Азизу показалось, что у него перед глазами все поплыло: сбывались его худшие опасения. Для Фади на первом месте стоит не успех операции, а месть. И именно он, Аббуд ибн Азиз, оказался в самом центре запутанных событий, поразивших рассудок Фади и его брата. В этом он винил своего брата Муту, чей голос, обвиняющий его за ложь относительно обстоятельств гибели Сары ибн Ашеф, до сих пор звучал у него в ушах.

Для самого Аббуда ибн Азиза никакой дилеммы не было. Отсутствие реакции на известие о вероятной гибели брата явилось следствием напряженности момента. Он твердил себе, как заклинание, что ему необходимо любой ценой заставить Фади сосредоточиться на концовке игры, на козырной ядерной карте, разыграть которую могла «Дуджа», и только «Дуджа» – единственная из всех террористических группировок. Столько времени, сил, денег было потрачено ради этой единственной цели. Нельзя допустить, чтобы Фади, одержимый жаждой мщения, поставил операцию под угрозу срыва.

Оба застыли как вкопанные, услышав разнесшиеся по подземным коридорам гулкие отголоски ожесточенной перестрелки.

– Это Линдрос! – Фади прижал наушник к уху. – Уложил еще шестерых. – Он в ярости заскрежетал зубами. – Займись им и этой сучкой Вейнтроп.

Однако Аббуд ибн Азиз, вместо того чтобы развернуться, со всех ног побежал вперед к выходу. Раз ему не удается отговорить Фади отказаться от безумия, он должен ликвидировать сам источник этого безумия. Он должен найти Джейсона Борна и его убить.

– А вот и они, – заметил Тайрон.

На глазах у них с Сорайей белый «Шевроле» уже второй раз медленно проехал мимо «Форда». У перекрестка машина остановилась во втором ряду. Из нее вышли двое. На взгляд Тайрона, лицом и телосложением полные копии тех арабов, которых он завалил рядом со стройплощадкой. Правда, эта парочка была чуть помоложе. Оба в европейской одежде.

Один задержался, ковыряясь во рту зубочисткой, а второй не спеша направился к «Форду». Достав на ходу из кармана тонкую плоскую полоску металла, он подошел вплотную к черной машине и просунул ее между стеклом и наружной обшивкой водительской двери. Два или три быстрых умелых движения – и замок открылся. Араб распахнул дверь и скользнул за руль.

– Вот и отлично, – сказал Тайрон. – Пора и нам шевелиться.

– Кто-то сюда идет, – сказала Катя.

Метнувшись к ней, Линдрос схватил ее за руку и выбежал из центра связи. Сзади послышались крики.

– Беги, – сказал Линдрос. – И жди меня за углом.

– Что ты собираешься делать? Почему ты остановился?

– Джейсон передал мне закодированное сообщение. Оно означает две вещи. Во-первых, скорее всего, наш разговор прослушивался. Во-вторых, у Джейсона есть четкий план. Я должен дать ему возможность проникнуть сюда, – объяснил он. – А для этого необходимо отвлечь внимание Фади.

Катя кивнула. Ее глаза наполнились страхом. Когда она скрылась за углом, Линдрос обернулся и увидел первого террориста. Подавив желание выстрелить, он стал ждать, неподвижный, словно смерть. И

только когда в коридоре собрался целый отряд, крадущийся к центру связи, Линдрос открыл огонь, скосив всех террористов длинной очередью.

Затем, не дожидаясь появления подкрепления, он развернулся и бросился следом за Катей. При виде его у нее на лице появилось выражение бесконечного облегчения.

– Куда дальше? – спросила молодая женщина, когда они подбежали к крутой лестнице со ступеньками из грубого бетона.

– Туда, где нас не будут искать, – ответил Линдрос.

Они спустились на нижний уровень, где вытянулись вдоль коридора все лаборатории. Линдрос отметил, что ядерный центр отгорожен от остальных помещений двумя стенами с массивными дверями.

– Нам нужно найти где спрятаться, – сказал он.

Поскольку люк был так искусно замаскирован, запора ему не требовалось.

Борн стоял один у края люка. Разумеется, Фаид аль-Сауд бурно возражал, но в конце концов ему пришлось с ним согласиться. Если честно, никаких других вариантов Борн не видел. Полномасштабная атака в лоб будет равносильна самоубийству. Ну а если следовать плану Борна – что ж, есть хоть какой-то шанс.

Стенка люка была абсолютно гладкая. Ни ручек, ни каких-либо других способов открыть его вручную. Следовательно, для того, чтобы впускать и выпускать машины, должен быть какой-то электрический механизм, управляемый дистанционно. А это означало, что рядом с люком должен был быть приемник.

Борну потребовалось несколько минут, чтобы отыскать коробку с приемником. Сняв крышку, он изучил провода и замкнул два нужных. Пришел в действие гидравлический механизм. Люк плавно и бесшумно поднялся вверх, открыв испачканный пятнами машинного масла бетонный пандус – тот самый пандус, не сомневался Борн, по которому скрылись джипы, обнаруженные разведывательным спутником. Держа автоматическую винтовку наготове, Борн начал спускаться вниз.

Вскоре отраженный дневной свет перестал проникать в глубь подземелья. Борн понимал, что с этим придется мириться. Если Фади действительно перехватил его разговор с Мартином, где-то здесь его должна подстерегать засада.

Услышав далекие отголоски выстрелов, Борн понял, что Линдросу удалось отвлечь внимание на себя. Тогда он бросился на бетон и, свернувшись в комок, скатился вниз до самого конца пандуса.

Прижавшись к стене, Борн поднял винтовку, изучая зияющий впереди тускло освещенный коридор. Он не увидел ни одной живой души, никакого движения. Это его не удивило, но насторожило.

Борн двинулся вперед, пригибаясь, держась рядом со стеной. Впереди тусклые лампочки в углублениях вдоль обеих стен позволяли разглядеть коридор в самых общих чертах.

Сразу же справа находилось ответвление в подземный гараж. Борн различил смутные силуэты нескольких машин повышенной проходимости, расставленных по-военному ровными рядами. Прямо впереди начинался более узкий коридор, который, судя по всему, вел в самое сердце подземного центра.

Продвигаясь вперед, Борн краем глаза заметил какое-то движение. Слабый блеск металла, будто кто-то навел оружие. Метнувшись вправо, Борн распластался на полу.

И тотчас же град пуль вышиб из бетона осколки, ударившие его в щеку. Стреляли из гаража. Вспыхнули яркие фары, приковав Борна к месту. В тот же момент мощный двигатель хрипло кашлянул, и, визжа покрышками, один из внедорожников рванул с места и устремился прямо на Борна.

Глава 35

Побежав прямо на стремительно приближающуюся машину, Борн высоко подпрыгнул и опустился на капот. Используя сочетание момента инерции машины и своей собственной силы, он резко опустил плечо, всем телом наваливаясь на лобовое стекло.

Стекло разлетелось, и Борн локтем и рукой отшвырнул осколки. Втиснувшись в дыру, он оказался на сиденье рядом с человеком, который, учитывая близкое сходство с Мутой ибн Азизом, мог быть только его братом Аббудом.

Аббуд ибн Азиз держал наготове пистолет, но Борн схватил рулевое колесо, выкручивая его вправо. Центробежная сила швырнула его на террориста. Пистолет выстрелил, оглушив обоих, но пуля ушла в сторону и застряла в дверной стойке. Аббуд ибн Азиз успел еще дважды нажать на спусковой крючок, но тут машина на полной скорости врезалась в бетонную стену.

Борна, который приготовился к столкновению, полностью расслабившись, бросило вперед, после чего он отлетел назад. Сидевший

рядом с ним Аббуд ибн Азиз ударился о рулевое колесо, разбив в кровь лоб и сломав кость над левым глазом.

Вырвав пистолет из его обмякших пальцев, Борн отвесил ему затрещину. Он понимал, что времени у него мало, однако был полон решимости добраться до самого дна тайны гибели Сары ибн Ашеф.

– Что произошло в ту ночь в Одессе, Аббуд?

Он сознательно опустил вторую часть имени террориста, выражая тем самым свое презрение.

Аббуд ибн Азиз с трудом перекатил голову по подголовнику. Кровь струилась из нескольких ран.

– Что ты имеешь в виду?

– Это ведь ты убил Сару ибн Ашеф.

– Ты с ума сошел!

– Мне все рассказал Мута. Он сказал мне *все,* Аббуд. Это ты убил сестру Фади, а не я. И всей этой кровной мести можно было бы избежать, если бы ты сказал правду.

– Правду? – Аббуд отхаркнул кровь. – В пустыне нет такого понятия, как правда. Пески постоянно меняются, как и правда.

– Зачем ты солгал?

Аббуд снова закашлял, извергая изо рта кровь.

– Расскажи, почему ты солгал насчет смерти Сары ибн Ашеф.

Аббуд ибн Азиз снова сплюнул, едва не захлебнувшись собственной кровью. Придя в себя, он пробормотал:

– Почему я должен тебе отвечать?

– Для тебя все кончено, Аббуд. Ты умираешь. Но ты ведь это и так знаешь, да? Однако твоя смерть станет следствием автомобильной катастрофы, и в рай ты не попадешь. Но если тебя убью я, ты умрешь смертью мученика, с честью и славой.

Аббуд отвел взгляд, словно тем самым можно было избежать уготовленной ему судьбы.

– Я солгал Фади, потому что должен был так поступить. Правда его убила бы.

– Времени у нас мало. – Борн приставил ему к горлу нож. – Теперь помочь тебе могу только я один. Через минуту будет уже поздно. Ты потеряешь свой шанс стать шахидом.

– Что ты, неверный, знаешь о шахидах?

– Я знаю, что без джихада не может быть мученичества. Знаю, что джихад – это борьба за правду. Без твоего искреннего признания никакого джихада не будет, и ты не сможешь стать шахидом. Без моей помощи ты не сможешь выдержать встречу с высшим судией, которым является Аллах. Следовательно, вся твоя священная борьба во имя Аллаха, вся твоя жизнь окажется бессмысленной.

Аббуд ибн Азиз ощутил, как ему жгут глаза непрошеные слезы. Его заклятый враг прав. Он ему сейчас необходим. Аллах на пороге смерти поставил его перед страшным выбором: рассказать правду или оказаться обреченным на вечное пламя проклятия. И только сейчас Аббуд ибн Азиз наконец вынужден был признать, что его брат Мута был прав. А его самого погребли зыбучие пески лжи. Если бы он хоть раз сказал правду! Ибо сейчас для того, чтобы умереть достойно, для того, чтобы предстать чистым перед очами Аллаха, он должен будет предать Фади.

На мгновение Аббуд ибн Азиз закрыл глаза, теряя последнюю волю к сопротивлению. Затем он посмотрел прямо в лицо своему врагу.

– Это я убил Сару ибн Ашеф, а не мой брат Мута. Я *должен был* ее убить. За шесть дней до ее гибели я обнаружил, что у нее есть любовник. Я переговорил с ней один на один. Распутница даже не пробовала отпираться. Я сказал ей, что закон пустыни требует от нее покончить с собой. Она рассмеялась мне в лицо. Я сказал, что самоубийство избавит ее братьев от тяжкой необходимости убивать ее самим. Она предложила мне убираться ко всем чертям.

Аббуд помолчал. Несомненно, воспоминание о том разговоре лишило его последних сил. И все же ему удалось совладать с собой.

– В ту ночь Сара вышла из дома поздно и отправилась на встречу со своим любовником. Она наплевала на мои слова, предпочтя и дальше предавать свою собственную семью. Я был потрясен, но не удивлен. К тому времени я уже сбился со счету, сколько раз Сара говорила мне, что мы извратили ислам, исказили священные слова Аллаха ради своих интересов, чтобы оправдать нашу… как она выразилась?.. Ах да, торговлю смертью. Она отвернулась от пустыни, от наследия бедуинов. Теперь она могла принести своей семье только позор и унижение. И я ее убил. Я горжусь этим. Я совершил это убийство во имя добродетели.

У Борна защемило сердце. Он понял, что услышал достаточно. Не сказав больше ни слова, он полоснул лезвием ножа Аббуда ибн Азиза по горлу

и выскочил из машины, прежде чем хлынувшая кровь затопила переднее сиденье.

Увидев, что Аббуд ибн Азиз ослушался его приказа, Фади достал пистолет и прицелился ему в спину. Воистину, если бы не донесшиеся издалека звуки стрельбы, он без сожаления пристрелил бы своего ближайшего сподвижника. На его взгляд, никаких оправданий неповиновению быть не могло. Приказания должны выполняться без вопросов и рассуждений. Здесь не ООН, чужое мнение никого не интересует.

Фади побежал к центру связи, не в силах отделаться от жутких отголосков, вызванных этой последней мыслью. Он уже давно заметил, что братья ибн Азизы ведут себя как-то странно. Их словесные перебранки давно стали легендарными – и теперь окружающие относились к этому как к чему-то естественному. Однако в последнее время все подобные стычки стали происходить наедине, за закрытыми дверями. Впоследствии братья упорно отказывались объяснить причину своего разлада, но Фади обратил внимание на то, что растущие между ними трения начинают мешать работе. Вот почему в этот решающий момент он отослал Муту ибн Азиза в Стамбул. Ему нужно было разлучить братьев, дать им свободное пространство, чтобы преодолеть взаимную вражду. И вот теперь Мута ибн Азиз погиб, а Аббуд ибн Азиз ослушался приказа. Так или иначе, Фади лишился двух преданных сторонников.

Завернув за угол, он сразу же увидел следы кровавой бойни. Объятый яростью, Фади осторожно переступил через трупы, словно пугливый арабский жеребец. Он осмотрел все тела, заглянул и в центр связи. Всего восемь человек, и все убиты. А Линдрос захватил новое оружие.

Мысленно выругавшись, Фади собрался уже было направиться к выходу на поверхность, но тут у него затрещал наушник.

– Мы обнаружили беглецов, – доложил один из бойцов.

Фади напрягся.

– Где?

– На нижнем уровне, – ответил тот. – Они направляются к урановой лаборатории.

«Ядерная бомба», – подумал Фади.

– Как нам быть?

– Не упускайте беглецов из вида, но ни при каких обстоятельствах не вступайте с ними в бой, это понятно?

– Так точно.

Этот разговор начисто прогнал все мысли о мести. Если Линдрос найдет бомбу и вертолет, это будет конец. Столько сил, столько жертв, столько бесконечной работы и пролитой крови – и все это будет впустую.

Фади добежал до конца коридора, повернул налево, затем снова налево. Перед ним оказалась зияющая пасть кабины грузового лифта. Заскочив внутрь, он ткнул нижнюю кнопку. Двери закрылись, и кабина начала опускаться.

В какой-то момент, пробираясь по лабиринту лабораторий нижнего уровня, Линдрос почувствовал, что за ними наблюдают. Разумеется, это его встревожило, но и напугало. Почему преследователи держатся на отдалении, не нападая на них, как это было с первой группой?

Он заметил, что Катя плачет. Насилие и смерть, с которыми пришлось столкнуться молодой женщине, потрясли бы кого угодно, особенно такого человека, бесконечно далекого от плена и крови. Но, к чести Кати, она не отставала от Линдроса ни на шаг.

Внезапно Катя метнулась в сторону и, забежав в открытую дверь лаборатории, исторгла прямо на пол содержимое желудка. Линдрос, успокаивая, обхватил ее за плечи. Только теперь он окинул взглядом лабораторию, в которой они очутились. Это оказалась та самая операционная, где доктор Андурский извлек у него глаз, где он преобразовал Карима в его двойника. Завершив свою жуткую работу, Андурский привел Линдроса, чтобы похвалиться творением рук своих. Новый Мартин Линдрос задал настоящему Мартину Линдросу множество вопросов, наполняя свое сознание воспоминаниями Линдроса – причем этого оказалось достаточно, чтобы обмануть следователей ЦРУ и Джейсона Борна. И тогда Линдрос разработал особый код, надеясь, что этот код дойдет до Джейсона.

Сначала ему показалось, что в операционной никого нет, но затем он заметил за одним из столов тощее, похожее на морду хорька лицо доктора Андурского.

Сорайя, крепко обвив руками твердую, словно скала, талию Тайрона, сидела позади него на его ярко-красном «Кавасаки Ниндзя». Мотоцикл ехал по Пятой улице, следуя за черным «Фордом», снова обретшим хозяина, и белым «Шевроле». Машины свернули на северо-запад, на Флорида-авеню.

Тайрон водил мотоцикл великолепно. Сорайя отметила, что он прекрасно знает не только Северо-восточный сектор, но и весь Вашингтон. Тайрон постоянно петлял в плотном потоке машин, не задерживаясь в одном положении. От «Форда» и «Шевроле» его отделяли то две машины, то пять. Но у Сорайи ни разу не возникло опасения, что они потеряют добычу из виду.

С Флорида-авеню они въехали в Северо-западный сектор и направились прямо на север. На пересечении с Парк-роуд машины взяли чуть правее на Нью-Гемпшир-авеню, с которой практически сразу же свернули налево на Спринг-роуд, которая, в свою очередь, привела их на Шестнадцатую улицу.

И снова они поехали на север, более или менее параллельно восточной оконечности парка Рок-Крик. Обогнув северо-восточный край парка, две машины подъехали к большой погребальной конторе. Тайрон заглушил двигатель «Кавасаки», и они с Сорайей слезли с мотоцикла. У них на глазах внутренняя стена здания начала опускаться.

Перейдя на другую сторону улицы, они заметили камеру видеонаблюдения. Установленная на стене, она медленно поворачивалась из стороны в сторону, полностью прикрывая подходы к зданию.

Обе машины въехали в образовавшийся зев и спустились по пандусу вниз. Сорайя, не выпуская из виду камеру видеонаблюдения, рассчитала, что, если они последуют за машинами, камера их обязательно засечет. Сейчас она как раз начала отворачиваться в сторону, но медленно, очень медленно. Бетонная стена стала подниматься из щели в земле.

Они осторожно подходили ближе, ближе. Наконец, когда стена уже поднялась до половины, Сорайя хлопнула Тайрона по плечу. Рванув к смыкающемуся отверстию, они в самый последний момент проскочили в него. Спрыгнув на бетонный пандус, они поднялись на ноги и огляделись по сторонам.

У них за спиной стена полностью встала на свое место, погрузив их в наполненный выхлопными газами мрак.

Фаид аль-Сауд стоял у юго-западного конца каменистого ущелья. Наконец его люди заняли свои места, установив заряды. Невероятно, но террористы обладали технологиями, которые позволили им подсоединиться к подземной реке. Бойцы Фаида аль-Сауда обнаружили три трубы большого диаметра, несомненно оборудованные специальными шлюзами, регулирующими поток воды. Именно эти шлюзы и предстояло сейчас уничтожить.

Отойдя назад на несколько сотен метров, Фаид аль-Сауд отметил, что его прекрасно вышколенные люди окружили ущелье со всех сторон. Он поднял руку, привлекая внимание двух специалистов-подрывников.

В полной тишине, пропитанной жаром палящих солнечных лучей, Фаид аль-Сауд мысленно вернулся к тому моменту, когда Джейсон Борн обрисовал ему свой замысел. Первым его откликом было недоумение. Он так и сказал Борну, что этот замысел – чистое безумие.

– Мы будем действовать по старинке, – сказал он. – Ударим в лоб.

– Ты обречешь своих людей на верную гибель, – ответил Борн. – У меня есть все основания полагать, что Фади прослушивал мой разговор с Линдросом, а также, скорее всего, твой предыдущий разговор с разведывательной группой.

– Но как же ты? – спросил Фаид аль-Сауд. – Если ты пойдешь один, люди Фади изрешетят тебя, как только увидят твое лицо.

– А вот тут ты ошибаешься, – возразил Борн. – Фади жаждет убить меня своими руками. Все остальное для него неприемлемо. К тому же его слабое место заключается в том, что он уверен, будто ему удалось проникнуть в мое сознание. Фади ждет отвлекающего удара. И Линдрос нанесет такой удар, вселяя в него ощущение ложного спокойствия. Фади убедит себя в том, что он правильно разгадал мой замысел, что все находится под контролем.

– И тут в дело вступим мы. – Фаид аль-Сауд кивнул. – Ты прав. Твой замысел настолько неординарен, что может увенчаться успехом.

Он взглянул на часы. Ему не терпелось поскорее вступить в дело. Но Борн настоял на том, чтобы строго придерживаться его замысла.

– Ты должен дать мне пятнадцать минут, – предупредил он.

Оставалось девяносто секунд.

Фаид аль-Сауд бросил взгляд на усыпанное камнями дно ущелья, которое, как выяснилось, было вовсе не ущельем. Борн оказался прав. Это было русло пересохшей реки, чье дно медленно проваливалось в пустоту, проточенную водой, которая когда-то давно текла по поверхности. Подземная река снабжала ядерный центр «Дуджи» проточной водой, необходимой для работы реактора. Люди Фаида аль-Сауда установили заряды взрывчатки с той стороны ущелья, которая была ближе к центру. Этот удар имел две цели: поток воды должен был утопить или выгнать из-под земли всех до одного террористов, а также надежно похоронить канистры с обогащенным ураном до тех пор, пока сюда не прибудут полномасштабные силы экспертов ЦРУ и саудовской разведки.

Осталось пятнадцать секунд. Фаид аль-Сауд еще раз обвел взглядом своих людей. Все прошли краткий инструктаж; все понимали, что поставлено на карту. Каждый знал свою задачу.

Фаид аль-Сауд махнул рукой. Сработали детонаторы. Сдвоенный взрыв прогремел с интервалом в несколько секунд, но для Фаида аль-Сауда и его людей он показался одной долгой барабанной дробью, порывом ветра, градом каменных осколков, после которого раздался звук, которого все так ждали: низкий, утробный рев воды, хлынувшей по каменному руслу.

Глубоко под землей в ядерном центре «Дуджи» взрывы ощущались как слабое землетрясение. Все то, что стояло на полках в операционной, полетело на пол. Дверцы шкафчиков распахнулись, извергая свое содержимое. Пол тотчас же покрылся озером всевозможных жидкостей, битым стеклом, скрученными резиновыми жгутами и беспорядочной кучей хирургических инструментов.

Катя, схватившись за Линдроса и за дверной косяк, пробормотала:

– Пошли! Нам нужно уходить отсюда!

Линдрос понимал, что она права. У них было совсем немного времени, чтобы укрыться в безопасном месте, где можно будет переждать худшее.

Однако он не мог двинуться с места. Его взгляд был прикован к лицу доктора Андурского. Сколько раз, оправившись от хирургического насилия, которому подверг его Андурский, он мечтал о том, как его убьет. И не просто убьет. О господи! Каких только способов оборвать жизнь Андурского не придумал Линдрос! Бывали дни, когда эти фантазии, наполняющиеся все новыми подробностями, оставались единственным, что не давало ему сойти с ума. И все же время от времени Линдрос просыпался, не в силах стряхнуть с себя кошмарный сон о том, как стая воронья клюет хирурга-садиста, пожирает мягкие ткани его тела, обнажая скелет, а принесенный ветром песок обдирает кости, очищая их от последнего насмешливого подобия жизни. Этот сон был настолько подробным, настолько реальным, что временами Линдрос начинал опасаться, не пересек ли он грань, отделявшую его от безумия.

И вот сейчас, понимая, что нужно скорее бежать в безопасное место, Линдрос сознавал, что ему не будет покоя до тех пор, пока Андурский останется жить. Поэтому он сказал Кате:

– Иди. Подойди как можно ближе к ядерному реактору, затем забирайся в один из воздуховодов и оставайся там.

– Но ты должен пойти со мной. – Катя дернула его за руку. – Мы пойдем вместе.

– Нет, Катя, я сначала должен сделать одно дело.

– Но ты же обещал. Ты говорил, что мне поможешь.

Развернувшись, Линдрос устремил на нее взгляд своего единственного глаза.

– Я тебе помог, Катя. Но ты должна понять, что, если я не останусь здесь и не сделаю это дело, я до конца дней своих буду ходячим трупом.

Молодая женщина поежилась.

– В таком случае я остаюсь с тобой.

Весь центр снова вздрогнул и застонал, словно от невыносимой боли. Откуда-то неподалеку донесся пронзительный визг расколовшейся стены.

– Нет, – резко произнес Линдрос, поворачиваясь к Кате. – Это даже не обсуждается.

Она подняла винтовку.

– А я говорю, что остаюсь.

Линдрос кивнул. А что ему оставалось? Время поджимало. Вдалеке слышался глухой рев, который приближался, становился громче, сильнее с каждым ударом сердца. «Вода! – сообразил Линдрос. – Боже милосердный, Джейсон решил затопить подземный центр!»

Не говоря ни слова, он решительно прошел в операционную. Катя следовала за ним на расстоянии нескольких шагов, держа винтовку наготове. Все те несколько минут после того, как беглецы покинули центр связи, она внимательно наблюдала за Линдросом и теперь получила кое-какое представление о том, как пользоваться этим орудием смерти.

Линдрос надвигался на доктора Андурского, который все это время оставался на месте, спрятавшись за тем самым операционным столом, на котором он удалил Линдросу глаз. Он в ужасе не отрывал взгляд от Линдроса, словно завороженный кролик, покорно следящий за тем, как в темноте на него бесшумно летит сова, готовая схватить его своими мощными когтями.

Проходя по операционной, Линдрос прилагал все силы, чтобы побороть приступ тошноты, не дать тошнотворному сладковатому запаху анестезирующих средств проникнуть в ноздри. Ему приходилось снова и снова бороться с ощущением беспомощной ярости, буквально парализовавшей его, когда он, очнувшись, обнаружил, чего его лишили.

Однако вот он, доктор Андурский, прямо перед ним. Линдрос схватил его за грудки своими руками-когтями, обжигая плоть.

– Здравствуйте, доктор, – сказал Линдрос.

– Нет, прошу вас, не надо. Я не хотел. Меня заставили.

– Пожалуйста, просветите меня, доктор. После всех тех молоденьких мальчиков, которых вам безотказно поставляли, вас заставили вырвать мне глаз? Заставили силой – или что? Пригрозили, что мальчиков больше не будет?

– Мартин, – окликнула Катя, широко раскрыв глаза от ужаса. – Время поджимает. Уходим! Пожалуйста, умоляю тебя именем господа!

– Да, да, послушайте ее. Проявите сострадание. – Андурский заплакал, содрогаясь всем телом, как дрожали стены вокруг. – Вы ничего не понимаете. Я слабый человек.

– Ну а я, – сказал Линдрос, – набираюсь сил с каждым новым вдохом. – Он приблизил Андурского к себе, словно возлюбленную. Сейчас все будет по-другому. Конец станет другим.

Впитав силы из бездонного колодца гнева, Линдрос вдавил большие пальцы Андурскому в глаза.

Тот завизжал, забился, отчаянно пытаясь вырваться. Но Линдрос держал его неумолимой смертельной хваткой. Все до одной клеточки его организма были нацелены на одно. Словно в трансе он ощущал подушечками пальцев мягкую, пружинящую ткань глазных яблок. Сделав глубокий вдох, Линдрос выдохнул и медленно, неудержимо вдавил пальцы в глазницы Андурского.

Хирург снова закричал, но пронзительный нечеловеческий звук резко оборвался, когда Линдрос погрузил пальцы до конца. Тело Андурского подергалось, подчиняясь вегетативной нервной системе, приводимой в действие остатками гальванической энергии. Но вскоре и это закончилось. Линдрос разжал руки, и Андурский стек на пол, словно все кости его тела растворились.

Глава 36

Фади услышал крики боли ядерного центра, который он строил сам, по собственному проекту, увидел трещины, подобно молниям разорвавшие прочный железобетон. Затем по коридорам разнеслись отголоски грозного рева, и он понял, что надвигается вода – галлоны, тонны воды. С минуты на минуту центр будет затоплен. Все мысли Фади застыли на ядерном устройстве.

Он пробежал по коридору мимо лифта, расталкивая растерявшихся охранников, ждавших от него приказаний. Фади хотел было направить их к выходу на поверхность, чтобы они разыскали Борна, но затем передумал. В конце концов, они – не более чем пушечное мясо. Кому какое дело, если они погибнут? Там, откуда они пришли, есть другие такие же, неиссякаемый запас молодых парней, горящих желанием идти за ним, готовых умереть за него, принести себя в жертву во имя великого дела, во имя мечты о том, что придет день, когда в мире не останется неверных и воцарится всеобщая справедливость.

Фади воспринимал как должное, что к такому жестокому отношению к своим сподвижникам его вынудили враги. Под этим знаменем он прожил всю свою взрослую жизнь. Фади повторял себе это по нескольку раз в день, хотя ему никогда не приходило в голову, что он должен оправдываться перед самим собой в своих решениях и поступках. Его рассудком, его сердцем, его рукой руководил Аллах; он в этом нисколько не сомневался. До настоящего момента ему даже в голову не приходило, что его замысел может окончиться неудачей. Теперь же эта мысль вышла на первое место, заслонив даже безумную жажду отомстить за инвалидность отца и смерть сестры.

Сбежав вниз по лестнице, Фади обнаружил, что нижний уровень уже заполнен слоем воды по щиколотку. Достав «глок-36», он проверил, что обойма полностью снаряжена патронами 45-го калибра. Вода плескалась под ногами, поднимаясь с каждым его шагом. Фади чувствовал себя так, словно бредет против течения, и это ощущение воскресило в памяти воспоминание о той встрече с Борном под причалом в Одессе. Сейчас он жалел о том, что не прикончил Борна прямо тогда. Если бы не эта проклятая собака, он обязательно довел бы дело до конца.

Однако сейчас не было времени горевать об упущенных возможностях, и Фади был не из тех, кто зацикливается на «а если бы». Он был законченным прагматиком, и это диктовало ему то, что он должен добраться до вертолета с бесконечно ценным грузом на борту. К сожалению, секретный выход на замаскированную вертолетную площадку располагался в дальней части нижнего уровня. Это было сделано сознательно, ибо выход находился в непосредственной близости к ядерному реактору. Еще только создавая центр, Фади рассудил, что именно там он будет находиться, если центр все-таки будет обнаружен и подвергнется удару.

Но он никак не мог предположить, что поисковый отряд наткнется на подземную реку. И вот сейчас ему нужна та самая часть центра, где ревущий поток воды был самым стремительным. Однако если он доберется до цели, все будет хорошо, поскольку вертолетная площадка по всему периметру оборудована широкими дренажными трубами.

Поглощенный этими мыслями, Фади пробегал мимо открытой двери в операционную и вдруг увидел Катю. Молодая женщина неуклюже сжимала в руках автоматическую винтовку. Однако Фади остановил не вид жены Вейнтропа. Он застыл на месте, увидев Мартина Линдроса, стоящего с окровавленными руками над трупом доктора Андурского, человека, который его искалечил.

Полумрак подвальных помещений под моргом нарушался заунывными арабскими песнопениями. Люди Карима молились, обратив взор в сторону Мекки. Освещение пробивалось из нижней части пандуса. Тайрон был в кроссовках, а Сорайя разулась, чтобы заглушить звук своих шагов.

Осторожно пробираясь вдоль нижней части пандуса, Сорайя и Тайрон осматривали подвал. Первым делом Сорайя разглядела те две машины, которые они преследовали: белый «Шевроле» и черный «Форд». За ними застыл сверкающий черный лимузин. Слева от «Шевроле» на маленьких молитвенных ковриках стояли на коленях четверо, прижав лоб к полу. Справа находилась застекленная дверь. Сорайя как могла выкрутила голову, но не смогла заглянуть сквозь стекло.

Они ждали. Наконец молитва закончилась. Арабы встали, скатали коврики и убрали их. Затем группа разделилась. Двое поднялись по лестнице из нержавеющей стали в погребальную контору. Двое оставшихся натянули латексные перчатки, открыли двери «Форда» и принялись за работу с тщательной дотошностью криминалистической бригады.

Сорайя, которой хотелось узнать, что находится за стеклянной дверью, подала Тайрону знак оставаться на месте и при необходимости прикрыть ее. Кивнув, молодой негр достал пистолет с рукояткой, обмотанной черной изолентой, и отступил в тень. В который раз за последние несколько часов Сорайя испытала облегчение от сознания того, что он рядом. Привыкший к улице, он знал город гораздо лучше ее.

Следя за двумя арабами, которые осматривали «Форд», Сорайя выждала момент, когда они повернутся к ней спиной, после чего бесшумно перебежала к двери. Повернув ручку, она скользнула внутрь.

И тотчас же на нее обрушился сильный холод помещения, где хранились трупы. Впереди был короткий и широкий коридор, в который выходили шесть открытых дверей. Заглянув в первую, Сорайя увидела трупы двух арабов, которые напали на нее рядом со стройплощадкой. В соответствии со строгими исламскими традициями Саудовской Аравии, они лежали на голых деревянных щитах, одетые в простые халаты. Этих покойников бальзамировать не будут.

У Сорайи екнуло сердце. Наконец она получила первое убедительное доказательство того, что Карим работает в связке с террористической ячейкой «Дуджи» в Вашингтоне. Ну как ЦРУ могло прозевать террористов, действующих у него прямо перед носом? Современные технические средства наблюдения способны творить чудеса, но даже лучшая электронная сеть не сможет ловить всех, кто проникает на американскую землю.

Вторая и третья комнаты, в которые заглянула Сорайя, оказались пустыми, но в четвертой над операционным столом склонился черноволосый мужчина. С латексными перчатками на руках, он с помощью специального насоса закачивал в лежащее на столе тело отвратительного розового цвета жидкость для бальзамирования. Время от времени он отрывался от работы и разминал руками белую, словно рыбье брюхо, плоть, обеспечивая равномерное распределение жидкости по кровеносным сосудам трупа.

По мере того как мужчина обходил вокруг стола, Сорайя получила возможность увидеть сначала голову, затем лицо покойника. Как только ее сознание прошло через стадию шока и смогло обработать зрительный образ, ей пришлось прикусить губу, чтобы не вскрикнуть.

«Нет! – подумала она, переполненная страхом и паникой. – Этого не может быть!»

Однако это было так.

Здесь, в погребальной конторе, принадлежащей «Дудже», лежал на столе труп директора Центрального разведывательного управления. Старик был мертв, в его груди напротив сердца зияла пулевая рана.

Запомнив план подземного центра, закрепленный на стене, Борн выбежал из гаража и тотчас же увидел бегущих навстречу вооруженных террористов. Нырнув обратно, он забрался в самую маленькую машину. К счастью, в ней, как и во всех других, ключ торчал в замке зажигания – можно было не возиться, замыкая провода.

С ревом выехав в коридор, Борн утопил педаль газа в пол, и машина понеслась вперед, словно стрела, выпущенная из арбалета. Врезавшись в самую гущу террористов, она разметала их на пол и в стороны. Борн помчался дальше к грузовому лифту.

Двери раскрылись, и Борн въехал в кабину, подмяв под колеса еще четверых вооруженных боевиков. Выбравшись из машины, он ткнул кнопку нижнего уровня. Огромная кабина пришла в движение. Борн выхватил у одного из валяющихся на полу террористов автоматическую винтовку.

Опустившись вниз, кабина остановилась, однако двери не открылись. Через щель между створками из коридора потекла вода. Открыв панель управления на стене, Борн нажал кнопку ручного открытия дверей. Она также не действовала.

Забравшись на крышу машины, Борн с силой несколько раз ударил прикладом винтовки по маленькому квадратному люку в потолке кабины. Наконец люк не выдержал. Сорвав крышку, Борн закинул винтовку на спину и, подтянувшись, выбрался на крышу кабины. Там он опустился на корточки рядом с большой коробкой управления и снял с нее крышку. Отыскав нужные провода, Борн замкнул их на клеммы питания. Двери тотчас же открылись, и в кабину хлынул мощный поток воды.

Спустившись вниз, Борн сел за руль машины, включил передачу и, визжа покрышками, выехал в затопленный нижний уровень. Дав газ, он поехал в сторону ядерной лаборатории. Вода продолжала прибывать. Еще немного, и она зальет двигатель. Было необходимо непрерывно оставаться в движении, иначе двигатель заглохнет и Борн лишится своего преимущества.

Однако вскоре машина и так полностью исчерпала себя. Прямо впереди Борн увидел Фади, перегородившего дорогу. Своей мускулистой левой рукой Фади держал перед собой Мартина Линдроса. В правой руке у него был «глок-36», приставленный дулом к виску Мартина.

– Борн, я гонялся за тобой по всему свету, но теперь эта гонка закончена! – крикнул Фади, перекрывая рев прибывающей воды и шум двигателя. – Выключи зажигание! Выходи из машины! Живо!

Борн повиновался. Теперь, оказавшись вблизи, он увидел в правом ухе Фади беспроводной наушник. Значит, Фади *действительно* прослушивал все переговоры.

– Брось винтовку! Брось все свое оружие! А теперь подними руки так, чтобы я их видел, и медленно приближайся ко мне.

Борн зашлепал по воде, не отрывая взгляда от изувеченного лица Мартина. Единственный глаз горел огнем неистовой гордости. Борн догадался, что Мартин собирается что-то предпринять. Ему захотелось предостеречь друга, поскольку у него самого был план, как разобраться с Фади. Но Линдрос всегда хотел быть героем.

И действительно, в левой руке у него появился скальпель. Мартин вонзил острое лезвие Фади в бедро, и тот выстрелил. Он целился Линдросу в голову, однако резкая боль вызвала судорожное сокращение мышц, и пуля попала Линдросу в подбородок. И все же это была мощная

пуля 45-го калибра. Мартина отбросило в открытую дверь операционной.

Борн прыгнул вперед, ударив Фади плечом в солнечное сплетение, пока тот вырывал из мышечной ткани скальпель. Оба противника упали в воду, которая поднялась уже до колена. Схватившись за «глок», Борн развернул его дулом вверх, поэтому следующая пуля безобидно ушла в воздух. Но к этому времени Фади выдернул скальпель из бедра и, стремясь довести до конца начатое, попытался пырнуть Борна в левый бок.

Однако Борн был к этому готов. Он поднял «глок», а вместе с ним и правую руку Фади, и лезвие скользнуло по толстому стволу. Сообразив, что в воде от пистолета не будет никакого толка, Фади разжал руку и, схватив Борна за грудки, повалил его на спину. Удерживая локтем правой руки голову Борна под водой, он левой снова и снова пытался вонзить в него скальпель.

Борн извивался, стараясь увернуться от острого лезвия. При этом он изогнулся так, чтобы его руки оказались над поверхностью воды. Максимально используя силу плеч, Борн ударил ладонями по ушам Фади. Террорист отшатнулся назад, хватаясь за правое ухо. Своим ударом Борн вогнал наушник в ушную раковину и порвал барабанную перепонку.

Фади выронил скальпель, теряя равновесие. Почувствовав это, Борн ударил Фади обеими ногами, при этом разворачиваясь на бок. Фади отлетел далеко назад, дав Борну возможность вынырнуть.

Борн бросился на своего противника. В этот момент из глубины коридора донесся яростный рев. Фади, похоже, до сих пор не оправился от последствий лопнувшей барабанной перепонки. Из правого уха у него сочилась струйка крови. Борн сблизился со своим врагом и вдруг ощутил жалящий укол кривого ножа, которым Фади полоснул его по тыльной стороне руки.

Сорвав с себя ремень, Борн обмотал им костяшки пальцев, используя несколько слоев толстой кожи для защиты от острого лезвия. Однако вскоре натянутая кожа стала распадаться под ударами ножа. Еще немного – и он окажется беззащитным.

Рев перешел в жуткое завывание. Что это такое? Фади, почувствовав шанс, двинулся вперед, размахивая лезвием перед собой. Отчаяние придало ему дополнительные силы. Борн вынужден был попятиться к операционной.

Вдруг краем глаза он увидел мелькнувшее движение. Кто-то выскочил из двери в операционную. Женщина: Катя. Лицо у нее было в слезах.

Руки были красными от крови – крови Мартина. Значит, это она попыталась бежать вместе с Линдросом. Но потом Фади их обнаружил. Почему Мартин не увел молодую женщину в безопасное место, как советовал ему Борн? Но теперь уже было слишком поздно.

– Только посмотрите, что они с ним сделали! – простонала Катя.

Борн заметил у нее в руке какой-то блестящий металлический предмет.

Выйдя в коридор, Катя направилась к нему. В этот момент рев достиг лихорадочных нот. Катя обернулась, уставившись в глубь коридора. Проследив за ее взглядом, Борн увидел стену воды, заполнившую коридор от пола до потолка, которая стремительно надвигалась на них.

Лезвие Фади еще раз полоснуло по импровизированному щиту. Все слои кожи распались, открывая окровавленные пальцы.

– Назад! – крикнул Борн Кате. – Укройся!

Вместо этого молодая женщина брела к нему по пояс в воде. Однако теперь поток стал настолько сильным, что ей уже не удавалось идти прямо. Фади попытался вонзить нож Борну в грудь, но тот отбил его ногой. Террорист потерял равновесие. Лезвие метнулось в сторону, окровавленной левой рукой Борн ударил по рукоятке, отбивая нож вверх и вбок.

Катя, поняв, что ей до него не дойти, бросила Борну металлический предмет.

Тот поймал его в полете – хирургический нож для ампутаций с лезвием длиной двадцать два сантиметра. Одним стремительным движением Борн перехватил его, вонзил отточенное лезвие Фади в горло и опустил через ключицу вниз, в грудь.

Фади уставился на него, раскрыв рот. В мгновение смерти он оказался парализованным, беспомощным. Все мысли покинули его. Террорист словно застыл во времени. По его стекленеющим глазам было видно, что он пытается что-то понять. Однако и это ему тоже не удалось.

Бурлящая стена воды была уже совсем близко. Борну не оставалось ничего другого, кроме как вскарабкаться по телу Фади. Ухватившись за вентиляционную решетку, он подтянулся, затем протянул руку Кате. Впоследствии Борн так и не решил, могла ли Катя уцепиться за него. Она стояла неподвижно, уставившись в пустоту, не обращая внимания на его крики.

Борн уже собирался прыгнуть к ней, но тут вода ударила его гигантским яростным кулаком, выбивая весь воздух из груди. С ревом демонов, обитающих на вершине Рас-Дашана, бушующая волна вырвала из-под

него труп Фади, засасывая Катю в свое разъяренное сердце. Пенясь и ревя, вода неслась по подземному центру «Дуджи», словно Великий потоп, истребляя все на своем пути, принося полное очищение.

Глава 37

В мужественном сердце Фаида аль-Сауда крепла уверенность, что настанет день – не скоро, быть может даже не на его веку, когда война с кочевниками пустыни, жаждущими поджечь весь мир и уничтожить его родину, закончится победой. Для этого потребуются великие жертвы, непреклонная решимость и железная воля, а также союз с неверными, такими, как Джейсон Борн, которому удалось хоть краем глаза заглянуть в рассудок арабов и понять, что им пришлось пережить. Но в первую очередь потребуются терпение и настойчивость, что будет особенно важно во время неизбежных неудач. Однако наградой станут такие дни, как этот.

Взорвав вторую часть зарядов «Си-4», его люди направили поток воды в другую сторону и проникли в подземный центр «Дуджи» через отверстие, проделанное первым взрывом. Фаид аль-Сауд стоял на краю замаскированной вертолетной площадки, похожей на плоское дно колодца. Над головой отверстие в скальных породах расширялось по мере приближения к выходу, который также закрывался специальным маскировочным люком, неотличимым от окружающих гор.

Вода наконец спала, проглоченная огромными дренажными трубами, построенными на нижнем уровне центра.

Прямо перед Фаидом аль-Саудом на приподнятой платформе, не тронутой потопом, стоял вертолет, который, несомненно, должен был доставить Фади и ядерное устройство к месту назначения. Один из саудовских коммандос держал под прицелом летчика.

Хотя Фаиду аль-Сауду очень хотелось узнать, что сталось с Борном, он по понятным причинам не хотел никому доверять ядерное устройство. К тому же уже одно то, что он сейчас стоит здесь, вместо того чтобы провожать взглядом вертолет с Фади, красноречиво свидетельствовало о победе Борна. И все же Фаид аль-Сауд направил своих людей на поиски друга. Ему очень хотелось разделить с ним это торжественное мгновение.

Однако его люди привели мужчину в годах с высоким, широким лбом и орлиным носом, в очках с треснувшими стеклами.

– Я просил вас разыскать Джейсона Борна, а вы привели мне вот это. – За раздражением Фаид аль-Сауд скрыл тревогу. Где Джейсон? Может быть, сейчас он лежит раненый в кишках этой адской дыры, которой сделали промывание? Жив ли он?

– Этот человек говорит, что его зовут Костин Вейнтроп, – доложил командир.

Разобрав свою фамилию в быстром потоке арабских слов, мужчина в очках поправил:

– *Доктор* Вейнтроп.

К этому он добавил что-то на таком плохом арабском, что его никто не понял.

– Будьте добры, говорите по-английски, – с безупречным британским произношением сказал Фаид аль-Сауд.

Не скрывая облегчения, Вейнтроп воскликнул:

– Хвала господу, что вы здесь! Нас с женой держали пленниками.

Фаид аль-Сауд смотрел на него, безмолвный, словно Сфинкс.

Вейнтроп смущенно кашлянул.

– Пожалуйста, отпустите меня. Я должен найти свою жену.

– Вы говорите, что вы доктор Костин Вейнтроп. Вы говорите, что вас и вашу жену держали здесь на положении пленников. – Растущее беспокойство за судьбу друга сделало Фаида аль-Сауда еще более язвительным. – Мне известно, кого здесь удерживали в плену, и это были не вы.

Вейнтроп испуганно повернулся к бойцу, который его привел.

– Там осталась моя жена Катя. Вы не знаете, нашли ли ее?

Командир по знаку своего начальника молчал, как камень.

– О боже, – простонал Вейнтроп. Забывшись от потрясения и тревоги, он перешел на свой родной румынский. – Господи Иисусе на небеси…

Нисколько не тронутый, Фаид аль-Сауд бросил на него взгляд, полный презрения. Но тут его внимание привлек какой-то шум позади.

– Джейсон!

При виде своего друга он бросился к выходу на вертолетную площадку. Вместе с Борном был еще один саудовский коммандос. Вдвоем они вели высокого, ладно скроенного мужчину, чье лицо выглядело так, словно его пропустили через мясорубку.

– Слава Аллаху! – воскликнул Фаид аль-Сауд. – Фади жив или мертв?

– Мертв, – ответил Борн.

– Кто это, Джейсон?

– Мой друг Мартин Линдрос, – сказал Борн.

Начальник саудовской разведки тотчас же подозвал врача.

– Джейсон, ядерное устройство находится в вертолете. Невероятно, но оно уместилось в небольшой черный чемоданчик. Как Фади такое удалось?

Борн задержал на Вейнтропе взгляд, полный отвращения.

– Здравствуйте, доктор Сандерленд, – или лучше называть вас Костином Вейнтропом?

Вейнтроп вздрогнул.

Фаид аль-Сауд поднял брови.

– Ты знаешь этого человека?

– Мы с ним уже встречались один раз, – подтвердил Борн. – Доктор Вейнтроп – необычайно талантливый ученый, чьи интересы лежат в самых различных областях. В том числе в миниатюризации.

– Значит, это он сделал все вспомогательные электрические цепи такими, что ядерное устройство удалось запихнуть в чемодан. – Фаид аль-Сауд помрачнел. – А он утверждал, что их с женой держали здесь на положении пленников.

– Меня *действительно* держали здесь в плену, – упрямо настаивал Вейнтроп. – Вы ничего не понимаете. Я…

– Итак, про него нам все известно, – не дослушав его, продолжал Борн. – Что же касается его жены…

– Где она? – судорожно сглотнул комок в горле Вейнтроп. – Вам это известно? Я хочу увидеть свою Катю!

– Кати нет в живых. – Борн произнес это резко, даже жестоко. Он не испытывал никакого сострадания к человеку, который вступил в заговор с Фади и Каримом, чтобы уничтожить его, их злейшего противника, изнутри. – Она меня спасла. Я попытался ее спасти, но ее увлек поток воды.

– Это ложь! – побелев от ярости, крикнул Вейнтроп. – Она у вас в руках! Она у вас в руках!

Схватив за руку, Борн потащил его в комнату, из которой появился. После того как потоп схлынул, саудовские коммандос сносили сюда все

найденные трупы. Рядом с трупом Фади лежала Катя, неестественно запрокинув голову.

Вейнтроп издал нечеловеческий стон. Борн, глядя на то, как он упал на колени, ощутил укол жалости к этой молодой красивой женщине, которая пожертвовала собой, чтобы он расправился с Фади. Похоже, гибели Фади она жаждала так же сильно, как и он сам.

Борн перевел взгляд на труп Фади. Остекленевшие мертвые глаза, до сих пор открытые, казалось, смотрели на него с бесконечной ненавистью. Достав сотовый телефон, Борн опустился на корточки и сделал несколько снимков лица Фади. Закончив, он выпрямился и оттащил Вейнтропа обратно к вертолетной площадке.

Борн обратился к Файлу аль-Сауду:

– Летчик в кабине?

Глава саудовской разведки кивнул.

– За ним присматривают. – Он указал на маленький чемоданчик: – А вот и бомба.

– Вы уверены, что это и есть адское устройство? – спросил Вейнтроп.

Фаид аль-Сауд посмотрел на эксперта. Тот кивнул.

– Я открывал чемоданчик. Это действительно ядерная бомба.

– Что ж, в таком случае, – на удивление, голос Вейнтропа наполнился дрожью возбуждения, – на вашем месте я бы снова открыл чемоданчик. Быть может, вы увидели не всё, что находится внутри.

Фаид аль-Сауд вопросительно посмотрел на Борна, тот кивнул.

– Открывай, – приказал глава саудовской разведки своему эксперту.

Тот осторожно уложил чемоданчик на бетонный пол и поднял крышку.

– Взгляните на левую сторону, – сказал Вейнтроп. – Нет, ближе к краю.

Саудовский эксперт склонился над чемоданчиком и тотчас же непроизвольно отпрянул назад.

– Включился таймер.

– Такое происходит, когда чемоданчик открывают, не набрав нужного кода.

Теперь Борн узнал прозвучавшие в голосе Вейнтропа нотки: это было торжество.

– Сколько остается времени? – спросил Фаид аль-Сауд.

– Четыре минуты тридцать семь секунд.

– Это я разработал эту схему, – заявил Вейнтроп. – И я могу ее остановить. – Он перевел взгляд с Фаида аль-Сауда на Борна. – Взамен я хочу получить свободу. Меня не должны будут преследовать. Никаких переговоров. Мне нужна новая жизнь, полностью оплаченная.

– И все? – Борн ударил его с такой силой, что Вейнтроп отлетел к стене. Он поймал его за грудки. – Нож!

Фаид аль-Сауд сразу понял, что от него требуется. Он протянул Борну нож.

Схватив нож, Борн тотчас же полоснул лезвием Вейнтропа по ноге чуть выше коленной чашечки.

Вейнтроп вскрикнул.

– Что вы сделали? – Он затрясся в судорожных рыданиях.

– Нет, доктор Вейнтроп, что *ты* сделал. – Борн присел рядом с ним, держа окровавленное лезвие у него перед глазами. – У тебя чуть меньше четырех минут на то, чтобы отключить таймер.

Вейнтроп раскачивался, сидя на полу, обхватив руками окровавленное колено.

– А как же… как же мои условия?

– Вот *мои* условия. – Борн взмахнул ножом, и Вейнтроп снова вскрикнул.

– Ну хорошо, хорошо!

Борн поднял взгляд.

– Поставьте раскрытый чемоданчик перед ним.

Как только это было выполнено, Борн сказал:

– Все в твоих руках, доктор Вейнтроп. Но не сомневайся, я буду, как цербер, следить за каждым твоим движением.

Выпрямившись, Борн поймал на себе взгляд Фаида аль-Сауда. Пухлые губы главы саудовской разведки испустили беззвучный вздох облегчения.

Борн внимательно наблюдал за действиями Вейнтропа. Судя по часам у него на руке, на все ушло чуть больше двух минут. Наконец Вейнтроп откинулся назад и снова обхватил колено руками.

Фаид аль-Сауд подал знак своему эксперту.

– Провода перерезаны, – осмотрев чемоданчик, доложил тот. – Таймер отключен. Теперь можно не опасаться взрыва.

Вейнтроп снова закачался из стороны в сторону.

– Мне нужно обезболивающее, – глухо промолвил он.

Фаид аль-Сауд позвал врача, затем направился к ядерному устройству. Однако Борн его опередил.

– Этот чемоданчик нужен мне, чтобы выйти на Карима.

Глава саудовской разведки недоуменно нахмурился:

– Не понимаю.

– Я полечу в Вашингтон тем же путем, которым должен был лететь Фади, – не допускающим возражений тоном произнес Борн.

Но все равно Фаид аль-Сауд спросил:

– Джейсон, ты считаешь, так будет разумно?

– Боюсь, на данном этапе уже поздно говорить о том, что разумно, а что – нет, – ответил Борн. – Карим сосредоточил в своих руках такую власть, что к нему нельзя подступиться. Я подойду к нему с другой стороны.

– В таком случае надеюсь, у тебя есть план.

– План у меня есть всегда.

– Ну хорошо. Мой врач позаботится о твоем друге.

– Нет, – решительно заявил Борн. – Мартин полетит со мной.

И снова Фаид аль-Сауд узнал прозвучавшие у него в голосе стальные нотки.

– В таком случае с вами полетит мой врач.

– Спасибо, – сказал Борн.

Фаид аль-Сауд помог своему другу поднять Мартина Линдроса на борт вертолета. Борн припугнул летчика Фади, объяснив, что неповиновение дорого ему обойдется. Тем временем глава саудовской разведки вместе с врачом устроили раненого как можно удобнее.

– Сколько он еще протянет? – тихо спросил Фаид аль-Сауд, ибо не вызывало сомнений, что Мартин Линдрос находится при смерти.

Врач пожал плечами:

– Около часа, может быть, чуть больше.

Борн закончил разговаривать с летчиком, и тот занял место за штурвалом.

– Мне нужна твоя помощь.

Фаид аль-Сауд выпрямился.

– Проси что угодно, друг мой.

– Во-первых, мне нужен телефон. Мой сгорел.

Глава разведки забрал у одного из своих людей телефон и протянул его Борну. Тот вставил в него карту памяти со всеми телефонными номерами.

– Благодарю. А теперь свяжись с правительством Соединенных Штатов и предупреди, что самолет, на котором я полечу, будет выполнять дипломатическую миссию посольства Саудовской Аравии. Как только я переговорю с пилотом, я пришлю тебе полетный план. Мне не нужны проблемы с таможней и иммиграционной службой.

– Считай, дело уже сделано.

– Затем я хочу, чтобы ты связался с ЦРУ и сообщил то же самое. Но только назови ориентировочное время прибытия на сорок минут позже того, которое я скажу, как только летчик определится с погодными условиями.

– Но мой звонок в ЦРУ предупредит двойника…

– Совершенно верно, – подтвердил Борн. – Предупредит.

Фаид аль-Сауд беспокойно нахмурился.

– Джейсон, ты затеял смертельную игру.

Предупредив друга, он стиснул его в крепких объятиях.

– Аллах снабдил тебя крыльями. Да убережет он тебя от опасности.

Поцеловав Борна в обе щеки, он вышел из вертолета. Летчик щелкнул тумблером, убирая маскировочную крышку с вертолетной площадки. Убедившись, что в зоне вращения несущего винта никого нет, он запустил двигатель.

Опустившись на корточки рядом с Линдросом, Борн взял его руку. Узнав Борна, Линдрос ответил на рукопожатие.

Борн почувствовал, что у него наворачиваются слезы. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы их сдержать.

– Фади мертв, Мартин, – сказал он, перекрывая нарастающий гул. – Твое желание осуществилось. Ты герой.

Глава 38

Карим сознательно опоздал к началу совещания высшего руководства ЦРУ. Он хотел, чтобы к моменту его появления все семеро начальников отделов уже сидели за столом. Зал совещаний был смежным с кабинетом директора ЦРУ. Больше того, оба помещения сообщались дверью. И именно через эту дверь вошел Карим. Ему хотелось, не произнеся ни слова, дать понять «большой семерке», какое место в иерархии управления он занимает.

– Директор ЦРУ присылает свои сожаления, – объявил Карим, занимая место Старика. – Анна, которая уехала вместе с ним, сообщила, что он до сих пор разговаривает за закрытыми дверями с президентом и председателем Объединенного комитета начальников штабов. – Карим открыл толстую папку, лишь первые пять страниц которой были настоящими – если можно считать настоящей дезинформацию, которую он вынашивал в мыслях уже много месяцев. – Теперь, когда непосредственная угроза со стороны «Дуджи» ликвидирована, когда от самой «Дуджи» осталась только пустая оболочка, пора перейти к другим задачам.

– Минуточку, Мартин, – стальным голосом остановил его Роб Батт, начальник оперативного отдела. – Прежде чем мы закроем эту тему, позволь напомнить, что нельзя сбрасывать со счетов самого Фади.

Карим откинулся назад, вращая в пальцах ручку. Он понимал, что самое худшее – это полностью прекратить все работы в данном направлении. Как показало совещание, состоявшееся несколько дней назад, Батт пристально следит за каждым его действием. Ни в коем случае нельзя пробуждать подозрения начальника оперативного отдела.

– Разумеется, – согласился Карим. – Давайте обсудим, как нам быть с Фади.

– Я полностью согласен с Робом, – подхватил Дик Саймс, начальник разведывательного отдела. – Лично я за то, чтобы отрядить значительные силы на поиски террориста.

Остальные начальники отделов закивали, выражая свое согласие.

Перед лицом надвигающейся волны Карим сказал:

– В отсутствие Старика мы, естественно, будем действовать, прислушиваясь к мнению большинства. Однако мне бы хотелось кое о чем напомнить. Во-первых, уничтожив самую важную базу «Дуджи», мы теперь понятия не имеем, жив Фади или нет. Если он находился в центре

на юге Йемена, не может быть никаких сомнений в том, что он превратился в пепел вместе со всеми, кто там был. Во-вторых, если в момент налета Фади находился в другом месте, нам неизвестно, где он сейчас. Наверняка он залег на дно. Я предлагаю выждать какое-то время, посмотреть, какие переговоры «Дуджи» нам удастся перехватить. Пусть террористы тешат себя мыслью, что мы сосредоточили свои усилия в другом месте. Если Фади жив, рано или поздно он зашевелится, и тогда мы выйдем на его след. – Карим обвел взглядом лица членов «большой семерки». Никто не хмурился, не качал головой, не обменивался украдкой взглядами. – Третье и, вероятно, самое важное: нам нужно навести порядок в собственном доме. Я могу подтвердить слухи о том, что Старик подвергается нападкам со стороны министра обороны Хэллидея и его лакея Лютера Лаваля. Хэллидею было известно о предателе в наших рядах, а также об атаке компьютерного вируса. Как выяснилось, покойный Мэттью Лернер также был человеком Хэллидея.

Присутствующие зашевелились, заговорили разом, но Карим остановил их, поднимая руки.

– Знаю, знаю, всем нам пришлось несладко от попыток Лернера преобразовать ЦРУ. А теперь становится понятно, почему перемены казались нам такими чуждыми: на самом деле за ними стояли Хэллидей и его приспешники из АНБ. Итак, Лернер погиб. Каким бы ни было то тайное влияние, которое имел здесь министр обороны, это осталось в прошлом. Избавившись от внутренних врагов, мы можем теперь осуществить то, что следовало сделать еще несколько лет назад. Нам необходимо преобразовать ЦРУ в ведомство, способное максимально эффективно вести борьбу с мировым терроризмом. Вот почему первое мое предложение заключается в том, чтобы пригласить на работу опытных и талантливых арабов и других мусульман, которых после событий одиннадцатого сентября выставили из других ведомств. Для того чтобы одержать победу в этой войне, мы должны понимать нашего разношерстного врага. Нам нужно перестать путать арабов с мусульманами, саудовцев с сирийцами, азербайджанцев с афганцами, суннитов с шиитами.

– С этим трудно поспорить, – согласился Саймс.

– Можно поставить на голосование предложение Роба, – осторожно произнес Карим.

Все взгляды обратились на начальника оперативного отдела.

– В этом нет необходимости, – сказал Батт. – Я снимаю свое предложение в пользу предложения Мартина.

Борн сидел на полу вертолета лицом к саудовскому врачу и его большому черному чемоданчику. Между ними лежало окровавленное тело Мартина Линдроса. Врач постоянно вводил раненому в вену обезболивающее.

– Единственное, что в моих силах, – объяснил он, когда вертолет, поднявшись в воздух, полетел прочь от Миран-Шаха, – это по возможности облегчить его страдания.

Борн перевел взгляд на изувеченное лицо Линдроса, вызывая в памяти своего друга таким, каким он был раньше. Ему это не удавалось. Пуля 45-го калибра, выпущенная из пистолета Фади, снесла всю правую сторону головы, уничтожив глазницу и половину брови. Врачу удалось остановить кровотечение, но поскольку выстрел был сделан с такого близкого расстояния, повреждения, причиненные пулей, привели к отказу жизненно важных органов. Лавинообразный процесс зашел так далеко, что бороться за жизнь Мартина было бесполезно.

Мартин забылся беспокойным сном. Глядя на друга, Борн испытывал смешанное чувство ярости и отчаяния. Ну почему это произошло? Мог ли он спасти Мартина? Борн понимал, что отчаяние порождено беспомощностью. То же самое чувство он испытывал, когда в последний раз видел Мари. Борн не выносил чувства беспомощности. Оно забралось к нему под кожу, поселилось в сознании невыносимым зудом, с которым ему никак не удавалось справиться, насмешливым голосом, который он никак не мог заставить умолкнуть.

Издав глухой стон, Борн отвернулся. Вертолет поднялся на большую высоту, чтобы лететь над горами. Борн открыл сотовый телефон и снова попробовал связаться с Сорайей. Он услышал длинные гудки, что было хорошим знаком. Однако Сорайя опять не ответила, а это уже было плохим знаком. На этот раз Борн оставил в ящике речевой почты короткое сообщение с упоминанием об Одессе. Понять его смысл сможет одна только Сорайя.

Затем Борн позвонил на сотовый Дерону. Дерон по-прежнему находился во Флориде.

– У меня тут одна проблема, решить которую сможешь ты один, – без обиняков перешел к делу Борн.

– Валяй.

Они уже давно в разговорах по телефону перешли на такой краткий язык.

– Мне нужен полный набор.

– Нет проблем.

– Ты где?

– До Вашингтона часов восемь лёта.

– Лады. У Тайрона есть ключи. Он соберет что нужно. Какой аэропорт, имени Даллеса или Международный?

– Ни то, ни другое. Мы должны будем приземлиться в восемнадцати километрах к югу от Аннандейда, – сказал Борн, сообщая Дерону координаты аэродрома в Вирджинии, полученные у летчика. – Это на восточной границе владений компании «Систейн лэбс». – Компания «Систейн лэбс» являлась дочерней фирмой ИВТ. – Спасибо, Дерон.

– Пустяки, дружище. Жаль, что не смогу встретить тебя лично.

Борн окончил разговор, и в этот момент Мартин зашевелился.

– Джейсон…

Услышав дрожащий шепот, Борн склонился к другу. От Линдроса исходило тошнотворное зловоние изуродованной плоти и надвигающейся смерти.

– Я здесь, Мартин.

– Человек, который занял мое место…

– Карим, брат Фади. Знаю. Мартин, я во всем разобрался. Все началось с одной операции в Одессе, которую мне поручил Конклин. Мы с Сорайей должны были встретиться с ее осведомителем. Вдруг прямо на нас выбежала молодая девушка. Это была Сара ибн Ашеф, сестра Карима и Фади. Я выстрелил в нее, но не попал, хотя и думал, что попал. Ее убил один из людей Фади. Он убил ее, потому что у нее был любовник.

Единственный уцелевший глаз Мартина, красный, но по-прежнему горящий жизненными силами, сосредоточился на лице Борна.

– Джейсон… тебе нужно… убрать Карима. – Он хрипел, дыхание вырывалось судорожными порывами, на губах выступила розовая пена. – Это он – дьявол коварства, он… шахматист… паук, затаившийся… посреди… о господи… паутины. – Его широко раскрытый глаз содрогался в спазмах боли. – Фади… Фади был лишь… витриной… символом… По-настоящему опасен… именно Карим.

– Мартин, я все понял, а теперь тебе нужно отдохнуть, – сказал Борн.

– Нет, нет… – Линдроса словно охватила лихорадочная жажда действия. От него буквально исходила энергия, заливавшая Борна своим теплом. – Отдохнуть можно будет… когда я… умру.

Из раны снова пошла кровь. Врач промокнул ее марлевой салфеткой, которая мгновенно промокла насквозь.

– Цель Карима – это… не просто Америка, Джейсон. Его цель – ЦРУ. Он ненавидит нас… всех до одного… всеми фибрами своей… души. Вот… вот почему… он был готов… рисковать всем, своей… жизнью и душой, чтобы… проникнуть… внутрь.

– Что он задумал? Мартин, что он задумал?

– Карим хочет уничтожить ЦРУ. – Мартин посмотрел на Борна. – К сожалению, больше мне ничего не известно. Господи, Джейсон, как я все испортил…

– Мартин, ты ни в чем не виноват. – Лицо Борна стало строгим. – Если ты будешь винить себя в случившемся, я на тебя очень рассержусь.

Линдрос попытался рассмеяться, но захлебнулся в собственной крови.

– Теперь это уже нам не дано, да?

Борн вытер ему рот.

Подобно секундному перебою в электроснабжении, по лицу Линдроса мелькнула какая-то тень – на мгновение приоткрылось окно в холодное, мрачное место. Его охватила дрожь.

– Джейсон, послушай, когда все… будет… кончено, пожалуйста, пошли дюжину роз Мойре. Ты найдешь ее адрес… в сотовом телефоне у меня дома. Тело мое кремируйте. И развейте прах рядом с музеем Клойстерс в Нью-Йорке.

Борн ощутил в глазах жжение.

– Разумеется, я сделаю все, как ты скажешь.

– Я очень рад, что ты… рядом.

– Ты мой лучший друг, Мартин. Мой *единственный* друг.

– В таком случае это будет очень печально для… нас обоих. – Линдрос снова попробовал улыбнуться, но, обессиленный, вынужден был отказаться. – Джейсон… знаешь, что… нас соединяет… связывает? Ты… не можешь вспомнить свое прошлое, а… я не хочу… вспоминать свое.

Тут произошла заминка, и от Борна ничего не укрылось. Только что здоровый глаз Мартина смотрел на него со строгой рассудительностью, и вдруг он уставился куда-то вдаль, туда, рядом с чем Борну приходилось бывать уже не раз, но куда до сих пор Джейсон еще не заглядывал.

Сорайя, оглушенная не только увиденным, но и возможными последствиями этого, стояла, завороженно уставившись на забальзамированное тело Старика. Она словно видела перед собой своего мертвого отца. Умом понимаешь, что рано или поздно это произойдет, но, когда наступает день, рассудок отказывается это принять. Для Сорайи, для всех сотрудников ЦРУ директор был чем-то незыблемым, непоколебимым. Он так долго был моральным компасом управления, лицом его распространившегося на весь земной шар могущества, что теперь, когда Старика не стало, Сорайя чувствовала себя обнаженной и совершенно беззащитной.

Следом за первоначальным шоком ее охватила холодная паника. Старик мертв, кто руководит ЦРУ? Разумеется, есть начальники отделов, однако все – от высшего руководства до рядовых сотрудников – знали, что миропомазанным преемником директора является Мартин Линдрос.

А это означает, что управление возглавил лже-Линдрос. «Боже милосердный, – подумала Сорайя. – Он же уничтожит управление – это с самого начала было его главной целью». Какой это явится удачей для Фади и «Дуджи» – разгромить самое действенное разведывательное ведомство Соединенных Штатов перед тем, как взорвать ядерную бомбу на американской земле!

В одно мгновение Сорайя поняла все. Те запасы «Си-4», которые видел Тайрон, предназначались для того, чтобы взорвать штаб-квартиру ЦРУ. Но каким образом террористы смогут провезти взрывчатку мимо охраны? Не вызывало сомнений, что Фади придумал какой-то способ. Быть может, сделать это будет гораздо проще теперь, когда лже-Линдрос, по сути дела, совершил переворот.

Сорайя вернулась к действительности. Старик убит, и ей сейчас жизненно необходимо попасть в штаб-квартиру ЦРУ. Она должна любой ценой предупредить семерых начальников отделов, и ее собственная безопасность отступает на второй план. Но как? Лже-Линдрос устроил все так, что ее схватят, не успеет она показать удостоверение охраннику у входа. А о том, чтобы проникнуть в штаб-квартиру незаметно, нечего даже и думать.

Вертолет начал спускаться сквозь слой облаков на частный аэродром неподалеку от Мазари-Шарифа. Борн сидел рядом с телом Мартина Линдроса, опустив голову. Его рассудок был наполнен образами, одни из которых вели к воспоминаниям, а другие – в никуда, потому что воспоминания были утрачены. Как раз сейчас связь с прошлым имела для него как никогда большое значение. И вот одна из ключевых ниточек оборвалась. Только сейчас, оглядываясь назад, Борн понимал, как важен был для него Мартин. Амнезия грозит многим, в том числе и

безумием – или по крайней мере подобием безумия, что в конечном счете сводится к тому же самому.

Встреча с Мартином после убийства Алекса Конклина явилась спасательным тросом. И вот Мартин умер. Дома больше не ждет Мари. Когда уровень стресса станет слишком высоким, какой якорь не позволит ему соскользнуть в безумие, порожденное частоколом оборванных связей с прошлым?

Борн крепче стиснул ручку чемоданчика. Летчик посадил вертолет на бетонную полосу.

– Ты пойдешь с нами, – приказал ему Борн. – Нам еще понадобится твоя помощь.

Летчик вышел из кабины, и вдвоем с Борном они подняли тело Линдроса. С большим трудом им удалось спустить его из вертолета. На взлетно-посадочной полосе стоял другой «Соверен», заправленный и готовый к вылету. Они вдвоем загрузили мертвое тело, и Борн переговорил с летчиком самолета. Затем он приказал летчику вертолета вернуть саудовского врача в Миран-Шах. Борн предупредил, что люди Фаида аль-Сауда будут следить и за самим вертолетом, и за радиопереговорами.

Через десять минут реактивный самолет уже катился по взлетно-посадочной полосе, имея на борту два живых и одно мертвое тело. Набрав скорость, «Соверен» оторвался от бетона и взмыл к серо-стальным тучам надвигающейся грозы.

После звонка Сорайи Питер Маркс никак не мог сосредоточиться на работе. Зашифрованные переговоры террористов «Дуджи» казались ему марсианским языком. Сославшись на головную боль, Питер в конце концов передал свою работу коллеге.

Какое-то время он задумчиво сидел за столом. У него из головы не выходил тот разговор; он тщательно анализировал каждое слово Сорайи и свои ответы. Сначала ему никак не удавалось справиться с охватившей его яростью. Как только Сорайя посмела втянуть его в эту заварушку, в которую впуталась сама? Было мгновение, когда Питер едва не взял телефон и не позвонил Линдросу, чтобы сообщить о разговоре.

Однако, когда его рука уже была на полпути к трубке, что-то его остановило. Что именно? Рассказ Сорайи был настолько бредовым, что не стоило даже задумываться о нем. Во-первых, всем известно, что ядерная угроза со стороны «Дуджи» устранена. Во-вторых, сам Линдрос предупредил всех, что после гибели Джейсона Борна у Сорайи

помутился рассудок. Определенно, судя по телефонному разговору, так оно и было.

Но, с другой стороны, Сорайя говорила об угрозе зданию штаб-квартиры ЦРУ. Долгий опыт работы в разведке не позволял Питеру просто так отмахнуться от этого. Он второй раз едва не набрал номер Линдроса. Теперь его остановил прокол в собственных рассуждениях. А именно: почему одна часть рассказа Сорайи является правдой, а другая – ложью? Так изощренно сойти с ума не может никто – и уж меньше всего Сорайя.

Из чего следовало; что он вернулся обратно на самую первую клетку. Как ему отнестись к звонку Сорайи? Питер нервно выстукивал пальцами дробь по крышке стола. Разумеется, можно ничего не предпринимать и просто забыть про разговор. Но если со штаб-квартирой что-нибудь случится, он никогда не сможет себе этого простить. Разумеется, в том случае, если останется жив, чтобы нести на себе неподъемную тяжесть вины.

Не позволяя себе опомниться и передумать, Питер схватил телефон и набрал номер своего знакомого в Белом доме.

– Привет, Кен. Это Питер, – сказал он. – У меня срочное сообщение для нашего директора. Ты не мог бы вытащить его к телефону? Он с ПРЕСША.

– Нет, Питер, вашего шефа у нас нет. Президент встречается с председателем Объединенного комитета начальников штабов.

Сердце Питера пропустило удар.

– А когда он уехал?

– Подожди, не клади трубку. Я сверюсь с журналом. – После непродолжительной паузы Кен сказал: – А ты не ошибся? Сегодня директора ЦРУ здесь не было, и у него не назначены встречи ни с президентом, ни с кем бы то ни было.

– Спасибо, Кен, – сдавленным голосом промолвил Питер. – Кажется, я действительно ошибся.

«О господи, – подумал он. – Сорайя полностью в здравом уме». Выглянув в коридор, он увидел угол двери кабинета Линдроса. Но если это не Линдрос, кто, черт побери, руководит «Тифоном»?

Питер Маркс схватил сотовый телефон. Как только ему удалось заставить пальцы слушаться, он набрал номер Сорайи.

Глава 39

Тайрон терпеливо ждал Сорайю. Наконец молодая женщина высунулась из-за стеклянной двери. В этот самый момент завибрировал ее сотовый телефон. Тайрон подал знак, и Сорайя бесшумно подбежала к нему в тень пандуса.

– Эти два козла закончили, – шепотом сообщил ей Тайрон. – Они ушли наверх со всем своим барахлом.

– Нам нужно уходить отсюда, – сказала Сорайя.

Однако Тайрон остановил ее, схватив за руку.

– Мы здесь еще не все сделали, девочка. – Он указал рукой: – Видишь, там, за «Фордом»?

– Что там? – Молодая женщина всмотрелась в темноту. – Какой-то лимузин?

– Да не какой-то. У него правительственные номера.

– Правительственные номера?

– И не просто правительственные. Это номера ЦРУ. – Поймав быстрый взгляд Сорайи, Тайрон объяснил: – Дерон научил меня их определять. – Он мотнул головой. – Если хочешь, проверь сама.

Сорайя осторожно обошла черный «Форд» и тотчас же увидела огромный сверкающий лимузин. Взглянув на номера, она едва не вскрикнула. Это были не просто номера ЦРУ, а номера служебного лимузина Старика. И сразу же ей стало понятно, зачем террористам понадобилось бальзамировать тело директора ЦРУ. Оно им нужно, а это означает две вещи: оно должно сохранить гибкость и не должно вонять.

У Сорайи снова завибрировал сотовый телефон. Достав аппарат, она взглянула на экран. Это был Питер Маркс. Какого черта ему нужно? Вернувшись к Тайрону, Сорайя сказала:

– Террористы убили директора ЦРУ. А это его лимузин.

– Да, но зачем он им нужен?

– Быть может, они убили директора в машине.

– Может быть. – Тайрон почесал подбородок. – Но я видел, как эти типы возились в салоне.

Сотовый телефон завибрировал в третий раз. На этот раз это был Борн. Сорайе отчаянно требовалось рассказать ему о случившемся, но сейчас она не могла рисковать, разговаривая долго.

– Тайрон, нам пора уходить отсюда.

– Может быть, тебе и пора, – заметил Тайрон, не спуская глаз с лимузина. – А я собираюсь немного задержаться.

– Это слишком опасно, – настаивала Сорайя. – Уходим оба.

Тайрон поднял пистолет.

– Не смей мною командовать. Я тебе уже сказал, чем займусь. А ты решай сама.

Сорайя покачала головой:

– Я не оставлю тебя здесь. Я не хочу, чтобы ты впутывался во все это.

– Девочка, я ради тебя пристукнул двух человек. Куда уж дальше мне впутываться?

Сорайя вынуждена была признать, что он прав.

– Я только не могу взять в толк, зачем тебе вообще все это понадобилось.

Тайрон усмехнулся, поняв, что она прекратила сопротивляться.

– Ты имеешь в виду, что мне нужно? Там, где выросли мы с Дероном, ребята делают то или иное только по двум причинам: чтобы зашибить деньги или кого-нибудь трахнуть. Лучше и то и другое. Так вот, я уже давно наблюдаю за Дероном. Он выбрался из этого дерьма: ему удалось сделать из себя что-то. Я им восхищаюсь, но про себя я всегда думал: он это смог, а я нет. Однако сейчас все это дерьмо дало мне надежду совершить рывок в будущее.

– Не забывай, что тебя запросто могут убить.

Тайрон пожал плечами:

– Хе, в наших краях такое может случиться в любой день.

Он достал портативный компьютер.

– А я и не знала, что ты пользуешься чем-либо помимо «паленых» телефонов, – заметила Сорайя, имея в виду дешевые одноразовые сотовые телефоны, которых у Тайрона было предостаточно.

– Только один человек знает об этом чуде электроники. Тот, который мне его дал.

Включив компьютер, он проверил электронную почту.

– Проклятие. – Тайрон посмотрел на Сорайю. – Чего мы ждем? Уматываемся ко всем чертям из этого Додж-Сити.[13]

Они подошли к приборной панели, ища клавишу управления воротами.

– Почему ты передумал?

Тайрон с отвращением поморщился.

– Дерон говорит, мне нужно срочно шевелиться, твою мать. Вернулся твой приятель Борн.

...Питер Маркс, слоняясь по коридору возле лифта, перехватил Роба Батта, когда «большая семерка» вышла из зала совещаний. Маркс работал у Батта до того, как Мартин Линдрос пригласил его в «Тифон». Однако он до сих пор считал начальника оперативного отдела своим духовным наставником.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что Батт, поймав на себе взгляд Маркса, отделился от остальных начальников отделов и направился в угол, где стоял его бывший сотрудник.

– Что ты здесь делаешь, Питер?

– Если честно, дожидаюсь вас. – Маркс пугливо гляделся по сторонам, – Нам нужно поговорить.

– Это может подождать?

– Нет, сэр, дело срочное.

Батт нахмурился:

– Хорошо. Пошли ко мне в кабинет.

– Сэр, лучше выйдем на улицу.

Бросив на Маркса удивленный взгляд, начальник оперативного отдела пожал плечами.

Спустившись на лифте вниз, они вышли на улицу. Рядом со зданием находился розарий, и Маркс повел Батта туда. Когда они отошли от штаб-квартиры на достаточное расстояние, Маркс пересказал Батту слово в слово все то, что услышал от Сорайи.

– Я ей тоже не поверил, сэр, – закончил он, увидев выражение лица Батта. – Но затем я позвонил своему приятелю, который работает в Белом доме. Старика там нет и сегодня не было.

Батт потер ладонью сизую щеку.

– В таком случае где же он, твою мать?

– В том-то все дело, сэр. – Маркс, уже на взводе, с каждой минутой нервничал все сильнее. – Последние сорок минут я провел на телефоне.

Мне так и не удалось выяснить, где находится наш директор, и этого не знает никто.

– Анна?

– Также бесследно исчезла.

– Господи Иисусе.

Маркс снова огляделся по сторонам.

– Сэр, каким бы невероятным ни казался на первый взгляд рассказ Сорайи, боюсь, нам нужно отнестись к нему серьезно.

– Невероятно – тут ты попал в самую точку, Питер. Если не выразиться сильнее. Это же какое-то безумие. И не говори мне, что ты веришь в эту... – Батт покачал головой, не в силах подобрать подходящее слово. – Где, черт побери, эта Сорайя?

– Этого я не знаю, – растерянно пробормотал Маркс. – Я дважды звонил ей на сотовый, но она не ответила. Сорайя боится, что Линдрос ее найдет.

– Я уж думаю, твою мать. Нам нужно немедленно заполучить ее сюда и вытянуть из нее все, пока она не устроила панику среди наших.

– Но если Сорайя ошибается, где Старик и Анна Хельд?

Батт направился ко входу в здание.

– А вот это я сейчас как раз и собираюсь выяснить, – бросил он через плечо.

– А что насчет Сорайи?

– Когда она тебе перезвонит, убеди ее в том, что ты ей веришь. И живо притащи ее сюда.

Не успел начальник оперативного отдела скрыться в здании, как у Маркса запел сотовый телефон. Взглянув, кто ему звонит, Питер нажал кнопку.

– Привет, Сорайя. Слушай, я тут поразмышлял над тем, что ты сказала, и справился в Белом доме. Ни Старика, ни Анны там нет.

– Ну разумеется, – послышался в трубке голос Сорайи. – Старика я только что видела. Он лежит в морге с пулей в сердце.

Карим вместе с членами «большой семерки» находился в зале совещаний, примыкающем к кабинету Старика. Все слушали сообщение тайной разведки Саудовской Аравии о захвате и уничтожении ядерного

центра «Дуджи» в Миран-Шахе. Однако, в отличие от остальных, Карим выслушал это сообщение со смешанным чувством недоумения и ужаса. Что это – очередная уловка, на которую пошел его брат из-за ужесточившихся мер безопасности, или же действительно произошла чудовищная катастрофа?

Карим понимал, что есть только один способ выяснить правду. Выйдя из зала заседаний, он по пути к лифту краем глаза заметил Питера Маркса. Вот уже второй раз на дню он заставал Маркса там, где его не должно было быть. У него в голове зазвенел тревожный колокольчик, и, вместо того чтобы вместе с начальниками отделов войти в лифт, он повернул налево. Из-за угла ему была хорошо видна дверь в зал совещаний. Когда из нее вышел Роб Батт, Маркс подошел к нему. Они обменялись парой фраз. Батт, сохраняя внешнее спокойствие, кивнул, и они вернулись в зал совещаний и плотно закрыли за собой дверь.

Карим быстро прошел в приемную директора ЦРУ, мимо стола, за которым молодой сотрудник отдела сигналов и кодов замещал Анну. Тот кивнул, пропуская его в кабинет.

Оказавшись за письменным столом, Карим щелкнул тумблером. Зазвучали два голоса, говорившие в зале совещаний.

«…от Сорайи, – говорил Маркс. – Она утверждает, что видела труп директора ЦРУ в морге с пулей в сердце».

«Эта женщина окончательно спятила? Я разговаривал с Мартином. Он только что говорил со Стариком по телефону».

«И где он?»

«Уехал по личным делам вместе с Анной», – судя по звуку, зевнул Батт.

«Сорайя также получила известие от Борна».

«Борна нет в живых».

«Нет, он жив. Борн разыскал настоящий ядерный центр „Дуджи“, который находился в Миран-Шахе. Это на границе…»

«Я знаю, где расположен Миран-Шах, Питер, – оборвал его Батт. – Это еще что за бред?»

«Сорайя сказала, что Фаид аль-Сауд может все подтвердить».

«Только этого мне не хватало – пресмыкаться перед главой саудовской разведки, выпрашивая у него информацию».

«Сорайя также сказала, что Борн убил Фади. Сейчас он летит в Америку на личном самолете Фади».

Разговор продолжался, но Карим и без того услышал достаточно. У него возникло ощущение, будто по нему ползают полчища муравьев. Ему захотелось закричать, разорвать себя на части.

Пулей выскочив из кабинета, Карим спустился на лифте вниз. Но вместо того, чтобы взять служебную машину в подземном гараже, за которую ему нужно было бы расписаться, он выбежал на улицу.

На Вашингтон спускалась ночь. Низко нависшие тучи поглощали все отблески от огней города. Высоко в небо поднимались тени.

Остановившись на углу Двадцать первой улицы и Конститьюшен-авеню, Карим позвонил в службу вызова такси. Через семь мучительно долгих минут подъехала машина, и он сел.

Тринадцать минут спустя Карим вышел неподалеку от агентства проката машин и направился в противоположную от него сторону. Как только такси скрылось за углом, он развернулся, зашел в контору и по фальшивым документам взял машину. Расплатившись наличными, Карим получил ключи от «Джи-Эм», спросил, как доехать до аэропорта имени Даллеса, и уехал.

Но на самом деле он вовсе не собирался ехать в аэропорт имени Даллеса. Его целью была взлетно-посадочная полоса компании «Систейн лэбс» к югу от Аннандейла.

…«Соверен», скользнув на небольшой высоте над заливом Оккокуан-бей, повернул на север, направляясь к небольшому аэродрому, расположенному на мысе, кулаком выступающем в море. Летчик, следя за сигнальными огнями, плавно посадил самолет на узкую полосу. «Соверен» покатился по бетону, теряя скорость с каждым метром. Борн разглядел в иллюминатор Тайрона верхом на «Кавасаки», с большой твердой кожаной сумкой на багажнике. Он взглянул на часы. Самолет приземлился четко по графику, следовательно, оставалось еще около тридцати пяти минут, чтобы приготовиться к встрече с Каримом.

С борта самолета Борн несколько раз разговаривал по телефону с Сорайей. Они ввели друг друга в курс последних событий, трагических и радостных. Фади мертв, ядерная угроза со стороны «Дуджи» устранена, но Карим убил Старика, упрочив свое положение в ЦРУ. И вот сейчас он собирается уничтожить штаб-квартиру управления вместе со всеми, кто в ней находится, скоординировав этот удар с взрывом ядерного устройства. Во всем ведомстве у Сорайи только один союзник – сотрудник «Тифона» по имени Питер Маркс, однако Маркс по природе своей не бунтарь. Сорайя не знает, как далеко отступить от правил готов он ради нее.

Что касается смерти Старика, это известие вызвало у Борна противоречивые чувства. Директор ЦРУ постоянно заставлял его ощущать себя блудным внуком, скитальцем, которому по возвращении домой приходилось терпеть гнев и раздражение деда. Не раз Старик пытался его убить. С другой стороны, он так никогда и не смог понять Борна, поэтому тот внушал ему глубокий страх. Сам Борн никак не мог подладиться под требования управления – его обманом затащили в ведомство, которое терпеть не могло индивидуалистов. Борн этого не просил, но так обстояло дело. Точнее, так было в прошлом.

Теперь ему предстояло полностью сосредоточиться на Кариме.

«Соверен» остановился на бетонной полосе; двигатели, взвыв на прощание, умолкли. Борн, захватив с собой летчика, вышел из кабины, открыл дверь и спустил трап для Тайрона, подъехавшего к самому самолету.

Поднявшись по трапу, молодой негр бросил Борну в ноги кожаную сумку.

– Привет, Тайрон. Спасибо.

– Ого, тебе понадобится свет. Тут ни хрена не видно.

– Ты прав.

Тайрон окинул его взглядом.

– Ты похож на араба, мать твою.

Борн рассмеялся. Подхватив сумку, он поставил ее на кресло и открыл. Только теперь Тайрон заметил летчика-араба, смуглого бородача с горящими глазами, смотревшего на него со смесью вызова и страха.

– А это еще кто такой, мать его?

– Террорист, – просто ответил Борн. Оторвавшись от копания в сумке, он весело добавил: – Не желаешь попробовать?

Тайрон рассмеялся.

– Мне пришлось завалить двух таких ради мисс Шпионки.

– Это еще кто такая?

Черные глаза Тайрона сверкнули.

– Слушай, я знаю, что вы с Дероном близкие друзья, но со мной так не шути.

– Тайрон, вовсе я с тобой не шучу. Извини, но мне нужно поторопиться. – Включив свет в салоне, Борн раскрыл сотовый телефон

и вывел на экран снимки лица Фади. Затем он начал перебирать маленькие баночки, тюбики, коробки с накладками. – Тебе не составит труда объяснить, о ком это ты?

Тайрон помялся, пытаясь по лицу Борна определить, не смеется ли тот над ним. Судя по всему, он пришел к выводу, что ошибался.

– Я говорю о мисс Шпионке, Сорайе.

Борн, сверившись со снимком лица Фади, вставил в рот несколько накладок и пошевелил челюстями.

– В таком случае я перед тобой в долгу.

– Эй, приятель, что с твоим голосом?

– Как видишь, я превращаюсь в другого человека, – усмехнулся Борн.

Перевоплощение продолжалось. Отыскав в сумке густую черную бороду, он подровнял ее ножницами, сделав точную копию бороды Фади. Приклеив бороду, Борн посмотрел на себя в увеличительное зеркало, которое также достал из сумки.

Он протянул телефон Тайрону:

– Сделай одолжение, хорошо? Я очень похож на человека на этих снимках?

Тайрон недоуменно заморгал, решив, что ослышался. Затем он просмотрел снимки один за другим. Перед тем как переходить к следующему, он внимательно изучал лицо Борна.

– Твою мать, – наконец с восхищением промолвил Тайрон. – Дружище, как тебе удается эта хрень?

– Это талант, – искренне ответил Борн. – А теперь смотри. Мне нужно от тебя еще одно одолжение. – Он взглянул на часы. – Чуть больше чем через одиннадцать минут этот ублюдок, за которым охотится Сорайя, появится здесь. Я хочу, чтобы ты уехал отсюда. Сделай для меня одно дело. В соседнем отсеке мой друг, Мартин Линдрос. Он мертв. Я хочу, чтобы ты связался с агентством похоронных услуг. Его тело нужно кремировать. Хорошо? Ты выполнишь эту просьбу?

– Я на мотоцикле, так что мне придется положить его перед собой на колени, ничего?

Борн кивнул.

– Прошу тебя, Тайрон, отнесись к нему с уважением, хорошо? А теперь уезжай. Но только не через центральные ворота.

– Никогда ими не пользуюсь.

Борн рассмеялся.

– Встретимся по другую сторону.

Тайрон вопросительно посмотрел на него.

– По другую сторону чего?

Глава 40

Подъезжая к Вирджинии, Карим позвонил в агентство похоронных услуг Абду аль-Малику.

– Мне нужны три человека на аэродроме «Систейн лэбс».

– Но тогда у нас никого не останется!

– Делай, как я сказал, – резко произнес Карим.

– Минуточку. – После короткой паузы: – Они уже в пути.

– Тело директора ЦРУ приготовлено?

– Нам нужно еще минут сорок, может быть, чуть больше. Это же не обычное бальзамирование.

– Как он выглядит? Это самое главное.

– Разумеется. Щеки у него розовые. – Абд аль-Малик довольно причмокнул. – Поверьте мне, у охраны не возникнет никаких сомнений в том, что он жив.

– Отлично. Как только закончите, сажайте его в лимузин. Сроки пришлось сдвинуть. Фади хочет взорвать штаб-квартиру ЦРУ, как только это будет физически возможно. Перезвони мне, когда будете на месте.

– Будет сделано, – ответил Абд аль-Малик.

Карим не сомневался, что так все и произойдет. Абд аль-Малик, руководитель вашингтонской ячейки «Дуджи», еще никогда его не подводил.

Шоссе оставалось пустынным. Ему потребовалось тридцать восемь минут, чтобы доехать до главных ворот на западной границе владений «Систейн лэбс». Поскольку сегодня воскресенье, здесь не было ни души. По дороге ему пришлось дважды сдерживать себя – один раз, когда его подрезал какой-то мальчишка на огромном джипе, другой раз, когда его нагнал трейлер, недовольно гудящий клаксоном. Оба раза он выхватывал «глок», готовый нажать на спусковой крючок, и лишь потом делал над собой усилие и успокаивался.

Но хотел он убить не этих глупцов, а Борна. Его ярость – «ветер пустыни», унаследованный от деда, – набирала силу. Он был на взводе. Однако это не пустыня, он не среди бедуинов, сознающих, как опасно вызывать его гнев.

Во всем виноват Борн; Борн всегда был виноват во всем. Это Борн убил невинную Сару, гордость семьи. Карим простил сестре неблагочестивые взгляды, ее необъяснимые исчезновения, стремление к независимости, сбросив все на ту же самую английскую кровь, текущую у нее в жилах. Сам он преодолел влияние своей западной крови, поэтому он разработал программу перевоспитания сестры согласно законам пустыни, в соответствии с саудовскими традициями.

Но вот теперь Борн убил Фади, лицо «Дуджи». Фади, который так полагался на ум и финансы своего старшего брата, точно так же, как Карим ждал от своего младшего брата защиты. Он простил Фади горячую кровь, стремление к крайностям, потому что эти черты имели жизненно важное значение для харизматичного лидера, увлекавшего правоверных за собой своими пламенными речами и зажигательными подвигами.

И теперь нет обоих – невинной девушки и командира, двух столпов, олицетворявших моральную и физическую силу. Из всех детей Абу Сарифа Хамида ибн Ашефа аль-Вахиба в живых остался он один. Он жив, но одинок, и у него есть только память о близких, Фади и Саре ибн Ашеф. Та же память, которую хранит его отец, искалеченный, парализованный, беспомощный, прикованный к кровати, нуждающийся в специальной упряжи, чтобы сесть в кресло-каталку, которое он ненавидит.

Карим поклялся, что Борну придет конец. Придет конец всем неверным.

Он петлял по длинным извивающимся дорожкам, идущим мимо приземистых строений из зеленоватого стекла и черного кирпича. Наконец за очередным поворотом показался аэродром. Позади застывшего на взлетно-посадочной полосе «Соверена» виднелся жирный серо-голубой полумесяц залива Оккокуан.

Приблизившись к аэродрому, он сбросил скорость и внимательно огляделся вокруг. Самолет одиноко стоял на бетонной полосе, у самого дальнего конца. Нигде ни одной машины. Ни одно судно не рассекало зимние воды залива. В воздухе не висел вертолет. Однако Фади мертв, а его место в «Соверене» занял Борн.

Разумеется, здесь никого нет. В отличие от него Борн не может рассчитывать на чью-либо помощь. Остановив машину так, чтобы ее не было видно из самолета, он закурил и стал ждать. Не прошло много времени, как рядом остановился черный «Авиатор» с его людьми.

Выйдя из машины, он отдал необходимые распоряжения, объяснил, к чему нужно быть готовым и что надо будет делать. Затем прислонился к переднему бамперу своей машины и, закурив новую сигарету, проводил взглядом «Авиатор», поехавший к взлетно-посадочной полосе.

Как только машина подъехала к самолету, дверь раскрылась внутрь и спустился трап. Из «Авиатора» вышли двое и взбежали по трапу наверх.

Выплюнув окурок, Карим раздавил его каблуком. Затем сел во взятую напрокат машину и поехал к одинокому зданию ангара, стоящему на северной окраине владений.

– Сорайя, я могу тебе помочь, – сказал Питер Маркс, прижимая к уху сотовый телефон. – Но для этого нам лучше встретиться.

– Зачем? Ты должен оставаться моими глазами и ушами в штаб-квартире. Нам нужно следить за двойником.

– Я не знаю, где Линдрос, – сказал Питер. – У себя в кабинете его нет. Больше того, его вообще нет в здании. И его помощник ничего не знает. Это что, эпидемия? – Он услышал, как Сорайя сделала шумный вдох. – В чем дело?

– Ну хорошо, – сказала Сорайя. – Я с тобой встречусь, но место назову сама.

– Как хочешь.

Она назвала адрес похоронного бюро у северо-восточной оконечности парка Рок-Крик.

– Приезжай сюда как можно скорее.

Взяв служебную машину, Маркс доехал за рекордно короткое время. Как и сказала Сорайя, он остановился в квартале от похоронного бюро, на противоположной стороне улицы. Перед тем как покинуть штаб-квартиру, Питер подумал было связаться с Робом Ваттом и получить у него санкцию захватить с собой еще нескольких сотрудников. Однако время поджимало, и в конце концов он решил не беспокоить начальника оперативного отдела.

Когда она постучала в стекло, Питер вздрогнул от неожиданности. Погруженный в свои мысли, он не заметил, как Сорайя подошла к машине. Это его еще больше встревожило, потому что в данной ситуации молодая женщина и так имела над ним серьезное преимущество. Всю свою работу в ЦРУ Питер просидел за столом. «Наверное, – мелькнула у него мысль, – именно поэтому я сейчас

никого с собой не взял. Нужно показать себя с лучшей стороны своему духовному наставнику».

Питер открыл дверь, и Сорайя села в машину. Определенно, по ее виду никак нельзя было сказать, что она спятила.

– Я попросила тебя приехать сюда, – слегка задыхаясь, начала Сорайя, – потому что как раз здесь находится морг, где лежит тело Старика.

Питер слушал ее слова, как часть сна, явившегося ему. Еще когда Сорайя открывала дверь, он украдкой нащупал рукоятку пистолета. И вот сейчас, опять же словно во сне, он приставил дуло пистолета к виску молодой женщины и сказал:

– Извини, Сорайя, но сейчас ты поедешь в штаб-квартиру вместе со мной.

Двое террористов, поднявшихся на борт «Соверена», заморгали, привыкая к полумраку. Затем они оба поразились, узнав его.

– Фади, – пробормотал тот, что повыше. – А где Джейсон Борн?

– Борн мертв, – ответил Борн. – Я убил его в Миран-Шахе.

– Но Карим аль-Джамиль сказал, что он на борту самолета.

Борн показал чемоданчик с ядерным устройством.

– Как сами видите, он ошибся. Произошло изменение в планах. Мне необходимо срочно увидеться с братом.

– Будет исполнено, Фади.

Террористы не стали обыскивать самолет, не увидели летчика, связанного и с заткнутым ртом.

Когда они повели Борна к черному «Авиатору», тот, что повыше, сказал:

– Твой брат рядом.

Все сели в машину. Борн устроился сзади вместе с одним из террористов. Он старался как мог отворачиваться от огней, освещающих взлетно-посадочную полосу, – единственного источника света. До тех пор пока ему удастся оставаться в полумраке, все будет в порядке. Эти люди откликаются на знакомый голос, на знакомые жесты – в первую очередь необходимо убедить рассудок, а не глаз.

Покинув аэродром, водитель поехал на север и остановился рядом со зданием из черного кирпича, расположенным на некотором удалении от

остальных. Пока террористы отпирали огромные стальные ворота, Борн успел разглядеть рядом со зданием гору шлака.

Внутри царила гулкая пустота. Перегородки отсутствовали. Масляные подтеки на бетонном полу говорили о том, что на самом деле в этом здании находился ангар. Свет, проникающий в открытую дверь и маленькие квадратные окошки высоко под потолком, быстро рассеивался в огромном пространстве, поглощенный необъятной тенью.

– Карим аль-Джамиль, – сказал высокий террорист, – на борту самолета находился твой брат, а не Джейсон Борн. Он снова вместе с нами, и у него ядерное устройство.

Из теней появилась человеческая фигура.

– Мой брат мертв, – сказал Карим.

Террористы, стоявшие за спиной Борна, напряглись.

– Я никуда с тобой не поеду, – решительно произнесла Сорайя.

Маркс собирался что-то ответить, но в это время задняя стена морга скользнула вниз.

– Это еще что за хреновина?..

Воспользовавшись его удивлением, Сорайя выскользнула из машины. Маркс хотел было броситься за ней, но тут увидел, как из подвала выехал лимузин директора ЦРУ. Начисто забыв про Сорайю, он включил передачу и поехал следом за лимузином. У Старика якобы были какие-то личные дела. Но какого черта он делал в морге?

Преследуя лимузин, Маркс смутно услышал, как Сорайя кричит ему, призывая развернуться. Он не обратил на нее внимания. Ну разумеется, что она ему скажет? Она же уверена, что Старика нет в живых.

Лимузин остановился на красный свет. Подъехав, Маркс опустил свое стекло.

– Эй! – окликнул он. – Питер Маркс, ЦРУ! Немедленно откройте!

Стекло водительской двери лимузина оставалось поднятым. Переключив передачу на парковку, Маркс выскочил из машины и застучал в стекло, размахивая удостоверением:

– ЦРУ! Откройте, черт побери! Откройте немедленно!

Стекло опустилось. Маркс успел увидеть Старика, неестественно прямо застывшего на заднем сиденье. Но тут водитель достал «люгер П-08», навел его Марксу в лицо и нажал на спусковой крючок.

От оглушительного выстрела у Питера лопнули барабанные перепонки. Раскинув руки, он отлетел назад и умер еще до того, как рухнул на мостовую.

Стекло поднялось, загорелся зеленый свет, и лимузин быстро тронулся с места.

Карим пристально разглядывал Борна.

– Этого не может быть. Брат, мне сообщили, что ты погиб.

Борн поднял чемоданчик.

– Однако, – сказал он, подражая голосу Фади, – я избежал гибели.

– Смерть неверным!

– Совершенно верно. – Хотя Борн сознавал, что перед ним Карим, ему было мучительно больно видеть лицо своего лучшего друга. – Мы снова вместе, брат!

Мартин предупреждал его, что из двоих братьев наиболее опасен Карим. «Он шахматист, – сказал Мартин. – Паук, затаившийся посреди паутины». У Борна не было никаких иллюзий. Как только Карим задаст какой-нибудь ключевой вопрос, ответ на который известен одному только его брату, маскарад будет окончен.

Это произошло быстро.

Карим поманил его к себе.

– Выйди на свет, брат, чтобы я после стольких месяцев смог снова на тебя посмотреть.

Борн шагнул вперед; ему на лицо упал яркий свет.

Карим стоял неподвижно, едва заметно покачивая головой, словно у него начался тик.

– Ты такой же хамелеон, каким был Фади.

– Брат, я привез устройство. Как ты можешь так ошибаться?

– Я случайно услышал, как один из агентов ЦРУ сказал…

– Случайно не Питер Маркс? – выпалил наугад Борн, потому что ничего другого ему не оставалось. Маркс был единственным в ЦРУ, с кем связывалась Сорайя.

Снова сбитый с толку, Карим нахмурился:

– И что с ним?

– Маркс – связной Сорайи Мор. Он повторяет ту дезинформацию, которой мы ее кормим.

Карим по-волчьи оскалился; в его глазах не осталось сомнения.

– Ответ неверный. ЦРУ считает, что мой брат погиб при налете на лжецентр «Дуджи» в горах на юге Йемена. Но ведь ты, Борн, не мог этого знать, так?

Он подал знак, и трое террористов, стоявших позади Борна, схватили его за руки. Глядя Борну в лицо, Карим шагнул вперед и вырвал у него из руки чемоданчик.

Подбежав к Питеру Марксу, распростертому на мостовой, Сорайя вдруг услышала надрывный рев мотоцикла, приближающегося сзади. Выхватив пистолет, она обернулась и увидела Тайрона на «Кавасаки». Тот только что отвез тело Мартина Линдроса в похоронное бюро.

Сбавив скорость, он дал молодой женщине возможность сесть на мотоцикл и тотчас же рванул вперед.

– Ты видел, что здесь произошло? Эти негодяи убили Питера.

– Мы должны их остановить. – Тайрон проскочил перекресток на красный свет. – Если сложить все вместе – взрывчатку «Си-4», копию лимузина твоего босса, самого твоего босса, забальзамированного на столе в мертвецкой, что получится?

– Вот каким образом они собираются проникнуть внутрь! – воскликнула Сорайя. – Увидев Старика на заднем сиденье лимузина, охранники тотчас же махнут рукой, пропуская его на подземную стоянку.

– Туда, где находится несущий фундамент здания.

Тайрон, нагнувшись к рулю, прибавил скорость.

– Стрелять в лимузин нельзя, – сказала Сорайя. – В этом случае есть риск, что «Си-4» рванет, и будет немало жертв среди случайных прохожих.

– И нельзя допустить, чтобы взрывчатка попала в подвал штаб-квартиры ЦРУ, – добавил Тайрон. – Так что будем делать?

Ответ появился сам собой. Заднее стекло лимузина опустилось, и кто-то начал в них стрелять.

Борн стоял совершенно неподвижно. Он попытался прогнать из мыслей изуродованное лицо Мартина Линдроса, но поймал себя на том, что ему этого не хочется. Мартин был рядом, обращался к нему, требовал возмездия за то, что с ним сделали. Борн его слышал, Борн его ощущал.

«Терпение», – мысленно приказал он себе.

Сосредоточившись, Борн определил, как именно расположились относительно него трое террористов. Затем он сказал:

– Я сожалею только о том, что не довел до конца начатое в Одессе. Твой отец все еще жив.

– Только на самом деле это уже не жизнь, а существование, – отрезал Карим. – Каждый раз, видя отца, я снова даю себе клятву заставить тебя дорого заплатить за то, что ты с ним сделал.

– Жаль, что сегодня отец тебя не видит, – заметил Борн. – Он схватил бы пистолет и своей рукой тебя пристрелил. Если бы только смог.

– Борн, я понимаю тебя гораздо лучше, чем ты думаешь. – Карим остановился буквально в одном шаге от него. – Только посмотри на себя. Для всех, кроме нас с тобой, ты Фади, а я Линдрос. Мы существуем в своих обособленных мирах, сосредоточенные на мести. Разве ты сейчас думаешь не так? Разве все происходит не так, как ты замыслил? Разве не для этого ты принял обличье моего брата? – Он переложил чемоданчик из одной руки в другую. – Именно поэтому ты пытаешься вывести меня из себя. Разгневанного человека проще победить, не так ли учит даосизм Борна? – Он рассмеялся. – Но на самом деле своим последним хамелеонским поступком ты оказал мне неоценимую услугу. Ты полагаешь, что я пристрелю тебя, здесь и сейчас. Как же ты ошибаешься! На самом деле я, взорвав ядерное устройство, уничтожив штаб-квартиру ЦРУ, отвезу тебя к тому, что от нее останется. И пристрелю тебя там. И тогда Мартин Линдрос, убивший Фади, самого кровавого террориста за всю историю, станет национальным героем. А поскольку я уже убил директора ЦРУ, как ты думаешь, кого благодарный президент назначит на эту должность?

Карим снова рассмеялся.

– Я возглавлю Центральное разведывательное управление, Борн. И смогу переделать его по своему желанию. Как тебе это нравится?

При упоминании грядущей судьбы штаб-квартиры ЦРУ Борн услышал звучащий в голове голос Мартина. «Не сейчас, – подумал он. – Не сейчас».

– На самом деле меня больше интересует судьба Сары ибн Ашеф.

Глаза Карима вспыхнули огнем. Он наотмашь ударил Борна по лицу.

– Ты, убивший мою сестру, не смеешь произносить ее светлое имя!

– Я ее не убивал, – медленно и раздельно произнес Борн.

Карим плюнул ему в лицо.

– Я просто не мог ее убить. Мы с Сорайей находились слишком далеко. У нас у обоих были «глоки-21». А Сара ибн Ашеф появилась на противоположном краю площади. Как тебе хорошо известно, из «глока» можно прицельно стрелять на расстоянии до двадцати пяти метров. А от нас до твоей сестры было не меньше пятидесяти. Тогда я этого не понял; все произошло слишком быстро.

Лицо Карима превратилось в натянутую маску. Он снова ударил Борна.

Борн, готовый к этому, лишь тряхнул головой.

– Однако Мута ибн Азиз освежил мою память. В ту ночь как раз он и его брат находились там, где нужно. И расстояние до Сары было подходящее.

Карим схватил Борна за горло.

– Как ты смеешь издеваться над гибелью моей сестры? – Он буквально затрясся от бешенства. – Братья ибн Азизы были для нас словно члены семьи. И клеветать…

– Именно потому, что они были словно члены семьи, Аббуд ибн Азиз и убил твою сестру.

– Я тебя убью! – заорал Карим, начиная душить Борна. – Я заставлю тебя пожалеть о том, что ты появился на свет!

Тайрон, петляя, несся по улицам, преследуя лимузин. Мимо свистели пули. Тайрону было не привыкать находиться под огнем; он уже успел познать агонию гибели любимой женщины в перестрелке. Единственным его оружием был опыт. Тайрон разбирался в пулях так, как члены его банды разбирались в рэп-певцах и порнозвездах. Он знал характеристики всех калибров, всех типов пуль. Его собственный «вальтер ППК» был заряжен пулями с пустотелыми наконечниками. При ударе о мягкий предмет – человеческую плоть, например, такие пули мгновенно расширялись, распадаясь на части. И жертва чувствовала себя так, словно в нее попал снаряд. Можно не добавлять, что повреждения внутренних органов получались максимальные.

Противник стрелял в него из пистолета 45-го калибра, однако расстояние было большое, и точность оставляла желать лучшего. И все

же Тайрон понимал, что ему нужно придумать, как полностью остановить стрельбу.

– Посмотри вперед, – вдруг произнесла ему на ухо Сорайя. – Видишь то здание из стекла и бетона в шести кварталах впереди? Это и есть штаб-квартира ЦРУ.

Снова резко увеличив скорость, Тайрон подвел «Кавасаки» к левой стороне лимузина. Это сделало их с Сорайей хорошей мишенью для «люгера», однако и им самим маленькое расстояние было только на руку.

Выхватив «вальтер ППК/Е», Сорайя в едином движении прицелилась и выстрелила. Пуля с полым наконечником попала террористу прямо в лицо. Из открытого окна брызнули кровь и мозги.

– Братья ибн Азизы убили Сару ибн Ашеф и умолчали об этом, – с трудом выдавил Борн. – Они поступили так, оберегая тебя и Фади. Потому что на самом деле у милой, невинной Сары ибн Ашеф был любовник.

– Лжец!

Борну было трудно дышать, но он должен был продолжать говорить. Затевая все это, он знал, что против такого человека, как Карим, психология будет его лучшим оружием, единственным, способным принести победу.

– Сестра не могла смотреть на то, во что превратились вы с Фади. Она приняла решение и отвернулась от своего бедуинского наследия.

Борн увидел, как на лице Карима что-то взорвалось.

– Замолчи! – крикнул он. – Это низкая ложь! Иначе быть не может!

Но Борн почувствовал, что на самом деле Карим пытается убедить самого себя. Наконец он собрал воедино все детали смерти Сары, и это его сразило.

– Моя сестра была сердцем нашей семьи! И ты ее убил! Именно ее смерть толкнула нас с братом на этот путь! Ты сам навлек на себя свою погибель!

Борн уже пришел в движение. Сделав шаг назад, он с силой опустил каблук на подъем ноги того террориста, который стоял у него за спиной. При этом он крутанул туловищем, вырываясь из рук террориста, стоявшего справа. Погрузив согнутую в локте руку в солнечное сплетение террористу слева, Борн выбросил вторую руку наружу, ударяя ребром ладони третьего террориста по шее.

Послышался хруст сломанной трахеи. Террорист повалился на пол. Другой террорист, стоявший у Борна за спиной, крепко обвил его руками, но Борн словно сложился вдвое, и террорист перелетел через его голову прямо на Карима.

Террорист слева все еще стоял согнувшись пополам, пытаясь отдышаться. Подобрав упавший на пол «люгер», Борн ударил его рукояткой по затылку. Террорист, которого он бросил на Карима, опомнился и схватился за пистолет. Борн выстрелил в него, и тот рухнул как подкошенный.

Остался один Карим. Он стоял на коленях, держа чемоданчик прямо перед собой. Его красные глаза горели безумием, при виде которого у Борна по спине пробежала холодная дрожь. Ему уже пару раз приходилось видеть человека, раскачивающегося на грани сумасшествия, и он сразу же понял, что Карим сейчас готов на все.

Словно прочтя его мысли, Карим достал небольшую коробочку из нержавеющей стали. Борн сразу же узнал в ней дистанционный взрыватель.

Подняв ядерное устройство, Карим положил большой палец на кнопку.

– Я знаю тебя, Борн. И, зная тебя, я тобой владею. Ты в меня не выстрелишь – потому что я могу взорвать двадцать килограммов «Си-4» на подземной стоянке штаб-квартиры ЦРУ.

Времени размышлять и оценивать ситуацию не было. Борн услышал в голове призрачный шепот Мартина. Вскинув «люгер», он выстрелил Кариму в горло. Пройдя через мягкие ткани, пуля перебила позвоночник. Охваченный парализующей болью, Карим резко опустился на пол, уставившись на Борна. Он попытался нажать кнопку, но пальцы уже не повиновались ему.

Его угасающий взгляд упал на сжатую в кулак руку одного из его людей. Борн, догадавшись, бросился вперед, но Карим, собрав последние силы, повалился на распростертого террориста.

Взрыватель ударился о стиснутый кулак.

Наконец Борн смог отпустить Карима. Наконец голос Мартина у него в голове умолк. Борн долго смотрел в правый глаз Карима – глаз Мартина, вспоминая своего погибшего друга. Скоро он пошлет дюжину роз Мойре, скоро он отвезет прах Мартина в Нью-Йорк, к музею Клойстерс.

В голове у Борна оставалась одна мысль, подобная крючку без наживки. Почему Карим, когда у него была возможность, не попытался взорвать

ядерное устройство? Почему он ограничился лимузином, хотя последствия этого были неизмеримо меньше?

Обернувшись, Борн увидел на полу чемоданчик. Замки на крышке были подняты. Карим сделал это, тщетно пытаясь запустить часовой механизм? Присев на корточки, Борн собрался уже было закрыть замки, но вдруг у него по спине пробежал озноб, и он едва не застучал зубами.

Борн открыл чемоданчик. Заглянув внутрь, он отыскал часовой механизм и убедился, что тот остался отключенным. Светодиоды не горят, провода отсоединены. В таком случае что же?..

Приподняв сплетение проводов, Борн присмотрелся внимательнее и увидел то, от чего у него заледенели кости. Подняв замки, Карим запустил вспомогательный часовой механизм. Вспомогательный часовой механизм, который установил Вейнтроп, но о котором он умышленно ничего не сказал.

Борн опустился на пол, чувствуя, как по спине бегут струйки пота. Похоже, «Дуджа» – и доктор Вейнтроп все же дождались отмщения.

Глава 41

Четыре минуты и одна секунда. Вот сколько времени оставалось у Борна, если верить показаниям вспомогательного часового механизма.

Закрыв глаза, Борн постарался восстановить в памяти образ рук Вейнтропа, работающего с таймером. Он увидел каждое движение доктора, каждый поворот запястья, каждое сгибание пальца. Инструменты ему не понадобятся. Проводов всего шесть: красный, белый, черный, желтый, синий и зеленый.

Борн помнил, где они были подсоединены в основном часовом механизме и в какой последовательности Вейнтроп их отключал. Дважды Вейнтроп снова подсоединял черный провод – сначала к контакту, от которого отходил белый провод, затем к тому, от которого отходил красный.

Но главная проблема заключалась не в том, чтобы вспомнить действия Вейнтропа. Хотя вспомогательный таймер, как и основной, подключался шестью разноцветными проводами, Борн видел, что физически они разные. И как следствие, все контакты, к которым подходили провода, находились на других местах.

Достав сотовый телефон, Борн позвонил Фаиду аль-Сауду в призрачной надежде, что тот заставит Вейнтропа сказать правду про отключение вспомогательного таймера. Ответа не было. Борн нисколько не удивился: горный Миран-Шах был черной дырой для сотовой связи. И все же попробовать стоило.

3.01.

Вейнтроп начал с синего провода, затем отсоединил зеленый. Пальцы Борна схватили синий провод, собираясь оторвать его от контакта. И все же он колебался. Ну почему вспомогательный часовой механизм должен отключаться так же, как и основной? Эту изощренную ловушку замыслил Вейнтроп. Вспомогательный часовой механизм вступает в действие только в том случае, если отключен основной. Следовательно, Вейнтропу не было никакого смысла повторять конструкцию.

Борн отдернул руку от вспомогательного часового механизма.

2.01.

Вопрос заключался не в том, как отключить таймер. Главное – понять работу дьявольского ума Вейнтропа. Если основной часовой механизм отключен, это означает, что кому-то была известна правильная последовательность отсоединения проводов. И во вспомогательном таймере эта последовательность может быть заменена на обратную или даже перепутана, причем из множества возможных комбинаций наткнуться на правильную практически невозможно. А любая ошибка приведет к взрыву ядерного устройства.

1.19.

Времени на размышления не осталось. Необходимо принять решение, и правильное. Борн решил остановиться на обратном порядке. Схватив красный провод, он уже собрался его отсоединить, но вдруг его острый взгляд заметил одну мелочь. Нагнувшись поближе, Борн изучил вспомогательный таймер с другого угла. Отодвинув сплетение проводов, он обнаружил, что вспомогательный таймер подсоединен к устройству совершенно иначе, чем основной.

0.49.

Борн вынул основной часовой механизм из ниши, чтобы лучше видеть то, что под ним. Затем отсоединил его от детонатора, к которому таймер был подключен одним проводом. Теперь ничто не мешало смотреть на вспомогательный таймер. Он лежал рядом с детонатором. Вся беда заключалась в том, что Борн никак не мог найти, как соединены они между собой.

0.27.

Борн отодвинул провода в сторону, следя за тем, чтобы не отсоединить их от контактов. Приподняв ногтем правый край вспомогательного таймера, он чуть отодвинул его от детонатора. Ничего.

0.18.

Борн просунул ноготь под левый край. Таймер не шевелился. Борн надавил сильнее, и таймер медленно пошел вверх. И только тогда он наконец увидел провод, извивающийся крошечной змеей. Прикоснувшись кончиком пальца к проводу, Борн чуть его пошевелил, и тот, подобно змее, выпрямился. Борн не мог поверить своим глазам.

Провод не был подсоединен к детонатору!

0.10.

Борн услышал голос доктора Вейнтропа. «Меня держали на положении пленника! – уверял тот. – Вы ничего не понимаете, я...» Тогда Борн не дал ему закончить фразу. Опять же проблема заключалась в том, чтобы решить загадку рассудка Вейнтропа. Этот человек получал наслаждение от игры ума – об этом свидетельствуют его исследования. Если Фади заставил его работать помимо воли, если Фади использовал для давления на него Катю, Вейнтроп наверняка должен был попытаться хоть как-то отомстить.

Взяв основной часовой механизм, Борн ощупал отходящий от него провод. Изоляция была нетронутой, но обнаженная медная сердцевина свободно болталась. Борн легко вытащил ее – кусок не больше двух сантиметров в длину. Провод был муляжом. Убрав руки, Борн откинулся назад, наблюдая за тем, как таймер отсчитывает последние секунды. Его сердце болезненно сильно колотилось в груди. Если он ошибся...

0.00.

Но он не ошибся. Ничего не произошло. Никакого взрыва, никакой ядерной катастрофы. Только тишина. Вейнтроп отомстил своим похитителям. Прямо под носом у Фади он тайно разоружил бомбу.

Борн рассмеялся. Вейнтроп вынужден был правильно подключить основной часовой механизм, но со вспомогательным ему удалось каким-то образом обмануть Фади и других ученых, работавших на «Дуджу». Закрыв чемоданчик, Борн встал вместе с ним и, смеясь, направился к выходу.

Глава 42

После взрыва лимузина, начиненного «Си-4», Сорайе удалось восстановить свое доброе имя. Соседние здания, массивные, прочные административные сооружения, пострадали, но несущественно. А вот от улицы ничего не осталось. В самом центре образовалась огромная воронка, в которую пылающим метеором провалился обугленный остов лимузина. Единственным утешением было то, что в момент взрыва в окрестностях не было ни одного пешехода.

К оцепленному району съехались десятки полицейских и пожарных машин и карет «Скорой помощи». Сотрудники чрезвычайных служб суетились на месте взрыва. В радиусе двух с половиной километров было обрублено энергоснабжение, а ближайшие здания остались и без воды, поскольку были перебиты магистрали.

Сорайя и Тайрон давали показания полиции, но на месте уже появились Роб Батт и Дик Рейлли, начальник отдела безопасности, которые быстро взяли все на себя. Увидев Сорайю, Батт кивком показал, чтобы она молчала, а сам обратился к полицейскому капитану, руководившему следствием.

– Вся эта официальная шумиха делает меня нервным, словно священника в грозу, – заметил Тайрон.

Сорайя рассмеялась.

– Не волнуйся, я тебя защищу.

Тайрон презрительно фыркнул, но от молодой женщины не укрылось, что он не отходит от нее ни на шаг. Вокруг рабочие расставляли оборудование, крича друг другу, подъезжали все новые машины, и, казалось, на землю опустилась плотная сеть звуков.

Над головой завис вертолет телестудии новостей. Вскоре к нему присоединился второй. С ревом пронеслись два истребителя ВВС с полным боевым снаряжением. Покачав крыльями, они скрылись в прозрачном голубом небе.

В то утро, когда Борн подъехал к воротам музея Клойстерс, весь Нью-Йорк был окутан туманом. Он вышел из машины, прижимая к груди бронзовую урну с прахом Мартина Линдроса. Борн послал Мойре дюжину роз, а когда та ему позвонила, обнаружил, что этими цветами Мартин без слов попрощался с ней.

С Мойрой он никогда не встречался. Мартин лишь однажды упомянул о ней, когда они с Борном напились в стельку.

И вот Борн наконец ее увидел: стройную, худую фигуру в тумане, с растрепавшимися темными волосами, закрывшими лицо. Мойра стояла там, где и сказала, – перед деревом, втиснутым между каменными блоками стены. По ее словам, она по делам уезжала в Европу и вернулась всего за несколько часов до звонка Борна. Судя по ее виду, она много плакала; однако сейчас ее глаза были сухими.

Мойра кивнула Борну, и они вместе прошли к южному парапету. Внизу были деревья. Справа виднелась плоская поверхность Гудзона, ленивая и вялая, словно кожа, которую вот-вот должна сбросить змея.

– Мы с вами знали его с разных сторон. – Эти слова Мойра произнесла осторожно, словно опасаясь выдать то, что объединяло их с Мартином.

Борн сказал:

– Если вообще можно знать другого человека.

Лицо у нее было сильное, с резкими чертами; широко расставленные карие глаза светились умом. От нее веяло каким-то необычным спокойствием, словно она была довольна собой. Борн заключил, что это как раз та женщина, которая была нужна Мартину.

Он открыл крышку урны. Внутри лежал полиэтиленовый пакет с пеплом – тем, что осталось от человеческой жизни. Своими длинными, изящными пальцами Мойра вскрыла пакет. Вдвоем они подняли урну над парапетом и опрокинули ее, провожая взглядом то, как серая пыль высыпается вниз и кружится, смешиваясь с туманом.

Мойра посмотрела на смутные образы внизу.

– Какая разница, если мы его любили.

Борн решил, что это лучший панегирик, принесший мир всем троим.

Примечания

1

Имеется в виду магистраль, проходящая вокруг Вашингтона, то есть речь идет о вашингтонских политиках.

2

Нет бога, кроме Аллаха *(арабск.)*.

3

ДАРПА – Управление перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ, центральная научно-исследовательская организация Министерства обороны, основной задачей которой является выдача рекомендаций по внедрению принципиально новых технологий для военной промышленности.

4

Перевод Е. Бируковой.

5

Стокгольмский синдром – психологическое явление, заключающееся в том, что заложники проникаются симпатией к своим похитителям.

Получило название после ограбления в 1973 году банка «Кредитбанкен» в Стокгольме, когда грабители в течение шести дней удерживали в заложниках сотрудников банка, которые продолжали испытывать к ним теплые чувства даже после своего освобождения.

6

Агентство национальной безопасности (АНБ) – ведомство в составе Министерства обороны США, занимается защитой правительственной и военной связи и компьютерных систем, а также электронным наблюдением.

7

Что и требовалось доказать *(лат.)*.

8

Непереводимая игра слов: английское слово «bodywork» – «кузовные работы» дословно можно перевести как «работы над человеческим телом».

9

Город в штате Техас, крупный промышленный и транспортный центр.

10

GPS – Global Positioning System, глобальная система позиционирования, позволяющая с помощью спутников точно определить местонахождение объекта на земле, на море, в воздухе и даже в космосе.

11

Дерьмо! *(фр.)*

12

Герой многочисленных комиксов и мультфильмов профессор Брюс Бэннер, подвергшись воздействию гамма-излучения при взрыве бомбы собственного производства, превращается в великана Халка, который затем сражается с самыми разными врагами на просторах Вселенной.

13

Додж-Сити – город в юго-западной части штата Канзас. В XIX веке город стал символом необузданных нравов времен освоения Дикого Запада. Он подвергался многочисленным налетам бандитов. Для защиты граждане города наняли вольных стрелков – их реальные и вымышленные похождения стали основой многих вестернов.